

D I A R Y

Memo No. _____
Date / /

Mo	Tu	We	Th	Fr	Sa	Su

Записки
мертвеца

повесть

Георгий Апальков

Георгий Апальков

Записки мертвеца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70570909

SelfPub; 2024

Аннотация

На двадцать четвёртый день после того, как люди перестали умирать, подросток, запертый в своей квартире, находит пустой дневник, в котором решает рассказать свою историю выживания. Он умрёт – это теперь неизбежно. Через день, через неделю или через месяц – это обязательно случится, потому что таким, как он, в новом мире не уцелеть. Всё, что ему осталось – это вести свои записи, которые потом, быть может, расскажут миру о том, как именно он нашёл свою смерть.

Георгий Апальков

Записки мертвеца

ЧАСТЬ I

Запись 1

Сегодня двадцать четвёртое августа. Двадцать седьмой день с начала вымирания.

Телевидение исчезло почти сразу. Интернета нет уже неделю, электричество и сотовая связь пропали вчера. Сегодня я нашёл этот старый ежедневник и решил, что неплохо было бы что-нибудь в нём написать. Уже очень долго я нахожусь в своей квартире один – совсем один. Заняться мне нечем, кроме как сидеть и ждать, пока закончится вода и пища. Когда это произойдёт, придётся что-то делать, но думать об этом мне совершенно не хочется. Чтобы отвлечься от мыслей о неизбежной голодной смерти в этих стенах или о выходе наружу, а уже после – неизбежной смерти, я буду вести этот дневник. Как минимум, это поможет мне не сойти с ума, а как максимум – тетрадь эта станет своего рода личной хроникой пережитого, которую потом, возможно, кто-нибудь найдёт и прочитает. Быть может, кто-то даже перепишет мои записи: поправит ошибки и сделает их более читабельными, чем они выглядят сейчас, потому что пишу я из рук вон плохо. При-

знать, на первых двух абзацах меня это смущало. Потом я опомнился, поняв простую вещь: со дня на день я сдохну здесь, на этом самом месте, где я сейчас сижу и думаю о том, в какой позе найдут мой труп, и о том, понравятся ли мои предсмертные записки тому, кто их отыщет. И смущение как-то само собой отступило.

Начну, пожалуй, с рассказа о первых днях, как того требуют законы жанра.

День 1

Я всегда любил фильмы про зомби. Фильмы, комиксы, игры – всё, что человечество могло на эту тему нафантазировать, я пожирал как не в себя, упиваясь всё новыми и новыми взглядами на тему. Мне нравились классические ромеровские зомби: медленные, неповоротливые и бестолковые. Мычашие что-то и еле-еле передвигающие ногами, они были бы идеальными всадниками апокалипсиса в том его виде, в котором я любил себе его представлять. Ну серьёзно, какой подросток не мечтает об апокалипсисе? О сокрушении мира взрослых, который только-только начинает всерьёз брать тебя за горло, приближается своим лицом к твоему и дышит прямо тебе в нос гнилостными миазмами новых проблем. Куда я буду поступать после школы? Какой я вижу свою жизнь после университета? Кем я хочу стать и какой профессией хочу заниматься? Едва тебе исполняется восемнадцать, мир тут же настойчиво требует от тебя дать отве-

ты на эти и многие другие вопросы. Чем дальше – тем настойчивее, с каждым новым днём. И чем сильнее мир давит на тебя, тем пуще прежнего ты нервничаешь и не находишь себе места, грешным делом мечтая о том, чтобы весь этот мир с его проблемами вдруг... ну, куда-нибудь исчез. Канул в пучину войн, засух, голода или смертоносной эпидемии, например. А в фильмах про зомби апокалипсис – как раз такая картинка, в которую, воспользовавшись воображением, можно вписать и себя и упиваться грёзами о зазеркалье, в котором не нужно будет думать ни о чём, кроме того, что действительно важно. За это я их и любил.

В моей комнате было много постеров, посвящённых моим любимым фильмам. И хотя эпоха журналов, плакатов и всего такого прочего давно ушла, мне нравилось заказывать в интернете эти бесполезные куски глянца, которыми я позже увешивал стену. Отец смотрел на всё это с непониманием. Мать – тоже. Им хотелось, чтобы я тратил свои карманные деньги на что-то понятное им: на комп, например, на велосипед какой-нибудь, или копил бы деньги на переезд от них. Да хоть бы и спускал всё на пьянки с корешами и на капризы вздорных девчонок – пусть так. Но не плакаты же покупать, ё-моё!

На девчонок, правда, я иногда тратился. На девчонку – в единственном числе. Я встречался с Иррой, и она была для меня всем. Хорошо, что я не смогу увидеть, как вы посмеётесь над этой фразой. Звучит ванильно и сладко, знаю, но она

действительно много для меня значила. Мы были близки, и когда я говорю «близки», я имею в виду всё, что вы можете подумать, услышав это слово. Ну, или почти всё: родственные узы нас, конечно же, не связывали. Друзей у меня было мало, и Ира была единственным человеком, с кем я чувствовал себя... не знаю. Открытым, что ли?

Мы гуляли нечасто. И хотя на дворе стояли тёплые летние деньки, мы всё равно предпочитали оставаться дома. Когда у неё надолго уходили родители, мы проводили время у неё. Когда не было моих родителей – у меня. Когда ни то ни то не получалось – или у нас просто не было желания выходить на улицу – мы оба оставались у себя и держали связь по переписке. Тот первый день был как раз одним из таких дней.

Был понедельник. Наверное, даже закоренелые начинатели «новой жизни с понедельника» удивились тому, какую свинью им подкинула судьба в очередной такой понедельник, двадцать девятого июля. Для меня он начался обычно: мать с отцом ушли на работу, пока я ещё спал. Потом я проснулся, полежал немного в кровати и позалипал в телефоне. Потом позавтракал. Потом – сел играть во что-то – уже и забыл, во что. В теории, мы могли увидаться с Ирой в тот день. Встретились бы где-нибудь на остановке, неподалёку от моего дома. Поболтали бы о чём-нибудь, пока идём, а потом поднялись бы ко мне и пробыли бы в моей комнате до вечера. За час до того, как отец с матерью вернутся, мы бы ушли гулять, и я проводил бы Иру: может быть, до всё той

же ближайшей остановки, а может быть – и до самой двери её квартиры. Такое можно было устроить. Но тот день был одним из тех дней, когда нам обоим было до крайности лень куда-то там идти, чтобы просто увидеться друг с другом. И, наверное, хорошо, что так оно получилось.

Я сидел за компом, играл и наслаждался жизнью. Вечером вернулись родители, и тогда я впервые вышел из комнаты, чтобы поздороваться и показать им, что я ещё жив и не сгнил где-нибудь там, в недрах кровати или компьютерного кресла. Мы вместе поужинали. Я был не голоден и ел мало. Друг с другом за ужином мы не говорили. Говорил только наш четвёртый член семьи – телевизор. Рассказывал он про что попало, как и обычно, но мать с отцом его внимательно слушали. Помню, сказал он что-то такое про приготовления к празднованию Дня Воздушно-десантных войск в пятницу. А отец на это пошутил, что будто бы в скором времени это будет и мой праздник тоже. Я натянуто улыбнулся, подумав о том, что было бы клёво выйти из-за стола пять минут назад и не услышать этой шутки. То, что я этим летом не поступил туда, куда хотел, и осенью по всем законам взрослой реальности должен был идти служить в армию, веселило только отца. Мать, хоть и тоже подсмеивалась, но, тем не менее, переживала за моё скорое будущее, которое, как тогда казалось, уже было предрешено. Меня же всё это вгоняло в глубочайшее уныние – настолько глубокое, что, находясь на его глубине, мне не хотелось планировать ничего дальше ны-

нешнего дня. Полное отрицание реальности и того, чем она грозит обернуться уже вот-вот, через пару-тройку месяцев.

Потом, как будто бы между делом, как будто бы это была далеко не самая важная новость дня, телевизор сказал следующее:

– В больницах и других медицинских организациях области сегодня прошли плановые проверки пожарной безопасности. Сотрудниками ведомств были отработаны действия при поступлении сигнала тревоги, а также при обнаружении открытого возгорания. На время проведения плановых проверок перемещение по территории медицинских организаций было ограничено, а в графики посещений стационаров внесены изменения.

Впоследствии, несколькими днями позже, я имел возможность пересмотреть этот сюжет местных новостей – снова и снова, и снова. Потому-то я и запомнил слова диктора почти дословно. Пока интернет был доступен, я много рыскал по нему в поисках информации о случившемся, и после долгих поисков и изучения версий я пришёл к выводу, что именно с этого сюжета, именно с тех слов того диктора для нашего города всё и началось. В других городах, на других местных телеканалах, были свои дикторы и свои новостные сюжеты, но в общих чертах все они как один были похожи на то, что мы с родителями видели тем вечером по телевизору. Хотя нет, даже не видели – просто пропустили мимо ушей, сосредоточив свои взгляды и помыслы на тарелках с едой. Сюжет

про празднование Дня Воздушно-десантных войск нашёл за нашим столом большой отклик в умах и сердцах.

После ужина я ещё долго сидел за компом и играл, изредка прерываясь на то, чтобы ответить Ире.

«Твои завтра дома?» – спросила она.

«Не, работают. А у тебя?» – ответил и одновременно спросил я.

«Мои ещё в отпуске, дома сидят»

«Ясно»

«Встретимся завтра у тебя?»

«Не знаю. Давай завтра и посмотрим»

Говорю же, не нравилось мне планировать что-то заранее, пусть даже «заранее» означало меньше, чем за десять-двенадцать часов до события. Кто его знает, что будет завтра? Вдруг вселенский потоп или ещё что.

День 2

Когда мертвецы перебили всех в больницах и моргах и умножили свои ряды, начав выходить за пределы полицейских заграждений; когда, вопреки воле представителей спецслужб, находившихся в эпицентрах и препятствовавших проникновению информации о происходящем во внешний мир, мертвецы стали пробиваться наружу и попадать в объективы камер простых прохожих; когда интернет наводнили видео с мертвецами, бегущими к обычным людям на улицах, точно газели на водопой, и бросающимися на них,

словно львы на тех же газелей – тогда-то телевизор и замолчал. Все эти выпускники журфаков, непогрешимые борцы за правду, беспристрастность и свободу информации, стоявшие во главе местных и федеральных телеканалов, вдруг застыли в ступоре. Они не знали, что делать: что им можно говорить, а что нельзя; что показать, а о чём лучше умолчать; в каких красках осветить происходящее, чтобы не посеять панику и не схлопотать потом от властей? Ни на один из этих вопросов у них не было ответа, потому что не было инструкций и предписаний на подобный случай, а случай был чрезвычайный. Один из таких случаев, когда государство должно было взять на себя чрезвычайные полномочия, прежде этого взяв само себя в руки, и выполнить свою одну-единственную основополагающую функцию: защиту своих граждан. Но государство со всем своим аппаратом раскормленных администраторов, кажется, и само не поняло толком, что происходит. Впервые в истории элиты цивилизованного мира почувствовали себя индейцами Майя, к землям которых приближается большое парусное нечто, названия чему они не знают, а потому предпочитают и не видеть это вовсе. Защитный механизм психики сработал тогда в масштабах целых наций, до того дня гордо называвших себя цивилизационными центрами человечества. Не только наша страна, нет – все государства в тот день вели себя схожим образом. Они словно бы просто остановились и стали наблюдать за тем, что происходит, пытаясь таким образом уловить ту точку времени, в

которую они смогут эффективно вклиниться в происходящее и быстро разрешить все проблемы разом. Но точка всё никак не находилась, поскольку события развивались с нечеловеческой стремительностью.

Я проснулся как обычно: тем летним днём – где-то в районе двенадцати. Обстановка вокруг была обыкновенная: всё те же стены, те же постеры на них, тот же компьютер в дальнем конце комнаты, ждущий, пока я сяду за него и проведу несколько славных часов перед его экраном. Внешне всё было как всегда. Но всё же и сейчас, фактически на смертном одре, я готов поклясться, что почувствовал тогда что-то, в тот самый момент, как проснулся. Словно бы я был каким-то неведомым образом ментально связан со всеми людьми на планете, и этот коллективный разум кричал: «Помогите!» Выразалось это в чувстве, которое можно описать как лёгкую и безотчётную тревогу. Я сел за компьютер и первым делом написал Ире:

«Как дела?»

Ответа не последовало: Иры не было в сети. Я почистил зубы, съел что-то на завтрак, вернулся за комп и стал заниматься тем, чем тут же стремится заняться любой человек, на секунду испытавший что-то похожее на смятение – своими привычными делами. Я играл в игру и горя не знал, пока не настало время обеда. Проголодавшись, я направился на кухню, чтобы приготовить пару бутербродов и взять их с собой в комнату. Там я бы их свинским образом сожрал, си-

дя за компом, а после того, как сожрал бы, сальными пальцами продолжил бы кликать мышкой и нажимать клавиши на клавиатуре. Всё прошло бы гладко, и до самого вечера я продолжил бы находиться во временном пузыре, в котором всё по-прежнему, и планета вертится в правильном направлении.

Если бы только я не включил телевизор.

Зачем я это сделал? Я ведь никогда его сам не смотрел, если родители рядом не включали его! Видимо, то самое чувство безотчётной тревоги, то самое «Помогите!» где-то внутри заставило меня найти пульт и нажать на красную кнопку.

Включился местный канал. Перед камерой сидел диктор с чуть вспотевшим лицом и сосредоточенно смотрел на бумагу на своём столе, словно бы пытаюсь разглядеть в них ответ на главный вопрос Вселенной и всего такого. Не найдя ответа в бумагах, он переключился на суфлёра и стал сверлить его взглядом. От того, что суфлёр находился возле камеры, казалось, будто бы диктор смотрит прямо на меня и ждёт, что я дам ему какую-то подсказку. Всё это время он молчал и не говорил ни слова. Одновременно с телевизором я включил микроволновку, в которую положил два кусочка хлеба с сыром. Сыр уже расплавился, и микроволновка сказала своё «бип-бип-бип», а диктор так и не вымолвил ничего. Было похоже, будто он получает разнородные инструкции из нескольких источников: в один наушник ему говорят одно, в другой – другое, а из космоса прямо в мозг ему поступают

волны с какими-то третьими предписаниями.

– Прошу прощения, у нас технические неполадки, мы... э-э-э... следим за лентами информагентств и за сообщениями наших... э-э-э... корреспондентов, находящихся в самом... кх-хм... в самых центрах событий. Эм-м-м... Оставайтесь с нами, мы... будем держать вас в курсе развития событий, – сказал, наконец, человек в телевизоре. Потом он кивком головы подал что-то вроде условного сигнала кому-то за кадром, и изображение пропало, а вместо него появились цветные полосы.

Наверное, если бы диктор тогда громко и чётко сказал о том, что всё, конец, бегите, глупцы, спасайся кто может! – наверное тогда я бы почувствовал себя лучше, чем после того, что произошло на самом деле. Заверещав и подняв панику, он во всяком случае внёс бы элемент ясности в происходящее. А так... Так зрители после его включения и скоропостижного выхода из эфира остались наедине с самым ужасным: с чувством полнейшей неопределённости и растерянности.

Я вернулся за комп и вбил в поиске: «Лента новостей». Открыв первый попавшийся новостной сайт, я прочитал заголовки, отражавшие картину происходящего в той же степени, в какой её отражало вспотевшее лицо ведущего в телике пять минут назад: то есть – никак. «Нападения на сотрудников полиции», «Столкновения с органами правопорядка», «Атака агрессоров на здание казначейства была пре-

сечена» – максимально пространные, сглаженные и общие формулировки. Какие нападения? Кто и зачем их совершает? Что ещё за агрессоры? Ответы на эти и другие конкретные вопросы скрывались под толщей эвфемизмов, обтекаемости и нежелания сказать что-то, за что потом можно лишиться карьеры.

Не найдя ответов на официальных новостных каналах, доселе топавших ножками и требовавших считать их и только их самыми достоверными и проверенными источниками информации, я обратился к так называемым «новым медиа». Проще говоря – к голосу обычных людей, объективы телефонов которых запечатлевали всё, что видели, без купюр и ширмы ложных наименований. Видеохостинги показали мне, что именно происходило на улицах: на улицах крупнейших городов мира, на улицах городов нашей страны и, в конце концов, на областной площадке я нашёл картинку того, что происходит у нас в городе. Выглядело это так, будто старина Джордж Ромеро решил напомнить о своей персоне и заказал себе масштабнейшую пиар-кампанию со вбросом терабайтов видео с разъярёнными зомби, жрущими всё, что дышит. Наверное, смеяться над этим настолько же тупо, насколько туп весь этот мой пассаж про Ромеро. Ну, а что ещё делать? Тем более, что в моменте – тогда, на второй день – я поначалу и впрямь не мог воспринять происходящее всерьёз. Стадия отрицания у всех протекает по-разному: у кого-то она выливается в деланное безразличие, у кого-то в

иронию, а у кого-то – в попытки найти что-то смешное в глубине и неотвратимости беды. Я вот смеялся. Смеялся тогда и продолжаю делать это сейчас, пока у меня ещё есть пища, вода, и физически я ещё не ощущаю всю плачевность своего положения. Но то ли ещё будет.

В какой-то момент мой просмотр видео и комментариев к ним прервал звонок матери. Она сказала, что сегодня не вернётся с работы. Она была завучем в школе – в моей школе, которую я совсем недавно закончил, и здание которой было в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Я спросил, почему она не вернётся. Она ответила, что из школы никто сегодня не вернётся домой. Что все, кому не посчастливилось сегодня выйти на работу, сидят на втором этаже и не могут спуститься на первый, потому что там бродят те, кого мать назвала матерным словом, хотя раньше при нас с отцом никогда не ругалась так крепко. Я пытался выведать у неё, как ведут себя эти бродяги на первом этаже. Спрашивал, кто это, почему они пришли, откуда, как они выглядят. На всё это мать отвечала одним и тем же: «Не знаю, не знаю, не знаю». Ещё она не могла дозвониться отцу и попросила меня это сделать. Закончив говорить с ней, я стал набирать ему, но и мне он не отвечал: длинные гудки, и ничего больше.

Ира ответила на моё сообщение после того, как мне в двадцатый раз не удалось дозвониться до отца. Она сказала, что у неё всё нормально, и что они с её родителями сидят дома. Потом она спросила, знаю ли я про то, что происходит

за окном. Я хотел ответить какой-нибудь шуткой или как-то сыронизировать над происходящим. Но я замер и не мог ответить ей вообще ничего, потому что только тогда, в тот момент я впервые подумал обо всём со всей серьёзностью и на время потерял способность не только писать, но и шевелиться, и смотреть куда-то кроме одной точки прямо перед собой. Мыслей тоже никаких не было. Полная, космическая, чёрная тишина.

День 3

Я уснул только под утро, а проснулся уже после полудня. За вчерашнюю ночь я вместил в свой мозг столько информации, что теперь даже таблетки от головной боли не помогали: башка раскалывалась, в висках стучала кровь, и было трудно думать даже о чём-то простом. Я снял с кухонной стены телевизор и перенёс его к себе в комнату. Потом я включил местный телеканал и оставил его идти фоном. Долгое время там были одни помехи. Позже там включили трансляции с уличных камер из центра города. Хитро: вроде бы и ничего лишнего не сказали, и людей проинформировали о происходящем без прикрас.

За компом я посидел какое-то время, потом выключил его к чёртовой матери и лёг в кровать. От экрана меня уже тошнило, как тошнило и от путешествий по интернету в поисках новой информации. Голова никак не проходила. Во рту стоял неприятный привкус растворившихся в желудочном соке

таблеток. Я лёг на кровать, закрыл глаза и попытался отрешиться от всего: хотя бы минуту просто ни о чём не думать. Но это было трудно – практически невозможно.

Раз в час я брал в руки телефон и звонил отцу. Раз в час я слушал серию длинных гудков, а потом вызов прекращался. Тогда я набирал матери, но и она теперь мне не отвечала. Так я потерял связь с обоими родителями. Я был уверен, что у матери всё в порядке, а вот за отца переживал: последний раз мы виделись с ним ещё в том, старом мире, без оживших мертвецов на улицах и полного, всепожирающего хаоса кругом. Он не вернулся домой вчера и ночь провёл бог знает где. Подумав об этом, я хихикнул, решив, что мир воистину перевернулся, раз я переживаю за своего родителя как за какого-то подростка.

За окном то и дело сновали машины. Наверняка большинство из них двигалось в сторону выезда из города. Очень многие люди в интернете приходили к выводу, что сейчас это самое надёжное – выехать из города. А там как карта ляжет. Их план был не лишён смысла: подальше от города – значит подальше от больших скоплений людей и риска угодить в какую-нибудь случайную переделку. Как обстояла ситуация на больших дорогах – неизвестно.

В центре разворачивалась настоящая битва: полицейские против заражённых. Изначально первые были в большинстве, но даже при такой расстановке сил задержание мертвецов стоило им огромных усилий. Да, когда найдут эти за-

писи, многие, наверное, уже и забудут, что на третий день полиция ещё не отстреливала зомби, расхаживавших по городу. Они производили задержания по той же схеме, которую обычно применяли к перебравшим лихим рыцарям пятничного вечера, решившим погеройствовать. Вдвоём, втроём или даже вчетвером, но они укладывали мертвеца на асфальт, заламывали ему всё, что можно было заломить, и надевали на него наручники. Потом – волокли в машину. Видимо, такая у них была инструкция. Конечно, случалось так, что им приходилось применять оружие, но делалось это только для спасения кого-нибудь от непосредственной опасности: скажем, если заражённый положил кого-то на лопатки и принялся жрать кожу с лица своей жертвы. Всё это попадало в объектив камеры на центральной площади, картинка с которой была на экране моего телевизора. Я наблюдал за этим и недоумевал, почему всё происходит совершенно не так, как было в фильмах? Там копы будто бы сразу понимали, что надо всех отстреливать, расчехляли беретты и шли в бой. Почему наши-то менты делают... то, что делают?

Голова не проходила. Спать не получалось. Весь день я провёл, мыкаясь из угла в угол комнаты и не находя себе места. Я смотрел то в телевизор, то в окно; то в окно, то в телевизор. По телику был отлов зомбаков в знаковых точках города, а в окне была почти привычная жизнь, за исключением разъезжавших на больших скоростях машин и людей, передвигавшихся по улицам перебежками. Люди ходили ту-

да-сюда с пакетами, сумками и рюкзаками. Наверняка те, кто не плюнул на всё и не решил прыгнуть в тачку и свалить, в этот день взялись основательно запастись провиантом. Выход наружу уже тогда сопровождался риском, но в полной мере его ещё никто не осознавал. Никто толком не знал, что это за бешеные люди, как они такими стали, и чем грозит здоровым прямой физический контакт с заражёнными. Поэтому, презрев опасность, люди шли в супермаркеты и затаривались как в последний раз. Если верить хронологии событий из интернета, тогда, на третий день, народ в массе своей ещё оплачивал покупки, а торговые сети, хоть и работали в поте лица, но отпускали товар без значительных ограничений. А чуть позже всё вышло как по лекалам стандартных и заурядных массовых буйств и бесчинств: дефицит запасов на складах, ограничение на отпуск товара в одни руки, поднятие цен, очереди, конфликты в очередях, драки, и-и-и пошло-поехало. «Да вы совсем обалдели такие наценки делать! Я за это платить не буду! И что значит по килограмму в руки? Мне семью кормить!» – и человек с чувством полной собственной правоты уходил из магазина не заплатив, уличив момент, когда все вокруг заняты друг другом: посетители бьют друг другу морды, а работники супермаркета пытаются их разнять. Так начнётся мародёрство, но чуть позже: буквально через несколько дней. Пока же люди ещё возвращались домой с фирменными пакетами-майками и с длинными чеками внутри них.

Уже ближе к ночи голова моя успокоилась, и боль чуть отлегла. Тогда я сел за комп и связался с Ирой. Она рассказала, как у них в подъезде кто-то весь день орал, словно его резали. Выйти и посмотреть они не решились, да и никто из соседей не решился. Все заперлись в своих норах и тихо слушали, как кого-то убивают на лестничной клетке. Я бы, конечно, тоже сидел и слушал, и даже не подумал бы носа показать наружу. Но всё-таки обидно, что среди всех них не нашёлся хотя бы один герой, который вышел бы и спас того, кто и так, скорее всего, был обречён умереть. В фильмах про зомби положительные персонажи так и делали. Выходит, ни про Иру с её родителями, ни про их соседей фильма бы никогда не сняли. И про меня – тоже. Оно, может, и хорошо.

День 4

Тогда водопадом полились обращения президентов, глав государств, правительств и прочих больших шишек. Их обращения имели бы исторический эффект, их пересматривали бы, сохраняли и передавали бы из рук в руки как важную часть истории общей катастрофы, если бы сделаны эти обращения были дня на два или на три раньше. На четвёртый же день все эти седые старики в костюмах, с серьёзным и сосредоточенным видом вещавшие из своих подземных укрытий о том, как всем нам надо мужаться, сплотиться и молиться, уже были попросту неактуальны. Когда политик удаляется в свой бункер, прячась от общей беды, для простых людей он

одновременно удаляется от поверхности общего контекста и становится легитимным, полномочным и законно избранным лидером, который, в общем-то, нафиг никому не нужен со всей полнотой своей власти, своим важным видом и отутюженным костюмом.

Важным во всём этом было лишь то, что с экрана телевизора впервые прозвучала информация о реальном положении вещей, без сглаживаний острых углов и формулировок. И хотя все давно всё видели и сами всё понимали, было нелишним это проговорить через голову, образ которой ассоциировался у людей с властью: с чем-то высшим; чем-то, что, по их же разумению и по их внутреннему согласию с самими собой, стоит над ними. Голова назначила своих доверенных лиц на поверхности. Ими ожидаемо стали органы правопорядка и вооружённые силы. Президент дал понять, что где они – там спасение и безопасность, и что на местах нужно слушать их и выполнять то, что они требуют. Они, в свою очередь, были подчинены напрямую администраторам из числа региональных властей, а в случае их неспособности принимать решения – муниципальным властям. Так оно всё было декларировано с экрана телевизора. Наряду со всем этим, глава государства анонсировал ещё и «применение самых непростых и жёстких мер для стабилизации обстановки». В переводе на прямой и простой язык это означало директиву об отстреле заражённых и абсурдный комендантский час длиною в круглые сутки. Теперь нахождение

на улице было запрещено. Наказание за нарушение этого запрета не было прямо озвучено, но президент выразился примерно так:

– Лица, которые нарушат запрет, должны понимать и принимать для себя все возможные последствия их решения, с учётом тех суровых мер для стабилизации обстановки, которые будут предприняты органами правопорядка, и о которых было сказано ранее.

В переводе с бункерного языка спичрайтеров это означало: «Выйдете на улицу – вас и пристрелить могут, и, если так случится – не обессудьте, времена сейчас такие».

Выступление президента я не пересматривал, хотя его и крутили каждый час по федеральным каналам. Причины, по которым оно мне было неинтересно, я описал выше. Потому-то и запомнить его содержание вдоль и поперёк у меня не получилось, и я не могу теперь изложить его здесь. Оно и не нужно, пожалуй. Лучше расскажу о том, что делал я сам.

В тот день я привык к длинным гудкам и слушал их музыку каждые полчаса, пытаясь дозвониться до отца и матери. Я больше не впадал в отчаяние, не истерил и не психовал, как это было раньше – просто рутинно звонил им, лелея надежду на то, что уж в этот-то раз мне кто-нибудь ответит. Когда этого не случалось, я клал телефон и продолжал заниматься своими делами.

Дело, которое я себе придумал тогда, заключалось в ревизии холодильника и кухонных шкафов. Я провёл полный

учёт оставшейся в квартире еды и рассчитал, на сколько дней безвылазного сидения дома её должно хватить. По итогу, вышел примерно месяц при условии максимальной экономии и затягивания поясов. Это если день ото дня жить впроголодь и не позволять себе лишнего. Тогда это выглядело обнадеживающе, поскольку я надеялся, что уж за месяц-то всё худо-бедно рассосётся.

Своим выживанием и тем, что я дотянул до того самого дня, когда взялся за эти записи, я обязан родителям и их запасливости, над которой я раньше смеялся. Каждую неделю они ездили в торговый центр и покупали кучу всякой всячины, на которую я привык смотреть с лёгким презрением. «Зачем нам столько макарон, круп и картошки?» – думал я. Но родители покупали всё это, причём покупали гигантскими мешками и упаковками. Туалетная бумага? О, да, возьмём столько, что под неё впору будет освободить отдельный шкаф! Пельмени? Почему нет, купим их, а заодно и новую морозильную камеру, чтобы все они туда влезли! Чай? В принципе, у нас ещё есть, но мы ведь его каждый день пьём, поэтому давай-ка сразу купим все чайные плантации Китая, чтобы про запас. Родители родились в другое время и жили в другое время. О том, что это было за время, я знал только из учебников истории, но внутренне я всегда ненавидел эту загадочную пору, которая сделала моих и многих других родителей такими старьёвщиками и накопителями. В некотором роде, мои родители всю жизнь жили ожиданиями если и не

конца света, то глубокого кризиса, и весь свой быт выстраивали вокруг его неотвратимости. Конечно, им было далеко до фанатиков-выживальщиков, из года в год сидевших на тревожных чемоданчиках и уставлявших все ёмкости в доме тушёнкой и прочими консервами. Однако что-то их, всё же, роднило. Такой подход ко всему в нормальном мире тяготил людей до конца жизни, делая невыносимой мысль о переезде, о перестановке или о ремонте в доме. А в мире апокалипсиса и судного дня, которого они так ждали, он окупался всего-то возможностью прожить на пару-тройку месяцев дольше прочих. Не подумайте, пожалуйста: я не ворчу, не насмехаюсь и не пытаюсь быть неблагодарным. Наоборот, я счастлив каждому прожитому благодаря отцовской и материнской запасливости дню. Просто, когда дни эти подходят к концу, неминуемо становишься жадным и хочешь, чтобы спичка горела чуть дольше, а всё, что уже сгорело, видится ничего не значащим угольком, который будто бы и не был никогда целой спичкой и не доставлял тебе радость, пока горел.

Под вечер улица опустела. Машины иногда проносились по дороге, но людей уже не было. Я смотрел в сторону школы, крыша которой была видна вдалеке и блестела в лучах заходящего солнца. Смотрел и думал, как там мать? И где сейчас отец? Я пересчитал все продукты в доме и не знал, что мне делать дальше. И мне казалось, что они-то уж точно знают. И мне хотелось, чтобы они хоть на минуту оказались

рядом.

День 5

Я проснулся утром от стука в дверь. Человек, находившийся снаружи, стучал во все двери подряд, бегая от одной к другой, от другой – к третьей квартире на этаже. Я посмотрел в глазок и увидел мужской силуэт.

– Кто там? – спросил я.

И зачем я только это спросил? Наверное, тогда я ещё был недостаточно напуган и чересчур доверчив.

– Открывай! – ответил силуэт голосом, не предполагавшим возражений.

– Кто там? – повторил я.

– Открывай говорю! Быстро!

Человек снаружи постучал в дверь настойчивее. На другие квартиры он теперь не обращал внимания. Я не знал, что ответить ему. Можно, наверное, было просто не открывать.

Но я открыл.

Лысый мужчина в кожаной куртке и запачканных кровью джинсах ворвался внутрь. Не обращая внимания на меня, он прошёл в центр прихожей и стал озираться по сторонам, словно оценивая квартиру и составляя в голове её план: мол, здесь у нас гостиная, здесь – спальня, а там – кухня.

– Что вам?.. – не своим и внезапно ставшим высоким голосом спросил я.

– Лекарства где у тебя?

– А... м... какие?..

– Лекарства где?!!

– Аптечка. В аптечке. В спальне.

– Показывай!

Я указал рукой на дверь в спальню родителей.

– Там... В комод, верхний ящик. Маленький.

Лысый мужчина бесцеремонно вошёл в спальню, отыскал взглядом комод напротив кровати и стал открывать все верхние ящики. Делал он это так резко, что часть вещей из них вывалилась и оказалась на полу. Наконец, он нашёл нужный ящик и стал рыться в нём. Он сразу вытащил оттуда бинты и несколько упаковок медицинской ваты и бросил всё это на кровать позади себя. Потом он стал копать дальше и искать что-то ещё, что никак не мог найти. Затем он выругался, пнул ногой комод, а потом выдернул ящик с медикаментами целиком и бросил его на пол.

Сначала голова моя была пуста. Я был настолько напуган и ошарашен, что чувствовал себя животным, живущим действиями, а не размышлениями. Действия же мои в тот момент блокировали инстинкт – должно быть, инстинкт самосохранения, – подсказывавший мне, что лучше всего сейчас не зарываться и не делать резких движений. Первая мысль же, которая пришла ко мне в голову, была гениальна до невозможности.

«Надо вызвать полицию!» – подумал я, когда лысый мужчина сложил в вырванный ящик бинты и вату, взял его в ру-

ки и пошёл к выходу. Он будто бы прошёл сквозь меня, и со мной как с хозяином квартиры совсем не считался. Ещё бы: какой уж я был тогда хозяин?

– А... К-к... Куда? – только и мог выдавить из себя я, на что лысый мужчина ничего не ответил и молча вышел за дверь.

Наверное, моим ногам вдруг стало стыдно быть частью моего тела, потому что шли они еле-еле, дрожа в коленях и бёдрах. Тем не менее, я добрался до входной двери и запер её. Потом вернулся в свою комнату, лёг на кровать, подогнув колени, и укрылся одеялом с головой. Мне не хотелось думать ни о чём, и я не думал. Через какое-то время мне удалось уснуть.

Пока снаружи мёртвые оттесняли полицейские заслоны, вынуждая их отступать и оставлять кордон за кордоном; пока городской центр и другие густонаселённые районы всё больше и больше погружались в пучину хаоса, а окраина тем временем оставалась пустынной и вымершей; пока отчаянные люди обчищали всё, от супермаркетов до маленьких магазинчиков, от ларьков с сигаретами до магазинов электроники; пока весь мир летел к чертям, я спал. Я спал, изредка просыпаясь, чтобы сходить в туалет или попить, а потом – снова засыпал. Если не удавалось уснуть, я просто лежал и не двигался. Телевизор был выключен. Компьютер – тоже. Даже матери с отцом я в тот день не пытался звонить. Мне хотелось исчезнуть – не умереть, а именно исчезнуть. Затаиться

где-нибудь здесь, под одеялом, спрятавшись от всего плохого, что было, и что ещё будет. Пока мир суетился и двигался, я замер и в этом нашёл своё счастье. Не двигаться было хорошо. Не думать – ещё лучше. Слово «ничто» для меня больше не несло негативных смыслов, но становилось желанной целью: тем, чем мне хотелось стать. Все мысли, которые то и дело пытались прокрасться в сознание, я гнал прочь, оставляя в нём только односложные размышления об объектах, которые я видел, когда открывал глаза, и о темноте, которую я видел, смыкая веки.

Я лежал так, пока на улице не стемнело. Сожаление о том, что я утром открыл дверь тому лысому мужчине, с новой силой заклокотало в сердце. Я не знал, что с этим делать. Я ненавидел себя за то, что позволил ему расхаживать по родительской спальне и чинить там беспорядок. В их комод не было теперь одного верхнего ящика, а их бельё было разбросано на полу, и я был в этом виноват. Я не знал, как избавиться от этого неприятного чувства. Потом я решил, что, если этот мужчина придёт ещё раз, я как следует пошлю его к чёрту из-за закрытой двери. А если он вдруг выломает дверь и ворвётся внутрь, то я воткну кухонный нож ему в горло. Когда я подумал об этом, мне стало легче.

День 6

Ира позвонила утром, чтобы узнать, всё ли со мной в порядке. На её сообщения я вчера не отвечал, и когда непро-

читанных исходящих у неё накопилось изрядно, она, видимо, заволновалась и решила набрать мне по старому-доброму телефону. Я сказал ей, что у меня не было настроения, и что весь вчерашний день я провёл так, как мне того захотелось: отрезав себя от всех источников информации. Про инцидент с тем лысым мужчиной рассказывать не стал: тогда я думал, что никому и никогда не расскажу об этом. Я и сейчас ей об этом, пожалуй, не рассказал бы, чтобы... Не знаю. Наверное, чтобы она не подумала обо мне плохо: что я – лох, который не смог выставить из своего дома постороннего. От Иры я предпочёл бы скрыть эту бесславную подробность своей биографии. От моего дневника же и от его гипотетического читателя у меня секретов нет, потому что – простите мне мою прямолинейность – я совсем не забочусь о том, что вы обо мне подумаете.

Я зашёл в интернет, включил телевизор и стал входить в курс всего того, что я пропустил за день. По телику по-прежнему крутили президента, призывавшего всех оставаться дома, не вступать в контакты с заражёнными и, несмотря на всю сложность сложившейся обстановки, оставаться цивилизованными. Под последним он, видимо, имел в виду «не грабить и не убивать, пользуясь ситуацией». Стало быть, прецедентов было настолько много, что умолчать об этом оказалось сложно. В интернете и в самом деле часто писали о подобном. У меня под окнами же пока было спокойно.

Камеры с центральной площади и с железнодорожного

вокзала вместо полицейских машин и заслонов показывали теперь военную технику. Расквартированная в соседнем городке часть зашла сюда, чтобы помочь полиции навести порядок, и мертвецов теперь отстреливали не только из пистолетов и автоматов, но и из пушек на бронемашинах. Я не видел, как это происходило в прямом эфире – только на кадрах из интернета и преимущественно из других городов, где порядок наводили аналогичным образом. Зрелище чудовищное: во многом потому, что реальное. Люди – живые люди, с которыми было что-то не так – лежали оторванными кусками в разных концах улиц, а то, что ранее составляло их человеческую сущность, теперь было разбрызгано по асфальту. В фильмах про зомби я никогда не сопереживал ожившим мертвецам: они, вроде как, пришельцы какие-то – не люди вовсе и даже не животные, а опасность, которую надо устранить. В своём воображении я мог легко представить себя на месте героя, крошащего черепа заражённых без всяких мук и терзаний. Теперь же я видел этих заражённых, разобраных по частям, прострелянных десятками пуль, и не мог отделаться от мысли о том, что они – люди, и они – мёртвые, и смерть их была ужасна.

Мать не звонила и не отвечала на звонки. Отец – тоже. Я начал терять всякую надежду когда-нибудь вскоре снова увидеть их. Но в то же время, капельку надежды мне вселяло то, что я доподлинно не знаю об их участи: я не знаю, живы ли они, но вместе с тем я не могу знать наверняка, мерт-

вы ли они. Мне нравилось думать, что они где-то там, на каком-нибудь островке безопасности, сидят и ждут, пока всё закончится. Так же, как и я. Они не звонят, потому что потеряли телефоны и... и все, кто сейчас рядом с ними, тоже как будто потеряли телефоны. Ни компьютеров, ни каких-либо других средств связи у них нет, как нет и возможности вернуться домой. И мы обязательно встретимся с ними тогда, когда всё закончится. Когда заражённые излечатся, военные и полицейские вернутся в пункты постоянной дислокации, и всё творящееся на улицах безумие завершится. Моя задача сейчас – дожить до этого момента, не выходя из дома и никак не взаимодействуя с беснующимся внешним миром. Даже с соседями лучше не контактировать, как показала практика. Сидеть и не дёргаться – вот ключ ко всему. Тогда, рано или поздно, я и родителей увижу живыми, и с Ирой смогу когда-нибудь погулять по старой-доброй городской набережной, и всё-таки отмечу ещё один свой День рождения. И все, кто мне дорог, будут там.

То было третье августа. За день до этого был День воздушно-десантных войск, про который совсем недавно шутил отец. Ещё в начале той первой недели мы все вместе сидели за столом на кухне и смотрели тот репортаж о подготовке к праздникам и торжественным программам на центральной площади. А теперь, на исходе недели, по телевизору показывали эту же центральную площадь с трупами на пешеходных дорожках и покорёженной машиной, врезавшейся в фонтан.

Я вспомнил, как тогда, вечером понедельника, мне хотелось выйти из-за стола до того, как прозвучала отцовская шутка на тему моего будущего. И я захотел вдруг услышать эту шутку ещё раз, а потом ещё раз, а потом – ещё тысячу раз, лишь бы время в тот понедельник замерло, и вторник не наступил бы никогда.

День 7

Мать позвонила рано утром с неизвестного номера. Я ответил, сначала возмущившись и разозлившись на того, кто звонит в такую рань. Я не сразу понял, с кем говорю.

– Кто это? – спросил я.

– Это мама, – ответила мать.

Я вскочил с кровати и принялся ходить по комнате, прижимая трубку к уху так, словно от силы нажатия зависело качество связи и то, сколько продлится этот разговор. Я спросил у неё всё: где она, что с ней, почему она так долго не отвечала, и всё ли у неё сейчас в порядке. Она какое-то время не говорила ничего, и я слышал только её дыхание вперемишку с приглушёнными всхлипами. Потом, понизив голос до едва уловимого шёпота, она сказала:

– Сынок, я тебя очень люблю. Будь дома, никуда не ходи. Главное – никуда не ходи.

Стало ясно, что с матерью происходит что-то нехорошее. Или вот-вот должно произойти, и она это чувствует. Я занервничал настолько, что не мог больше держать себя в ру-

ках. Во весь голос, злясь на происходящее и на ощущение собственной беспомощности всей душой, я прокричал все те вопросы, которые задавал до этого:

– ДА БЛИН, СКАЖИ: ТЫ ГДЕ?!! ЧТО С ТОБОЙ?!! ТЫ МОЖЕШЬ НОРМАЛЬНО СКАЗАТЬ ИЛИ НЕТ?!!

Мать резко вздохнула, будто бы испугавшись, а потом её телефон ударился о пол с внезапным резким звуком, и я отнял динамик от уха. Потом послышалась какая-то возня: шуршание, будто телефон водили по одежде, туда-сюда. А потом я услышал крик:

– А-а-а-х-х-ах-а-а!!! Не-е-ет, не надо!!! Уйди!!! А-а-а-а!!!

Я орал в трубку и звал мать, но слышал только вопли и звуки борьбы. Ужас от осознания происходящего лишил меня всех прочих чувств. Я перестал дышать. Парадокс этого ужаса был в том, что он напрочь лишил меня страха. Страх перед выходом из квартиры, страха за своё будущее, страха за свою жизнь. Я зашёл на кухню, взял здоровенный нож для мяса, который ещё давно облюбовал и которым намеревался резать лысого мужчину в кожаной куртке, если тот снова явится на порог. С ножом в руках, одетый в домашнюю одежду, я вышел на лестничную клетку, спустился вниз и, покинув подъезд, оказался на улице. Я побежал в сторону школы, совершенно не глядя по сторонам и не заботясь о том, что кто-то из заражённых, бродивших по округе, мог увидеть меня и погнаться по пятам. Они были быстры и сильны, и если бы кто-то и впрямь увязался за мной, у меня с моим хрони-

ческим освобождением от физкультуры не было бы шансов.

Возле школы я оказался будто бы по волшебству, в мгновение ока. Я вошёл во внутренний двор, нашёл небольшую кирпичную пристройку, в которой испокон веков хранился хлам целых поколений и династий школьных трудовиков, и взобрался на неё. С её крыши можно было попасть на второй этаж – нужно было только открыть окно. Снаружи открыть его можно было только разбив, поэтому я взял кирпич с края крыши и бросил его в стекло. Кирпич отскочил, и я бросил его ещё раз, и со второй попытки стекло разлетелось вдребезги. Я залез внутрь, наплевав на осторожность и чудом не поранившись, и оказался в пустом коридоре. О том, что здесь когда-то были люди, напоминали только сдвинутые диваны, по всей видимости служившие спальными местами, и разбросанный кругом хлам, при помощи которого когда-то были забаррикадированы двери на лестничную клетку. Теперь же одна дверь еле-еле висела на петлях, а другая валялась рядом на полу. Здесь же, на полу, были пятна застывшей крови, а дальше – бордовые следы чьих-то ботинок. Я позвал мать.

– Мам!

Ответа не последовало. Вместо него я услышал быстрые шаги из дальнего конца коридора. Шагал явно не один человек: их было несколько, и скоро я должен был их увидеть.

– Мам!!! – повторил я.

Никто не ответил.

Часть дверей в классы была открыта, часть – заперта на замок. Если в кабинетах кто-то и был, они наверняка меня слышали.

Из-за угла в дальнем конце коридора вышел один, следом – второй, третий, четвёртый грязный человек в порванной одежде. В следующее мгновение их стало столько, что считать их больше не было никакого смысла. Увидев меня, они оживились. Наверное, слово «оживились» применительно к мертвецам звучит как убогий оксюморон, но да и чёрт с ним. Первый из них рванул в мою сторону, раскрыв рот и глаза так широко, что мне показалось, будто бы он уже начал жрать мою душу или разум, или что там составляет самую человеческую суть, покуда он жив. Я бросил нож и побежал обратно к окну, выпрыгнул на крышу кирпичной пристройки, а после – сиганул с неё вниз, прямо на асфальт. Я упал и разодрал себе колени и локти, и плевать я хотел на это. Надо было бежать; я – к счастью – всё ещё мог бежать, и я бежал, пока не оказался у своего подъезда, не взлетел по лестнице на свой этаж и не ворвался в свою квартиру, дверь которой я забыл запереть на ключ. Потом, трясущимися руками, я закрылся изнутри, встал посреди прихожей и долго смотрел в пол. Когда дыхание восстановилось, я лёг и стал смеяться, и смеялся, смеялся, пока вдруг не заплакал, а потом – не зарыдал, после чего – вновь залился хохотом. Так я провёл какое-то время, а после – перестал вообще что-либо чувствовать и будто бы выпал из реальности.

Прежде чем уснуть, я всё-таки каким-то образом переместился на кровать. На кровати я себя и нашёл, пробудившись около двух часов дня. Я взял телефон и позвонил на тот номер, с которого последний раз звонила мать. Ответа не было. Набрал отцу – тишина. Потом я связался с Ирой и сбивчиво, не сразу находя нужные слова, рассказал ей обо всём. Она выслушала и сказала, что ей очень жаль, и я знал, что ей действительно жаль. Конечно, помимо заурядного сочувствия она ощущала и кое-что другое, о чём никогда и никому бы не сказала. Подспудно, бессознательно, она была рада, слушая мой рассказ. Но радовалась она не моему горю, а тому, что это горе случилось не с ней, и что она может, прожив это несчастье вместе со мной, ещё раз убедиться в том, что у неё всё в порядке. Когда я ей выговорился, мне тоже стало легче: отчасти оттого, что я всё проговорил, а отчасти потому, что я рад был за Иру и её родителей, которые были вместе. Мы говорили с ней очень долго, и я не помню, что я делал после, и чем именно закончился тот день.

День 8

Понадобились многие часы, чтобы получить трансляцию с камер в школьных коридорах. Сначала надо было найти ссылку на сайте школы, по которой открывалось окно входа в личный кабинет сотрудника. Потом необходимо было отыскать логин и пароль в одной из записных книжек матери, а прежде этого – найти ту самую единственную книжку,

в которой всё это дело было записано. Я перерыл все полки и тумбы и в конце концов, нашёл то, что искал. Я зашёл в личный кабинет и теперь, помимо всего прочего, мог увидеть в прямом эфире, что происходит в школе, на всех её этажах.

На первом этаже был полный разгром, и кое-где – в основном, в районе столовой – слонялись одинокие зомби, медленной поступью передвигаясь по прямой, без какой-либо цели, и отсутствующим взглядом глядя в потолок. На втором – то, что я видел вчера: толпа оборванцев с запачканными засохшей кровью лицами и хлам, оставленный, видимо, после того, как эта толпа прорвалась сюда через баррикады на лестницах. На третьем – ничего. Тёмные коридоры здесь были пусты, двери в классы закрыты, мебель и комнатные растения находились на своих местах – всё выглядело так, будто завтра тут должен был начаться ещё один заурядный учебный день. В мыслях блеснула надежда на то, что все, кто укрывался на втором этаже, перешли сюда – на третий – когда заражённые прорвали баррикады. Возможно, и мать тоже успела убежать, и теперь она где-то здесь! Но все иллюзии исчезли, когда и тут я увидел мертвеца. Одинокого, по всей видимости – женщину. Виден был только её силуэт, и разглядеть ни её лица, ни во что она была одета было нельзя. Она стояла где-то там, в середине залитого мраком коридора и будто бы переминалась с ноги на ногу, не в силах решить, куда ей дальше идти. Оно, в общем-то, было без разницы. С обеих сторон коридора её ждала темнота.

Помимо прямой трансляции, в личном кабинете можно было посмотреть записи с камер за весь последний месяц. Я не стал их смотреть: не смог. Решил, что если доподлинно увижу, что там с ними со всеми произошло, то потеряю последнюю бестолковую, наивную и дурацкую надежду на то, что с матерью всё-таки всё хорошо. И с отцом, где-то там, далеко – тоже. Пока я не знаю, что с ними, я не знаю наверняка, мертвы ли они. А значит, они живут, пусть и всего-то где-то в моей голове.

Ужасно проголодался и устал. Написал немного, но и на это ушёл весь вечер. Попробую теперь развести костерок на полу в гостиной, под окнами, и приготовить что-нибудь. Надеюсь, не задохнусь и не сплыву тут всё. Не получится – затухну, и картофель придётся есть сырым. Как-то так я себе и представлял жизнь без электричества. Хорошо хоть воды успел запасти: сейчас напор уже никакой, а что завтра будет – чёрт его знает. Когда поем, лягу спать. Завтра продолжу писать, а как только расскажу про все двадцать семь предыдущих дней... Не знаю, что буду делать. Одно знаю наверняка: тут становится невыносимо.

Запись 2

Двадцать пятое августа. Двадцать восьмой день с начала вымирания.

Исписал столько страниц и даже не представился. Ме-

ня зовут Константин. Ну, или звали. Я жил с родителями, недавно закончил школу, хотел поступить на графического дизайнера в местный универ, но не получилось. Осенью я должен был пойти в армию, а после неё планировал попробовать поступить ещё раз. Думал, что, как вернусь, сниму свою квартирку поближе к центру, буду работать где-нибудь, чтобы можно было эту работу совмещать с учёбой. Возможно, Ира перебралась бы ко мне, и мы зажили бы как настоящая семья. Может, вскоре и стали бы настоящей семьёй – кто знает. Эх... люблю я это дело: витать в облаках и предаваться воспоминаниям о том, какой должна была стать жизнь, если бы не всё это. Наверное, не стоит нырять с головой в такие вещи. А впрочем, это мой дневник – буду делать, что хочу. Сейчас вот хочу подкрепить-ся немного, а потом, так и быть, продолжу свой рассказ. Остановился я, кажется, на девятом дне.

День 9

Смирившись с новой реальностью, я стал учиться существовать в ней. В интернете появилось много материалов о том, как вести себя при встрече с заражёнными. Если их много, и они тебя заметили – бежать что есть силы, а потом укрыться где-нибудь, где они тебя не достанут. Если их много, но они тебя ещё не видят – пусть всё так и остаётся: не высывайся, затаись и не делай резких движений. Мертвецы идут на звук и на резкий запах: например, запах пота.

Так что мойся и не шуми. Ну и глазами они, само собой, тоже всё видят. Если заражённый один, и он тебя заметил, то можно бежать, а можно принять бой. Да, это жестоко, но либо ты, либо он. Уничтожить зомби можно только отделив голову от тела или уничтожив мозг – классика! Все удары, порезы или выстрелы по туловищу значительного урона им не наносят: вернее, наносят, но не обезвреживают их, а наоборот – делают ещё более агрессивными. Только если это не выстрел из пушки, после которого тело мертвеца разорвёт на куски. Но даже в таком случае тот кусок, что с головой, может представлять опасность. Наконец, есть ещё вариант отвлечь большую толпу, если она, скажем, заграждает проход или вроде того. Словом, поскольку заражённые не очень умны, их можно контролировать: например, управляемыми взрывами, вроде петард или чего-то подобного. В конце концов, можно бросить впереди себя какую-нибудь кастрюлю с парой металлических чайных ложек внутри, и шум отвлечёт мертвецов на какое-то время. Это время можно использовать, чтобы прошмыгнуть мимо них, если это необходимо. И, конечно, самое важное правило контакта – избегать укусов и попадания крови или слюны заражённого в раны или порезы. О какой глубине порезов идёт речь – неизвестно по объективным причинам: никто пока таких экспериментов не проводил. Но факт есть факт: раны, если они есть, лучше обрабатывать и перевязывать, а укус в принципе равен смерти, просто чуть отсроченной. А уж смерть – это теперь не путёв-

ка на тот свет, а своего рода билет во второй раунд на свете этом, только уже в ином облиции. Проще говоря, умерев, ты становишься одним из них.

Я пишу это и понимаю, что занят дурацким делом. Любуй, кто прочитает мои записи после того, как меня не станет, будет знать обо всём, что я только что перечислил. Ну ничего: повторение – мать учения. Да и потом, я в первую очередь рассказывал о том, как прошёл мой день, а прошёл он в поиске и анализе всего, что я изложил выше. Помимо прочего, я нашёл ещё и инструкции по изготовлению всякого рода «погремушек» для отвлечения внимания зомби. Можно было использовать металлическую посуду, как в том примере с кастрюлей, и это был самый незамысловатый и понятный вариант. Но были и интересные вариации: например, кто-то предлагал кинуть упаковку Ментос в полторашку Колы, быстро закрыть бутылку крышкой, а затем – сбросить её с большой высоты так, чтобы она хорошенько ударилась об асфальт. Бабах, заверял автор, будет знатный, и мертвецы со всей округи сбегутся на звук.

Я протестировал тему с посудой: нашёл старую, никому сто лет не нужную кастрюлю, положил внутрь пару вилок и накрыл всё это дело крышкой, но только наполовину, чтобы осталась щель для выхода звука. Крышку в таком половинчатом положении я приклеил скотчем: на одну обмотку, без фанатизма. Потом всё это дело я со всего маху кинул в открытое окно балкона, так, чтобы кастрюля долетела до

проезжей части и ударилась об асфальт. Когда она стукнулась, по тихой улице раскатился звон вилок и дребезг треснувшей кастрюли. Я стал ждать. Вскоре, к моему удивлению, из двора соседнего дома действительно вышел человек. Своим внешним видом он представлял собой собирательный образ забулдыги с городских окраин: растянутые на коленях треники, тёмная вытянутая майка не по размеру, татуировки на руках и чуть желтоватая кожа – то ли от частого курения, то ли из-за проблем с печенью. Он, слегка покачиваясь, быстро зашагал в сторону источника звука, размахивая руками так, словно намеревался этому источнику как следует навалить. Оказавшись на середине дороги, он вдруг понял, что не знает, куда идёт и кого преследует, и начал озираться вокруг в поисках новых ориентиров. Затем он издал что-то, похожее то ли на стон, то ли на недовольное урчание и побрёл куда-то в сторону ближайшего перекрёстка. Я так доподлинно и не понял тогда, кто это был: то ли заражённый, на которого сработала моя приманка, то ли перебравший пьянчуга, на которого, по стечению обстоятельств, тоже сработала моя приманка. Дойдя до светофора, он завернул за угол, и больше я его не видел.

Немногим позже я описал свой опыт Ире. Она не поняла воодушевления, с которым я всё это пересказывал, но, кажется, мне удалось немного поднять ей настроение. Да и себе – тоже. Решив, что хорошее настроение нынче никому не повредит, я запостил эту байку на своей стене и приложил

фото разбитой кастрюли на асфальте: издалека и в приближении. В друзьях у меня было двузначное количество людей: в основном одноклассники. Я подумал, пусть те из них, с кем сейчас всё хорошо, прочитают это и узнают, что со мной тоже всё в порядке.

День 10

На следующий день мне написал один из бывших одноклассников. Мы не то что бы были с ним очень дружны – так, здоровались в коридорах, но не более того. Он увидел мой пост, фотографии в нём и спросил, на какой улице я живу. Я сказал, на какой.

«Это где Радуга?» – спросил он.

«Ага», – ответил я.

Радугой назывался большой торговый центр неподалёку от моего дома. Он, пожалуй, был единственным местом в нашем районе, где можно было хорошо провести время: сходить в кино, поесть чего-нибудь, посмотреть одежду. Отдельные ребята из школы любили тусоваться на тамошнем фуд-корте и... не знаю, что они ещё там делали: просто как будто бы сидели, болтали и ели, и больше ничего. Аркадий был как раз из таких ребят: празднично шатающихся своей компанией там-сям после школы до самого вечера. Лично мне такой досуг всегда казался довольно странным и одиозным занятием. Но, каждому своё, наверное.

Спросил он у меня про Радугу неспроста. Как оказалось,

там работала мать его девчонки – Ангелины. Ангелина была с Аркадием в его квартире, где они вместе встретили конец света, и после того, как всё началось, они больше никуда не выходили. В каком-то смысле ребятам повезло: по крайней мере, они были вдвоём – так всё немного полегче. Аркадий потерял связь со своими родителями, а вот Ангелина с матерью созванивалась регулярно. Та сначала наказывала дочери оставаться на месте и ни в коем случае никуда не выходить. Но совсем недавно она выказала желание прийти за ней и отвести её в Радугу, где, по её словам, было куда как безопаснее. Уж не знаю, в чём тут было дело: в том, что Радуга действительно была славным местом для пересиживания апокалипсиса или в том, что Ангелинина мать считала квартиру парня дочери не самым лучшим для неё пристанищем – уж тем более на период долговременной изоляции. Так или иначе, матери очень хотелось иметь дочь под своим родительским крылом в столь сложный час, а Ангелина, в общем-то, была не против. Аркадий, в свою очередь, желая заслужить расположение матери девушки, вызвался сам отвести Ангелину в Радугу. Мол, незачем вам ходить по улицам, там опасно, я сам приведу её к вам! Настоящий рыцарь в сияющих кудряшках. Такую картину их ситуации и предыстории я сложил в своей голове из рассказа самого Аркадия: рассказа достаточно сбивчивого, несвязного и отрывочного, в котором текст перемежался с голосовыми сообщениями, знаки препинания отсутствовали как класс, а сло-

во «короче», повторенное сотню раз, парадоксальным образом делало историю на несколько порядков длиннее, раздувая её до размеров античных эпосов. Картину-то я сложил, но моё место в ней мне до последнего было непонятно.

Позже, разумеется, Аркадий пояснил, зачем обратился ко мне и выложил на меня всю эту информацию. Он и впрямь собирался вместе с Ангелиной дерзнуть и рвануть в сторону Радуги: без оглядки и без остановки. Однако, если остановку им, всё же, придётся сделать или путь к Радуге по их изначальному маршруту вдруг окажется отрезан, они хотели бы знать, где находится ближайшее безопасное место. Проще говоря, им хотелось использовать мою квартиру как перевалочный пункт, если возникнет такая необходимость.

Сперва я начал думать, как ему отказать. Возможно многие меня здесь не поймут и скажут, мол: «Не, ну я бы так делать не стал, я бы сказал: конечно, брат, заходи, чувствуй себя как дома, раз надо – значит надо, какой разговор!» Но однажды я уже открыл дверь незнакомцу и так и не успел сказать ему «заходи, брат» до того, как он разнёс комод в родительской спальне и своровал их аптечку. Конечно, Аркадий и Ангелина не были совсем уж незнакомцами, но они определённо были посторонними, а к посторонним в квартире я теперь относился крайне предосудительно.

В итоге, однако, я решил: чёрт с ним. В конце концов, компания мне не помешает, пусть и ненадолго. К тому же, сделаю доброе дело, и, кто знает, может мне это когда-нибудь

отзовётся. А может, я ещё раз пожалею о своём решении и буду считать сам себя необучаемым идиотом – кто знает? Так или иначе, мне показалось правильным согласиться впустить их в случае чего. Может, никакого случая и не представится вовсе. Возможно также, что я сделал это под давлением: под гнётом нежелания показаться гадом и потерять лицо перед Аркадием, который в школе в своё время считался крутым и авторитетным парнем. Тут всё возможно, и каждое объяснение будет по-своему верным, однако, с вашего позволения, я, всё-таки, оставляю эту тему и перейду к тому, что случилось после.

Когда я ответил Аркадию и Ангелине, сказав «окей» на их просьбу, они спросили у меня номер квартиры, подъезд и номер дома. Я написал им свой полный адрес, и после этого переписка на время прервалась. Немногим позже меня добавили в чат, где вместе со мной было пять человек. Помимо Аркадия и Ангелины, там были ещё Юра и Паша. Юра, вроде как, учился в параллельном классе, и я часто видел его в школе, хоть и никогда не общался с ним. А вот про некоего Пашу я вообще ничего не знал. Кто он такой? Откуда взялся? Фотография профиля мне ни о чём не говорила. Я тут же написал Аркадию в личные сообщения, мол, кто все эти люди, и что я вообще делаю в этой группе? Прежде чем ответить мне, он написал в общий чат свой большой анонс:

«Так, короче, пацаны, это Костя. Юрец, ты его стопудов знаешь, со мной в классе учился, норм тип. Короче, его хата

находится рядом с Радугой, и, если двигаться туда, то можно это сделать с остановкой у него. Так, может, безопаснее будет – хз, посмотрим, как пойдёт. В общем, Костян, если чё вдруг, согласился нас приютить перекантоваться, поэтому он теперь в нашей банде короче, хаха, знакомьтесь. Костян, Юрца ты помнишь, наверное, а Паха – мы с ним на футбол вместе ходили, кореш мой хороший. Такие дела, чуваки. Теперь надо решить, когда выдвигаемся».

Текст сообщения я восстановил из головы. Возможно, Аркадий местами использовал какие-то другие слова и формулировки – и уж точно не использовал запятые в таком количестве, – но суть приблизительно была такова. Я был до крайности возмущён. Пока в общем чате с характерным щелчком приходили новые и новые сообщения, я думал, как дать Аркадию понять, что он неправ и выразить ему своё недовольство. С другой стороны, подумал я, а в чём он неправ-то? Ему надо было напроситься в гости – он и напросился, сделал всё как ему «по кайфу». Это я всё сглотнул, согласился и, не найдя смелости отказать, сам устроил из своей квартиры проходной двор. Теперь уже либо обламывать всех моих новых знакомых на полпути, либо будь что будет. Я воспринял это как вызов: смогу ли я чётко и прозрачно выразить своё неудовольствие или молча смирюсь с тем, что Аркадий пригласил в мой дом гостей, о которых мы с ним не договаривались? И я решил, что смогу или по крайней мере должен заставить себя смочь, иначе... Не знаю, что иначе.

Чувство просто было какое-то паршивое, и я не хотел, чтобы оно со мною оставалось. Особенно сейчас, когда и жить-то, возможно, осталось недолго.

Некоторое время я сидел и размышлял над текстом сообщения, которое напишу Аркадию и которым упрекну его в том, что он многовато на себя взял, решив притащить всех, кого ему самому захочется, в мой дом без приглашения. Выписывал, зачёркивал и снова писал уничтожающие и устыжающие формулировки, которыми я размазал бы его нахальство по его наглomu лицу, камня на камне не оставив от его заносчивости. Но пока я писал, Аркадий – тоже писал. Все они переписывались в общем чате, а я не обращал на всё это никакого внимания, заиклившись на том, как бы пожестче ответить им всем. В конце концов, когда я дописал свой сокрушительный пассаж, я развернул окно с перепиской и, прежде чем открывать диалог с Аркадием, мельком глянул в общий чат. И понял, что всё, что я делал до этого, не имело больше никакого смысла.

«Костян, ну всё, мы выдвигаемся, у тебя домофон стоит? Если чё – будь готов по-быстрому открыть. Мы с Ангелиной чуть пораньше придём, парни малёх задержатся».

«Костян, ау, ты тут?»

«Костян, мы выходим щас, чё, всё в силе?»

«Ладно короче, напиши, как сможешь. Как напишешь – мы стартуем».

Ну и что? Что я мог на это ответить? Да всё что угодно,

наверное: никто не заставлял меня писать что-то определённое. Мы – это всегда мы, а не кто-то другой, кто заставляет нас что-то делать, и договариваемся мы в любом случае прежде всего с самими собой, потому что с собой договориться всегда проще. Если нам трудно выйти из какого-то положения или в принципе комфортно из него не выходить, мы соглашаемся сами с собой, что, мол, да, тут нас, конечно, оставили без вариантов, тут уж нас загнали в угол, ничего не поделаешь. И делаем то, что от нас хотят, потому что мы сами этого хотим, но в этом себе никогда не признаемся. Ведь гораздо проще сбросить ответственность за себя и за свои решения на кого-то другого: он меня заставил, он меня вынудил, он не оставил мне выбора. Так и живём.

«Да, давайте, я жду», – ответил я и оттолкнулся от компьютерного стола так сильно, что колёсики кресла отвезли меня на другой конец комнаты.

Прошло не больше получаса, как домофон зазвонил. Я не стал спрашивать, кто там – не стал вообще ничего говорить, – просто снял трубку и нажал на кнопку. Затем я прильнул к глазку на входной двери и стал ждать, пока на лестничной клетке покажутся мои первые гости. Первыми пришли Аркадий с Анжелиной. Мы обменялись приветствиями, рукопожатиями и всем таким прочим, а затем прошли на кухню, чтобы продолжить разговор там.

- Значит, напрямую в Радугу не получилось? – спросил я.
- Не, мы решили, что так оно вернее будет. С остановкой

в смысле, – ответил Аркадий.

– А что остальные?

– Щас будут скоро. Должны. Юрец-то вообще далеко живёт: в частном секторе, чуть ли не у леса у самого. А Паха – он там, как в школу идти и ещё чуть дальше по улице короче. Он पहले подтянется, я думаю.

Мы ещё долго сидели на кухне и говорили о всяком. В основном – о пережитом и о том, как сложилась судьба наших близких в это непростое время. Я рассказал свою историю, ребята – свою. Ничего хорошего. Отец Аркадия в позапрошлую среду уехал в командировку в столицу. Связь с ним он потерял тридцатого июля – на второй день. С матерью он потерял связь ещё лет пять назад, когда она ушла из семьи, и больше он её не видел. Ангелина же напротив – жила с матерью и хотела, чтобы это так и оставалось, поэтому-то и направлялась в Радугу в сопровождении Аркадия. Плюс, из её рассказов, которые, в свою очередь, представляли собой пересказ слов её родителя, Радуга и впрямь представлялась отличным местом для того, чтобы переждать конец света. Много пищи и питья, не так много людей вокруг, в шаговой доступности – все блага цивилизации. Даже на случай отключения электричества в Радуге были резервные генераторы, топливо для которых можно было бы сливать из оставленных на парковке автомобилей. Не бог весть что, но хватило бы на какое-то время для того, чтобы поддерживать привычный уровень жизни. Плюс, хозяйственный магазин, ап-

теки, отделы бытовой химии, электроники и всего, что только может пригодиться. Если бы наш район на отшибе был страной, Радуга была бы её столицей.

Ещё, если верить рассказам Ангелины, в Радуге был человек с оружием: полицейский, оказавшийся там в самый разгар всеобщей паники и хаоса. Поначалу он нёс службу в торговом центре вместе со своими коллегами. Но, когда всем окончательно стало ясно, что дела плохи, его коллеги решили, что лучше пойдут защищать свои семьи, а немногочисленные люди, застрявшие в супермаркете, уж как-нибудь обойдутся без них. Если верить тому, что писали в интернете, дезертирство, самовольное оставление позиций – или как там всё это дело называется на казённом языке силовых структур – было явлением довольно-таки распространённым, особенно на поздних этапах крушения привычного порядка вещей. Тут можно винить кого угодно, можно навешивать ярлыки и раздавать оценки таким поступкам, но... Но я не собираюсь выступать тут ничьим обвинителем и ничьим адвокатом – вот что. С одной стороны, люди долга – люди не железные, хоть и взяли на себя обязательство такими быть при поступлении на службу. С другой стороны, если уж взял обязательство – изволь соответствовать. Примеряя всё это на себя, могу сказать лишь, что я не смог бы вынести и малой толики того, с чем столкнулась полиция, армия, спасатели, врачи – все те, кто в первые дни оказался на передовой войны с ожившими мертвецами. Словом,

Радуга была местом изобильным и местом безопасным. Это мы поняли довольно быстро, но даже после этого Ангелина продолжала рекламировать нам это место так, словно была его личным пиар-агентом.

Её рассказы прервал звонок в домофон. Я быстро нажал на кнопку с изображением ключа и в трубке услышал, как кто-то открыл и закрыл за собой дверь подъезда. Дальше – быстрые шаги на лестнице, всё приближавшиеся и приближавшиеся, и приближавшиеся, а затем – стук в дверь. Я посмотрел в глазок.

– Да открывай давай! – поторопил Аркадий.

– Ясамоткрою! – огрызнулся я, комкая слова от волнения и спешки, и на самом деле желая сказать что-то вроде: «Я сам решу, как, когда и кому открывать дверь своей квартиры!»

На пороге стоял Юра. Рядом с ним – толстый лысеющий мужчина с блестящей плешью. Лет ему было на вид чуть больше сорока.

– Ну чё так долго-то, ё-моё! – вместо приветствия сказал плешивый и вошёл в прихожую.

Я вопросительно посмотрел на Юру. Тот, не глядя на меня и не здороваясь, тоже прошёл внутрь, и я тут же понял, что Юра – сын плешивого господина. Иначе просто быть не могло.

– Здоров, братух! – сказал Юра Аркадию и хлопнул его по руке.

– Здоров! – ответил тот одновременно на приветствие и

рукопожатие.

По всему выходило, что Аркадий пригласил всех в мой дом и в нём же теперь воплощал собой фигуру хозяина. Он свойским жестом позвал вновь прибывших на кухню, а они перед тем, как последовать за ним, остановились, чтобы разуться. Хоть что-то. Здесь же, в прихожей, они оставили своё снаряжение – другим словом это было не назвать. Юра и его отец были вооружены примитивными копьями, подобно пещерным людям. Копья были изготовлены из деревянных черенков швабр и длинных кухонных ножей, намертво примотанных скотчем к одному из концов. С собою у них было по рюкзаку, которые не выглядели тяжёлыми, но, тем не менее, были чем-то наполнены. За поясом у каждого было по отвёртке, а одеты они были отнюдь не по-летнему: в плотные штаны с начёсом и кожаные куртки, причём на Юре куртка была явно отцовская. Тут уж одно из двух: либо они собирались на Северный полюс, там хотели отыскать последнего выжившего мамонта и завалить его; либо оделись они так, чтобы их облачение в случае чего было трудно прокусить, а копьями вооружились для того, чтобы дать отпор мертвецам, если это будет необходимо.

Из рассказа Юры и его отца я понял, что путь их был неблизким и полным опасностей. Двигаясь из частного сектора сюда, они прошли несколько улиц от начала до конца, пересекли железнодорожный переезд и большой перекрёсток на пустыре, и дальше вынуждены были петлять по

близлежащим кварталам, потому что, во-первых, запутались в номерах домов и перестали понимать, где искать мой дом, а во-вторых, то и дело встречали во дворах одиноко бродивших заражённых, которых вынуждены были избегать и обходить – чем дальше, тем лучше. Но, что самое интересное, они шли в Радугу не затем, чтоб там остаться, а чтобы просто запастись продуктами и всем необходимым, а затем – уйти обратно.

– А в вашем районе что, магазинов нет? – спросил я. Не хотелось, чтобы это прозвучало как пассивная агрессия – мне правда было интересно.

Юрин отец усмехнулся.

– Есть, как же. Только ты туда сходи-ка теперь, попробуй. Знаешь, сколько ушлых пацанчиков разом образовалось, не только у нас на районе – по всему городу? Берут магазины в лапы свои и пускают только по пропускам, а пропуск – столько-то тысяч. И товар отпускают раз эдак в пятьдесят дороже, чем стоил он вон, в позапрошлый понедельник. Гадам таким и закон не указ – разве только закон с ружьём да автоматом. А в Радуге, вон, по рассказам, какой-то порядочный мент за всем смотрит. Ну, это по рассказам, – Юрин отец по очереди посмотрел на своего сына, Аркадия, Ангелину и затем почему-то на меня, а после продолжил, – По вашим же рассказам, молодёжь. Так что смотрите, если не так окажется, то получается, мы с Юркой зря вообще ввязались.

– Да всё там огонь, стопудово, – тут же заверил Аркадий.

– Ага, – подтвердила Ангелина и, казалось, готова была вновь завести старую-добрую пластинку о том, какое Радуга радужное местечко. Но не успела. Её опередил Юра, спросив про то, про что все, казалось, на момент позабыли:

– А где Паха-то?

– Блин, а реально... – задумчиво проговорил Аркадий, – Он, по сути, тут недалеко же живёт. Может, не вышел ещё?

– Так позвони ему – делов-то! – сказал Юрин отец так, словно без него никто и никогда до этого бы не додумался.

Аркадий вынул из кармана телефон и набрал Пашу.

– Не отвечает, – после непродолжительного молчания прокомментировал он.

– И чё делать? – спросил Юра.

– Не знаю. Подождём ещё немного по-любому.

– Ну, вы ждите, а мы пошли. Спасибо этому дому, как говорится, – сказал Юрин отец, одним махом осушив остатки своего гостевого чая.

– Ну пап, ну как?.. – попытался было возразить Юра.

– Иди давай, обувайся, – оборвал его на полуслове отец.

Они обулись, надели рюкзаки, взяли свои первобытные копыя и направились к двери. Я был рад, что половина гостей таки уходит восвояси, и дверь им открывал охотно и суетясь, будто бы подспудно опасаясь, что они вдруг передумают. Когда они уже вышли на лестничную клетку, Юрин отец обернулся, чтобы дать своё отеческое наставление уже нам:

– Вы это... Когда соберётесь, с собой тоже чё-нибудь возь-

мите, типа вон, вот такого, – Юрин отец поднял и показал своё копьё, – А то мало ли. Мы сюда уже на обратном пути заходить не будем: чё время тратить? Так что давайте, удачно добратся.

Желая нам «удачно добратся», Юрин отец почему-то посмотрел на меня, хотя я никуда добираться и не собирался. Но я всё равно ответил ему так, как того требовал старый-добрый этикет:

– Спасибо.

Я закрыл дверь, и мы с Аркадием и Ангелиной остались в квартире втроём. Мы расположились в гостиной и там же, со включенным телевизором на стене, залипали в телефоны, особенно друг с другом не контактируя. Я вспомнил, что сегодня ещё не общался с Иррой, и что она не знает, что тут у меня происходит, и что я не знаю, что происходит у неё. Решив, что рассказ мой выйдет слишком длинным, и что печатать его на клавиатуре будет сподручнее, я удалился в свою комнату.

Паша не появился даже к вечеру. На телефон он по-прежнему не отвечал, и мы начали предполагать самое худшее. Ребята сомневались, стоит ли им всё-таки идти в Радугу сегодня или нужно подождать до утра и, если этот самый Паша не придёт, то уже тогда продолжать путь. Ангелина склонялась к тому, чтобы никого не ждать: ей самой хотелось поскорее увидеться с матерью. Но Аркадий настоял на том, чтобы остаться у меня на ночь. А я... А что я? Как будто меня кто-

то всерьёз спрашивал. Да и какой уже был смысл выгонять их сейчас? В общем, настало время распределять спальные места для ночлега.

– О, а это родаков твоих комната? – спросил Аркадий, указывая на приоткрытую дверь в отцовскую и материнскую спальню.

– Ага.

– Ух, кайф!.. Слушай, а можно мы здесь упадём? Тут кровать такая кайфо...

– Нет.

– Да не ссы, мы ж бардак не оставим, ничё не...

– Нет! В гостиной диван раскладывается. Там и оставайтесь.

– Ну чё ты как этот? Я ж говорю, мы...

– А я говорю – нет, понял?

Меня трясло, сердце колотилось, а от всплеска адреналина хотелось не стоять на месте и пытаться грозно смотреть на Аркадия, а бежать, бежать и бежать, пока всё волнение само собой не схлынет. Чувство это я не любил, и, когда можно было, всеми силами избегал ситуаций, после которых оно возникало. Но вместе с тем, после всего этого я был горд собою похлеще, наверное, самого Армстронга в момент, когда его нога примяла собою лунный грунт. Ангелина с Аркадием расположились в гостиной. Я лёг в своей комнате и долго не мог уснуть. Потом – получилось.

День 11

Наутро Паша так и не добрался до моего дома. Всё было ясно без лишних слов, и мы это особо не обсуждали за утренним кофе. Но я всё-таки думал, где и как на своём маршруте этот самый Паша, с которым, как говорил Аркадий, они вместе ходили «на футбик», нашёл свой конец. Аркадий показал мне на карте, где находилась его квартира. Оттуда путь Паши к моему дому при любых раскладах лежал бы через школу – нашу школу, из которой мы ещё совсем недавно выпустились, и в которой ещё совсем недавно работала моя мать. В последний раз я был там, когда в паническом порыве бросился её искать, но нашёл только толпу разъярённых трупов, желавших сожрать мои кишки. И я плохо помнил, как улизнул от них, и как в итоге оказался дома: целый и почти невредимый, не считая ссадин на коленях и локтях. Помню только, как выпрыгнул из окна на крышу пристройки, а с неё – дальше вниз. Потом – провал. Я не помню, преследовал ли меня кто-то, и, если да, то как мне удалось от них оторваться. Возможно ли, что я выманил часть мертвецов со второго этажа школы как минимум в её внутренний двор, а как максимум – рассредоточил их по её предместьям? И может ли быть такое, что именно те зомби, от которых мне удалось спастись, настигли Пашу на его пути сюда? Если так, то значит ли это, что я каким-то образом причастен к его смерти – а он умер, это очевидно – и что если бы я не... Ладно, чёрт с ним, дурацкие мысли какие-то: «Если бы да кабы». Что слу-

чилось – то случилось.

Пока мы сидели на кухне, Аркадий вслух прочитал сообщение от Юры, которое получил вчера ночью. У них всё благополучно получилось: они добрались до Радуги, и их славно встретили на месте, предварительно осмотрев на предмет укусов или ранений. Юриному отцу настолько там пришлось по душе, что он не стал торопиться, и они решили остаться в Радуге до утра, а там – как пойдёт.

– Они ещё там сейчас, наверное, – предположила Ангелина.

– Да стопудово. Ну чё, пойдём?

– Ага. Только помнишь, Юрин папа говорил что-нибудь взять? Ну, типа, чтобы этих вон хреначить, если что.

– А-а-а... Точняк.

После этих слов Аркадий вопросительно посмотрел на меня, и не успел он вымолвить ничего больше, как я сказал:

– А я с вами пойду. Чем драться – сейчас поищем.

Оглядываясь на этот момент сейчас, я понимаю, что, оказавшись там ещё раз, я скорее всего поступил бы по-другому. За каким чёртом мне было куда-то идти? Тут же всё: и комп, чтоб со скуки не помереть, и еда, чтоб не сдохнуть с голоду – и вообще всё, кроме, пожалуй, аптечки, которую у меня наглым образом утащил лысый и беззастенчивый сосед. Что я забыл в этой Радуге? Сегодняшний я, встретившись с самим собой образца утра одиннадцатого дня, тряс бы самого себя за грудки, задавая эти и многие другие наводящие вопросы.

А потом ещё и оплеуху бы отвесил, сказав: «Ну ты, дурак, ё-моё, слушай, что тебе старшие говорят: не ходи туда, понял меня, слыш?» Но даже после этого тогдашний я сказал бы мне сегодняшнему, блаженно улыбаясь, что, мол: «Чувак, отстань, я в потоке, я кайфую! Хочу движухи какой-то, хочу узнать, что в мире делается без интернета, хочу, в конце концов, попробовать найти родителей: вдруг они засели где-то там, в этой самой Радуге, а не звонили до сих пор, потому что... потому что... Да фиг знает – почему-то не звонили, и всё тут!»

Возможно, на меня так подействовали рассказы Ангелины, в которых она расхваливала Радугу. Возможно, я полагал, что буду чувствовать себя более защищённым там, в компании по крайней мере одного человека с огнестрельным оружием и по совместительству – стража порядка. А может, я просто почувствовал в себе какую-то силу после того, как всего-то вчерашним вечером в кои-то веки сказал своё «нет» Аркадию – самому крутому челу в школе! – на его просьбу занять на ночь спальню моих родителей. И это чувство собственной... не знаю... полновесности, что ли?.. требовало подпитки: новой авантюры, в которую я ввяжусь и после – выйду победителем. Так рисковать из-за бестолкового куража и отправляться чёрт знает куда из родных и уютных стен на предпоследнем этаже... Не знаю, что тут ещё добавить: дурак – он и есть дурак. Но, как я уже говорил выше: что случилось – то случилось.

Я отыскал в кладовке ящик с инструментами отца. В нём я нашёл молоток, который оставил себе в качестве оружия, а в остальном предложил покопаться ребятам и отыскать что-нибудь для себя.

– А может, копья сделать такие же, как у Юры с его батей были? – предложил Аркадий.

– У нас дома швабр таких нет. У наших ручки металлические, причём гнутся они очень легко.

– Ну и чё?

– Прикинь, на тебя тело бежит стокилограммовое. Ты, во-первых, и деревянным-то копьём его фиг остановишь: тут я не знаю, какая сила нужна. А с таким алюминиевым или пластиковым древком твоё копьё пополам сложится, и всё тут.

– С чем-чем? Древком? Это чё такое?

Всё-таки иногда и компьютерный червь, помешанный на играх, может почувствовать себя круче самого королевского короля школы. Я рассказал Аркадию про древковое оружие, о котором впервые узнал ещё в начальной школе, благодаря старому-доброму Варкрафту. Задавил королевского короля своим лексическим минимумом, так сказать.

– А-а-а... – протянул Аркадий, переваривая информацию, которую, скорее всего, в скором времени постигнет участь переваренной пищи.

– Я, в общем, скалку себе возьму, – решила Ангелина.

– Баба со скалкой... – прокомментировал Аркадий со всё

тем же мечтательно-озадаченным выражением лица, наверное, представляя свою партнёршу в образе этакой воительницы сказочного Зомбиленда.

– Сам ты баба!

– Да толку-то от твоей скалки?

– А от чего толк-то вообще будет? Ну возьму я вон, нож, и чё? Всё это бестолку. Пойдём у же!

Слова её были не лишены смысла. Каким бы совершенным оружием мы не вооружились, показатель его крутизны делился бы на нашу криворукость в сумме с немощностью, отсутствием техники и фактором страха. И потому – действительно, к чему все эти муки выбора между молотком и отвёрткой?

Перед тем, как уходить, я прибрался в квартире как следует. Я решил, что, если в Радуге мне вдруг придётся не по вкусу, я всегда смогу вернуться сюда. Мысль о неизбежности моего положения при любых обстоятельствах придавала мне сил и пуще прежнего заставляла желать скорее отправиться в путь. На всякий случай я взял с собой пару смен нательного белья, средства личной гигиены по минимуму, наушники и зарядку для телефона. Всё это дело я упаковал в свой старый школьный рюкзак. Похожие рюкзаки были за плечами и у Аркадия с Ангелиной. Внутри у них было, должно быть, всё то же самое. В любом случае, советоваться с ними по поводу того, что мне брать, а что нет, я не стал. Не в лес же отправляемся, в самом деле.

Около двух часов дня мы, наконец, вышли из моей квартиры. Дорога до Радуги заняла у нас не больше пяти минут: мы просто бежали по проезжей части в сторону торгового центра и никуда не сворачивали. Когда мы только-только вышли на дорогу, я увидел разбитую кастрюлю, валявшуюся у обочины, и вспомнил, что ещё два дня назад её здесь не было. И что, если бы не она и не моё желание поставить эксперимент по приманке заражённых на шум, ничего из того, что произошло после, попросту не случилось бы. Всего-то кастрюля, всего-то валяется здесь, на обочине, как памятник всего того, что случилось со мной, начиная с девятого дня.

Центральные двери в торговый центр были заперты. Мы тихонько постучались, но в этом, в сущности, не было необходимости: с той стороны нас уже увидел серьёзного вида мужчина в тёмно-синей полицейской форме. Он открыл дверь, впустил нас внутрь и коротко, без лишних прелюдий, спросил:

– Кусали?

Любопытно было вспомнить наш первый день в Радуге. Особенно – фуд-корт со старыми-добрыми точками питания: жирного, холестеринового и безобразного фастфуда, который ныне кажется пищей богов в сравнении с недоваренным картофелем и водой из-под него, которую я теперь вынужден тоже употреблять в пищу, если хочу протянуть подольше. Кстати, об этом: пора бы подкрепиться. На ча-

сах 16:32, а это значит, что уже четвёртый час я сижу и старательно вывожу в дневнике все эти буквы, заботясь – представьте себе! – о том, чтобы вы смогли разобрать мой почерк, когда меня не станет. Хватит, пожалуй. Надо бы прерваться ненадолго и навернуть остатки солёных огурцов с размоченными в рассоле сухарями. О, да, кайф, упасть и не встать, держите звёзды Мишлен на небесах высокой кухни, а не то они вот-вот упадут на мой скромный трактир. Эх, оказаться бы сейчас там, на фуд-корте, и съесть какой-нибудь... так, нет, хорош. Даже на правах дурацкой шутки не стоит произносить вслух и уж тем более записывать желание вернуться туда. Никогда. Ни за что! Ни под страхом голодной смерти, ни даже под дулом пистолета – нет, нет и нет!

Запись 3

Двадцать шестое августа. Двадцать девятый день с начала вымирания.

Четвёртый понедельник в новом мире, если не считать тот самый понедельник, когда всё только-только началось. Забавное дело: прошло всего четыре недели, а кажется, будто минула целая вечность, и будто бы до этого я и не жил вовсе. Мир до конца света был прекрасен, и я люблю возвращаться в него в своих полуночных грёзах. Но чем дальше, тем больше я ощущаю его нереальность, оторванность от себя. Вслед за прошлой жизнью стираются из памяти и

воспоминания о первых днях. Точнее – исчезает чувство момента. Что я ощущал, находясь, например, возле школы на седьмой день? Или во время визита непрошенных гостей на день десятый? Вроде бы помню всё это, но кажется, будто тот я бесконечно далёк от меня нынешнего, и всё, что он чувствовал, мне теперь чуждо. Воспоминания о Радуге, ко всему прочему, ещё и нарочно вытесняются из памяти причудливыми защитными механизмами психики, ограждающими разум от травматического опыта и всего такого прочего. Я бы с удовольствием пропустил всё, что связано с моим пребыванием там и сразу бы перешёл ко дню сегодняшнему. Но, полагаю, так вы ощутите себя в некоторой степени обманутыми. На прошлых страницах я любил бахвалиться и говорить, как мне всё равно на то, что обо мне подумают читатели моих записок, которых и вовсе может никогда не быть. Но чем ближе и неотвратимее конец, тем яснее я понимаю, что вы – это самое важное, что у меня осталось, если не считать этого самого дневника, который нас с вами в конечном итоге и свяжет. И, если уж я вознамерился рассказать на этих страницах свою историю, то расскажу её сполна, ничего не опуская и не утаивая. Времени сейчас – 18:39. Напишу столько, сколько успею до наступления темноты.

День 12

Утро началось в кинозале, в котором вчера мы располо-

жились на ночлег, и который служил одной большой общей спальней для всех обитателей Радуги. Всего здесь было человек двадцать или тридцать – точно сосчитать мне не удалось, и прикидку по количеству людей я сделал «на глаз». Это если не считать нас: тех, кто пришёл вчера или ещё днём раньше. В основном, как рассказала нам Ангелинина мать, здесь остались те, кому было слишком далеко идти до дома после начала уличного безумия. Потом тут появились вооружённые полицейские, и место это стало выглядеть надёжно и безопасно – достаточно надёжно и безопасно, чтобы не хотеть отсюда уходить. Позже, правда, полицейский остался всего один, но даже в одиночку ему удалось устроить здесь всё так, что место это на фоне всего прочего выглядело как настоящий оазис безмятежности, защищённости и уверенности в завтрашнем дне.

Ещё вчерашним вечером, за ужином из сочного и калорийного фастфуда, которым мать Ангелины нас угостила, она поведала нам здешние правила. На каждого постояльца Радуги рассчитывалась норма дневного рациона питания. Эту норму человек мог получать бесплатно на завтрак, обед и ужин. Норма выдавалась централизованно, на фудкорте, где утром, днём и вечером происходил общий приём пищи. Приобрести что-то сверх нормы можно было за старые-добрые деньги в старом-добром супермаркете на нижнем этаже, предварительно согласовав его посещение с полицейским. Цены там были такими же, какими они были

ещё две недели назад, за несколько дней до начала конца. Что до остальных отделов торгового центра, начиная с бутиков одежды и заканчивая аптеками, то они тоже были закрыты: рольставни на входе в них были опущены и заперты на ключ, и открывались они только с разрешения полицейского. Необходимые лекарства или, например, пледы и прочие тёплые вещи постояльцам можно было получить бесплатно, при острой необходимости. Средства личной гигиены тоже не нужно было покупать, в разумных пределах, разумеется. За всё остальное нужно было платить, как раньше.

То были основные правила, касавшиеся недопущения бесконтрольного перемещения имущества торгового центра и нетривиального выноса из отделов всего, на что только может упасть алчный человеческий взгляд. За их неукоснительным соблюдением следил всего-то один человек – полицейский, который вчера впустил нас внутрь. Никто из обосновавшихся здесь не пытался оспорить его авторитет: всё-таки он был представителем власти, а людям на двенадцатый день конца света так хотелось верить в сохранность старых общественных институтов, что они безоговорочно подчинялись людям в форме, не задавая лишних вопросов. Словно бы этим подчинением и соблюдением старых правил они не давали прежнему миропорядку окончательно рассыпаться на куски: склеивали его, подбивали со всех сторон, где он расползлся, а расползлся он с каждым днём всё стремительнее. Таким образом люди и поддерживали в себе ил-

люзию о том, что не всё ещё потеряно.

Были в Радуге и другие нюансы устройства внутренней жизни, с которыми мне ещё только предстояло познакомиться, но основа основ, которую доводили до всех новоприбывших, состояла именно в этих простых и незатейливых правилах. Услышав их впервые, я подумал, что Радуга – это такой себе островок победившего коммунизма с поправкой на капиталистические реалии. Положение о норме дневного рациона в моём представлении очень походило на лозунг «Каждому по потребностям», и по общей логике ситуации в какой-то момент должна была всплыть и другая фраза: которая про «от каждого по способностям». Проще говоря, сразу после вводного слова, которое перед нами держала мать Ангелины, я понял, что, если я задержусь здесь, то вскоре меня заставят работать и делать что-то общественно полезное. Делать мне, конечно же, ничего не хотелось. Да и беспокойная, бессонная ночь, проведённая на креслах кинотеатра, заставила меня скучать по квартире и по возможности спать столько, сколько мне захочется, а не пока проснётся всё здешнее население. За завтраком, который состоял из солёной манной каши, хлеба и растворимого кофе, я утвердился в своём желании как можно скорее покинуть это место.

Мы с Аркадием, Ангелиной и Юрой сидели за одним столом. Для Юры это был уже третий день в Радуге. Я спросил у него, когда они с отцом всё-таки собираются отсюда уходить, ведь изначально их план состоял в том, чтобы по-быстрому

затариться продуктами и тут же вернуться домой. После моего вопроса Юра, казалось, слегка погрустнел.

– Не знаю, – ответил он, пожимая плечами, – Бате вроде тут нравится, чё-то он какой-то бодряк поймал прям: и с ментом этим законтачился, и ходит туда-сюда с ним, делает чё-то. И меня припрягает всякой фигнёй заниматься.

– Какой фигнёй?

– Да всяким, знаешь. Помочь чем-нибудь, оттащить какую-нибудь тяжёлую хрень куда-то. Задолбался я уже. Лучше б дома сидел.

Я надеялся, что Юра с его отцом составят мне компанию в путешествии обратно, домой. Но по всему выходило, что никакая компания мне не светит, и что если я пойду, то мне придётся идти одному. А одному, всё-таки, выходить на улицу было страшновато. Наравне с сожалением о том, что я вообще сюда попёрся, меня одолевало ощущение собственной беспомощности. Я боялся и ничего не мог с этим поделать. Лучшее, что мне удалось – это изыскать повод для того, чтобы остаться здесь ещё на день. Я придумал себе, будто бы нахожусь здесь с исследовательскими целями, и моя задача – разузнать во всех подробностях, как здесь всё устроено, и что я не могу уйти отсюда, не сделав этого. Довольно-таки ничтожный фиговый листик для прикрытия срама моего ужаса перед всего-то несколькими сотнями метров открытого пространства, разделяющими Радугу и мою квартиру. Но мне хватило его хотя бы для того, чтобы не умереть от само-

едства и сокрушений на тему того, что, последовав вчера за Аркадием и Анжелиной, я совершил роковую ошибку.

В своих исследовательских брожениях по коридорам торгового центра я то и дело натыкался на опущенные серые рольставни, не дававшие даже заглянуть внутрь большинства отделов. Свободный доступ, помимо кинотеатра, был только в тренажёрный зал и в зал игровых автоматов. Качаться и развивать мускулатуру мне было лень, да и особой радости в этом я не видел, поэтому я отправился в зал с автоматами. Там, в отличие от общей для торгового центра практики, всё находилось в открытом доступе: жетоны для автоматов можно было брать просто так и играть во что вздумается. Хоть что-то. Я взял несколько жетонов и отправился изучать имеющиеся аппараты. Помимо меня, в зале веселились какие-то дети. Выглядели они так, словно, очутившись в этом помещении и получив доступ к безлимитным игровым жетонам, они оказались в собственной версии рая посреди разверзшейся преисподней. Они болтали друг с другом, смеялись и радовались победе в какой-нибудь игре так, словно снаружи ничего не происходило. Словно всё было по-прежнему, и они просто пришли сюда ещё одним пятничным днём после школы, чтобы хорошо провести время. Смотреть на это было наслаждением.

После обеда в Радуге состоялось общее собрание для новоприбывших, на котором перед нами выступил полицейский. Он представился, и я тут же забыл, как его зовут: такая

вот никудышная у меня память на имена. После он рассказал нам всё то, о чём вчерашним вечером уже говорила мать Ангелины, а потом – дал уже новые вводные.

– У нас здесь правила простые: если пришли сюда отовариться – пожалуйста. Делайте все дела, платите по чеку, и в добрый путь. Но если вы здесь хотите задержаться – или не хотите, но всё равно задерживаетесь дольше, чем на день-два – то вы становитесь нашими... постояльцами что ли – не знаю, как назвать. Даже нет, не постояльцами, а членами сообщества. У нас тут не отель, и прислуги тут нет. Если остаётесь здесь надолго, если пользуетесь, так сказать, всеми теми ресурсами, которыми торговый центр располагает, то извольте делать и свой посильный вклад в общее дело. Каких-то сверхзадач я не ставлю, да и их в принципе пока нет, но всякие рутинные вещи делать нужно. Из банальных примеров – стоять на вахте. С этим, я уверен, плюс-минус способны справиться все. Будут ещё и другие задачи, которые я могу попросить вас выполнить и буду надеяться на вашу поддержку, сознательность и всё такое. Сразу говорю: халявщикам, халтурщикам и тунеядцам я не буду рад. Выгнать я вас, может, и не выгоню, но какие-то рычаги воздействия найду. В общем, думайте. К вечеру я хочу, чтобы вы дали мне список с вашими именами-фамилиями и краткой информацией о себе. Это если вы хотите остаться. Если хотите уйти и частью всего этого быть не желаете, то рекомендую закончить все ваши дела здесь до вечера: часов так до шести. Теперь,

если есть какие-то вопросы, сейчас хорошая возможность их задать, чтобы потом не искать меня, не дёргать лишний раз и не от чего не отвлекать.

Полицейский, видимо, старался держать марку серьёзности и напористости, но было видно, что сам по себе он, в общем-то, добрый и безобидный мужик. Лет ему было, наверное, чуть больше тридцати, выглядел он хорошо: подтянуто и атлетично. Погоны на нём, вроде бы, были сержантские, хотя я в них особенно не разбирался и не разбираюсь. Обычно менты ассоциировались у меня с пузатыми дядьками, докапывающимися до курильщиков на перронах и игнорирующими каких-нибудь бородатых мачо, пристающих к незнакомым девушкам с непристойными предложениями, потому что бородатый мачо в угрожающе чёрной кожаной куртке, в открытую носящий за поясом нож, представляет опасность не только для окружающих, но и для самого пресловутого пузатого мента. Этому мужчине же язык как-то не поворачивался назвать ментом, потому-то я и величаю его полицейским на всём протяжении своего рассказа. Он выглядел и действовал как самый настоящий блюститель порядка: когда мир вокруг трещал по швам, он на вверенной ему территории старался сделать всё возможное для того, чтобы старые правила всё ещё работали и вносили элемент упорядоченности в происходящее.

Весь оставшийся день я думал и пытался найти в себе смелость вернуться домой. Денег у меня с собой не было: я как-

то даже не подумал захватить наличку, а на банковской карте в кошельке у меня были только ничтожные остатки того, что родители давали мне когда-то на карманные расходы. Словом, покупать в местном супермаркете я ничего не планировал и не имел к тому возможности. Всё, что мне нужно было сделать здесь – это отважиться выйти за дверь и дальше пробежать пару кварталов до своей девятиэтажки. Но сил на это в себе я не находил. Ставки были слишком высоки: я понимал, что, если за мной вдруг увяжется заражённый – вроде того странного типа, которого я выманил из дворов гремящей кастрюлей – то шансы мои на выживание будут близки к нулю. Конечно, мне один раз уже удалось избежать смерти там, на школьном дворе, но то была просто колоссальная удача, и повторения чего-то подобного я совсем не хотел. В Радуге, в свою очередь, было безопасно. К тому же, тут были знакомые мне люди – уже не так тоскливо. Словом, я просто не мог отважиться на риск, вот и всё. Если бы мне представилась возможность по щелчку пальцев переместиться назад в свою квартиру, я бы так и сделал, но тут... Тут неизвестно, чем ещё дело закончится, а в Радуге – какая-никакая стабильность, понятность и комфорт, основа которого заключалась в ненужности выходить куда-либо и ставить свою жизнь на кон в игре со взбалмошной судьбой. Забавно даже: так много слов использовал я для того, чтобы сказать, что я просто трусил, побоялся выйти из Радуги и предпочёл остаться в неприятном мне месте, лишь бы не делать что-то

опасное и не смотреть в глаза своим страхам. Но в этом отношении я, надо думать, не одинок: все мы до безумия любим себя и стремимся всячески обелить даже самые позорные и жалкие свои поступки.

В пять часов вечера я вписал своё имя в нашу общую импровизированную анкету для новоприбывших. На момент представив себя на врачебной комиссии в военкомате, я перечислил в этой анкете все свои заболевания, которые раньше освобождали меня от уроков физкультуры, а теперь, как я надеялся, освободят меня от перетаскивания тяжёлой ерунды и прочих такелажных работ, которыми занимался Юра, судя по его рассказам. В шесть вечера список был подан, и я ощутил наконец, что пути назад нет, и что я теперь прописался в Радуге всерьёз и надолго.

День 13

«Ты куда пропал?» – написала мне Ира утром.

Я тут же вспомнил, что давненько с ней не общался, и что она ещё не в курсе, что я сменил место дислокации. Я рассказал ей, что произошло в моей жизни за последнюю пару дней и спросил, как дела у неё. Она по-прежнему находилась дома и всё свободное время проводила в интернете, держа руку на пульсе происходящего. Ира жила близко к центру, и многое из того, о чём писали оставшиеся в живых городские новостные порталы, она могла наблюдать воочию. Например, из своих окон она видела толпы мертвецов, на-

воднившие тамошние кварталы и изначально, должно быть, сбежавшиеся на грохот выстрелов боевых машин. Военные квартал за кварталом зачищали центр города, но чем больше усердствовали, тем больше заражённых привлекали к себе – как из близлежащих районов, так и издалека, и работы у них становилось всё больше, а люди, жившие по соседству, и вовсе теряли всякую возможность выйти за пределы своих домов и жилых комплексов. Вокруг дома Иры, по её словам, сгрудилось какое-то нереальное количество зомби, и выход наружу ей и её матери с отцом был заказан. Однако, в общем-то, они по этому поводу не горевали. Да, немного сходили с ума от затворничества, как и все в эти непростые времена, но, всё же, ресурсов у них было достаточно на ещё долгое и долгое время автономного существования.

На первый взгляд может показаться, что на Иру и на её судьбу мне было в некоторой степени всё равно. Я редко писал ей и мог спокойно прожить целый день без того, чтобы чиркнуть ей пару строк и справиться о её самочувствии. Обычно, как я слышал, девушки интерпретируют это как знак безразличия. Но нет: я любил её, ценил и дорожил ею, и уж конечно интересовался её положением. Просто я не видел смысла в том, чтобы спрашивать у неё что-то вроде «как дела?» каждый час. Ну сказала она один раз, что всё у неё супер, да к тому же она дома, за кирпичными стенами, с родителями – зачем в таком случае суетиться и переживать? Ясно же, что у неё всё в порядке, и что от того, что я справ-

люсь о её самочувствии ещё сто раз вместо одного, ни лучше, ни хуже не сделается. Почему отношения с девушками – это будто бы всегда война за её расположение, на которой каждый божий день ты должен доказывать ей, что и сегодня ты испытываешь такие же тёплые чувства, какие питал к ней вчера? Странное дело, всё же.

Поразмыслить над этими и многими другими вопросами у меня не оказалось времени. Пока я переписывался с Ирой, настало время обеда, на котором полицейский подошёл к нашему столу и поставил нам – новоприбывшим – наши первые задачи. Ангелина вверялась в распоряжение своей матери, и квесты ей должна была выдавать она, исходя из того, чем ей самой нужно было заниматься. Аркадия приняли в банду Юры, его отца и ещё нескольких человек, занимавшихся постройкой многоуровневых баррикад на всех входах и уязвимых местах первых этажей. Мне же выпала честь стать вахтёром и нести дозорную службу на крыше, сменяя от случая к случаю тамошних завсегдатаев, с которыми мне сегодня предстояло познакомиться. Они-то – там, наверху – и должны были ввести меня в курс дела. Я был рад уже тому, что меня не подрядили таскать тяжести или делать что-то непосильно сложное.

Ребят наверху звали Лёха и Тоха, и выглядели они, сидящие за раскладным столом и играющие в карты, так же органично, как и их имена, написанные через запятую. Мне показалось, что они не очень-то были рады компании. Так или

иначе, я объяснил, что меня сюда отправил полицейский, и что я должен находиться здесь и нести вахту, хотя сам предпочёл бы сейчас оказаться дома и играть в видеоигры. Они рассказали, в чём состоит суть их службы:

– Просто смотри по сторонам и всё. «Гляди в оба», как в фильмах говорят. Постоянно считай мертвецов, которых видишь неподалёку. Считай, определяй по компасу стороны света и докладывай, когда надо, мол, к северу четверо, к югу – пять, и так далее, – начал объяснять Лёха.

– Да, типа того. Это надо, чтобы всегда быть в курсе, чё происходит вокруг. Ну и вести себя нужно тихо – это ясно. Чтоб не сбежались кто попало. А, ну и если кто-то живой придёт – сразу по рации сообщаем вниз, мол, идут свои, быть готовыми, – дополнил Тоха.

– И часто живые приходят? – спросил я.

– Последними вы были, вроде. А так – да, иногда приходят чисто так, закупиться по мелочи. Мы их впускаем, мент им магаз открывает, они всё чё надо берут и уходят. Так много раз было. В основном, люди не задерживаются и идут назад к себе. Иногда – возвращаются, типа чтоб ещё раз чё-то прикупить. Магазинов-то больше нормальных кругом нет: все либо вынесли, либо там конченные всякие сидят и стригут по десятку косарей тупо за вход. У нас тут оно как-то полюдски в этом смысле.

– Ага, – подтвердил Лёха, – Это пока мент всё держит, и пока шпана огнестрелом не разжилась.

– Ой, не нагнетай, ну! Всё ништяк же.

– Ага. Те типы чё тогда, просто так приходили? Стопу-дов разнохивали, смотрели, чё-кого, кто тут есть вообще, где зайти, чё вынести.

– Да ну пришли и ушли, чё теперь? Вернутся – разберёмся поди, чё зря тему мусолить?

– Не знаю, братуха, тревожная ситуация какая-то была просто.

– Это вы про что? – вмешался я, – Что за типы приходили?

– Ай, да ну, нафиг тебе это знать? Меньше знаешь – крепче спишь. Не забивай голову, – ответил Тоха.

– Может, на троих раскинем? – сменил тему Лёха, а потом обратился ко мне, показывая взглядом на карточный стол, – Будешь?

Я согласился, но сугубо для того, чтобы поддержать компанию и за партией-другой узнать побольше о вахте и о том, как часто мне придётся здесь стоять. Как оказалось – практически каждый день с перерывом на сон. Такими, во всяком случае, были предположения Лёхи и Тохи. Они полагали, что меня прислали сюда для того, чтобы их задействовать где-нибудь ещё, и когда я во всё вникну, их станут забирать на другие задачи. Им самим не нравилась идея потери козырного местечка и непыльной работёнки, заключавшейся в игре в карты с перерывами на дозорную службу. Потому-то они и не были рады меня видеть и встретили поначалу довольно холодно.

Мне стало неловко, но ребята, правда, успокоили меня, сказав, что всё нормально, и что я тут особо ни при чём. Они научили меня пользоваться рациями, с помощью которых поддерживалась связь с полицейским внизу. Изначально рации были найдены в комнате охраны, но, поскольку охрана ретировалась из Радуги в первые же дни, рации эти стали никому не нужны, как и униформа, и много чего ещё, что оставалось в здешних подсобках, и на использование чего не распространялось общее правило неприкосновенности и необходимости выкупать что-то прежде, чем это взять. Уже к вечеру я вник в суть всего и был готов нести службу в одиночку. Я сказал об этом ребятам, но они попросили меня не говорить полицейскому о том, что я уже сейчас готов начать сменять их на посту. Сказали, мол, когда он спросит, во всём ли ты разобрался, ответь, что ты-де ещё теряешься, что с рациями не до конца всё понятно, или что стороны света путаешь. Словом, Лёха и Тоха попросили меня наврать что-нибудь нашему большому боссу для того, чтобы они могли подольше наслаждаться своей непыльной работёнкой и отсутствием необходимости делать что-то ещё. Я сказал, что соврву полицейскому: не хотелось портить отношения с ребятами и идти на конфликт. Хотя чувствовал я себя погано, когда плёл свою чепуху перед полицейским. Он вызывал у меня больше симпатии и доверия, чем Лёха с Тохой, да и чем вообще кто-либо ещё.

В конце дня Юра и Аркадий выглядели уставшими. По-

хоже, они тоже жалели, что пришли сюда, и что теперь не могли отсюда уйти. У Аркадия здесь была Ангелина, которая хорошо чувствовала себя тут, и которая никуда не собиралась уходить от матери. А у Юры был отец, который проникся идеей причастности к чему-то большому и важному, и который не отпустил бы Юру одного назад, в их дом. На этой почве – на почве неприязни к Радуге и к своему здесь положению – нам удалось сблизиться, несмотря на различия в характерах и на то, что в прошлой жизни мы существовали в разных мирах и особенно не общались за неимением чего-либо общего меж нами. Здесь же, помимо глобальной общей беды, нас объединяло ещё и недовольство необходимостью повзрослеть по щелчку пальцев и вмиг переродиться из инфантильных гусениц в трудолюбивых бабочек. Юра и Аркадий, чётко понимавшие те причины, по которым они не могут отсюда уйти, недоумевали, глядя на меня.

– Я вообще не знаю, чё тебя здесь держит? – изумлялся Аркадий, – Шёл бы себе назад, в хату свою, да сидел бы там, кайфовал.

– Да, – задумчиво вторил ему Юра, – Я бы тоже шас по-кайфовал. Да просто хотя бы в кровати нормальной уснуть, понимаешь? А не тут вон, на креслах этих...

– Слыш, внатуре, Костян, чё ты тут тусуешься? Тебе тут дойти-то реально два шага, – спрашивал Аркадий.

Я не знал, что ему ответить. Вернее, знал, но не хотелось рассказывать ему о том, как я боюсь выходить наружу, чтобы

пройти те самые два шага. Не хотелось потерять лицо перед ними всеми. Хотелось выглядеть чуть круче, чем я есть на самом деле.

– Да ну его, – отвечал я, – Чё дома одному сидеть, с ума сойти можно. Тут хоть есть, с кем поболтать, да и... И реально же полезное дело делаем.

– Ну ехал бы к девчонке своей, раз надо кого-то для «поболтать». С девчонкой оно даже и получше будет, хе-хе, если понимаешь, о чём я. Нафиг тут, с какими-то левыми типами тусить?

– Я водить не умею. Да и машину я где возьму? Угоню?

– Угони конечно! А водить по ходу научишься. Ты ж мужик типа, как этот... Как рыцарь, понял, да? На коне. Взял да поехал, чё спрашивать-то?

– Легко сказать... – ответил я, и потом мы сменили тему.

День 14

Меня вновь поставили на вахту на крыше, на этот раз – сразу после завтрака. Полицейский, хотя вчера и скептически выслушал мою сказочку про то, что я ещё не до конца освоился, сегодня, всё же, снова поставил меня не одного, а с напарником: на этот раз – с одним. На крыше меня встретил Лёха, а Тоху, вроде как, отправили на другие задачи.

– Блин, я... Я всё как надо сказал. Не знаю, чё он, – начал оправдываться я.

– Да расслабься, – махнул рукой Лёха, – Он бы по-любому

так сделал: с чего ему нас двоих с тобой опять оставлять?

– Ну да.

Мы сидели за раскладным столом, но на этот раз не играли в карты, а просто болтали о том о сём. Я рассказал Лёхе, как встретил конец света, и как обстояла моя жизнь до него, а Лёха, в свою очередь, поведал мне его историю. Лет ему было чуть больше, чем мне: на вид – где-то двадцать или около того. Конкретных вопросов о возрасте я ему не задавал, а выводы сделал из его внешности и контекста его рассказа. Он учился в местном универе уже третий год и в свободное время подрабатывал в Радуге, в отделе туристического снаряжения. Приехал он сюда издалека: из какого-то небольшого городка в соседней области. Здесь он жил в общежитии, где-то в получасе езды от нашего района. Тридцатого июля, на второй день апокалипсиса, он как обычно вышел на работу, и смена его слегка затянулась. Тогда – вечером того же дня – он встал перед выбором: ехать в общагу через весь город или не рисковать и остаться на ночь в подсобке магазина. Он выбрал второе, поскольку в общагу его особенно ничего не влекло. Затем он остался ещё на ночь. И ещё, и ещё, и так до нынешнего дня. Спал он, в отличие от прочих, не в кинотеатре, а в той же самой подсобке, на раскладушке. Полицейский возражений на этот счёт не имел: всё-таки технически отдел туристического снаряжения был скорее в Лёхиной зоне ответственности, чем в его, и находиться там он имел полное право, поскольку распорядился ключами от

его дверей. Раскладной стол и стулья, находившиеся в распоряжении дозорных, тоже были из Лёхиного отдела.

– А что владделец магазина? Выходил на связь? – спросил я.

– Не. Он и до этого всего появлялся где-то раз в месяц. А сейчас не знаю, что с ним вообще. Я ему и не писал, если честно. Пофиг как-то.

– А родители у тебя как? Ну, в городе-то этом твоём. Лёха тяжело вздохнул.

– Да не знаю, нормально вроде. Дома сидят. Раньше телевизор круглыми сутками смотрели, а теперь не знаю, что делают. Говорят, нормально у них всё. Старые они уже. Но там брат у меня с ними, неподалёку живёт. Короче, есть, кому присмотреть.

– А с Тохой вы не родственники случайно?

– Х-ха-ха! Нет конечно, с чего ты взял?

– Не знаю. Просто сходство какое-то есть.

– Х-ха! Не, мы даже, на самом деле, знакомы не были до этого всего. Он тут просто чё-то тоже как-то оказался, вот и закорешились.

– Вы, кстати, вчера про что-то такое говорили, я всё хотел спросить при случае... Не помню только, про что.

– Ну, я-то уж тем более не помню. Что говорили? На тему?

– Да не помню. Что-то про полицейского, про магазины...

А! Вспомнил! Про каких-то типов вы заговорили, которые, мол, пришли сюда и всё разнюхивали. Что-то такое.

– А-а, это. Ну, тебе Тоха, конечно, правильно ответил: меньше знаешь – крепче спишь. Но, если любопытно, то расскажу.

– Я если не узнаю теперь – точно спать не смогу.

– Ну короче. Пришли как-то типы, дня так, может, за три до того, как вы появились. Трое их было. Лет, наверное, столько же, сколько мне и Тохе – плюс-минус. С виду вроде вежливые такие, знаешь, но что-то такое за ними чувствовалось. Не знаю, как объяснить... Вот как разводили какие-нибудь, которые на улицах к бабулькам пристают: все такие дружелюбные, улыбаются там, то-сё. А чуть надави на него или нервничать заставь – так сразу, как из прыща, польётся всякая гадость, которая всю суть его и составляет. Вот и эти пришли такие, мол, простите-извините, нам бы в магазин, прикупить всякого по мелочи. На вопрос, кто такие и откуда, сказали, что пересидивают в картинг-клубе Восход, который дальше по дороге, кварталах в трёх отсюда, и что провизии у них там ну совсем нет, а жить как-то надо. Мент пустил их, они походили где-то там по супермаркету, а потом говорят, мол, можно у вас остаться ненадолго – на ночь буквально. Мент им расписал схему: так же, как и вам вчера или позавчера. Они сказали, что да, мол, конечно, всё понимаем. Что до завтра они подумают и, если решат остаться, то будут рады во всём помогать. В итоге, остались они и начали как-то активно во всё включаться. Всё ходили, расспрашивали, смотрели, где что есть. Мне как-то даже со стороны

показалось, что один ходил и буквально людей по головам считал. Мы с Тохой тогда смену делили ещё: он день стоял, я – ночь. Мы и сейчас делим, просто не так строго: чтобы прям с точностью до часа. Один устал – другой его сменяет, а тот, который устал, прям на крыше и отдыхает, в палатке. Так меньше с общей суетой внизу контактируешь и не рискуешь какую-нибудь задачу левую схватить ненароком, пока по коридору прогуливаешься. Ну, это не суть. В общем, стою я ночью, на звёзды залипаю, иногда по сторонам поглядываю. Вдруг, слышу – движения внизу какие-то. Сначала приглушённые голоса такие, а потом будто дверь внизу открылась, и уже в полную громкость заговорили. Был там мент и эти трое. Мент на них орал чё-то, мол, пошли вон отсюда, и всё такое прочее. А те ему, мол, да ты чёрт, псина там, мусор, мы тебя порешаем, жди, падла. Я так понял, мент кого-то из них поймал на чём-то: то ли кто-то у него ствол спереть попытался, то ли ключи, то ли они просто в магазине лишнего взяли. В общем, жёстко они там поцапались внизу. Мент даже на них пистолет наставил, когда выгонял. Вот такие дела. А ушли они как раз куда-то в сторону этого самого Восхода, так что про это, наверное, не соврали.

Выслушав Лёхин рассказ, в голове у меня всё сразу сложилось. Если уж всяческие лихие личности, уличив момент паралича власти и атрофию органов правопорядка, захватывали окрестные магазинчики и мародёрили, вынося подчистую ювелирные лавки и тому подобное, то совершенно яс-

но, что в какой-то момент все эти лихие личности, насытившись малым и набив руку, начнут объединяться и обязательно обратят взор на Радугу как на самый лакомый кусок во всём районе. Круче Радуги и ей подобных торговых центров сейчас, наверное, были только заправки на трассе, с которых тоже можно было неплохо заработать. И кто первый приобретёт такое место к своим рукам – к ногам того падёт вся округа. А если вдруг весь этот кошмар с мертвецами когда-то закончится, то тот, кто на всём протяжении хаоса и неразберихи владел Радугой и использовал её для извлечения прибыли, выйдет из игры с внушительным плюсом в части материального благополучия. Проще говоря, Радуге была уготована участь поля битвы в борьбе отморозков со всего района за контроль над ней. А тех, кто останется жить-поживать в переходящем от группировки к группировке торговом центре, ждёт малопонятная и, скорее всего, малоприятная участь.

– А ты как вообще, не думал уйти отсюда? – спросил я Лёху.

– Да нет. Куда мне идти-то теперь? В общагу далеко, меня десять раз сожрут, пока доберусь. А больше куда?

– Слушай, а ещё скажи: кто-то знает про эту историю, кроме тебя?

– Какую?

– Которую ты только что рассказал. Про типов этих, про то, как их полицейский выгнал – про всё вообще.

– А-а. Нет, ну про самих-то типов конечно все знают: они

ж средь бела дня приходили и, по-моему, со всеми плюс-минус пообщаться успели, пока свои игры шпионские вели тут. А про то, что их мент выгнал жёстко, и про то, за что он их выгнал – нет вроде, про это только мы с Тохой более-менее в курсе. Да и я-то всего не знаю: за что их выставили, например. А мент сам ничего не рассказывал.

– А ты спрашивал?

– Нет, – Лёха пожал плечами и посмотрел на меня сначала растерянно и непонимающе, а потом – вопросительно.

– Я это к чему всё, – ответил я на его немой вопрос, – Надо всё это разузнать. А то беспокойно как-то.

Так я и получил всё, чего хотел, когда впервые заявил Ангелине с Аркадием о том, что пойду в Радугу с ними. Движухи мне хотелось. Чувствовать себя в потоке. Узнать о том, что происходит на улицах не из интернета, а самому, вживую. Узнал. И хотя сейчас всё уже позади, от этого почему-то не легче. Лучшее б ничего вообще не было: ни позади, ни впереди – нигде. Ну да ладно. В любом случае, к рассказу обо всём, что было после, придётся вернуться завтра: сегодня уже стемнело, а выворачивать глаза наизнанку, пытаюсь написать что-то при тусклом свете свечи, как делали всякие романисты, поэты и мыслители палеозойской эры, желания нет. Зрение берегу вот, как предки завещали! За компьютером не сижу, по ночам в тиши не пишу стихи, сплю много. Зрение на том свете – ох, какая полезная штука, по-

этому никаких свечей и никаких дневников в полумраке! Нда. Наверное, в глубине души я всё ещё на что-то надеюсь, полагая, что всё это – все оставшиеся несколько дней или максимум недель – ещё не конец, и что когда-нибудь я смогу написать в точно таком же дневнике о том, как я вышел из квартиры и прошёл через океан мертвецов, пробивая себе путь к... К чему? Куда? А самое главное – ради чего? Всё это просто бессмысленно.

В следующие несколько суток постараюсь закончить свою историю: осталось написать всего-то про тридцать дней – меньше всего того, что я уже написал. Потом будет какая-нибудь предсмертная записка в качестве эпилога – или эпилог в качестве предсмертной записки – и после этого, может, попробую как-нибудь ускорить весь этот томительный процесс бестолкового, смиренного, тихого ожидания глупой и незаметной для всего прочего мира смерти.

Запись 4

Двадцать седьмое августа. Тридцатый день с начала вымирания.

Я всё ещё могу позволить себе роскошь начинать каждое утро с кофе. Родители любили его пить и закупались упаковками молотого средней обжарки впрок. Была у них и турка для варки всего этого дела, которая нынче пришлась очень кстати. В общем, уж чего-чего, а кофейка у меня хва-

тит ещё на месяц-другой. И это замечательно: хоть одна причина просыпаться и вставать с постели. После того как чашка бодрящего напитка оказывается пуста, приходится искать новый смысл бодрствования и вообще – существования. Здесь тоже пока всё легко: я сразу сажусь за дневник и начинаю думать над тем, как продолжить свою историю. Пишу я не сразу: сначала набрасываю план рассказа на черновиках. О чём рассказать, о ком, какие события охватить, и так далее. Это помогает сделать текст сбалансированным: одновременно лаконичным, не выглядящим как дешёвый бульварный роман в периодическом журнале прошлого века, с построчной оплатой для бедствующих авторов-словоблудов; и не слишком коротким, представляющим собой сухое изложение некой последовательности событий. Ну, это моё самокритичное мнение касательно моей же работы. Вы, уважаемые критики, вольны сделать свои умозаключения и, возможно, даже написать рецензию, разносящую мой скромный труд в пух и прах, и даже отправить эту рецензию в какой-нибудь постапокалиптический околотелуратурный журнал, если вы, конечно, дожили до возрождения цивилизации и всего такого прочего. Но, если нет – сочувствую. Что-то я вредным каким-то стал. Не знаю. Может быть, я злюсь на вас за то, что представляю вас сидящими себе там в тепле и какой-никакой безопасности, читающими всё это и думающими о такой ерунде как композиция текста, последовательность сюжета и глубина раскрытия

персонажей. В то время, как всё это: весь этот текст с его композицией, весь этот сюжет, все эти персонажи – всё это моя жизнь. Моя жизнь! Представляю, как вы будете читать то, что я напишу ниже и... И просто переворачивать страницу за страницей, не прожив и малой толики того, что проживу я в момент, когда буду это писать – не говоря уже о том, чтобы почувствовать всё приключившееся со мной на собственной шкуре. Оттого и не хочется во-все делиться всем этим с вами: хочется, чтобы всё произошедшее по крайней мере оставалось реальным, а не превращалось в развлекательного характера чтиво на один вечер. Наверное, это излишние заморочки или просто бред сходящего с ума бестолкового подростка. Что ж, в таком случае, хорошо, что этот бред нашёл своё место на этих страницах. Таким вот я был, прошу любить и жаловать. А теперь – к делу.

День 15

Следующую свою смену на крыше я стоял уже с Тохой, который, в отличие от Лёхи, был не очень-то разговорчив. Наверное, злился на меня за то, что я занял их с Лёхой место. Я пытался вступить с ним в контакт и расспросить его о том, как он здесь оказался и как встретил первые дни нашего живых мертвецов. Но он всё отмахивался или отвечал односложно: «Да. Нет. Не знаю». Словом, узнать о нём мне ничего толком не удалось, и я оставил всякие попытки найти

с ним общий язык, спрашивая его далее только о чём-то, что касалось работы.

Большую часть нашей дневной смены я переписывался с Ирой. Я рассказал ей о своих соображениях насчёт Радуги, на которые меня вчера навёл рассказ Лёхи. Она заволновалась. Я сказал, что пока всё спокойно, и что как только запахнет опасностью, я сразу же уберусь отсюда. Она ответила, что лучше бы мне убраться сейчас, а я не стал говорить ей, что боюсь – сказал, что, пока здесь всё нормально и есть халывная еда, имеет смысл оставаться тут, чтобы домашних запасов потом хватило на дольше. Выставил себя таким расчётливым и продуманным выгодополучателем. Не знаю, поверила ли она. Может и догадалась, что к чему. Всё-таки мы уже давно встречались, и кое-что о моей натуре она знала. Как минимум то, что не такой уж я на самом деле расчётливый и продуманный – скорее хитрый на выдумку оправданий для своей инфантильности, бездействия, лени и всего такого прочего.

Ещё мы обменивались фотками. Она сбросила мне свой вид из окна, и я увидел, как выглядит поистине безнадёжное положение. Внизу, возле её дома, бродило столько мертвецов, что казалось, будто Ира была не оправдавшим народные ожидания мэром, и добрая половина всех горожан собралась у её резиденции с протестной манифестацией. Ещё она рассказала, что выстрелы в центре почти совсем смолкли, а в интернете пишут, будто бы военным удалось закрепить-

ся в районе городской администрации, и там теперь есть целых несколько кварталов, полностью зачищенных и надёжно ограждённых от всего внешнего неприступными кордонами. Несмотря на то, что эти кордоны постоянно испытывают на прочность толпы заражённых, военные держатся и позже планируют оттуда продвигаться дальше и расширять контроль над территорией города. Звучало всё это одновременно обнадеживающе и страшно: с одной стороны, наличие какого-никакого контроля над ситуацией со стороны вооружённых сил вселяло надежду на то, что вся эта неразбериха когда-нибудь закончится; а с другой стороны, фиксация на решении проблемы путём зачистки заражённых означала нацеленность на их полное физическое истребление. Сколько же тех, кому не повезло превратиться, будут убиты безвозвратно и окончательно, без всякой надежды на то, что когда-нибудь в подземных столичных лабораториях лучшие умы страны изыщут лекарство от этой болезни и дадут заражённым ещё один шанс. Хотя, возможно, никакой надежды не было изначально, и природа происходящего такова, что это никакой не вирус или болезнь, от которой можно исцелиться, а просто новый порядок вещей во вселенной: теперь человеку нужно умереть дважды, чтобы покинуть этот мир окончательно. Определённых, чётких и однозначных ответов, так или иначе, ни у кого не было, а все утверждения о причинах происходящего либо были бездоказательными и не опирались абсолютно ни на что, либо представляли со-

бой последовательные и складные фейки с полным набором выдуманных эксклюзивных свидетельств «из первых рук», которыми по закону жанра обладал только он – безымянный хозяин анонимного канала на сто-двести тысяч человек или очередной комментатор на новостном сайте с портфелем и маленькой тележкой инсайдов прямиком от спецслужб. Единства не было совершенно никакого, в информационном поле царила полная анархия, в условиях которой разобраться в причинах и предпосылках попросту не представлялось возможным. Хотя все мы – Ира, я и ещё сотни и тысячи обычных людей вроде нас – пытались это сделать, видя в периодическом чтении ленты новостей ключ к спокойствию и упорядоченности. Потребление хаотичных потоков информации давало нам чувство осведомлённости и некой заземлённости, хотя, разумеется, чувство это было ложным. Информация была подобна продукту с отрицательной калорийностью: давала фальшивое чувство насыщения, на самом деле забирая на своё переваривание больше энергии, чем давала своей собственной пищевой ценностью. Так или иначе, мы могли часами перебрасываться с Ирой репостами и обсуждать то, что обсуждать, на самом деле, не имело никакого смысла. Зато мы таким образом общались и поддерживали контакт, и, наверное, это самое главное.

Вскоре наступил вечер, и начало темнеть. Когда солнце село, вокруг начали зажигаться фонари. Загорался свет и в окнах жилых домов: в немногочисленных квартирах, в кото-

рых всё ещё оставались живые люди. Их было настолько мало, что становилось жутко: больше половины жителей района просто исчезли. Может, со многими, всё же, всё в порядке, и они просто не включают свет. А может, они мертвы и заперты сейчас в своих жилищах. И бродят по ним в своём новом облики, из одного тёмного угла в другой.

Я запомнил, как Лёха показал мне вчера местоположение картинг-клуба Восход, из которого, по всей видимости, были те странные ребята, которых прогнал из Радуги полицейский. Он располагался дальше по дороге. Радуга стояла на одном перекрёстке, а Восход был на следующем, и часть его просматривалась с крыши, хоть и находился тот перекрёсток не так уж близко. Там, вдалеке, было одноэтажное здание с синими стенами и плоской крышей. Это и был картинг-клуб Восход, и в его окнах тоже горел свет.

– А когда мы сменяемся? Как вчера, где-то в одиннадцать? – спросил я у Тохи.

– Я не сменяюсь. Ты можешь уже идти, – ответил он.

– Как так? Ты же весь день уже стоишь. Я думал, тебя Лёха поменять должен, а ты отдыхать пойдёшь.

– Чё ты докопался? Тебе какая разница? Мне по-кайфу так. Лёху я предупредил.

– Ладно, ладно, как хочешь. Я просто спросил. Тогда я пойду?

– Иди.

Я ушёл и подумал, что было бы здорово мне больше ни-

когда не делить вахту с Тохой. Вчера я тоже ушёл с крыши вечером, а Лёха остался, чтобы достоять ночь. Вроде как, это было не по правилам: нельзя было стоять подряд и днём, и ночью. Но вчерашним вечером Тоха договорился с Лёхой о том, что отстоит за него завтрашнюю ночь – то есть, уже сегодняшнюю, – если Лёха отдозорит за него ночь предыдущую. Мутная схема, насквозь пропитанная неясностью того, зачем это всё надо было делать, но, возможно, Тоха всё каким-то образом объяснил Лёхе, и тот его понял. А может, и не понял, а просто согласился по дружбе. Чёрт его знает. Меня на тот момент это не заботило: я знал, что должен был уйти в одиннадцать, а остальное – не моё дело.

День 16

Буквально сразу после утреннего пробуждения я почувствовал, что что-то не так. Словно бы в воздухе витало напряжение – едва уловимое, но оно ощущалось. Все вокруг как-то суетились, и лица у всех были до крайности серьёзные. Я почувствовал, что не знаю чего-то очень важного, что знает уже каждый вокруг, и только я один тут, как простофиля, не в курсе последних новостей. Проснулся я одним из последних, и никого из знакомых поблизости не обнаружил, а остальных я как-то не решился о чём-либо спрашивать. Да и как бы я сформулировал вопрос? «Извините, я тут продрал глаза и почуял негативные вибрации, не подскажите, что случилось?» После такого меня бы изолировали где-ни-

будь в подсобке охраны, предварительно обив её стены чем-нибудь мягким.

На фуд-корте стоял гул. Я получил свой паёк, сел за наш стол, за которым Аркадий с Ангелиной пока сидели вдвоём, без Юры, и спросил:

– Что тут такое? Случилось что-то?

– Да хз, мы сами в непонятках. Вроде мертвяки пришли ночью и со всех сторон нас обложили, – ответил Аркадий.

– Как так получилось?

– Батя говорит, мутные типы какие-то вчера приходили, – сказал Юра, поставив поднос со своей порцией на стол и сев на своё обычное место, – Не то что мутные даже, а опасные – шпана местная. Караульного обошли как-то, к чёрному ходу пробрались и уже стали открывать там всё, но больно шумно это делали, и мент их спалил. Сам дверь открыл и волюной в них тычет, мол, стоять! А они – бегом. А мент – за ними. Бежал, бежал, а потом возьми – и шмальни им в спины. Бам-бам! Одного завалил вроде даже. Ну и всё, тут этот «бам-бам» всю округу на уши поднял, отовсюду повылезали эти... Ну, ты понял, кто. И всё теперь, бродят, шатаются кругом. Это мне батя рассказал вкратце, как смог и как успел. Они с ментом щас на крыше, караульных отчитывают. Они там чё-то наменялись сменами, и один в итоге перегрелся или переутомился и задремал прям там. А второй в палатке отдыхал, и узнал-то про всё только когда мент стрелять начал.

– Ёлки-палки... – только и смог сказать на это я.

– Так, а что эта шпана хотела-то в итоге? – спросила Ангелина.

– Да кто их знает? Украсть что-то хотели, наверное, раз тайком так пришли.

– Или ещё хуже, – добавил я и даже поначалу не заметил, как мрачно это прозвучало.

Ангелина, Аркадий и Юра посмотрели на меня в искреннем недоумении.

– Чё хуже-то? – первым спросил Аркадий.

– Ну, не знаю там. Пробраться внутрь, убить полицейского, забрать пистолет и ключи, и объявить себя новыми хозяевами здесь. А всех остальных – своими гостями, которым надо за каждый день пребывания тут платить. Сначала деньгами, а потом, когда они закончатся – фиг его знает, чем. Кто не захочет – тот может идти на все четыре стороны, если он не может быть полезен сам по себе – скажем так. А если может – прямиком в рабство.

– Не, это уж совсем как-то. Чё-то ты драматизируешь, по ходу, – сказал Аркадий, – Какой-то Древний Египет прям. Рабство... Ещё скажи, пирамиды строить заставят, х-ха-х.

Я думал было разозлиться на Аркадия за то, что своей нелепой шуткой он попытался поднять меня насмех, но вскоре понял, что в смехе его звучит скорее отчаяние, чем насмешка. Будто бы то был просто защитный механизм, охранявший привычную ему картину мира, в которой люди остаются людьми, и ничего, в общем-то, во взаимоотношении

ях между человеком и человеком не меняется, кроме фона и шума за сценой. Ну ходят мертвецы по улицам и ходят, ну есть дефицит продовольствия, вакуум власти и паралич органов правопорядка и есть. Это ж всё внешнее, напускное. Неужели такие сущие мелочи могут подорвать базовые устои и социальные нормы, складывавшиеся веками и тысячелетиями? Всю глубину нашего падения мы увидим через несколько лет жизни в таком мире, в котором вынуждены жить сегодня. Но и сейчас, спустя месяц, регресс налицо и, думаю, уж теперь-то точно оптимистов не осталось нигде, кроме столичных бункеров и оторванных от земли космических станций, в которых царит своя атмосфера. Однако на шестнадцатый день оптимисты пока ещё существовали и верили, что Древний Египет – это что-то далёкое, архаичное и как будто бы совсем не про нас: цивилизованных обезьян двадцать первого века, в джинсах и со смартфонами, которые уж точно никогда не опустятся до эксплуатации и угнетения друг друга или смертельной грызни за материальные блага. Древние египтяне поклонялись жрецам и верили в бога Ра. Куда этим примитивным существам до нас, молящихся на Джеффа Безоса как на икону успешности и верующих в десять заповедей эффективной жизни Павла Дурова?

Вскоре на фуд-корте появился полицейский и попросил всех никуда не расходиться. Никто и не думал никуда уходить: все ждали инструкций на тему того, что всем нам делать дальше. Сам я пока ещё не видел тех самых толп зара-

жённных снаружи, о которых все говорили – да и большинство из нас не видели. Но все почему-то верили в то, что они там есть, и что мы в глубочайшем кризисе, и что вот-вот полицейский – наш вождь – даст нам ответ на вопрос о том, как выйти из сложившегося положения. Он обратился к нам тогда, когда все закончили есть и отнесли посуду на мойку, где позже должны были её сами за собой помыть. Но то – позже. Сейчас – обращение вождя, которое мы ждали так, словно это было новогоднее обращение, а собрались мы не за завтраком из солёной манной каши, а за одним большим праздничным столом, уставленным сатурналистским разнообразием яств и напитков.

– Так, значит, господа и дамы, постараюсь коротко, – начал полицейский, – Многие помнят, как несколько дней назад к нам приходили люди, которые изъявили желание остаться здесь на ночь. Может, и не помните – не суть. В общем, тогда – было это где-то неделю назад – ночью у нас возник конфликт с этими господами. Они решили, что им больше всех надо и задумали проникнуть в магазин на первом этаже, чтобы взять там всё, что им захочется взять, ничего не давая взамен. Мне пришлось выставить их на улицу, объяснив, что так дело не пойдёт. Тогда они ушли. Буквально вчера ночью они вернулись и пытались проникнуть в торговый центр через запасной выход. Я не дал им это сделать. Завязался конфликт, в ходе которого я вынужден был применить оружие.

Полицейский докладывал обо всём так, словно бы мы были неким контролирующим органом и оценивали правомерность его действий.

– Один из взломщиков был убит, – продолжил он, – На звук выстрелов к стенам торгового центра пришло некоторое количество заражённых. Точное количество мы устанавливаем, но, если говорить общими словами – их много. Потому на случай прорыва их внутрь здания нужно будет предпринять некоторые меры. Во-первых, каждому из присутствующих необходимо будет вооружиться чем-то, чем он сможет наносить урон заражённым. Мы помним, что для того, чтобы их нейтрализовать, нужно любыми способами уничтожить или существенно повредить мозг. Для этих целей лучше всего подойдёт рубящее или дробящее оружие. Алексей – один из наших дозорных – проводит вас в отдел туристического снаряжения и со своей стороны сделает всё необходимое, чтобы вооружить каждого на случай проникновения заражённых в здание.

Лёха стоял позади полицейского и отнюдь не выглядел как человек, которому выпала честь быть придворным оружейником в смутные времена. Проще говоря, на лице его не читалось в тот момент что-то вроде: «Да, это я тот самый Алексей, и я помогу вам, куда чувствую свою ответственность, глубоко осознаю свой долг и почту за честь исполнить его». Он был понурим: таким, словно его только что крепко отчитали за что-то, и теперь его вот-вот постигнет заслуженное

наказание. Такой же вид имел и Тоха. Лишь в тот самый момент я обратил на них двоих внимание и задался вопросом: если Лёха и Тоха здесь, то кто стоит на вахте на крыше? По всей видимости, там был Юрин отец, потому что нигде среди нас его видно не было.

– А теперь – о главном. Как вы понимаете, заражённые у наших стен – это большая проблема, которую необходимо решить. Перебить их всех мы не сможем – это очевидный факт, с которым, я думаю, никто не станет спорить. Разумным будет создать шум где-нибудь в отдалении с целью привлечь заражённых туда и таким образом как бы утянуть их от нашего торгового центра. Проблема в том, что это само собой не случится, и кто-то должен этим заняться: рискнуть жизнью и выйти наружу, чтобы всю эту операцию провернуть. Я решил, что, поскольку я фактически навлек заражённых на нас выстрелами своего оружия, то я в некоторой степени виноват во всём происходящем. Поэтому наружу пойду я. Компанию же мне составят те, кто своим... раздолбайством – по-другому не назвать – создал все условия для того, чтобы непрошенные гости подошли вплотную к нашему запасному выходу. Это Антон, который уснул на посту и прозевал всё на свете. Это Алексей, который с Антоном на пару доменялись сменами до того, что сменяют друг друга через сутки и как следствие – спят на посту. И это... Забыл, как зовут. В общем – ты.

Полицейский показал на меня. Нет, он, конечно, мог ука-

зывать на Ангелину, сидевшую где-то позади, или на восьмилетнего пацанёнка с большой головой, которого я часто видел в зале игровых автоматов. Если бы можно было провести вектор от его пальца дальше по прямой до бесконечности, он пересекал бы именно нас троих. Но я с самого начала, без всяких векторов и пояснений, понял, что – или кого – он имел в виду.

– Из вас троих состоял патрульный наряд, задача которого заключалась в наблюдении за вверенной территорией и своевременном докладе об угрозах. Ваш наряд, говоря по-простому, проштрафился, и ответственность понесёт каждый, чтобы в дальнейшем никто не воспринимал вахту на крыше как курорт, на котором можно заниматься, чем вздумается. Это понятно?

– Да, – буркнул Тоха.

– Понятно, – проямлил Лёха.

Я не смог сказать ничего, однако полицейский всё ещё смотрел на меня, ожидая ответа. Его взгляд, направленный в мою сторону, обрекал меня на смерть – так я тогда думал. Первой идеей было начать оправдываться и приводить какие-нибудь доводы в пользу того, чтобы не ходить никуда. Плевать, какие – лишь бы не ходить. Умолять, стоять на коленях, плакать – только бы не выходить наружу и не умирать. Но когда наши взгляды столкнулись, когда я посмотрел в глаза «вождю», я понял, что всё это бессмысленно. Что его воля такова, и ничто не в силах изменить его решения.

– Значит, план на сейчас такой: до обеда – выдача всего необходимого по части оружия из отдела туристического снаряжения. После обеда рекомендую попрактиковаться во владении тем, что окажется у вас в руках. Но об этом позже и уже не со мной. Мы с господами, – он снова окинул взглядом нас, – Будем заняты планированием нашей операции, да, ребята? У вас, кстати, есть время для того, чтобы подумать над какими-нибудь стартовыми предложениями и соображениями. На этом всё. Теперь попрошу создать организованную очередь возле отдела туристических принадлежностей и получить то, что вам выдаст Алексей. Сразу говорю: не толкаемся, не толпимся, всего на всех хватит. Если есть какие-то вопросы – давайте как-нибудь в индивидуальном порядке.

– Сколько там этих самых... Снаружи которые? – выкрикнул кто-то.

– Не знаю. Повторюсь: я всех не считал, больше двадцати – это точно. Так, всё, господа, остальное – в личном формате, времени нет.

И фуд-корт снова загудел подстать моим мыслям, роившимся в голове и искавшим ответ на самый главный вопрос текущего положения: и чё теперь делать-то? Бежать просто так, одному – не вариант. Осталось только убедиться в этом, посмотрев в окна и увидев ту самую толпу мертвецов, обложивших торговый центр. Теперь не то что до квартиры – до ближайшего перекрёстка через два десятка метров не добраться. И здесь-то затеряться некуда – всё равно найдут.

Придётся идти со всеми на самоубийственную миссию. Но прежде прочего я решил, всё же, уличить момент и поговорить с полицейским на тему своего участия. Разумеется, уже после обязательного для всех получения инвентаря.

Лёха открыл двери своего магазина, и первые люди в очереди хлынули внутрь. Выбор вооружения был невелик: можно было выбрать ледоруб, ледоруб или, пожалуй, ледоруб, а если ледорубов не достанется – придётся орудовать топориком. Для себя я не стал брать ничего: у меня уже был молоток, который я прихватил из дома, и который в моих хилых и неумелых руках был так же полезен, как ледоруб, топор, меч, копье или точёная пика. Однако, всё же, это было лучше, чем ничего: молоток в руке или за поясом внушал какое-никакое спокойствие.

Чуть позже вниз спустился Юрин отец, и на посту караульного его сменил сам Юра, которому он очень быстро рассказал, что надо делать. Юрин отец получил от полицейского ключи и полномочия по наблюдению за порядком внутри на время, пока полицейский будет занят планированием похода наружу и, собственно, самой операцией по отвлекающему манёвру для мертвяков. Тот сразу вжился в роль и организовал для постояльцев Радуги короткий курс обучения владению всем тем, чем они вооружились. Грушами для битья стали манекены из отделов одежды, с которых, в связи с новыми обстоятельствами, так же, как и с ледорубов и топоров, была снята неприкосновенность. Люди тренировались

в пробивании пластиковых черепушек манекенов и, хочется верить, понимали, что пластиковая голова – это отнюдь не то же самое, что голова настоящая, и что для того, чтобы повредить мозг мертвеца чем бы до ни было, нужно ударить не раз и не два, и к каждому удару приложить куда большую силу, чем та, с которой они бьют пластмассовых истуканов сейчас.

Лёха, Тоха, полицейский и я во всех этих тренировках не участвовали. Мы находились на крыше и слушали, как полицейский рассуждает вслух о том, как бы лучше обделать дельце. Как обойти окружившую Радугу толпу заражённых, куда и в какую точку лучше всего выйти, чтобы создать шум и переманить толпу туда; нужно ли разделиться или пойти одной большой группой в четыре человека. Я слушал всё это, и ноги мои слабели. В груди я чувствовал что-то такое, что в переложении на музыку звучало бы как расстроенная скрипка. К горлу подступала рвота, а мозг отказывался думать вообще о чём-либо. Каждое новое слово полицейского, касавшееся предстоящего похода за пределы торгового центра, приближало меня ещё на шаг к тому, чтобы упасть на колени и начать молить о пощаде. Молить о том, чтобы никуда не идти; начать каяться в том, что... да неважно, в чём – лишь бы мольбы мои и слова покаяния были услышаны и каким-то образом повлияли на происходящее. Но больше всего на свете мне хотелось, чтобы Лёха или Тоха чувствовали что-то похожее; чтобы я сейчас, стоя на крыше с тря-

сущимися коленками, был не одинок в своём ужасе перед выходом туда, к толпе бродящих взад-вперёд в поисках пищи мёртвых людей с огромными и пустыми глазами, полными одновременно гнева и безразличия. Я не мог смотреть на них, и я не смотрел. На полицейского я тоже не мог смотреть, но мне приходилось. Всё вокруг смешалось в карусель сменяющихся друг друга кадров киноплёнки, прокручивавшихся всё медленнее, медленнее и медленнее.

– Ты чё, Костян? С тобой всё нормально?

Это был Юра. Он подошёл ко мне и похлопал меня по плечу. Это стало тем самым последним импульсом, которого мне не хватало. Я отошёл чуть в сторону, и меня вырвало прямо на пол, и на меня тут же уставились все, кто был в тот момент на крыше. Лёха и Тоха смотрели так, будто бы им хотелось сделать то же самое, и будто бы они понимали меня как никто другой. Полицейский смотрел так, словно он был молодым и неопытным отцом, а я – его новорождённым ребёнком, только что на его глазах испачкавшим подгузник, и теперь ему надо было что-то со мной сделать. Как-то поправить положение таким образом, чтобы ненароком не сделать хуже. Он подошёл ко мне, похлопал по спине и сказал:

– Иди-ка, отдохни чуток. Умойся холодной водой. Кофейка выпей. Потом приходи, хорошо?

Я кивнул, не говоря ни слова, а затем направился к двери, ведущей на лестницу. Внизу, в холле второго этажа, я увидел людей, избивавших манекены ледорубами. Их было

немного: большая часть под чутким руководством Юриного отца всеми силами пыталась сделать баррикады внизу неприступными. На случай прорыва были предусмотрены дополнительные уровни на центральных эскалаторах и на служебных лестницах. Во всё это дело наваливались новые элементы для утолщения барьеров или их увеличения по высоте. Тогда, глядя на клерков и заурядных работяг среднего возраста, готовящихся колоть черепа мертвецов; глядя на возводимые баррикады в тех местах, где ещё совсем недавно тусовались подростки, вроде Аркадия; глядя на приготовления, выглядевшие как подготовка к большой и кровавой бане, я захотел взвыть и возопить к небесам с мольбами о том, чтобы время повернулось вспять, и всё стало по-прежнему, как было ещё две с лишним недели тому назад. Чтобы старый мир вернулся, а всё вокруг оказалось одним большим и нелепым страшным сном. Поняв, что сейчас меня снова начнёт рвать, я ускорился, добежал до туалета, влетел в кабинку и снова вывернул желудок наизнанку. Потом я хотел зарыдать, но вместо этого засмеялся так, словно всё, что произошло за последние шестнадцать дней – смерть родителей, оторванность от дома, вторжение диковатого лысого мужика, разворотившего родительский комод – всё это было одним большим анекдотом со смешной концовкой, которая была ещё впереди, но которую я уже предвкушал и не мог сдерживать хохот. Кажется, тогда психика моя дала серьёзную течь, потому что я плохо помню, что происходило дальше. Хоро-

шо помню только мысль, которая крутилась в тот момент в моей голове, точно припев на заевшей музыкальной пластинке: «Всё бред. Бред! Бессмыслица. В этом нет смысла!»

Не помню, выпил ли я кофе по наставлению полицейского, прежде чем вернуться на крышу. Зато помню, что вернулся я, выбив дверь чуть ли не с ноги, чувствуя в себе силы к тому, чтобы свернуть горы. Лёха, Тоха и полицейский вопросительно смотрели на меня.

– В общем, – начал я, – Я в интернете видел, как делают всякие погремушки крутые для того, чтобы больных переманивать толпами из одной точки в другую. Что-то громкое нужно. Я делал гремящую кастрюлю, наполненную столовыми приборами, но это так, баловство. Настоящая лютая тема – это кола с ментосом, замешанная в пластиковой бутылке и в закрытом виде шмякнутая об асфальт. Говорят, бабах будет знатный.

Полицейский посмотрел на меня с видом глубочайшего облегчения. Словно бы ненужная проблема, которая дамочным мечом висела над ним, вдруг сама собой разрешилась, и ему не нужно было больше забивать ею голову. Начавший было сдавать восемнадцатилетний сопляк был теперь в порядке или по крайней мере выглядел так, словно он в порядке, а значит, хлопот с ним больше быть не должно.

– Кола и ментос говоришь? – усмехнулся полицейский, – Звучит вкусно, но вряд ли сработает так, как ты говоришь. В интернете вообще какой только чуши не прочитаешь.

– Я бы хотел, – продолжил я, – Чтобы мы попробовали этот способ. Говорят, что если высота большая, бутылка должна рвануть. У меня квартира на восьмом этаже, в доме чуть дальше по улице. Можем дойти дотуда и из окна попробовать выбросить такую бутылку. Если нет – выстрелить в воздух вы всегда успеете. В любом случае, раз уж мы пойдём наружу, я хочу вернуться к себе домой. Если получится, обратно в Радугу я с вами уже не пойду. Считаю, что пути в один конец с меня достаточно: я вообще ни при чём, и в том, что эта толпа к нам пришла, моей вины вообще никакой нет. В общем, либо так, либо лучше застрелите меня сразу и скиньте им на корм, потому что я там всё равно погибну. А так хоть будет шанс добраться до дома.

Полицейский, Лёха и Тоха молчали. Я смиренно и терпеливо ждал ответа, хотя, по правде говоря, мне было всё равно, что это будет за ответ. В тот день вместе с остатками завтрака меня будто бы вырвало чем-то, что доселе заставляло меня хоть как-то пропускать через себя происходящее. Теперь мне было плевать на всё: и на то, что станется со мной, и на успех всей этой идиотской операции, и на толпу за стенами Радуги – на всё. Мы все скоро умрём, понял я, и нет абсолютно никакой разницы, как мы это сделаем и сколько ещё потрепыхаемся, прежде чем отдать концы.

Вечером я написал Ире, что у нас всё нормально, всё по-старому, и что на улицах рядом с нами пока тихо, и ничего необычного не происходит. Потом я лёг на своё место в ки-

нозале и очень долго пытался уснуть. Не получилось.

День 17

Итоговый план, если низводить всю его сущность до одного слова, звучал так: «Бежать». Бежать очень быстро и без оглядки в сторону моего дома. Идея о том, чтобы подняться в мою квартиру, вчера не вызвала нареканий и возражений. Конечно, существовал риск оказаться запертыми внутри, если часть мертвецов в погоне за нами ломанётся во двор и обложит подъезд. Но такой риск существовал при любых раскладах. В случае же с квартирой мы по крайней мере окажемся в безопасном месте и сможем сделать передышку. Гораздо лучше, чем быть загнанными в угол на открытой местности и уповать разве что на волшебника в голубом вертолёте, который сбросит вниз верёвочную лестницу, а потом – пусть бесплатно покажет хоть всё кино на свете, лишь бы вытащил из лап неминуемой смерти. Далее, уже из окон дома, можно попробовать скинуть приманку. Если кола не срывает, можно было бы воспользоваться старой-доброй кастрюлей с вилками внутри, а если и она не поможет – тогда останется только выстрел из пистолета, который, к несчастью, сработал позавчерашней ночью и по такой же логике должен был сработать и теперь. Конечно, для полицейского это был расход патронов, которого нужно было всячески избегать, но в безвыходном положении жизни людей в Радуге уж точно будут ему дороже пули.

Всё это мы ещё раз проговорили, прежде чем выдвинуться поутру. Проводить нас в этот путь вышли все постоянцы торгового центра, за исключением тех, кто был занят на задачах. Аркадий – крутейший чувак школы, доселе выглядевший в моих глазах как квинтэссенция успешного старшеклассника – смотрел на меня с ужасом и, как мне хотелось думать, с некоторого рода благоговением. Всё это, думал я, он мог бы засунуть себе в одно место чуть ниже позвоночника. Я бы куда охотнее предпочёл поменяться с ним ролями, чем стоять сейчас тут, собираться, быть может, в последний путь и выглядеть в его глазах героем-спасителем. Но, разумеется, никто и ни за что не вызвался бы тогда занять место кого-либо из нас. В конечном итоге, своя рубашка всегда всем ближе к телу, а жертвовать собой мы будем только ради тех, без кого и сами не представляем свою жизнь, и, в сущности своей, жертва эта будет скорее самосохранением, нежели самопожертвованием.

– Слыш, ты это... На вот, держи. Оно, может, и полезно будет, – сказал Юра, дав мне своё копьё из швабры и кухонного ножа на конце.

– А ещё одно есть? – спросил я.

– Да, там где-то у бати было.

– Неси. Дай вон кому-нибудь тоже.

– Это чё за хрень? – спросил Тоха.

– Пика точёная, – ответил я, думая, что это прозвучит ужасно смешно и сможет хоть каким-то образом разрядить

обстановку.

«У третьего чисто. Есть двое, но они далеко, приём», – прошипела рация полицейского голосом Юриного отца. Это значило, что выходить мы будем через третий запасной выход, находившийся дальше всего от перекрёстка и, стало быть, в противоположной стороне от дороги, ведущей к моему дому.

– Понял, – ответил полицейский.

– Вот, ещё одно, – сказал Юра, прибежав с другим копьём, – Кому?

– Давай, – ответил Лёха и взял его, засунув за пояс свой ледоруб.

– Так, идём по плану, как договорились. Если путь отрезан – там по обстоятельствам. Главное – не стоим, поняли? Быстро, быстро, быстро, туда-сюда. Не тупим. Смотрим кругом во все глаза. Чуть кто надвигается – сразу сигнал. Если близко – бей и не думай. Кто-то один затупит или оторвётся – все полягут. Ясно? – давал последние инструкции полицейский. В руке он держал пистолет, постукивая по рукояти безымянным пальцем и мизинцем так, словно отбивал ими неслышную барабанную дробь.

– Ясно, – ответили мы.

Вдруг страх прошёл. Когда я понял, что пути назад нет, и что мы сделаем дело в любом случае, я освободился от всей той гаммы липких чувств, которые до самой последней минуты переполняли меня. Мыслей тоже никаких не было –

только инстинкты и рефлексy, которые одни теперь могли сослужить добрую службу. Что-то похожее было уже со мной в тот самый момент, когда я плюнул на всё и ломанулся к школе в обречённой на провал попытке добраться до матери.

– Всё, пошли! – скомандовал полицейский и отворил дверь.

Последующие события уместились в несколько минут, хотя в моменте длились несколько вечностей. Мы, выстроившись дугой, шли вдоль стены торгового центра, разрезая воздух нашими нелепыми копьями. Тоха держал наготове ледоруб, а полицейский – пистолет. Они шли чуть впереди, а мы с Лёхой – по бокам и немного позади. Оказавшись около дороги, мы оторопели. Наблюдать мертвецов на одном уровне с собой было не то же самое, что смотреть на них с крыши. Они не видели нас. Пока.

Близко к перекрёстку подойти было нельзя: мёртвых там было слишком много. Мы пересекли одну из дорог, и у нас не осталось другого выхода, кроме как свернуть и продолжить двигаться чуть в другом направлении, вдоль многоэтажки, чтобы обогнуть её и зайти в её двор. Из него можно было выбраться в другие дворы, по которым, миновав несколько сотен метров, можно было добраться и до моего дома.

Оказавшись во дворе многоэтажки, на детской площадке мы повстречали троих незнакомцев. В обычное время это могли быть родители, наблюдавшие за катающимися с горки детьми. Или это могли быть какие-нибудь подростки, лени-

во покачивавшиеся на качелях и думавшие, чем бы им ещё заняться, чтобы не скучать. Это могли бы, в конце концов, быть работяги из той же самой многоэтажки, глубоким вечером решившие перед возвращением к своим семьям хлопнуть тут по паре пива, а потом – по домам. Сейчас же это были трое заражённых, бесцельно стоявших возле карусели и смотревших пустыми глазами куда-то перед собой. Неизвестно, сколько они простояли так: день, два, может – неделю. Оказавшись здесь, они замерли на месте как вкопанные, подобно высокочувствительным детекторам движения, и ждали, пока какой-нибудь идиот не покажется в их поле зрения и не станет для них долгожданной добычей. И вот, они дождались. И идиотов оказалось аж четверо.

Нам некуда было деться: мы появились прямо перед ними, и не заметить нас они не могли. Это мы поняли сразу, как только увидели их. Один – тот, что смотрел прямо на нас – встрепенулся, и если бы я не знал наверняка, что они лишены наших обычных человеческих чувств, я бы решил, что этот жалкого вида изголодавшийся мертвец испытал ярчайший, щенячий восторг. Он сорвался с места и бросился к нам, простирая вперёд себя руки так, будто хотел обнять нас и ощутить наше тепло своими охладевшими навек пальцами. Двое остальных вслед за ним повернулись и тоже устремились в нашу сторону.

– Твою м... – на самом деле, полицейский выругался так, что написанное мной не идёт ни в какое сравнение с исти-

ной. Но хоть в этом отношении позвольте мне отойти от натурализма в моём предсмертном повествовании.

– Куда?! – вместо полноценных предложений мы перешли на общение обрывками фраз. Лёхино «куда» в данном случае означало «куда мы идём теперь и что делаем? принимаем бой или убегаем?»

– Бей тех! Первый мой! – ответил полицейский, прицелился, и когда простиравший руки мертвец приблизился на расстояние нескольких шагов, выстрелил точно ему в голову. Покойник рухнул на асфальт, и теперь уже однозначно был мёртв. С двумя другими предстояло разобраться нам. Мы с Лёхой ринулись им навстречу, целясь копьями в сторону груди. Это было лучше, чем метить в голову, потому что по голове или шее мы, скорее всего, промахнулись бы. Воткнув же копья в их животы, мы могли удерживать их на расстоянии древка ещё несколько секунд, пока хватило бы сил. Когда моё копьё воткнулось в живот заражённого, я ощутил всю тяжесть его тела и всю ту энергию, которую он вложил в то, чтобы добраться до меня. Древко едва не выскользнуло из моих рук, а обратной своей стороной так сильно и резко упёрлось мне в верхнюю часть бедра, что хрустнул сустав. К счастью, Тоха не растерялся и вовремя подоспел на помощь. Он треснул мертвеца по черепу своим ледорубом и с первого удара лишь порезал его, разодрав ухо и щеку. Потом он замахнулся и ударил ещё раз, и теперь лезвие вошло мертвяку в голову: куда-то чуть позади виска. Заражённый дёрнулся и

обмяк, повалившись на землю вместе с моим копьём в своём животе. Я отпустил копьё и выхватил молоток. Раздался выстрел. Второго заражённого полицейский прикончил пулей.

– Ох-х-х... а-а-а... – крихтел Лёха, лежавший на земле. Древно копьё так сильно двинуло ему в живот, что он упал и свернулся клубком.

– Вставай! – сказал полицейский.

Но Лёха не мог встать. Всё, что он мог теперь – это лежать здесь и ждать, пока его отбитые внутренности не съест кто-нибудь из той толпы, которая теперь совершенно точно двигалась в нашу сторону с другой стороны многоэтажки, оставляя позади облюбованную ею сутки назад Радугу.

– Бери его и назад! – сказал он Тохе, – Быстро!

В одной руке держа окровавленный ледоруб, Тоха взял Лёху под руку и потащил за собой. Лёха застонал, и его вырвало на собственную грудь. Рюкзак слетел с его плеч и теперь лежал на земле. Я потянулся за ним, но полицейский оборвал меня, сказав:

– Бросай! Быстро, туда!

Он указал в ту сторону, откуда мы пришли, и куда ещё могли выйти до того, как туда придут мертвецы. Я повиновался, оставил рюкзак и, держа в руке теперь один только молоток, побежал за ним. В Лёхином рюкзаке осталась та самая злосчастная бутылка колы и пачка ментоса, от которых теперь не было никакого толку, потому что весь наш план летел в тартарары.

Мы выбежали на дорогу. Тоха и Лёха волочились следом. Со стороны перекрёстка – частью в сторону многоэтажки, а частью напрямиком к нам, – надвигалась толпа.

– Быстрее! Назад, ко входу! – кричал полицейский Тохе и Лёхе, которые торопились как могли.

Как только они пересекли проезжую часть и вышли на финишную прямую к стенам торгового центра, полицейский озвучил свой план Б:

– Щас я стреляю, и мы – быстро дальше по дороге. Потом я стреляю ещё раз, даю тебе пистолет, и ты дворами, через роддом, назад. Я ору чё-нибудь и веду их за собой, сколько смогу, понял? Назад пойдёшь сам.

– Понял, – ответил я. Рассуждать было некогда. Лучше плана у меня не было, да даже если б и был, некогда было его проговаривать. Удивительно, как полицейский всё ещё сохранил способность что-то там соображать.

Снова раздался выстрел. В ушах снова запищало. На этот раз вся толпа двигалась уже напрямиком к нам. Мы бросились бежать мимо остановок, мимо оставленных на обочине машин, мимо аллеи из обрубленных тополей – мимо всего того, что вокруг себя мы не замечали. Были только наши ноги, дорога и смерть, несущаяся по пятам.

На следующем перекрёстке мы обернулись и увидели, что нам удалось лишь совсем немного оторваться от преследователей. Тогда полицейский выстрелил в последний раз и отдал пистолет мне.

– За домами иди, там пустырь. Возле роддома чуть правее возьми, потом – к Радуге. И быстро, быстро, понял?! Всё, пошёл!

И я рванул прочь, оставив за спиной полицейского, кричавшего что-то нечленораздельное так, словно он хотел, чтобы его слышали и на небесах, и под землёй.

Проносясь мимо роддома, я поймал себя на мысли, что именно в этом месте я восемнадцать лет назад появился на свет, и что меньше всего мне хочется здесь же и умереть. Благо, ничто не предвещало этого: вокруг не было теперь уже никого.

Оказавшись у служебного входа, я наплевал на всякую осторожность и стал ломиться в него, стуча что было сил и вопя, чтобы те, кто был внутри, отворили эту злосчастную железную дверь. Внутри меня впустили быстро, но и за эти ничтожные несколько секунд ожидания я успел отчаяться и решить, будто я уже никогда не окажусь там, в безопасности. Я ввалился в помещение, вход за мной снова закрыли, и прошло ещё долгих полдня прежде, чем я окончательно переварил произошедшее.

Лёхе оказали посильную медицинскую помощь. И хотя диагностировать разрыв внутренних органов или его отсутствие было попросту невозможно, и шанс того, что его травма в конечном итоге окажется смертельной, сводился к соотношению «пятьдесят на пятьдесят», это всё-таки было лучше, чем однозначная обречённость. Те, кто присматривал за

ним, сказали, что, если завтра станет хуже, значит – плохо дело. Если нет, то всё будет в порядке. И Лёху это вполне устраивало.

Что до Тохи, то он весь оставшийся день ни с кем не разговаривал и провёл его вдаль от всех. Как и я. До самого наступления темноты я обмолвился парой слов только с Юрой: сказал ему, что его копия пришлись кстати, что их больше нет, и что, если надо, я сделаю новые. Не помню, что он на это ответил.

Закат я встретил на крыше. Я смотрел вокруг и снова видел чистую, свободную от мертвецов окрестность. Несмотря на отвращение ко всему пережитому, я был горд, что приложил к этому руку. Вглядываясь вдаль в сторону роддома и пустыря за ним, я всё ждал, что вот-вот где-то там, на горизонте, в тени чуть слышно шелестящих деревьев увижу человека в тёмно-синей форменной одежде, возвращающегося назад. Но, увы – утром семнадцатого дня, на том далёком перекрёстке, я видел полицейского в последний раз.

На небе уже давно появились звёзды. Эти строки я пишу на подоконнике, в свете половины убывающей Луны, сияющей сегодня особенно ярко. Тяжеловато было описывать наш поход за пределы Радуги, но не столько из-за тусклого освещения, сколько от невозможности теперь вспомнить всё в мельчайших подробностях. Может, что-то я и приврал, что-то – додумал, но конечный итог оказался ров-

но таким, каким я его обозначил. Тогда мы избавились от мертвецов, окруживших торговый центр по нелепому стечению обстоятельств, и, несмотря на пропавшего без вести полицейского, были рады тому, что теперь опасность миновала, и худшее уже позади. Так нам казалось, и это нормально: справившись с препятствием, которое прежде виделось непреодолимым, мы склонны думать, будто бы дальше нас ожидает пожизненная награда в виде беззаботного существования отныне и впредь. Но, глядь – стоит только отдышаться, стоит только насладиться сполна результатом своих титанических усилий, и вот уже на горизонте маячит новая вершина: настолько огромная и мрачная, что весь прежний путь представляется теперь только лёгкой разминкой перед чем-то действительно важным. И руки опускаются, и на душе вдруг становится пусто, и кажется, будто всё – впустую.

Завтра, как проснусь, продолжу писать. Еды и воды хватит ещё на несколько дней, так что время у меня ещё есть. Думаю, завтра я успею по крайней мере закончить рассказ о последних днях в Радуге и о том, как я снова оказался здесь, в своей квартире. Один.

Запись 5

Двадцать восьмое августа. Тридцать первый день с начала вымирания.

Утро. Проснулся, выпил кофе и перекусил – всё как все-

гда. Без лишних предисловий перейду сразу к рассказу о семнадцатом дне.

День 18

Пистолет остался со мной. О нём никто и не вспомнил. должно быть, все, кому это могло быть интересно, решили, будто полицейский забрал его с собой в путешествие, из которого так и не вернулся. Жизнь в Радуге стала потихоньку входить в прежнее русло. Разоружать людей никто не стал: в отсутствие полицейского тут попросту не было достаточно авторитетного человека – лидера – который мог бы это сделать. Да и незачем было: в коллективе, где все более-менее мирно друг с другом сосуществуют, нет острой необходимости беспокоиться о холодном оружии в руках у каждого второго. Если бы люди захотели друг друга покалечить в пылу мелких бытовых конфликтов, они сделали бы это и без ледорубов и топоров. Некоторое напряжение, безусловно, было: оно копилось, и к этому располагала экстремальная обстановка, в которой все мы волею судеб оказались. Но пока это напряжение не грозило перерасти во что-то опасное.

Юрин отец занял место полицейского в деле контроля за доступом к отделам торгового центра, постановки неотложных задач и распределения смен – например, в дозоре на крыше. Туда снова вернулись мы с Тохой, поочередно сменяя друг друга на посту. Лёха же отлёживался в кинозале. Ему не стало сильно лучше, но и хуже – тоже. У него по-

прежнему болел живот, который снаружи теперь представлял собой одну сплошную гематому, но ни повышения температуры, ни бесконтрольной рвоты или судорог у него не наблюдалось, а это косвенно говорило о том, что внутренние органы серьёзно не повреждены. Словом, как потом сказала женщина, следившая за его самочувствием: «Жить будет».

В коридорах торгового центра сложно было уединиться: вокруг постоянно кто-то ходил и что-то делал. Лишь заперевшись в кабинке общественного туалета, я смог, наконец, достать из штанов ствол и... Так, нет, звучит двусмысленно. Но забавно: пожалуй, так это предложение и оставляю, не буду ничего зачёркивать. В общем, я вытащил пистолет, который доселе тщательно скрывал под толстовкой, и осмотрел своё новое приобретение. Как и любой, кто хоть раз играл в шутеры, я отлично знал, как вытаскивается магазин, как ставится и снимается предохранитель. Я не смог бы его полностью разобрать и опять собрать, но для базового пользователя имевшихся у меня навыков было достаточно. В магазине оставался один патрон. Ещё один был в стволе и со звоном упал на пол, когда я потянул затвор. Я испугался, что шум привлечёт чьё-нибудь внимание, и на всякий случай выглянул из кабинки, чтобы посмотреть, не зашёл ли кто в уборную после меня. Никого не было. Патрон я поднял и зарядил в магазин. Две пули. Количество смехотворное, если рассматривать пистолет как средство защиты от зомби. Но для того, чтобы припугнуть кого-нибудь или чтобы дик-

товать свою непреклонную волю пусть и не всему остальному мировому сообществу, но хотя бы паре-тройке каких-нибудь зарвавшихся отморожков, двух патронов хватило бы с избытком. В крайнем случае, всё это дело можно было использовать как источник шума, если снова возникнет такая необходимость.

Вновь спрятав пистолет за пояс джинсов и накрыв его толстовкой, я вышел в коридор. Я шёл по нему и чувствовал себя как-то по-особенному. Пистолет у моего брюха придавал мне ощущение полной защищённости – даже неуязвимости. Я поистине ощущал себя хозяином положения: тем, кому никто не указ, и кто сам волен приказывать, если на то будет нужда. Рольставни отделов и супермаркета внизу были по-прежнему опущены и заперты на ключ, но я чувствовал, что для меня они открыты. Что я могу, если захочу, войти куда угодно, и никто мне не помешает. Всего-то кусок металла весом меньше килограмма, а какая власть! Само собой, я не собирался хоть каким-то явным образом показывать её и уж тем более угрожать кому-либо – для этого мне попросту не хватило бы духа. Но чувство того, что я могу, если захочу, было бесценным и окрыляло меня. Интересно, так ли ощущали себя в своё время всяческие депутаты и представители административного аппарата, нося в кармане свои удостоверения и прочие бумаги, юридически закреплявшие их полномочия? С оружием за поясом я вдруг начал понимать всех этих субъектов с волшебными мигалками на гражд-

данских автомобилях, про происхождения и злоключения которых в интернете было столько роликов.

После обеда я лёг поспать, чтобы предстоящую ночную вахту нести бодрым и отдохнувшим. Когда вечером пришла пора сменяться, я поднялся на крышу и поздоровался с Тохой.

– Привет, – сказал я.

– Здоров, – ответил Тоха, – Чё там, как всё внизу?

– Нормально. Как тут?

– Путём. Мертвечины нет: как испарились все. Чё там Лёха?

– Отдыхает. Вроде, говорят, нормально дело. Жить будет.

– Ясно. А этот чё там? Задачи нарезает?

– Кто?

– Ну, который вместо мента теперь.

– А-а. Да нет вроде: делать-то особо нечего. Так только, текущие моменты.

– Понял. Ну чё, ты всё, заступаешь?

– Ага.

– Ладно. Я вниз пошёл тогда.

– Давай.

Тоха отдал мне рацию и направился к выходу. На полпути он остановился. Будто бы он что-то забыл, но не мог вспомнить, что именно.

– Слыш, я чё спросить хотел, – вдруг начал он, – А чё со стволом-то в итоге?

– С каким? – делано удивился я.

– С которым мент ходил всё. Он с ним ушёл, когда вы разминулись?

– Ага, вроде, – ответил я.

– А-а. Ну окей тогда, давай, счастливо.

И Тоха ушёл.

Ночь была холодной. Небеса заволокли тучи, и звёзд видно не было. Казалось, что вот-вот соберётся дождь. Я накинул на себя плед, взял термос, который догадался притащить с собой в наряд, и стал попивать горячий чай, вглядываясь в пустоту.

День 19

Утром, едва вернулся Тоха, я сразу же отправился вниз, чтобы как следует отдохнуть. Я попросил у Лёхи ключи от подсобки его магазина, чтобы отоспаться там, в тишине и покое. Лёха дал ключи и попросил вернуть, как закончу.

– И ещё это, – добавил он, – Опустить там шторку эту на входе, чтоб никто не шастал.

– Понял, сделаю. Спасибо, – ответил я.

– Да не за что.

Сон вышел знатным. Мне снился парк аттракционов и Ира, и то, как мы гуляли с ней там и ходили в какие-то места. Всё вокруг было смазанным и неоднородным, как это обычно бывает во снах, и мы лихо перемещались между пространствами, буквально телепортируясь из одной точки в другую.

Мы ели сладкое мороженое, вкус которого я уже успел позабыть. На ней был белый сарафан с голубыми цветочками, так же легко и плавно танцевавший на ветру, как и её вьющиеся волосы. Она много улыбалась. Я, кажется, тоже.

Проснувшись, я сразу же написал ей. Рассказал обо всём, что произошло за последние дни и извинился за то, что давно не выходил на связь. Она была онлайн и ответила сразу же. Сказала, что у неё всё нормально, но припасы заканчиваются, и мало-помалу приходится начинать экономить. Звучало это любопытно: неужели до сей поры им с родителями удавалось не ограничивать себя ни в чём, и только сейчас они задумались об экономии? В ответ на это она сказала, что их кухня всегда напоминала собою схрон на случай ядерной зимы, и что на фоне бардака за окном и полной невозможности выйти куда-либо проблема продовольствия была для них сущим пустяком. Мне было радостно это слышать, но Ира не разделяла моего оптимизма. Для неё девятнадцать дней взаперти были нестерпимой мукой, а единственная отрада, состоявшая в том, чтобы подышать свежим воздухом на балконе, омрачалась необходимостью слушать стоны заражённых, толпами бродивших под окнами, и приглушённые щелчки автоматных выстрелов вдалеке. Она сказала, что с удовольствием поменялась бы местами со мной, на что я ответил, что с радостью принял бы сейчас её участь. Сошлись мы на том, что неплохо было бы нам оказаться где-нибудь вместе.

Я вышел на фуд-корт, чтобы получить ужин, который для

меня технически представлял собой завтрак. Вместе с ужином я получил миску полнейшего недоумения от происшедшего там. Перед собравшимися выступал человек, которого я раньше не видел в торговом центре. Он держал слово. Все – и даже Юрин отец – слушали его внимательно и сосредоточено: так, словно этот человек был новым шерифом в нашем скромном городке и сегодняшним вечером почтил визитом наш ковбойский салун.

– ...Поэтому смотрите сами, – говорил человек, – Просто чтоб вы понимали ситуацию. Да, ясное дело, вся эта тема с магазинами – это похвально даже, если по ментовским понятиям судить. Но времена сейчас другие. Кушать же всем хочется, правильно? А деньги теперь как зарабатывать? Зарплата чё-то мне вот лично не приходила в начале месяца. Понятно, что у вас был расчёт, что всё утрясётся как-то. Поначалу оно так и казалось всё: ещё мальчика – и всё, порядок восстановлен, эпидемия побеждена, все счастливы. Но уже месяц почти прошёл без малого. Новости в мире сами знаете, какие. В городе – аналогично, ничего хорошего не светит. Поэтому надо как-то выживать, надо как-то барахтаться. В общем, смотрите, времени до завтра даю, чё надо – берите сами, если есть куда идти – идите, если надо остаться – оставайтесь, не выгоним, приютим, обогреем. Завтра мы по-любому заходим, при всех раскладах. Если есть желание сейчас мне морду набить или ещё чё – ваше право. Но тогда не ждите, что мои пацаны с вами церемониться станут. Всё,

как говорится, благодарю за внимание, всем всех благ. Выход найду.

На этом слове человек ушёл, и никто не отправился его провожать. Ещё какое-то время все сидели в такой тишине, словно им только что анонсировали многосуточный премьерный показ всего артхаусного кино, снятого человечеством, и явка была строго обязательной под угрозой смертной казни.

– Ну и чё делать-то теперь? – спросил, наконец, кто-то, обращаясь к Юриному отцу, взявшему на себя лидерские полномочия.

– Да откуда я знаю?! Надо подумать, – ответил он.

– Чё думать?! Это ж урки чистые! Рожи уголовные, они тут камня на камне не оставят. С такими тут заживёшь!

– И чё теперь, воевать? В штыковую на них?

– Валить надо! Забирать всё и валить!

– Это хорошо, если есть, куда! А мне до дома тридцать километров! И я не на машине сюда приехала!

Отдельные реплики очень быстро слились в гул ропщущих голосов, в котором трудно было вычленить что-либо содержательное. Юрин отец ещё около минуты сидел с задумчивым видом и полумёртвым взглядом смотрел в стол прямо перед собой, потирая ладонью подбородок с недельной щетиной. Потом он встал и так громко, как мог, сказал:

– Так, стоп! Тихо! Тихо!!! Я на крышу, осмотрюсь. Вы тут сами себе подумайте обо всём. Вернусь – обсудим, что даль-

ше делать.

Под вновь взорвавший зал гвалт обсуждений Юрин отец ушёл на крышу, а вместе с ним – и сам Юра. Я подсел к Аркадию. Ангелина и её мать сидели за тем же столом.

– А чё случилось-то? Кто это? Я половину прослушал, – спросил я, обращаясь к Аркадию и стараясь перекрычать шум вокруг.

– Да чё тут? Короче. Пришёл тип этот. Сначала типа просто в магаз как будто бы зайти. Потом говорит, хочу объявление сделать, соберитесь все. И начал раскладывать. Говорит, мол, вот, я вижу, мент вас покинул, поэтому вот, как всё теперь будет: наш интерес, мол, жить здесь, ко всем благам поближе. Раньше нас мент ваш не пускал, да ещё и одного застрелил, но против вас мы ничего не имеем. Даём вам, мол, время подумать, уходить или оставаться, но, если останетесь – жить будете по нашим правилам. И чё-то типа про то, что вот, времена сейчас другие, кушать всем хочется, а деньги теперь как зарабатывать?..

– Да, дальше я уже слышал, – прервал Аркадия я, – И чё делать думаешь?

– Да что тут думать? Уходим, и всё! Не хватало ещё тут с этими... Под одной крышей, – сказала вместо Аркадия мать Ангелины.

– Я тоже, если честно, не хочу оставаться: боязно как-то, – сказала Ангелина, а потом спросила уже Аркадия, – Ты как? К тебе, наверное, идти надо: до тебя-то ближе.

– Да, по ходу, – ответил он, – Но только завтра уже. Шас вон, темнеть уже скоро начнёт. Да и взять чё-то надо в дорогу. А ты Костян чё? Вариант у тебя перекантоваться будет, как в прошлый раз? Недолго, чисто так, перевалочный пункт.

– Я сейчас приду, – ответил я, вышел из-за стола, на котором оставил поднос с недоеденным ужином, и отправился на крышу.

Наверху я нашёл Юру и Юриного отца. Они стояли у края и всматривались куда-то вдаль: Юра через бинокль, а Юрий отец – просто так.

– Ну чё, в Восход зашёл? – спросил он.

– Да, – ответил Юра.

– Значит, точно они. Ох-х...

Тохи на крыше не было. Видимо, его отправили вниз, чтобы он мог передохнуть и перекусить. Юрий отец, увидев меня, многозначительно сказал:

– Н-да-а, во дела, а?

– Это из Восхода люди, говорите? – спросил я.

– Они, – ответил Юрий отец, – Слышал, чё говорил этот?

– Ага.

– Козлы, ё-моё. Ну, а чё теперь поделаешь? Воевать что ли с ними? У них тоже огнестрела нет, по всей видимости, иначе бы они не шибко-то затягивали – сразу бы зашли. Но махаться на палках-то тоже мало приятного. Тем более, там мужики одни. Кто постарше, кто помоложе. А у нас что? По-

ловина бабы, а половина...

Юрин отец смерил меня взглядом. Не своего сына – меня. Будто бы я был олицетворением всей безнадёжности нашего положения, будто бы сам факт моего присутствия мешал ему заставить людей из Восхода держаться подальше от нас. А уж если бы не я – он бы им показал.

– Нет, я не в обиду, если что, – тут же поправил себя он, – Просто вы малые ещё. Куда вам? Да и мне – куда? Тоже тот ещё боец, ё-моё. Был бы мент – они б не сунулись так, нахрапом. Или ствол хотя бы какой, чтоб припугнуть.

На этих словах Юриного отца передо мной будто бы открылись две двери, которые вели в одно и то же безрадостное постапокалиптическое будущее, но разными путями. За первой дверью я видел, как ухожу из Радуги вместе с остальными: беру в Лёхином магазине туристический рюкзак и запасуюсь провиантом сполна. Затем забегаю в аптеку, беру необходимые или кажущиеся необходимыми лекарства, может – наберусь наглости и разживусь новым, неприлично дорогим телефоном, о котором всегда мечтал. Сделаю всё это и отправлюсь в путь, оставив пистолет при себе и не сказав о нём никому: мне-то он ещё пригодится. Вдруг нужно будет прихлопнуть мертвеца по пути или прихлопнуть самого себя много позже, когда жить в новом безобразном мире станет невозможно. Таков был первый путь: самый очевидный и самый целесообразный с точки зрения самосохранения. Из Радуги всё равно уйдут все, кому есть, куда идти. А кому

идти некуда – тем придётся смириться с новыми реалиями, ничего не поделаешь.

За второй же дверью я видел возможность помочь этим самым людям, которым путь наружу заказан, и для которых остаться в Радуге хотя бы ещё ненадолго, чтобы выиграть время и всё тщательно спланировать, было жизненно важно. В нормальной, привычной, старой-доброй Радуге, в которой всё ещё сохраняются прежние правила цивилизованного существования. Я видел возможность использовать силу, которую давал всего-то пистолет, всего-то с двумя пулями, во благо: для заступничества и защиты тех, кому такой игрушкой разжиться не удалось. Для тех же целей, для которых использовал его полицейский, который и дал его мне тогда, на перекрёстке, в суматохе и сумбуре погони. Как бы он хотел, чтобы я распорядился его подарком? Или стоит наплевать на всё, чего хотел бы от меня кто бы то ни было и самому распорядиться своей судьбой, используя всё, что я имею, для своего и только своего блага?

Я вдруг вспомнил отца. Когда-то, когда я ещё был совсем мелким, а он – совсем пьяным после какого-нибудь шумного застолья, он по своей славной традиции брался учить меня житейской мудрости. Однажды, во время одной из таких сессий по трансферу опыта из пережитого в мою семилетнюю голову, он сказал что-то вроде: «В тяжёлой ситуации, когда не знаешь, как поступать – поступай правильно. Не ошибёшься». Я не понимал тогда, о чём речь. Да и отец не

понимал: ему просто важно было это сказать, и чтобы это прозвучало глубоко и проникновенно, прежде всего – для него самого. Но, как это часто бывает с детскими воспоминаниями, фраза эта отложилась где-то у меня в подкорке и всплыла в тот момент, который сочла нужным. И она действительно оказалась очень нужной.

– А сколько их человек там? – спросил я.

– В Восходе-то? Этот говорил, что, вроде, десять или около того, – ответил Юрин отец.

– И пистолет бы мог их припугнуть?

– Конечно. Такие – они ж как шакалы. Самого сильного приструни – и остальные разбегутся.

– А если не разбегутся?

– Ещё как разбегутся! Я таких знаю. Только серьёзно так их надо прижать, чтоб прям обделались. Почему и говорю про...

Глаза Юринога отца округлились в искреннем удивлении, когда я достал из-за пояса пистолет. Он выглядел как ребёнок, получивший тот самый подарок на Новый Год, о котором писал в письме к Деду Морозу. Вот прямо тот самый! Точно такой, каким он его представлял! Я протянул ему пистолет рукоятку вперёд. Он взял его, и я вдруг увидел, как оружие наполняет его той самой энергией, которую я ощущал в себе, нося его за поясом под толстовкой и прогуливаясь по коридорам Радуги.

– Х-хо-хо-хо! Ну дела! Это он тебе отдал? – спросил Юрин

отец.

– Да, – ответил я.

– Дай посмотреть! – попросил Юра.

– Ага, щ-щас! Потом посмотришь. Так, я теперь вниз. Это, – Юрин отец поднял вверх пистолет, – Это я припрячу пока. И вы тоже никому ни слова, понятно? Я, чтоб никого сильно не обнадёживать, скажу, что, мол, решили отбиться, кто хочет – может поучаствовать. Так только те останутся, у кого духа хватит, если что. Вы только своим скажите, чтобы пока не разбегались и сплеча не рубили. Убежать всегда успеют. Да и всё равно немного погода надо будет уходить – так или иначе. Просто теперь мы на своих условиях уйдём, когда готовы будем. Ладно, заболтался. Давайте, я вниз. Юрка, со мной или тут побудешь?

– Да, щас подойду, – ответил Юра.

Пока Юрин отец окончательно не скрылся за дверью, мы стояли молча. Я упивался моментом и чувствовал себя под стать погоде: в воздухе пахло только-только закончившимся летним дождём, а с неба сквозь тучи пробивались к земле яркие лучи заходящего солнца. Дверь, ведущая на крышу, захлопнулась, и Юра приглушённым и злым голосом прошипел:

– Нафиг ты ему ствол дал?!

– В смысле?

– В коромысле! Он только домой уходить настроился: щас думал всё, соберёмся, раз-два и на месте. Чё тебе надо-то

было пукалку эту вонючую достать?!

– Да я как лучше хотел...

– Как лучше... Дохотелся? Теперь ещё тут застрянем хрен знает, насколько. Тьфу!

Юра выругался и ушёл вслед за отцом, не дав мне возможности что-либо ответить. Да я и не хотел отвечать. Несмотря на все его сокрушения, я ощущал нерушимость своей правоты и чувствовал себя превосходно.

Немного погодя подошёл Тоха, которого отправляли погулять на время, а он, в свою очередь, воспользовался этой возможностью, чтобы налить себе термос и захватить пару бутербродов.

– Чё-то этот лысый там бузу поднимает, – сказал он.

– Какую бузу?

– Говорит, махатья надо с этими типами. Ну, которые вон, оттуда, – Тоха кивнул головой в сторону Восхода.

– А ты уже в курсе про них?

– Ну да, мне там вкратце обрисовали, внизу. Мутная тема. В смысле, махатья с кем-то. Тут мертвяки по дворам шастают, а он живых кошмарить решил.

– Да ладно, он же так, сугубо припугнуть.

– Ага, припугнуть... Ты, кстати, сам чё? Валишь или тоже махатья планируешь? – с усмешкой спросил Тоха, будто бы заранее зная ответ. Я решил подыграть ему иронией, которая, как мне казалось, будет очевидной и прозрачной.

– Конечно махатья, а как иначе? За своё надо драться, я

считаю. До конца.

Тоха посмотрел на меня круглыми глазами, и я сразу понял, что иронию мою он не распознал. Но я решил на этом не останавливаться и продолжил:

– Там половина, кто остался, согласятся драться. Им терять нечего, у них-то и дом далеко, и здесь они фактически как дома уже себя чувствуют. А за дом они уж – до последней капли.

Тоха всерьёз насторожился, но по-прежнему ничего не отвечал. Я решил, что добавлю ещё огоньку, чтобы он, наконец, всё понял:

– Лёху вон возьми. В общагу ему пешком идти что ли? Тоже выйдет, с топором да ледорубом.

Наконец, Тоха усмехнулся и сказал на это:

– Пупок у него развяжется, у Лёхи! Куда ему?

– Да я же не серьёзно это всё, – раскрыл карты я, – Так, жути нагоняю. Понятно, что уйдут все. А кто не уйдёт... Тот – не знаю.

– Ты сам уходишь?

– Да, завтра утром.

– Правильно.

– А ты?

– Тоже, наверное. Посмотрим.

– Посмотрим. Ладно, я пошёл: еда стынет.

– Давай, удачи.

Я снова спустился вниз. На фуд-корте по-прежнему шла

оживлённая дискуссия. Теперь активное участие в ней принимал Юрин отец, сколотивший вокруг себя сообщество из нескольких человек, которые и впрямь согласились остаться и завтра дать отпор грозившимся нагрянуть обитателям Восхода. Те же, кто намеревался уходить, требовали от Юрино отца открыть супермаркет и другие отделы, чтобы они могли основательно запастись всем необходимым в дорогу. Тот сначала протестовал, но позже уступил натиску подавляющего большинства и сказал, что откроет двери ровно на час, после чего затворит их снова.

– Чё это он раздухарился вдруг так? – недоумевала мать Анжелины.

– Не знаю, – ответил я, допил остатки сока и встал, чтобы унести поднос и помыть за собой посуду.

– Ты это, слыш, чё, Костян... Как насчёт завтра? – спросил Аркадий.

– Да, договорились. Уходим вместе. Можете у меня остаться ненадолго. Но сначала надо собраться. Как магазин откроют – сходим, возьмём всё. И всё, завтра выдвигаемся.

Я развернулся и направился в сторону кухни, не дожидаясь ответа. Вся обстановка нынешней ситуации с просьбой Аркадия остановиться у меня была в точности такой же, как тогда, на десятый день. Но, всё же, имелась какая-то существенная разница, которую я не мог объяснить, но которую явственно ощущал. Будто бы тогда, несмотря на то что Аркадий был в положении просящего, я чувствовал себя обя-

занным и зависимым от своего конечного решения. Теперь же в зависимом положении находился Аркадий, а я, сознавая за собой возможность отказать, проявлял щедрость. Говорю же, трудно это объяснить – гораздо проще прочувствовать, и то, что прочувствовал я, меня пьянило и служило поводом к гордости: быть может, беспричинной.

Когда Юрин отец открыл рольставни супермаркета, народ хлынул внутрь и стал сметать с полок всё, что мог унести. Разумеется, никто больше ни за что не платил. Я – тоже. И тем не менее, я старался не жадничать и брать только то, что мне хочется взять, а не то, что мне было необходимо. Например, я не счёл нужным запастись крупами и всякого рода вещами из набора начинающих выживальщиков. Такого добра у меня и дома хватало, а брал я лишь те вещи, которые при худших сценариях развития событий вскоре станут большой редкостью, и которыми я хотел насладиться напоследок. Я взял несколько колбас, сыров, пару упаковок непортящегося тостового хлеба, мороженое, которое планировал съесть немедленно, и даже бутылку вина. В алкогольном отделе был аншлаг: все запасались крепкими напитками впрок, чтобы при случае иметь шанс забыться и отрешиться от происходящего за окном. Сигареты тоже быстро расходились. Гораздо важнее для людей оказывалась потребность в химическом скрашивании тоски, одиночества и изоляции в своём жилище, нежели возможность положить в свои сумки лишнюю упаковку гречи. Необходимость праздника на фоне творя-

щегося в мире затмевала страх перед возможной нехваткой продовольствия. Очень скоро эти люди станут корить себя за то, что вместо килограммов риса забили рюкзаки литрами бурбона, но пока они делали то, что считали нужным и верным.

Когда праздник жизни закончился, все мы, собравшиеся завтрашним утром убираться прочь, расположились в кинозале. Кто-то прямо тут, прямо сейчас начинал праздновать, и те из нас, кому хотелось выспаться, были жутко этим недовольны. Я спать не хотел, да и праздновать мне тоже было пока нечего, и я молчаливо наблюдал за всем происходящим со стороны. Аркадий всё пытался втянуть меня в планирование нашего завтрашнего похода, но я не слушал его и всячески пытался уйти от разговора. Из нашей вылазки на семнадцатый день я хорошо уяснил одно: любой, даже самый безупречный план имеет очень большой риск разрушиться и оставить тебя в ступоре непонимания происходящего, а затем – в пучине беспросветного уныния и разочарования. Гораздо проще и мудрее – оставить себе волю действовать по ситуации при любых обстоятельствах и освободиться от оков плана А, Б и прочих букв алфавита. Снаружи творится сущий хаос, и чтобы выжить в нём, нужно соответствовать среде и приспособливаться к ней. Таким я видел залог безмятежного существования на закате девятнадцатого дня жизни в полнейшей неизвестности.

Где-то там, за пределами кинотеатра, люди с Юриным от-

цом во главе и через несколько часов после полуночи не спали, планируя завтрашнюю встречу с Восходом.

День 20

В районе семи утра нас с Аркадием разбудил Юра. Выглядел он растерянно и испуганно.

– Пацаны! Вы чё там, когда уходите? – спросил он.

– Щас, как все проснутся, – ответил Аркадий, – А чё?

– Блин. Слушай, по-братски, можете там, внизу с нами постоять?

– С кем?

– Со всеми. Там, в общем, батя задумал этих типов мутных пугнуть, когда они придут. Друг твой вон, в курсе, – Юра кивнул на меня, только-только вставшего с лежанки и усевшегося в одно из кресел.

– И чё? – недоумевал Аркадий, – Мы-то при чём? Мы щас домой идём, мы воевать не подписывались.

– Да и не надо воевать! У бати ствол есть, он их так, шуганёт, и всё. Надо просто для количества, чтоб народу побольше было. А то нас всего семь.

– Для какого количества? Мы уже на чемоданах, вон! – Аркадий кивнул в сторону наших заполненных до краёв рюкзаков, стоявших рядом.

– Братуха, пять минут всего! Ну чё ты, ну? По старой дружбе.

– Я на стрелку не подписывался, – вяло протестовал Ар-

кадия, уже явно готовый к тому, чтобы уступить.

– Да и не надо ничё делать! Просто постой и посмотри грозно. Я тебе говорю, пять-десять минут, и всё, и пойдёте, куда надо. Они, вон, спят ещё всё равно, – Юра метнул взгляд на Ангелину и её мать, спавших по соседству.

– Ладно, ладно. Костян, ты пойдёшь? – спросил Аркадий.

– Давай, – ответил я.

Я был уверен, что аргумент в виде пистолета подействует на непрошенных гостей, как действовал раньше, когда в Радуге заправлял полицейский, и не сомневался, что всё пойдёт по плану. Ко всему прочему, мне, всё же, хотелось увидеть развязку всей этой истории и уже на этой мажорной ноте покинуть торговый центр.

– Спасибо, пацаны! Возьмите только чё-нибудь, чтоб серьёзно выглядеть.

Аркадий взял топорик, а я – свой молоток.

– погоди. Надо их будить, – сказал Аркадий.

– Кого? – спросил я.

– Их, – ответил он, подошёл к Ангелине и её матери и потряс их обеих за плечи.

– Зачем? – недоумевал я.

– На всякий. Вставайте! Давайте пока, раскачивайтесь в темпе, мы внизу будем ждать.

– М-м-м?... – только и смогла промычать в ответ на это Ангелина, приоткрыв опухшие от сна веки.

– Вставайте говорю! Выдвигаемся минут через десять.

Мы внизу будем. Как готовы будете – берите рюкзаки, и идём, – инструктировал её Аркадий.

– Чё так рано-то? – возмутилась она.

– Надо. Всё, буди мамку и подскакивайте. Костян, возьми рюкзак.

Я не стал спорить, поняв, что так Аркадию будет спокойнее, и что времени на разглагольствования о том, возвращаться ли нам в кинозал после дельца внизу или нет, не было.

– Хорош уже, пошли быстрее! Они минут пять назад уже от своей ночлежки отошли, сюда идут, – торопил нас обоих Юра.

Мы взяли рюкзаки со всем, что запасли вчера вечером, и вслед за Юрой направились в холл первого этажа. Там уже стояли люди: Юрин отец, ещё четыре человека, которых ему вчера удалось убедить составить ему компанию, и, к моему удивлению, Тоха, сжимавший в руке нож.

– Идут! – объявил Юрин отец, увидев толпу экипированных странников с рюкзаками и сумками наперевес, и с внушительным разнообразием холодного оружия в руках.

Вид этих людей всех вместе вселял ужас. Не такой, конечно, как вид одичалых заражённых, стремительно прущих толпой и стремящихся разорвать и сожрать всех на своём пути, но близкий к этому.

– Чё, как делаем? – спросил кто-то по нашу сторону баррикад, – Запускаем их и тут базарим или как?

– Нет конечно! – ответил Юрин отец, – Сами выйдем, нефиг им тут делать, сволочам. Пошли!

Он открыл центральные двери, и мы вышли на парковку перед торговым центром, где встретились лицом к лицу с теми, кто уже решил, что Радуга теперь в их руках, и это вопрос решённый. Впереди них шёл тот же человек, который вчерашним вечером приходил сюда и держал речь на фуд-корте. Он и заговорил первым:

– Все что ли? Остальные свалили уже?

– Никто не... – голос Юринога отца дрогнул. Он прокашлялся, чтобы прочистить горло, а затем продолжил, – Никто не свалил никуда. Все внутри.

– Чё, только вы уматываете, получается? Ну, в добрый путь! С нашей стороны бакланов этих полудохлых вроде не было. Коли туда подадитесь – тихо всё будет.

– Никуда никто не уматывает. Все остаются. Вы – назад идёте, откуда пришли.

Было видно, что Юрин отец ждёт подходящего момента, чтобы достать из-за спины свой главный козырь в этой партии, но с каждой секундой терпение и выдержка его таяли, и он уже почти был на взводе. Человек из Восхода усмехнулся и вполоборота глянул на тех, кто был у него за спиной. Они тоже ухмыльнулись, и ухмылка на их лицах больше походила на хищный оскал.

– Ну-ну. Чё, махаться будем? Десять на сколько? Раз, два, три...

– На столько же. Нас тут девять, а десятый – вот.

Юрин отец достал пистолет. Чувствовалось, как люди из Восхода напряглись, хотя внешне они и никак не выказали своего трепета перед усилением наших переговорных позиций.

– Чё, стрелять будешь? – осторожно, уже без усмешки спросил человек из Восхода.

– Понадобится – буду! – ответил Юрин отец.

– Ладно, понял, всё. Ты расслабься, я вкурил. Можешь опустить.

– А ты отойди!

– Отойду. Ты только не тычь в меня, а то нехорошо такие вещи на людей направлять.

– Давай-давай. Дальше! Вот так. И ещё дальше. А теперь – все развернулись, и спокойно идём на...

– Чё стоишь, не тупи, кончай его, – сказал человек из Восхода убаюкивающим тоном – так, что почти никто сразу и не понял, к чему он это, и кому эта фраза была адресована. Никто, кроме одного.

Вы-то, дорогие читатели, уж наверняка сразу до всего догадались. Не стремлюсь умалить ваши незаурядные детективные способности – просто расскажу, как так получилось, и почему ни я – дурак, – ни кто-либо другой, находившийся в центре всего того многостраничного повествования, с которым вы, надо думать, уже ознакомились, не додумался до всего сразу так же быстро, как это сделали вы. Вот, какая

штука: вы читаете дневник того, кто описывает произошедшее с ним, уже делая акценты на всех тех деталях, которые будут важны для всего, что вы прочтёте после. Проще говоря, по отношению к реальной цепи событий, всё читаемое вами – это вторичный продукт моего осмысления пережитого и соединения всего этого в стройную и последовательную историю. Рискну предположить, что, находясь на моём месте и проживая описанные события сызнова, минуту за минутой, во всей их пестроте и многообразии тех деталей, которые я предпочёл опустить, даже такие незаурядные шерлоки холмсы как вы могли бы упустить из виду всё то, на что не обращал внимания и я, находясь в моменте. Переложив все прожитые мною события на бумагу, я дистиллировал их, избавив от примесей, благодаря чему вы получили эссенцию в виде линейной истории, в которой уже соединены воедино все ключевые связующие звенья. А уж следуя от звена к звену, читая всё это, вы, конечно же, без труда поняли, кто среди нас всё это время был, так скажем, агентом полууголовного сообщества странников из Восхода. Зачем я так разошёлся, и для чего я всё это вам тут рассказываю? Чтобы вы не думали плохо обо мне или о ком-либо ещё из числа фигурантов моего предсмертного повествования: что я – дурак, что полицейский – дурак и балбес, что Юрин отец – непроходимый тупица, не видевший дальше своего носа, и что все мы были просто кучкой идиотов, не заметивших очевидное. О мёртвых либо хорошо, либо – ничего, поэтому

отбросьте пожалуйста все ложные предубеждения и наслаждайтесь кровавой баней.

Через несколько долгих секунд после того, как прозвучала команда человека из Восхода, Тоха подошёл к Юриному отцу сзади и ударил его ножом в шею. Тот, наверное, и не понял ничего сразу – только дёрнулся и издал тихий звук, похожий на произвольное икание. Тоха, в свою очередь, действовал чётко и быстро. А может, это нам так казалось на фоне нашего замешательства и неспособности делать вообще что-либо. Он отпустил нож, схватился за руку Юриного отца и точно по канату взобрался по ней от плеча к кисти, вздёрнутой чуть выше головы. Затем он выхватил пистолет, разжав ослабшую хватку его прежнего хозяина, и отскочил.

Уверен, Юра в тот момент не думал совершенно ни о чём и сделал всё импульсивно. Он бросился на Тоху, который тут же направил на него пистолет и, не став размениваться на окрики и предупреждения, выстрелил дважды ему в грудь. Гром стрельбы раскатился по округе, а затем откуда-то издаleка последовало уже приглушённое эхо. Юрин отец, в панике вытащив нож из раны, устремился к своему убийце, держась за кровоточащую шею. Он намерен был сделать что-то, но в его глазах потемнело, земля ушла из-под ног, и он забыл уже обо всём на свете, по инерции двигаясь неровной поступью к Тохе. Тот оттолкнул его, и Юрин отец упал на землю, и больше уже никогда не поднялся.

«Раз-два. Бам-бам», – прокрутилась несколько раз в мо-

ей голове незатейливая мысль, которая послужила ключом к ясному осознанию того, что делать дальше.

«Раз-два. Бам-бам!»

– Быстро! – крикнул я Аркадию, схватил его за одежду и утащил за собой. Когда я отпустил его, мне было уже всё равно, бежит ли он где-то там, сзади, или нет.

– Стоять! – окликнул голос то ли Тохи, то ли того человека из Восхода – всё равно. Ни у кого из них не было больше заряженного пистолета, и никто не мог выстрелить мне в спину. Я это точно знал. Что до остальных четверых, оставшихся в живых – не знаю. И никогда уже не узнаю.

Я бежал к своему дому и не думал о том, следует ли кто-то за мной или нет. Я вообще ни о чём не думал – просто бежал, бежал и бежал, пока не оказался у двери своего подъезда. На крыльце я дрожащей рукой вытащил из кармана ключ и открыл магнитный замок. Вместе со мной в подъезд зашёл кто-то ещё. Этот кто-то был слишком близко, и я развернулся, чтобы толкнуть его посильнее и выиграть себе время для того, чтобы взобраться по лестнице на восьмой этаж. Аркадий с грохотом ударился о ровные ряды металлических почтовых ящиков. Поняв, наконец, что он – это он, я смог только повторить то, что уже кричал ему когда-то там, в прошлой жизни – несколько минут назад:

– Быстро!

Мы взлетели вверх по лестнице, я открыл дверь своей квартиры, в которой не был всего-то десять дней, и всё, на-

конец, закончилось.

Долгое время мы ничего не могли сказать – могли только смотреть друг на друга, и взгляды наши говорили обо всём без слов. Мы всё ещё были в паническом ужасе, но одновременно ликовали, радуясь тому, что нам удалось уйти живыми. Прошло полчаса, может – больше, прежде чем Аркадий проронил первую фразу во внезапно настигшем его озарении:

– Блин, они же... Они же там все! Блин!

Блинами, конечно, в его речи в тот момент и не пахло. Но сути это, полагаю, не меняет.

– Да... – только и смог ответить на это я.

– Надо это, слыш... Надо назад!

– Сдурел?

– Чё сдурел?! Они там шас... Блин!

– Погоди, погоди малёх. Остынь. Всё нормально, они – те, кто внутри – не при делах. Отпустят с миром.

– Ага, с миром! А если это... Блин, там же этот стрелял!

Там же шас... Шас эти набегут!

– Уже всё. Если и так, то уже набежали. Поздно.

– Какой поздно-то, ё-моё! Они...

Аркадий вдруг осознал, что и ему к Радуге никак не обратиться, если мертвецы сбежались на выстрел и снова облепили её.

– А если нет? – просиял надеждой он, – Если ничё нет? Мент их увёл всех! Нет там никого!

– Если так, то их отпустят, и они придут сюда. Сядь говори, остынь. Давай подождём сначала, потом будешь уже пороть горячку.

– Тебе легко!.. Ай-й!.. Блин!

Он сел на пол и схватил себя за голову, не выпуская из рук топор.

Успокоиться и прийти в норму нам обоим вскоре помогла бутылка дорогого и роскошного шнапса из его рюкзака. Аркадийпил со знанием дела, я – кряхтел и морщился, но воспринимал поило как лекарство и подливал себе ещё и ещё. Мало-помалу алкоголь вместе с частичкой рассудка забрал и сковывавший нас ужас от пережитого, и мы оба, если уместно будет так выразиться, пришли в адекватное состояние. Часы тикали на кухонной стене, а мы всё пили и ждали, пока придёт Ангелина с её матерью, и мы услышим звонок домофона. Но никто так и не приходил.

– Капец... – бормотал Аркадий, осознавая, что с каждой минутой надежды на лучший исход у него становится всё меньше.

– Да ладно ты! Времени ещё – десять часов. Они, видать, уснули тогда снова и спят до сих пор.

– Хорош уже, а! Ясно же всё. Что-то нечисто. По ходу... Блин, а чё они могут сделать, как думаешь? – спрашивал он.

– В смысле «сделать»?

– Ну там, не знаю. Ты вон, как-то про рабство чё-то говорил.

– Да я же так, шутя. Какое рабство? Мы ж не в Древнем Египте.

– Ага. Ну всё равно, они же черти, блин! Ещё и злющие шас, как чёрт.

– Да ну, брось! Ну чё они вот, а? Чё? Там из тех, кто даже уходить планировал, половина мужиков здоровых. Чё ты думаешь, они зайдут и всех насиловать будут, а?

Аркадий вздрогнул. Был видно, что я озвучил его худшие догадки. Я поспешил исправить положение:

– Насиловать мужиков, прикинь? Х-ха! Да расслабься. Всё окей будет, вот увидишь.

– А если нет?

– А если нет – тогда и подумаем. Давай ещё по одной.

К полудню бутылка опустела. Я чувствовал себя мертвецки пьяным и вместе с тем живее всех живых.

– Надо туда идти, слыш, – сказал Аркадий, тоже уже заметно окосев. Он курил прямо в кухне, но я не возражал.

– Куда ты шас пойдёшь? – ответил я, – Дороги не найдёшь, заблудишься. У тебя есть чё ещё?

– Да, я ещё винца брал.

– Давай разопьём. Ужрёмся так, чтоб совсем, и ляжем отсыпаться. А как проспимся – так и будем решать. Ну, ты будешь: я-то никуда не пойду, не обессудь.

– Тупая идея. А если они придут?

– А если придут – мы откроем. Ты чё, звонок не услышишь?

– А вдруг не услышу?

– В прихожей на полу ляжем, как свиньи. Так точно проснёмся, если позвонят.

– Позвонят! Бл... Телефон!!! – озарило вдруг Аркадия.

Он вытащил из кармана мобильник и набрал, по всей видимости, номер Ангелины. Первые три долгих гудка он слушал с надеждой. Потом, с каждым новым, надежда таяла в его глазах, и я вдруг вспомнил себя, дозванивавшимся в первые дни до матери с отцом.

– Не отвечает, – прокомментировал он, нажав на сброс.

– Тогда не знаю, – ответил я, и впрямь не зная, что ещё ему сказать.

– Так, всё, я пойду, – решительно сказал он, вскочив со стула. У него тут же закружилась голова, и он закачался, едва не рухнув прямо на стол.

– Ну куда ты такой пойдёшь?

– Пойду! Надо это быстро решать, иначе – капец.

– Да может... Может ну его, а?

– В смысле «ну его»?

– Ну, нафиг? Ты сам целый, чё тебе ещё надо? Погоди, отдышись, проспись, там уже подумаешь свежей головой.

– Чё думать-то? Это ж не левые люди какие. Мы с ней... Не знаю уже, сколько.

– Да это понятно. Но сам-то... Ты ж сам там пропасть можешь. А так хоть... Не знаю, блин. Так хоть сам живой останешься, стопудово.

– А нафиг мне самому живому быть просто так, скажи?

Сказав это, Аркадий посмотрел на меня плывущими, бесприсветно пьяными глазами. Но за блестящей в свете кухонной лампы пеленой алкогольного одурения в его взгляде читалось что-то настолько трезвое и ясное, что я, как ни старался, не смог придумать к этому подходящего описания. Он был подавлен, был в смятении, но несмотря на это, он точно знал, что составляет смысл его существования даже в этой новой, бессмысленной реальности и ни секунды не сомневался в том, что ему нужно делать дальше.

– Только слыш, это... Я многого прошу, наверное, а ты и так много сделал. Но я всё-таки попрошу, потому что иначе никак... – Аркадий взял долгую театральную паузу, которая, несмотря на всю свою внешнюю наигранность, в сущности своей была бесконечно искренней.

– Ну чё? Говори.

– Мне, наверное, бабло нужно будет. Или драгоценности какие. Чтоб откупиться. Они по-любому там, если держат их, просто так не отпустят. А я перебить всех не смогу – я ж не Рэмбо. И не этот... Как его? Джеймс Бонд. Типа, прокрасть... Прокрасть... Про-красть-ся я не смогу тайком и их выкрасть... выкраск... Ну, ты понял, короче.

– Понял, – ответил я.

У матери с отцом был тайник с валютой и драгоценностями, местоположение которого я знал, хотя они сами мне о нём никогда не говорили. Всё, что они сберегали на чёрный

день, было в ящике комода в их спальне. В том самом ящике с нижним бельём, в котором не стал рыться лысый мужик в кожаной куртке, вломившийся в мою квартиру на пятый день и требовавший дать ему аптечку. Теперь и вы знаете, где находятся ценные вещи моих родителей, но, если вдруг вам захочется найти их и прибрать всё к своим рукам, спешу вас расстроить: там больше ничего нет.

Взяв всё, что я ему отдал, Аркадий направился в ванную, чтобы умыться холодной водой и намочить голову. Так он надеялся хоть немного протрезветь.

– Точно не передумаешь? – спросил напоследок я, когда уже открывал входную дверь.

– Нет. Давай, не томи.

– Ладно. Удачи тебе.

– Спасибо. Тебе тоже. Да может и увидимся ещё сегодня! А может, мы сразу ко мне пойдём – не знаю. Но ты в всё равно хотя бы щас пока, первое время, будь у домофона.

– Буду.

– Ну всё, я погнал, давай.

Аркадий вышел в подъезд, и я закрыл за ним дверь.

Я больше не пил, решив оставить бутылку вина из своего рюкзака на чёрный день. Но и без новой дозы сознание моё плыло, и с каждой минутой в полном одиночестве и в давящей тишине гостиной я всё больше хотел спать. Я решил, что прилягу ненадолго тут, на диване, а если кто-то позвонит в домофон, я обязательно услышу и открою. Спал я крепко

и долго, с перерывами на редкие пробуждения для похода в туалет. Окончательно проснулся я только в половине шестого вечера. Аркадий с Ангелиной и её матерью так и не появились, и я был уверен, что не мог пропустить звонок домофона. Это значило, что либо они ушли к Аркадию, миновав мой дом, либо... Либо что-то помешало им добраться до меня, а то и даже выйти за пределы Радуги. Я решил включить компьютер – впервые за долгое-долгое время – зайти в интернет, написать Аркадию и справиться о том, как у него дела. Но, открыв окно браузера, я обнаружил, что интернет исчез. И больше после того вечера он так и не появился.

По тому, сколько времени в нашем пьяном разговоре мы с Аркадием уделили обсуждению того, что произошло на парковке перед Радугой, могло показаться, будто бы смерть Юры и его отца вовсе прошла мимо нас, не оставив поводов к тому, чтобы всё это дело проговорить. На самом деле, конечно же, нет. Просто что тут уже теперь обсуждать-то? Да, оба из нас впервые увидели, как умирает человек – именно человек, а не ходячий мертвец, который, в сущности, и так уже мёртв. Да, всё увиденное останется в нашей памяти до конца наших дней. Но, пожалуй, мы были не настолько близки, чтобы делиться своими глубокими переживаниями на этот счёт друг с другом – вот, что. О том, что сейчас происходит в Радуге, я не имею ни малейшего понятия. Знаю только, что теперь там находятся все эти

люди, для которых рутинным делом оказалось зарезать и застрелить человека, а значит – туда лучшие больше не соваться. Людей, творящих на улицах то, что раньше казалось немыслимым, теперь стало много, и в этом смысле весь наш город вскоре превратится в одну большую Радугу – дайте только время. Сегодня, например, пока писал, видел под окнами каких-то трёх упырей, бывших стёкла в квартирах на первом этаже моего дома. Потом они влезали внутрь и, должно быть, выносили всё подчистую. Те, кто на такого рода дерзости не способны, в массе своей продолжают сидеть по домам и бояться. Вряд ли в ком-либо ещё теплится надежда на то, что всё как-нибудь рано или поздно рассосётся, и жизнь вернётся в привычное русло. Теперь людей отделяет от выхода наружу один только страх. Но с отключением электричества, водоснабжения, сотовой связи, с уходом в небытие всего того, что раньше составляло нашу привычную жизнь, и наличие чего позволяло продолжать отсиживаться в стенах своих квартир – без всего этого и самые запуганные вскоре начнут выползать на улицы и контактировать с враждебным внешним миром. И неясно, во что это всё выльется. Мне осталось рассказать лишь о последних шести днях, чтобы дойти до того самого дня, когда я нашёл дневник и начал его вести. Постараюсь сделать это завтра. А потом сделаю так, чтобы для меня всё закончилось. Для этого я уже подготовил всё необходимое.

Запись 6

Двадцать девятое августа. Тридцать второй день с начала вымирания.

Последняя запись хороша тем, что в ней можно подвести некоторые итоги и на контрасте сравнить происходившее в первые дни с сегодняшней ситуацией. Если брать картину в целом, то многое, конечно, поменялось. Мы прошли путь от отлова заражённых и заковывания их в наручники городской полицией до отстрела их толпами при помощи орудий на боевых бронированных машинах, силами армии. Прошли от пусть и единичных, но имевших место примеров взаимовыручки и взаимопомощи, до того самого «человек человеку – волк» со всеми вытекающими. Прошли, наконец, от «килограмма в одни руки» до «берите столько, сколько сможете проглотить». Да много тут ещё можно приводить противопоставлений для доказательства очевидной, аксиоматичной противоположности мира сегодняшнего и мира, который мы не уберегли, и который мы потеряли. Всего за месяц мы – именно мы – сделали всё возможное, чтобы разрушить прежнюю цивилизацию, а ожившие мертвецы нам в этом лишь немного помогли. Что же до меня самого, то, если взять мои условные крайние точки – день первый и день, например, двадцать первый, – то и там и там картина будет идентичная: что в первый, что в двадцать первый день я – это я, сидящий в стенах своей квартиры и до смерти напуганный даже мыслью о том, чтобы выйти наружу. Я –

константен и в некотором смысле оправдываю имя, данное мне восемнадцать лет назад моими родителями, которых я больше никогда не увижу. Именно поэтому я умру. Ничего уже не поделаешь. Осталось только разобраться с одним небольшим дельцем: закончить свой рассказ, чтобы потом, с чувством завершённости и закрытого гештальта, наконец, уйти.

День 21

Мир без интернета был до тошноты реален и пугал невозможностью в мгновение ока найти какую-либо новую информацию. Я не мог даже спросить у поисковика рецепт манной каши – приходилось читать инструкцию по приготовлению на упаковке крупы. О, ужас! Целому поколению вечных детей тысяча-девятьсот-девяносто-любого и две-тысячи-какого-нибудь годов рождения насильно затолкали в рот красную таблетку и вышвырнули пинком под зад из матрицы. Лысые, склизкие и голые, мы оказались каждый в своём холодном и неприветливом метафорическом Навуходносоре и вынуждены были теперь учиться жить так, как совершенно спокойно жили наши родители и прародители. Только вот очень часто случалось так, что их с нами не было, и опыт свой они нам передать не могли. И потому в потёмках новой реальности мы вынуждены были ориентироваться сами, наощупь.

Теперь я стал созваниваться с Ирой чаще, а не писать ей,

как это было прежде. В тот день мы проболтали несколько часов кряду. Я выводывал у неё всё, что ей удалось выяснить перед тем, как отключился интернет. Она стала моим личным сортом Гугла, Яндексa, Бинга, Байду и всего такого прочего. Что-то из того, о чём мы говорили, для вас, скорее всего, будет уже не актуальным. Приведу лишь несколько вещей, которые могут быть полезны вам – мои гипотетические читатели, – и которые, возможно, сохранят вам жизнь.

Первое: мы стоим на пороге поры ядерных катастроф. Когда обслуживать станции станет некому или это станет невозможным по объективным причинам, начнутся взрывы и аварии. Всё это, надо понимать, не самым благоприятным образом скажется на экологии близлежащих районов: радиоактивные загрязнения или выбросы в атмосферу – уж не знаю доподлинно, чем это грозит, но уж точно ничего хорошего не предвещает. К сожалению, это обстоятельство касается и нас с вами: на севере от нас, в небольшом моногородке находится атомная электростанция, питающая чуть ли не весь город. Что мы будем делать, когда в небе станут летать гигантские радиоактивные облака – я не знаю. Знаю только, что мы совершенно точно узнаем об аварии все и сразу, без всякого интернета или смс-оповещений. Мы поймём, что из города пора убираться ровно тогда, когда не станет электричества. После этого у нас будет чуть менее двадцати дней прежде, чем прогремит взрыв.

Второе: в нашей стране, несмотря ни на что, осталось

большое количество безопасных мест, в которых либо силовым структурам удалось взять контроль над ситуацией, либо ввиду малой заселённости или географического положения и вовсе отсутствует угроза нашествия живых мертвецов. О многих таких местах в интернете бытовали мифического характера рассказы, не подкреплённые явными доказательствами и базировавшиеся на голой теории и идеализированных предположениях рассказывающих. Информация как минимум о двух точках предоставлялась из первых уст и содержала в себе детальные описания и маршруты проезда к ним. Первой такой точкой был Кронштадт близ Санкт-Петербурга, а второй – остров Русский рядом с Владивостоком. Находящиеся в разных уголках страны, эти места были островками безопасности: «островками» в прямом и переносном смысле. Именно там военным, полиции и прочим силам удалось то, что не удалось многим. Косвенно об этом – следующий пункт.

Третье: нашему городу конец. Военные, ранее закрепившиеся в центре, в районе администрации и прилегающих кварталов, вынуждены были отступить за реку, оставив свои прежние позиции. За рекой есть несколько дачных посёлков, и если нашим вооружённым гарантам мира и покоя удалось встать где-нибудь там – хорошо. Если нет – ладно. Искать встречи с ними теперь – всё равно что искать иголку в стоге сена, если только они сами не дадут каким-нибудь образом о себе знать: ныне – уже без интернета.

По всему выходило, что мы, оставшиеся в своих квартирах в пределах городской черты, совершенно точно умрём не от старости. Либо мы сгинем в борьбе за иссякающее продовольствие, либо нас сожрут ожившие мертвецы, что наиболее вероятно, либо мы попросту отравимся тем, что в атмосферу выбросит атомная электростанция через десять-пятнадцать дней после того, как обслуживание её прекратится. От отравления мы, быть может, умрём не сразу, и даже проживём несколько лет, прежде чем почувствуем последствия. Но те, кто в момент аварии будут в городе, совершенно точно не доживут до предпенсионного возраста и седых волос. Хотя кто его знает, как это сработает на самом деле. Одно могу сказать точно: если вы читаете эти записи спустя всего несколько дней после того, как меня не стало – бегите, глупцы! Куда бежать – решайте сами. Чуть выше я отметил два места, куда сам бы с удовольствием отправился в сентябре, если бы дожил до него. Но, возможно, вам приглянутся какие-то другие локации – тут уж ваша воля. Одно совершенно точно: в городе больше не безопасно, и теперь уже никогда не будет безопасно.

В свою очередь, я рассказал Ире о том, как я провёл свои девять дней в Радуге, и чем всё это закончилось. Слушала она с неподдельным интересом и переживала за меня так, словно посередине моего рассказа могло вдруг случиться так, что я погиб, а голос, который она теперь слышит в трубке – это последние стоны астрального тела, блуждающего во все-

проникающем эфире. Когда она поделилась своими предположениями на тему того, что стало с Аркадием, Ангелиной и её матерью, я понял, что на их историю мы смотрим одинаково пессимистично: ничего хорошего с ними случиться не могло, как и со всеми, кому не посчастливилось остаться в Радуге.

– Что теперь собираешься делать? – спросила она, когда я закончил свой рассказ.

– Не знаю. Спасать-то я точно никого не пойду: куда мне? – ответил я.

– Да я не про это. Имею в виду, что вообще делать думаешь? Как дальше жить?

– Трудно сказать. Еда пока есть, оставаться в четырёх стенах я могу какое-то время. А потом – не знаю. Вообще не знаю, даже идей никаких нет. А ты? Вы в смысле. Что с родителями планируете делать?

– А у нас выбора нет. Сидеть здесь и киснуть – вот, что. У нас даже в подъезде эти ребята прожорливые ходят, уж не знаю, сколько их там. И под окнами их по-прежнему море. Так что только внутри оставаться. До конца.

– Н-да...

– Ты бы хоть попробовал, – предложила вдруг Ира, – Как-нибудь пешком или на машине, если попадётся.

– Что попробовать-то?

– Уехать. От вас до объездной не так далеко. На неё, а потом – куда подальше, лишь бы от города на сотню-другую

километров отъехать.

– Как я без тебя? – спросил я, всеми силами стараясь, чтобы это не прозвучало как фраза из какого-нибудь попсового фильма про любовь и вампиров.

– Не знаю. Но со мной теперь – точно никак, – сказала она, и голос её дрогнул, и мне стало нестерпимо жаль и её, и себя, и вообще всех. Глаза мои заболели, стараясь сдержать слёзы и не дать мне совсем расчувствоваться. Я ничего не ответил ей. Мы сменили тему и всё оставшееся время проговорили о том, о чём хотелось говорить без грусти, сожаления, страха и прочих горьких и липких чувств.

И говорили мы ещё долго. И говорили мы в тот день в последний раз.

День 22

Я построил множество догадок на тему того, почему Ира могла мне не отвечать. После каждого длинного гудка рождалась новая версия. «Би-и-и-ип»: может, кто-то из них вознамерился выйти из квартиры, и случилось непоправимое? «Би-и-и-ип»: может, просто с телефоном что-то стряслось? «Би-и-и-ип»: а может, сотовая связь упала в их районе? И дальше – вплоть до бесконечности.

Я сидел в своей комнате и пытался осознать тот факт, что теперь я окончательно остался один. Больше нет никого, с кем я мог бы поговорить и разделить что-либо. Всё, что было мне привычно, ныне мертво за исключением, быть может,

старого-доброго компьютера, в который я всё ещё могу поиграть, и всего того, что есть здесь, в квартире, вещный мир которой остался для меня последним напоминанием о чём-то прежнем, изначальном, правильном. Квартира была моей утробой, в которой я был бы рад остаться до окончания времён, лишь бы не выходить наружу и вовек больше не сталкиваться с той до смешного простой и в то же время сложной реальностью, которая требовала от меня перестать наконец быть ребёнком и включаться во всё со взрослой рассудительностью и волей. Тогда-то я и решил, что эти стены станут моей могилой, и что в них я проведу остаток своей жизни, до самого конца деля вид, что ничего не происходит, и что всё – по-прежнему. В окружавшей меня обстановке, если задёрнуть шторы и не выглядывать в окно, было лишь несколько предметов, которые никогда и ни за что не дадут мне забыть обо всём, что я увидел за эти двадцать два дня.

Постеры. Плакаты на стенах, афиши разных фильмов, игр и книг, написанных, снятых и спроектированных давным-давно в том самом сеттинге, который составлял теперь обыденность и прозу уличной жизни. Бесплезные кусочки глянца, стоившие баснословных по меркам безработного школьника денег, которыми я любил когда-то украшать свою комнату. Постеры, изображавшие актёров массовки, игравших ходячих мертвецов в бесчисленном количестве сезонов одноимённого сериала, а также главных героев, лихо расправлявшихся с ними и таким образом зарабатывавших себе

право прожить ещё день – или серию, или лишнюю минуту хронометража фильма – в декорациях зомби апокалипсиса. Все эти изображения, хоть и выглядели пиратской копией всего того, что происходит сегодня в нашем мире – в мире реальном, – всё же пугали и не давали отделаться от смешанных чувств: с одной стороны это была глубочайшая ирония и насмешка над тем, что меня настиг тот самый сеттинг, героем которого я грешным делом любил себя представлять; а с другой стороны – ужас от осознания того, каким кошмаром обернулись мои дурацкие детские фантазии. Я не мог смотреть на них. И уж тем более не мог спать в окружении этого мракобесия. В герое, которому в седьмом сезоне церемониально размозжили голову бейсбольной битой, я видел то Юру, то Юриного отца, то себя самого. В загримированном актёре второго плана, игравшего очередного мертвяка, которому Рик Граймс в очередной серии лихо прострелит голову из револьвера, я видел заражённого, которого убил Тоха, пока я держал того на расстоянии древки самодельного копья от себя. А оригинальный постер ремейка ромеровского «Рассвета» съедал саму мою сущность взглядом актёра массовой копии, который, хоть и был актёром, до ужаса напоминал всё то, что я видел в глазах настоящих мертвецов: пустоту наряду с, казалось, глубоко осмысленным желанием выжрать из моего брюха всё, чем мой организм дышит, переваривает пищу или качает кровь.

Без лишней сентиментальности, без церемоний я сорвал

со стен все плакаты, один за другим. Я срывал их, сминал как следует и бросал на пол, где они постепенно разворачивались и распрямлялись. Я свалил их в кучу, я топтал их и швырял к чёртовой матери от себя. Потом я взял их в охапку, вышел на балкон и выбросил всё в окно. Моя коллекция, каждый элемент которой я отдельно заказывал в интернете, полетела к чёртовой матери, и туда ей дорога! Жаль, не хватило терпения, чтобы всё это сжечь и убедиться, что они окончательно и бесповоротно обратились в прах и больше не существуют. Но да и пусть. И так сойдёт.

День 23

Удаления постеров со стен оказалось мало. Нужно было разобраться с бардаком, который царил везде, и который косвенно напоминал обо всех тех гостях, которые заявлялись ко мне, начиная с самого первого дня: от лысого мужика в кожанке до ребят, с которыми мы направились в Радугу. Я хотел забыть обо всём, а значит – и о них. Словом, в квартире нужно было основательно прибраться.

Я начал с кухни. Вернул сюда телевизор, который ранее перенёс в свою комнату, помыл посуду, выбросил пустую бутылку шнапса и прочий мусор, оставленный на столе. Протёр столешницы, провёл ещё раз ревизию холодильника и кухонных шкафов, убрав всё лишнее и оставив только то, что позже понадобится. Все испорченные продукты, все сгнившие или проросшие овощи, все соусы с истёкшим сроком годно-

сти летели в мусорные пакеты. Но куда лететь заполненным мусорным пакетам? До баков во дворе я уж точно выйти не отважусь – придётся выбрасывать их прямо так, из окна. Какая теперь к чёрту разница? Скоро, если верить прогнозам, над городом нависнет огромное радиоактивное облако, и на фоне этого мой мусор, выброшенный мимо нужного места, навредит экологии чуть меньше, чем никак. Плевать на всё – так я решил.

Следом за кухней шла прихожая. Тут всё было проще: взять швабру, намочить и стереть с пола следы всех, кто когда-либо ступал тут своей грязной ногой. Нелишним будет протереть зеркало шкафа для верхней одежды и разобраться с обувью: убрать всё ненужное в кладовку, оставив только необходимое. Когда я открыл кладовку и понял, что сюда мне тоже нужно будет заглянуть и разгрести здешние завалы, я приуныл. Я решил, что сделаю это когда-нибудь потом и закрыл дверь.

Потом настал черёд спальни родителей. К ней я отнёсся с особенным трепетом: аккуратно сложил всё в ящиках комода, бесцеремонно то выдвигавшихся, то задвигавшихся разными людьми. Я расставил все фотографии на комод и всю косметику на трюмо так, как они должны были стоять, и как их бы расставили мать с отцом. Постельное бельё я менять не стал, чтобы старые наволочки сохранили их запах здесь как можно дольше. Так, словно они ушли ненадолго и вскоре обязательно вернуться.

Гостиная оказалась самой сложной точкой. Пришлось попотеть, чтобы убрать отсюда все следы пребывания Аркадия с Ангелиной, но и с этим я справился. Наконец, уже вечером, в лучах заходящего солнца, пробивавшихся через окно, я отдыхал. Мне оставалось сделать лишь одну глупую, безумную, но важную вещь, с которой я решил разобраться завтра. Сегодня – насладиться закатом, а после – закрыть наглухо все шторы в доме, чтобы больше никогда не смотреть в окна и не напоминать себе о существовании внешнего мира за ними. Для него не было места в моей уютной и безопасной утробе.

День 24

Словно пазл с одной-единственной отсутствующей деталью, комод в спальне родителей щерился насмешливым оскалом, в котором не доставало одного «зуба» – ящика с медикаментами, выдернутого и украденного лысым незнакомцем в кожанке на пятый день. Ублюдку нужны были лекарства – ублюдок нашёл их и не посчитал нужным ни попросить, ни спросить, можно ли ему забрать с собой целый ящик всего, что ему было надо и не надо. Ублюдок унёс с собой всю аптечку, не сказав ни «здрасьте», ни «до свидания», ни «спасибо», ни «пожалуйста». Он славно подлечился и, должно быть, чувствовал себя теперь хорошо – ох, хорошо-о! Теперь ублюдок должен был заплатить за всё сполна.

Я взял с собой только кухонный нож, которым намеревал-

ся расправиться с воров, если тот не пожелает отдать то, что принадлежит мне. Обувшись, я вышел в подъезд и решил начать свои поиски с верхнего этажа. Прежде чем постучаться в очередную дверь, я смотрел в глазок, чтобы понять, есть ли кто-то внутри или нет. Я ходил от квартиры к квартире и чаще всего ответом мне была тишина. После стука в дверь я внимательно прислушивался к происходящему внутри и, если там никого не было, я сразу это понимал по полному беззвучию и отсутствию шагов или возни в прихожих и коридорах. Иногда соседи, как и я пересиживавшие апокалипсис в квартирах, открывали мне, и тогда я спрашивал:

– Внутри ещё кто-то есть?

– А тебе какое дело, сынок? – грозно спрашивал кто-нибудь из соседей, а затем добавлял, – Тебе чего надо? Иди отсюда!

– Я ищу лысого мужика лет тридцати. Он забрал кое-что моё, и я хочу это вернуть, – невозмутимо говорил я.

– Какого мужика? Нет здесь никаких лысых! Иди отсюда на...

В этом месте дверь обычно захлопывалась, а после слышался скрежет оборотов закрываемого замка.

Методично и скрупулёзно я обходил этаж за этажом, пролёт за пролётом, квартиру за квартирой, но либо – чаще всего – натёкался на пустые жилища, либо – иногда – на соседей, которые не горели желанием общаться. Мой стиль обращения к ним и не располагал к задушевным беседам у поро-

га, и они мне были ни к чему. Я видел перед собой человека, не подходившего под описание ублюдка, которого я искал, и по реакции этого человека на мои наводящие вопросы понимал, что никакие лысые ублюдки с ним не живут, после чего беседа исчерпывала себя, и я переходил к следующей двери.

Я обошёл почти весь подъезд, прежде чем спустился на второй этаж и оказался перед дверью квартиры номер двести семнадцать. Когда я прильнул к глазку, то ожидал увидеть внутри что угодно – хоть ванну посреди огромной комнаты, в которой лежала бы визгливо хохочущая разлагающаяся старуха. Но именно в квартире двести семнадцать я увидел того самого лысого мужика, в той самой кожаной куртке, стоявшего в прихожей и глядевшего в стену так, словно узоры на обоях перед ним своими рисунками пересказывали ему всю историю человечества с древнейших времён и до наших дней. Он смотрел на них, казалось, так внимательно и сосредоточено, что не замечал, как из огромной раны на его животе, напоминавшей язву, свисали его же жёваные потроха. Вся прихожая была в следах запёкшейся крови, а в дальнем углу, на полу, валялся ящик из комода моих родителей. Медикаменты были разбросаны вокруг и теперь, судя по всему, были лысому мужчине уже не нужны. В гостиной, дверь в которую была открыта, я увидел ещё один силуэт – женщину в короткой юбке, стоявшую у окна и словно бы дежурившую там днём и ночью, высматривая что-то. Или кого-то. На оголённом бедре женщины была перевязка. Кое-где бин-

ты всё ещё были белыми, но в большей части перевязка имела тёмный красно-коричневый цвет. Не из стремления войти в квартиру, но из праздного любопытства я дёрнул дверную ручку. Дверь оказалась заперта. Ноздри мои напряглись, и, злорадно улыбнувшись уголками губ, я решил передать ублюдку свой последний привет. Я трижды и с силой постучал в дверь, и металлический звук эхом раскатился по всему подъезду. Лысый отвлёкся от узоров на обоях и посмотрел, как показалось, прямо в глазок, прямо на меня, стоявшего по другую сторону. Теряя на ходу свои внутренности, он неуклюже, на окоченевших прямых ногах зашагал в сторону двери так, словно на нём были не джинсы, а латный доспех. Я отпрянул от глазка, когда он прильнул к двери с той стороны. Женщина у окна тоже услышала стук, и последнее, что я увидел – это как она отвлеклась от своего бессрочного дозора и мёртвыми глазами посмотрела в сторону источника звука. Разворачиваясь и ступая на лестницу, я слышал позади себя стоны, перемежавшиеся с хрипом и животным рычанием. «Ублюдок получил своё», – подумал я и тут же стал сам себе отвратителен. Что со мной? Он же... Он ведь, по всей видимости, просто хотел помочь той женщине в короткой юбке обработать рану на ноге или укус, или что это было. Он не желал мне зла, когда уносил из моей квартиры тот треклятый ящик с медикаментами – он просто хотел спасти кого-то, кто был ему дорог, и ради кого он готов был сделать всё, что угодно. Ограбить, запугать, убить – всё равно,

лишь бы попытаться спасти ту, которая, позже умерев, ожила и расправилась с ним. В этой трагедии я просто оказался декорацией, второстепенным персонажем, отделявшим его от спасения своей... кем бы она ему ни приходилась.

Преисполненный противоречивых мыслей, я поднялся в свою квартиру, закрыл за собой дверь и больше уже никогда не выходил за порог.

День 25

Несмотря на все попытки отрешиться от происходящего, дальнейшая жизнь всё так же виделась мне бессмысленной. Что теперь делать? Ради чего жить, выживать и стараться протянуть чуть дольше, чем уготовано судьбой? Ира по-прежнему не отвечала. Не отвечал никто из списка контактов в телефоне: ни родители, ни бабушки с дедушками, ни дяди с тётями, ни двоюродные братья с сёстрами, ни бывшие школьные приятели – никто. Все они были мертвы или были на полпути к этому. Весь город, страна, весь мир вымирал и угасал, расчищая дорогу новому порядку бытия, в котором главными были неуспокоившиеся люди-призраки, бродившие по земле в поисках пищи. Скоро и животные начнут выходить из лесов. Интересно, будут ли мёртвые жрать и их? Станут ли падальщики новыми санитарами улиц, клюющими и поедающими гниющую плоть оживших мертвецов? Всё равно. Одно можно сказать наверняка: живым в этом мире больше нет места.

В лучших традициях мрачного средневековья я решил устроить себе пир во время пожирающей планету новой чумы. Я съел всё то скоропортящееся, что лежало в холодильнике, и что я принёс с собой из Радуги. Колбаса, сыр, конфеты и рулеты – всё в желудок, пока он не растянется и не заболит, пригрозившись лопнуть от следующего куска стейка! Вино к стейку было очень кстати. Не утруждаясь тем, чтобы налить его в бокал, я лакал его прямо из бутылки, стремясь как можно скорее опьянеть и надеясь нажраться вусмерть с одной бутылки. Когда она иссякла, я стал рыскать по шкафам в попытках отыскать где-нибудь заначку родительского спиртного. Нашёл я её в неожиданном месте – в шкафу с верхней одеждой в прихожей, вглубь которого до этого не заглядывал. Ничего восхитительного я там не обнаружил – только какие-то ягодные настойки на спирту. Но и это сойдёт, решил я: к чему привередничать? Сознание моё плыло, земля уходила из-под ног всё стремительнее, с каждым новым глотком. Я ощущал себя на борту вертолёта, вошедшего в штопор и терпящего крушение над океаном безвременья. Мир кружился – играл яркими хмельными красками и кружился. Я чувствовал себя плохо и одновременно – хорошо.

Когда уже вечером я допивал бутылку клюквенной водки, сидя на балконе, мне в голову пришла идея. Я открыл окна настежь и посмотрел вниз. Там, на земле, помимо мусора, который я же и выбросил туда два дня назад, была небольшая бетонная плита. Она блуждала перед моим пьяным взо-

ром, словно бы норовила куда-то улизнуть, и я не мог толком сфокусировать на ней свой взгляд. Зато мысли мои прочно уцепились за неё, родив шальную идею о том, чтобы прыгнуть и точнѐхонько приземлиться на неё своей бестолковой головой и покончить со всем одним махом. Преисполненный не столько решимостью, сколько азартом, я попытался встать на оконную раму, чтобы проверить, дрогну ли я, оказавшись на самом краю бездны. Но взобраться на раму у меня попросту не получилось: то ли порыв ветра втолкнул меня обратно, то ли я сам оступился и рухнул на пол балкона – не знаю. Помню только, что после я решил оставить всю эту затею на потом. А сейчас – спать. Не на кровати в своей комнате, не на диване в гостиной, а прямо так, здесь, на полу. Вдруг удастся крепко простудиться, и даже переступить через инстинкт самосохранения не потребуются, чтобы раз и навсегда покончить со всем.

День 26

Наутро я нашёл себя распластавшимся на полу балкона. Голова болела. Тело ломило. Я прошёл в кухню, затем – в свою комнату, где нашёл рюкзак, а в рюкзаке – таблетки от головы. Приняв несколько, я лёг на кровать и проспал ещё несколько часов, прежде чем окончательно встать. Делать ничего не хотелось. Думать – тоже. Я решил провести этот день за компьютером и поиграть во что-нибудь, чтобы отвлечься и развлечься. Но включить компьютер я не смог. Не

смог я включить и электрический чайник, в котором планировал подогреть воду для утреннего кофе. И свет ни в одной комнате не загорался, сколько бы я ни баловался с выключателем. Тогда-то я понял, что день тотального блэкаута, наконец, настал, и что атомная электростанция в соседнем городке на севере перешла в аварийный режим. Начался отсчёт дней, в лучшем случае – недель до ядерной катастрофы. Но кого сейчас удивишь этими катастрофами? Ожившие мертвецы, хаос, анархия и безвластие – на фоне всего этого радиоактивное облако, которое вскоре накроет весь город, казалось чем-то из разряда повседневной рутины. Даже падение искусственного спутника на соседний дом было бы событием скорее ожидаемым, чем из ряда вон выходящим.

Я позавтракал тем, чем смог, и проверил телефон. На нём оставалось сорок процентов заряда. В левом верхнем углу была надпись «Нет сети», на месте которой я вряд ли увижу что-то другое в обозримом будущем. Конец света теперь можно было официально считать делом свершившимся, в прямом и переносном смысле.

У меня была полная ванна воды, набранная ещё давным-давно на случай внезапного отключения электроснабжения и как следствие – насосов, качавших воду на восьмой этаж. Из крана ещё бежала тонкая струя, но это было ненадолго. Вскоре она должна была стать толщиной с ниточку, а затем – исчезнуть навсегда. Самым драматичным обстоятельством в этой связи мне казалась не столько невоз-

возможность толком помыться, сколько невозможность смыть унитаза. Добро пожаловать в средневековье: в десятое столетие с его смердящими отходами жизнедеятельности улицами, крысами, чувствующими себя как дома на поверхности и далее по списку.

Какое-то время я не делал вообще ничего: просто сидел себе на диване в гостиной и гонял в голове мысли, одна мрачнее другой. Потом взял с полки на стене книгу и решил, кажется, впервые за много лет что-то почитать. Сосредоточиться на тексте не получалось, и вскоре я оставил эту затею. Остаток дня и заряда на телефоне я провёл пересматривая старые фотографии. На них была всякая ерунда, которую я фотографировал на улицах во время нечастых прогулок, чтобы позже выложить всё это дело где-нибудь в социальных сетях и собрать пару-тройку лайков, которые когда-то так много значили. На некоторых фото были мы с Ирой. Счастливые и беззаботные.

День 27

Я решил, что в отсутствие других хоть сколько-нибудь важных занятий неплохо было бы закончить начатое и прибраться в последнем помещении в доме, куда уже давно не ступала нога человека – в кладовке. С утра и до обеда я перерыл там всё, начиная с залежей старой обуви и вещей, которые родители всё собирались сдать на переработку, и заканчивая потрёпанными временем книгами, от которых роди-

тели тоже планировали когда-нибудь избавиться. В одной из таких книг я отыскал засушенные листья деревьев, которые в начальной школе собирал для гербария – было у нас такое домашнее задание на уроке природоведения. Листья были хрупкими и ломались от одного прикосновения, но, прикасаясь к ним, я словно бы жал руку маленькому семи-восемилетнему себе, который ещё и знать не знал, что ждёт его в будущем. Сентиментальность накрыла меня с головой. Ещё глубже под слоем хлама я нашёл старые фотоальбомы. В них на снимках были мои родители, их родители и даже родители их родителей. Уже на новых, цветных фотографиях, в самом конце толстого и увесистого альбома появился я – малой и несмышлёный, смотрящий на мир вокруг взглядом только что сошедшего с трапа летающей тарелки пришельца. Родители, державшие меня на руках, улыбались и были ещё так молоды.

Дальше – фотографии с первой линейки в школе. Я стою в нелепом костюме «на вырост»: в пиджачке, галстучке и отутюженных брючках. В руках у меня букет цветов, который я должен буду вручить своей первой учительнице. Я щурюсь и морщусь на солнце. На дворе стоит жаркая погода, и мне хочется поскорее оказаться дома. Родители же рядом со мной всё так же улыбаются и ещё всё так же молоды.

Потом – выпускной из девятого класса. Мы стоим уже с Иррой, разодетые она в яркое и воздушное платье, а я – опять в костюм, который теперь мне по размеру, и в котором я бы

даже выглядел неплохо, если бы не причёска – то самое, из-за чего многим людям стыдно бывает по прошествии лет пересматривать свои выпускные фотографии. Рядом с нами – наши родители: её мать с отцом по левую сторону от неё, мои – по правую сторону от меня. Они уже не так молоды, но всё ещё улыбаются.

Наконец, одиннадцатый класс. Последний звонок. Опять – мы с Иррой в нелепых ленточках наперевес с надписью «Выпускник». Я обнимаю её за талию, и мы позируем для фотографии, которую захотели сделать наши родители, попросившие нас для неё попозировать. Рядом – они. На лицах у них новые морщины, в голове у моего отца – проседь, и поза у обоих теперь какая-то чуть сторбленная и сутулая. Но так же, как и на тех первых чёрно-белых фотографиях, где меня ещё и в помине нет, они улыбаются, излучая бесконечное счастье.

Под альбомами, на самом последнем слое доисторического хлама, в самом конце своих раскопок я нашёл толстую записную книжку в коричневой кожаной обложке. На обложке были наклеены разноцветные буквы, складывавшиеся в надпись: «Дневник добрых дел». Такие штуки нам всем подарили в честь окончания первого класса, дав наказ к выпускному из одиннадцатого заполнить их от корки до корки. Вспомнив это и весь тот день вплоть до минуты, я усмехнулся. И тогда у меня родилась идея.

Одну за другой я оторвал цветные буквы с обложки и вы-

бросил их в мусорное ведро. Потом я взял карандаш, с хрустом открыл первую страницу и стал думать, с чего начать.

«Двадцать семь дней назад случилось так, что люди вдруг перестали умирать...»

Нет, не годится. Все и так знают, что случилось, к чему эти лишние предисловия? Я стёр написанное и начал заново.

«Сегодня двадцать четвёртое августа. Двадцать седьмой день с начала вымирания. Телевидение исчезло почти сразу...»

А дальше вы и так всё знаете. На этой странице последнее дело, удерживавшее меня от мыслей о том, что делать дальше, подходит к концу. Теперь, в следующие несколько часов, оставшихся до полуночи, мне предстоит решить, как именно закончится моя жизнь. Здесь, на полу, в луже крови из перерезанных вен? Или там, на бетонной плите, на которой останется часть содержимого моей ни на что не годной головы? Или стоит разом допить все запасы родительских настоек на спирту? В последнем случае не могу точно сказать, в луже чего вы найдёте моё разлагающееся тело и эти записи, ха-ха. В поисках ответа я смотрю на фотографию матери с отцом, держащих на руках совсем недавно родившегося меня. На обратной стороне – надпись: скорее шутиwego, нежели серьёзного характера. «Исследователь, первооткрыватель, музыкант, поэт, борец и президент мира до того, как стал известен широким массам, фо-

то в цвете». Какой ответ на мучающие меня вопросы, обозначенные выше, дали бы авторы этой подписи? Что сказала бы мне на ухо Ира, если бы мне непостижимым образом снова удалось обнять её за талию сейчас, как на той фотографии с последнего звонка? «Останови свой выбор на бетонной плите, Костя, это по-нашему, по-рок-н-рольски»? «Пожалуй, лучше испей настоек, сынок, только не забудь прибрать за собой перед тем, как испустить дух»? «Главное – режь вдоль, а не поперёк, дорогой, а там уж как пойдёт»? Нет, это вряд ли. Борьтся до конца и не опускать руки – вот совет, который я больше всего хочу услышать, но не могу, потому что некому теперь мне его дать, кроме самого себя. Кроме тех образов в голове в обликах дорогих людей с фотографий, которые суть есть часть меня, и голос которых постепенно угасает, с каждой новой минутой походя всё больше на белый шум.

На часах – 21:49. Сегодня тридцать второй день с начала вымирания и седьмой день с того момента, как пропало электричество. Это значит, что до взрыва атомной станции остаётся всего неделя при самых оптимистичных подсчётах. Постараюсь успеть. Должен успеть. В ближайшие дни я, скорее всего, всё-таки уйду из жизни. Но уйду я на своих условиях, хотя бы попытавшись сделать что-то, что позволит мне в моё последнее мгновение ни о чём не сожалеть и хотя бы умереть с мыслью, что жизнь моя прошла не зря. В борьбе за выживание там, снаружи, мало смысла:

рано или поздно эта новая болезнь – или что это вообще такое – окончательно пожрёт всех нас, и планета перестанет помнить о том, что когда-то на ней жил человек. Но в отказе от борьбы смысла ещё меньше: его просто нет. Поэтому я сделаю всё, что в моих силах, чтобы мир запомнил меня и запомнил, что я не ушёл из него просто так, сложив руки на груди и смиренно закрыв глаза. А мои записи – это моя робкая попытка сделать так, чтобы мир помнил меня чуть дольше того момента, когда я найду свой конец.

Если вы читаете это – значит, меня уже нет. Ну, или я обронил тетрадь по дороге, или оставил её где-то в спешке, или ещё что-то. Так или иначе, если вы читаете мой дневник – значит, он мне больше не нужен. Как им распорядиться – решать вам. Можете хранить его, можете разжечь при помощи него костёр, можете выдернуть страницы и наделать из них бумажных самолётиков забавы ради – как угодно. В любом случае, как их изначальный хозяин я, полагаю, имею право хотя бы попросить вас кое о чём, ни к чему не склоняя и не обязывая. Когда дочитаете эти записи до конца – продолжите их и напишите здесь вашу историю, а после – постарайтесь её сохранить для тех, кто вынужден будет жить в этом мире через много-много лет после нас с вами. Пусть они знают, что мы сражались до конца со всеми обрушившимися на нас напастями. И, конечно, позаботьтесь о том, чтобы история ваша была интересной: поинтереснее, чем моя. Мы же хотим, чтобы нашу руко-

пись издали какой-нибудь постапокалиптический издательский дом, и она стала бестселлером, а не пылилась где-нибудь в архивах, среди прочих исторических источников, так? Шутки шутками, а мысль, надеюсь, вы уловили.

22:01. На текущий момент план таков: завтра я выхожу из дома и держу курс в сторону центра, неподалёку от которого я надеюсь найти Иру и её родителей, живыми, в их квартире. Если я доберусь до них, то уже потом, вместе, мы решим, что делать дальше. Если же их больше нет... То не знаю. Тогда сам что-нибудь придумаю. Одно знаю наверняка: я до них обязательно доберусь, чего бы мне это ни стоило. И ни полчища мертвецов, ни живые, которые вдруг вознамерятся мне помешать, не смогут меня остановить. Бетонная плита, нож по венам или смертельная доза этанола? Нет уж. У меня здесь ещё остались незаконченные дела.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ II

Запись 7

Пятое сентября. Тридцать девятый день с начала вымирания.

К концу первого месяца ада на земле я научился рано ло-

житься и рано вставать. Хорошая привычка, как по мне. Прежде мой режим дня был суицидом кошмаром: засыпал я засветло, а просыпался лишь тогда, когда приходила пора обедать. Ну куда это годится? Теперь же – особенно за последнюю неделю – для меня стало нормой вставать с рассветом и отходить ко сну на закате. Наверное, как-то так всё это дело и задумывалось природой, и в этом смысле я, конечно, стал к ней ближе. Мы все стали ближе к ней, когда потеряли возможность готовить пищу на электрических плитах, регулировать температуру помещений кондиционерами, мыться под душем и даже смывать за собой в туалетах, уж простите за подробности. Клозеты квартир в многоэтажных домах – вот уж где естественности теперь хоть отбавляй! Но ничего. Ничего-о, здесь мы надолго не задержимся. А кто задержится до зимы – тому не позавидуешь.

Она ещё спит. Я сижу за столом в её комнате и пишу дневник, о котором совсем не вспоминал всю прошедшую неделю. Неделю, за которую я, кажется, успел прожить целую жизнь. У меня есть несколько часов, прежде чем все проснется, и мы обсудим то, что вчера договорились отложить до утра. Эти несколько часов я уделю своему старому-доброму дневнику, составившему мне компанию в трудный час. Наверное, он – а точнее сам процесс его ведения, – и не дал мне тогда наделать глупостей. Что ж, спасибо, дорогой дневник! Чтобы выразить свою признательность

сполна, буду вести тебя и впредь, фиксируя на твоих страницах каждый прожитый день, вплоть до самого последнего. Или до твоей последней страницы – тут уж как получится.

День 33

Вчера, закончив писать, я лёг в постель сразу же. Долгое время я не мог уснуть и ворочался с боку на бок. Я знал, что завтра мне предстоит гонка всей моей жизни, и это не давало мне покоя. Неважно, как всё пройдёт и чем закончится, но одно совершенно точно: я буду находиться на грани жизни и смерти весь следующий день, и выживание моё будет всецело зависеть от быстроты моих инстинктов. Хотелось бы к ним прибавить ещё и навыки, и знания о том, как действовать в той или иной ситуации. Но какие там к чёрту навыки и знания? Я не солдат и даже не спортсмен или профессиональный охотник, или вроде того. В отличие от меня, надеющегося главным образом на судьбу, они могут позволить себе роскошь надеяться на разум, который поможет им найти выход из любой передраги, и уж они-то наверняка сейчас в шоколаде. Бравые ребята, не боящиеся трудностей, идущие на «вы» с опасностью; хваткие парни и девчонки, привыкшие седлать волну жизни и в нынешних реалиях способные использовать любой элемент среды – хоть бы и шариковую ручку – чтобы тысячью способов нейтрализовать надвигающуюся опасность в виде оживших мерт-

вецов, а после – продолжить свой лихой сёрфинг по волнам и водоворотам событий. Уж у этих ребят – солдат, офицеров, гонщиков, страйкболистов, походников, выживальщиков и рафтеров, и до конца света знавших наперёд, что они будут делать во время него, – уж у них-то сейчас всё в порядке. Или нет? Кстати, где они все теперь? Ой-ой, кажется, они умерли первыми! Бесстрашие, отвага, рассудительность, способность создавать планы и неукоснительно следовать им, негибаемость, прямолинейность и непоколебимая уверенность в своих знаниях и навыках – вот те лучшие человеческие качества, которые вернее всего помогут вам умереть скорейшим образом. Конструктивные качества хороши в строящемся мире, в мире созидаемом и развивающемся. В мире рушащемся, в мире рычащем, воющем и пожирающем самого себя – в таком мире неплохо будет сделать ставку на качества деструктивные: страх, подлость, безрассудство, спонтанность и желейную пластичность. Во всяком случае – поначалу. А там уже – как пойдёт.

Так звучали мои мысли, не дававшие мне покоя и после полуночи. Они перемежались с зыбким планом маршрута, которым я пойду к дому Иры, и ничтожными, жалкими попытками придумать запасные пути лавирования между многоэтажками вдоль главных улиц на пути к городскому центру. И чем дальше, тем яснее я понимал, что попытки эти не имеют никакого смысла. Всё пойдёт так, как пойдёт. Живое и прецедентное тому доказательство – наша вылазка из Ра-

дуги с Лёхой, Тохой и полицейским, имевшая целью отпугнуть толпу заражённых от стен торгового центра. Какой шикарный был план! И что с ним сделали всего трое безмозглых зомби, повстречавшихся нам на детской площадке? Каким молодцом оказался полицейский, сумевший сориентироваться и по ходу дела родить новый план, в ту же секунду отважно приступив к его выполнению! И что с ним в итоге стало? Хорошо, всё же, иметь человека вроде полицейского подле себя. Смелый, самоотверженный и справедливый, он с жаром и до последней капли крови будет защищать такого, как я, в мороке праведного безумия оценив свою жизнь ниже жизни горстки перепуганных и растерянных обитателей торгового центра, способных лишь на то, чтобы сидеть и ждать, пока всё рассосётся. Пока рядом со слабым и безвольным тобой такой железный человек, ты будешь чувствовать себя в безопасности. А что потом? А потом – найдёшь кого-нибудь ещё, чтобы жить уже за счёт него, пока и его не станет.

Стрелки настенных часов всё смещались и смещались, а я всё лежал и гонял в голове бесполезные мысли, споря с самим собой и самому себе что-то доказывая. Наверное, таким образом организм мой сопротивлялся сну, поскольку знал, что сон – это портал из дня вчерашнего в день завтрашний. И если завтра обещает быть хуже, чем вчера, мозг всеми силами старается отсрочить его наступление, отсрочив отход ко сну. А когда человек, наконец, засыпает, то тело пыта-

ется как можно дольше задержаться во сне. Поэтому, должно быть, люди, которым опротивела жизнь, либо спят очень много, либо не спят вовсе.

В пятом часу я решил, что лучше будет уже совсем не ложиться, встал с кровати, заправил её в последний раз и начал собираться в путь. Собственно, все вещи у меня уже были готовы, и словосочетание «собраться в путь» имело скорее переносное значение. Прежде всего нужно было собраться внутренне, убедив инстинкт самосохранения выпустить моё тело наружу, за порог квартиры. Я выпил несколько кружек кофе, прежде чем, наконец, одеться в уличную одежду. Затем я снова разделся, решив, что толстовка и джинсы – так себе защита от укусов мертвецов. Конечно, если толпа повалит меня на землю и начнёт рвать на куски, то никакая броня уже не спасёт. Но от зубов одного или двоих можно защититься, обмотав уязвимые участки тела чем-нибудь плотным. В разумных пределах, разумеется: напяливать на торс корсет барышни эпохи рококо я не собирался. Но обмотать предплечья, плечи и шею толстым слоем ткани и сверху покрыть всё это дело скотчем было как минимум небесполезно. Всё это тяжело было проделывать одному, и я занимался этим несколько часов, каждый миг в стенах своей квартиры смакуя так, словно он – мой последний глоток воздуха, а сам я – в камере смерти, в которую вот-вот подадут газ. Я метрами отматывал скотч, клеил его, и если что-то не получалось – нещадно отрывал вместе с волосами на теле и начинал ма-

стерить свои наручи и наплечники по-новой.

Через какое-то время мой доспех неуклюжего болвана был готов. Надев поверх него толстовку, я стал выглядеть почти как нормальный человек. Только шея, окутанная и скованная самопальным воротником Шанца, выдавала во мне свидетеля новой эпохи – эпохи оживших мертвецов. Весьма затруднительно было с ним шевелить головой, и, взвесив все «за» и «против», я решил от него избавиться. В конце концов, если уж меня и угораздит угодить в объятия к заражённому – настолько тесные и романтические, что в зоне укуса окажется шея, – он может с таким же успехом вцепиться зубами мне в нос, щёки или подбородок. А мобильность шеи – важная тема в ситуации, когда приходится постоянно оглядываться и быть начеку, и пресловутый воротник Шанца скорее станет билетом на тот свет, чем спасением от смерти.

Когда вопрос с бронёй был решён, настало время выбора оружия. Молоток и кухонный нож в моих тщедушных руках были равноценны мухобойке и открывашке с точки зрения своей эффективности, поэтому выбирать в этом отношении было особенно не из чего. Следуя обратной логике известной пословицы, я подумал, что коль силы нет – задействуй ум: думай, соображай, креативь и найди, что можно взять с собой для обезвреживания мертвяков. С источника шума всё понятно: для этих целей необязательно брать кастрюли с ложками и фиг знает, чем ещё. Достаточно будет просто внимательно смотреть под ноги и всегда иметь в

поле зрения камень или любой другой тяжёлый предмет, который можно будет швырнуть в стекло или в стену любого обшитого металлическими панелями здания. Ещё вернее – иметь под рукой или под ногой стеклянную бутылку, которую можно с грохотом разбить об асфальт, бросив подальше. Уж этого мусора за пределами урн в нашем районе всегда было хоть отбавляй. Но что насчёт настоящего оружия? Если отвлекать мертвеца уже поздно, и нужно принять бой – что тогда? Тот самый молоток и робкие попытки с его помощью расколотить заражённому черепушку? Ну да, ну да... Или нож, который обязательно, без промаха, с первого удара зайдёт точно в глаз и обезвредит нападающего? Звучит убедительно... для фантазий о постапокалипсисе и книг про нашествие кровожадных зомбей, написанных за годы до такого нашествия и имеющих с реальностью ровно столько общего, сколько имеют общего с нею сюжеты про эльфов-чернокнижников. Нужно придумать что-то эффективное. Что-то, что и мне окажется по силам.

Вот, какова была моя логика в момент, когда я решил взять в поход несколько широких банных полотенец, надушенных ароматами отцовского парфюма: зомби идёт на звук, запах, и выбирает себе жертву, которую увидит в небольшом отдалении. Что будет, если лишить его хотя бы парочки органов чувств, натянув на его гниющее лицо полотенце и наскоро завязав его на затылке узлом? Не знаю я, что будет, и никогда не узнаю, пока не попробую этот спо-

соб. Возможно, такая попытка будет стоить мне жизни, а может – спасёт мою шкуру в критический момент: тут уж вероятность «пятьдесят на пятьдесят». В случае же с молотком или ножом вероятность с первого удара вывести заражённого из строя, уничтожив его мозг, стремится к нулю, поэтому лучше уж попробовать вариант с полотенцами, чем играть в командос по лекалам зомби-шутеров и придурковатых фильмов категории «Б». Однако молоток и нож, всё же, захватить стоит: они могут понадобиться для других задач.

Наконец – вопрос припасов. Что взять с собой? Упаковать целый шкаф или, может, половину шкафа, чтобы рюкзак за спиной смотрелся внушительно на будущих постерах к фильму про зомби апокалипсис со мною в главной роли? Н-да уж. Еда – вот о чём уж точно не думает тот, у кого воды осталось на две полторашки попить и на еженедельный ковш, чтобы смыть то, что за семь дней скопилось в унитазе. Вода – вот, чем я наполню свой рюкзак. А еда уже – дело вторичное. Максимум – возьму с собой банку тушёнки и пакет сухарей. Этим делом можно перебиться пару суток. А можно и вовсе не есть и какое-то время задействовать резервы организма – всё равно. Дорога до дома Иры уж точно не займёт больше, чем один-два дня, даже при самых пессимистичных подсчётах. Так я тогда думал.

К десяти часам утра я был полностью готов и стоял в прихожей, тщетно пытаюсь придумать себе ещё хоть какое-нибудь дело, которое задержит меня внутри. Нет, больше уже

и впрямь беспокоиться не о чем, и теперь либо вперёд, за дверь, либо оставаться здесь, по эту сторону порога и весь остаток жизни жить фантазиями о том, как бы я им всем показал, если б решился тогда выйти наружу. Я окинул квартиру прощальным взглядом: свою комнату, спальню родителей, гостиную, кухню. Обыкновенные бетонные стены, покрытые обоями, но сколько с ними связано воспоминаний! Вот за этим самым столом мы сидели с матерью и отцом ещё... сколько?... месяц назад? И сколько раз мы сидели за ним до этого! И моя комната, в которой я жил почти с тех самых пор, как появился на свет... Всё это я должен теперь оставить позади. Всю свою жизнь, всю свою память, всего себя оставить тут и выйти навстречу иной реальности, в которой не будет школьных классов, университетских аудиторий, уроков или лекций, но будут бесконечные, ежесекундные контрольные и экзамены, завалить которые – значит погибнуть. Мне было тяжело, и на мгновение я даже поймал себя на мысли, что уж лучше я останусь тут и никуда не пойду, и скорее сгину в знакомом мне месте, чем отправлюсь во внешний мир и сдохну в пучине неизвестности. Но, вспомнив о вложенных в мой дневник фотографиях, которые я нашёл в кладовке несколько дней назад, я успокоил себя тем, что прошлое – весь тот добрый и тёплый мир без опасностей – не исчезнет за моей спиной, едва я закрою дверь. Он всегда будет рядом: как минимум – в этих фото на дне моего рюкзака. Ещё я вспомнил Иру: вспомнил, что уже начал за-

бывать, как она выглядит. И тогда я вышел на лестничную клетку, вставил ключ с обратной стороны и провернул его несколько раз. Затем я думал отшвырнуть ключ подальше от себя, чтобы не иметь больше и шанса вернуться назад. Но разум возобладал, и, спрятав связку в одном из карманов, я зашагал вниз по лестнице.

С момента выхода из подъезда для меня началась новая жизнь. Прологом к ней было ощущение полнейшей беспомощности перед лицом предстоящего пути до Ириного дома. Я не знал, сколько нас разделяло километров, но и без этого совершенно чётко понимал, что пункт моего назначения находится очень и очень далеко, если идти до него пешком. Другого варианта у меня и не было: автобусы уже давно не ходят по известным причинам, а водить машину я не умел. Да и машина-то наша – и та осталась с отцом: где-то там, далеко. Попробовать взять чужую машину, завести её, ловко соединив нужные провода под приборной панелью, и поехать, на ходу учась управлять транспортным средством с нуля – затея, конечно, резвая и дерзкая, но уж больно киношная, и только там – в кино – она увенчалась бы успехом. В реальности же я споткнулся бы уже об этап с соединением нужных проводов. Что это за провода там такие волшебные, которые позволяют крутым ребятам из блокбастеров завести любую тачку с пол-оборота? Ума не приложу. Итого, путь оставался только один: пешком, вперёд, по дворам и улицам, вдоль расклонированных по округе многоэтажек, магазин-

чиков и торговых центров. Вдоль Радуги – в том числе.

Как бы ни была неприятна мне даже сама мысль о возвращении туда, мимо Радуги мне пришлось бы пройти в любом случае. Очень скоро по мере моего продвижения по улице она показалась в поле зрения. Всё те же стены, всё то же здание, всё та же парковка перед ним, которая навсегда останется в моей памяти местом двойного убийства. Вокруг Радуги было тихо. На дворе уже стоял ясный и светлый день, и вряд ли те, кто засел в торговом центре, всё ещё спали. Подойдя ещё чуть ближе и оказавшись почти на перекрёстке, я увидел силуэт дозорного на крыше. Кто это был, я не мог разглядеть. Да и не всё ли равно? Кто бы то ни был, он – один из тех людей, что убили Юру и его отца и, возможно, расправились с остальными бедолагами, решившими роковым утром двадцатого дня оспорить притязания странников из Восхода на Радугу и её богатства. Интересно, что бы случилось со мной и Аркадием, если б мы тогда не побежали? И что, кстати, сейчас с Аркадием, который отправился вызволять свою ненаглядную из лап бандитов со всеми сбережениями моих родителей? Трудно было сказать. Одно я знал совершенно точно: не этим мне сейчас следует забивать себе голову.

Я осторожно пересёк проезжую часть, чтобы миновать перекрёсток и в то же время остаться незамеченным для дозорного на крыше. Мертвецов поблизости не было, и я мог полностью сфокусироваться на нём, во все глаза смотревшем куда-то перед собой. Кого он выискивает? Трупов ведь нет

в радиусе доброй пары сотен метров. И, кстати, почему их нет? Неужто после того, как Тоха дважды выстрелил тогда из пистолета, на звук пальбы никто не прибежал? Или прибежал, но им удалось каким-то образом избавиться от гостей? Да плевать! Плевать, плевать, чёрт побери, плевать, хватит задавать себе идиотские вопросы! Сосредоточься уже на дороге!

Со времён моих дозоров на крыше Радуги я помнил, какие зоны вблизи торгового центра просматриваются хорошо, а какие – не очень. Вся необходимая мне дорога, ведущая к кольцу, была как на ладони: начиная от тротуара вдоль неё и заканчивая, собственно, проезжей частью. В районе кольца улица, на которой находилась Радуга – и мой дом, кстати, тоже, – соединялась с другой улицей: длинной, широкой и протяжённой, связывавшей, по сути, нашу глухую окраину с предместьями городского центра. Когда я дойду до кольца, мне нужно будет всего-то двигаться вдоль этой транспортной артерии, по необходимости сворачивая во дворы и прячась от зомби, и, когда я дойду до большой развязки и в следующий раз сверну куда-либо, большая часть пути уже будет пройдена. Но сначала нужно было добраться до этого самого кольца. А сделать это, двигаясь вдоль проезжей части и оставаясь при этом незамеченным для дозорного, было попросту невозможно. Нужно было либо пробираться через дворы, либо уходить вглубь квартала, по улице, параллельной той самой большой дороге, которая мне была нужна. А даль-

ше – вверх, по улочке, параллельной моей, и там – к большому перекрёстку, на котором эта улочка соединится с большой дорогой. Даже на бумаге всё выглядит как-то запутанно. Куда ни глянь – везде треклятый Кносский лабиринт, где вместо стен – панельные пятиэтажки, а вместо Минотавра – толпа мертвецов, которая может поджидать тебя – бестолковую пародию на Тесея – за любым углом.

Из всех путей я выбрал тот, который посчитал наиболее безопасным: вдоль дороги, вглубь района и, по сути, в обход квартала, располагавшегося напротив Радуги. Так было значительно дольше, чем срезать через дворы, но зато спокойнее: дорога просматривается далеко вперёд, в отличие от дворовых закоулков. На полпути до развилки я увидел школу, скрывавшуюся чуть вдалеке, за деревьями, посаженными вокруг её серого здания. Ту самую школу, мою школу, в которой я был в последний раз двадцать шесть дней назад, и в которой... Н-да. Как тогда, находясь в моменте, так и сейчас я не хочу думать о том, что случилось в тех стенах в первую неделю после начала вымирания. «Та самая школа, в которой я был в последний раз двадцать шесть дней назад», – и точка. И больше ничего.

Миновав школу и автобусную остановку рядом с ней, я встретил первого мертвеца за всю дорогу. Он сидел на траве, под окнами многоэтажки, оперевшись спиной на берёзу. Прямо напротив, на дороге, стояли две машины, столкнувшиеся и сгоревшие дотла когда-то, видимо, очень давно. Ру-

башка на теле сидевшего у дерева мертвеца была порвана, в коже на его лице застряло несколько мелких осколков битого стекла, и я предположил, что мертвец был одним из участников этой аварии. Другого участника я увидел в одной из машин: в виде обгоревшего до костей тела. Что здесь произошло? Когда? Были ли ещё погибшие? Эти и многие другие умные вопросы я не успел себе задать: мертвец, сидевший у берёзы, повернул голову, открыл глаза и уставился на меня.

Наверное, это всё в нашей природе: когда на нас пристально смотрит другой человек, мы либо отводим взгляд, либо пытаемся каким-то образом вступить в диалог со смотрящим. Сказать ему что-то вроде: «Привет», – или спросить: «Чё вылупился?» – да что угодно, лишь бы не было этой неловкой паузы, этого провисания, эмоционального напряжения, требующего немедленной разрядки и сиюминутного катарсиса. А всего-то – один только взгляд незнакомца! Раньше, когда я ездил в маршрутках, я любил проводить эксперименты на эту тему. Столкнувшись с кем-нибудь взглядами, я нарочно смотрел на него в ожидании реакции. Опытным путём я выяснил, что в отношении этих самых гляделок люди делятся на четыре типа: тех, кто отводит взгляд; тех, кто проявляет дружелюбие; тех, кто проявляет враждебность; и, наконец, тех, кто воспринимает это как игру и начинает пристально смотреть на тебя в ответ. Игра в последнем случае заключается в том, чтобы заставить своего оппонента определить самого себя в одну из первых трёх катего-

рий. Тех, кто отводит взгляд, конечно же, было большинство в нашем нормальном мире. Остальных – плюс-минус поровну и значительно меньше, чем тех, кто предпочитает подолгу не смотреть незнакомцам в глаза. Так было раньше, до появления новых людей.

К чему я вообще всё это рассказал? Да кто его знает. Наверное, хотел передать свои ощущения в момент, когда я столкнулся взглядом с тем сидящим около дерева бедолагой. Хотел передать вам всю глубину своего замешательства, всё то смятение и незнание, как мне быть и что делать с этим пустым, холодным взглядом безжизненных белёсых глаз. На кого я смотрю? На человека или на нечто иное? Что мне делать: отводить глаза, как обычно это делал при взгляде на случайного незнакомца на улице, или улыбнуться и сказать что-то вроде: «Ну, привет, дружок!» – как я делал это, глядя на какое-нибудь животное? В голове моей произошло замыкание, ближайшей аналогией к которому мне видится синий экран смерти на компьютере. «Сбой системы, пожалуйста, перезагрузитесь». И это секундное замешательство из-за, казалось бы, сущей ерунды едва не стоило мне жизни.

Мертвец резким движением оттолкнулся спиной от дерева и подался вперёд. Затем он встал на четвереньки, вскинул голову и снова посмотрел на меня: теперь уже исподлобья, чуть вздёрнув брови. Потом он издал звук. Такой короткий, резкий:

– Ау!

Будто бы он потерялся в лесу, хотел позвать на помощь, но вдруг передумал и оборвал свой клич на полпути изо рта. Потом он снова молча посмотрел на меня. Я не двигался. Если бы он нёсся на меня сломя голову, я знал бы наверняка, что надо бежать. А тут... Тут он просто стоит и смотрит. Конечно, вероятнее всего он кинется на меня в несколько следующих секунд, а потому стоять и ждать этого нет никакого смысла – лучше сразу броситься наутёк. Но что, если нет? Что, если с ними работает то же, что работает с медведями в лесу: смотри ему в глаза и выгляди большим, чтобы тот передумал атаковать?

Ещё несколько долгих секунд он глядел на меня, пока, наконец, не повернул шею так, словно захотел вдруг увидеть меня вверх ногами. С наклоненной вбок головой он издал новый звук:

– У-у-у-о-о-о-о!

Возглас, похожий одновременно на удивление и удовлетворение от, скажем, глотка холодного кваса знойным утром.

А потом он попёр на меня. Всё так же, на четвереньках, отталкиваясь ногами и помогая себе руками, словно обезьяна. Наверное, я бы и дальше стоял там, и смотрел на него до того самого момента, пока он не выпил бы мои глаза из глазниц вместе с содержимым черепа – настолько я был обескуражен его поведением. В чувство меня привёл звук разбившегося стекла, донёсшийся с одного из балконов многоэтажки. Этажа то ли с третьего, то ли с четвёртого – не помню

– на улицу выбросился человек. Он разбил окно собственным телом и всем своим весом упал траву под балконом. Должно быть, это был ещё один мертвец, пришедший на зов того, на четвереньках. Потом разбилось ещё одно окно. И ещё. И ещё. Они всё падали и падали на землю с тяжёлым и глухим звуком, сопровождавшимся затем треском переломанных костей, а после – воплем... нет, не боли – жажды. Хриплым рёвом иссушенных, обескровленных глоток, сравнимым с воплем ликования бедуина, застрявшего в пустыне и бродившего по ней долгие дни и недели прежде, чем найти, наконец, источник пресной воды где-то там, вдалеке, на горизонте.

Я побежал что было сил. Я бежал и слышал, как вслед за мной шлёпает по асфальту тот самый мертвец, передвигающийся на четвереньках. Бежал я до самой развилки, на которой мне нужно было свернуть направо. Я повернул и обернулся. Там, вдалеке, ещё через пару сотен шагов, которую я со своей нынешней скоростью преодолел бы за пару десятков секунд, стояло несколько человек. Они стояли, сгрудившись возле перевернутой посреди дороги тачки и не выглядели как её пассажиры, с трудом выбравшиеся из неё и решившие эту тачку перевернуть и поставить обратно на колёса. Они были похожи скорее на тех, кто сожрал этих самых пассажиров когда-то давно. И теперь они смиренно ждали, пока не услышат, не увидят или не почувствуют свою новую добычу. Они были впереди. Позади – тот тип, на четвереньках

и с осколками стекла во лбу и щеках. На подмогу ему уже наверняка спешат те, кто выбросился из окон многоэтажки и, отряхнувшись и поправив вывихнутые суставы, готов был броситься следом за вожаком на загон строптивой добычи. Я был зажат между молотом и наковальней, но сделать ничего было нельзя: либо бежать вперёд в лапы одних мертвецов, либо назад в лапы других. Ближайший проход во дворы был там, справа и далеко впереди, как раз рядом с перевернутой тачкой и толпившимися возле неё заражёнными. Слева был гаражный комплекс, чуть дальше за которым – больница, в которой меня не ждало ничего хорошего.

Мозг мой, обычно тяжёлый и неповоротливый, работал теперь очень быстро. За несколько секунд, двигаясь по направлению к перевернутой тачке и верной смерти, я вычислил три пути отхода: первый – свернуть налево немедленно и взобраться на крыши гаражей. Вспорхнуть на них не получится, а трейсер из меня так себе. Но по гаражам я, как и все, лазал в далёком детстве, и мои руки с ногами наверняка помнят, как вскарабкиваться на такого рода постройки. Проблема в том, что сделать это надо очень быстро и с одной попытки – не так неспешно и мерно, как я вскарабкивался на крышу кирпичной пристройки у школы двадцать шесть дней назад. Секунда промедления, один лишь миг замешательства, и этот крикун на четвереньках вцепится зубами мне в лодыжку.

Второй путь – ломануться сквозь толпу впереди и схоро-

ниться где-нибудь во дворах. Из них, может быть, каким-то чудом выбраться и дойти-таки до нужной мне улицы. Словом – войти в тот самый лабиринт Минотавра и уповать на то, что, мчась по нему, мне повезёт выбрать нужные повороты с первого раза и не напороться на закоулок с пресловутыми Минотаврами, поджидающими там свою жертву.

Третий путь – наудачу выбрать один из магазинчиков на первом этаже этого бесконечно длинного, глухого девятиэтажного дома справа, вломиться туда и запереть за собой дверь. Тоже та ещё лотерея: за каждой из этих дверей может оказаться один, два или несколько зомби, только и ждущих своего очередного клиента. Помимо прочего, выбранная мною дверь может оказаться запертой, а ломиться в следующую у меня попросту уже не останется времени: этот тип на четвереньках и так уже дышит мне в затылок, а стоит мне на несколько секунд остановиться, и он догонит меня, и тогда – пиши «пропало».

Словом, незавидное положение. Полная безысходность, если говорить начистоту. Куда ни глянь – всюду смерть, а прежде неё – страдания и муки. И зачем я только вышел из дома? На кой ляд нужно было вообще выходить на улицу и подвергать себя опасности, когда я мог ещё несколько недель преспокойно сидеть в четырёх стенах, есть тушёнку с полусырой картошкой и недоваренной крупой, но при этом чувствовать себя в безопасности? Я сам загнал себя в этот капкан. И, если вспомнить, именно этого я и хотел: уме-

реть здесь, на улицах, хотя бы попытавшись добраться до той единственной близкой мне живой души, оставшейся в этом мире. Вот я и нашёл, что искал.

Справа, в длинном девятиэтажном доме, на первом этаже было несколько заведений: цветочный магазичник с безликим названием «Цветы», безымянная аптека, отличавшаяся от соседствующей с ней оптикой только наличием мигающего светодиодного креста над дверью и первой буквой в своём наименовании. «Цветы», «Аптека», «Оптика» и рядом с ними – «Гроссбух». В любом другом городе так мог бы называться какой-нибудь канцелярский магазин или салон офисной мебели, возможно – книжная лавка. Но у нас «Гроссбух» был местом, где продавали разливное пиво. Точнее – целой сетью мест, филиал которой был в каждом, даже самом бедовом районе города. А уж в центре-то или вокруг новых жилищных комплексов их и вовсе было пруд пруди. Наименований пива там было хоть отбавляй: хватило бы на большую учётную книгу, какая есть у бухгалтеров. Отсюда и название с лёгким градусом двусмысленности.

Скорее всего, «Цветы» и «Оптика» были заперты: закрылись ночью второго дня апокалипсиса, а новый рабочий день для них так и не начался, потому что на третий день многим уже было не до праздничных букетов и окуляров. «Аптека» наверняка работала ещё очень долго, а когда из неё ушёл последний сотрудник, её совершенно точно кто-нибудь вскрыл и проник внутрь, чтобы заготовить остатками лекарств. Впол-

не возможно, что в Аптеке и сейчас кто-то есть. Как и в Гроссбухе. А может, и там и там никого нет, и оба эти заведения могут быть открыты и закрыты с одинаковой долей вероятности.

Если бы я думал обо всём этом, пока бежал, я бы уже давно упустил момент и врезался в толпу рядом с перевёрнутой машиной. Конечно же, на подумать у меня тогда в лучшем случае было несколько секунд, и свой дальнейший маршрут я строил скорее интуитивно, чем рационально. Я выбрал свернуть направо, к многоэтажке. Там – добежать до двери магазина разливного пива и ломануться внутрь. Если там закрыто – перемахнуть через перила лестницы и попробовать добраться до аптеки или до цветочного салона сразу за аптекой. Если повезёт – успею. Нет – ползучий гад настигнет меня, а следом и его гниющие дружки. Почему я решил сделать именно так, а не иначе? Понятия не имею: просто выбрал и всё тут. И кто знает, как всё повернулось бы, реши я, скажем, взобраться на гаражи или свернуть во дворы.

Спиной чувствуя приближение мертвеца на четвереньках и слыша где-то там, позади, его хрипящее дыхание, я вспрыгнул на небольшое крыльцо перед Гроссбухом и что было сил дёрнул за ручку двери – обычной пластиковой двери с окном посередине, какие были во многих лавчонках и магазинчиках и различались между собой разве что цветом и дороговизной отделки. Гроссбук был открыт. Открыт! Я устремился внутрь и успел уже с силой потянуть на се-

бя дверь, чтобы поскорее затворить её, но вдруг врезался во что-то. Решётка! Она была чёрной и сливалась с общим фоном темноты внутреннего убранства, так что я просто не мог увидеть её раньше, прежде чем совершить, как мне тогда казалось, фатальную и самую роковую ошибку в своей жизни. Оглянувшись, я увидел, что зомби на четвереньках всё ещё скачет следом и почти достиг первой ступеньки крыльца. Сейчас он меня сожрёт. Я могу ломануться дальше, и тут уж пятьдесят на пятьдесят на то, что я успею перемахнуть через перила и убежать. А могу... «Да, так и сделаю», – решил я, вжался в решётку и затворил дверь.

Я оказался зажатым в узком промежутке между дверью и решёткой, словно стейк, который повар прижал лопаткой к грилю, чтобы тот хорошенько прожарился. Ещё пара секунд, и мертвец, преследовавший меня, приник лицом к стеклу и оказался от меня на расстоянии нескольких сантиметров. Он бил кулаками по дверному окну, скрёб его ногтями и пытался прогрызться сквозь него, не понимая, что, чёрт побери, мешает ему вцепиться в мою глотку? Что не пускает его? Какой-то неведомый магический барьер? Вот же он – человек! Почему я не могу его коснуться, а следом – разорвать на части? Стекло, разделявшее нас с ним, с каждым мгновением злило его ещё больше. Он продолжал молотить по нему, и сожаление моё о том, что я не рискнул перемахнуть через перила, росло по экспоненте. Теперь стекло – это гарант моей жизни: стоит ему разбиться, и мне конец. Как долго оно

продержится? Треснет ли оно раньше, чем разлетится на куски моя психика, и я сойду с ума от томительного ожидания неизбежного? Трудно было сказать точно, но ещё немного, и опытным путём я бы выяснил это наверняка. Если бы не хозяин голоса за моей спиной, сказавший:

– Ну ты чё тут, ё-моё?

Он отворил замок на решётке, открыл её и я ввалился внутрь, благодаря судьбу за то, что кого-то таки угораздило расположиться в Гроссбухе, чтобы скоротать тут время, и что этот «кто-то» был здесь в тот момент, когда этот пивной оазис стал моей последней надеждой. Незнакомец вновь закрыл решётку, а потом, слегка покачиваясь и совсем не обращая внимания на ломившегося в дверь мертвеца, обернулся.

– Оп-па! – сказал он, будто бы прочитав мои мысли, – Здоров! А ты как здесь?

Я узнал в Лёхе Лёху одновременно с тем, как он узнал во мне меня.

– Да вот... – всё ещё тяжело дыша, пытался ответить я, – Это... Пристали, вон!

– Ладно, отдышись давай. А потом – свали от дверей, чтоб этот чёрт тебя не видел. А то дверь расфигачит ещё.

Я кивнул и, не поднимаясь с пола, откатился в сторону, спрятавшись за стеной от одновременно дикого и пустого взгляда своего преследователя.

– Надо чем-нибудь решётку завесить, – сказал Лёха.

На плече у меня висел пакет с несколькими надушенными

ми полотенцами – моим изобретением для обезвреживания мертвецов. Я вспомнил про него и предложил их Лёхе.

– Пойдёт, – сказал он, – Брошу чисто так, чтоб они нас оттуда не видели.

– Их там уже несколько?

– Нет пока, но скоро подойдут. Они такие. Один куда-то ломанётся – остальные тоже идут. Даже если не видят, куда тот первый изначально шёл. Как голуби типа: брось одному хлеб – кореша его с другого конца города прилетят жрать просить.

Пару минут спустя на решётках уже висели полотенца, пахнувшие отцовским парфюмом, и удары по стеклу постепенно стихли.

– Ну всё вроде, – заключил Лёха, – Теперь рассказывай, как тебя угораздило?

Он прошёл вглубь помещения, представлявшего собой большую комнату без мебели. В центре была барная стойка, за которой располагались торчавшие из стены краны с разливным пивом. Рядом со стойкой стояли витрины, в которых раньше была разложена всякого рода закуска: сушёная, копчёная, вяленая рыба, кальмары, морепродукты – всё то солёное, острое и перченое, чем обычно закусывают слабоалкогольные напитки. Теперь там не было ничего, и мне было любопытно, чем питается Лёха, который, очевидно, живёт здесь. О последнем свидетельствовала лежанка, устроенная из разных тряпок, на полу за баром. Окон здесь не было, и

когда Лёха завесил дверь моими полотенцами, внутри образовался полумрак, сквозь который я на первых порах передвигался наощупь.

– Да ты не бойся, не запнёшься, – сказал Лёха, и следом где-то там, рядом с ним, что-то пшикнуло: должно быть, один из кранов, который он открыл, закрепив на нём бутылку, – Иди на голос. И на плеск пивка.

Я сделал так, как он сказал, и вскоре оказался совсем рядом, по обратную от него сторону стойки. Пока наполнялась бутылка, глаза мои немного привыкли к окружающей темноте. Очень коротко и лаконично я успел пересказать Лёхе историю моего сегодняшнего дня и того, как я очутился здесь.

– Х-ха! – сказал Лёха, едва я закончил свой рассказ. Он открепил бутылку от крана и, не надевая на неё крышку, протянул мне, – На, хлебни. В себя малёх придёшь. Ты, кстати, это... Не покусали тебя часом?

Он насторожено посмотрел на меня. Я ответил, что меня совершенно точно не кусали, и зачем-то добавил, что если он хочет, то может проверить.

– Хм... Нет, спасибо, – слегка озадачившись, ответил Лёха, – Верю. Да и чё блин, голым тебе тут плясать? Так, а это... Чё спросить-то хотел?..

Сквозь темноту я, наконец, смог отчётливо разглядеть его лицо. И взгляд: он смотрел в какую-то точку перед собой, словно разглядывая некую микроскопическую трещину на барной стойке, параллельно пытаюсь вспомнить, как зовут не

только меня, но и его самого. Он был пьян – это я понял сразу, едва услышав его заплетающуюся речь. Теперь, увидев его лицо, я утратил последние сомнения по этому поводу. Наконец, будто бы поймав запоздавшее озарение, он округлил глаза и, вспомнив, видимо, что хотел спросить, разродился:

– А! Во чё! А чё ты из хаты ушёл-то, ё-моё? Ты ж у себя дома был, правильно?

– Да.

– И чё? Сидел бы и сидел, нафиг куда-то попёрся?

Медленно потягивая предложенную мне гостевую порцию прохладного напитка прямо из горла бутылки, я рассказал ему про Иру: про то, кто она, где она, почему я хочу к ней попасть, и как непросто мне будет, скорее всего, это сделать.

– ...а там, где она живёт – где квартира у неё то есть – там мертвяков видимо-невидимо. Реально не протолкнуться, натуральная маёвка мёртвых анархистов. Так что дотуда я дойду, а там – не знаю, как дальше. На ум только вертолёт приходит. Но что-нибудь придумаю. Или сдохну там, но зато... Зато попробую.

Чем больше я пил, тем более откровенными становились мои речи. Лёха увлечённо слушал их и кивал, но, спустя десять-двадцать минут моего монолога, я заметил, что верхние веки его становятся как будто бы тяжелее, а моргает он всё реже и реже. Его, похоже, клонило в сон, и, чтобы его хоть как-то расшевелить, я решил дать слово ему:

– Ну ладно про меня. Ты-то как здесь? Я думал, ты в Радуге остался.

– В Радуге-шмадуге, – ответил Лёха, махнув рукой, – Ушёл я, как ходить смог. Тут вот осел. Бухаю сажу: только так мозги не парятся всем... Этим.

Лёха кивнул головой в сторону завешанной полотенцами решётки. Он отхлебнул из своей бутылки и продолжил:

– Пивас правда только на паре кранов остался. Да и тот чё-то ядрёный какой-то. Э-э... Тебя-то, смотрю, лихо с него развозит! Давай-ка знаешь, как? Давай-ка завтра побазарим уже.

– Завтра?

– Ну, или сегодня. Позже короче. Я вообще спал, пока ты там барагозить не начал. Прилягу я. Ты тоже приляг где-нибудь. Только в подсобку не ходи.

– А что там?

– А не ходи просто и всё. Потом покажу, расскажу. Всё, давай, я это... На боковую.

Лёха, качаясь, плюхнулся на свою лежанку, расположился на ней и обнял какой-то мешок, служивший ему подушкой. Всё было как в тумане. Напиток, предложенный Лёхой, я выпил до дна, и теперь тоже был слегка навеселе. Всю сумбурность и хаотичность нашей встречи трудно описать словами: полчаса назад я был там, снаружи, на волосок от смерти, а теперь – вот он я, болтаю со старым знакомым как ни в чём не бывало и напиваюсь до беспамятства, позабыв совершен-

но обо всём, что меня заботило. Как и рекомендовал Лёха, я нашёл себе угол и лёг там, прямо на полу. Мир вокруг кружился. Кружился он и когда я закрывал глаза. Слегка тошнило и хотелось почистить зубы. Я лежал и думал о чём-то – уже и позабыл, о чём. Потом – отключился.

Когда Лёха разбудил меня, я понял, что ещё жив. Что непостижимая встреча с ним в месте, которое я совершенно случайно избрал в качестве укрытия от преследовавшего меня мертвеца, была не видением в предсмертном бреду, а реальностью. Такой же реальностью, как головная боль, тошнота и омерзительный запах изо рта, который мне хотелось сейчас же чем-нибудь заесть.

– Живой? – спросил Лёха, – Опохмел сделать?

– Опохмел?

– Ноль-пять светлого, нефильтрованного. Гроссвайс, етить его... Как там у них слоган в рекламе был?

– Понятия не имею. Мне не надо, спасибо, – ответил я.

– Зря. Пить надо так, чтоб не успевать опомниться, понимаешь, да? Иначе нафиг оно нужно?

Лёха снова был пьян, а я – поражён. Как он может пить после того, как уже пил? Как в него лезет и не просится обратно? Что с ним случилось? Я готов был поклясться, что раньше он не был таким. Я видел перед собой отчаявшегося человека, осознанно катившегося по наклонной вниз, который, очевидно, занимался намеренным самоуничтожением. Что же с ним стало? Не могу сказать, что хорошо знал того

Лёху из Радуги, но сейчас мне казалось, будто передо мною не он, а кто-то, кто по волшебству завладел его телом и теперь хочет его смерти.

– Ты сам вообще как? – спросил я его, – Всё у тебя нормально? Как живот? Тебе вроде тогда черенком здорово прилетело. Последний раз, когда мы в Радуге виделись, ты лежал и не вставал. Сейчас как себя чувствуешь?

– Живот... Болит ещё: куда деваться? Синий весь, как будто татуху на пузе набили. Чёрный квадрат... Не – чёрный круг, х-ха! Хожу сам, как видишь. Ем нормально. Когда есть, что поесть. Пью – тоже нормально.

На последнем Лёха сделал акцент, чуть приподняв полторалитровую бутылку, которая была у него в руках. Бутылка была наполовину пуста. Сделав ею жест – будто бы чокаюсь с невидимым компаньоном – он прильнул к ней и сделал несколько больших глотков.

– Так а... А что с Радугой-то в итоге? Как ты оттуда ушёл? И когда? Не видел случайно, как паренёк туда приходил: Аркадием зовут?

– А-ай! Чё ты заладил? «Радуга, Радуга»... Тебе не по... Я совсем его не узнавал. Он никак не шёл на контакт, а при любом упоминании Радуги либо менял тему, либо отмахивался и молча отвлекался на что-нибудь.

Весь день мы так и провели: Лёха напивался, а я – помаленьку трезвел и пытался сообразить, что мне делать дальше. Счёт времени в этом тёмном, смердящем кислым пивом по-

мещении я потерял, но, судя по свету солнца, пробивавшемуся сквозь плотную ткань полотенец, на дворе всё ещё был день. Если продолжать двигаться в сторону центра сегодня, то выходить нужно уже сейчас, чтобы к закату оказаться хотя бы где-нибудь поблизости. Но с каждой минутой, проведённой внутри, в безопасности, страх выйти наружу рос и набирал новую силу. Я сидел и ждал, теряя время, попутно слушая болтовню Лёхи, который, чем пьянее становился, тем больше трепался обо всякой ерунде, таким образом будто бы стараясь ещё больше отрешиться от всего происходящего.

– ...а завод у них как появился, знаешь? Там какой-то реальный немец приехал и его построил, и пиво стал варить. Вообще там два немца было вроде: одного точно Гросс звали, а второго то ли Старк – как Тони Старк – то ли Штерн. То ли Штарк. Да, точно! Штарк! Вот этого Штарка в итоге подвинули потом как-то, а Гросс своим именем пивас назвал и стал им банчить. Потом завод детям передал, они – своим детям. В итоге чуть ли не самая богатая семья вообще в городе до сих пор. Даже мэр наш, по-моему, каким-то боком к ним относится: то ли потомок, то ли кто. Такая история. Ты слушаешь?

– Да, да... – ответил я, думая о том, хватит ли мне духа уйти отсюда хотя бы завтра. Ведь если нет – я точно останусь здесь навсегда и, присосавшись к крану, как Лёха, стану доживать тут остаток дней в похмельном бреде.

Будто бы каким-то образом почувствовав моё настроение,

Лёха тяжело вздохнул, в очередной раз крепко приложился к бутылке, а затем вдруг сказал, помрачнев:

– Они там жёсть, чё натворили: урки эти, или кто они там. Кто сбежать успел в начале в самом, пока неразбериха была – тем повезло. А потом... Не знаю, чё они злющие такие были. Просто зашли в кинотеатр и давай всех месить. За меня Тоха впрягся, а остальных... Лучше б не видеть было этого. Главное Тоха не понятно, как смог вот так, просто, взять и... Мужиков порезали почти всех, кто удрать не смог. Бабы – кто-то под руку попал, а кого-то... Ну, ты понял. Это ещё повезло считай. Малые даже некоторые под раздачу попали. Мелкие совсем! Не специально, видимо: просто в замес угодили, и... И всё. А знаешь, из-за чего всё? Из-за того, что этот лысый выперся с братвой своей и захотел в мента поиграть. Повоевать захотел за своё, понимаешь? И сына своего ещё притащил. А тот пулю из батиного же ствола и схлопотал. И лысого этого тоже грохнули. Чуваки его эти, кто не убежал, смогли даже нескольким восходовцам голову пробить. Вот они и озверели.

– Я там был, – только и ответил я.

– А-а... – многозначительно протянул Лёха и, посмотрев несколько долгих секунд в незримую точку в темноте, вспомнил что-то и, усмехнувшись, поспешил поведать это мне, – Х-ха! А знаешь, чё потом? Потом этот тип пришёл, который вроде твой знакомый какой-то. С баблом! И начал задвигать, мол, отпустите мою девку, если она тут. Н-да... Как они над

ним издевались – этого я уже не видел. И хорошо. Но одно точно: бабки они взяли, а пацана в моём магазине же в подсобке заперли. И до сих пор поди там он сидит. Уроды, ё-моё.

Вспомнив про Аркадия, я опечалился. В глубине души я, всё же, надеялся, что для него всё закончилось хорошо.

– И что там сейчас происходит? – спросил я, решив, что теперь Лёха разговорился настолько, что уж точно расскажет всё, о чём его ни спроси.

– Да ничё. Бухают они, а кто не бухает – тот в дозоре стоит. Через сутки меняются. Я там особо не общался ни с кем – только с Тохой, и то так, по мелочи: не мог я его больше нормально воспринимать, он же с ними был, причём вообще по ходу с начала самого. Да и провёл-то я там где-то дня три-четыре только после того, как эти черти вошли.

– А как ушёл?

– Встал и ушёл, – пожал плечами Лёха, – Как смог, вышел через чёрный ход ночью, и поминай как звали. Шёл наугад, наобум, не знал, куда приду. Так тут и очутился: смотрю, пивнуха стоит. Подумал, хорошее место. И открыто как раз было. Пока свет был – хорошо, холодильники работали. Потом тёпленькое пришлось пить. Ну и хрен с ним.

И Лёха снова прильнул к бутылке, осушил её и отбросил в сторону. Затем продолжил:

– Этот, конечно, в подсобке, мне душу вымотал сначала...

– Ты про кого?

– А, я не показывал? Ну, гляди.

Лёха отворил дверь подсобного помещения, располагавшегося прямо за барной стойкой, и я в ужасе отпрянул, врезавшись спиной в холодильник позади меня. Там, на полу, привязанный чем-то к батарее сидел синий, взъерошенный человек с диким взглядом, тянувший свободную руку к Лёхе, словно бы стремясь нащупать его в темноте. Человек был мёртв и жил свою вторую жизнь в новом обличи. Он казался совсем юным: на вид ему было не больше лет, чем мне. На предплечье руки, примотанной к батарее, было много запёкшейся крови, которая в полумраке была неотличима от обычной грязи. Но почему-то я был уверен, что на руке у него отнюдь не грязь.

– Не ссы, он не кусается. Вернее, кусается, но только если ты сам захочешь. Только если сам захочешь...

Лёха опять уставился в темноту и погрузился в свои мысли.

– Кто это? – спросил я, чуть отойдя от испуга.

– Смеляков Павел Юрьевич собственной персоной, прошу любить и жаловать. Восемнадцать лет, родился здесь, прописан по улице Северной, дом двенадцать, квартира тридцать два. У меня его паспорт: достал у него из кармана вместе с бумажником и ключами от квартиры. Ему-то всё это уже без надобности. А нашёл я его уже таким, здесь же, так же привязанным к батарее. Видать, цапнули его, он вырвался, сюда забрёл и помер тут же. Хорошо хоть привязать себя догадался – молодец. Нажрался тоже перед смертью: бутыл-

лок кругом было – караул. Вот такая тема.

– И зачем ты его такого тут держишь? Может, лучше...

– Что? Грохнуть его ещё раз? Голову ему проломить чем потяжелее? А ты сам попробуй. Тогда, когда мы с ментом, с Тохой и с тобой выходили и тех на детской площадке уработали – там всё в моменте было, всё в напряжении, либо пан либо пропал, либо ты либо они. А тут... Тут ты смотришь на него, замахнулся уже и думаешь: «Ну, щас-то я его!..» И всё, и дальше ничего не можешь. Ну как ты его убьёшь, когда он на тебя смотрит? Это ж не клопа раздавить. Понимаешь?

– Наверное.

Лицо Смелякова Павла Юрьевича показалось мне знакомым, но лишь смутно. Будто бы это был персонаж из полузабытого сна, увиденного много лет назад. Он всё тянул к нам свободную руку и без слов, одним выражением синюшного лица умолял дать ему пищи.

– Но вообще, – добавил вдруг Лёха, – Я планировал с его помощью... уйти типа. Укусит меня, и дело с концом. Пока связь была, мне брат звонил. Как раз где-то за день до того, как электричество накрылось. Там... Короче нет у меня больше брата. И родаков больше нет. Никого больше нет. Никого. Никого!

Лёха стукнул по стойке что было силы и крепко выругался. Потом лицо его скривилось в попытках удержать горечь и боль где-то там, внутри: запереть их наглухо, не дав выйти наружу в виде слёз и невесомых, почти детских всхлипов.

Поняв, что ещё немного и он разрыдается у меня на глазах, он снова прильнул уже к новой бутылке и стал яростно, с остервенением пить, пока не забыл обо всём, по поводу чего только что грустил.

– Ну а ты чё? – спросил он, сполна насосавшись своего поила, – Чё дальше? К девчонке своей пойдёшь?

– Да.

– А вдруг она померла уже?

– Надеюсь, что нет.

– Там и зомбарей валом, ты говорил, да? Как ты через них пойдёшь?

– Не знаю. Знаю только, что это лучше, чем просто сидеть и ничего не делать. Так я уже пробовал.

– Х-ха-ха. Ну смотри. Дело хозяйское. Передумаешь – оставайся.

– Я до завтра останусь. А там уже утром пойду.

– Угу. Меня только толкни, чтоб я решётку закрыл. А хотя – хрен с ним! На, вот ключи, выйдешь сам. Дверь только закрой наружную. И на-ачхать. Ох-х... Л-ладно, чё-то я это... всё короче. На боковую.

Лёха бросил на стойку ключи и завалился на свою лежанку, совершенно позабыв об открытой двери подсобного помещения и вообще обо всём на свете. Я прошёл за стойку, мимо лежавшего на животе Лёхи и затворил дверь подсобки, снова оставив Смелякова Павла Юрьевича в кромешной темноте.

Остаток дня я пытался скоротать разными способами: читал этикетки на кранах у бара, разглядывал фото, украшавшие стены заведения. В основном там были ничего не значащие картинки с изображениями шишек хмеля, огромных деревянных бочек, стаканов, наполовину наполненных жёлтым напитком, а наполовину – белой пеной. Висели в рамках на стенах и фотографии владельцев пивоваренного завода, продукцию которого продавали в Гроссбухе: владельцев как прошлых, так и нынешних. Я заглянул в каждый уголок этого скромного питейного заведения, пошарил в кассе и в ящиках тумбы за баром. Ничего интересного: в кассовом аппарате осталась только мелочь, которую так и не забрал никто из тех, кто ходил по округе и обносил все кассы во всех торговых точках, все дни после конца света. В ящиках тумбы были только документы: всякого рода квитанции и накладные, вчитываться в которые у меня не было никакого желания.

Ближе к вечеру я заглянул-таки за полотенца, висевшие на решётках, и посмотрел сквозь дверное окно на улицу, залитую огненным светом заходящего солнца. На крыльце больше никого не было. Видимо, мой преследователь и впрямь потерял интерес к пивному магазинчику, едва его интерьер скрыли от его взора мои полотенца. Может быть, его что-то отвлекло, и он снова ушёл бродить по дороге, выискивая себе новую жертву. Надеюсь, что так. Выйти за решётку и основательно осмотреться я не решился: подумал, что лучше

оставлю это на завтра, когда уже серьёзно вознамерюсь выходить и продолжать путь.

На стойке стояла Лёхина недопитая полторашка Гроссвайса, которую вполне можно было подставить под нужный кран, наполнить до краёв и выпить до дна, чтобы крепче спалось. Но, посмотрев на лежавшего без чувств и громко храпевшего Лёху, я решил этого не делать. К тому же, завтра мне будет нужна ясная голова на плечах. Как только зашло солнце, я лёг спать.

На рассвете я проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

– Эй, дружище! Давай, вставай! Пора!

– М-м-м?.. Чё пора? – недоумевал я спросонья, пытаюсь разглядеть в темноте того, кто пытался меня разбудить. То был Лёха. Лицо его было опухшим, глаза – красными, со здоровенными водянистыми мешками под ними. Выглядел он отвратительно, но казалось, что чувствовал он себя на все сто. Он улыбался, будто бы радуясь чему-то, и улыбка его меня сразу успокоила: я понял, что будит он меня не потому, что в магазин кто-то ломится, и нам пора срочно убираться отсюда, а просто так.

– Выходить пора. Светает. Чем раньше выйдем, тем больше успеем до темноты.

– Чего успеем?

– А что бы ты хотел успеть? Ты к девчонке своей вроде собирался. Передумал?

– Нет, не передумал.

– Вот и давай, поднимайся и давай готовиться. Я с тобой пойду. Как ты сказал: всё лучше, чем здесь сдохнуть. Может, и чем-то полезен буду. Да стопудов буду! Я ж придумал, как тебе к ней попасть, чтоб зомбари тебя не сожрали. Во сне увидел, прикинь? Дичь только такая, что капец, так что ты сразу готовься. И помощь тебе там сто процентов нужна будет. Но это потом расскажу, по ходу. Щас ещё много чё сделать надо, так что ты вставай давай шустрее. И это... Похавать у тебя есть чё-нибудь? Не помню уже, когда ел в последний раз.

Кто-то уже шаркает ногами в коридоре. Наверное, Ирин отец; он из них троих самый жаворонок. С завтраком я пока повременю: дождусь, пока Ира проснётся, а там уже вместе выйдем из комнаты. Оставаться наедине с её предками мне пока ещё некомфортно. Не знаю, чем заняться до этих пор. Писать уже рука болит. Может, почитать? Почему бы и нет. А лучше – пороюсь в её коробке с хламом и поищу батарейки для приёмника, который стоит у неё на столе. Как я понимаю, стоит он там больше для красоты и антуража: с трудом могу представить Иру слушающей радио перед сном, как какой-то старый дед из прошлого века. Но, быть может, если я найду батарейки и вставлю их куда надо, приёмник поймает что-нибудь. Какую-нибудь радиоволну, на которой нам подскажут, что делать

далее: где раздобыть машину, как выехать на дорогу, миновав всех мертвецов в округе, и вырुлить на объездную, ведущую прочь из этого города, превратившегося в одну большую часовую бомбу. Радиоволну, на которой сидит джинди-джей и раздаёт бесплатные советы всем отчаявшимся. Просто полнейший нонсенс. Даже если я каким-то чудом отыщу нужного размера батарейки, если они будут заряжены, и если приёмник с ними и впрямь заработает, то всё равно с вероятностью близкой к стопроцентной я буду крутить ручку переключения частоты и слушать одни только свистящие и шипящие помехи. Дурацкая затея.

Дневник на сегодня я, пожалуй, оставлю. Вернусь к нему уже завтра утром, в это же самое время. Рассказать за один присест обо всём моём пути от Гроссбуха сюда у меня вряд ли получится, но напишу столько, сколько смогу. Заодно и о том, как пройдёт сегодняшний день парой строчек обмолвлюсь. А пройдёт он, похоже, опять в напряжении, на нервах и с шальным желанием отмотать время вспять и утром тридцать третьего дня остаться дома.

Запись 8

Шестое сентября. Сороковой день с начала вымирания.

Батарейки для радио я нашёл и вставил их куда следует. Результат пока нулевой. На всех волнах либо нескончаемое шипение помех, либо тишина: как я и предполагал. Ну, попытаться-то точно стоило. Не пробовал, кстати, проверить

его на балконе или лучше – на крыше. Благо, туда теперь проход открыт: во многом благодаря мне, между прочим. Сам себя не похвалишь – никто не похвалит! Ладно, игры с радиоприёмником отложим на потом. Сначала – дневник.

Вчера обещал чиркнуть пару строк о том, как пройдёт день после того, как все проснутся. Раз обещал – сделаю, хотя писать тут, в общем-то, не о чем. Опять бесконечные переливания из пустого в порожнее с Ирой, её отцом и матерью. Куда ехать? На чём? Как добраться до ближайшей машины, за руль которой можно будет сесть? Ответы на эти и многие другие вопросы найти, на самом деле, очень просто. Но Ириному отцу, по-видимому, куда больше хочется их искать, чем находить. Ещё бы: когда ты строишь и перестраиваешь планы, когда ты бесконечно рассуждаешь на тему всевозможных пустяковых деталей, то тебе не надо действовать. Чем дольше размышляешь, тем дольше стоишь за стартовым флажком и отодвигаешь от себя необходимость бежать марафон. Понять его можно: человек столько времени просидел взаперти и ещё ни разу не видел мир за пределами своей квартиры. Новый мир. То, во что всё вокруг превратилось за последний месяц с небольшим. А увидеть его из окна и увидеть живую, прочувствовав себя в нём – это две совершенно разные вещи, уж поверьте мне и моему опыту. В этом смысле Ира и её семья заслуживают скорее сочувствия, чем чего-либо ещё. Но когда на кону стоит жизнь – и моя, и их – становится не до сочувствия. Уже

второй день я скрежещу зубами от бессильной злости на их нерешительность, медлительность и, что самое неприятное, на постоянные попытки заткнуть меня и на надменные усмешки, на которые натываются мои предложения как можно скорее убираться прочь на чём угодно, лишь бы начать уже двигаться хоть куда-то.

– А поедем мы на чём? И как ты вещи все предлагаешь погрузить? У тебя так всё просто, я прямо не могу! – из раза в раз отвечает на это отец Иры.

И хотя необходимость убираться признают все, они не могут признаться сами себе в том, что боятся уходить. А безотчётный страх, если дать ему власть над собой, способен сделать из человека круглого идиота, который будет до тошноты кружить себя на карусели ненужных дел, сублимации и замещения некоего важного шага сущей ерундой. Убедить их будет тяжело: практически невозможно, полагаю. Не знаю, какое чудо могло бы мне в этом помочь, если даже тот факт, что я проделал путь через ад, пробираясь к ним, не добавляет мне очков в их глазах. Кстати, о пути через ад.

День 34

– Как я уже говорил, план – полнейшее безумие. Я его во сне увидел, прикинь, – начал рассказывать Лёха, открыв банку тушёнки.

– Ну не томи уже, говори!

– В общем, валяюсь я, сплю себе. А я ж вчера никакущий был. Да и запой сказывается, на самом деле. Всякая хрень в общем снится. Люблю, когда сны из прошлого приходят: типа из того времени, когда всё было нормально. Но иногда, правда, и упыри эти полоумные снятся, и всё, что с ними связано. Вот и в этот раз так было. Будто бы я в парке аттракционов, там, в центре. Ну, знаешь, где колесо обозрения вот это, карусели там всякие...

– У нас он в принципе один. Давай уже к сути! – я начал терять терпение. Мне хотелось как можно скорее услышать Лёхин план, чтобы, возможно, ухватиться за него как за спасительную соломинку.

– Да всё, всё, не нервничай. Короче, захожу туда, а там зомбари как будто... не знаю, типа празднуют что-то. Все оборванные, ободранные, рожи в крови, но ведут себя как господа в смокингах на званом ужине. А я там, во сне, понимаю, что на эту вечеринку мне не надо. Но я уже там, понимаешь, да? Надо как-то куда-то уходить, а они меня окружили по всем фронтам со своими фужерами игристого, таралетками и всякой прочей фигнёй, и сейчас уже вот-вот затянут в свою тусовку. И тут я думаю: «Чё я туплю? Я ж летать умею!» И полетел. Так типа подпрыгнул, взмыл в небо, и всё, поминай как звали. Лечу потом над городом, смотрю туда-сюда, а там – река, поля, чуть дальше – лес...

– Лёха, ты обещал мне план какой-то озвучить, – сказал я, накрыв лицо рукой. Раздражения от того, что Лёха ходит

вокруг да около, больше не было. Мне вдруг стало стыдно за него, как бывает стыдно за одноклассника, отвечающего у доски и вместо ответа несущего сушую чепуху.

– Я и озвучиваю. Просто вдохновением с тобой делюсь: как я ко всему пришёл. Думал, тебе интересно будет, – Лёха пожал плечами и съел очередной сухарь, положив на него сверху кусок мяса из банки.

– Очень интересно.

– Ну, если коротко говорить, то мой план – это параплан. Даже звучит в рифму. Короче, есть такая секта чуваков у нас, которые полётами на них занимаются. Причём не просто на парапланах, а с мотором. Как у Карлсона. Смотрел этот мультик?

– Смотрел, – спокойно ответил я, уже не удивляясь фантазмагоричности Лёхиных аналогий.

– Не знаю, как это называется по-правильному: то ли «мотопараплан», то ли «парамотор». Не суть. В общем, это штука, очень приблизительно похожая на парашют, которым ты ветер ловишь и летишь, кайфуешь на воздушных потоках. Мотор – если он у тебя есть – тебе в этом нехило помогает: управляемость так гораздо лучше, плюс – взлетать проще. Я на работе с чуваками, которые этим увлекаются, пересекался. Нормальные чуваки, кстати: сектантами я их в шутку называл, ты не думай. Часто приходили за снарягой всякой в мой магаз. Общительные такие, болтали с ними много. Хотя из меня не самый крутой собеседник по части всякого спорта и

туризма: так, в пределах рабочих моментов в чём-то шарил, но не фанател никогда по всяким таким делам.

– Так что, такие штуки у тебя в магазине в Радуге были? Ты предлагаешь туда вернуться, взять этот пара-пара-рам – или как там его – и полететь, как волшебник в голубом вертолёте, к замку моей принцессы? Через весь город? – спросил я с деланной усмешкой. На самом деле, план даже в таком сумасбродном виде мне нравился: это было лучше, чем совсем ничего. И уж точно лучше, чем оставаться здесь, в пивнухе, воняющей ожившим трупом, мочой и похмельной отрыжкой.

– В Радугу я бы не стал ни за что возвращаться и тебе бы не предложил. Да и нет в моём магазине этих штук. Это к ним на базу надо ехать: к этим парапланеристам в смысле. Больше не знаю, где их можно у нас достать. В общем, ты хотел план? Вот он: выходим наружу и ищем тачку. На ней двигаемся в сторону этой базы с парапланами. Тут недалеко: спорткомплекс чуть-чуть за городской чертой, на конечной второго автобуса. Может, слышал про него.

– Одноклассники, кажется, туда ходили. На футбол, на плавание – на всякое такое.

– Значит, слышал. Далее: берём там парамотор – а то и несколько, если место в тачке позволит, – и едем обратно в город. Потом – в центр, где твоя девчонка живёт. Тут уж ты сам покажешь, куда рулить. Подберёмся как можно ближе. Когда увидим, что мертвяки плотно на улицах стоят, и

что дальше ехать нереально – тогда находим поблизости какой-нибудь высокий дом. Пробираемся внутрь, залезаем на его крышу, а оттуда – стартуешь на крышу замка своей принцессы. Как волшебник в голубом вертолёте. Или как Карлсон – тут уж сам решай.

Чем дольше я слушал его ясный и вполне осмысленный, если смотреть на всё глазами Лёхи, план, тем явственнее ощущал что-то у себя внутри. С одной стороны это была радость от того, что нашёлся путь к разрешению стоящей передо мной проблемы. С другой стороны – робость и нерешительность к тому, чтобы сделать первый шаг по намеченному пути. К робости и нерешительности примешивался ещё и страх ошибки на каком-нибудь из этапов: ошибки, которая может всё запороть, и желаемый результат не будет достигнут. Страх ошибки, нерешительность к тому, чтобы сделать первый шаг и, возможно, что-то ещё – вот тот самый коктейль чувств, заставляющий людей подчас самым парадоксальным образом откладывать задуманное в долгий ящик с тем, чтобы подольше насладиться зоной комфорта и безопасности. Даже если эта зона комфорта воняет ожившим трупом, мочой и похмельной отрыжкой.

– Слушай, план-то, конечно, хороший, – начал я, – Но уж больно много в нём дыр. Ты, по-моему, не совсем всё предусмотрел. Где мы тачку найдём, например? На парковках и во дворах найти машину с ключами внутри немного сложно. На дороге полно таких, у которых ключи уже в замке, но и

аккумуляторы у них, надо полагать, сдохшие. Если только в автосалоне... Да и там тоже, сам посуди, разве могло что-то остаться? В первые же дни все эти бэхи и мэрсы кто-то да угнал. Ну хорошо, допустим, тачку мы нашли. Мотор этот и парашют твой – тоже. Для него же бензин нужен, так? И для тачки, кстати, тоже. Где заправляться будем? А с домом что? Как мы зайдём? Как на крышу выйдем? Я уже не говорю о том, что управлять этой штуковиной не умею. Короче, очень много вещей ещё, про которые подумать надо. Только ты это... Без обид, ладно?

– Завтра какое число у нас? – спросил вдруг Лёха.

– Чего?

– Число какое завтра?

– Первое, вроде.

– Первое сентября, стало быть. Что планировал делать в этот день?

– В смысле?

– Ну, по-любому же ты как-то себе представлял его. Всё-таки День знаний. Первый день осени. Думал, поди, что на первую пару в универ пойдёшь, будешь там знакомиться со всеми, движуха какая-то новая пойдёт, да?

– Я не поступил этим летом. По баллам не прошёл. Так что линейки у меня не было бы.

– А до того, как экзамены сдать, планировал поступить?

– Ну да. Это ты к чему всё?

– Да к тому, что можем до одурения тут сидеть и всё рас-

писывать: в какую сторону пойдём, где и куда свернём, какую тачку будем искать и так далее. День просидим, два, три. Мне без разницы вообще: я уже готов был тут сдохнуть. Твоя девчонка, твоя идея изначально – тебе и решать, торопиться к ней попасть или подождать тут, посидеть ещё, пока план не созреет. Ты ж сам вчера ещё хотел к ней так, пешком топать, не сворачивая, ё-моё! Я тебе предлагаю конкретно, как можно всё сделать, а ты думать хочешь по ходу, а не делать.

– Ладно ты, чего завёлся? Я же просто для конкретики спрашиваю.

– Да боишься ты просто. Только ты это... Без обид, ладно? Лёха уколол меня в самое больное место. Хотелось начать горячо спорить с ним и доказывать обратное. Хотелось напомнить ему, что это я – я! – вообще-то вышел вчера из дома и прошёл через чёрт знает что, прежде чем оказаться здесь. Пока он сидел в своём вонючем Гроссбухе и бухал, готовясь убить себя при помощи мертвеца. И он теперь говорит мне, что я боюсь!..

Но прежде, чем злость закипела во мне, я понял, что, в сущности, он прав. Да, я решился выйти вчера наружу. Да, для меня это было большим шагом и огромным достижением. Но так уж вышло, что большие шаги нужно делать каждый день. Пробежав марафон однажды и взяв на нём золото, ты не становишься пожизненным чемпионом в беге на длинную дистанцию, не берёшь золото авансом на все последующие дни, месяцы и годы. Чемпионом ты становишься ров-

но на один день, а то и на миг – ровно на тот самый миг, когда пересекаешь финишную черту. Может ли вчерашний чемпион в беге на длинную дистанцию, отрастив спустя годы разгульной жизни пивное брюхо, жирные бока и задницу, достать свою медаль, надеть её на шею и с чистой совестью заявить о том, что он – всё ещё чемпион, раз у него есть эта медаль? Может, конечно, но только на правах шутки. Вот и я, однажды переступив через себя, не стал вечным храбрцом, и я – это всё ещё я, идущий на самый подлый самообман лишь для того, чтобы побольше времени провести в безопасности. К сожалению, страх нельзя победить. Его нужно побеждать. Это не результат, а процесс, длинна которому – вечность.

Лёха был абсолютно прав насчёт меня. Я боюсь и хочу думать о деле, потому что пока я о нём думаю, я его не делаю. От мысли этой сделалось тоскливо: я сам себе вдруг показался липким и неприятным.

– Насчёт бензина и всего такого ты, конечно, прав, – сказал вдруг Лёха, словно бы почувствовав моё настроение и пожелав меня приободрить, – Но заикливаться на этом – это... Не знаю. Тормозить будет очень сильно. А время идёт. Короче, насчёт тачки предлагаю так сделать: будем идти в сторону спорткомплекса пешком и проверять машины выборочно. На дороге ли, на парковках – пофиг. Там по пути к этому спорткомплексу, на выезде из города, вроде, автосалон небольшой был. Туда можем заглянуть, если по дороге

ничего не найдём. Если там нет ничего – дальше поищем. Что-нибудь придумаем короче, не парься. Всего всё равно предусмотреть не получится.

– Да, ты прав. Прав... Ладно, давай собираться.

Собираться нам долго не пришлось: у Лёхи не было вообще никаких вещей, а у меня – только мой рюкзак, молоток да нож. Тушёнку мы приговорили за завтраком: Лёха съел половину банки, пока мы болтали и обсуждали его план, а я – другую половину, немногим позже. У нас ещё оставалась вода, которую мы, конечно же, собирались взять с собой, и мои полотенца, брать которые я не собирался до тех пор, пока не проверю их в действии.

– Слушай, открой-ка подсобку, – попросил я Лёху.

– Зачем? – спросил он.

– Так, проверить кое-что хочу.

Лёха отворил дверь, и перед нами снова предстал Смеляков Павел Юрьевич. По-прежнему – мёртвый и голодный. Едва он увидел нас, он стал тянуть к нам свою свободную руку и шевелить челюстью, будто бы жуя уже сам наш образ, маячащий чуть поодаль. Он видел нас, слышал нас, чувствовал наш запах, и покуда это было так, он не знал покоя. Ему надо – жизненно необходимо было – тянуться к нам своею рукой и не оставлять попыток вырваться из капкана, удерживавшего его на одном месте. Что это был за капкан, ему было невдомёк. Он не мог сообразить, что привязан за руку к батарее, и это многое говорило о ему подобных: с сооб-

ражением у них всё было очень плохо. Но удостовериться я хотел не в этом.

– Чё задумал-то хоть? Расскажи, – вновь спросил Лёха.

– Эти полотенца, которыми мы вход завесили, я не просто так взял. Они пахнут. В общем, идея там такая: если им на голову набросить это всё, то они перестанут ориентироваться в пространстве. Совсем. Ни увидеть, ни почуять тебя не смогут – только услышать.

– Хм... Задумка понятна. И ты на нём хочешь это испытать?

– Ага.

– Ну давай.

Мы сняли полотенца с решётки у входной двери, подошли к Смелякову Павлу Юрьевичу и очень аккуратно, стараясь сильно не приближаться, набросили ему на голову одно из них. Смеляков Павел Юрьевич чуть отшатнулся, будто бы испугавшись резкого запаха парфюма, которым было пропитано полотенце. А потом – замер. И мы тоже замерли, стараясь не издавать ни звука. Павел Юрьевич, в свою очередь, будто бы уснул. Будто бы страшный голод, который секунду назад мучал его и заставлял тянуться к нам, вдруг утих и перестал его направлять и говорить, что делать. Он потерял то, ради чего жил, и теперь перешёл в некий стазис, некий режим ожидания, в котором он пробудет до тех самых пор, пока случайно одним из органов чувств снова не уловит присутствие человека.

– Кх-м... Ну, думаю...

Не успел Лёха договорить, как Смеляков Павел Юрьевич снова захрипел и резко дёрнулся, протянув руку к источнику звука. Я отпрянул. Лёха не шелохнулся.

– ...думаю, – продолжил он, – эксперимент можно считать удавшимся. Сколько у тебя таких полотенец?

– Три штуки.

– Возьмём на всякий случай. Вдруг пригодятся. Есть ещё что-то, что ты хотел бы взять отсюда или что хотел бы сделать перед выходом?

Я замешкался. Та слабая, трясущаяся часть меня, мечтавшая о том, чтобы никогда больше не выходить наружу, судорожно пыталась выдумать хоть что-то.

– Его бы это... того... ну, избавиться бы от страданий, что ли, – сказал я, указав на Смелякова Павла Юрьевича, голова которого всё ещё была укрыта полотенцем.

– Да брось ты! Зачем лишний раз грех на душу брать? Сидит же здесь, никому не мешает. Дверь закрыть в подсобку, и всё. Надо только записку какую-то оставить, чтобы знали, что он тут есть. А то зайдёт кто после нас и перепугается почём зря.

Бумаги для записок у меня было в избытке. Я вырвал последнюю страницу из дневника и написал на ней: «ОСТОРОЖНО! ВНУТРИ ЗАРАЖЁННЫЙ!» – а затем всунул её в щель так, чтобы она была надёжно зафиксирована и текстом была обращена к тому, кто захочет сюда войти.

– А хорошо было бы, если б он сам такую же оставил где-нибудь на стойке, – сказал Лёха, когда дело было сделано, – А то я когда пришёл – чуть со страху не помер. Кстати, ключи от его хаты, паспорт и кошелёк надо забрать.

– Зачем?

– Ну да, насчёт кошелька – это я погорячился. А паспорт и ключи – чтобы знать, где у него квартира. Туда, если что, можно нагрянуть будет. Использовать как перевалочный пункт, так сказать.

– А где эта улица Северная? Ну, на которой его дом находится.

– Ты даже запомнил, да? Х-ха... Да, кстати, тут недалеко. Чуть дальше по объездной в ту сторону, куда нам надо. Потом налево – вот тебе и улица Северная. Там дом нужный, если что, найти нетрудно будет. Ну ладно, опять заболтались. Всё, готов? Идём?

Теперь, словно спеша перебить новое многоголосие сомнений и опасений в своей голове, я быстро и решительно ответил:

– Да, готов. Идём.

Я накинул рюкзак на плечи, Лёха взял пакет с полотенцами, и мы вышли из Гроссбуха, оставив его тёмное и смрадное помещение позади.

Снаружи, чуть в отдалении, возле перевернутой машины, по-прежнему стояла толпа мертвецов.

– Если к объездной идти, надо как-то мимо них проско-

чить, – прошептал Лёха.

Миновать мертвецов у машины, по-тихому продвигаясь вдоль тротуара, можно было бы. Но то была бы игра в русскую рулетку: один неосторожный шорох, и все они ринутся на нас. Нужно было действовать наверняка. Лёха вернулся в Гроссбух, откопал среди мусора несколько стеклянных бутылок, и положил их в пакет с полотенцами так, чтобы они не гремели, стучаясь друг о друга. Одну он оставил в руке.

– Готов? – спросил он.

– Готов, – ответил я.

Мы подошли поближе к перевёрнутой тачке: настолько близко, насколько подпустил нас инстинкт самосохранения. Затем Лёха швырнул бутылку в сторону тротуара на противоположной от нас стороне дороги. Она летела, летела, летела, а затем – хрясь! – разбилась вдребезги об асфальт, и осколки её разлетелись в разные стороны. Мертвецы резко повернули головы к источнику шума. Затем медленно – как будто бы осторожничая, крадучись – побрели к осколкам пивной бутылки. Мы же, дождавшись, когда они будут от нас на достаточном отдалении, поспешили миновать место аварии. Дальше путь к объездной дороге был открыт.

Когда мы достигли перекрёстка, на котором наша улица пересекалась с трассой, мы увидели уйму автомобилей на проезжей части. Они стояли, упираясь друг другу в бамперы, и выглядело это как вполне себе обыкновенный затор в час-пик. Только вот внутри этих машин не было ни водите-

лей, ни пассажиров. Все они были брошены, у некоторых из них даже не были закрыты двери. По всему выходило, что владельцы бросали свои тачки в спешке, словно бы торопясь поскорее сбежать от чего-то, и на бессмысленные попытки развернуться или съехать на обочину у них уже не осталось времени. Даже те машины, которые уже стояли на автобусной полосе – и те были оставлены своими хозяевами. А всего-то надо было переехать через бордюр и рвануть по пешеходной тропинке! Что же здесь произошло? Кто вынудил всех этих людей побросать автомобили и броситься наутёк? Теперь этого уже никогда не узнать, если только не встретить кого-нибудь из тех, кто стоял в этой пробке в первые дни вымирания. Кого-нибудь, кто всё ещё может говорить.

– Тачек с ключами хоть отбавляй! – сказал Лёха, заглянув мельком в несколько машин.

– Надо только брать такую, на которой выехать можно будет.

– Предлагаю дойти до места, где разворот. Там – взять самую близкую, выехать на встречу и поехать по ней. По ходу, в город никто особо не спешил, когда всё началось: полоса вообще пустая, глянь.

– Точно. Да, давай так и сделаем.

До разворота пришлось протопать пешком несколько сотен метров. Я всё ждал, когда на нас набросится кто-нибудь из-за очередной здоровенной фуры, перекрывающей обзор, и всё время держал бесполезный нож наготове. К счастью,

ничего так и не случилось.

– Гляди, а фуры-то закрыты. Там, поди, полно добра, – сказал Лёха.

– К чему это ты вдруг?

– Так, на будущее.

Наконец, мы пришли к развороту и там стали искать брошенную машину с ключами в замке зажигания. Поиски были недолгими: нам подвернулся старенький, невзрачный белый седан, простоявший месяц – или сколько там – с закрытыми дверьми, у самого поворота на встречу. Оставалось только сдать чуть-чуть назад и протиснуться между дорожным ограждением и бампером здоровенного, красивого джипа позади, аккумулятор которого, к Лёхиному сожалению, был разряжен.

– Будем с тобой как обсосы на этой бочке с гайками, – говорил он, – Никто нас всерьёз воспринимать не станет, если с какими-нибудь гопниками на дороге пересечёмся. На джипаре этом – другое дело было бы.

– Главное доехать. На чём – уже дело десятое.

Когда мы сели в машину, на часах было десять утра. Решать, кто будет за рулём, долго не пришлось: я совсем не умел водить, тогда как у Лёхи были некоторые базовые навыки.

– Не помню, сколько лет мне тогда было, – рассказывал он, устраиваясь поудобнее в водительском кресле, – Кажется пятнадцать, может – шестнадцать. Я тогда чуть дедовский

драндулет в пруду не утопил и сам чуть вместе с ним не потонул. А всего-то по лугам погонять хотел. После горки одной вместо тормоза на газ надавил – и добрейший вечерочек! Приплыли! Это я к тому, что боязно мне после того случая за рулём сидеть, на самом деле. Так что ты, если умеешь всё-таки – ты не молчи.

– Нет, не умею. Совсем, – ответил я на его душещипательную историю.

– Ох-х, ладно. Сейчас разберёмся. Автомат, значит... Хм... Ладно, чай, не дураки, шас найдём, что нажать.

Тачка была идеальная: внушительный заряд аккумулятора, почти полный бак горючего и, как сказал Лёха: «комфортные габариты».

– С джипарём сложнее было бы, – комментировал он, – Такую легковушку как-то чувствуешь лучше.

Не знаю, что там Лёха чувствовал, но протиснуться между заграждением и бампером джипа у нас не получилось. Совсем. Мы со всего маху въехали в тачку позади нас в следующие несколько секунд после того, как Лёха включил заднюю передачу. Наш седан пробуксовал ещё немного, тараня джип, после чего Лёха, наконец, отпустил педаль газа, а затем – заглушил мотор, словно бы поддавшись панике и желая поскорее отнять у машины и шанс сдвинуться с места.

– Ты не бушуй так! – сказал я, – На шум же сбегутся! Аккуратнее!

– Да знаю я! – огрызнулся Лёха, – Чё я сделаю-то?! Мо-

жешь сам за руль сесть, давай! Шумахер!

– Тихо, тихо ты! Чё делать-то? Как выехать отсюда?

– Не ссы. Щас сделаю всё. Или... Слушай, там джип этот есть куда подвинуть?

– В смысле «подвинуть»?

– Ну, толкнуть.

– Если только немного.

– Немного – тоже хорошо. Пошли, толкнём.

Выйти наружу из салона автомобиля снова стало маленьким, но испытанием. Я был уверен, что хлопок, с которым задний бампер белого седана встретился с передним бампером джипа; что свист колёс, скрежет металла и хруст пластика точно разбудили всех зомби в окрестностях. И, если они были где-то там, в недрах растянувшейся по трассе пробки, то они наверняка сейчас идут на источник звука. Идут за нами.

– Может, не надо? Может, так вырулим? – вяло сопротивлялся я.

– Давай быстро! Пока не набежали эти полоротые! Хорош сидеть, рассусоливать!

Лёхиной напористости и решительности я до глубины души завидовал. Он имел всё то, чего мне не доставало. А ведь это именно он из нас двоих был тем, кто ещё сутки назад был готов покончить с собой от безнадёги, предварительно упившись в стельку! Может, в этом и было всё дело? Может, его напористость и решительность – это синонимы безрас-

судства и фатализма? И они говорят о Лёхе скорее как о безбашенном, чем как о волевом человеке?

Мы вышли наружу, чтобы толкнуть джип. Двери седана мы оставили открытыми. Сначала тачка, блокировавшая наш выезд, не поддавалась. Потом мы взялись раскачивать её, и в конце концов джип покатился задом, и катился до тех пор, пока не упёрся в перед другой машины. Снова стук, снова хруст задетого бампера. После них должна была наступить тишина. Но вместо тишины мы слышали шаги. Медленные, шаркающие шаги где-то там, чуть поодаль: за фурой, что стояла справа от нашего белого седана. Кто это был? Бывший хозяин фуры или ещё кто-то из тех, кому не посчастливилось встретить смерть в пробке? Одно мы знали наверняка: шаркать ногами так могут только ожившие мертвецы, которые пока ещё не засекали добычу, но слышали её в отдалении и теперь идут на звук. Медленно и не спеша – ровно до тех самых пор, пока добыча не окажется у них перед глазами. Тогда-то они и набросятся, и сделают это так стремительно, как только позволят им их окоченевшие конечности.

– В машину! – шепнул Лёха, тоже услышав мерную поступь рядом.

В ответ на его шёпот из-за фуры раздался звук, похожий на нечто среднее между рыком и стоном. Шаркающие шаги стали более частыми. Мы поспешили вернуться в машину и, закрыв за собой двери, вжались в передние кресла, уповая на то, что мертвец нас не заметит, даже если и подойдёт

ближе. Выглядывать из окон наружу было страшно. Не хотелось, выглянув, тут же увидеть перед собой безжизненное лицо с голодными глазами, сжирающее всего тебя без остатка одним только взглядом. На слух же было почти невозможно определить, происходит ли поблизости от тачки что-либо или нет. Движение стихло. Шаги больше не были слышны.

– Если завести мотор, – рассуждал Лёха шёпотом, – Он услышит. И тогда – начнёт долбиться в стекло.

– И чё тогда делать?

– Либо очень быстро пытаться вырулить, либо замочить гада, а уже потом – назад к делу.

– Как ты предлагаешь его мочить?

– Твоим же способом. Полотенце на голову – и привет!

– И кто из нас пойдёт это всё делать? Как решать будем?

– Никак. Оба пойдём! Работа для двоих: один отвлекает, другой – накидывает тряпку на башку. Потом – молоток. Или лучше дверь тачилы какой-нибудь откроем и его закинем, например, на заднее сиденье.

– Непросто это будет...

– Что? В тачку его запихнуть? А молотком череп дробить как будто легко... Ладно, действуем по ситуации. Я накидываю полотенце, ты – отвлекаешь.

– Почему я?!

– Потому что я сильнее и справиться с телом смогу! Костян, не тупи! Давай: на «раз-два-три».

После команды Лёхи мы привстали с кресел и прежде, чем

выходить наружу, осмотрелись. Труп добрёл до джипа и теперь стоял возле него с видом глубочайшего замешательства.

– На себя его зови. Только негромко. Я тряпку накину, – ещё раз проговорил свой план Лёха.

Мы открыли двери почти одновременно. Как только я вышел из тачки, мертвец обратил на меня внимание. Стало быть, либо я был слишком громким, либо слишком сильно пах потом: настолько сильно, что заражённый мог почувать меня на внушительном расстоянии. Сначала мне было страшно. Какой там страшно – я был в ужасе! Бестолковое, неуклюжее тело двигалось на меня, простирая ко мне свои холодные пальцы и пялясь на меня так, словно я был ответом на все вопросы мироздания. Мне даже не нужно было ничего делать – он сам шёл на меня. Мертвецом был лысеющий мужчина лет сорока, с небольшим пивным брюхом. На нём была рубашка в клетку с коротким рукавом, на ногах – светлые джинсы. Пока я фотографировал его глазами и разглядывал то, во что одета моя возможная будущая смерть, страх как-то сам собой отступил. Не оттого, что я отвлёкся на разглядывание одежды и внешности заражённого – нет. Просто я вдруг доверился Лёхе, решив, что он знает, что делает, а значит – сделает всё как надо. И я даже не выставил вперёд нож, чтобы попытаться защититься, когда мертвец в клетчатой рубахе приблизился ко мне вплотную. Я видел, что Лёха с полотенцем – с этим дурацким надушенным полотенцем – уже совсем рядом.

Он накинул полотенце на лицо заражённому. Тот издал протяжный стон, похожий будто бы на разочарование: словно это не кто-то сзади закрыл ему обзор, а солнце вдруг выключилось среди бела дня, не дав ему добраться до своей жертвы. Вокруг повис запах дубовой коры и морского бриза, и выследить добычу в темноте теперь совсем не представлялось возможным. Он попал в западню, но не понимал и не знал этого, поскольку вряд ли он вообще что-либо знал или понимал. У него оставался только звук – единственный ориентир, связывавший его с реальностью. А звуков вокруг было хоть отбавляй. Это и шаркающие об асфальт Лёхины кроссовки, и наши с ним переговоры о том, что делать дальше, и даже наше дыхание. Всё это приводило мощного, грузного мертвеца с пивным брюхом в ярость. Он дёргался, рычал и стонал, пытаясь вырваться из пут, в которые угодил. Лёха пытался справиться с ним, точно с быком на родео, но силы его были на исходе.

– Открывай дверь! – говорил он сквозь зубы, имея в виду, очевидно, заднюю дверь джипа.

– Он туда не залезет!

– Открывай!!!

Я открыл дверь джипа, и Лёха стал пытаться втащить мертвеца внутрь, волоча его за собой полотенцем, точно собаку на поводке. Заражённый продолжал брыкаться и стараться вырваться. Тем не менее, Лёхе удалось втиснуть его голову внутрь.

– За ноги его подними!!! – простонал Лёха, пытавшийся на исходе сил запихнуть трепыхающиеся руки пузатого мужчины в салон.

На этот раз я воспринял его команду сразу. Не стал думать над ней, размышлять, пытаться оспорить и предложить своё решение. Я, наконец, допёр своим куцым умом, что в подобных ситуациях нужно беспрекословно, быстро и сразу выполнять то, что требует от тебя человек, который знает, что надо делать. Или по крайней мере думает, что знает. У него есть видение. У тебя – нет. Поэтому изволь побыть его руками и тупо сделать то, что он говорит, без лишних вопросов. Приказы полицейского из Радуги я и раньше бы выполнил без пререканий. Авторитет Лёхи же в моих глазах, полагаю, ещё не был беспрекословным. Потому я так отчаянно тупил и не мог врубиться в происходящее.

Я сообразил, что от меня хочет Лёха, безошибочно: взял мужика в клетчатой рубаше за ноги и как бы оторвал его от земли, что позволило Лёхе рывком впихнуть его в салон автомобиля. Там мужик поместился почти в полный рост: наружу торчали только ноги, обутые в дорогие туфли. Пришлось их сломать. Не туфли – ноги. Когда Лёха попытался захлопнуть дверь в первый раз, у заражённого хрустнули суставы. Когда попытался во второй раз – у мертвеца почти наверняка порвались связки в лодыжках. Третий – хрустнули уже кости. Четвёртый, пятый, шестой...

– Тащи молоток!!! – кричал Лёха, который, казалось, дья-

вольским образом вошёл во вкус, и всё, чего он теперь желал – это переломать мёртвому мужику ноги окончательно и бесповоротно.

– Подожди! Не хлопай! – ответил я.

Удостоверившись, что Лёха не собирается прищемить дверью и мои пальцы рук в числе всего прочего, я взял заражённого за ноги и вскинул их вверх, согнув в коленях. После этого Лёха легко и беспрепятственно захлопнул дверь. Затем ещё несколько долгих секунд он стоял и отупевшим взглядом смотрел куда-то в асфальт, словно бы пытаюсь понять, как он сам до этого не додумался? Почему вместо этого очевидного действия он принялся хлопать дверью и ломать мертвецу лодыжки? Была ли это простая сиюсекундная глупость или за этим крылось нечто большее?

– Пошли! – сказал я, оборвав его размышления.

Лёха встрепенулся, и мы вернулись в белый седан. Затем Лёха поспешил завести мотор, вновь включил передачу и, вывернув руль, стал сдавать назад. Потом проехал чуть вперёд, вывернув колёса вправо. Потом – колёса влево, и назад. И так – ещё несколько раз, пока тачка не выехала на встречную полосу трассы. Скорее всего, пытаюсь избавиться от одного мертвеца, мы наделали столько шума, что привлекли целую толпу из пробки на всей её протяжённости. Но нам уже было всё равно: мы выехали на дорогу и теперь мчались по направлению к пункту назначения, и чем более высокую скорость мы развивали, тем более неуязвимыми чувствова-

ли себя для препятствий, которые могут встретиться нам на пути.

Мы добрались до спорткомплекса спустя двадцать минут. Где-то нам приходилось сбавлять ход: на дороге часто встречались отлетевшие части попавших в аварию автомобилей, а порой встречались и заражённые, которых приходилось объезжать, и которые увязывались за нами, едва заслышав рёв двигателя. Машина была значительно быстрее них – это очевидно, – и отрывались мы от преследователей без особых проблем.

Уже возле спорткомплекса – чуть поодаль от него – мы увидели причину огромной пробки на выезде из города. Огромная, длиннющая фура с лесом перевернулась прямо посреди дороги, и высыпавшиеся из неё гигантские брёвна преграждали путь не только по правой полосе, но и по встречке, которая вела в город. Словом, въезд в город был тоже заграждён для путешественников извне. Вдалеке, помимо опрокинутой фуры, виднелись перевёрнутые, разбитые всмятку автомобили разных габаритов. Авария в своё время тут случилась большая и страшная. Сегодня то количество смертей, которым она, должно быть, обернулась, уже не пугает. Подумаешь, пара десятков или даже сотня погибших. Что значат эти цифры теперь, в масштабах всего вымирающего человечества?

Чтобы добраться до спорткомплекса, нам пришлось выйти из тачки: машины на съезде в него по-прежнему стояли

плотно по всей полосе, до самого места аварии, и объехать их было попросту невозможно. Поэтому мы взяли с собой всё, что представлялось ценным и необходимым в деле драки с мертвецами. Мы не знали, что встретим в коридорах спортивного комплекса. Или кого. Мы не знали, где искать эти параматоры, на которых был завязан Лёхин план – не знали ровным счётом ничего и шли по наитию. Но мы были точно уверены, что во что бы то ни стало найдём то, что ищем. Иначе весь наш предшествовавший путь оказался бы напрасным.

– Стоять! – крикнул кто-то издалека, прервав наши размышления. Оттуда же послышался звук передёрнутого автоматного затвора.

Мы замерли. Человеческий голос был хорошим знаком. Грубый, повелительный, сопровождавшийся звуком приведения оружия в боевую готовность, но тем не менее это был человеческий голос. Оставалось только узнать, кому он принадлежит. Мы видели вдальке лишь силуэт: мутные тёмные очертания кого-то, кто вышел из будки охранника рядом со шлагбаумом там, дальше по дорожке, ведущей в спорткомплекс. В той будке и раньше сидели охранники, в задачи которых входил пропускной контроль и всё такое прочее. Но автоматов у них точно не было, да и не останавливали они никого окриками за добрые пятьдесят шагов до въезда. Стало быть, в спорткомплексе кто-то есть. Кто-то, кто может позволить себе расставлять по периметру дозорных с оружи-

ем. Кто-то, кто весьма основательно подходит к безопасности. И, похоже, мы вот-вот узнаем, кто.

Человек из будки тем временем приближался.

В доме все проснулись. Вернусь к дневнику позже: может быть, этим вечером, а может – уже завтрашним утром. Планы на день такие: снова вести беседы с Ирой и её родителями касательно отъезда и уповать на чудо. На то, что сегодня они, наконец, решатся хоть на что-то. Ещё думаю подняться на крышу и проверить радио. Надо будет раздобыть что-то вроде медицинской маски или банданы: запах мертвечины в подъезде просто невыносимый. Возможно, он вскоре начнёт просачиваться в квартиру и выкурит нас отсюда, и мы, наконец, начнём куда-то двигаться. Если и не запах гниющей плоти, то что-то другое должно заставить их шевелиться: переливающиеся цветами радуги радиоактивные облака на горизонте, смрад гниющего в подъезде тела, невыносимые бытовые условия, создавшиеся после отключения электричества и водоснабжения – хоть что-то. Но как скоро это произойдёт – вопрос открытый.

...

Вечер. Пишу это, поднявшись на крышу вместе с дневником. И с радио. Где-то час назад я притащил его сюда, вытянул антенну и стал крутить ручку переключения волн – или как там она называется. Результат – тишина. Тишина почти везде, кроме маленького промежутка на сто че-

тыре и три ФМ. Его очень трудно было поймать, на него почти невозможно было настроиться с этой неповоротливой ручкой приёмника. Как настроить воду в смесителе в душе: слева – кипяток, справа – ледяной дождь, а где-то посередине, на одном микроне пространства – неуловимая идеальная температура. Но я смог настроить приёмник на волну этого шума, отличавшегося от привычных помех. И услышал музыку. Она играла где-то там, вдалеке, за пеленой шипения и свиста. Едва различимы были гитарные риффы и голос солиста. До боли знакомый голос, но я никак не мог вспомнить, как называется группа, и как называется песня, которая звучит в динамике. Однако я узнавал и различал слова. Я помнил этот текст! Давным-давно я слушал эту группу: в пятнадцать или может быть в шестнадцать лет, когда фанател по тяжёлой музыке.

«Чёрный дождь идёт,

Загрязняя землю.

Человечество умрёт,

Кругом разбросаны тела».

Что-то такое там было. Раньше такое звучало круто – особенно без перевода, на английском. Йе-е-е, рок, смерть, кровь, панки – хой! Теперь, когда настал на земле век мёртвого анархиста, с застывшим факом на руке, пиратским флагом и всем таким прочим... Хотел сказать, что теперь такие песни уже не звучат так же круто, но нет: это ведь музыка. А музыка – особенно когда не слышал её чёрт зна-

ет, сколько – это всегда круто. А если добавить к этому и то, что мелодия на волне сто четыре и три ФМ – это признак жизни, знак, что где-то, на какой-то радиостанции есть кто-то, кто может позволить себе вечерами крутить на своей волне рок-н-ролл... То ничего круче этой дурацкой песни я не слышал за последние...

Так, стоп, музыка оборвалась. Кажется, сейчас что-то будет.

...

«Снова-здорово. Ну что, господа и дамы: сорок дней. Повод ещё раз помянуть дивный старый мир. Он был прекрасен. Надеюсь, у вас найдётся что-нибудь горячительное в неработающем холодильнике для такого случая. Ладно: то – лирика. На сегодня, в общем и целом, ничего нового. По-прежнему готовимся к отъезду. По-прежнему жжём бензин в генераторах для того, чтобы быть с вами до самой последней минуты. Вашей или нашей. Радио «Фаренгейт», сто четыре и три ФМ, Южная сорок девять, корпус А. Это на случай, если захотите к нам присоединиться или просто нас найти. Мы будем двигаться в сторону левого берега реки. Там – планируем заглянуть в две точки. Первая – коттеджный посёлок с дачами наших некогда богатых и влиятельных власть имущих господ, и не только. Посмотрим, как они там устроились: не может быть, чтобы они – богатые и успешные – подошли в первые дни наравне со всеми. Вторая точка – село, где окопались военные после то-

го, как бежали из города, бросив его на растерзание мертвецов и мародёров. Поглядим, как там у них дела. Обе точки нам будут по пути, и если в первой ничего хорошего мы не отыщем – отправимся дальше без сожаления. Если и во второй не найдём ничего – двинемся вперёд, пока не выберем, где осесть. В любом случае, через несколько дней рассчитываю встретиться с вами, дорогие мои оставшиеся в живых слушатели. Чуть позже обозначу пункт, в котором будем ждать вас, чтобы в дальний путь отправиться уже большим караваном. На этом пока всё. Завтра – включение в это же время. Радио «Фаренгейт», сто четыре и три ФМ, Южная сорок девять, корпус А. Ищите нас».

На часах – 20:03.

Запись 9

Седьмое сентября. Сорок первый день с начала вымирания.

Рано утром я поднялся на крышу с приёмником в надежде поймать хоть что-то ещё. Думал, что ведущий снова подойдет к микрофону и скажет в него что-нибудь до означенного им вчера времени – восьми часов вечера. Но нет. Только музыка, музыка, музыка, цель которой, как я понял, показать, что волна сто четыре и три ФМ жива, и что здесь можно услышать нечто важное, если вовремя на неё настроиться. Я слушал песню за песней до тех пор, пока не спохватился и не понял, что заряд батареек не бесконечен.

Тогда я тут же всё вырубил, взял в руки дневник и вновь принялся писать.

Крыша – хорошее место, чтобы встретить утро, когда нет промозглого осеннего дождика или холодного северного ветра. Пожалуй, сделаю это традицией. Ирин отец, правда, вчера бушевал и пытался даже запретить мне выходить сюда, чтобы проверить радио. Запретить мне выходить! Мол, опасно, говорит, вдруг чего случится. Меж тем, подъезд у них пуст: ни одной мёртвой души не бродит больше по лестницам туда-сюда, заставляя жильцов сидеть по домам, за железными дверями своих квартир. И тем не менее, этот здоровенный сорокапятiletний мужик всё ещё чего-то боится. И больше, чем всякой ерунды вокруг, он боится показать сам свой страх. Пошёл он. Не человек, а одна большая ходячая проблема.

Простой пример: вчера вечером рассказал всем про радио, про голос там и про сообщение, которое записал диктор. Все как-то оживились, приободрились и увидели что-то вроде луча надежды в перспективе поехать не абы куда, а по назначенному маршруту; не абы с кем, а с большой группой подготовленных и дружелюбно настроенных людей, с которыми чувствуешь себя куда безопаснее, чем так, вчетвером, на большой дороге. И вроде бы всё замечательно... Если бы не он.

– А кто он такой-то, мужик этот по радио? Ты его знаешь? Откуда ему про военных что-то известно? Кто он во-

общие, а? – говорил Ирин отец.

– Лёня, ну ты уже как-то совсем заморачиваешься, – вместо меня отвечала ему Екатерина Дмитриевна – мать Иры, – Какая разница, кто, откуда? Главное, что выход какой-то предлагают. Я так и сразу говорила – к военным надо. Они люди грамотные, с ними и нестрашно будет.

– Я заморачиваюсь?! Х-ха! Ну уж... Эти-то понятно: молодые, горячие, сломя голову готовы куда хочешь. Ты-то куда, Катя?! Что значит «какая разница»?! Это тебе не в магазин сходить – тут жизнь зависит! Твоя, Иришкина – всех нас! Тут нельзя так: наобум – и полетели, куда глаза глядят!

– Пап, помнишь, ты сам про станцию читал? Что она взорвётся скоро без обслуживания. А вдруг она уже? А мы ещё здесь.

– А вдруг нет? Да и вообще, то теория из интернета была. У них там наверняка сейчас на всех больших станциях предохранители стоят какие-то на этот случай.

– Рано или поздно придётся выходить, – сказал я с той же обречённостью, с какой в сотый раз бросил бы об стену горох в надежде таким образом вызвать землетрясение, – Еды и воды не хватит навечно. Питть дождевую воду сейчас – лотерея, с учётом опасности заражения после возможного взрыва на станции. Она, может, и не взорвётся – кто её знает. Но зима, например, точно наступит. Надеюсь, вы знаете, как протопить квартиру в многоэтажке эдак в ян-

варе, без горячих батарей, воды, электричества и далее по списку.

– А ты, надеюсь, знаешь, сколько стоила эта квартира, дружок-пирожок, – с ненавистью ответил Леонид Николаевич, – Вам-то всё легко, всем швыряетесь... Возьми да брось дом свой, да иди чёрт знает, куда. Чёрт знает, зачем ещё – вот, что главное-то! Нет, однозначно, зиму-то переждать где-то надо. На даче, как я предлагал уже. Но нет, вы всё чего-то боитесь, как дети малые...

Ирин отец раздражал меня своей способностью перевернуть всё с ног на голову. Он сам боялся больше всех, и больше всех же говорил, что вот, мол, да я-то наружу хоть сейчас, только продумать всё надо, нельзя же просто на рожон бросаться, как полоумным. А что на пару деньков задержимся – это вы не бойтесь, чего испугались, как котятка? Ничего страшного не произойдёт, месяц сидели – ещё посидим... В общем, ситуацию он не контролирует. Но это не проблема. Проблема в том, что он изо всех сил старается убедить всех – и себя в том числе, – что на самом деле у него всё под контролем. Барахтается на поверхности и топит себя вместо того, чтобы расслабиться, уйти под воду и там оттолкнуться ото дна. В своих барахтаньях, в своих попытках вернуть контроль он не скупится на софистику, психологическое давление и нетривиальное высмеивание всех вокруг, кто осмелится вступить с ним в полемику. Он заболтает, унизит, накричит на самых близких себе людей

*лишь бы остаться нужным в качестве отца семейства – фигуры, которая всё контролирует, принимает значимые решения и ведёт всех за собой. И я ничего не могу с этим сделать. Вся надежда на Екатерину Дмитриевну и на Иру, которая сегодня уличит момент и поговорит с ней, убедив взять инициативу в свои руки. Иначе мы так тут и оста-
немся.*

Чтобы не сойти с ума, во всём надо искать плюсы. Например, благодаря тому, что мы всё топчемся на месте и уже который день сидим в их квартире, никуда не двигаясь, я имею возможность писать. Вряд ли у меня будет это получаться в дороге. Поэтому – скорее назад, к чистым страницам, заполнять их историей о том, как я добрался до Иры, и кто встретился мне на этом пути.

День 35

Вчера у нас было достаточно времени, чтобы как следует познакомиться со спорткомплексом и привыкнуть к его стенам. Поэтому утром мы проснулись отнюдь не с ощущением растерянности от незнакомого окружения, а напротив – с чувством, будто мы прожили здесь не меньше, чем все прочие.

«Всех прочих» было немного: всего двадцать шесть человек. Абсолютное большинство их составляли дети: начальная школа, редко – кто-то чуть-чуть постарше. Сюда они ходили на всевозможные секции и кружки – даже летом, в

июле, когда всё началось. В начале их было больше. Потом остались только те, кого так и не забрали родители. Взрослых – тренеров, административных сотрудников и прочего персонала – поначалу тоже было больше. Но они сами были чьими-то родителями, супругами, братьями, сёстрами, сыновьями и дочерьми, и в конце концов – в первые же дни или чуть позже – ушли из спорткомплекса, оставив своих воспитанников.

Итого, на момент нашего появления здесь было всего два человека, приглядывавших за оставленными на произвол судьбы мальцами. Один – местный тренер по боксу, здоровенный детина лет двадцати пяти. Другой – не менее здоровенный мужик, боец специального отряда полиции. Он-то и встретил нас вчера, с незаряженным автоматом наперевес. Со своими сослуживцами он был направлен сюда тогда же, когда на трассе случилась авария и образовалась пробка. Ровно в тот же час здесь началась бойня. Трупы тех, кто погиб в числе первых, оживали, набрасывались на бедолаг в машинах, выковыривая их оттуда точно кильку из консервных банок. Таким образом они умножали свои ряды с каждой минутой. В конце концов, люди стали бросать свои автомобили и спасаться бегством, но тем, кто стоял в голове этого бесконечного состава из машин, делать это было уже поздно. Вооружённым бойцам спецотряда была поставлена задача подавить беснующуюся толпу и... отправить всех под арест!

– А чё? Так и было: сначала всех этих леприконов типа задерживали. Гранаты шумовые кидали. Водомёты шли в ход. Всё как на разгон митинга в общем. Сколько ребят полегло тогда просто... просто так как будто. Я когда увидел своими глазами, чё они, трупы эти, творят – сразу приказал огонь открыть. Пусть, думаю, хоть на пожизненное закроют, зато хоть какой-то итог будет у операции, кроме ещё одной размотанной роты и разинутых ртов в штабе, мол: «Как же так вышло-то?!» В общем, стреляли-стреляли, да отстрелялись все, подчистую. Потом – кто погиб, кто бежал... Короче, то на то и вышло в итоге, размотали нас как котят. Н-да... Это щас хоть более-менее спокойно как-то кругом: по крайней мере, тут. А тогда, в первую неделю, такое творилось...

Этим рассказом боец спецотряда накормил нас одновременно с ужином. Позже он поведал нам и о том, зачем носит с собой незаряженный автомат, в дозоре, и почему встретил нас лязгом передёрнутого затвора.

– Такой звук ни с чем не спутаешь. Человек и мертвяк, как услышат его, ведут себя по-разному. Человек пугается, останавливается и начинает всматриваться в даль. Мертвяк – нет. Мертвяк – он сразу бежит к тебе, как газель на водопой.

– И что потом? – спросил Лёха, – Вот бежит он, а чего дальше-то делать?

– Прятаться, ясное дело. Дозорный – в будку. Ребята – в здание и двери на засов. Потом, если он один там или двое – мочу гадов. Если больше – тот, кто в дозоре, сигнализи-

рует по радию тому, кто с ребятами, и начинается операция «Лесник».

– Это что значит?

– В лес их уводим: чем глубже – тем лучше. Вон, в тот бор неподалёку. Там у них светозумового развлекалова хватает. То дятел кору какую долбит, то ещё чё. Мечутся там в трёх соснах, кайфуют, про нас напрочь забывают, если ведём себя тише воды ниже травы. Есть, правда, у нас один проект грандиозный: как сделать так, чтобы их насовсем нейтрализовывать... Но это завтра расскажу. Сегодня отсыпайтесь.

Так закончился наш вчерашний день. Поскольку основными обитателями спорткомплекса были дети, известные своей непоседливостью, жизнь там была организована в лучших традициях оздоровительных лагерей: подъём, зарядка, завтрак, отбой, и всё такое прочее. Всё было подчинено строгому регламенту, которому следовали неукоснительно. Вот и отбой состоялся ровно в десять часов и ни минутой позже. Перед ним, правда, нас успели представить ребятам. Они в свою очередь сгрудились вокруг нас, точно те детки из мультика на представлении у льва Бонифация, и задавали нам всякие вопросы, отвечать на которые мы не успевали.

– А вы откуда?

– О, а вы кого-то забрать пришли сюда?

– Вы за кем-то?!

– А за кем?

– А мою бабушку вы не видели, а? Она звонила, говорила,

что придёт, а не приходит.

– А сколько вам лет?

– А вы зомби видели?! Мы видели!

– Да! И много даже!

– Вы на машине приехали? Может, вы нас домой отвезёте?

– Так, всё, заканчиваем, все по койкам! Через пять минут отбой! – скомандовал тренер по боксу уставшим, но всё ещё глубоко и раскатисто звучащим голосом.

И дети, разочарованно нахмутив брови, разошлись по кроватям, расставленным по периметру большого спортивного зала. Здесь же спальное место было выделено и нам: друг напротив друга.

– Слыш, – шёпотом спрашивал Лёха, – Чё-то он всё говорил да говорил весь день, мент этот. Я даже не уловил, как его зовут.

– И я, – ответил я, тоже шёпотом.

– И чё-то он про завтра сказанул такое... Он же нас даже, по-моему, не спросил, чё мы пришли. Или спросил?

– По-моему, нет. Или... Нет, было дело, спрашивал, в начале в самом. Ты ещё как-то одним предложением ему всё выдал, мне кажется, он и не понял ничего.

– Мутная тема какая-то. Ладно, поживём – увидим. Утро вечера мудренее.

И вот, наступило утро тридцать пятого дня. Мы проснулись в спортзале от того, что нас разбудил тот здоровенный боксёр.

– Подъём, – только и сказал он, чуть потормошив нас за плечи.

Дети в спортзале уже неторопливо вставали и потягивались. Первые лучи солнца заливали помещение через огромные окна под потолком.

– Вас как звать? – немного погодя спросил у боксёра Лёха.

– Роман Юрьевич, – безразличным тоном ответил боксёр, – Ромой зови. Это для них – Юрьевич.

– Алексей. Лёха по-простому. Это – Костя... Ну, он сам скажет, как его величать.

– Да Костя – и Костя. Мне нормально. Роман Юр... Рома, мы тут вообще по делу одному, – начал было я.

– Мне щас некогда, надо их умыть, накормить – Рома кивнул на детей, – Потом я майора меняю. Он – меня. У него короче спросите всё, чё надо, я щас реально не мо... Смеляков! Особая команда нужна? Подъём – значит подъём и откидка одеяла! Три секунды тебе на то, чтобы из-под него вылезти!

Я обратил внимание на его лицо. Под тусклыми глазами с всегда чуть опущенными верхними веками у него красовались два огромных и тёмных круга – по всей видимости, следы хронического недосыпа и переутомления, граничившего с измождением. Размеры мускулистого, сытого тела Ромы-боксёра были свидетельством того, что некогда раньше эта телесная оболочка была полна жизни и энергии на покорение всё новых и новых вершин. Размеры кругов под Ро-

минными глазами рассказывали совсем другую историю: историю о том, через что прошло это тело за последний месяц, с какими испытаниями столкнулся его хозяин и о желании, ставшем единственным, самым сокровенным и заветным чаянием этого самого хозяина – о желании как следует выспаться.

Я решил оставить в покое одного смертельно уставшего человека и переадресовать все интересовавшие меня вопросы другому смертельно уставшему человеку, которому от них будет чуть сложнее отмахнуться. Лёха, видимо, вопрос поиска парамотора на территории спорткомплекса отдал полностью на откуп мне, поскольку именно я был тем, кому из нас двоих вообще это надо. Сам же он мыслил себя скорее человеком, дрейфующим то тут, то там в ожидании неминуемой смерти, чем субъектом всего моего предприятия, включавшего в себя добычу летательного аппарата и полёт на нём над океаном беснующихся мертвецов. Потому на выяснении того, где тут находится склад с чудо-машинами, он особенно не настаивал.

Когда Рома пошёл менять майора на посту дозорного, он, выполнив все свои воспитательские обязанности здесь, оставил нас одних с умытыми и накормленными детьми. Мы ступшевались: не знали, как себя вести, если вдруг ребята в отсутствие своих авторитетов начнут нарушать какие-то правила, о которых нам самим толком ничего не известно. К счастью, ничего подобного и не произошло: ребята вели се-

бя смиренно, как будто бы лучше нас зная, что нужно делать. Говорили друг с другом они полушёпотом, шумных игрищ не устраивали и не разбегались по помещениям спорткомплекса как тараканы. По всему было видно, что майор и боксёр вымуштровали этих деток так, что теперь они – сопляки, ещё не окончившие начальную школу – знают о выживании в новом мире больше, чем мы – здоровенные лбы, которых даже закон уже давно не считал детьми.

– Ну как, выспались? – спросил майор будто бы у всех сразу, когда вошёл в спортзал.

– Да, товарищ майор, – хором, но очень-очень тихо ответили дети.

– Молодцы. Гостей наших не обижаете?

– Нет, товарищ майор, – всё так же тихим хором ответили дети.

– Хорошо. Так, сегодня у нас свободный день. Игры знаете, где. Как вести себя – тоже знаете. Или напомнить?

Лицо майора сделалось наигранно грозным. На лицах детей же, едва он сказал «свободный день», мимолётным отблеском вспыхнула вся радость мира, и отблеск этот был подобен восходу солнца после тысячелетней ночи. Казалось, нигде и никогда я не видел столько счастья в один момент, на одной точке пространства. Или, быть может, не «никогда», а просто очень-очень давно.

– Знаем! – ответили дети и, нетерпеливо перебирая ножками, стали словно бы ждать какой-то команды.

– Ну хорошо. Помните, что свободный день длится до... до чего?

– До первого замечания!

– Вот и славно. Теперь – разойтись.

Когда прозвучало майорское «разойтись», дети будто бы пустились в забег после томительного ожидания сигнального хлопка.

– Ну а с вами, ребятки, потолкуем, – сказал майор, подошёл к нам, взял первый попавшийся стул и сел на него, сложив руки на его спинке, прямо напротив нас. На секунду я ощутил нас с Лёхой провинившимися учениками, которых привели на профилактическую беседу к директору школы. Почему-то я сразу почувствовал, что сегодняшний разговор с майором будет не таким расслабленным и непринуждённым, как вчера, после нашего прихода, когда мы стояли возле будки дозорного и много часов болтали сначала за обедом, а затем – за ужином о том, как каждый из нас встретил первые дни и недели в мире мёртвых. Майор посмотрел на нас так, словно хотел убедиться в том, что мы слушаем и специально выдержал паузу. Потом он заговорил:

– Значит, вам, как я понял, нужна эта леталка с парашютом, как у Карлсона, да?

– Да, – ответил я, слегка удивившись, что майор и впрямь помнит всё то, что сказал ему Лёха в сумбуре первой встречи.

– Она тут есть. Не помню, в каком из залов или в какой

из подсобок, правда. Знаю точно, что есть, и что ключи от двери зала, подсобки или чего бы там ни было точно у меня. Эту вашу хрень я вам дам, мне не жалко. Но и вас кое о чём попрошу.

Майор снова глянул на нас, словно бы дожидаясь нашего согласия на предложенную им сделку и пытаясь прочитать это самое молчаливое согласие во взгляде каждого из нас.

– Да не вопрос, – ответил Лёха напрямую, не дожидаясь, пока майор его прочтёт, – Чё делать надо будет? Чё-то сложное?

– Не особо. Но, возможно, опасное.

И дальше майор поведал нам свой план – или даже ландшафтный дизайн-проект – того, как, уводя мертвецов в лес, нейтрализовывать их наверняка. Если коротко, план заключался в том, чтобы вырыть на опушке огромную яму в полтора человеческих роста, выбраться из которой ожившему трупу будет попросту невозможно. Пока – одну, а дальше – по потребности. Майор планировал сбрасывать в неё заражённых, которые редко, но забредают на территорию спорт-комплекса; заражённых, которых сейчас приходится уводить вглубь леса и следом – жить в постоянном беспокойстве о том, что однажды, под покровом ночи, твари выбредут обратно, и они вместе с двадцатью четырьмя детишками станут для этой толпы аппетитным ланч-боксом с нежными байтсами из молодой человечины.

– План – полный отстой, – сознался майор сразу же, – Но

на что-то получше нужны люди. Много людей. Да и на яму-то – тоже. Мы с Ромкой, вон, худо-бедно что-то пытались делать по очереди. Но разве ж ребят надолго одних оставишь? Да и в дозоре – хотя бы в одной точке, хотя бы в той будке – стоять кому-то нужно постоянно. Эх, руки нам нужны – смерть, как нужны.

Сказав последнее, майор многозначительно посмотрел на нас. Мы и так поняли всё без слов: мы – руки. Насильно нас оставить здесь у него, понятное дело, не получится, но пока нам нужно что-то, чем он располагает, он может использовать нас на задачах тут, где эти самые руки ему необходимы.

– Короче, суть такова: вы помогаете вырыть эту ямищу, а как закончите – я даю вам ваш пропеллер Карлсона, и мы в расчёте.

Классика. «Я тебя спас и в благородство играть не стану. Выполнишь для меня пару заданий, и мы...» Ну, дальше он уже и сам всё сказал. Уж не Сидорович ли у этого майора фамилия? Я понимал, что нам с Лёхой не отвертеться, и что мы застряли здесь надолго. Ситуация была прозрачна до невозможности, и все вопросы, которые я мог мысленно задавать сам себе тогда, во время того нашего разговора, носили скорее несерьёзный характер. Я даже усмехнулся, когда моя блуждающая мысль внезапно напоролась на ту аналогию с игрой, которая была так популярна в лучшие годы моей жизни. По всему выходило, что Ира и мой вояж к ней откладывались в лучшем случае на неделю, а может и на две

– тут уж как пойдёт. Всё было бы так, если бы не Лёха. Сообразительный, скорый на выдумку Лёха, которому я обязан тем, что пишу сейчас эти строки здесь.

– Товарищ майор, – начал он, – Вас, кстати, как по имени-отчеству-то? А то неудобно как-то...

– Да пусть пока будет «товарищ майор». Ну? – майор заметно посерьезнел, предвкушая, что Лёха вот-вот начнёт какие-то тухлые переговоры, на которые он заранее был не согласен.

– Товарищ майор, – повторил Лёха, – Другу моему... Ему бы побыстрее уже поехать. Он к девушке своей идёт, а там – счёт на часы фактически. Потому и мотор ему нужен. Вы поймите...

Майор принял совсем суровый вид. «Вы поймите»... У него тут целый класс сирот под крышей, на которых всего две няньки осталось, без которых их всех сожрут в день, а он – «поймите»! Он, уже месяц толком не спавший и давно забывший про отдых, попросил о сущей ерунде: помочь с небольшим делом, а ему пара здоровых, сильных великовозрастных дегенератов лепит какие-то дешёвые отмазы и просит что-то там «понять»!

Лёха уловил его настроение и поспешил договорить:

– Я к тому, что давайте лучше так: пусть Костян берёт этот мотор и двигается по своим делам, а я у вас тут насовсем останусь, помогать буду, чем смогу. Мне всё равно не... В общем, мне тоже особо стремиться некуда. Я с ним-то по-

шёл просто, чтоб от тоски не вздёрнуться. Нет у меня никого. А одному трепыхаться где-то, чтоб только себя самого охранять, пока не сдохнешь... Животное это дело какое-то, понимаете, да? Здесь я хоть нужен буду. Тут хоть...

– Договорились, – оборвал его майор на полуслове, – Ты скажи только: уверен? Точно не передумаешь?

– Точно, точно, стопудов!

– Ну а ты? – майор посмотрел на меня всё ещё суровым, но уже чуть смягчённым взглядом, – Далеко ехать-то? Машина есть? Штука эта здоровая, пешком с ней не походишь.

– Есть. Только...

Я хотел было сознаться ему, что не умею водить, что Лёха нужен мне в моём путешествии, и что одному мне придётся туго. Но тут мимо меня промчался паренёк, неся в руках какую-то несуразную поролоновую палку. В его воображении она была то ли автоматом, то ли бейсбольной битой – я так и не понял, чем, но наверняка она олицетворяла собою какое-то оружие, потому что этот паренёк вместе с двумя его корешами играли в некое подобие войнушки с воображаемыми живыми мертвецами.

– Генерал! Зомби наступают с севера! Нужно подкрепление! – кричал он своим друзьям, проносясь мимо нас.

– Смеляков! – гаркнул майор. Паренёк застыл как вкопанный и виновато посмотрел на него. Майор смотрел на паренька. Слова им были не нужны.

– Извините, – сказал паренёк и ушёл, когда майор разре-

шил ему кивком головы.

– Ромкин братишка, – объяснил майор нам так, словно нам это требовалось, а потом тихонько добавил: – Дурной такой. Но где-то смышлёный, вроде. Так, отвлеклись. Что там «только»?

Я не сразу понял, что майор обращается уже ко мне. Как замороженный, я смотрел на играющих тут и там детей и думал, действительно ли Лёха нужен мне так же сильно, как совершенно точно нужен здесь кто-то вроде него. Переведя взгляд на майора, я заметил и у него под глазами те же самые круги, которые были у Ромы-боксёра.

– Да нет, ничего, – ответил я, – Подумал просто, влезет ли этот мотор в легковую тачку.

– Втиснем как-нибудь, – сказал на это Лёха.

– Водить умеешь? – снова обратился ко мне майор.

– Да, – соврал я.

– А штукой этой управлять?

– Справлюсь как-нибудь. Я всё надеюсь, что она вообще не понадобится. Но если понадобится – придумаю что-нибудь, куда деваться.

– Ну добро. Где-то на глаза книжка с инструкцией попала: как там их собирать, как заправлять, как летать... А вообще нормальная идея, если разобраться. Голова!

– Это Лёха придумал всё.

– Всё равно – голова! Ладно, тогда как поступаем? Фронт работ вам обоим очерчивать не буду: без надобности. Выдам

тебе, Костя, штуку эту, погрузим в тачку, раз, говоришь, она у тебя есть... Далеко, кстати?

– Тут рядом, на трассе оставили.

– Далековато, стало быть. Ну ничего, донесём как-нибудь: даст бог – пронесёт, на тварей не напоремся по пути. А ты, Лёха, тогда тут оставайся пока за главного. Заодно с ребятами познакомишься как следует. Следи главное, чтоб не шумели, не безобразничали сильно, и чтоб по зданию не шатались. Справишься?

– Справлюсь, товарищ майор. Вы это... Спасибо, что решили так.

– Тебе спасибо, что остаться решил. Пошли, Костя. Посмотришь на приобретение своё. Видел такие штуки хоть раз?

– Нет, – ответил я. И то была чистая правда.

Мы прошли через весь комплекс и поднялись на пару этажей, прежде чем оказались у нужной двери. Потом майор ещё долго искал нужный ключ в своей увесистой связке. Несмотря на то, как медленно всё происходило, мне казалось, что события развиваются слишком стремительно. Я только-только проснулся, и вот уже, кажется, через несколько мгновений снова отправлюсь в путь. Снова – совсем один. Мне этого не хотелось. Мне хотелось оказаться у Иры по волшебству, по щелчку чьих-нибудь волшебных пальцев. Чтобы жизнь моя была фильмом, режиссёр которого ненавидит экшн-сцены; чтобы сейчас на экране появился титр: «Неко-

торое время спустя», – за которым последовала бы смена локации, и хоп! И я уже на месте, а весь ужас дороги – он остался где-то там, за кадром, к всеобщему недоумению зрителей. Но увы, жизнь моя – это не фильм. Моя жизнь – книга: кипа дневниковых записей, которые я сам же и веду теперь, когда всё самое страшное либо уже позади, либо ещё впереди. И я бы с удовольствием пропустил всё то, что последует дальше. Но что тогда останется здесь от моей жизни? И на кой чёрт мне тогда будет весь этот здоровенный талмуд, который я твёрдо решил носить с собой до самого конца своего земного пути?

– Готово, – сказал майор, отворив, наконец, дверь, – Я бы предложил тебе походить, повибирать аппарат, но раз ты с такими хреновинами не сталкивался, то для тебя они все одинаковы. Заходи в общем. Там есть подсобка. В подсобке – полка книжная. Там наверняка какое-нибудь руководство по эксплуатации найдёшь. Короче, осмотришь тут. Как закончишь – спускайся, зови. Сильно не расслабляйся только: до обеда время тебе, если хочешь сегодня ехать. После обеда, как братву на сон-час отправлю, пойдём загружаться.

– Да мы и с Лёхой до машины бы дотащили эту штуку, товарищ майор.

– Дотащили бы... Со мной дотащишь. Давай, занимайся тут.

Тогда я не обратил внимание на недоверие майора, выражавшееся в желании самому проводить меня до тачки, а

не отпускать нас вдвоём с Лёхой. Если бы у нас с Лёхой и впрямь был какой-то хитрый план по поводу того, как бы нам улизнуть отсюда, оставив майора с боксёром в дураках, то его усмешка на фразе: «Со мной дотащишь», – точно бросилась бы мне в глаза. Но я был чист и не имел за душой никаких хитрых планов. Как, впрочем, и Лёха, искренне желавший остаться в спорткомплексе, видя теперь в этом смысл своего дальнейшего существования.

Майор оставил меня, и я взялся за дело. С книжной полки в подсобке я взял случайную папку с многостраничным руководством к случайному парамотору и бегло просмотрел её. Написано руководство было на моём родном языке, но смысл каждого предложения был сокрыт от меня валом специальных терминов и обозначений, которых я не понимал. Это были иероглифы. Я вдруг осознал, что собираюсь в один момент, с первой попытки взлететь и сесть на том, чем люди учатся управлять годами. Ну, если и не годами, то хотя бы месяцами – от того не легче. И как я собираюсь это сделать! Если идти в точности по Лёхиному плану, я должен буду стартовать с высоты многоэтажки и сесть точнёхонько на крышу Ириного дома, не сломав себе при этом ни ног, ни рук или вовсе не рухнув вниз и не разбившись к чертям собачьим! Неужели это и есть мой план? От этих мыслей руки мои опускались, всей тяжестью на душу обрушивалась непреодолимость обстоятельств вкупе с фантазмагоричностью и невыполнимостью всего того, что я собираюсь пред-

принять для их преодоления. Ещё тоскливее сделалось от внимательного рассмотрения аппарата и осознания его размеров. Он же огромен! Как он войдёт в тот белый седан, на котором мы с Лёхой приехали сюда?

Так прошло несколько долгих и бесполезных часов.

– Тук-тук. Ну чё, ты как? Ого! Ничё себе их тут! Вот это я понимаю: не зря приехали! – оживлённо и на одном дыхании проговорил Лёха, войдя в помещение и застав в нём меня, сжимающего в руках толстенную инструкцию, свёрнутую трубочкой, и бродящего туда-сюда от машины к машине, не зная, с какого конца к ним подходить. Наверное, в тот момент я был похож на мартышку, которую вытащили из вольера в зоопарке, посадили за штурвал самолёта и небрежно, как бы невзначай сказали ей: «Так, ну чё, взлетаем?»

– Ага, – только и смог ответить я.

– Чё грустный такой?

– Ты как вообще здесь?

– Да майор отправил. Говорит, иди, чё-то кореш твой там застрял. Позвать тебя ещё просил: обед скоро.

– Уже?!

– Уже, уже. Ты чё такой, говорю?

– Какой?

– Понурый какой-то, не знаю. Чё ты? Всё ж офигенно складывается. Полетишь к своей девчонке на крыльях ночи! Или ты переживаешь, что тачку водить не умеешь? Так я тоже не умею! Разберёшься, там несложно: газ-тормоз, да и

всё. Не ядерный реактор запускать.

– Да я... не знаю я. Не знаю!

Я сел на первый подвернувшийся стул и почувствовал, что мышцы в моих ногах и руках будто бы превратились в бесполезный дым, которым надуту моё полое тело, утянутое кожей. То же было и с головой. Трудно описать в нескольких словах, что действительно на меня тогда нашло. Я будто бы всем телом и всем разумом ощутил и осознал собственную бесполезность, беспомощность и бестолковость. Будто бы всю жизнь я занимался чем-то не тем, раз сейчас не могу самостоятельно решить и пару-тройку задач, которые я сам же перед собой и поставил. Что я за человек? Чему я учился в школе, раз теперь не могу даже нормально поговорить с майором: если бы не Лёха, я бы и впрямь остался тут рыть эту яму, копить злость на майора до тех самых пор, пока не сорвался бы и не попытался стащить этот треклятый мотор у него из-под носа. А потом, когда попался бы на горяченьком – психанул бы и попытался его грохнуть, за что наверняка поплатился бы собственным здоровьем. Мне невдомёк было, что между «терпеть и сглатывать» и «ломать и крушить» есть полутона и тысячи возможных компромиссов. И это только один момент, одна сторона вопроса! Чем я, восемнадцатилетний дебил, занимался на уроках физики, если, окончив школу, понятия не имею, как работает двигатель внутреннего сгорания, а слова «карбюратор» и «карабин» для меня звучат как синонимы? Зачем я вообще выжил в этом парши-

вом новом мире, и почему бы мне было просто не сдохнуть?

– Ну ты чё? Э-э, ты чё вдруг?..

Лёха подошёл и растерянно похлопал меня по плечу. Я и не заметил сначала, что сижу, раскинувшись на стуле как мешок с опилками, и роняю слёзы на свою грязную, пропахшую потом толстовку. Мне очень хотелось упустить эту деталь и не упоминать об этом бесславном моменте в своём славном героическом эпосе. Но чёрт с ним: пусть останется как есть.

– Я мать свою убил, – вдруг сказал я. Я помню только, что сказал это, но хоть убей не вспомню, зачем и почему.

– Ну хорош, ты чё...

– Я б не... Не орал бы если... Она бы трубку не уронила, и...

Всхлипы душили меня, я плакал так, словно мне было пятнадцать, я был девчонкой из подростковой комедии, меня недавно бросил парень, и теперь я вспоминаю всё хорошее, что между нами было.

– Ну хорош, всё. Всё, слыш! Соберись! Чё ты разошёлся?

– Как я... Я теперь...

Наверное, Лёха видел это в каком-то кино: когда человек истерит и слишком много говорит о себе, его нужно стукнуть, чтобы привести в чувство. Так он и сделал: отвесил мне такого леща, словно хотел разделить мою жизнь на «до» и «после». Теперь моё внимание всецело было приковано к нему. После той хлёткой затрецины я готов был выслушать

всё, что он скажет дальше, и у него появился отличный шанс как следует вправить мне мозги. Если бы только он сам умел это делать.

– Я, конечно, не знаю, что в таких случаях говорят. Вроде как, нельзя человеку ещё больше на голову капать, мол, вот, ты ноешь, а у других и похуже проблемы. Так что не буду. Про этих вон двадцать с лишним сирот не буду, про себя-любимого тоже. Ты о себе подумай прежде всего. Да, худо всё. Да, тяжело ещё будет. Дальше-то что? Не в смысле «И чё теперь-то», а в смысле «Дальше – что?» Что завтра будет? Послезавтра? Такой же п... Хрень полная в общем или есть ещё, за что уцепиться? А уцепиться всегда есть за что, поверь. Просто делай что делал, иди куда-то, на месте не топчись, и будь что будет. Не просто так мы дышим ещё. Не для того живыми остались, когда полмира с ума посходило. Ты вон, если б не зашёл тогда в Гроссбух, я б так там бы и остался глаза заливать. А всего-то в дверь постучал! Короче, не знаю я. Была какая-то речь от типа какого-то лысого, который перед студентами какими-то выступал. Её ещё все перекидывали друг другу одно время. Вот он речи умел толкать. Я не умею нифига, поэтому просто... фиг его знает, поймай просто мою мысль так как-нибудь. Хочешь, ещё раз вдарить могу?

– Не надо, – ответил я.

– Вот и не нарывайся. Давай, по порядку: чё тут у тебя? Какие проблемы, по существу?

– Здоровые они. В тачку могут не влезть. В инструкции не понимаю, что к чему: как заправлять, как заводить, чем бензин разбавить. Как рулить ими, в конце концов.

– Но инструкция-то есть?

– Есть.

– Вот и читай пока не врубишься. А про тачку – могут не влезть, а могут и влезть, ты ж не проверял. Да и ты их все что ли брать собрался, ё-моё? Одного поди хватит, – усмехнулся Лёха.

– Хватит, – улыбнулся я в ответ.

– Они вообще, вроде, разбираются. Дай-ка книгу эту, сам прочитаю. Ты пока найди инструменты какие-нибудь. Тут полюбому должны быть: ключи, отвёртки там. Масло по шкафам посмотри. Может, уже разведённый бензин найдёшь – тоже хорошо.

Я встал со стула, отдал Лёхе инструкцию и принялся делать всё, как он велел.

Ещё через час, когда подошёл майор, всё было готово: парамотор разобран по составляющим до размеров, в которых каждая составляющая должна была уместиться в седан; канистра с топливом найдена и готова к использованию; сумка с инструментами, которые могут понадобиться при сборке или разборке мотора, укомплектована. Сумку я решил взять с собой и надеялся, что майор не станет возражать.

– Ну как? – спросил он, войдя в помещение, – Собрался в дорогу?

– Собрался, – ответил я.

– Славно. Значит, сейчас – обед. Потом укладываем ребят на боковую. Лёха, останешься и проследишь, чтобы не ворочались и ерундой тут не маялись. Мы в это время всё до тачки донесём. Где-то в промежутке между этим успевайте попрощаться. Кто знает, встретитесь ли ещё когда.

Последняя фраза майора могла значить только одно: для него я уже труп. Мертвец, сумасбродные намерения которого слишком серьёзны, чтобы пытаться переубедить его в чём-либо и отговорить от планомерного следования в сторону верной гибели. Эта случайно, невпопад брошенная фраза могла испугать меня, заставить усомниться в правильности моего решения и, в конце концов, побудить остаться здесь: при деле и в относительной безопасности. Но вышло иначе. Я вдруг вспомнил, что мне и впрямь нечего больше терять, кроме возможности прожить ещё пару-тройку лет в покое, липком страхе и беспрестанном сожалении об утраченном шансе ещё раз увидеть последнего дорогого мне человека, оставшегося в живых.

На обед все расположились в местной столовой. Лёха и я сели за общим столом, отдельно от детей и чуть в отдалении от майора. Майор последним взял свою порцию, и только когда у него самого в руках оказалась ложка он отдал команду:

– К приёму пищи приступить, приятного аппетита.

– Спасибо! – одновременно, вполголоса ответили ребята.

– Ну точно как в лагере, – шёпотом прокомментировал Лёха.

– Детском лагере?

– Ну, типа. Слушай, я не знаю, ты уловил тему или нет: вон тот мелкий, – Лёха указал на паренька, которого за сегодня уже несколько раз окрикивал то Рома-боксёр, то майор, – Он по ходу брательник здоровяка того, который в дозоре шас стоит.

– Майор вроде сам про это сказал. Ты это к чему?

– К тому, что отчество у них одинаковое. И фамилии – тоже.

– У братьев-то? Ого, вот это да...

– У братьев и вот у этого чудика, – Лёха достал из кармана паспорт, раскрыл его и снова показал мне документ того мертвяка из подсобки Гроссбуха: Смелякова Павла Юрьевича.

– Совпадение, может?

– Не думаю. Рассказать надо будет, Роме этому. Да ключи от хаты отдать. Всё-таки, дом его.

– У него, думаешь, своих нет?

– Есть поди. Просто неправильно как-то, если эти ключи с паспортом у меня останутся.

– Да забей ты, – пожал плечами я, – Вдруг от тоски тут взвоешь и свалить захочешь. Так хоть будет, где перекантоваться.

Лёха посмотрел на меня так, словно я только что сказал

сущую дикость.

– Ты серьёзно или так, в крутого играешь?

– Ты ж сам сказал: о себе надо думать прежде всего.

– Так я же не в этом смысле. Это ж... это ж другое совсем.

Ну ты даёшь...

Я ничего не ответил на это и стал молча есть свою пищу. Лёха сделал то же самое, приняв такой вид, словно до глубины души разочаровался во мне и в моём понимании хищных законов нового безжалостного мира. Жаль, если так, но говорил я тогда совершенно не думая. Мысленно я был уже в другой реальности: реальности дороги, орд мертвецов, движущихся навстречу, и путешествия через тернии вымершего, разрушенного войной с заражёнными города к той, которую в последний раз я видел очень-очень давно. Лёха же всем своим естеством был здесь, где он, как ему казалось, находился на своём месте. Будучи в одном помещении, мы обитали в разных, параллельных вселенных, и в моей вопрос о том, кому приходился родственником заражённый из Гроссбуха, находился на той же ступени важности, что и вопрос о том, какой глубины должна быть та яма в лесу, чтобы угодившие в неё мертвяки не могли из неё выбраться.

Прощание с Лёхой вышло сумбурным. Мы пожали руки, пожелали друг другу удачи и разошлись. Я даже не поблагодарил его за то, что он несколько раз спас мне жизнь и за то, что именно с его помощью я смог забраться так далеко. Ребяташки по команде майора помахали мне руками из poste-

лей, после чего закрыли глаза и наверняка тут же забыли о моём существовании. Рома-боксёр сидел в затенённой будке охранника и не вышел наружу, когда мы проходили мимо. Майор заглянул к нему на минуту, дал какие-то инструкции, после чего мы с ним отправились дальше, к трассе и оставленной на ней машине.

– Ну всё, готово, – сказал майор, закрывая багажник после того, как бросил туда сумку с инструментами, – Бак хоть не пустой?

– Да я не заправлял его ещё, – не поняв его вопроса, ответил я.

Майор посмотрел на меня так, словно я только что подтвердил его самые худшие предположения о том, чем закончится моё путешествие.

– Я про машину.

– А-а... Да, там полный, вроде.

Майор кивнул и хлопнул меня по плечу.

– Давай, малой. Береги себя. Если вдруг что – возвращайся.

Он мимоходом глянул вдаль: в ту сторону, где трасса вела к первым кварталам многоэтажной застройки на окраине. Что-то приковало его взгляд. Он приставил ладонь ко лбу и стал всматриваться во что-то, что увидел на горизонте. Я посмотрел в ту же сторону. Дальше пары сотен метров всё виделось мне размытым, но даже так я сумел рассмотреть несколько качающихся из стороны в сторону точек. Когда

зрение сфокусировалось, точки приняли мутные очертания тёмных силуэтов.

– Стоят, бродяги, – пробурчал майор себе под нос, – Как заведёшься – сразу гони, не стой. Старайся объезжать, но сильно не виляй, а то перевернёшься ещё. И не дави их по возможности: лобовуху разобьёшь. И не шуми только тут, дверями там не хлопай, а то они все к нам припрутся. Всё, давай.

Майор ещё раз хлопнул меня по плечу и ушёл прочь. Я сел в машину, аккуратно закрыв дверь. Ключи лежали на приборной панели: там же, где их вчера оставил Лёха. Автомобиль покорно дожидался, пока я возьму их, вставляю в замок зажигания и заведу мотор. Но, разумеется, я не был готов сделать это так скоро. Нужно было привыкнуть к водителскому креслу, собраться с мыслями и настроить себя на дальнейший путь, на котором нельзя будет позволить себе мешкать, теряться или медлить, обдумывая следующий шаг. Я буду в безопасности ровно до тех пор, пока не включу передачу и не нажму на газ. Раз так, лучше выжать максимум из этого положения и в последний раз тщательно обдумать всё перед тем, как гнать наперегонки со смертью.

Вечер. Восьмичасовое включение ди-джея с радио «Фаренгейт» мы с Ирой отправились слушать вместе. На крыше было хорошо: лёгкий прохладный ветерок, солнце, на которое попеременно наплывали кучевые облака и отбрасывали

тени на землю. Облака были такими же, как и всегда. То же солнце и то же вечернее небо. И только земля под ними изменилась до неузнаваемости, и похоже, что прежней она уже никогда не станет.

На нас были тёплые, не продуваемые ветровки. Под нами – старый плед, сложенный вдвое, чтобы было комфортно сидеть на жёсткой поверхности крыши. Вокруг нас повсюду торчали антенны, точно скрюченные ветки голых деревьев в тихом зимнем лесу. Из динамика радио звучала музыка. В этот раз там был джаз: спокойный, размеренный джаз, игравший в такт нашему настроению. Слов не было – только саксофон, фортепьяно, барабаны и, кажется, что-то ещё.

Ровно в восемь часов музыка стихла. Затем заговорил тот самый человек, голос которого я слышал вчера.

...

«Надеюсь, вы удобно устроились в ваших креслах, диванах, кроватях, стульях или хотя бы просто на полу. Надеюсь, у вас плотно закрыты окна и двери, потому что сегодня, возможно, тот самый день. Прямо на горизонте, на юго-западе, я вижу из своих застенков огромный столп дыма. Может, рванула очередная заправка. Может, кто-то запоздало жжёт огромное соломенное чучело, празднуя свою личную Масленицу. Может, горит чей-то дом. Возможно также, что это тот самый дым, который нам обещали эксперты из интернета, когда у нас ещё был интернет, и возвещает этот дым о том, что атомная элек-

тростанция в соседнем городке отжила свой век. Кто знает. Одно наверняка: зрелище завораживающее. Надеюсь, окна ваши выходят куда надо, и вы сможете им насладиться. Есть что-то чарующее в этом медленном, постепенном разложении нашей цивилизации, артефакты которого можно наблюдать хоть каждый день всюду вокруг нас. Мы все умрём. Это совершенно точно. С приходом нового порядка вещей смерть наша стала чуточку ближе. Так почему бы напоследок не остановить мгновение и не насладиться всей безобразной красотой нашего упадка?

Возможно, вы со мной не согласитесь. Южная сорок девять, корпус А – вот место, где мы всё ещё можем с вами встретиться, чтобы вы могли поспорить со мной. Правда, это ненадолго, но кто знает, может, вы ещё успеете до нашего отъезда. Чёрный дым восхитителен. Он говорит нам – даже кричит, – что пора убираться отсюда. Если бы не он, мы могли бы прожидать до самых холодов, и прокричал бы нам эту прописную истину лишь первый снег.

Через три дня – десятого сентября – мы либо распрощаемся с вами навсегда, либо впервые в жизни увидимся лично. Это дата нашего отъезда, которую мы железобетонно определили на сегодняшнем общем собрании. Нас много, и с оружием у нас всё в полном порядке, так что не переживайте за вашего покорного слугу. Мы совершенно точно доберёмся туда, куда планируем. И мы будем ждать вас там ещё три дня сверху. Потом мы пустимся вдаль по трассе

и навсегда оставим наш любимый город позади. Попробую договориться с главным, чтобы сделали мы это на закате. Умчаться в закат – это ли не поэзия? Но шутки в сторону. Где бы вы ни были, чем бы вы ни занимались, как бы дороги не были вам ваши дома и квартиры, настало время оставить их. Зиму в городе вы не переживёте. А если насчёт дыма мои догадки верны, то, возможно, и до зимы вам дотянуть не удастся. Ну, тут я, конечно, сгустил краски: не всё так плохо, и последствия этого ма-а-аленького радиоактивного загрязнения вы ощутите лишь через такой срок, на который в наше время не стоит строить планов. Но тем не менее. Решать, в конечном итоге, всё равно вам, но и мой долг пригласить вас в последний вагон нашего поезда, пока ещё есть такая возможность.

Дождаться вас мы будем в одном из следующих мест. Перечислю их по мере удаления от города вдоль по трассе. Первое – собственно, выезд: место, где стоит табличка с названием города. Там мы пробудем все три дня, если обстановка позволит. Благо, ночевать мы с нашим автопарком можем позволить себе прямо на дороге. Второе – заправка через пять километров после указателя на въезде в город. Если мы будем там, вы совершенно точно не проскочите мимо нас. Это на случай, если возле указателя стоять будет небезопасно. Третье место – это мотель ещё через десять километров от заправки. Ни за что не угадаете, как он называется. «Десятый километр». Почему именно он? Самая

большая и самая яркая вывеска из всех окрестных постоянных дворов, мотелей и закусовых. Попробуем подключить к ней один из своих генераторов, чтобы вы могли увидеть нас даже ночью. Однако повторяюсь, там мы кратковременно осядем только в том случае, если у указателя и на заправке нас будет поджидать беда, о которой мы вас постараемся всячески предупредить: например, надписями краской на асфальте. В первой, второй или третьей условной точке мы пробудем только три дня: с десятого по тринадцатое сентября. После тринадцатого искать в этих местах нас будет уже бесполезно, и до деревни мэра или до посёлка, в котором обосновались военные, вам придётся добираться самостоятельно.

Таковы инструкции на текущий момент. Следовать им или нет – вам решать. В любом случае, если вы где-то поблизости, и если по счастливому случаю ловите нашу волну, у вас есть ещё три долгих дня, чтобы добраться до нашей радиостанции. Если вы далеко, то, скорее всего, нужный выезд из города к вам ближе, чем к нам. В этом случае не рискуйте и лучше двигайтесь сразу наверняка через пару суток, в означенные мною места. У меня пока всё. Завтра – в это же время. Если получится сегодня нормально записаться, то до восьми вы будете слушать повтор сообщения с этими же инструкциями, изложенными чуть более лаконично и ёмко, чем то, что я смог выдать вам сейчас. Радио «Фаренгейт», сто четыре и три ФМ, Южная сорок девять,

корпус А. Скоро увидимся. Или распрощаемся насовсем».

...

– Ну как, убедилась?

– Я и не сомневалась.

– Что делать будем?

– Продолжать отговаривать отца от его безумной идеи с дачей.

– Думаешь, «атас! радиация! спасайся кто может!» работает как аргумент?

– Можно попытаться.

Запись 10

Восьмое сентября. Сорок второй день с начала вымирания.

Ранним утром я первым делом поднялся на крышу и включил радио. Ди-джей сделал как обещал: поставил на бесконечный повтор короткое двухминутное сообщение, в котором рассказал широкой общественности о том, почему в городе больше не безопасно, и какой у его группы в этой связи план дальнейших действий. Следом он оставил инструкции для тех, кто захочет присоединиться к Фаренгейту в их марше к означенным населённым пунктам на востоке. Инструкции всё те же: три возможные точки встречи, три дня на то, чтобы добраться туда, тринадцатое число – дата, после которой они снимутся со стоянки и отправятся в дальний путь со всеми, кто успел их нагнать. Я прослушал

это сообщение несколько раз, чтобы убедиться, что оно и впрямь зациклено и повторяется снова и снова, и снова. Затем я выключил приёмник, дабы не тратить заряд батареек впустую.

Вчера вечером мы с Ирой спустились с крыши с намерением как следует окатить её отца из холодного ушата реальности, пересказав всё, что мы услышали на волне сто четыре и три ФМ несколько минут назад. Но, едва мы вошли в квартиру, Леонид Николаевич поспешил собрать всех нас на что-то вроде семейного совета. Слово на этом совете держал он. Он стоял перед нами, сидевшими на диване в гостиной, чувствуя себя, наверное, римским оратором, облачённым в тогу и стоящим за трибуной перед тысячеликой толпой, глядящей ему в рот и готовой внимать каждому слову своего вождя и идейного вдохновителя. Убедившись, что все мы его слушаем, он с демосфеновским пафосом объявил:

– В общем, дети, мы тут и с мамой посоветовались, и сама я чуток поразмышляла-подумала. Действительно ведь тут, в квартире, на зиму не останешься – это факт. А до зимы эта эпидемия – или что это такое там – точно простоит. И скорее всего ещё дальше зимы простоит – чего уж там. Даст бог, только к следующему лету лекарство какое сделают или, может, как-то по-другому ситуацию под контроль возьмут... Так-то оно так, но до тех пор надо как-то ещё дожить, а в городе зимой сделать это будет сложно.

Нужно место, которое по старинке можно топить дровами, место утеплённое и место отдалённое от всего этого безобразия за окном. В этом плане...

Должно быть, Леонид Николаевич увидел, как я накрыл лицо рукой, желая оградиться от того, что вот-вот в сотый раз услышу, и потому он вдруг остановился, сделав паузу в своей триумфальной речи. Я бы и уши, если честно, закрыл, но новая реальность ещё не вышибла из меня все нормы обыденных людских приличий.

– В этом плане, – продолжил он, стараясь звучать чуть более уверенно и потому – громче, – Лучшие места, чем наша дача, не найти. Конечно, можно выехать на дорогу и броситься в путь без финальной точки назначения, как предлагает Константин...

– Я такого и не...

– НО... – Ирин отец повысил голос чуть ли не до крика, лишь бы не дать мне прервать его, – Но надо всё-таки более реалистично смотреть на вещи. В одном соглашусь: медлить нельзя, и перебираться надо уже сейчас. На огороде можно будет собрать кое-какой урожай, но основное всё-таки брать придётся из дома. Так или иначе, остаётся одна проблема: машина. Нужно найти, на чём туда доехать, и во что погрузить...

На середине его тирады я поднял руку и стал терпеливо держать её, прямо как в школе. Ничего страшного: поддержи, подожду, зато, когда он даст мне слово, мы уж точно

раз и навсегда покончим с его идиотской навязчивой идеей. Так я тогда думал.

– Ну? – сказал Леонид Николаевич, обратив, наконец, внимание на меня и на мою пассивно-агрессивно поднятую руку.

– На сколько километров нам придётся отъехать от города, чтобы добраться до вашей дачи? – спросил я.

– Ни на сколько, – торжественно ответил он, – Дача прямо тут, в посёлке, на другой стороне реки. Надо только переехать через мост, а там, не доезжая до указателя...

– Только что по радио сказали, что рванул реактор. И что скоро тут, как в Чернобыле, на десять километров вокруг будет вечный осенний лес. От города надо отъехать минимум – минимум! – на двадцать-тридцать километров. А вы говорите «не доезжая до указателя».

– Кто сказал? Когда? – растерялся он. Я не смог скрыть радость от его замешательства и улыбался, когда отвечал ему:

– Ди-джей. Только что. Мы с Ирой как раз слушали его на крыше.

Леонид Николаевич посмотрел на Иру. Та кивнула: как бы в знак подтверждения.

– И что он сказал? – вновь спросил он, всё так же глядя на неё.

– Что станция горит, – повторила она, – Что послезавтра они едут в деревню, где мэрская дача. Если там ничего не найдут – поедут к военным. Мы это рассказывали уже,

пап. Просто сейчас он точно сказал, когда они поедут, и где с ними можно пересечься, чтобы поехать с ними.

– Кто они-то? С кем «с ними»?

Стало ясно, что Ирин отец задаст ещё тысячу вопросов лишь для того, чтобы в ответе на какой-нибудь из них было, за что уцепиться: какие-то нестыковки, неясности – что-то, к чему можно было бы прикопаться, на что можно было бы опереться для того, чтобы, как следует оттолкнувшись и поднатужившись, при помощи ментальных гимнастик вновь перевернуть всё с ног на голову. Он не станет никого слушать до тех пор, пока его не положат на лопатки и не придавят хорошенько весом железобетонных аргументов и доводами непререкаемых авторитетов. Лишь тогда он будет готов сделать вид, что наша идея и ему самому изначально нравилась, просто мы, дураки, не могли ему ничего толково и внятно объяснить. Потому бесполезно нам пытаться втолковать ему что-либо сейчас. Гораздо проще будет дать ему самому услышать то сообщение по радио: желательно – в присутствии всех нас. Тогда ему будет попросту некуда деться.

– Леонид Николаевич, да вы сами лучше всё послушайте, – предложил я, – Завтра он, вроде, должен на повтор своё сегодняшнее сообщение поставить. Как проснётесь – поднимайтесь все вместе на крышу, вместе и послушаем. Я уже там вас буду ждать. Ключи вы мне выдали, закроюсь перед уходом.

И вот я здесь. Жду, пока Ира, её мать, а самое главное – отец поднимутся сюда и услышат в динамике то же, что только что слышал я. Время ещё раннее: по моим прикидкам только через три-четыре часа кто-нибудь из них проснётся, отправится чистить зубы и использует под это дело минимум половину ковша из и так иссякающих запасов питьевой воды. Стало быть, есть у меня время на то, чтобы рассказать ещё об одном дне дороги сюда.

День 36

Весь прошлый вечер и всю прошлую ночь я так и провёл в салоне автомобиля. Пытался приноровиться к рулю и к педалям, научившись водить не вода, а как бы воображая себя переключающим передачи и мчащимся навстречу ветру. Потом – читал инструкцию к парамотору, пытаюсь не просто заучить её наизусть, как в школе учил стихи, но ещё и вникнуть в смысл каждого слова, каждого предложения. Удивительные возможности открываются перед человеком, когда он заперт в маленьком, тесном помещении, и под рукой у него нет ничего, кроме одной единственной книги. Мир ужимается до границ, заданных текстом на её страницах, и содержание её становится твоей вселенной, всецело поглощающей тебя и вбирающей в себя без остатка. Никаких внешних шумов и отвлекающих факторов – только ты и только этот текст перед тобой. Добавить к этому ещё и то обстоятельство, что жизнь твоя зависит от глубины понимания со-

держания этого текста, и я бы сказал, что нашёл идеальную педагогическую технологию для ускоренного усвоения того или иного материала: замкнутое пространство, один единственный источник информации и крайне враждебная среда снаружи, грозящая убить тебя, если ты не вдолбишь себе в голову всё, что содержится в источнике.

К ночи у меня сильно болела голова. Нестерпимо хотелось есть. Благо, я научился умирять чувство голода: пара глотков воды, а потом – явственно представить себе руку мертвяка со старой раной от укуса, в которой живут белые личинки. На десятый день голодовки такая картина, возможно, начнёт даже казаться аппетитной и перестанет помогать как прежде, но мне не нужно было столько держаться. На следующий день я планировал достигнуть пункта назначения во что бы то ни стало.

И вот, этот день настал. Проснулся я снова вместе с солнцем и с сожалением понял, что наступило ещё одно утро, грозящееся стать для меня последним. Чувство страха перед необходимостью действовать я тоже стал учиться заглушать, подобно голоду, хотя, в отличие от голода, с ним было посложнее. Чтобы ужас не сковывал тебя и не вводил в ступор, нужно всего-то не питать его, а питается ужас временем, которое ты даёшь себе на раздумья. Понять, где проходит грань между здоровым планированием и пустопорожними размышлениями для затягивания времени – задача нелёгкая, но жутко интересная. Жаль, что в прежней жизни я ни

о чём таком не помышлял и не задумывался.

Открыв глаза, потянувшись и придя в себя, я, не давая самому себе и шанса самого же себя остановить и одёрнуть, повернул ключ в замке и завёл мотор. Мертвецы, всё так же стоявшие дальше по дороге и мерно раскачивавшиеся из стороны в сторону, не обратили на меня никакого внимания. Я включил передачу и стал плавно трогаться с места. Машина поехала. «Это я ей управляю!» – крутилась в моей голове дурацкая, но обычная для того, кто впервые сел за руль, мысль. Я чуть ускорился, стараясь, тем не менее, не выходить пока за рамки двадцати километров в час и стал двигаться навстречу поджидавшим меня на трассе заражённым.

Когда я приблизился к ним, они, наконец, подались в мою сторону. Я испугался и безотчётно стал увеличивать скорость, давя на педаль всё сильнее, и сильнее, и сильнее. У меня получилось вылавировать между двумя первыми мертвецами, но третьего, стоявшего прямо за ними, я стукнул бампером. Он чуть откатнулся в сторону, после чего стал медленно, как бы ленясь, озираться по сторонам, словно бы в попытках понять, что здесь происходит. Я машинально отпустил педаль газа и, что самое нелепое, на мгновение почувствовал себя виновником дорожно-транспортного происшествия и успел утраститься своей дальнейшей участи. Выбросить из головы все шаблоны и паттерны поведения старого, цивилизованного мира, всё-таки, у нас получится ещё очень и очень нескоро.

В какой-то момент автомобиль совсем остановился. Я был слишком занят тем, что смотрел по сторонам, и совершенно забыл про ту самую первую дурацкую мысль: «Это я ей управляю!» Она едет не по волшебству и сама собой, а лишь тогда, когда я давлю на педаль. Мертвецы стали облеплять меня. Сначала подоспели те, кого я уже оставил позади. Потом те, что покачивались чуть в отдалении, словно бы услышали клич от своих братьев и, обернувшись, кинулись ко мне. Неужели так всё и закончится? Ну уж нет. Я снова стал набирать скорость. Сначала я ехал тихонько, как бы крадучись и стараясь ненароком не задеть заражённых, простирающих ко мне свои гниющие руки и молотящих ими по стёклам и кузову автомобиля. Я выворачивал руль то туда, то сюда, стараясь нащупать хоть какую-нибудь дорожку, какой-то зазор, через который которой можно будет выехать из сжимающегося вокруг меня кольца смерти. Мертвецов становилось всё больше и больше. В салоне стало темнее от тел, облепивших тачку со всех сторон. И тогда у меня сорвало крышу. Я просто нажал на газ и, то ли во всю глотку крича, то ли только нашёптывая что-то себе под нос, стал их давить. Большинство из них не падали под колёса. Они чуть прокатывались по капоту, и редкие из них оставляли кровавые отпечатки на ветровом стекле. Белый автомобиль вскоре покраснел. Всё дело было в том, что у некоторых мертвецов на счету уже было по несколько задранных людей, и руки у них были по локоть в крови. Буквально. Часто кровь была запёк-

шаяся. Иногда кровь принадлежала им самим: сочилась из незаживающих ран или выжранных до кишок животов. Была здесь ещё и грязь, и нечто жёлтое и вязкое, и... Кто бы вы ни были, надеюсь, вы не читаете это за обедом. Тех, кого всё-таки затягивало под колёса, я нещадно давил. Кости хрустели, автомобиль чуть подбрасывало, как это обычно бывает на неровной просёлочной дороге, а затем труп выкатывался из-под заднего бампера. Чуть более потрёпанным, чем он был до этого. И я ехал дальше, пока, наконец, не миновал то скопление заражённых на трассе и не выехал на чистую дорогу.

Думал ли я в тот момент, что мертвец, которого я давялю своими колёсами – это чей-то отец, брат, сын или муж? Сейчас я не могу отделаться от этих мыслей. Все те хищные зомби, которых я убил или покалечил по пути сюда – возможно, они просто больны? Может, когда-нибудь появится – а может, и уже где-то есть – какое-то лекарство, которое вернёт сыновьям, братьям и сёстрам, отцам, матерям и жёнам всех тех, кого они так сильно любили, и кто лишь на время утратил человеческий облик, сражённый неизвестной болезнью? Для вас, читающих это спустя годы после вымирания, это звучит, наверное, как беспочвенные страдания юного неженки, слишком близко к сердцу воспринимающего все эти пустяковые вопросы жизни и смерти. Да и я сам, если пораскинуть мозгами и включить разум, понимаю, что никакого лекарства нет и не будет, и что телесные оболоч-

ки всех этих людей – лишь искусный камуфляж, под которым скрываются самые настоящие животные, если не сказать монстры. Но чувства... От них не отделаться. В моменты таких спонтанных воспалений совестливости и пустопо-рожнего самоедства я думаю о героях военных конфликтов, которых в нашем былом обществе было принято чествовать. Они убивали не оживших мертвецов. Они убивали – и точно знали, что убивают – живых людей, которых сами же сознательно расчеловечивали. И сентиментальность не застревала горьким комом в их горле, когда они садились писать свои мемуары. Относительно какого-нибудь божьего одуванчика, вегана, ни разу в жизни не обидевшего и мухи, я – та ещё мразь. Но относительно... Словом, многое в нашем мире всё ещё относительно. Жаль, что цивилизация наша так и не успела достучаться хоть до какого-нибудь абсолюта прежде, чем погибнуть.

Дальше до поры до времени дорога была гладкой. Редкие аварии, которые приходилось объезжать, иногда – заражённые, которые не успевали и среагировать на шум мотора моего автомобиля прежде, чем меня уже и след простыл. Ехал я аккуратно, но старался сильно не сбавлять скорость, чтобы ненароком не остановиться, засмотревшись по сторонам. А посмотреть там было на что. Знакомые улицы, исхоженные вдоль и поперёк ещё в детскую и подростковую пору, превратившиеся в нечто зловещее. Зияющие дыры, на месте которых раньше были окна первых этажей в жилых домах. Воз-

можно, работа мародёров, а возможно – следствие других обстоятельств. Там, где люди, столкнувшись с бедой, упорно оставались жить, дыры были либо заколочены, либо завалены чем попало. Огромные витринные окна первых этажей бизнес-центров, новых жилищных комплексов или исторических доходных домов? Ха-ха. Исчезли как класс, уцелев только в тех зданиях, которые были захвачены стихийно возникшими группировками вооружённых и очень опасных людей, вроде тех, что отбили себе Радугу – вот, что случилось с этими огромными витринными окнами.

Когда я проезжал мимо очередного кольца на главной дороге, на глаза мне попался баннер с рекламой, пожалуй, самого известного в городе охранного предприятия – Стар-К. Их реклама была буквально везде, и наш район, из которого, миновав то кольцо, я выехал, не был исключением. Конечно, у них были и конкуренты: мелкие сошки, пытавшиеся занять своё место в тени гиганта и предложить свои частные охранные услуги хоть кому-нибудь жалкими пятнадцатью символами в бегущей строке по местному телеканалу. У мелких сошек тоже были свои названия: такие запоминающиеся наименования как... Ну, надеюсь, в этом месте вы уловили мой сарказм, и мне не нужно и в самом деле перечислять все эти ничего не значащие для рядового горожанина наименования. К чему я это всё? Вспомнил вдруг и подумал: наверное, со временем у всех этих группировок мародёров, захвативших чужую собственность и жирно устро-

ившихся на её территории, тоже появятся свои названия, какие были у частных охранных предприятий, частных военных компаний и всяческих подобных организаций. Города – даже такие загибающиеся, вымирающие и отравленные радиацией города, как наш – будут поделены на сферы влияния между группировками, у каждой из которых будет своя штаб-квартира. Ею, скорее всего, будет первое захваченное ими здание. В честь прежнего названия этого здания они, наверное, и станут себя величать. Как в этой связи назовут себя те отморозки, что сейчас живут в Радуге? Трудно предположить. Одно знаю точно: им придётся очень сильно постараться, чтобы название их вселяло ужас в бандитов по соседству.

Чем дальше к центру, тем более гладко проходило моё путешествие. Как я уже упоминал, наш район – эта задница мира – и сытый центр города, который, продолжая первую метафору, можно назвать желудком, были связаны толстой кишкой автотрассы и улицы вдоль неё, в официальной топонимике именовавшейся «трактом». Похоже, наши отцы-основатели и градостроители и впрямь вдохновлялись строением пищеварительного «тракта», когда набрасывали первые планы города много лет назад. А может, это я – неуч, не знающий исконного значения слова «тракт». Можете поправить меня где-нибудь на полях этого дневника, оставив там какую-нибудь едкую, язвительную заметку с вашими умными уточнениями. А потом вырвать эту страницу, свернуть тру-

бочкой и засунуть в одну из оконечностей вашего «тракта». Что это будет за оконечность, и что это будет за «тракт» – решать вам. Мне без разницы: если вы читаете это, значит, я уже мёртв. А пока жив, я, с вашего позволения, продолжу свою мысль.

В общем, автотрасса была прямой как струна, с редкими заворотами, подъёмами и спусками, встречавшимися на пути. Со стороны пешеходов выход на неё почти на всём протяжении был ограничен: исключение составляли только автобусные остановки и места, где трасса соединялась с мелкими улочками, перекрёстками или кольцами. Словом, ехать по ней было одно удовольствие: мертвецы встречались только на пешеходных дорожках по бокам и не представляли собою препятствий для моей бело-красной ласточки. Из других преград были разве что редкие брошенные тачки, автобусы и маршрутные такси. Салоны брошенного общественного транспорта – а точнее хаос и бардак, оставленный в них – хранили в себе память о первых днях конца света. Где-то – испачканные кровью окна, где-то – сломанные спинки кресел, где-то – выбитые аварийным молотком стёкла. Кое-где – закрытые пассажирские двери и настежь отворённое окно над местом водителя. Такой автобус я встретил всего один. Полагаю, не нужно дополнительно пояснять, что в нём случилось. Оживший мертвец в переполненном салоне, неразбериха, паника, безуспешные попытки расколотить стекло попавшимися под руку предметами, и безрезультатная ма-

терная ругань в сторону водителя, сидящего в своей отгороженной от прочего салона стеклянной рубке с закрытой дверцей. Водителя, который в ужасе вышел в окно рядом со своим креслом и не удосужился перед этим нажать на кнопку, открывающую двери в салоне. В том автобусе до сих пор были заперты мертвецы. Они стояли там, внутри, обречённо смотрели куда-то перед собой и будто бы до сих пор ждали, что двери вот-вот откроются: нужно только чуть-чуть потерпеть, лишний раз не роптать, и самоустранившийся водитель обязательно сжалится над ними, волшебным образом вернётся и нажмёт на ту самую злосчастную кнопку. Все мы, до сих пор верящие в то, что наша цивилизация когда-нибудь оправится от всего окружающего кошмара – все мы немножко эти запертые в тесном автобусе мертвецы.

Я не помню точно, сколько ехал по «тракту», прежде чем свернул с него на улицу, ведущую от него к дому Иры. Возможно, это заняло всего полчаса-час. По моим тогдашним ощущениям прошёл чуть ли не целый день. Говорю «день», а не пользуюсь своим избитым выражением «минула вечность» применительно к большому по ощущениям промежутку времени, поскольку «вечность» – это не про дорогу по той широкой трассе с новёхонькой разметкой и отсутствием необходимости лавировать меж расхаживающих по дороге мертвецов. «Вечность» – это про мой путь от трассы вдоль Ириной улицы, на которой я едва не нашёл свою смерть.

Когда я свернул на неё, исчезли ограждения, отделявшие

пешеходную дорожку от проезжей части. Через пару кварталов на тротуаре снова появились они. Полчища мертвецов, покалеченных войной первых трёх недель. Изуродованные, искусанные, некоторые – испещрённые многочисленными отверстиями от пуль, кое-кто – с оторванными конечностями, а подчас – и вовсе с отсутствующей нижней частью тела. Последние передвигались на одних руках и ползли ко мне, пытаясь не отставать от своих чуть более полноценных собратьев. Женщины, мужчины, подростки старики. Дети. Дети! Имя им было – легион. Чем дальше по улице, тем плотнее становилось кольцо этих несчастных, изувеченных полулюдей, медленно, медленно, медленно надвигавшихся на меня. Они не были похожи на наших мертвецов – тех, которых я видел у себя, на окраине. Те в большинстве своём были шустрыми, проворными и, если сравнивать их с кем-то из хищников, то зомби городского отшиба напоминали собой скорее волков или как минимум медведей. Эти же новые хозяева центра вообще не напоминали собою никаких хищников. Станным образом они больше, чем те, наши зомби, походили людей, а именно – на полуслепых и хромых бродяг, наугад, еле-еле передвигающихся по историческим переулкам и бульварам и будто бы умоляющих каждого встречного здорового человека дать им немного мелочи, стакан воды или что-нибудь съедобное. Они шли, шли и шли, пока, наконец, не оказывались в полушаге от своей жертвы. Затем они совершали рывок в её сторону – такой, что казалось, будто

все силы свои они вложили в этот рывок; будто ради него только они всегда жили: с самого того момента, как появились на свет; будто весь их земной путь в людском обличии, мучительная смерть и долгие, томные, полные инфернальных страданий мытарства после неё – всё было ради этого момента. Ради того, чтобы дотянуться до вкусной, сытной, мягкой плоти вчерашнего школьника с неказистым пушком на подбородке – столь же неказистым и неуместным, как и он сам, сидящий на месте водителя в этом запечатанном наглухо легковом автомобиле. И вот – рывок! И стекло останавливает обезображенное лицо с теперь уже вполне хищным оскалом. Мертвец бьётся об него, и голова его чуть отскакивает назад, как спущенный кожаный мяч. Я в очередной раз вздрагиваю от неожиданности и от того, что нервы мои натянуты до предела. В какой-то момент бьющиеся о дверные стёкла головы перестают ужасать меня и заставляют рефлекторно бросать руль и начинать группироваться в нелепейшее подобие оборонительной стойки. Ужасает меня теперь одна только мысль. Резкая, острая, словно бритва, страшная и совершенно чёткая мысль о том, что путь назад окончательно отрезан.

Следом за ней, словно вишенка на торте, приходит осознание того, что и дорогу вперёд мне почти заслонили мертвецы. Я кручу руль, жму на газ и стараюсь, чтобы машина сохраняла баланс на хрустящих под колёсами трупах, не перевернулась на бок или не забуксовала, застряв в меси-

ве из чьей-нибудь раздавленной грудной клетки или смятой брюшной полости. Фрагментарно выхватив сквозь сгущающуюся толпу кусочки тысячекчастного пазла панорамы местности, я узнаю знакомые места. Дом Иры где-то там, всего через одну-две автобусные остановки отсюда! Прорваться через эти мычащие и хрипящие дебри ещё на километр-полтора, и я у цели, и никакой парамотор мне будет не нужен! Я чуть сильнее давлю на газ, автомобиль подскакивает всё чаще и интенсивнее. Внутри салона я чувствую себя гороховым зерном внутри маракаса, которое выращивали и сушили не для того, чтобы есть, но для того, чтобы я бился о его внутренние стенки, пока латиноамериканскому музыканту рвёт крышу в творческом экстазе. Вот бы мне, как в той песне, отбиться в пулю, потом – в гирю, а после – пробить эту треклятую ни живую, ни мёртвую стену, отделяющую меня от моей цели! Но я всё бьюсь и бьюсь то теменем о крышу, то лбом о лобовое стекло, то плечом о дверь, пока, наконец, окончательно не теряю контроль над автомобилем. Он останавливается. Только секунда понадобилась мне, чтобы прийти в себя, снова взяться за руль и поставить ноги на педали. Но этой секунды промедления, этой маленькой остановки на горе тел внизу оказывается достаточно, чтобы уже в следующее мгновение всё было кончено.

– Нет, нет, нет... – бестолково бормочу я под нос, понимая, что тачка застряла, и больше никуда не поедет, если только кто-нибудь из гнилостных джентельменов снаружи не

сподобится опереться телом на багажник и чуток меня подтолкнуть.

Я вдавливаю педаль в самый пол – безрезультатно. Повторяю попытку снова, и снова, и снова, и вперёд, и назад – тот же итог. Проходит несколько долгих минут. Я всё ещё сижу в водительском кресле, отсутствующим взглядом смотря на всех тех, кто собрался по ту сторону моего бело-красного железного гроба, и пока отказываюсь верить в то, что жить мне осталось меньше получаса. Умом я уже это осознаю, но часть меня всё ещё ведёт внутренний торг, пытаюсь убедить этот самый ум, что, может быть, не всё ещё кончено. Как будто от результата этого торга и впрямь что-то зависит. «За полчаса они точно разобьют стёкла и залезут внутрь», – холодно замечает ум на дрожащие мольбы той другой части сознания, которая никогда ни о чём не думает, не анализирует и не прогнозирует – она всегда просто хочет. Хочет жить – и больше ничего.

Идея о том, чтобы поджечь себя при помощи бензина из парамотора и унести с собой как можно больше тварей вокруг на благо всем следующим путникам соперничает с идеей выйти через люк на крышу и умереть, размахивая по сторонам своим молотком, а также с идеей остаться внутри и тупо ждать неизбежного. Быть разрываемым на части и одновременно съедаемым заживо, наверное, больно. От этой новой мысли по телу молнией проносится дрожь. В конце концов, все мысли затухают. Я даже не прокручиваю в голове

яркие моменты жизни, как это бывает в фильмах. Я просто повторяю про себя одно и то же: «Нет. Нет. Ну нет... Ну как так, ну нет... Ну зачем... Почему? Ну, пожалуйста, нет!»

Так проходит ещё несколько минут, и только потом наступает полная, сосущая, чёрная тишина внутри. Только рычание мертвецов снаружи и то ли кажущийся, то ли вполне себе реальный звук трескающегося стекла.

На последней заполненной на момент тридцать шестого дня странице своего дневника я попросил того, кто его найдёт, продолжить мои записи и написать здесь свою историю. А после – сохранить всё это рукописное чтиво для того, чтобы благодаря ему, много-много после, люди знали, что даже такие убогие, бестолковые, трусливые и ни на что не годные слабаки как я держались до конца и не опускали руки. И, конечно, я просил позаботиться о том, чтобы история продолжателя моих записей была интересной. И уж само собой я был бы не против того, чтобы новый владелец моего дневника, найдя его рядом с моим тухнущим трупом, исхитрился бы, поднапряг воображение и срежессировал бы на его страницах мой печальный конец, написав здесь своё предположение о том, как этот тухнущий труп, всюду таскавший с собою дневник, нашёл свою погибель. Хорошо бы только история вышла мотивирующая и бойкая: как я сгинул, до последней секунды стремясь к своей цели. Было бы забавно, если б он сделал это и так и не написал бы здесь ничего о себе, и получилось бы так, словно я рассказал о своей кончине

с того света. С того света, х-ха... Все мы уже давно на том – том, том, том самом «Том» – свете.

К писку в ушах я уже привык. Я судорожно глотал спёртый, дурно пахнущий воздух вокруг себя, и от этого голова моя кружилась, и слышал я теперь только тот самый звук, сопровождающий ночную профилактику на телевидении. Всё, что творилось снаружи, теперь стало белым шумом. Мне вдруг показалось, что я готов, и тогда, словно бы в ответ на моё смиренное принятие своей судьбы писк в ушах стал пульсирующим, прерывистым и превратился во что-то вроде азбуки Морзе. «Та-та та-а-а та-та та-та; Та-та та-а-а та-та та-та», – и так по кругу, и так – раз за разом, словно мелодия на заевшей пластинке. Моё сердце билось в едином ритме, и писк в ушах теперь не должен был изменить своего облика до того самого момента, как меня начнут жрать. А вот воображение напоследок проделывало с этим писком чудные штуки: то представляло его сознанию морзянкой, то облекало его в форму завывания стационарных сирен, то в ритмичные сигналы автомобилей, стоящих в пробке, то в заунывный, нудный и надоедливый писк сигнализации – из тех, что орёт у кого-то ночью под окном, и которая всё никак не заткнётся. Видимо, сознанию образ сигнализации очень понравился, и оно остановилось на нём, слыша теперь в этом писке только его и ничто иное. «Та-та та-а-а та-та та-та; Та-та та-а-а та-та та-та». Я постепенно терял рассудок. А рассудок словно бы перед тем, как потеряться, завещал ушам пе-

рестать воспринимать весь этот белый шум на фоне, в реальности представлявший собою вой мертвецов. И его не стало. И салон наполнился светом. В преддверии необратимо надвигающейся истерики я решил, что ловлю последний предсмертный приход от вещества, которое организм вырабатывает перед мучительной кончиной для того, чтобы хозяин его меньше страдал и отвлёкся от мыслей о брэнной плоти на наблюдение ярких красок и фракталов. Цвета и впрямь стали ярче. Света – больше. И мне в самом деле кажется, что тогда я был в секунде от того, чтобы сойти с ума и залиться истерическим, ничего не значащим смехом, который стал бы моим последним приступом бесконтрольной и буйствующей эйфории. Если бы за эту «секунду до» искрой в моём мозгу не мелькнула бы мысль: «О, ушли», – я бы так и не понял, что произошло, и так и остался бы хохотать тем своим предсмертным гомерическим хохотом в душном салоне машины.

«О, ушли».

Достаточно было просто отвлечься от фееричного съезда с катушек и посмотреть по сторонам, чтобы понять, о чём было это простейшее, не в полной мере на первых порах осознанное наблюдение. Кто ушёл? Да вот, они. Те искалеченные полулюди, избивавшие твою машину своими тщедушными, истерзанными, держащимися на одних сухожилиях руками. Они ушли! Машина по-прежнему стояла на костях их собратьев, в ушах всё ещё завывала эта сигнализация, но они, готовившиеся вот-вот полакомиться тобой, ушли! Ку-

да? Самое время привстать в кресле, выглянуть в окно и выяснить это.

Увидел я лишь толпу, медленно отходящую от моей тачки, словно бы влекомую чем-то более интересным: какой-то более лакомой добычей. Что это было, я не видел, но вскоре понял. До меня дошло, что сигнализация не только была метафорой, описывающей пульсирующий свист в моих ушах, но и буквальным звуком противоугонной системы, звучащим где-то чуть поодаль – как раз там, куда ломились теперь зомби, минуту назад стремившиеся добраться до меня. Как это произошло? Неужто вмешательство всевышнего?

– Эй!

Или, может, спасительная случайность? Кто-то из мертвяков случайно задел припаркованную у обочины тачку, и та...

– Эй! Живой там?

Я был очень глубоко в своих мыслях и ещё не до конца отошёл от шока, поэтому не сразу услышал голос, едва доносившийся через запечатанные окна тачки и зовущий меня откуда-то сверху. Стало быть, и впрямь всевышний. Ну, если и не «все-вышний», то по крайней мере кто-то, кто физически находится значительно выше меня.

Самым безопасным было открыть люк на крыше и аккуратно высунуться оттуда, стараясь повторно не привлечь внимание голодных мертвецов. Я долго всматривался в окна ближайших многоэтажек, пока на седьмом этаже одной из них не заметил человека, высунувшегося со своего балкона

почти по пояс. Рядом с ним, чуть позади, стоял ещё кто-то. Сам голос был мужской. Тот, кто стоял позади его хозяина, был похож на женщину.

– Живой? – повторил свой вопрос мужчина на балконе, когда мы увидели друг друга.

Я кивнул.

– Давай быстрее, ныряй в подъезд. Седьмой этаж, тридцать шестая квартира.

Я осмотрелся. Заражённые были заняты изучением тачки с завывающей сигналкой. Путь до подъезда был открыт. Но к уже занятым мертвякам шли на подмогу мертвяки, ранее стоявшие чуть дальше по улице: с той стороны, в которую лежал мой путь. Сейчас или никогда. Торопясь и суетясь, я высунулся из люка, подтянулся и выбрался на крышу. Через дверь выходить было небезопасно: любой труп под колёсами мог быть всё ещё жив... ну, жив в другом понимании этого слова: не совсем человеческом. Надеюсь, вы меня поняли. Словом, любая тварь под тачкой могла исхитриться, уличить момент и укусить меня за лодыжку, едва я ступлю своей ногой на тело её соседа. Оказавшись на крыше, я стал думать, как спуститься вниз, не наступая на зомби. Потом бросил размышлять – опасное это всё-таки дело, когда каждая секунда на счету – и прыгнул вперёд, надеясь, что допрыгну до чистого асфальта. Так и случилось. Ноги заболели, волной по голени пробежала неприятная боль. Чуть прихрамывая, я добрался до двери подъезда, открыл её и вошёл внутрь.

Дальше – лестничные пролёты, один за другим, и в конце концов я оказался на седьмом этаже, у двери тридцать шестой квартиры. Она была открыта.

– Заходи давай, – сказал мужчина у порога. Я сделал, как он сказал.

Прошло некоторое время, прежде чем мне удалось отдышаться и как следует прийти в себя. До тех пор я не мог адекватно общаться с этими людьми, спасшими мне жизнь. Несколько минут назад я едва не помешался на почве близости неминуемой чудовищной смерти, и вот я здесь, на кухне типовой квартирки в панельном доме, пью чай и пытаюсь сообразить, что ответить этим людям на простейший вопрос «Как тебя зовут?» Руки мои ходили ходуном, а челюсть сжалась как тиски, и я не мог вымолвить ни слова.

Когда я оклемался, мы, наконец, познакомились. Их звали Сергей и Кристина. Им было по тридцать лет, они жили в этой съёмной квартире и уже очень давно за неё не платили. Связь с арендодателем была потеряна в первые же дни, и скорее всего ему эта квартира уже была не нужна. Мёртвым вообще мало что нужно от жизни.

Снаружи стояла тачка Сергея. При помощи неё он меня и спас, дав возможность выбраться из уже захлопнувшегося капкана. Я был безмерно благодарен ему – им обоим – за своё спасение, но не мог должным образом выразить свою благодарность словами, потому что не мог сказать вообще ничего связного. Когда они спросили меня, как я угодил в

этот самый капкан, откуда пришёл, и что меня сюда привело, я отвечал очень сбивчиво.

– К девушке еду. Она тут, а я – там. Жил. Шёл по улице. Лёха. С ним тачку нашли. Доехали до бора, где спорткомплекс. Там – дети. Взяли мотор. Для полётов. Потом поехал сюда, – так, наверное, звучал мой рассказ: рвано, бессвязно и пространно.

Но, несмотря на всю свою убогость, Сергея с Кристиной моя история заинтересовала. Точнее – её часть.

– Погоди, а что за спорткомплекс? Что за дети там? – спросил Сергей.

И я ему рассказал. Снова – так, как смог. Они с Кристиной переглянулись и стали обсуждать что-то, что для меня звучало как-то приглушённо: так, словно я находился под водой и подслушивал их разговор, который они ведут где-то на поверхности. Я не мог ни на чём сконцентрироваться. Сознание плыло, всё вокруг размывалось до абстрактных световых пятен. Я вдруг почувствовал, что не могу оставаться тут, на кухне, и пить этот чай. Меня тошнит. Я встал и, к удивлению моих спасителей, бросился искать туалет наугад, потому что спросить, где он, я не мог: если бы открыл рот, то из него точно бы вырвалось всё содержимое желудка. Туалет я нашёл, и как только оказался перед унитазом, то... Впрочем, не буду в красках излагать здесь подробности очищения моего организма.

Когда я вернулся, Сергей спросил, в порядке ли я. Я ска-

зал, что мне нехорошо, и что я устал. Он понимающе кивнул и задал следующий вопрос:

– Слушай, а не было там, в бору, в спорткомплексе, Юли такой? Девять лет ей, маленькая такая ростиком, волосы тёмные? Не видал?

– Не знаю, – ответил я.

– Может, она там ещё? – спрашивала Кристина Сергея, – Надя же, как за ней поехала, пропала. Может, не добралась? А Юлька там так и осталась. Хорошо хоть, если живая.

– Может и так. Хорошо если так! Так та-ак... И чего делаем теперь?

– Не знаю. Поедем?

– Опасно.

– Ясное дело. Но, с другой стороны, племяшку вытащим хоть.

– Это да.

Пока они говорили, к горлу подкатила вторая волна. Я снова сорвался и побежал по уже знакомому маршруту, обниматься с фаянсовым другом.

В конце концов, Кристина с Сергеем приняли решение ехать. Куда и зачем – я поначалу отказывался понимать и внимательно слушать, хотя Сергей старательно пытался мне всё рассказать. В конце концов, он понял, что связь с внешним миром у меня нарушена, и что втолковывать мне что-то сейчас про их родственные связи с некой Юлей, которая ходила на секцию в спорткомплекс на отшибе, потому что эта

секция была только там, и бла-бла-бла, и ещё тысяча уточняющих подробностей – что вываливать всё это на меня сейчас бесполезно. Он посмотрел на меня, помолчал и попытался дать мне только нужную информацию, и то – в сжатом виде.

– Значит, смотри: мы сейчас поедem. Ты можешь здесь остаться. Ключи я тебе дам запасные. Нам нужна будет твоя машина: моей будем отвлекать упырей. Она на ходу?

– На ходу.

– Ключи с собой?

– Там остались. Там ещё мотор. Мне надо мотор забрать! – вспомнил я.

– Хорошо, спустимся вместе и заберёшь свой мотор.

– Он большой. Поможете дотащить?

– До подъезда только, и быстро. На всё про всё у нас пара минут будет.

– Я там ещё в трупам забуксовал, – снова вспомнил я, – Надо будет тачку толкнуть перед тем, как ехать.

– Хм... Придётся попросить тебя толкнуть значит. Толкнёшь?

– Да.

– Ну всё, давай пока, приходи в себя. Через час выдвигаемся.

– Понял.

Что-то случилось со мной после того, как я тогда оказался на волосок от гибели. Я стал каким-то... более без-

различным что ли. Уже тогда, когда мы встретились с теми людьми, я перестал бояться выйти наружу и предстать перед лицом мира, полного орд оживших трупов. Я перестал соперничать тому, кто начинал писать эти записи, перестал чувствовать себя с ним одним целым. Казалось бы, неплохое качество для выживания в этом аду – не бояться смерти, вернее даже не думать о ней. Но вместе с приобретением этого качества во мне что-то умерло. Какая-то крупница человечности, что ли. Что-то, что делало меня собой, и что-то, что напоминало мне о прежней жизни: до того, как люди перестали умирать.

Леонид Николаевич поднялся на крышу, и я не успел дописать, чем закончился для меня тридцать шестой день. Я отложил дневник и встретил его. Он был один.

– Ф-фух, воняет там, в подъезде, конечно... Ну? Чего показать-то хотел? – спросил он.

– А где все?

– Дома, спят ещё. Давай, доставай там радио своё или с чем ты тут возишься.

– Ну хорошо.

Я включил приёмник и дал ему послушать сообщение диджея на Фаренгейте, повторявшееся по кругу. Он слушал с интересом, который тщательно стремился скрыть. До конца он и вовсе не дотерпел – сказал:

– Ну всё, ладно, вырубай, – и отвернулся, чтобы подойти к краю крыши и в тысячный раз посмотреть вниз, на мерт-

вещей, толпящихся там.

Я молчал. Почему-то мне казалось, что сейчас очень важно, чтобы он первым заговорил.

– И какой план у тебя? – разродился он в итоге, повернувшись ко мне и пристально посмотрев прямо в глаза.

– Нужно найти машину. Я могу один это сделать, чтобы всем сразу не рисковать и не подставляться. Подгоню к подъезду, погрузимся и аккуратно поедем в сторону моста. А там уже по плану этого мужика с радио.

– Да ты ведь сам рассказывал, как буквально в них посреди дороги застрял. Их же там тьма! Как ты проехать-то предлагаешь?

– А это давайте посмотрим сейчас и вместе решим. С крыши округа как на ладони, можно примерно прикинуть, на какие улицы сворачивать, чтобы их там было по минимуму. Только дело ведь не в этом, Леонид Николаевич. Это не самое сложное. Самое сложное – вас убедить уже хоть что-то делать. Без вас ни Ира, ни жена ваша, ясное дело, никуда не поедут, и поэтому слово ваше очень много значит. Вам решать, останутся ли они здесь, ждать, пока закончится вода и пища, или пойдут куда-то, всем рискнув, и, может быть, найдут там что-то получше, чем то, что у нас здесь есть. А есть у нас город, в котором мёртвые сбиваются в орды, и скоро от них совсем будет не спрятаться и не скрыться. Есть у нас станция, которая сейчас, как мы с вами разговариваем, килограммы всякой дряни выбрасыва-

ет в воздух, а ветром всё это несёт сюда. И есть квартира с бетонными стенами, которая через пару месяцев превратится в один большой холодильник. Была б моя воля – меня бы уже давно здесь не было. Только я без Иры никуда. А без вас – она никуда.

– Ох, как выдал... Репетировал, поди?

– Ещё как репетировал, – спокойно ответил я.

Леонид Николаевич долго смотрел на меня, словно бы думая, что сказать. Поначалу лицо его имело такой вид, словно он собирался по пунктам объяснить мне, почему я неправ. Потом – такой, словно он сейчас набросится на меня, схватит за грудки, оттащит к краю крыши и в ярости скинет вниз. Наконец, он снова переменялся в лице, но теперь стал каким-то до крайности жалким и несчастным.

– Боюсь я, Костя, – сказал он, отвернувшись, – Знаю, что так лучше будет. А поделать ничего не могу. Это ж как в лес к волкам выйти. Дом бросить. Ими вон всеми рискнуть. Я ж ради этого всего жил. Дом-то – чёрт с ним. А если этих двоих не уберегу? Здесь-то хоть сидят пока – и хорошо. А там?

– Там – всё, может быть, будет хорошо. Здесь – точно ничего не будет хорошо. А про волков и лес вы и сами знаете поговорку.

– Ладно, я подумаю. Уговорил.

К вечеру Леонид Николаевич окончательно со всем согласился, и мы все вместе твёрдо решили ехать за город, что-

бы пересечься на дороге с большой группой из Фаренгейта. Такая уж ли это большая группа, и так ли с ними спокойно и безопасно мы, может, никогда и не узнаем, не выбравшись даже из нашего кишачевого полчищами мертвецов квартала. Завтра мы с Иринным отцом отправимся искать машину. Возможно, уже на этом этапе всё наше предприятие рассыплется, и мы погибнем там, снаружи, так никакую машину и не найдя. Кто знает, чем всё закончится? Одно только могу сказать наверняка: я уже давно не боюсь худшего исхода.

Сейчас без десяти восемь. Я снова на крыше: поднялся, чтобы послушать ещё одно восьмичасовое включение Фаренгейта. Вдруг скажут что-то новое.

...

«И снова добрый вечер. И снова надеюсь, что для вас он – добрый. В наше время добрый вечер – это вечер, который наступил, и до которого мы сумели дожить. Так что если вы слушаете меня сейчас, знайте: вы – счастливчик. Не только потому, что слушаете лучшее радио на свете. Лучшее из оставшихся. Радио Фаренгейт, сто четыре и три ФМ, Южная сорок девять, корпус А. Ещё сутки нас можно будет найти по этому адресу и отправиться вместе с нами туда, где уж точно безопаснее, чем здесь.

Найти нас, как это сделали наши сегодняшние гости. Ну что, девица-красавица, скажешь что-нибудь в микрофон? – А он работает?

– Ещё как.

– По-настоящему?

– Да, как на настоящем радио. Была когда-нибудь на радио?

– Нет.

– А теперь ты не просто на радио, а, может быть, на последнем радио на земле, представляешь? Ну что, как тебя зовут?

– Юля.

– Сколько лет тебе, Юля?

– Девять.

– Замечательно. Скажи, ты сама нас нашла или эти двое тебе помогли?

– Помогли.

– Какие молодцы. Не возражаешь, если мы и им дадим поговорить в микрофон?

– Нет.

– Вот и славно. Итак, наши, возможно, последние гости на старом месте, прибыли в нашу скромную обитель буквально сегодня вечером, и зовут их...

– Кристина.

– Сергей.

– Очень приятно. Ну рассказывайте: как нас нашли?

– Да радио в тачке включили просто, смеха ради. Покрутили-покрутили, слышим – голос. Ваш. Вот и поехали, куда вы сказали.

– Когда это было?

– Буквально сегодня.

– А где вы были до этого?

– В Северном.

– Где ещё бассейн недавно построили?

– Да, да.

– Спорткомплекс?

– Ага.

– Ну, нам-то вы эту историю уже рассказывали. Теперь – буквально пару слов для наших слушателей. Что там, в Северном?

– Да мы там не изначально были как бы... Мы вообще дома сидели. Как все, наверное. Выживали худо-бедно. Когда всё обрубил, туговато стало, но ничего. Жили на Второго сентября. И уехали оттуда тоже второго – ирония судьбы. Сумбурно вышло всё. Сидим утром, никого не трогаем, и слышим – под окнами тачка надрывается. И эти полоумные оживились тоже: рычат-мычат там чего-то. Выглянули, а там видно, что кто-то через них поехал и встрял: тачку ему облепили конкретно. Я сигналку на своей машине включил, чтоб отвлечь этих всех. В первые дни уже так делал: часто кто-то шёл-шёл, да попадал – приходилось переманивать, чтоб человек как-то мимо прошмыгнул. Иногда получалось. Иногда – прям на глазах задирали. Жуть в общем. Ну и этот тип, который застрял там – он вылез, всё нормально с ним было, до подъезда добежал. Заполоси-

ный такой был: видно, что вообще не отображает, что вокруг происходит. Мы его спрашиваем, кто, откуда, а он – бу-бу-бу, бормочет под нос что-то. Ну и про Северный как-то вскользь сказал. А у нас там... Кристина, расскажешь?

– Юль, погуляешь?

– Ладно.

– Юля – сестры моей дочка. Она за ней поехала в какой-то из первых дней – в какой уж точно не помню. Когда по телику ещё чушь несли, но всем уже всё понятно было. Последний раз звонила, говорила, что в пробке встала. Потом – тишина. У Юли – тоже тишина. Ну мы и решили, что... Похоронили Надю в общем... Надя – это так сестрёнку зв... звали... Серёж, давай ты дальше.

– Да-да. Ну и этот, которого мы сигналкой-то спасли, говорит, мол, в Северном – детвора да пара местных, кто их не бросил. Мы и прикинули, что племяшка Кристинкина там может быть. Поболтали-порешали – и, думаем, поедем, не бросать же малую. Этот, который как с небес свалился, тачку нам свою дал... Хотя она не его, наверное, была. Не суть, в общем. Короче, чуть погода вышли, я сигналку снова включил, чтоб эти полоумные заняты были. Потом – по-быстрому машину вытолкали... А она ещё по брюхо в трупах завязла... Капец в общем. Этому пацану, который на тачке-то приехал, ещё кучу хлама какого-то надо было вытащить. Он рюкзак себе взял и сумку из багажника, а я какую-то ерундовину его из салона вытаскивал: на дет-

ское кресло с вентилятором похожа была. Тащил-тащил, потом вижу – со дворов соседних на сигналку новые полумные прут. А тут – мы копошимся. Они на нас глядят, и сигналка их уже не привлекает. В общем, что в салоне было – так там и осталось. Я говорю, всё, пацан, давай, щас уже нас порешат. Он орёт: мотор-мотор! Я – в машину и по газам. Так с его мотором и уехали. Чё у него там за мотор был, я так и не посмотрел: не до этого было. Но нужен ему был видать: он за тачкой ещё бежал как бестолковый какое-то время, я уж думал – сожрут бедолагу. Но вроде опомнился, назад потом ломанулся, к подье...»

...

Голос сначала стал чуть слышным, а через секунду совсем пропал. Я покрутил ручку громкости, нажал «вкл» и «выкл» несколько раз, вытащил батарейки и попробовал переставить их местами – всё впустую. Радио замолчало навсегда.

Запись 11

Девятое сентября. Сорок третий день с начала вымирания.

Вчера мы решили, что нет смысла отправляться на поиски машины на рассвете. Гораздо важнее как следует выспаться, прежде чем уходить в, быть может, последний путь. Инициатором того, чтобы поспать подольше, был Леонид Николаевич. Я был не против. Сам я чудесно выспал-

ся и по обыкновению проснулся свежим уже к половине седьмого. Планировал сделать это раньше – не получилось. Придётся поднажать сейчас за следующие пару часов написать про пару последних дней моего затянувшегося путешествия: как я долгое время собирался сделать финальный рывок к дому Иры, что помешало мне сделать это сразу, и как я умудрился сделать это без парамотора, который вместе с собой увезли Кристина с Сергеем, разрушив все мои планы. Хочется успеть рассказать обо всём этом сейчас, поэтому надо торопиться и стараться не отвлекаться на посторонние размышления и спонтанное философствование. Кто знает, вернусь ли я к этим записям вечером.

День 37

Утром этого дня я нашёл себя в гостинной чужой квартиры. Всё здесь было незнакомо, чуждо и оттого неприятно, но во всяком случае тут я находился в безопасности. Сергей и Кристина спасли меня от подкравшейся вплотную гибели, отдали своё жильё в моё полное распоряжение и умотали туда, откуда я только что приехал быстрее, чем мы успели толком познакомиться. Вдобавок ко всему, они забрали мою тачку вместе с парамотором и львиной долей всего, что я взял с собой в дорогу, и тем самым подложили мне большую свинью. Я был страшно зол на них первое время, но позже, как следует всё взвесив, осознал, что добра они мне сделали несоизмеримо больше всего того вреда, который они нанес-

ли совершенно непредумышленно. В любом случае, вопрос о том, таить или не таить на них обиду за крушение моих планов, был вопросом другого порядка. Такого рода вопросом я мог задаваться раньше, всерьёз думая, что размышления на эту тему хоть сколько-нибудь мне помогут. Теперь же, на тридцать седьмой день после всемирной катастрофы, разрушившей старый порядок вещей, я, наконец, научился не обращать внимание на чепуху, не имеющую ровно никакого отношения к ответу на вопрос о том, что делать дальше.

А дальше мне нужно было каким-то образом преодолеть оставшиеся полтора с лишним километра до Ириного дома, имея на руках то, что есть. А было у меня немного: мой рюкзак, в котором осталась бутылка воды, дневник и несколько сменных вещей, и сумка с инструментами для сборки и разборки парамотора, которая без самого мотора была попросту бесполезна. Стоит ли говорить, что, собрав вокруг себя весь этот скарб и тщательно его проинспектировав, я долго и рьяно ругался, на чём свет стоит проклиная все превратности судьбы? Вчера, вдоволь настрадавшись и насokraшавшись по поводу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, я решил оставить все размышления до утра, а утром, со свежей головой, избавившись от парализующих мысли последствий предсмертного психического сдвига, как следует продумать свой дальнейший путь.

И вот, утро тридцать седьмого дня наступило. Голова раскалывалась: должно быть, повысилось давление после то-

го, как вчера меня несколько раз хорошенько вывернуло наизнанку. Первым делом нужно было найти здесь аптечку и таблетку от головы. После того, как поиски увенчались успехом, я продолжил исследовать своё временное пристанище. Убранство квартиры было небогатым: Кристина с Сергеем, по всей видимости, исповедовали утилитарный минимализм, парадоксальным образом подходя к этому до крайности максималистично. Ни в кухне, ни в гостиной, служившей также спальней, не было ничего лишнего. Здесь же, в гостиной, у них было оборудовано два рабочих места, на которых стояли компьютеры с широченными мониторами и со множеством других принадлежностей, вроде графических планшетов, профессиональных камер и чёрт знает чего ещё. Поэтому, как выглядит жилище человека, можно сказать буквально всё о нём и о его образе жизни. Мысленно записав Кристину и Сергея в представителей так называемого креативного класса и уже начав представлять себе всю их биографию, я оборвал себя, сказав, что не об этом я сейчас должен думать. Нужно найти здесь хоть что-то, что поможет миновать ту мёртвую милю, что отделяет меня от моей цели, и придумать способ преодолеть эту самую милю. Всё остальное – пустое и от лукавого.

Ничего лучше кухонных ножей и швабры, к которой можно было бы их приделать, соорудив копьё, я так и не нашёл. Опять надуть полотенца, чтобы набрасывать их на головы мертвецов, лишая их сигналов от основных органов чувств?

Гениальное решение, учитывая количество заражённых вокруг. Ещё более гениальным было бы связать все полотенца с простынями и пододеяльниками, сделать гигантский канат и бросить его на крышу соседнего дома, ловко накинув противоположный конец на телевизионную антенну, точно ковбой лассо на рог строптивного бычары. Словом, ситуация казалась безнадежной, и в голову мне не приходило ничего, кроме откровенной фантазмагии, неприменимой к реальности. После добрых двух часов тщетных попыток расшевелить застывшие извилины и придумать хоть что-нибудь, я оставил все эти бесплодные размышления и решил выйти на крышу дома, чтобы там ещё раз всплакнуть и погоревать об утраченной возможности вспорхнуть с этой самой крыши на парашуте, точно птица, и в считанные минуты оказаться в квартире у Иры.

Я поднялся на девятый этаж. Люк, который вёл на крышу, был открыт. Я вскарабкался по лесенке и осторожно высунулся наружу. Вся крыша была уставлена бесчисленными ведрами, тазами и прочими контейнерами, при помощи которых жильцы, судя по всему, собирали дождевую воду. Обойдя их и натянутые то тут то там тенты для тех же целей, я оказался у самого края и посмотрел вниз. Ноги непроизвольно подкосились, а дыхание перехватило так, словно я только что встал разгорячённой спиной под ледяной душой. И с такой боязнью высоты я планировал пролететь над городом на высоте птичьего полёта? Может, и хорошо, что план мой

не задался.

Внизу дом, на котором я стоял, окружали полчища неповоротливых, израненных мёртвых. Среди них совершенно точно были те, что окружили меня вчера и готовились выковырять из застрявшего автомобиля, как последний огурец из банки с разносолами в финале шумного застолья. Сигнализация, которой Сергей спас меня, а после расчистил себе путь к моей тачке, привлекла ещё и новых мертвяков со всей округи. Словом, теперь выйти из подъезда этого дома было бы чистым самоубийством. Возле соседнего дома, дальше по улице, картина была получше: всё та же гниющая, окровавленная толпа, но чуть более разреженная. Мне представлялось, что при желании мимо всех этих разбредшихся и слоняющихся туда-сюда вдоль дороги мертвяков можно было проскочить. Нужно всего-то магическим образом перемахнуть на крышу того дома, спуститься вниз, а потом достаточно будет двигаться очень быстро и проворно, и никого из них не подпускать к себе слишком близко. Но, разумеется, я всего лишь выдавал желаемое за действительное в отсутствие других вариантов. И даже этот единственный вариант с вероятностью успеха один к ста казался мне чем-то перспективным в ситуации полнейшей безысходности.

В квартиру я спустился подавленным. Я чувствовал себя так, будто для того, чтобы добраться до Иры, мне нужно выполнить некую мыслительную операцию, которая мне не по силам. Как представить четырёхмерный объект или развя-

зять причинно-следственную петлю временного парадокса. Когда напряжение моё достигло крайней точки, я решил – к чёрту всё! Не получается – значит, не получается. Значит, время ещё не пришло. А коли так, то займусь пока тем, что мне по силам – там, глядишь, и идеи какие-нибудь в голову взбредут.

Для начала, чтобы хоть немного разрядиться и избавиться от клокочущего чувства раздражения от всего и вся, я решил снять свой доспех, который надел ещё у себя дома, собираясь в дорогу четыре дня назад. Куски ткани, скотчем примотанные к частям тела – всё долой! Пусть кожа подышит, а тело почувствует свободу. Дальше я оценил запасы воды в квартире Сергея и Кристины и решил, что даже если сейчас как следует ополоснусь, смыв с себя недельный пот и грязь, то всё равно не умру от жажды ещё долгое-долгое время. Вода была холодной, подогреть её можно было разве что на костре, а разводить его было долго и муторно. Поэтому я решил, что небольшой сеанс закаливания мне не повредит. Когда я был чист и одет отчасти в свою, а отчасти в позаимствованную из хозяйского гардероба одежду, я какое-то время просто сидел в кресле в гостиной и ловил момент, чувствуя себя живее всех живых. Затем я принялся делать копьё – знакомую мне конструкцию ещё со времён Радуги и наших славных деньков в её стенах. Копья зарекомендовали себя хорошо тогда, во время той вылазки, так почему бы и сейчас не смастерить одно, если подручные материалы позволяют? Да,

всех мертвяков в округе нанизать на него не получится: стодитя оно разве что для разового спасения жизни, от одной атаки одного заражённого. Но хоть что-то.

К полудню копьё было готово. Готовы были и несколько экспериментальных дубин из ножек стола и стульев. Но ни идей о том, как они помогут мне, ни новых мыслей по поводу того, как миновать эти треклятые оставшиеся полтора километра по-прежнему не было. Я решил вновь подняться на крышу, чтобы взглянуть на обстановку внизу ещё раз. Подспудно я, разумеется, лелеял надежду на то, что с момента моего последнего выхода наверх произошли все семь чудес света, и мёртвая толпа на каком-нибудь участке под домом схлынула, освободив для меня хотя бы ничтожное окно возможностей. И так же подспудно понимал, что всё это – чушь собачья. Что толпа никуда не схлынет сама по себе, и что она в общей своей массе всё ещё там, и покуда это так, из этого дома мне не выйти. Но даже если так, что теперь делать-то? Разве, перестав уповать на чудо, я приближу себя хоть на йоту к конечной цели, учитывая всю безнадёжность моего текущего положения? Нет, не приближу. Потому – стоит выйти и посмотреть ещё раз.

На крыше я увидел всё те же тазики и вёдра, расставленные один к одному, чтобы ни одна капля с неба не пропала даром. Но помимо тазиков, помимо всего, что ещё сегодня утром составляло унылый пейзаж крыши заурядной панельной многоэтажки, я увидел человека. Настоящего, живого

человека, который и вёл себя как настоящий живой человек: ходил туда-сюда, смотрел в бинокль и что-то записывал в свою маленькую записную книжку. Мертвец совершенно точно не вёл бы себя так осознанно. Потому у меня не было и малейших опасений, когда я окликнул его. Раньше мне было трудно начать разговор с незнакомцем. Что сказать при первой встрече, чтобы сразу не показаться идиотом? «Привет»? «Здоров»? «Альбукерке жжёт, чё как, сволочара, жди сигнала»? Теперь же, с наступлением новой эры, вещи такого порядка окончательно ушли на второй план. Что сказал – то и сказал, и незачем мучить голову.

– Здравствуйте!

Человек обернулся, посмотрел на меня и помахал рукой в ответ.

– За водой, сосед? – спросил он, бегло оглядывая полупустые тазики и вёдра вокруг.

– Не, наоборот, – ответил я, отдавая себе отчёт в том, что миссия «не показаться идиотом» была провалена.

– Хм... Ладно. Чё нового? Есть чё? – спросил человек с биноклем и блокнотом.

Само собой, я не имел ни малейшего понятия о том, что этот человек с биноклем подразумевает под словом «чё?». И потому в ответ сказал:

– Нет. Ничё.

Человек с биноклем и блокнотом кивнул и продолжил делать то, что он бы и делал, даже если б я ему не встретился.

Он помечал что-то в блокноте. Вымерял что-то, оглядываясь на обстановку вокруг: что-то о чём мне было невдомёк. Мне было нечего терять. У меня за душой были только ключи от арендованной квартирки и сумка с отвёртками, пригодная разве только для разбора и сбора неработающего телевизора в гостиной. И потому я высказал ему все свои наблюдения:

– Там, если вдоль по улице смотреть, куча мертвяков, один к одному.

– Это я уж вижу, – сказал человек, не отрываясь от записной книжки.

На вид ему было лет сорок. На нём была кожаная куртка с меховым воротником, для которой, казалось, было ещё слишком тепло. На лице у него была густая коричневая борода, покрывавшая его щёки, подбородок, немного шею, словом – всё, что находилось ниже носа. Его тёмные глаза сосредоточенно смотрели на то, что он там себе писал. Казалось, он вёл подсчёт мертвецов с каждой стороны дома и на всех отдалённых уголках, улочках и проулках, которые виднелись с этой крыши.

– Я это... – начал было я, не придумав сразу, что сказать дальше, – Я вообще не ваш сосед.

– Вот как? – бесцветно ответил на это бородатый мужчина, не выказав и намёка на удивление или интерес.

– Да. Я со вчера тут только... Вообще с окраины сюда приехал. Застрял вон, у подъезда. Из тридцать шестой люди ме-

ня спасли сигналкой.

– Видел я, как ты барахтался. И как Серёга с Кристинкой уехали тоже видел. Ты ещё за ними чего-то бежал, как дурень. Чего бежал-то?

– Да-а... Долгая история.

– Ну, не хочешь – не рассказывай, – пожал плечами бородастый.

– Мне надо попасть в пятьдесят седьмой дом. Я не знаю, как это сделать. У меня был параплан с мотором, я думал... Думал долететь. Вы только не смейтесь. В любом случае, параплана у меня больше нет. А по земле дойти непонятно, как: везде эти ходят. Может, вы что-то подскажите?

– Пятьдесят седьмой дом – это там, дальше, чуть за остановкой?

– Да, минут пять, может, от неё идти.

– Далековато. А что там у тебя, в пятьдесят седьмом доме?

– Девушка. Мы с ней встречались ещё задолго до всего.

Как всё началось – так больше и не виделись.

– Живая?

– Надеюсь.

– А Серёга с Кристинкой куда подались?

– В мой район, вроде, поехали. Кого-то там выручать. Я вчера сам не свой был, плохо помню, что они там говорили.

– Квартиру они, значит, на тебя оставили?

– Получается, что так.

– Хм... Ну понял, принял. Давай подумаю до вечера, как

тебе помочь. Может, чего и надумаю. Только одно условие будет...

– Какое?

– Ключи от хаты мне отдашь. Договорились?

– Да мне они и даром не нужны будут! Спасибо!

Я был так рад, что этот бородатый мужик проявил участие и согласился хотя бы подумать над тем, как мне помочь, что совершенно не заботился ни о чём другом. Например, о том, что будет с квартирой моих спасителей. Неужто бородатый попросил ключи просто так, чтобы приглядеть тут за всем в отсутствие хозяев? И что будет, когда хозяева – Кристина и Сергей – вернутся сюда? Что ж, они уехали с моим мотором, я отдал их квартиру со всем имуществом в распоряжение незнакомца. В каком-то извращённом смысле можно считать, что мы в расчёте.

Всё оставшееся время до вечера мне было трудно усидеть на месте. Я ходил по комнатам взад-вперёд и ждал, пока бородатый постучится в дверь, принеся с собой какую-нибудь спасительную идею. Нечто спасительное я продолжал пытаться выдавить из себя и сам, но в голову так ничего и не шло, кроме прыжка веры со второго этажа куда-нибудь в сторону от толпы мертвяков, осадивших дом.

Уже ближе к десяти, когда солнце давно скрылось за горизонтом, в дверь постучали. На пороге стоял бородатый мужик и держал в руках что-то, очертания чего лишь с трудом виднелись в полумраке подъезда, как, впрочем, и очертания

самого бородатого мужика.

– Так, давай, чтобы время не тратить, сразу к делу.

Бородатый переступил порог и вошёл внутрь.

– Ну и темень... В общем, слушай внимательно, – продолжил он, – Завтра ещё раз проговорим с крыши. Пока так, вводную дам. В общем, видишь это?

– Ага.

– Надо объяснять, что это такое, и как работает?

– Машинка с пультом. Ваша? – пошутил я. Как оказалось – неудачно.

– Не моя – моего... Кх-м... Не моя в общем. Главное не сама машинка, а то, что на ней, и то, что мы с её помощью сделаем. Смотри: тут я телефон закрепил. На крыше – колонка с батареейкой, соединённая с телефоном. На сколько батареейки хватит – не знаю. Сколько телефон проживёт – не знаю, но должен прожить достаточно. Идея в том, чтобы машинку выпустить наружу и музыкой переманить мертвяков от дома на другую сторону улицы. Так хотя бы выйти сможешь без проблем. А то привёл их за собой вчера чуть ли не к дверям самым... Ладно, проехали. Дальше: я прокачу эту штуковину по той стороне улицы, вдоль дороги, сколько смогу: метров на двести-триста, дальше уже точно ловить перестанет. И то это в лучшем случае: видеть, куда она едет, я не буду – буду ориентироваться по мёртвым тушам рядом и по тому, куда они бредут. Скорее всего, уже метров через пятьдесят я напорюсь на что-нибудь – например, на ногу од-

ного из них, – перевернусь, и маршрут машинки на этом закончится. Музло будет играть пока хватит заряда. Цель всего этого мероприятия – переманить максимальное количество мертвяков на ту сторону проспекта и освободить тебе коридор прохода на двести метров вперёд, до первого перекрёстка. Если всё выгорит на этом этапе, ты сможешь добежать до трамвайных путей. Но бежать придётся одновременно быстро и тихо, имей это в виду. Как только доберёшься до трамвайных путей – сразу поворачивай направо. Потом – налево, на первом плавном завороте. Эта дорога приведёт тебя во дворы пятиэтажек. Завтра утром покажу, тут они как на ладони.. Там будет очень легко заблудиться. Пойдёшь прямо, никуда не сворачивая, и выйдешь на следующую улицу, перпендикулярную проспекту Второго сентября – то есть нашему проспекту – и параллельную улице с трамвайными путями. Мертвяков во дворах ты встретить не должен. В любом случае, они просматриваются с крыши, поэтому завтра сможем понять, будут они там или нет. Сегодня не было. Если завтра и появятся, то наверняка немного: один, два, может – несколько. Как-нибудь уж от них убежишь. А дальше – не знаю, потому что дальше этих дворов с нашей крыши ничего не видать. Но вариантов у тебя будет немного: или возвращаться на проспект, что, скорее всего, будет самоубийством, или после дворов взять направо до первого поворота, потом – сразу налево, и бежать дальше, надеясь на лучшее. Может, не встретишь мертвяков, а может – встретишь их ещё

больше, чем встретил бы на проспекте. В любом случае, если пробежишь и не помрёшь, то, как только пройдёшь мимо большой аптеки, окажешься в квартале, где твой пятьдесят седьмой дом и есть. Я дам тебе карту тамошних дворов – сам решишь, как по ним петлять. Вход в твой дом, кстати, с проспекта или с другой стороны?

– С другой.

– Со двора, стало быть. Тем лучше. Нужный двор, я думаю, ты найти сможешь: знакомые места, наверное, раз девочка там живёт. Собственно, такой план. Не бог весть что, но хоть что-то. Думай до утра, надо ли оно тебе. Я бы на твоём месте остался тут и не искушал судьбу. Тебе и так считай вчера очень крупно повезло: если бы ты у другого дома застрял – да даже если б Серёга вовремя в окно не выглянул – сейчас бы тоже там, внизу ходил-бродил. Если б ещё ходить мог. Вопросы, если есть сейчас какие-то, тоже задавай. Хотя лучше до утра побереги.

– Один вопрос только: вы сказали про телефон с колонкой. Откуда у вас заряженный телефон? У вас есть электричество?

– У меня генератор. На особые случаи: горючего маловато, надо экономить. Телефон зарядил чуть-чуть, машинку – тоже.

– У вас он был? Или вы его где-то взяли?

– У соседа забрал: ему он был больше не нужен. У меня вообще много есть того, что некоторым соседям стало не

нужно, когда они умерли или сбежали. Или что они отдали за то, что было у меня. Так и живём.

День 38

Несмотря на то, что следующее утро снова грозило стать для меня последним, спал я крепко. Ключевое слово здесь «снова»: я успел привыкнуть к тому, что каждый день рискую жизнью. И мне нравилось это чувство. Я буквально пёрся от того, что чувствовал себя на гребне волны, уж простите мне мой французский. Мир умирал. Ожившие трупы заполонили всё и вся, люди сидели в своих квартирах, обложенные со всех сторон горем и ужасом, и доживали остаток своих дней в унынии и с чувством безвозвратно утерянного контроля над своей жизнью – самым страшным и омерзительным чувством. А что я? А я имел цель, шёл к ней и не останавливался, успев уже несколько раз перепрыгнуть расщелину над разверзшейся под ногами пучиной преисподней.

Утром я дождался бородатого, и мы вместе вышли на крышу, чтобы осмотреться.

– Рядом с подъездом и дальше по проспекту всё ещё много их, так что машинка и трюк с ней будут небесполезны. А вот там, видимо, всё чуток не так радужно, как я планировал. Видишь вон те дворы?

– Это те, которые после трамвайных путей?

– Они самые. Там видно шатунов этих, если приглядеться. Но ты не бойся: их там буквально пара штук, хочешь – на

бинокль, глянь вблизи.

Бородатый передал мне бинокль, и я смог рассмотреть мертвецов, поджидавших меня на пути. Выглядели они свежо: не так как те, что окружили мою тачку позавчера. Те были изуродованными и вялыми, а эти, во дворах, были здоровенными бугаями без каких-либо следов насилия на теле. Стало быть, они будут быстрыми, и бежать от них нужно будет со всех ног. Но ничего: не привыкать.

– Увидел, – сказал я и вернул бинокль хозяину, – Вы ещё карту мне какую-то дать обещали.

– Обещал. Но это надо комп включить и принтер, и распечатать её. А для этого нужно завести генератор. Занесу где-то через полчаса, изучишь. Через час будешь готов выдвигаться?

– Да, вполне.

– Тогда иди, готовься.

Я спустился обратно в квартиру, сгрёб в кучу всё то, что планировал взять с собой и понял, что самодельное копьё и две дубины из ножек стола одновременно я не унесу. К тому же, есть ещё молоток – новый, не тот, что я таскал с собой от самой своей квартиры, а тот, что нашёл у Сергея в ящике с инструментами. Было ещё множество разномастных приблуд из той сумки, которую я привёз с собой из спорткомплекса: например, разных форм и размеров отвёртки, которые так и просились в руки. Пришлось выбирать. Я сделал выбор в пользу копья. Им удобнее всего будет орудовать дву-

мя руками, если я захочу остановить мертвеца, поэтому кроме него я решил больше ничего не нести. Плюс к нему я взял молоток, заткнув его за пояс. Так, на всякий случай.

После выбора оружия пришло время восстановить мой доспех: защиту для предплечий, плеч и голеней. Я решил не умствовать и не изощряться, и сделал всё то же самое, что делал ранее у себя дома. Когда я понял, что было это всего лишь в прошлую пятницу, то даже засмеялся. Я вспомнил, как раньше то родители, то бабушки с дедушками, то просто какие-нибудь незнакомые люди говорили эту чудную фразу: «Время лети-ит...» Фраза эта звучала всегда с тоской, всегда с чуть растянутым звуком «и» и всегда сопровождалась многозначительным покачиванием головой. В этой фразе отражалась вся глубина их изумления от того, как стремительно пролетела их жизнь или какой-то определённый её отрезок. «Время лети-ит...» Я всегда знал, что люди, повторяющие эту фразу, живут как-то неправильно. Время не должно лететь: его у нас не так уж много, и нужно приложить все усилия к тому, чтобы выжать максимум от того, что нам отведено на этом свете. «Время лети-ит...» Как хорошо мне было тогда, утром тридцать восьмого дня, от осознания того, что, несмотря на все невзгоды и печали, несмотря на все те ужасы, через которые мне пришлось пройти, моё время не летит и вообще никуда не торопится. Отныне я проживаю сполна каждую секунду, потому что каждая секунда моей жизни преисполнена смыслом. Надеюсь, так будет и впредь.

Когда бородатый принёс мне карту, доспех был уже готов, и я смог внимательно изучить его распечатку. Он подписал ту большую аптеку, которую я должен был миновать прежде, чем окажусь в Ирином квартале, и это помогло мне сориентироваться. На картах дворы выглядели запутанными: настоящие лабиринты. Я повертел листок в руках, попытался прикинуть и рассчитать, каким путём будет безопаснее всего пройти. А потом – взял и прочертил линию по самому короткому маршруту из имевшихся. Решил – будь что будет. Главное сейчас запомнить последовательность поворотов направо и налево, а там в любом случае придётся разбираться, будучи в моменте.

Ещё минут через сорок мы оба были уже у выхода из подъезда. Бородатый приоткрыл дверь и выпустил наружу машинку с уже дребезжавшей на её крыше колонкой. Звук был вывернут на максимум, поэтому насладиться самим звучанием было невозможно. А жаль: давненько я не слышал песен и мелодий. Бородатый держал пульт в руках и пристально наблюдал за тем, куда едет машинка. Я наблюдал за ним, иногда поглядывая и в окно тоже.

– Идут, сволочи! Х-ха-ха! Каждый раз удивляюсь, когда работает. Как голуби – ей богу! Один услышал – все остальные за ним, как бестолковые, – комментировал он.

Покалеченные мертвецы медленно шли за машинкой, которая лавировала между их ног и продвигалась всё дальше, пересекая проезжую часть. Потом, когда она оказалась на

противоположном от нас тротуаре, бородатый повёл её вдоль проспекта, чтобы привлечь шумом как можно больше заражённых со стороны перекрёстка. Когда она и толпа, влекомая ею, исчезли из поля зрения, он сказал:

– Так, а теперь выйди на крыльцо аккуратно, глянь, нет ли никого поблизости.

Я так и сделал. Дверь подъезда была тяжёлой. Я отворил её, выглянул наружу и не увидел рядом никого, кто мог бы представлять опасность. Недалеко от крыльца лежал труп с оторванными ногами. Но смотрел он не на меня, стоявшего на верхних ступеньках. Он лежал на спине и заморожено глядел в сторону своих сородичей, которые преследовали дребезжащую колонку на колёсах. Он простирал к ним руки, хватая пальцами воздух, и словно бы очень хотел встать и пойти сейчас вслед за ними. Но не мог.

– Чисто! – сказал я бородатому. Тот вышел за мной на крыльцо и тут же отпрянул.

– Ух ты, блин! Чё чисто-то? Не видишь, вон...

– Он ничего не сделает. Ну, даже если чудом перевернётся, встанет на руки и поползёт – успеете зайти обратно.

– Ай... Ладно. Где там они?

– Вон, бредут. Догнали они, похоже, машинку вашу.

– Сейчас проверим.

Бородатый зажал рычажок газа и несколько раз повернул туда-сюда рулевую ручку. Толпа не сдвинулась с места.

– По ходу да, застряла она. Но звук ещё идёт. Значит, не

сломали. Чё делать будешь? Можно подождать, пока побольше дураков с перекрёстка придёт, чтобы наверняка, а можно сейчас бежать уже и не ждать: вдруг сломают колонку, и тогда уже точно всё.

Секунду-другую я размышлял. Вернее – думал, что размышлял. На самом деле, решение я принял сразу, а эта пара долгих секунд нужна была мне только для того, чтобы отважиться сделать этот метафорический шаг над бездной.

– Пойду. Спасибо! Увидимся!

– Стой! Ключи от квартиры отдай!

– А... Держите, – я бросил бородатому связку ключей из заднего кармана, махнул рукой и бросился бежать.

Рюкзак за плечами был лёгким: в нём всего-то был мой дневник и несколько смен нательного белья. Всё лишнее я выбросил к чёртовой матери, чтобы не замедляло перемещение. Вода? Чёрт с ней, найду ещё, а не найду – будет в запасе ещё несколько дней до того, как умру от обезвоживания, так что успею что-нибудь придумать, если понадобится. Еда? Ха-ха. Нет, я, конечно, любил спонтанно поесть на ходу, но не настолько. Куча вещей и идиотских изобретений на всякий случай, вроде тех надушенных полотенец, что я брал из своей квартиры? К чёрту всё! К чёрту «всякий случай», наплевать на всё то страшное, опасное и непонятное, что может случиться, к чёрту опасения, к чёрту планирование и продумывание всех возможных и невозможных неблагоприятных исходов! У меня есть я, есть цель, и есть путь, а

всё остальное – просто белый шум.

Я бежал вдоль проспекта, и мёртвые не обращали на меня внимания. Они были всё ещё заняты дребезжащей колонкой, которая целиком и полностью захватила теперь их разум. Или, по крайней мере, то, что от него осталось. Я бежал и видел впереди трамвайные пути: не такое уж тут было большое расстояние, как оказалось. Дорвавшись до них, я обратил на себя внимание нескольких заражённых – самых медлительных и неповоротливых – которые ещё не успели присоединиться к своим собратьям в их погоне за игрушечной машинкой. Я пронёсся мимо них быстрее, чем они смогли развернуться и начать идти в мою сторону.

Затем я свернул направо, как и предписывал план борода-того. Потом я прыгал через рельсы и шпалы, очень стараясь не подвернуть на них ногу и не распластаться прямо здесь, заработав последнее в этой жизни растяжение связок. Миновав пути, я стал искать нужный поворот налево. Найдя его, я нырнул во дворы панельных пятиэтажек – таких серых и невзрачных пятиэтажек, которые, как овечка Долли, имели своих клонов во всех уголках страны. Я бежал прямо, никуда не сворачивая, и лишь когда увидел перед собой первого мертвеца, на которого всего час назад смотрел в бинокль, я стал петлять. Мертвяк, увидев меня и услышав мои шаги, кинулся за мной. Я перемахнул через оградку небольшого садика под окнами в надежде, что эта оградка задержит его: он споткнётся, и его тучному, безжизненному телу понадо-

бится некоторое время, чтобы подняться на ноги. Наверное, так и вышло – не знаю. Я бежал со всех ног и не оглядывался назад.

Второй мертвец настиг меня тогда, когда я снова вышел на дорогу. Он выбежал из-под козырька подъезда совершенно внезапно, и если бы я тогда испугался или даже вздрогнул бы от неожиданности, то сейчас точно не писал бы этих строк. Вместо того, чтобы бросить всё и заорать от страха, я вскинул копьё и, едва увидев мертвеца, выставил его вперёд. Он только дёрнулся в мою сторону и только-только начал набирать разгон, когда я воткнул копьё острой частью куда-то чуть выше груди и чуть ниже шеи. Копьё моментально вылетело у меня из рук. Мертвец упал, сбитый с ног, но, казалось, вот-вот готов был подняться. Я побежал дальше.

Выйдя на улицу, перпендикулярную проспекту Второго сентября, я поймал самый жестокий тупняк за весь путь: я никак не мог вспомнить, куда идти дальше. Налево? Направо? Прямо? Куда? Улица была почти пуста: немногие мертвеца стояли и покачивались из стороны в сторону на внушительных расстояниях друг от друга и не представляли собою монолитную толпу, вроде той, что была на проспекте. Я смотрел на них и думал, что они похожи на две оставшиеся кегли после неудачного броска в боулинге: когда они стоят на разных концах дорожки, и их почти невозможно сбить. Но рассудок быстро возвратился ко мне. Какие нафиг кегли? О чём ты думаешь? Думай лучше, куда идти дальше! Я,

наконец, вспомнил, что двигаться здесь нужно в противоположную от проспекта сторону, а там – свернуть на первом повороте. Но на первом повороте налево или направо? Ай – чёрт с ним! Какой будет первый – на таком и сверну.

Сейчас, восстановив в голове карту тех мест, я понимаю, что поворот направо зациклил бы мой маршрут, и я, если повезло бы, миновав целый квартал, вернулся бы к трамвайным путям. Но то сейчас. Тогда я не располагал такой роскошью, как время, и мне не хватало его даже для того, чтобы хотя бы одним глазком посмотреть на вещи логически.

Я повернул на нужной улице и проследовал вдоль неё. Я вспомнил, что в конце неё должен буду встретить большую аптеку, и когда это произойдёт, я окажусь рядом с Ириным кварталом, а значит – буду почти у цели. От этой мысли бежать я стал чуть быстрее. Дыхание моё восстановилось, а на уставшем и потном лице, вероятно, появилось подобие улыбки. Улочка была узкой, и дороги здесь были ужасными: яма на яме, кое-где – присыпки щебня, которых я всеми силами старался избегать. Наступи в такую, и камни зашуршат на всю округу.

Возле большой аптеки стоял минивэн. Возле него стоял человек. Я не знал, жив он или мёртв, до тех пор, пока он не окликнул меня:

– Э! Ты куда такой?

Я даже остановился, и даже попытался ответить что-то. Но в горле у меня уже давным-давно напрочь всё пересохло,

а отдышка схватила меня за шею так, что я не мог выдавить из себя ни слова. Коммуникацию с незнакомцем я так и не установил, и это помогло мне опомниться: разве я пришёл сюда с кем-то разговаривать и здороваться? Нет, чёрт возьми, я уже почти на пороге того самого заветного дома, а значит – нельзя терять ни секунды! И я развернулся и направился дальше.

Я пересёк улицу под окрики того человека рядом с минивэном и оказался в Ирином квартале. Вдалеке, на проспекте, всё было плохо: всё та же орда мертвяков, пусть и не такая сплочённая и кучная, как там, откуда я только что прибыл. Но лучше было не рисковать и не пытаться идти через них: вдруг не все они окажутся аморфными и неповоротливыми живыми мертвецами, которых и живыми-то назвать язык не поворачивается. Наверняка кто-то из них перед смертью и превращением не был травмирован и сохранил способность бросаться на людей со скоростью волка. Нет, ни в коем случае. Лучше, как и планировали – через дворы.

Здесь я уже наизусть помнил все повороты и точки смены направлений: прямо, налево, направо, налево и прямо – прямо до самого конца. На этапе первого «прямо» всё было гладко. После поворота налево – тоже. Затем, повернув направо и выйдя на протяжённый участок пути, я увидел, как пятеро заражённых стояли то тут, то там и намертво запечатывали весь дальнейший проход вглубь дворов. Всего в этом отрезке пути было не больше сотни метров. Это была дорожка, тя-

нувшаяся вдоль подъездов очередного длинного пятиэтажного дома. Справа располагалась россыпь неуклюжих гаражей с металлическими стенами, больше напоминавших ветхие сараи и стайки. Чуть поодаль от них – детская площадка с убогими, ржавыми качелями с облупившейся краской и истёртыми сиденьями. Рядом была такая же ржавая, чуть покосившаяся горка, на которой уж точно никто давным-давно не катался. Наверняка на этой площадке родители разрешали своим детям играть только в песочнице, представлявшей собой массу перемешенного с землёй песка, насыпанного в большой, наполовину сгнивший деревянный короб. Убогость таких площадок совершенно не бросалась нам в глаза, когда мы были детьми. Мы были детьми, и этого уже было достаточно для того, чтобы даже самые тусклые уголки этого жестокого мира играли пёстрыми красками неизбывного счастья. Я решил, что возвращаться назад уже нет смысла. Что парочка мертвяков, стоявших ближе всего ко мне, уже заметила меня и непременно пустится в погоню. И непременно настигнет меня, когда я, сбитый с толку, заплутаю в этих дворовых лабиринтах. Нет, так я умереть не хочу. Если и встречать свой конец, то в каком-нибудь местечке вроде этой самой детской площадки: в месте омерзительном по своей форме и состоянию, но таком обаятельном и прекрасном по своему духу и по самой своей сути.

Я пошёл на них раньше, чем они сделали шаг в мою сторону. Потом я побежал – так быстро и стремительно, что-

бы, пробегая мимо, суметь выскользнуть из их лап и проскочить мимо. Первый мертвец – женщина – не оказалась серьёзным препятствием: я просто увернулся от неё, и дело с концом. Второй был мужчиной: довольно тщедушным и дряхлым, так что, поравнявшись с ним, я без труда оттолкнул его рукой, от чего он, кажется, потерял равновесие. Третий был рыбой покрупнее: здоровенный пузатый детина с толстой шеей и щетиной на ней, делавшей его похожим скорее на мёртвого борова, чем на мёртвого человека. Он был тяжёлым, и через несколько секунд я должен был столкнуться с ним. Налетать на него плечом опасно: он тоже уже успел развить внушительную скорость и, скорее всего, при столкновении его массы с моей исход будет не в мою пользу. Тогда я решился на дерзкий и весьма взбалмошный манёвр. То была чистая импровизация: я влетел головой ему между ног – чуть ниже того самого места, которое обычно описывают словосочетанием «между ног» – занырнул как бы под него и, обхватив его бёдра, вложил все силы в то, чтобы приподнять его, точно штангу при выполнении приседа, и перекатить его через себя. Что у меня получилось, я так и не понял. Помню только, как ноги его пронеслись перед моим взглядом снизу вверх, потом – глухой стук тела об асфальт и, кажется, треск сломанной кости, а потом – ничего. Я снова бежал дальше, потянув себе добрый десяток различных мышц во всём теле и пока ещё не замечая этого. Четвёртый и пятый неслись на меня вдвоём, друг подле друга. Попытка прошмыгнуть меж

них, выставив плечо вперёд, будто бы вышибая дверь самым дилетантским образом, была равносильна ставке на чёрное или красное в казино: шанс успеха – пятьдесят на пятьдесят. Или получится, или нет. Можно было пойти на хитрость и свернуть за гараж, обойдя таким образом этих двоих и избежав столкновения. Но я упустил нужный момент, и в конце концов выбора как такового у меня не осталось. Эти двое были створками ворот, и они настежь распахнулись, едва я столкнулся с ними. Удар был сильным. Я почувствовал резкую боль в плече и подумал, что напоролся-таки на чей-то зуб, а значит – скоро всё будет кончено. Скоро, но ещё не сейчас. Сейчас я поверну налево и окажусь на финишной прямой.

После последнего поворота меня ждал забег ещё где-то на сотню метров. На этот раз – без препятствий. Все препятствия теперь бежали вслед за мной, и я теперь думал только о том, как не пустить их с собою в подъезд. Я ускорился. Затем попытался ускориться ещё, но вдруг понял, что, несмотря на весь адреналин, бурлящий в крови, несмотря на подстёгивающие меня инстинкты я, наконец, достиг пика своих возможностей, и быстрее бежать уже не могу. Сто метров пролетели очень быстро, и не успел я опомниться, как уже стоял перед дверью в нужный подъезд. Открыв её, я вбежал внутрь. Доводчик не дал мне захлопнуть дверь за собой, и закрывалась она очень-очень медленно, как бы я ни старался тянуть её на себя. В сужающуюся щель я видел мёртвых,

бегущих за мной по пятам. Там была и та женщина, которую я обошёл, и тот старик, и мужчина со щетиной на шее, и те двое, которых я оттолкнул плечом. Все они не желали мне зла: они были слишком глупы и неосознанны для этого. Они просто были голодны, а я был их единственной пищей.

Захлопнуть дверь помог тот мёртвый толстяк, навалившийся на неё всем телом с другой стороны. Я оказался во мраке подъезда, разбавляемом лишь светом из окон второго этажа. Оттуда же – со второго этажа или выше – доносился хрип и эхо шагов, двигавшихся, по всей видимости, ко мне. Быстрые, ритмичные «шлёп-шлёп, шлёп-шлёп» стоптанной обуви о ступеньки, помноженные на количество бетонных стен, одновременно отражавших этот звук. Я знал, что меня ждёт. И был готов. Я поднялся чуть выше по лестнице, чтобы по крайней мере видеть того, с кем мне предстоит сразиться. На первом пролёте мы и встретились. Он налетел на меня и схватил руками за плечи. Я успел ухватить его рукой за горло и на момент мне по старой памяти даже подумалось, что, если продержат его так минуту-другую, то я смогу его задушить. Но даже если б это было так, даже если б они умирали от того же, от чего умирают обычные люди – даже тогда я не смог бы долго держать его и смотреть, смотреть и смотреть в его безразличные и одновременно хищные глаза. Лицо его было в запёкшейся крови – крови чужой, не его. По всему было видно, что он долго жрал кого-то и извозился в крови своей жертвы с ног до головы. Возможно, его жертва всё ещё

где-то там, наверху, следует по стопам своего бывшего учителя, чтобы уже вместе с ним наброситься на меня – на их уже общую новую добычу. Потому медлить и мешкать было нельзя. Свободной рукой я достал молоток. Мертвец толкал меня, и мне больших трудов стоило держать равновесие. Я занёс руку с молотком и изо всех оставшихся сил ударил заражённого в висок. На мгновение он ослабил хватку. Этого мгновения мне хватило, чтобы переломить ситуацию в свою пользу и прижать его к двери одной из квартир. Затем, по-прежнему крепко держа его за горло, я нанёс ещё один удар. Потом ещё. И ещё. И ещё. Он уже обмяк, в голове его зияла дыра, а я всё бил и бил, рассчитывая, что с каким-то из новых ударов ко мне, наконец, придёт уверенность, что всё кончено. Что он мёртв, и я теперь могу отпустить его горло. Но даже когда половина его головы превратилась в кровавую кашу из мозга и кусочков кости, я всё равно замахнулся, чтобы ударить его ещё раз. А потом – отпустил хватку, и тело рухнуло на бетонный пол.

Я направился вверх по лестнице. На пролёте между четвёртым и пятым этажом, возле мусоропровода, я увидел ещё одно тело. Оно лежало навзничь, словно бы показывая всему миру своё выеденное до позвоночника брюхо, и не могло встать. Это была женщина. Она посмотрела на меня из темноты чуть поблёскивавшими глазами, и мне вдруг стало жаль её. Захотелось плюнуть на всё и дать ей того, чего она хочет, но никак не может получить. Она тянула свои руки ко

мне и изо всех сил напрягала шею, рассчитывая таким образом дотянуться до своей цели. Остальное её тело оставалось неподвижным. Я подошёл к ней и сделал с её головой то же самое, что сделал с головой её убийцы. Потом, наконец, поднялся на нужный этаж и постучал в нужную дверь.

Что тут скажешь? Имеет жизнь интересную особенность переворачиваться с ног на голову. Такое чувство, что порой кто-то, кто имеет власть над нашими судьбами, хочет нам что-то доказать. А может, жизнь – это хаотичная последовательность событий, никак сущностно не связанных между собой, и все нравоучительные выводы из тех или иных ситуаций мы делаем сами, кладя внахлест друг на друга то, что на самом деле друг с другом никак не соотносится. Бог его знает. Или чёрт его знает. Моё мнение – ни того, ни другого не существует за пределами нашего умозрения и языковой картины мира. Бог есть – это совершенно точно. Но есть он только покуда существуют люди, выстраивающие свою жизнедеятельность с оглядкой на этого самого бога и на веру в его незримое присутствие где-то там, за пределами видимой Вселенной. С чёртом всё то же самое. Не станет людей – не станет ни бога, ни чёрта.

К чему я это всё? Так, просто в очередной раз задумался о насущном: о смерти, о взаимосвязанности событий, о «возвратности» всего того, что мы делаем для других и того, как мы поступаем с нашими близкими. Когда я толь-

ко-только пришёл к Ире, они долго не хотели меня пускать. Не могли понять, что я – это я. Лицо моё было испачкано кровью, одежда местами разодрана, словом – выглядел я неважно. Пришлось доказывать им, что я не ходячий мертвец и не бродяга с улицы, попавший в передрагу. Но на этом всё не закончилось. Даже когда все – Ира, её мама и папа, – узнали меня, Леонид Николаевич вдруг уверился в том, что меня просто не могли не укусить. Даже когда я смыл с себя грязь, пот и кровь, даже когда дал ему осмотреть всё своё тело, прежде прочего сделав это самостоятельно – даже тогда он оставался убеждён в том, что я опасен. Что раз кровь заражённого попала на моё лицо, значит попала и на слизистую глаз, носа или рта, или хотя бы в те маленькие ранки и царапины на лбу, которые я заработал, когда бился головой о лобовое стекло и руль. А раз так, то, неровен час, и я превращусь в одного из них. Он был уверен, что зараза уже в моей крови, раз я вступил в контакт с носителями вируса, и что скоро я стану проблемой. Я пытался спорить и приводить свои доводы, но всё было впустую. Весь первый день у Иры я провёл в изоляции в отдельной комнате и виделся с ней только мельком, когда пришёл. Уже под вечер Леонид Николаевич проверил меня и, убедившись, что моё самочувствие с утра никак не поменялось, разрешил мне выйти наружу, поняв, что со мной всё-таки всё нормально.

Сегодня мы с ним ходили на поиски машины, на которой мы могли бы добраться до выезда из города, чтобы там

встретиться с группой из Фаренгейта. Не буду в красках описывать нашу вылазку: времени сейчас нет, да и настроение не то. Я предложил пройти дворами до той улицы, на которой находилась та большая аптека. Там, на дороге, решил я, наверняка будут брошенные тачки с оставленными в замке зажигания ключами. Через дворы мы пробрались без приключений. Когда мы оказались на той улице, Леонид Николаевич заметил открытый минивэн на парковке перед аптекой. Сначала я не догадался сложить два и два, и просто последовал за ним. Но потом меня осенило. Я вспомнил, что это тот самый минивэн, возле которого стоял человек, окрикнувший меня, пока я бежал сломя голову мимо, много дней назад. И что, если он и жил здесь, в этой большой аптеке, то он не мог вернуться внутрь, оставив тачку открытой. И что, если он не жил в аптеке, а просто заехал сюда тогда, чтобы запастись лекарствами, то почему он до сих пор не уехал?

– Леонид Николаевич, погодите!

Но было уже поздно. Он уже заглянул в салон машины через открытую пассажирскую дверь, и в следующую секунду вылетел из него, точно пробка из бутылки шампанского. Следом на него набросился труп и повалил его на землю. Возможно, это был труп того самого человека – хозяина минивэна, – который окликнул меня тогда на дороге. Может, это был кто-то другой. Так или иначе, он успел разодрать руку Леонида Николаевича прежде, чем я подросел и

смог хоть чем-то помочь. Мертвеца я оттащил, а следом – оттолкнул ногой подальше. Леонид Николаевич держался за рваную рану и в ужасе прокручивал в голове всё произошедшее. Помочь мне справиться с заражённым он не мог, и драться с ним мне пришлось самому. Я поднял с земли копьё, которое ранее бросил для того, чтобы освободить руки и оттащить мертвеца. К моменту, когда я выставил его перед собой, труп встал на ноги и снова был готов нападать. Я опередил его: замахнулся и что было мочи толкнул копьё вперёд. Тремя примотанными к древку ножами, составлявшим его остриё, копьё вонзилось в нижнюю часть лица заражённого. Он не умер. Я решил, что толкнуть его как следует ещё раз будет хорошей идеей. Так и вышло: он рухнул на спину, я воспользовался моментом и наступил ему на грудь. Потом стал бить, бить и бить этим же самым копьём по его голове, точно орудуя огромной ручной маслобойкой. Когда я выколол ему глаза, и он чуть ослаб, я достал молоток и добил его, по старой проверенной схеме разворотив череп добрым десятком ударов. Потом я спешно оглянулся по сторонам. Леонид Николаевич кричал от боли и матерился, и я опасался, что мертвецы с проспекта не оставят это без внимания. Так и случилось: издалека на нас уже надвигалась разнородная толпа. Кто-то бежал, кто-то еле волочил ноги, но все они совершенно точно двигались в одном направлении: к нам. Расстояние было значительным, и у нас было немного времени для того, чтобы запрыгнуть в тачку

и обратиться отсюда к чёртовой матери. Но сначала нужно было найти ключи.

Я заглянул в замок зажигания – пусто. Потом я стал шарить по карманам мертвяка, которого только что пригвоздил к асфальту. Я был готов к тому, что поиски не увенчаются успехом. И если так, то я решил, что брошу Леонида Николаевича здесь, стонущим и кричащим, а сам бегом вернусь назад в дом тем же путём, каким мы оба пришли сюда. Я был готов после этого даже прийти в квартиру и посмотреть в глаза Ире и её матери. К чему я не был готов – так это к тому, чтобы умереть здесь в попытках спасти того, чьи дни уже сочтены.

Брелок с ключом я нашёл у трупа в заднем кармане джинсов. К тому моменту Леонид Николаевич уже стоял на ногах и в ужасе смотрел вдаль: в то место, откуда на нас стремительной волной надвигалась орда.

– Поехали! Садитесь! – сказал я, уже сев на водительское кресло. В сущности, мне было не важно, запрыгнет он в салон или так и останется ошарашено глядеть в глаза смерти, до самого своего последнего вздоха. Я точно знал, что поверну ключ в замке, включу передачу и немедленно нажму на газ. Но мне, всё же, очень хотелось, чтобы он успел залезть внутрь.

Я не знал, еду ли я по дворам один или в салоне есть кто-то ещё. Как и раньше, когда я нёсся здесь бегом и расталкивал атакующих мертвецов, я думал только о себе, о цели

и о пути к ней. Всё остальное было белым шумом. Машину качало на ямах и ухабах, но я не притормаживал и гнал что было сил. Я не боялся, что с машиной что-то случится: ну, сломается – попробуем найти другую. Но я точно знал, что если хоть чуть-чуть замедлюсь, то погибну. Из-за тряски я не мог ничего толком рассмотреть в зеркале заднего вида. Идут ли они за нами? Если идут, то сколько их? И как близко они? В конце концов, я плюнул на всё и перестал пытаться оглянуться назад. Всё, что мне нужно – впереди. Всё, что за спиной – да пошло оно к чёрту.

Остановившись вплотную к подъезду, я повернулся, опёрся на спинку кресла и в маленькое тонированное окошко сзади увидел, что мертвецов там нет. Пока. Ещё я увидел Леонида Николаевича, капающего кровью из раны на руке на пол салона и на какие-то сумки, стоящие тут же, рядом с ним. Как мы выяснили позже, в них были медикаменты. Огромное количество разных таблеток, бинтов, ваты, антисептика и всевозможных инструментов, вплоть до тонометра. Сумки мы взяли с собой в квартиру, оставив минивэн во дворе с плотно закрытыми на все возможные замки дверями. Слишком дорогой ценой он нам достался, чтобы оставить и шанс хоть кому-нибудь угнать его у нас из-под носа.

Сейчас вечер. Леониду Николаевичу стало хуже: рука распухла и гноится, температура держится на отметке близкой к сорока, а жаропонижающие средства перестали помогать. Во всех источниках – от телевизора до интер-

нет-форумов – давно говорили, что укус не сулит ничего хорошего. Только ли он может являться причиной заражения, какой глубины должна быть рана, и какое количество слюны или других жидкостей организма заражённого должно попасть в неё – неизвестно: информация слишком разнится. Но одно совершенно очевидно: Ирин отец скоро умрёт, а чуть позже – оживёт снова. Правда, очевидным это остаётся пока только для меня: и он сам, и Ира, и Екатерина Дмитриевна отказываются в это верить. Всё делают ему перевязки чуть ли не каждый час, пичкают таблетками, пытаются отпоить всевозможными снадобьями, а он всё повторяет полуслёпотом себе под нос: «Может, пронесёт? Как считаешь, а?» Как бы там ни было, даже в самом конце пути мы всё равно хотим жить, и хотим того же для своих любимых, чьи дни на исходе. И даже когда конец очевиден и близок, мы боремся. И всякий, кто скажет нам, что бороться бессмысленно или даже опасно, станет нашим злейшим врагом и пробудет им до тех самых пор, пока мы не смиримся с неизбежным.

Я не знаю, как скоро он умрёт. Но он умрёт – это совершенно точно. А после он станет опасностью для всех в этом доме. Нужно не допустить этого. С Ирой и её мамой говорить бесполезно: они обе сейчас в горе и на грани нервного срыва. Чуть позже попытаюсь уличить момент и толковать очевидное самому Леониду Николаевичу, оставшись с ним наедине. Надеюсь, будет ещё не слишком поздно.

Запись 12

Десятое сентября. Сорок четвёртый день с начала вымирания.

Даже не знаю, с чего начать. Страшный был день. Но теперь почти всё хорошо, если принимать во внимание ужас всех предыдущих обстоятельств. Пусть же часть, которую я обычно оставлял для предисловий, сегодня останется почти пустой.

День 44

Сегодня утром я снова желал, чтобы минувшая ночь вернулась и никогда не заканчивалась. Просыпаться совершенно не хотелось. Я боялся сегодняшнего дня и всего того, что он нам сулит. Я боялся даже просто встать с кровати, потому что знал, что едва я ступлю ногой на пол, начнётся отсчёт новых суток, в которые нам – а особенно Ире и её матери – предстоит прожить целую жизнь. И начнётся всё с того, что мы войдём в комнату, в которой остался на ночь Леонид Николаевич, и увидим, что с ним стало. Мы договорились сделать это вместе. И хотя мне очень хотелось, ради общей безопасности, нарушить это обещание и зайти в комнату раньше них всех, я решил этого не делать. Я совершенно чётко понимал, что с ними будет в момент, когда они увидят его в новом облиции, и решил разделить с ними их состояние. Их шок, боль и бессильную ярость на всё вокруг – я хотел,

чтобы мы прошли через это вместе после того, как откроем ту дверь. Так, решил я, мне будет проще потом убедить их в необходимости немедленно оставить всё позади, погрузиться в минивэн и отправиться дальше. Чтобы это получилось, они должны знать, что я скорблю вместе с ними. Иначе, если мы не будем чувствовать в унисон, я со всеми своими рассуждениями вмиг стану для них чужим, и тогда... И тогда – не знаю, что будет. Скорее всего, мы останемся здесь до самого нашего печального конца – вот, что будет.

И потому я открыл глаза и стал ждать, пока проснётся Ира, не двигаясь с места. Её мать осталась ночевать в гостиной, поближе к комнате Леонида Николаевича. Не уверен, что она вообще спала. Во всяком случае, когда мы с Ирой вышли к ней в половине десятого, она уже бодрствовала.

– Ну как? – спросила её Ира.

– Не знаю, не заглядывала. Договорились же: вместе, – ответила она.

– Ты поспала хоть?

– Нет... Не знаю. Может и отключилась на пару часов.

– Когда в последний раз заходили, рука у него всё ещё была привязана? – спросил я.

Екатерина Дмитриевна посмотрела на меня одновременно с непониманием и глубочайшим презрением. По её взгляду я понял, что своим вопросом я собственноручно разрушил и без того хрупкий мостик эмоциональной связи между нами. «Был ли он привязан? Да что ты за человек, если спра-

шиваешь такое у не находящей себе место жены, при растерянной до крайности дочери?» – читалось в её глазах.

– Не помню, – ответила она.

Я кивнул.

– Пойдёмте. Когда-то надо будет открыть эту дверь, – сказал я.

Я подошёл к двери. Ира и её мать нехотя последовали за мной. Молоток я с собой не взял: не хотелось разбивать череп тому, чем стал Леонид Николаевич при его живых родственниках. Это бы нас с ними уж точно не сблизило. Потому я надеялся, что даже в самом худшем случае успею захлопнуть дверь перед его носом.

– Есть хоть надежда, что он там живой? – спросила Екатерина Дмитриевна в момент, когда я уже был готов повернуть дверную ручку.

– Да уж наверное, – ответила за меня Ира голосом, полным искреннего упования на лучшее и одновременно невозможное. Таким голосом в самом начале произносились фразы вроде: «Да-а... ерунда! Обычный карантин, максимум неделька, и всё наладится», – а потом: «Ну, раз уж армию подключили, то точно дня за три со всем разберутся», – и ещё: «Всё равно же наверху не дураки сидят, и не из таких кризисов страна выходила. А что телевизор молчит – так это не значит, что ничего не делается. У них же там самые лучшие спецы, лучшие мозги думают, как всё наладить. А нам надо просто сидеть и ждать – вот и всё». Надежда умирает

последней. И всегда – в страшных муках.

– Ну да, должен выкарабкаться. Я вчера столько всего ему вколола... – сказала на это Екатерина Дмитриевна.

Слушать это было невыносимо. И в то же время велик был соблазн оставить их так, здесь, рядом с этой закрытой дверью, преисполненных оптимизма и веры в лучший исход. Пока дверь закрыта, их отец и муж для них не умрёт, и они могут строить догадки в пользу того, почему он может быть всё ещё жив, успокаивая себя ими. И счастье неведения будет для них вечным, если вечно эта комната останется запёрта. Но тогда у нас не было времени на вечное счастье.

Я повернул ручку и толкнул дверь. Она отворилась, и перед нами предстала пустая кровать. Леонида Николаевича не было нигде, и, если он не спрятался в шкафу в порыве бреда, то и в комнате его не было. Я чувствовал, как растеряны Ира с её матерью, и сам пребывал в глубочайшем замешательстве. Рядом с кроватью лежал кусок белой ткани – отрезок простыни, которым по моему настоянию Леонид Николаевич сам приковал себя к постели вчерашним вечером.

– Подождите здесь, я посмотрю, – сказал я и вошёл внутрь, не имея ни малейшего понятия о том, на что я тут собираюсь посмотреть.

В шкафу его не было. Это я понял, когда резким движением открыл одну из его створок и не обнаружил внутри ничего, кроме одежды. Да и какой к чёртовой матери шкаф? Это с самого начала было бредовой мыслью. Стало быть, комна-

та и впрямь пуста. И тогда меня посетила страшная идея: открыть окно и посмотреть вниз. Возможно, Ирин отец решил сам закончить свои мучения, выбросившись с пятого этажа. Но если так, то каким образом он, сделав это, сумел оставить окно закрытым? Ещё одна не стыкующаяся со здравым смыслом нелогичная чушь. Но тогда где он?

– Ну что там? – спросила Екатерина Дмитриевна откуда-то с той стороны дверного проёма.

– Ничего. И никого, – ответил я.

– Как это?

– Вот так.

После этих слов Ира и её мать зашли внутрь. Они так же растерянно, как и я несколько секунд назад, озирались по сторонам и не могли взять в толк, куда так бесследно и внезапно мог испариться Леонид Николаевич. Вопрос висел в воздухе ровно до того момента, пока Ира не обнаружила на прикроватной тумбе лист бумаги, сложенный пополам. Она молча взяла его в руки, развернула и пробежалась глазами по тексту. Потом – заплакала, закрыла лицо руками, а письмо передала в руки матери. Та прочитала его внимательнее и, дойдя до конца, тоже стала плакать. Но тихо: на лице её не дрогнул ни один мускул – только глаза покраснели, и из них спокойно и свободно брызнули тяжёлые и горькие слёзы. Потом бумага оказалась в моих руках, и я читал, стараясь запомнить каждое слово и каждое предложение для того, чтобы вечером этого же дня переписать всё это в свой дневник.

«Дорогие Катя, Ира и Константин. Мне сложно писать это письмо. К тому же, пишу я его левой рукой, и оттого даётся оно мне ещё тяжелее. Скоро я умру. И хорошо бы, если б на этом всё закончилось. Но, поскольку меня укусили, и поскольку я умираю именно от укуса, скоро я стану тем, кого вам лучше опасаться. Я перестану быть мужем, перестану быть папой, перестану быть... папой твоей девушки – или как там ещё это назвать. В общем – я стану одним из тех, кто ходит у нас за окном. И ничего в этом хорошего нет: уж лучше б я умер. Я не знаю, какой будет эта новая жизнь, не знаю, какой будет моя смерть, и, по-честному говоря, я всё ещё надеюсь, что не умру. Но, на самом деле, мне уже конец – это ясно как день: новый день, которого я никогда не увижу. Моё сознание спутанно, мой разум блуждает, и я чувствую себя так, словно перепил на очередном застолье и пытаюсь после него сказать всем что-то важное, но не могу. Поэтому давайте я просто перейду к этому самому «важному» и опущу все эти сопли и слюни по самому себе.

Катя. Дорогая, любимая Катя! Так много лет прошло с тех пор, как мы с тобою встретились. Но я помню всё до последней секунды. Уверен, и ты тоже. Мы с тобою прошли через многое, и много раз могли бы разойтись и продолжить наши пути по отдельности. Не буду вспоминать тут всё: ты это и так помнишь, и я это помню. Но всё равно мы с тобой дожили до этого момента: когда разлучить нас смогла только смерть. Я был с тобою дольше, чем был сам по себе, и я счаст-

лив, что лучшая часть моей жизни прошла именно с тобой. Ты... Так много хочется сказать... Спасибо тебе за то, какая ты есть. Я тебя очень люблю. Мне даже кажется, что ты знаешь, что я хочу сказать тебе в этом письме лучше, чем это знаю я сам. Уверен, так оно и есть. Спасибо тебе за всё, дорогая моя Катенька. Береги её. Ей я ещё напишу отдельный абзац.

Ира. Когда ты родилась, я расстроился: я до последнего надеялся, что врач всё наврал, и что ты будешь мальчиком. Я понятия не имел, что делать с девочкой, но худо-бедно разобрался за все прошедшие восемнадцать лет. Ты... Я горжусь тобой – вот, что. Я рад, что ты есть, и что я приложил к этому руку. Тебя ждало большое будущее... И, хочется верить, оно тебя ещё ждёт, несмотря на всё, что творится вокруг. Будь умницей. Будь с мамой, что бы ни случилось. Я тебя очень люблю. Я очень люблю вас.

Константин. Я плохо тебя знаю. Может, оттого ты мне никогда и не нравился. Но, раз уж ты с ними, я на тебя надеюсь. И спасибо за нужные слова.

Больше не знаю, что написать. Вернее, знаю, но не могу: мысли путаются. Скоро я умру и, наверное, превращусь в одного из них. Постараюсь сохранять рассудок столько, сколько смогу. Но лучше будет, если я буду делать это где-нибудь снаружи: тут я и впрямь могу ненароком навредить вам. Поэтому пойду, прогуляюсь. Постараюсь уйти как можно дальше, поэтому – не ищите. Садитесь в машину и поезжайте,

как мы и планировали. Может, и правда там... Прощайте. Любл...»

Буквы были кривыми. Строчки плясали друг с другом, но всё-таки смысл письма прочитывался с первого взгляда. Как ему удалось уйти, прошмыгнув мимо всех нас – в особенности мимо Ириной мамы, дежурившей в гостиной – ума не приложу. Но факт есть факт: он сделал лучшее, что можно было сделать в его положении. И я был рад, потому что знал: после такого мы уж точно не застрянем в этой квартире. Леонид Николаевич при жизни сделал всё, чтобы мы не покинули этих стен. Но перед смертью он буквально вытолкнул нас отсюда навстречу тому, что ждало нас за горизонтом неизвестности.

Приготовлениями к отходу мы занялись уже сильно позже полудня. С собой мы взяли только самое необходимое. Не знаю, стоит ли всё это здесь перечислять. Желания у меня такого точно нет, поэтому позволю себе оставить всё это за скобками повествования. Где-то в пять машина уже была загружена и готова. Мы по большей части тоже были готовы и до некоторой степени загружены, если это слово вообще может быть уместным применительно к тому, что творилось в наших головах. Что творилось в их головах. Ира и её мать были ни живы, ни мертвы. Собираясь в дорогу, они ходили по квартире как зомби, хватаясь за всё и сразу, и делая всё в большей степени по инерции. Ира не говорила со мной, не общалась с матерью. Екатерина Дмитриевна тоже хранила

молчание. Вся наша коммуникация теперь состояла из простейших вопросительных предложений и односложных ответов на них.

– Тёплых вещей возьмём?

– Ага.

– Как много?

– Не знаю.

– Зонт нужен будет?

– Наверное.

– Берём?

– Можно.

Там, на той стороне реки, нас ждала совершенно новая жизнь – именно жизнь, а не выживание, если верить рассказам ди-джея с Фаренгейта о тех местах, в которые они планировали направиться. Но ни малейшего энтузиазма по этому поводу никто из нас не испытывал. Ира и её мать – по понятным причинам, я – из-за того, что старался сопереживать им. Да и город покидать мне было тоскливо, несмотря на всё, что происходило на его улицах, и несмотря на то, что воздух над ним был заражён всякой гадостью с атомной электростанции, о чём я частенько забывал, и мне приходилось напоминать даже самому себе о том, почему мы не можем остаться здесь, в этой квартире. Мы ехали прочь не потому что хотели, а потому что были вынуждены. И я, садясь за руль минивэна, старался думать о том, что непременно вернусь сюда ещё раз. Когда-нибудь: в те далёкие, славные

времена, когда кошмар последних дней планеты будет уже позади.

Я знал, куда нужно было ехать, но знание моё было весьма условным. Как и многие горожане, я, находясь на любой улице, всегда знал, с какой стороны находится река. Даже если я был в недрах своего района, который от центра отделяли добрые десятки километров пути – даже тогда я знал, что река – это где-то там. «Куда-то туда» мы и отправились сегодня, в пятом часу дня. «Где-то там», на юге должен был быть мост, соединявший город с пригородом и являвшийся частью большой дороги, ведущей в сторону тех самых восточных населённых пунктов, в которые и направлялась группа из Фаренгейта. Я знал, как добраться дотуда. Но понятия не имел, с чем мы столкнёмся на пути.

Машину пришлось вести мне. Я с радостью бы поменялся местами с Ириной матерью: уж у неё-то водительского опыта было побольше, чем у меня. Да только она не изъявляла желания садиться за руль. Мы ехали по улице, параллельной той, на которой Леонид Николаевич встретил своего убийцу. Она вела мимо промзон к другой большой улице, а дальше – к центральному городскому скверу. Там располагалась главная городская площадь, за обстановкой на которой всего несколько недель назад я следил с экрана телевизора. Всего несколько недель назад здесь были бои между боевой техникой, солдатами, вооружёнными стрелковым оружием, с одной стороны и полчищами заражённых горожан – с другой.

Именно здесь развернулась самая жестокая бойня между армией и мертвецами в начале этого кошмара.

Едва мы выехали на перекрёсток, соединявший улицу, по которой мы двигались, с центральным проспектом, я увидел рекламный щит. Ещё одну рекламу самого растиражированного в городе охранного предприятия – Стар-К. Только теперь, помимо героически взиравшего вдаль вооружённого человека, помимо названия компании и их фирменного слогана, на щите красовались и другие слова, неровно и, видимо, в спешке написанные красной краской поверх баннера. Длинный и броский слоган Стар-К, известный наизусть любому, кто хотя бы раз в неделю включал местный телеканал и попадал на рекламный блок, перекрывало сообщение из всего-то двенадцати букв, оставленное кем-то, кто очень сильно хотел донести свою правду до тех, кто когда-нибудь проедет мимо этого рекламного щита и прочитает то, что на нём написано. «Стар-К. Спокойствие ваших границ», – гласила печать на баннере. «Старков – мразь!» – гласили кривые красные буквы поверх неё.

Постапокалиптические элементы уличного искусства на этом не исчерпывали себя. Проезжая мимо городской администрации, мимо здания, в котором в прежние времена заседал мэр, трудно было не заметить граффити, раскинувшееся почти во всю протяжённость его главного торца, обращённого к проспекту. Автор, по всей видимости, был не лучшего мнения о всенародно избранном градоначальнике, ис-

чезнувшем с экранов телевизоров ещё раньше, чем президент. Может быть, в порыве необузданной злобы, а может – в дурмане последовавшей за вымиранием анархии и вседозволенности, автор восклицал: «Гросовский – трусливая падаль!» Слова благодарности в адрес полковника, командовавшего зачисткой города, и в адрес мэра, осуществлявшего управление городом в кризисный период, мы встречали то тут, то там. Всё это, как и прочие приметы времени, обращало на себя внимание: сожжённые дотла автомобили, здания городского центра, пережившие пожары и разграбления и смотревшие на центральный проспект пустыми чёрными глазницами выбитых окон, оторванные конечности, валявшиеся тут и там, и кровь. Асфальт проезжей части, тротуары и пешеходные дорожки были усеяны тёмными пятнами запёкшейся крови, которые дожди и за полтора долгих месяца не смогли смыть, и которые, наверное, так и останутся тут в качестве напоминания о бушевавшей здесь войне с ожившими мертвецами до тех самых пор, пока не выпадет снег. Казалось, что уж где-где, а здесь, в районе центральной площади, не орудовали никакие банды мародёров и не укрывались на вторых этажах зданий те немногие, кому посчастливилось пережить всю эту мясорубку. Мы проезжали самое сердце нашего города и видели, что оно мертво.

Не знаю, смотрели ли Ира с Екатериной Дмитриевной по сторонам так же внимательно, как это делал я. Обе они ехали сзади, в пассажирском отсеке минивэна. Они говорили о

чём-то друг с другом, но я не слышал, о чём. Наверное, о чём-то, что было поважнее наблюдения за картиной снаружи. Но мне, сидевшему на водительском кресле, не оставалось ничего, кроме как наблюдать. И думать. Я вспоминал, чем, если верить открытым источникам, закончилось противостояние заражённых и военных с полицией здесь, в центре. Остатки их сил вынуждены были отступить за реку, исчерпав боезапас и не справившись с натиском мертвецов. Последним местом их дислокации в городской черте было здание администрации. И если отсюда их оттеснили мертвяки, то где они все сейчас? Почему тут так пустынно и так тихо?

Я вёл очень аккуратно и старался не разгоняться лишний раз, чтобы ненароком не проглядеть какую-нибудь гадость на дороге и не пробить ею колесо. Минивэн петлял между разбросанными тут и там частями автомобилей и тем, что осталось от полицейских заграждений. Мы ехали и ехали вперёд, оставляя позади квартал за кварталом, но не встречали на нашем пути никого. Создавалось впечатление, будто все мертвецы города – или по крайней мере большая часть из них – собрались там, на проспекте Второго сентября, оставив весь остальной центр в полнейшем запустении. Я даже успел на какой-то момент поверить в это и порадоваться тому, как гладко проходит наше путешествие сквозь вымерший город. Мне хотелось обернуться и поделиться радостью с Ирой и её матерью. Но тут мы подъехали к парку.

Парк аттракционов был излюбленным местом проведения

досуга среди горожан. Подростки, студенты, парочки, семьи с детьми и даже праздно шатающиеся и созерцающие природную красоту пенсионеры – здесь было, чем заняться всем, а не только любителям каруселей и сладкой ваты. Мы с родителями ходили сюда, когда я был совсем ещё малышом. Мы с друзьями по средней школе частенько бывали здесь. Мы с Ирой ходили сюда постоянно, когда ещё только-только познакомились. На туристических открытках или сувенирных магнитиках на холодильник из нашего городка в качестве основной здешней достопримечательности как правило печатали либо вид на центральную площадь, либо храм, стоявший там же, неподалёку, либо памятник человеку здесь же, монументы во славу которого есть, пожалуй, в каждом крупном населённом пункте нашей страны. Но настоящей достопримечательностью, настоящим местом безоговорочной и беззаветной любви местных был именно центральный парк аттракционов. С его огромным колесом обозрения, с его лавчонками и целыми торговыми рядами всякой всячины, с его иллюминацией и шумом играющей музыки, перекликавшимся с детским смехом и вскриками тех, кому мёртвая петля на американских горках показалась уж слишком крутым виражом.

Когда мы поравнялись со сквером, отделявшим парк от дороги, я посмотрел на родину своих лучших воспоминаний через боковое стекло. На секунду-другую всё моё тело сковал паралич. Огромная, неисчислимая толпа тел, чуть ли не

трущихся друг о друга, стоящих на месте и словно бы ждущих чего-то. Наверное, даже в самый многолюдный и шумный День города я не видел столько людей, собравшихся в одном месте. Было сложно выхватить кого-то из них в отдельности – все они, стоявшие плотной и монолитной толпой на траве некогда красивого и живописного скверика с прудом, сливались перед глазами воедино, образуя что-то наподобие безликой, урчащей и хрипящей биомассы, покрывавшей всё пространство от сквера и дальше, до самого парка аттракционов. От проезжей части эту толпу отделяло лишь несколько метров гранитного тротуара и небольшая, высотой примерно по колено, изгородь, разделявшая тротуар и зелёный массив. Что они здесь забыли? Кто – и главное как – согнал их всех сюда, сосредоточив на сравнительно небольшой площади пространства? Этими вопросами я тогда задаться так и не успел.

Услышав, как вскрикнула Ира, я понял, что они там, сзади, тоже увидели эту картину. Её крик ко всему прочему вывел меня из парализующего ступора и заставил вернуться в реальность. Двигатель у минивэна был довольно тихий. Но даже его мерного гудения оказалось достаточно, чтобы мертвецы, стоявшие ближе всего к оградке и к тротуару, обратили своё внимание на новый источник звука на доселе безмолвной улице. Если один повернулся в нашу сторону, то скоро мало-помалу повернутся и все. Неожиданно, совершенно не к месту, мне вспомнились слова Лёхи: «Они такие. Один

куда-то ломанётся – остальные тоже идут. Даже если не видят, куда тот первый изначально шёл. Как голуби типа: брось одному хлеб – кореша его с другого конца города прилетят жрать просить». И вот, кто-то из стаи этих голубей в парке заметил, наконец, свою хлебную крошку и зашагал к нам.

– Костя, давай быстрее, они же щас... – успела сказать Ирина мать до того, как я надавил на газ, и взревевший двигатель заглушил всё то, что она хотела сказать и, возможно, сказала.

Стрелка спидометра резко прыгнула вверх. Потом, оказавшись в полностью вертикальном положении, стала наклоняться вправо уже чуть медленнее. Разум мой стих. Я больше не управлял минивэном – им управляли мои рефлексы и мой страх смерти. Каждый кусок сломанного бампера на дороге, каждая отброшенная каким-нибудь фонарным столбом тень, каждый силуэт зомби-одиночки, мелькавший где-нибудь на обочине или в окнах бывших торговых рядов на первых этажах – всё ощущалось как касание пародонтальным зондом оголённого нерва. Я... Я запаниковал – вот и всё, и никаких лишних метафор тут не нужно. В голове моей всё настолько смешалось, что я перестал различать лево и право, педаль газа и педаль тормоза.

Я слышал про такое раньше: как некоторые неопытные водители, сбив человека, рефлекторно давят на газ вместо того, чтобы ударить по тормозам. И вот уже горе-пешехода засасывает под колёса, машина качается из стороны в сторону, а

водитель – всё давит на газ, искренне не понимая, почему он всё никак не может остановиться. Мысль и внутренний диалог выключаются всего на несколько секунд, но этого оказывается достаточно для того, чтобы сбитый пешеход получил несовместимые с жизнью травмы, а водитель таким образом обрёл самого же себя на долгие годы тюрьмы. Одна секунда замешательства умножает последствия и без того страшного происшествия, губя даже не одну, а целых две долгих и счастливых жизни совокупной длиною во много десятков лет. Одна секунда – две жизни... Наверное, я до конца своих дней буду мысленно возвращаться в день сегодняшней и думать о том, как всё могло повернуться, если бы тогда за рулём я вовремя взял себя в руки.

Я крутил руль туда-сюда, всё ещё стараясь объезжать препятствия на дороге и выскакивавших на дорогу мертвяков, которых, по мере приближения к мосту, на пути становилось всё больше. До поворота на мост оставалась всего пара кварталов, и уже виден был мемориальный обелиск, возвышавшийся там же, неподалёку, у самого берега реки. Я помню, что смотрел на него в тот самый момент, когда всё случилось, пытаюсь понять, как бы так удачно вывернуть на трассу, не сбавляя скорости. Уж лучше бы я смотрел на дорогу.

– Костя, тормози! – вскрикнула Ира за секунду до того, как всё случилось.

Раздался хлопок. Минивэн сначала подбросило, потом повернуло и опрокинуло на бок. Я не помню, сколько раз

мы перевернулись: не считал, очевидно. Помню только крик Иры, скрежет металла, а потом – вкус металла во рту. Потом – тишина и кромешная тьма.

Следующее, что я помню – это кровоточащие раны на висящих над головой руках и мир за окном, перевёрнутый вверх ногами. Помню, как на шею нестерпимо давил ремень, и как трудно было освободиться от его пут, выпасть из сиденья и очутиться на крыше. Пока я ещё не чувствовал никакой боли: ни в руках, ни в ногах. О царапинах, оставленных осколками ветрового стекла на лице, я и вовсе не знал, пока впервые не посмотрелся в зеркало. Я открыл дверь, вылез наружу, встал на ноги и с видом полнейшего непонимания происходящего стал озираться по сторонам. Я не думал совершенно ни о чём и не помнил совершенно ни о чём ещё несколько долгих мгновений. Время будто бы стало идти иначе: секунды растягивались в часы, а целая вечность уместилась в один вздох. Первая мысль, кристаллизовавшаяся в моём блуждающем сознании, была вопросом – гениальным до невозможности: «Что делать? Что делать? Что делать?» Я повторял и повторял его про себя как мантру до тех пор, пока окончательно не пришёл в сознание. Шок прошёл. Раны на руках и ногах стали ощущаться лёгким зудом. Память вернулась: я вспомнил, что был в салоне не один.

Дверь в пассажирскую часть салона отодвинуть не получилось – пришлось залезать внутрь через разбитое стекло. Там я увидел Иру: она была зафиксирована в кресле, и её

руки свисали вниз ровно так же, как и у меня пару минут назад. Кисти её тыльной стороной касались потолка, усыпанного осколками стекла, игравшими на свету точно россыпь драгоценных камней. Её мать лежала рядом в неестественной позе и была похожа на тряпичную куклу, которую сначала потрясли, а потом со всего маху швырнули о стену, после чего она рухнула навзничь на землю. Я отстегнул Ирин ремень безопасности, подхватил её под плечи и потащил наружу. Если бы у неё был сломан один из шейных позвонков, такого рода дилетантская спасательная операция могла бы стоить ей жизни. Но в тот момент я не думал ни о какой технике безопасности. Я просто хотел вытащить её прежде, чем со стороны парка на звук аварии сюда придут те, кто не оставит от нас и мокрого места.

Вытащив Иру и положив её на асфальт, я снова повернулся к салону и посмотрел на тело Екатерины Дмитриевны, всё так же лежавшее там. Потом я глянул на дорогу и увидел, что толпа, хоть и медленно, но движется к нам. Сюда шли не все – только те, кто в числе первых увидел нас, пронесящихся мимо на скорости. Остальные, видимо, начинали идти только тогда, когда видели, что их сосед, доселе спокойно стоявший рядом, вдруг куда-то подался. В результате сгусток бродячих трупов, выглядевший ранее как огромное тёмное пятно, частью своею как бы размазывался в градиент. Совсем скоро они вновь сольются в единое целое, едва первые в этом строю остановятся, добравшись до места аварии. Нужно бы-

ло немедленно убираться оттуда.

Я вновь залез в салон и подполз к телу Ириной матери. Я похлопал её по щекам в тщетной надежде на то, что после этого она вдруг очнётся. Не очнулась. Затем я наклонился над её лицом и замер, пытаясь услышать её дыхание. Я ничего не услышал. Или... Или убедил себя, что ничего не услышал. Следом в куче разбросанных повсюду сумок я отыскал свой рюкзак. В нём, помимо всего прочего, должны были быть бинты, вата, йод и часть всех тех медикаментов, которые сутками ранее мы с ещё живым тогда Леонидом Николаевичем нашли в этой самой машине. Я решил, что всё это мне ещё понадобится, если нам посчастливится сейчас убраться отсюда живыми. Потом я поднёс ладонь ко рту и носу Екатерины Дмитриевны, чтобы ещё раз убедиться в том, что она уже не дышит. И тогда я почувствовал... Впрочем, нет. Ничего я не почувствовал. Ничего! Она уже была мертва. Но даже если... Даже если каким-то чудом её сердце в тот момент всё ещё билось, я всё равно не смог бы тащить их обеих дальше по дороге. Не смог бы!..

Чёрт возьми, кого я обманываю? Я убил её. Убил дважды: сначала не уследив за дорогой и разбив тачку, а потом – оставив её там, внутри, на растерзание приближавшейся толпе голодных мертвецов. Но это только между нами: мной и этими страницами, которые Ира никогда не прочтёт.

Её мне удалось вытащить. В начале я пытался заставить её очнуться, чтобы она могла идти сама, и чтобы я, может быть,

смог нести её мать. Но она не приходила в сознание. Я не стал подносить ладонь к её рту, чтобы проверить, дышит ли она. Она должна была дышать. Иначе всё это не имело никакого смысла. Я знал, что если станется так, что она умерла, сломав шею или травмировав голову, то и я – тоже умер. Если бы я потрогал её пульс там, в осколках битого стекла, возле перевёрнутого минивэна, и не почувствовал бы сердцебиения, я бы просто лёг там же, рядом с ней, дожидаться неизбежного. Но у меня не было на это времени. Я должен был сначала спасти её, а потом уже разбираться, жива она ещё или уже нет.

Я взял Иру на руки и побежал вперёд, и этот забег был гонкой всей моей жизни. Я знал, что мышцы спины, ног и рук; мои суставы и связки никогда мне этого не простят. Я знал, что как только мы окажемся в хоть сколько-нибудь безопасном месте, я рухну наземь и не поднимусь ещё долгое, долгое время. И тем не менее, я бросил все свои силы на то, чтобы оставшуюся пару кварталов до заворота на мост пройти вот так: бегом, с её телом на руках. Потом, достигнув развилки и тропы, ведущей к мемориальному обелиску, я повернул и снова побежал. Иногда я оглядывался назад. Сначала, оборачиваясь, я всякий раз видел толпу вдаль, и всякий раз это придавало мне сил. Потом, уже после заворота, уже когда я стоял на мосту, я обернулся и не увидел никого. Вокруг тоже не было ни души, и как только я увидел и осознал, что нас больше никто не преследует, силы меня

покинули. Я положил Иру на землю, а затем и сам рухнул на асфальт, намереваясь пролежать так до скончания времён. Тело вдруг начало чувствовать боль. Это больше был не зуд, а резкая, пульсирующая боль то тут, то там. Я достиг пика своих возможностей, и теперь тело отказывалось далее служить мне. Я вытащил Иру с места аварии, не дав ни ей, ни самому себе угодить в лапы увязавшихся за нами мертвецов, и теперь моя миссия была выполнена. Мой земной путь завершён, и я могу упокоиться с миром. С этими – или с похожими на эти – мыслями я опять потерял сознание.

Когда я очнулся, то увидел перед собой первые звёзды, полумесяц и её лицо. Она была так рада, когда я открыл глаза, что невольно я тоже расплылся в улыбке.

– Где мама? – спрашивала она.

А я – всё улыбался.

– Костя, где мама? Где машина? Где мы?

Я пытался ей всё рассказать, но голос мой меня не слушался, и ответом ей было лишь бессвязное, протяжное мычание. Я был так рад снова увидеть её, живой и почти здоровой, что даже подумал, будто бы это всё не взаправду. Будто бы мы все погибли в той аварии, и я попал в тот мир, где она всё ещё жива и будит меня своими дурацкими вопросами и пощёчинами. В лучший из миров.

Окончательно придя в себя, я первым делом приподнялся на локтях и посмотрел туда, откуда мы пришли. Там никого не было. Затем я посмотрел в обратном направлении. Там,

на несколько сотен метров вперёд, тянулся мост через реку, на которой стоял наш город. Там, за мостом, был тот самый указатель, возле которого нас уже должна была ждать группа из Фаренгейта. Всего каких-то километр-два, и мы у цели.

– Пошли, – сказал я, поднимаясь на ноги и чуть покачиваясь, – Надо идти.

– Куда идти, Костя? Где мама?!

– Надо... Надо идти.

Ира смотрела прямо на меня, и слёзы, собравшиеся в её глазах, блестели в лунном свете. Я никогда не видел её такой... Даже слов подобрать не могу. Такой напуганной, подавленной, опустошённой и... будто бы обезличенной. Лицо её было бледным, и кое-где его украшал багрянец крови. Волосы на её голове были всё так же утянуты в тугую косу, лишь местами выбиваясь из неё. У неё дрожали губы, дрожали руки и, уверен, подкашивались ноги. Так может выглядеть только человек, который только что лишился всего, что было ему дорого и привычно.

Она накрыла лицо руками, дала себе волю и зарыдала. Я не думал о том, как ей плохо. Я боялся, что нас может кто-нибудь услышать.

– Надо вернуться... – сказала она, давясь всхлипами.

– Некуда возвращаться. Там...

Я рассказал ей о том, что случилось после аварии: обо всём, о чём помнил. Легче ей от этого не стало.

– Надо вернуться. Надо вернуться. Надо... – повторяла

она.

Я обнял её за плечи и повёл дальше по мосту. Она не стала сопротивляться, но и не перестала повторять своё:

– Надо вернуться. Надо вернуться. Надо вернуться.

Мы перешли через мост. На той стороне, ещё где-то через километр, нас встретила заправочная станция, с магазинчиком, полным всякого рода закусок, сладостей и всего прочего, что раньше водители могли взять с собой в дорогу. Без подсветки здание выглядело мрачно и жутко, но мы всё равно решили зайти туда. Я вошёл внутрь первым и как следует проверил всё. Мертвецов там не оказалось. Тогда я позвал Иру, и мы устроились на ночлег прямо там, в подсобке за прилавком. У нас появилась, наконец, минутка на то, чтобы поговорить о случившемся и о том, что нам вдвоём делать дальше. Ире было тяжело. За два дня она лишилась всей своей семьи – обоих родителей, бок о бок с которыми они пережили первые и самые страшные дни конца света. Она знала, что это наше маленькое загородное путешествие может закончиться плохо, но была не готова к тому, как всё в итоге обернулось. Ещё бы: к такому никогда не будешь готов.

Мне было жаль её, но я даже не пытался её утешить: знал, что это будет бесполезно. Всё, что я мог сказать ей, держа её голову на своём плече и проводя пальцами по её волосам, это:

– Надо просто поспать. Завтра уже будет новый день. Давай, утро вечера мудренее.

Она спит. Уснула только после того, как я нашёл бутылку крепкого спиртного в недрах магазинчика при заправке и предложил ей распить её содержимое. Не самое верное средство от душевной боли, но, решил я, хуже уже не будет. В конце концов, она вырубилась на импровизированной лежанке прямо там, в подсобке. Лежанка состояла из униформы, найденной в местных шкафах и сложенной в несколько слоёв для того, чтобы спать на полу было не слишком холодно. Я думал сразу пойти и присоединиться к ней, но потом решил среди всего продававшегося когда-то здесь барахла найти фонарь. И нашёл: налобный фонарик с тремя батарейками и довольно ярким светом. Чтобы не тревожить Иру, я решил сесть писать тут, на прилавке, оставив дверь подсобки закрытой.

Снаружи всё тихо. Ни одной живой или мёртвой души. На часах – половина первого, а значит, я давно уже должен спать, если не хочу наутро чувствовать себя разбитым корытом. И я бы и лёг, да только мысль одна всё никак не даёт покоя. Мысль, что всё это было напрасно: всё моё путешествие к Ире, все эти бесконечные уговоры и попытки заставить Ириноного отца отважиться выйти наружу – всё это зря. Не в том смысле, что от этого не было никакой пользы – нет. В том смысле, что от всех этих телодвижений в итоге был один только вред. Ира, на тридцать третий день имевшая обоих родителей, сейчас потеряла их. И

кто знает, не было бы для неё, для её мамы и папы, лучше, если бы я просто остался в своей квартире и сдох бы в её стенах, так и не отважившись ни на что, кроме как отравиться спиртом или распластаться на бетонной плите под окнами.

Когда такого рода мысли одолевают меня, я вспоминаю фразу – банальную до невозможности – которую очень любили мои родители. «Всё, что ни делается – всё к лучшему». Не самая лучшая вещь, которую можно сказать человеку, меньше суток назад потерявшему мать в автокатастрофе, поэтому при Ире её лучше не произносить. И всё же. Как бы плохо ни было, вера в то, что это самое «лучшее» всё ещё ждёт где-то там, за горизонтом мрачных и тёмных дней – вера в это как минимум не навредит, а как максимум – поможет не сгнить во всё́м этом круговороте ужаса и нечеловеческих испытаний, выпавших на нашу голову. Конечно, я не писал бы сейчас этих оптимистичных строк, если бы был на месте Иры, но... В общем, я просто пытаюсь заставить самого себя поверить в то, что всё, что было, было не зря.

Бинтов, ваты и йода почти хватило для того, чтобы обработать все наши раны. Ире в этом смысле повезло больше, и совсем скоро последняя царапина на её лице затянется, а последняя ссадина на теле – исчезнет, как будто их и не было. У меня всё сложнее, но, думаю, тоже не смертельно. Некоторые раны под перевязками пульсируют, чешутся и довольно навязчиво болят, что, может быть, не

сулит ничего хорошего. Температура поднялась. Раскалывается голова. Слегка подташнивает. Словом – почти все те же симптомы, что были у Леонида Николаевича вчера. Всем сердцем надеюсь, что это не вирус, а просто последствия многочисленных травм или какое-нибудь сотрясение. Однако чувство, что эти строки могут стать для меня последними, не покидает меня. Собственно, потому я за них и сел: хотел закончить свой рассказ, если вдруг судьба приготовила мне путешествие в загробный мир этой или следующей ночью. Всю дорогу руки ходили ходуном, и держать карандаш стоило больших усилий. Но я справился, с чем меня, полагаю, можно поздравить. Закончу свою, быть может, последнюю запись тем, что изложу наши планы на завтрашний день.

До указателя на выезде из города мы так и не добрались. Он где-то здесь, недалеко: ещё около километра-двух по трассе, и мы на месте. Дотуда мы сможем утром добраться пешком и, будем надеяться, там нас будут ждать люди из Фаренгейта. Они-то и окажут мне уже нормальную первую помощь и не дадут умереть от загноившейся царапины. Затем – прямоком в новую жизнь. Если у указателя их не окажется – плохи дела. Это будет значить, что что-то их оттуда отпугнуло, и это что-то вполне может стать угрозой для нас. Если нам удастся этой угрозы избежать, а потом – найти что-нибудь, на чём можно будет проехать следующие пять километров до заправки – второй

условной точки – то хорошо. Если и с заправкой не выгорит, то, надеюсь, хотя бы мотель ещё через десять километров не подведёт. И какого чёрта он вообще называется Десятый километр, если от города до него этих километров не десять, а пятнадцать? Может, точка отсчёта какая-то другая?..

Ладно, что-то сознание моё снова поплыло. Пора спать. Так страшно закрывать этот дневник, выключать свет и отходить ко сну. Боюсь, что не переживу ночь или что завтра проснусь в настолько плохом состоянии, что не смогу встать с постели. Боюсь, что Ире из-за всего пережитого сегодня станет только хуже, и что она совсем замкнётся в себе. Боюсь, что, даже если мы выйдем с этой заправки завтра, то дальше на маршруте нас снова подкараулит какая-нибудь напасть, и мы не будем к ней готовы. Боюсь всего, что сулит завтрашний день, и потому не хочу засыпать. На такой случай у моих родителей была в арсенале ещё одна крылатая фразочка: «Будет день – будет пицца». К чёрту все эти тревоги, опасения и размышления о том, чего ещё не было и, возможно, не будет. Завтра и будем думать обо всём. Пока же есть только поздняя ночь, чуть завывающий снаружи ветер, мрак подсобки и она, спящая там и видящая, я надеюсь, хорошие сны. Разве не ради этого всё было? И разве не преступлением было бы променять это наслаждение моментом на то, чтобы переживать о грядущем и сокрушаться о прошлом?

Точно.

Так и есть.

И пусть же последняя страница этого дневника, если она и станет последней, возвестит о том, что я умер только после того, как достиг своей цели, несмотря на все испытания, страдания и лишения. И что умер я счастливым.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ III

Запись 13

Четырнадцатое октября. Семьдесят восьмой день с начала вымирания.

Основательно же я забросил этот дневник после приезда сюда! И как это меня угораздило? Наверное, всё дело в привычке: раньше у меня была привычка писать, и я мог писать даже когда был на волосок от смерти. Например, сидя в квартире родителей и попутно планируя свой сознательный уход из жизни под давлением всего того кошмара, который обрушился, разумеется, не на меня одного. Тогда мне по детской моей наивности казалось, будто бы, заставив трупы оживать, господь бог всерьёз ополчился против меня – именно против меня и только против меня. Когда думаешь, что свет клином сошёлся на тебе, то и конец света кажется спектаклем для одного зрителя. Попробуй сдюжь

после такого и не наложи на себя руки. Но каким-то непостижимым образом у меня получилось. Всё благодаря ей, надо полагать.

Добравшись до неё, я снова оказался в водовороте событий, но всё равно продолжал писать. Писал даже той ночью, когда её отец умирал. Да что там: писал даже после того, как мы разбились всмятку в той аварии, когда ехали прочь из города. Аварии, в которой Ира потеряла мать, а я потерял... Ладно, об этом как-нибудь позже.

Мы пережидали ночь на той заправке. Ира спала после того, как я накачал её алкоголем. А я всё сидел там и писал, продолжая делать это даже больной рукой. Думал, что пишу свою предсмертную записку. Не только тогда, на заправке – каждый день до этого, открывая этот дневник, я открывал его с мыслью о том, что сейчас, этим самым карандашом, на этой самой бумаге оставлю свой финальный след в истории. И старался не думать о том, как быстро этот след уйдёт в ничто.

Потом же всё пошло иначе. Утром мне стало хуже, и я уже был не в состоянии даже думать о каком-то там дневнике. Я думал только о том, как нам преодолеть эти чёртовы два километра, оставшиеся до указателя дальше по дороге. Когда мы проснулись, мы пошли дальше. Ира по-прежнему была сама не своя, но я не обращал на это внимания. Она была жива, и это было главное. На самом деле, в физическом смысле она была намного живее меня: крепко

держалась на ногах и шла прямо, не хромя и не покачиваясь. Но если говорить о состоянии ума, то, пожалуй, на той дороге волю к жизни я питал за нас двоих.

Возле указателя был полицейский пост. Ни на нём, ни где-либо в окрестностях мы не увидели ни одной живой души. Ди-джей на радио «Фаренгейт» обещал, что он и его многочисленная, вооружённая до зубов и подготовленная группа будет стоять здесь – прямо здесь – и ждать нас, горожан, решивших присоединиться к ним в их вояже к деревне с мэрской дачей. Всё рассыпалось на куски. Не было тут никакой вооружённой до зубов и подготовленной группы, стоящей вместе со своим роскошным автопарком прямо на дороге и поджидаящей отчаянных путников. Ди-джей говорил, что они переместятся в следующую условную точку только если встретят в предыдущей какую-либо опасность. Но и опасности здесь никакой не было. Не было ничего.

К тому моменту, как мы добрались до указателя, сознание моё уже плыло. Я не мог надолго сконцентрироваться ни на чём, не мог ничего анализировать, не мог как следует обдумать дальнейшие шаги. Я знал только одно: нужно искать дальше, до тех самых пор, пока мы не встретим хоть кого-нибудь. И мы пошли дальше.

Путь до следующей условной точки – заправки – был чертовски долгим. Мы то и дело останавливались, чтобы я мог передохнуть. Однако в какой-то момент, после одного из таких привалов, я вдруг понял, что следующая остановка

станет для меня последней, и что если я ещё хоть раз присяду на землю, чтобы дать пульсирующим и молящим о покое ногам отдохнуть, то больше не поднимусь. Осознание это было кристально чистым. Похожее приходит к человеку, когда он бежит на длинную дистанцию и всеми фибрами души хочет отдохнуть немного, на пару-тройку минут перейдя на шаг, чтобы потом с новыми силами снова перейти на трусцу. Но вот он совершенно чётко понимает, что стоит ему перейти на шаг, и марафон для него окончен. И бежит дальше, несмотря на смертельную усталость.

Когда и на заправке не оказалось никого, я окончательно выбился из сил. Но не потерял надежду. Я знал, что уж у мотеля «Десятый километр» – третьей и последней точки – мы точно их найдём. Должны найти. Но прошагать ещё десять километров вдоль по трассе я не смогу – это ясно как день.

Мы не стали заходить внутрь здания заправки, как сделали это в прошлый раз. Я упал прямо тут, на улице, успев только облокотиться на столб рядом с одной из колонок, чтобы тут же по нему медленно скатиться вниз, состыковавшись с местом, где я, как мне тогда казалось, и упокоюсь с миром. Я сказал Ире, что ей надо идти дальше по дороге, и что через десять километров она увидит мотель, и что в этом мотеле будут те, кто о ней позаботится и отведёт в безопасное место.

– А ты? – словно бы автоматически ответила она, без

тебя беспокоящих или взволнованных.

Я ответил, что если она поторопится, то, возможно, успеет сказать этим людям, где меня найти до того, как со мной случится самое печальное. Что она сможет вернуться с ними и показать им, где я лежу и, если я ещё буду жив, они смогут забрать меня и оказать помощь. Настоящую первую помощь, а не ту, что мы оказали друг другу после аварии. Она кивнула. Я отдал ей свой рюкзак, рассказал про свой дневник, который лежал внутри и попросил сохранить его, если меня не станет. Она кивнула. Казалось, будто бы сама она где-то не здесь, а разговариваю я с её оболочкой, которая только внешне напоминает ту самую Иру. Я мог надеяться только, что когда-нибудь она переживёт гибель родных, и что с ней снова всё будет в порядке. Когда она уходила прочь, я слушал, как шаркают по асфальту её кроссовки и до последнего пытался думать о хорошем.

...

Я проснулся бог знает, где; бог знает, когда. Место было незнакомым. Всё вокруг напоминало больничную палату: потрёпанную временем, обшарпанную, с довольно убогим убранством, но всё же – палату.

И конечно же я был прикован к кровати. Буквально.

Ремни сидели довольно туго. Я почти не мог пошевелиться: сковали меня не только по рукам и ногам, но ещё и поверх груди натянули хомут. С трудом, но всё же я приподнял голову и попытался взглянуть на свои раны на ногах: как они

там? Ничего не было видно. На левой руке была свежая перевязка, а то место в груди, куда мне воткнулось что-то, когда мы перевернулись, ощущалось так, будто было чем-то заклеено. Я сразу понял, что нахожусь в надёжных руках и уж конечно не стал нервничать, когда обнаружил себя связанным, и вопить как припадочный, чтобы меня немедленно освободили, как это делали психи в фильмах. Я уронил голову обратно на подушку, и по щекам моим пробежали слёзы радости.

От первого человека, который пришёл по мою душу, я узнал, где нахожусь. То была женщина в белом халате, и она сказала, что больница – это никакая не больница, а так, деревенский здравпункт, в котором и палата-то всего одна, и что мне крупно повезло, что я здесь один. Что привезли меня сюда ещё вчера, и что со мной была девушка. Так я узнал, что Ира жива, и что у неё всё получилось.

– А что это за деревня? – спросил я.

– Надеждинское, – ответила женщина в белом халате и добавила, – Теперь уж поди не деревня, а отдельный город, раз уж мэр ваш тут шефствует.

Так я получил ещё один повод для радости: столь огромной, что я и поверить не мог своему счастью. Мы добрались! Я не помню, как, но добрались, и это главное. Оставалось только поправиться и встать с этой кровати. С этим правда, по словам женщины в белом, должно было быть сложновато: что-то плохое стряслось с левой ногой, и чудо, что

её пока не пришлось ампутировать.

– Пока? – только и смог сказать на это я.

И потом всё снова поплыло.

Ира навестила меня вскоре после ухода женичины в белем. Она рассказала мне, как всё было: как она дошла до мотеля, встретила людей с Фаренгейта и привела их ко мне. Рассказала, как много было споров о том, стоит ли брать меня или нет: люди думали, что я вот-вот превращусь и не хотели рисковать. В конце концов сошлись на том, что заклеят мне рот и завяжут руки за спиной: так я не причиню никому вреда. Я с интересом слушал её рассказ и порой про себя, а порой и вслух удивлялся тому, как это я ничего такого не помню. Ира же рассказывала историю бесцветно и буднично: так, словно отчитывалась об очередном дне в школе. Она рассказала, как потом часть группы осталась ждать других уцелевших в мотеле, как и обещал в своё время ди-джей в эфире, а часть отправилась дальше, чтобы отвести меня куда-нибудь, где мне окажут помощь, и что она поехала с ними. Так мы и оказались здесь – в Надеждинском.

По словам Иры, это была небольшая деревенька со множеством вполне себе приличных, не деревенских коттеджей и таким же количеством обыкновенных деревянных домов. У некоторых коттеджей были чуть более высокие заборы, чем у всех прочих, и чуть более обширные придомовые участки. То были скромные домики тех, кто всем здесь управлял: мэра, начальника городской полиции и некоторых

других влиятельных людей из административного аппарата, которым удивительным образом удавалось сохранять своё влияние и по сей день, даже на втором месяце повсеместного хаоса и анархии. Возможно, дело было в монополии на ношение оружия, которая была здесь только у сотрудников службы охраны и полицейских, следивших как за порядком внутри поселения, так и несших вахту на его границах, чтобы не допустить проникновения мертвецов или вполне себе живых нежеланных гостей. Но даже если и так, как мэру и его подручным удавалось сохранять власть над этими вооружёнными людьми? Что удерживало их от того, чтобы перестрелять всех своих старых начальников или хотя бы просто сместить их, чтобы самим править бал или как минимум завладеть их роскошными домами? Ира этого не знала, потому что ей было всё равно. Её вместе с Сергеем, Кристиной и их племянницей Юлей определили в небольшой домик на краю деревни, и им было всё равно на то, как здесь всё устроено и на чём всё держится, пока у них была крыша над головой и гарантированный ежедневный паёк вдобавок ко всему, что можно было собрать с огорода хозяев, которые когда-то владели этим домиком как дачей.

Остальных членов группы Фаренгейта, когда они приехали сюда через пару дней, тоже приютили в Надеждинском, предварительно приказав сдать оружие. Кто-то, отказался это сделать. Как рассказала Ира, эти кто-то просто взяли, сели в тачки и отправились дальше по дороге. Ещё

она рассказала, что всех их – новоприбывших – водили на встречу с мэром. Что он им представился и, в общем-то, показался вполне себе славным мужиком, который знает, что делает. Я выпытывал у неё подробности, но она была немногословна. Её глаза... Чем больше я на неё смотрел, тем сильнее уже тогда убеждался, что что-то с ней не так. Что она не просто разбита и опустошена горем утраты родных, а что будто бы всё ещё глубже и ещё хуже. Но я не знал, что ей такого сказать, чтобы хотя бы на секунду увидеть в её взгляде жизнь.

Шли дни. Ира приносила мне всё, что я просил, а просил я в основном книги. Лежать в палате было скучно. Когда я отошёл от ужасов пережитого, постоянных ночных кошмаров и чувства подкрадывающейся опасности, я наконец ощутил её: старую-добрую скуку. Скука была артефактом того старого забытого мира, и этот артефакт я, наконец, отыскал. Я скучал и просил её приносить мне что-нибудь почитать: что-нибудь, что она найдёт в их новом доме или где-нибудь ещё. И она приносила. На второй неделе в больнице я вспомнил про свой дневник и, окрылённый, хотел было попросить её принести его мне. Но потом я вспомнил про то, что написал на его последней странице тогда, в полупьяном бреду, на заправке. И понял, что не хочу, чтобы она ненароком прочитала в дневнике мои рассуждения о том, была ли жива её мать, когда я бросил её там, в перевёрнутой машине, или она уже была мертва. Конечно, тогда, когда я ду-

мал, что умираю, я рассказал ей про дневник, и она, само собой, уже могла его прочесть. Но вдруг не прочла? Вдруг она просто забыла про него, и мне не стоит лишний раз ей о нём напоминать? В общем, дневник я у неё тогда так и не попросил.

Нога в конце концов пришла в норму, и отнимать её не пришлось. Когда женщина в белом сказала мне об этом, я выдохнул с облегчением. То было на третьей неделе после прибытия, и на четвёртой я уже окончательно пошёл на поправку. Последние три дня в палате были самыми сложными. Я чувствовал себя абсолютно здоровым и готов был уже выйти наружу, но за каким-то чёртом этой самой женщине надо было понаблюдать меня до воскресенья. Зачем? Какой в этом был смысл? Я так и не понял. Но послушно просидел взаперти до вчерашнего дня – до тринадцатого числа.

Тринадцатого ко мне пожаловал посетитель. Я не сразу узнал в нём человека из телевизора: мэра Гросовского, ещё прошлой осенью красовавшегося буквально на каждом придорожном рекламном щите, конкурируя разве что с частной охранной компанией Стар-К, заполонившей своим «спокойствием границ» всё вокруг. В предвыборную кампанию он тогда вложился знатно, хоть всем и было ясно, что ему никто из других кандидатов неровня. Выборы проводились ради соблюдения полурелигиозного демократического ритуала, и неизбежность переизбрания Гросовского на новый срок

была очевидна даже мне – на тот момент семнадцатилетнему – не интересующемуся ничем, связанным с политикой и всякого рода полурелигиозными ритуалами. Но даже будучи далёким от политики, нашего мэра в лицо я знал. Поэтому и ощутил всю магию момента, когда он вошёл в палату: момента, когда человек, доселе появившийся лишь как бесплотный идол-полубог в своего рода небольшой цифровой иконе на тумбе в гостиной, вдруг предстаёт перед тобой уже как обычный человек из костей, мяса и кожи. Я даже чуть приподнялся на локтях на кушетке, чего не делал даже когда приходила Ира.

– Лежи, лежи, отдыхай, – сказал он, закрыл за собой дверь, подошёл ко мне и сел на стул рядом с кроватью.

Это был мужчина с широким квадратным лицом, мощным подбородком и глубоко посаженными глазами. Ему было где-то около пятидесяти, и для своих лет он сохранил на голове весьма и весьма много волос. Волосы его, в свою очередь, были не по годам черны: ни одной тебе проседи или чего-то в этом роде. Видимо, мэр изрядно следил за собой в прошлой жизни, чтобы хорошо выглядеть на предвыборных плакатах перед избирателями, и новый мир пока ещё не слишком потрепал его.

– Как зовут? – спросил мэр, глядя своими голубыми глазами, кажется, прямо в мне в душу.

– Костя.

– Меня – Михаил Юрьевич. Очень приятно.

Мэр протянул мне руку. Я её пожал.

– Откуда сам вообще? В школе учился?

Гросовский стал спрашивать меня о моей жизни, а я отвечал ему как есть. Разузнал он, может быть, не всё, но многое. Зачем он это делал? Этого я тоже не понял. Видимо, тогда у нас было что-то вроде той встречи, которую он устраивал для вновь прибывших из Фаренгейта. Только в миниатюре. После расспросов Гросовский приступил к рассказу: он вкратце поведал мне, как здесь всё устроено.

– Люди просто живут здесь: кто-то лучше, кто-то хуже – как повезёт. Иногда приходят новые люди, и в крыше над головой мы никому не отказываем. Приходится, правда, иногда потесниться, чтобы принять кого-то ещё, но ничего: в тесноте да не в обиде. У нас здесь запрещено оружие: носят его только специально обученные люди, как это и было раньше. Опасности здесь никакой нет: по деревенским улицам заразные не ходят и никого не кусают. Периметр надёжно охраняется круглые сутки: мышь не проскочит. Если есть какие-то проблемы с другими жильцами – всегда можно обратиться к моим людям: их можно узнать либо по форме, либо по оружию. Подебоширить у нас тут не получится и каким-то образом других ущемить – тоже. Ну, ты, вроде, парень не из таких, правильно? Правильно. И ещё момент: у нас тут есть кое-какие текущие задачи, которые надо решать. Где-то кому-то по хозяйству помочь, что-то запасти, что-то построить – такие вещи. Как насто-

ящая работа, в общем-то. На каждом векторе задач есть ответственный человек из числа моих людей. Если к вам в дом постучится такой человек и скажет сделать что-то – не нужно отказывать. Понимаешь, да?

Я кивнул. Чем дальше мэр углублялся в свой рассказ, тем серьёзнее становилось его лицо. Из рыхлого, удобного добряка с рекламного щита он превращался в волевого, твёрдого руководителя, всю свою жизнь занимавшегося управлением чем бы то ни было: от пивного завода и сети магазинов разливного пива до целого города. Кто знает, куда занесла бы его судьба, если бы не конец света?

– Ну, ты, сразу видно, умный парень, – Гросовский хлопнул меня по плечу и тут же виновато одёрнул руку, поняв, что хлопнул он меня прямо по перевязке. Рана, правда, уже почти зажила, и я ничего не почувствовал.

Потом мэр сказал, что скоро за мной зайдёт человек и покажет мне дом, где вот уже несколько недель живёт Ира и мои старые знакомые, когда-то спасшие мне жизнь. После он попрощался и ушёл, а я остался ждать того самого человека.

Наконец, уже ближе к вечеру вчерашнего дня пришёл мой проводник. Я оделся в то, что он мне принёс и, наконец, вышел на свежий воздух. Так уж получилось, что всю золотую, пестрящую желтизной осень я провёл в больнице, а когда вышел, то оказалось, что почти все деревья вокруг облетели, и природа уже приготовилась встречать первые замо-

розки. Я удивлялся всему кругом, но больше всего я удивлялся тому, как спокойно и свободно я иду по одной из немногочисленных деревенских улочек. Кругом ходили какие-то люди, всюду кипела жизнь, и все здесь совершенно точно знали, что где-то там, за поворотом, их не поджидает толпа изголодавшихся мертвецов. «Неужели это оно?» – думал я, – «Неужели это то самое место?»

Я вошёл в дом, и там меня встретили все: Ира, Сергей, Кристина и Юля. В доме было тепло и светло. Светло, чёрт возьми! Мне только предстояло узнать, откуда здесь электричество. С больницей всё и так было понятно: там оно было нужно, и там стоял генератор. Но неужели такого рода машина есть здесь в каждом доме?

– Почти в каждом, да, – отвечал чуть позже на мой вопрос Сергей, – Может быть, где-то по одному на дом. Штука-то нехитрая, в общем-то. Да и он не то что бы круглые сутки у нас молотит и на всю катушку. Так, буквально чтобы свет вечером был. Недельную норму бензина мы ещё ни разу полностью не израсходовали.

Меня переполняли радость и щенячий восторг. Всё наконец-то начало складываться, всё вышло так, как мы и хотели. Вечером тринадцатого октября мы сидели на кухне у горячей печи и пили чай: так, словно приехали сюда на побывку к чьей-нибудь бабушке! Где-то там, через десятки километров, за рекой и за мостом люди места себе не находили в холодных бетонных джунглях, наводнённых, ко всему

прочему, ордами стенающих мертвецов, а мы тут – на тебе: сидим и пьём чай! Счастью моему не было предела.

Но стоило мне взглянуть на Иру, как всё разрушилось. Она вроде бы была с нами, вроде бы даже иногда смеялась над чьими-нибудь шутками, но во взгляде её читалось нечто другое. Будто бы частью своей – самой важной, основополагающей частью – она была где-то там, в десятках километров, за рекой и за мостом, в тех холодных бетонных джунглях, в которых неприкаянными призраками бродят сейчас её мать с отцом. И самое страшное в этом взгляде было то, что я совершенно не понимал его. Я не понимал, то ли она где-то там, глубоко внутри себя, тоскует, то ли скучает, то ли кипит от рвущейся наружу ярости. Что происходит с ней? О чём она думает? Чем она теперь живёт? Всё это мне до сих пор невдомёк.

Поговорить с ней наедине нам вчера так и не удалось. И сегодня – тоже. О сегодняшнем дне, кстати, ниже расскажу немного, коль скоро уж взялся писать. В целом, денёк выдался довольно заурядный, и в своей заурядности и обыденности он был прекрасен.

День 78

Нам выделили деревянную избу. Не самую лучшую во всей деревне, но и не самую худшую. Снаружи она выглядела как типичный деревенский домик: даже сайдингом снаружи она обшита не была. Видимо, в доме этом раньше не было

постоянных жильцов, и использовался он скорее как дачная ночлежка. Достался, наверное, в наследство каким-нибудь городским пижонам от почившей бабки, и пижоны эти бывали здесь редкими наездами: посадить, обработать и собрать урожай каких-нибудь неприхотливых корнеплодов или типа того. Зато огород здесь был огромный. И даже была своя баня! Вот уж что было настоящим праздником после мытья холодной водой в городской квартире: водой, которую ещё и нужно было экономить. А тут тебе и жар, и кипяток, и всё что хочешь. Мне здесь сразу понравилось. Внутренний двор от дороги отделяли ворота с двумя большими створками для проезда автомобилей и калиткой для входа и выхода людей. К этой калитке утром пришёл человек.

Это был невысокий мужчина с усами, одетый в тёплую куртку с меховой каймой на капюшоне. Сергей отворил калитку и вышел к нему. Я наблюдал за их разговором из окна избы и не слышал, о чём они говорили. Но по тому, как они по-свойски поздоровались друг с другом, стало понятно, что они уже знакомы. После непродолжительной беседы уса́тый мужчина ушёл, а Сергей вернулся в избу и сказал мне:

– Одевайся, Костян, пошли. Первый рабочий день.

Я не задавал Сергею лишних вопросов, потому что сразу понял, что к чему. Я достаточно отлёживал бока на больничной койке, и теперь пришло моё время вносить свою лепту в общее дело. Что это было за дело? Я пока не знал. Лишь надеялся, что это будет что-то, что я уже умею, и мне не при-

дётся учиться чему-то новому.

– В общем, суть работы такова, – рассказывал Сергей, когда мы шли по чуть влажной деревенской дороге, пыль на которой прибила утренняя изморось, – Строим стену: большо-о-ой такой забор. «Отсюда и до обеда», – как говорили в каком-то фильме. Работы – завались: нужно всю деревню очертить одним большим квадратом из сплошного забора, вроде того, что у нас на участке. Видел?

– Видел.

– Ну и вот. Только тот, что нам сказали строить, покапитальнее будет. Всё-таки не от скота, а от людей, да к тому же бешеных. Пока вкапываем столбы, напиливаем доски и крутим, крутим, крутим саморезами их к столбам: сначала вдоль, потом – ещё слой, но уже поперёк и в высоту. И это только первый этап пока: дальше надо будет всю эту конструкцию укрепить так, чтоб стояла намертво, даже если толпа на неё навалится. И всё это дело должно будет простоять до следующей весны. Весной, как бы вторым таким, внешним слоем, планируют ставить уже что-то серьёзное: что-то на бетонной ленте, чтоб было крепким и долговечным. Короче, придём сейчас – сам всё увидишь. Не знаю уж, какую задачу тебе конкретно поставят. Но что-нибудь придумают поди. Ямы копать умеешь?

– Ага.

– Вот и хорошо. Оно сейчас надо: долгое это дело и занудное. Земля уже мёрзнет потихоньку, копать с каждым днём

всё труднее будет, так что чем раньше всё выроем – тем лучше.

– Слушай, – начал я, вдруг вспомнив, чем закончилась наша с Сергеем первая и последняя встреча в городе, – Вы мотор-то с собой привезли? Который в машине был?

– Мотор? – не понял сначала Сергей, слегка озадаченный столь резкой сменой темы, – А-а, тот мотор! Пропеллер который? С парашютом? Привезли конечно. Улётная штука, во всех смыслах. Нашёлся умелец, который пару раз на таких летал, так он теперь каждый день в самом блатном дозорном наряде: облетает всё утром, днём и вечером, смотрит, что в округе происходит, нет ли где мертвяков и всё такое. Умельца, кстати, Захаром звать. Он ещё шарманку свою по радио всё крутил: к своим зазывал. Ира говорила, вы тоже по его наводке сюда направились.

– Ага, точно. Этот ди-джей, значит, тоже здесь? Ты его знаешь?

– Так, немного. Странноватый тип, если честно. Жутковатый, наверное, даже. Слышал, попивает изрядно: притащил с собой из города всю свою коллекцию дорогого бухла, которую на вылазках в магазины насобирает. И каждый день у него как праздник.

– Это ж сколько он бухла притащил, что ему до сих пор хватает?

– О-ох, много. У него и аппарат вроде какой-то есть для самогона. В общем, не только радиолобитель-парашютист,

но и на все руки мастер. Вроде бы даже приторговывает: гонит пойло и на бензин меняет. Но мэр такого, на сколько я знаю, не одобряет, поэтому ты особо никому не болтай. Я тоже не одобряю, на самом деле, но человека подставлять не хочется. Понимаешь?

– Ага.

– Вот, короче, пришли. Пойдём, прорабу нашему тебя представлю, он тебе задачу и определит.

Прорабом оказался тот усатый мужчина в тёплой куртке с капюшоном. Я подошёл к нему и представился. Он тоже сказал, как его зовут, и его имя тут же вылетело у меня из головы. Усатый дал мне лопату и сказал копать – всё как предрекал Сергей несколькими минутами ранее. Я сделал, как он велел: отправился рыть свою первую яму в специально отмеченном месте.

К обеду я натёр первые мозоли и, надо сказать, изрядно подустал. Ровно в час нас всех отпустили домой на приём пищи и наказали вернуться к трём. Мы с Сергеем шли домой вместе.

– Ну как? – интересовался он, – Устал?

– Пальцы болят. И мышцы вот, здесь, – я поднял руку и указал на область предплечья, – Получается, после обеда снова туда?

– Ну да.

– Ох-х. И до сколько?

– Как темнеть начинает – расходимся. Не парься, букваль-

но пара часов ещё. Основная работа – она утром. А вечером так: закончить начатое и инвентарь прибрать.

– Чё-то не знаю как-то. Непривычно это всё.

– А как ты хотел? – усмехнулся Сергей, – Всё как в жизни. Я бы тоже сейчас видосики монтировал и картинки бы рисовал, чтоб за свет и газ платить. Но видишь, как оно: другие времена – другие задачи. Другое ремесло приходится осваивать.

– Да у меня ремесло-то... Рой да копай себе. Руки только устают. Ты-то там чем занимаешься? Я видел, как ты столбы таскал. Только это что ли?

– Нет, ты что. Вымеряем всё, напиливаем – много всякого. Да и проект весь на какую-то часть мой: я там свои додумки тоже озвучивал, и на некоторых даже сошлись. Тяжело правда это. Вот уж что тяжело – то тяжело! Когда десять половозрелых мужиков договариваются о какой-то сущей хренотени, и каждый хочет как бы покрасоваться и вроде бы задоминировать над остальными, показав, что его идея круче всех, а остальные – отстой. Чисто тестостероновые шашки такие, к задаче не имеющие никакого отношения. Трата времени по сути. Но такие уж мы существа: хлебом не корми – дай лясы поточить да другим доказать, какой ты башковитый. Ну, короче ты понял. А если не понял – так и забей, не бери в голову. Это я так, о своём тут бухчу. Ты как, сильно прям устал? Смотри, если вообще невмоготу больше выходить – я договорюсь. Всё-таки первый день.

– Да нет, всё нормально.

– Точно?

– Да, да. Ерунда.

– Ну смотри.

Монотонный шум, который я начал слышать ещё несколько минут назад, как будто бы стал ещё ближе. Он был похож на тарактение какой-нибудь старой машины для сада и огорода: вроде газонокосилки или чего-то подобного. Только это была не газонокосилка.

– О, вот он, кстати, – сказал Сергей, задрал голову.

Я посмотрел наверх и увидел человека, парящего в воздухе. Над ним был надут купол парашюта, а за спиной у него крутился огромный пропеллер. То был тот самый Захар, тот самый ди-джей с радио Фаренгейт и тот самый бессменный воздушный дозорный в одном лице. Глядя на него, я завидовал непыльной и в то же время до жути интересной работёнке, выпавшей на его долю. Ещё мне хотелось познакомиться с ним и поблагодарить за то, что он, в сущности, привёл нас сюда, в этот островок безмятежности.

После обеда мы снова вернулись на рабочие места. Сергей на своё, я – на своё. За несколько часов до наступления темноты я выкопал ещё несколько ям из тех, что были обозначены как моя дневная норма. Со всем полностью я справиться не успел, и усатый прораб, кажется, был не слишком этим доволен. Что ж, остаётся только надеяться, что в голове своей он сделал для меня некоторую скидку в честь моего

первого рабочего дня и не записал меня сразу в когорту безнадёжных неумех.

Мы прибрали инвентарь и собрались в условленном месте, чтобы услышать дальнейшие указания усатого.

– Сейчас ничего такого не будет, просто скажут, что завтра будем делать, и что сегодня было не так, – комментировал происходящее Сергей специально для меня.

Так всё и случилось. После заключительного слова прораба на вахту заступило усиление патруля. Ночью по периметру выставляли значительно больше вооружённых людей, чем днём, из соображений безопасности: нужно было убедиться, что под покровом ночи в деревню не проникнет одиноко бродящий по окрестным полям мертвец или – чего доброго – несколько таких полуночных гостей. Патрульные были вооружены не только автоматами, но и фонарями. Они были как следует экипированы тёплой одеждой и, должно быть, имели под ней какую-то защиту от укусов и царапин. Были на них и бронежилеты.

– А броня им зачем? – спрашивал я Сергея по пути домой.

– Патрульным-то? От пуль, наверное. Не знаю точно. Но думаю, что они не только от мертвяков нас тут днями и ночами охраняют – вот что, – ответил он.

– А от кого ещё? Мне кажется, злостные мародёры и сволочи всякие как-то большей частью своей в городе остались, да и там уже поди друг друга перестреляли.

– Ну нет, отнюдь. Тут в деревнях знаешь тоже, сколько

таких? Тьма! Да к тому же и в живых их больше осталось тут, на отшибе. Людей в смысле, в целом. С эпидемией тут как-то попроще всё было: не так много больных, проще укрыться, пространства открытые. Кто с ума посходил в первые дни – тех перестреляли, а потом, когда властей не стало, началось самоуправство всякое. Кто во что горазд. Ну, тут как и у нас всё, собственно.

– И что, прямо много случаев каких-то разборок?

– Здесь-то нет. Про соседние деревеньки рассказывают: там из молодёжи лихой и из детдомовских, которые сами по себе, быстро банды зацвели. Где-то ребята эти так, по магазинам местным куражились, а где-то прямо от двери к двери с топорами да вилами, да с ружьями ещё ходили. Хотя раньше знали все друг друга до третьего колена, все друг с другом здоровались. Некоторые, как услышали, что в Надеждинском мэр со свитой своей порядок навёл, плюнули на всё, хаты побросали и сюда пришли, прямо так, пешком. А тут их уж приютили. В общем, Надеждинское, или Надя – так я иногда деревеньку нашу называю – со всех сторон такими вот бандформированиями окружена: тут на десять километров вокруг деревень пять-шесть где-то есть. Правда, те ребята с вилами да топорами сюда не суются: знают, что тут им отпор дадут. На самом деле, были даже случаи, когда такие вот балбесы потом тоже сюда приходили приюта просить: в магазинах всё пошло выжрали, праздник закончился, начались всякие разборки уже внутри группировок. И иные

подумали, мол, ну его нафиг! Покуражился и хватит, пойду дальше нормальной жизнью жить. Рано или поздно все к такому выводу придут, наверное. Из тех, кто живой останется.

– Наверное.

– Так что бояться особо нечего. Это тебе не ты один против кучи городских отморозков – здесь к тому же ещё и крыша надёжная. Единственная реально сопоставимая мощь тут у Старкова только, но он далеко стоит.

– Старкова?

– Ага. Полковника того, что город брал. Не слыхал про него?

– Нет.

– Да не мог не слышать! Про военных же ты знаешь, что они за город бились?

– Ну.

– Ну, то была часть мотострелковая, из соседнего городка. Вроде бы из того же, в котором атомная станция была – не помню точно. А командиром у них там, в части, и был этот полкан Старков.

– Он случайно с охранниками этими вездесущими не связан, которые рекламой весь город загадили? Фамилия на их название похожа, – спросил я, не подозревая, что попал в самую точку.

– Ещё как связан, – ответил Сергей, – Это ж его компания и есть! Только владел он ей как-то в обход, типа не напрямую. И людей туда набирал сразу из срочников, кому после

армии заняться было нечем – удобно! Не знаю я, правда, как они себя на войне с зомби проявили – компания его охранная в смысле. Но знаю, как батальон его себя проявил, хоть и понаслышке: что-то от новостей, что-то вон, от пацанов.

– Пацанов?

– Ну да, есть тут несколько, кто из-под его крыла сбежал в своё время. Из-под крыла Старкова я имею в виду. Дезертировал, проще говоря. Но их если послушать – там причины были. Как-нибудь познакомишься с ними, сами тебе всё расскажут. Нормальные ребята вообще-то. Дёрганные только. Да и последний раз, помню, жути какой-то один из них нагонял. Вроде из тех, кто совсем недавно от Старкова убежал.

– Какой жути?

– А, не бери в голову. И не парься лишний раз. Хотя тут я сам виноват: запарил тебя рассказами всякими. Хорошо, что пришли уже: можно заткнуться наконец-то. Ох-х, щас чайку с кайфом попьём! Да и я бы съел чего-нибудь, кстати. Ты как? Голодный?

– Пока не особо, – ответил я и вошёл в калитку нашего дома вслед за Сергеем.

После вечера в компании всех наших новых соседей, мы с Ирой, наконец, остались одни в нашей комнате. Впервые за бессчётное количество дней наше время вместе не было ограничено часами посещения, и мы могли говорить друг с другом хоть до самого утра. И я был готов говорить, го-

ворить и говорить о чём угодно до глубокой ночи, а завтра не выспавшимся и разбитым идти копать эти бесконечные ямы. Мне хотелось вкушать, пить, осязать каждую минуту с ней, проведённую здесь, в безопасности и покое. Но Ира моего настроения не разделяла. Она выглядела так, словно... Словно терпела меня. Раньше это было не так заметно, но теперь всё буквально читалось на её лице. Возможно, это как-то связано с моей выпиской из больницы – не знаю. Знаю только, что наш вечер вместе закончился сегодня тем, что она отдала мне этот дневник, пожелала спокойной ночи и молча ушла спать. Я хотел было начать выпытывать у неё, что не так. Что случилось? Как я могу помочь? Но ответы на эти и все последующие вопросы я уже знал заранее.

Я помню, что случилось.

Я знаю, что не так.

И я ничем не могу ей помочь.

Похоже, ту Иру из старого мира я всё-таки потерял в той аварии, в тот роковой, трижды проклятый день. И я не знаю теперь, какой день я ненавижу больше: его, день, когда я убил свою мать или день, когда люди вдруг перестали умирать. Или, может быть, день, когда я начал вести этот дневник, от которого теперь никак не могу отделаться. Дневник, который Ира, видимо, всё-таки прочитала, пока я был в больнице, и нет в этом ничего хорошего.

Запись 14

Пятнадцатое октября. Семьдесят девятый день с начала вымирания.

День выдался не очень-то насыщенный. Мало новых событий. Много новых знакомств. Много новой, настораживающей и одновременно наводящей на мысли информации, которую надо переварить.

День 79

Спал я всю ночь как-то скверно: мысли всё не давали покоя. Я думал, как бы так аккуратно спросить Иру про дневник и вообще про всё, что её гложет. Думал, как бы так с ней поговорить, чтобы ей если и не стало легче, то по крайней мере не стало хуже со временем. Мрачные мысли – вязкая штука. Остайся с ними на день-другой, и они тебя уже не отпустят, а самому освободиться от их хватки ой как нелегко. Что станет с ней, если в её голове и дальше будет происходить то, что происходит? Всю ночь напролёт меня терзали самые мрачные опасения на этот счёт.

Усатый в этот раз не пришёл. Предполагалось, что мы с Сергеем сами явимся на рабочее место спозаранку. Видимо, первый визит прораба к нашей калитке был скорее особым приглашением для меня – свежей рабочей силы, только-только вышедшей с многодневного больничного курорта. Сергей проснулся в восемь, а в восемь тридцать уже был готов выдвигаться. Я бодрствовал с половины седьмого утра. Ночь я почти не спал, и за час до восхода решил, что лежать

в кровати уже бесполезно. Я встал, пошёл на кухню и выпил кофе. Старого-доброго кофе, который всё вокруг делал как-то приятнее и удобоваримее. В шкафу я отыскал какие-то зачерствевшие пряники – получился полноценный завтрак. За ним я продолжил гонять в голове мысли, не дававшие мне покоя в постели. Приговорив несколько пряников и почти расправившись с кофе, я решил, что сегодня во что бы то ни стало поговорю с Ирой. Пусть это будет тяжело, и пусть хоть она тысячу раз пошлёт меня к чёрту – всё равно. Главное, чтобы она, наконец, отпустила этот камень тоски, уныния, злости и ярости от собственной беспомощности, который тянет её на дно. Бывал я уже на этом дне: ничего там хорошего нет.

В половине девятого мы с Сергеем отправились на стройку, на которой уже собирались люди. Кое-кто уже взялся за работу. Меня ждал мой старый-добрый друг: лопата. Мало приятного было в том, чтобы обхватить её черенок насквозь промозоленными ладонями. Ещё хуже было снова рыть эти треклятые ямы: руки мои, спина и мышцы живота страшно болели и умоляли остановиться, лечь прямо здесь, на земле, и не вставать, пока они как следует не отдохнут. Но копать было необходимо. Да и не хотелось мне, ко всему прочему, обращать на себя слишком много внимания, прося о выходном или о смене задачи. Эйфория, захлестнувшая меня вчера, когда я впервые всецело оценил спокойствие и красоту этого места сменилась страхом: осозанным и лежав-

шем вполне себе на поверхности страхом того, что меня отсюда выгонят. Нас отсюда выгонят. Уволят, как это бывает на обычной работе, отберут все выданные блага и отправят на все четыре стороны, пытаться счастье на большой дороге. Я боялся и потому работал на износ. Да к тому же и перед усатым прорабом старался выглядеть бодрячком при случае. Полный абсурд: я был измождён, и меня от всего тошнило, но я нарочно принимал молодцеватый вид и изображал ответственное отношение к задаче, только бы не расстроить шефа. Только бы заслужить его спонтанную, брошенную невзначай похвалу, которая ненадолго приглушила бы страх и придала бы мне уверенности в том, что моё положение здесь прочно, и что выселение мне не грозит. Сложная гамма чувств, в общем. Хотя ситуация во всех отношениях простая, не стоящая и толики таких переживаний. Но такова уж моя натура.

Рядом со мной ямы копал ещё один паренёк. Вчера он тоже был здесь, и мы с ним обменялись только парой слов, да и то случайно. Когда мы познакомились, он представился, но имя его я не запомнил. Сегодня я решил исправить это недоразумение. Я заговорил с ним: отчасти из желания завести здесь новые знакомства, а отчасти из желания отвлечься на что угодно, кроме выдалбливания ям в холодной, промёрзшей за ночь земле.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – ответил он.

– Слушай, забыл, как зовут тебя?

– Артём. А чё?

– Да так, ничё. Ты давно здесь?

– Не. Неделю где-то.

– А до этого где был?

– А ты чё спрашиваешь? Тебе перепроверить что ли сказали? Я уж десять раз всё рассказал.

Артём говорил и не переставал копать. На этом наш разговор мог завершиться. Но очень уж мне было интересно, что там такого – и кому – он уже рассказывал десять раз. И очень уж мне хотелось побольше говорить и поменьше копать.

– Да нет, я просто так. Я тут сам недавно. Вернее, давно, просто в больнице долго пролежал.

– Фартануло считай. Чё за больница? Здесь?

– Ага, здесь. Медпункт деревенский или типа того.

– И как туда угораздило?

Я выложил новому знакомому всю свою историю, от начала до конца. Самому говорить меня тоже вполне устраивало: так и копалось как-то веселее, и время шло чуть быстрее. За весь мой рассказ мы выкопали по одной только ямке, пару раз прервавшись на перекур. Артём угостил меня сигаретой, и я решил, что невежливо будет отказываться. На первых нескольких затяжках кашлял я здорово и никак не мог взять в толк, зачем люди курят. На кой чёрт всасывать в себя дым, а потом задыхаться и отплёвываться? Но всё дело было в привычке. К середине своей первой сигареты я уловил суть этого тлетворного занятия, и у меня получилось да-

же поймать тот самый кайф, ради которого всё и затевалось. Этот кайф ненадолго придал мне сил: я решил, что если где-нибудь раз в час прерываться на такой вот перекур, который будет служить своего рода наградой за усердие, то и работа перестанет казаться таким уж тяжким ярмом. Артёма моя неопытность позабавила, как и мои наблюдения касательно кайфа и сочетания его с работой. Я вдруг ощутил, будто между нами рухнула какая-то невидимая стена, и дальше разговор наш пошёл ещё лучше. Артём, наконец, рассказал хоть что-то о себе, найдя для своего рассказа удачную отправную точку в моей истории.

– ...и щиты там везде были исписаны, – говорил я, подходя вплотную к моменту аварии, после которой мы оказались здесь, – Да и стены – тоже. Про генерала этого было много написано, или кто он там...

– Полковник, – поправил меня Артём.

– А, точно, забыл.

– Что написано-то было?

– А, да всякое. «Старков – мразь» или типа того. И ещё кровью как будто: красная надпись была.

– Из пацанов кто-то, наверное, автограф оставил. Кто из города так и не вышел.

– Каких пацанов? – спросил я.

– Да не знаю я. Знал бы – сказал. Нас же не одна рота там была – несколько.

– В смысле «нас»? Ты тоже из военных что ли?

– Военных, х-ха... Ну да, – ответил Артём.

– И ты тоже город отбивал?

– Отбивал... Фарш крутил на отбивные.

Артём ухмыльнулся, и в ухмылке его промелькнуло нечто до крайности злое.

– Ну так... Так а здесь-то ты как оказался? – решил спросить я.

– Пришёл, ствол сдал и оказался, – ответил Артём, будто бы снова потеряв желание говорить.

– Так от Старкова ты, получается, ушёл?

– Получается, ушёл.

– А почему, если не тайна?

Артём вздохнул, перестал копать и облокотился на лопату. Потом он взял её, с размаху воткнул в землю, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Потом – предложил мне. Я снова не отказался.

– Да тему полковник придумал, – начал Артём, – Говорит, мол, с холодами надо в город вернуться и всё мясо с улиц убрать, подчистую.

– Мясо?

– Мертвечину. Мы их всех мясом звали – так короче. Типа: «Мясо слева! Одиночными – огонь!» Не говорить же: «Заражённые получеловеки на десять часов, наизготовку, товарищи солдаты, извольте лупить кучно и по головам!»

– А-а. Ясно. А что там про «вернуться»?

– А что про «вернуться»? А... Ну, короче, идея полкану в

голову гениальная пришла. Он же гений у нас, офицер, академии кончил. Говорит, мол, холодно станет – мясо медленнее будет, а то и вообще замёрзнет нафиг. И это, мол, хорошее время, чтобы город зачистить. Закончить нашу успешную июльско-августовскую операцию, завершившуюся тактическим отступлением за реку, плавно переросшим в отступление стратегическое.

По тому, как становились длиннее предложения, которыми говорил Артём, можно было понять, что обсуждаемая тема ему интересна. Было ясно, что его мёдом не корми – дай перемыть кости бывшему командиру, и что это одна из немногих вещей в этой жизни, которые ему всё ещё интересны. Я старался не прерывать его поток мысли и не мешать ему. Но мне не давал покоя один только вопрос. Я решил, что задам его и после этого уже точно не буду перебивать своего нового знакомого.

– А какой смысл зачищать город, если атомная станция взорвалась, и воздух над городом теперь ядовитый? Люди ведь туда всё равно в своё жильё не смогут вернуться. И жить там те, кто остался, тоже не смогут.

– Но они и уйти из города не смогут, пока мясо по улицам ходит и жрёт всё, что дышит. Помирать их теперь что ли оставить? Это первый момент. А второй момент – он такой, почти религиозный. У Старкова своя вера есть: он верит в то, что все байки про аварию на станции – это туфта, и что на самом деле автоматика на ней перевела энергоблоки, ре-

акторы – или как там всё это называется – в подобие спящего режима. И что не было там никакого взрыва, про который все тут говорят.

– А как же дым, который со стороны городка со станцией все видели? – снова не удержался и спросил я.

– По канону его веры, это был дым с нефтебазы в той же стороне. Мол, там что-то мощно бахнуло – отсюда и дым. Итого получается, что в этом мире горящих нефтебаз, уцелевших станций и розовых пони у города нашего ещё есть шанс. Всего-то надо отправиться в атомный моногород-спутник и взять под контроль хотя бы станцию, хотя бы одной ротой. Потом восстановить подачу энергии каким-то чудом: так меньше народа в городе перемерзнет. Затем – снова зайти в город и методично вычистить его от медленного, промерзшего мяса. Итого, вся операция стоит на вере в то, что станция цела и невредима; в то, что мясо на морозе становится медленнее; и в то, что идея с мобилизацией шпаны по деревням не провалится, а увенчается успехом.

– Идея с мобилизацией?

– С ней самой. Она уже идти должна полным ходом, кстати. Я-то сбежал ещё на моменте, когда роту послали на станцию, радиоактивным пеплом дышать. Собственно, я в этой роте и был. И я ещё в августе, пока с интернетом всё нормально было, читал про эту станцию: что она точно рванёт – к гадалке не ходи. Дым этот, правда, про который тут говорят, я сам не видел, но пацаны многие про него рассказыва-

ли. Оттуда и байка эта про нефтебазу родилась: не видел бы никто дым – и выдумывать ничего не пришлось бы. Короче, у меня не было желания лезть в зону отчуждения только потому, что нашему гениальному командиру кажется, будто там всё нормально. Поэтому я свалил. Рота у нас там правда была – полтора человека. До станции точно никто живым не добрался.

– Откуда знаешь?

– Да потому что задача самоубийственная – вот откуда! От начала до конца дичь. Лезть в дымящийся реактор и по ходу дела ещё мясо отстреливать с половиной нормы боекомплекта. Говорил там одному, что валить надо – не послушал. Вот и пришёл сюда я один. Автомат сдал, лопату получил. Вот и копаю. Такая история.

Артём сделал последнюю затяжку и выбросил сигарету. Я не хотел, чтобы на этом его история заканчивалась: мне хотелось подробностей.

– Так, подожди, а что там с мобилизацией-то? – спросил я.

– Идёт она. Дай бог, чтоб досюда не дошла. Хотя, мне кажется, Старков с Гросовским таки переговариваются как-то по рациям вечерами: этим большим дядям с полномочиями веры нет никакой, для них люди – что грязь под ногами. Сейчас уже поди торги ведут какие-нибудь за наши головы. Именно что за наши: не своих же пацанов мэр к Старкову в полк определит. Свои ему тут нужны. А всяких лопатных дел мастеров поди ему парочку отсыплет. Да горючкой по-

ди поделится, если хорошо попросят. Будем без света сидеть тут, но зато полкану будет, чем повоевать.

– А как сейчас-то она идёт, мобилизация эта твоя? Что они делают-то?

– По деревням ездят, шпану полупьяную собирают, которые бабок с дедами зашугали, и всё, теперь ты в армии, сынок. Возрастной ценз гибкий причём: только совсем детей не берут. Да и девчонкам тоже рады, я думаю. Я точно не знаю: говорю, когда я ушёл, ничего ещё не началось. Но должно было начаться: офицеры напропалую про это говорили, и все давно в курсе всех планов были. Многие, кстати, по этому поводу ещё раньше свалили из расположения. Кто-то здесь теперь тусуется, кто-то ещё куда-то подался. Короче, люди Старкову сейчас больше, чем пули нужны. Только я скорее пулю схлопочу, чем с ним обратно в город пойду. Или вообще с кем-то. Ладно, заболтались чё-то, давай копать уже.

Видимо, Артём сам вдруг решил, что история его подошла к концу. На мои дальнейшие расспросы он отвечал теперь односложно, и вскоре стало ясно, что разговор дальше не пойдёт. Тем не менее, я узнал достаточно для того, чтобы ум мой не скучал, пока тело моё занимается рутинной работой. Всё оставшееся до обеда время я провёл в попытках мысленно достроить картину происходящего вокруг, наброском для которой послужила история моего нового знакомого.

О новом знакомстве и о том, что поведал мне мой коллега

по копке ям для заборных столбов, я рассказал Сергею, когда мы возвращались домой на обед. Не дослушав до конца мой пересказ, он лишь презрительно хмыкнул.

– Да, да, я его тоже послушал как-то, – сказал он, – Тот ещё тип. Ты всё сказанное им дели напополам – вот, что я тебе скажу.

– Думаешь, неправду говорит?

– Думаю, говорит правду, но дутую. По нему же видно, что человек он тревожный, склонный всё преувеличивать: от масштабов какой-то проблемы до масштабов своей куцей личности. Он тебе не рассказывал, как он геройствовал при зачистке города?

– Нет.

– А мне говорил. Но тоже так аккуратно: как будто бы и не гордился этим вовсе, а наоборот: с таким, знаешь, деланно-стеклянным взглядом всё рассказывал, с пафосом бывалого ветерана тысяч локальных конфликтов. Ну хочется человеку в ветерана играть – что тут поделывать?

– Не, ну может он и правда...

– Да ты видел его? Синюшный очкарик девятнадцатилетний: если б он в штабе у Старкова под боком где-нибудь не сидел, то уже давно погиб бы в замесе первых дней. Оттуда и понабрался всяких сплетен, как бабка подъездная. А потом – помножил их на тревожность свою. Видел, как глазёнки у него бегают? Он же сто пудов один из тех, кто постоянно обо всём волнуются и всего боятся. Мёдом не корми – дай

потрястись о чём-то. Параноик. Не знаю, что он тебе там на-
рассказывал, но когда я с ним поговорил, то подумал, мол,
всё, щас приедет воронок Старкова и по договорённости с
Гросовским нас на мясо увезёт. Причём не на войну с зом-
би, а именно на мясо: на ритуальное кормление городских
мертвецов, мух, личинок Великой Матери Детоедов или ещё
кого. Короче, что бы он тебе там ни рассказал – дели напо-
полам. А лучше на ноль сразу. Тут у нас ещё парни есть, ко-
торые раньше от Старкова откололись. Они про него говори-
ли, что писарь это штабной, а никакой не командос, кото-
рого, видите ли, в самое пекло отправили: на взорвавшуюся
станцию. И, мол, душа поэта не выдержала, и он от само-
убийственной миссии себя самоустранил. Пацаны те говори-
ли, что он скорее всего просто прознал, что Старков движуху
затекает, а здесь в это же время жизнь идёт своим чередом,
испугался и дёру дал. А про то, что он «откололся от группы,
направлявшейся на самоубийственную миссию» – это он до-
думал. Ну прикинь, кто его отправит на какое-то серьёзное
дело? Ты его видел?

– Да видел. Но они – пацаны-то эти – откуда знают сами
всё? Они же раньше от Старкова ушли. Тоже, получается,
додумывают.

– Может, и додумывают, но им веры больше. Не знаю. Мо-
жет, мне просто тип тот не нравится – Артём этот самый.
Есть в нём что-то такое скользкое. Нехорошее у меня пред-
чувствие какое-то насчёт него. Хотя, пока он тут молча ко-

пает ямы, всё окей.

Перед самым входом во двор я вдруг осознал нечто восхитительное, поймал этот момент и успел всецело его прочувствовать в доли секунды. Я вдруг понял, что всё это время мы с Сергеем шли и занимались сушей ерундой: сплетничали о каком-то типе с нашей общей работы. Словом, делали что-то, что делали бы где-то там, в нормальном мире, если бы нам всем вместе пришлось работать в одной компании. И я снова изумился тому, насколько нормальной стала наша жизнь здесь в сравнении с тем, что было там, в городе.

После обеда меня внезапно определили на другой участок и на другой фронт работ. Теперь я уже не копал ямы, а покрывал столбы специальной пропиткой в тех местах, которыми они должны были быть вкопаны в землю. Я сразу смекнул, что это Сергей договорился обо мне с кем-то из старших: увидел, как я устал заниматься этими бесконечными ямами и попросил перенаправить меня на что-то полегче. Тем лучше. Я был рад посвятить всего себя чему-то, что не высасывало бы из меня последние соки. Совсем ничего не делать мне тоже не хотелось: я счастлив был отплатить этому роскошному месту за всё своей полезностью в любом качестве. Покрытие столбов пропиткой далось мне легко, и к концу рабочего дня я даже почувствовал себя отдохнувшим.

Наш путь домой сегодня лежал через дом Захара.

– У меня днюха сегодня, – пояснил Сергей, когда мы прошли нужный поворот к нашей избе, – Хочу отметить как-то.

Вообще я не люблю это дело: мол, праздник – значит надо бухнуть, а раз не бухнул, то и не отметил. Но сегодня как-то... Не знаю. Время сейчас такое, что хочется в День рождения чего-то давным-давно забытого, понимаешь?

– Поздравляю! – ответил на это я, – А сколько тебе?

– Тридцать один. Второго ноября, вроде, у Юльки ещё днюха, кстати. Или не второго – не помню, надо у Кристины спросить. Короче, где-то скоро у мелкой тоже праздник. Надо будет чё-нибудь придумать.

– Ага.

– У тебя, кстати, когда?

– Пятого, – ответил я.

– Пятого чего?

– Октября.

– Опа... Прошёл уже получается?

– Ну да, – ответил я и сам удивился тому, как я напрочь про всё забыл.

– И сколько тебе?

– Девятнадцать.

– Девятнадцать – это кайф! – мечтательно сказал Сергей, устремив взгляд куда-то вдаль и, видимо, вспомнив о чём-то приятном.

– Кому как, – пожал плечами я.

– Хм, это точно. Ладно, твой тоже давай сегодня отметим.

Щас придём – выберешь себе чего-нибудь.

– Да я не знаю как-то...

– Я угощу, не скромничай. Всё-таки... Не знаю. Надо, в общем, праздники себе устраивать, я считаю. Никогда не знаешь, что завтра будет.

– И правда.

Спустя пять или десять минут мы подошли к дому, внешне напоминавшему наш: во всяком случае, в темноте. Свет в окнах не горел, но Сергей всё равно постучал.

– Он точно дома, – прокомментировал он, – Живёт просто как аскет: свет не жжёт, избу сильно не топит. Говорю: странноватый тип. Но запасливый. И полезный.

К калитке с той стороны подошёл человек, и через мгновение она отворилась.

– Добрый вечер, Сергей, – поздоровался человек звонким поставленным голосом: таким голосом, который раньше можно было слышать в рекламе, в новостях или в радиоэфире.

– Добрый вечер, Захар, – ответил Сергей. Они говорили друг с другом так, словно были закадычными старыми друзьями и нарочно играли в эту странную игру, целью которой было превзойти собеседника в любезности.

– Кто это с вами?

– Ваш большой поклонник, Захар. Ещё один.

– Тоже Фаренгейт слушал? – спросил Захар, посмотрев уже на меня.

– Было дело, – ответил я, – Вы меня и привели сюда. Спасибо вам. Даже неловко как-то: вроде как знаменитость уви-

дел...

– Да можешь на «ты», не парься. И не робей! Знаменитость – тоже скажешь... Ладно, заходите. Что хотели-то?

– Да вот, горячее поменять. Моё на твоё, – ответил Сергей, показав Захару канистрочку, которую он всё это время нёс с собой.

– А-а. Ну, это можно.

– Только я чего-нибудь такого хотел, типа... магазинного.

Понимаешь?

– О-о, магазинного!.. Ну, будет тебе магазинное. Только там курс обмена другой. Понимаешь?

– Ясен пень. Сколько не жалко будет.

– Для хорошего гостя ничего не жалко. Внутри аккуратно, погодите пока фонарик включу. И можете не разуваться.

Захар завёл нас в свою лачугу, привёл в одну из комнат и показал ассортимент своего личного ликёро-водочного отдела. Там были все те красивые этикетки, которыми раньше пестрили полки алкогольных отделов в супермаркетах.

Последний раз я видел такое изобилие в Радуге.

Некоторые бутылки были наполовину пусты и лишь две были запечатаны и нетронуты.

– Почём вот эти две? – спросил Сергей, указывая на полные бутылки.

– О-о-о! Тут, наверное, я на цистерну девяносто пятого только соглашусь поменять. И то если сторгуешься. Их я на свой последний день берегу, редкость большая. Так что они

не продаются. Посмотри ещё что: может, приглянётся. За твою канистру могу, в принципе, отдать Джека, Джона или Джима – на выбор, что захочешь.

– А двоих нельзя?

– Двоих – многовато.

– Да у меня днюха сегодня просто. И у пацана – тоже. Была. Думал, может, на двоих как-то получится...

– С днюхой – поздравляю. А на двоих... Нет, два бутыля, даже отполовиненных – это много, не обессудь. Могу предложить по половине половины, как тебе? У меня двухсотграммовые фанфурики от шмурдяка какого-то были как раз, пустые. Даю их – до краёв. А наполнение сами выбирайте. Берёте?

– Берём? – спросил Сергей меня так, словно я мог сказать что-то другое, кроме:

– Берём.

Сергей наполнил свою ёмкость Джеком, а я – его приятелем Джимом. Затем мы расплатились и стали прощаться с хозяином.

– Ладно, благодарю за содействие, Захар, – сказал Сергей, снова вернувшись к этой приятельской деланной учтивости.

– Всегда рад услужить, Сергей, – подхватил Захар.

– Рад был познакомиться, – сказал я и протянул хозяину чуть трясущуюся от нелепой робости руку, – Спасибо ещё раз, что... Что с радио так придумали.

– Работа была такая, – ответил на это Захар, пожав пле-

чами.

– Вы там, на радиостанции, с первого дня были? – за-
чем-то вдруг спросил я перед самым уходом.

– Ага. Нехилая переработка вышла, да?

Захар улыбнулся и хлопнул меня по плечу. Я внутренне обрадовался этому так, словно бы получил от него автограф.

Когда мы шли домой, меня распирало от чувств, и я поделился ими с Сергеем.

– Здесь просто... Не знаю. Как клёво, что я до этого до-
жил! – сказал я.

– А то, – ответил он, – Всё как в сказке считай. Чудная тема, да? Когда вокруг – сплошной фильм ужасов, и обычная тупая и бестолковая жизнь кажется сказочной. Работа, дом, бухич по праздникам, свет, тепло, жратва и тёплая постель. И как будто бы больше ничего не надо, да?

Я не понимал, серьёзно ли говорит Сергей или это его изошрённый сарказм, который я не могу понять, потому что ещё слишком молод для сарказма тридцатилетних мужиков. И я ничего не ответил ему, решив сменить тему.

– Слушай, а как получилось, что Захар этот живёт один в целом доме?

– И дом-то ещё какой просторный, да? – усмехнулся Сер-
гей, – Не знаю я, как так получилось. Догадок даже никаких нет. На что-то, видимо, с шефом сторговался – с Гросовским в смысле. А на что – этого уж не знаю.

Когда мы вернулись домой, я выпил всё, что купил для ме-

ня Сергей. Он опустошил свою бутылку вместе с Кристиной, которая даже подарила ему что-то на его праздник. Я вышел на улицу и выпил свою порцию в одиночестве, сидя на крыльце небольшой пристройки к дому, которая когда-то давным-давно была то ли летней верандой, то ли курятником. Когда бутылка опустела, я порядком разомлел и на момент даже испугался своего состояния. Всё-таки пить – это дело привычки, и я к этому делу совсем не привык. Сидя на том крыльце и пряча руки от холода в карманы куртки, я вспоминал, как упивался родительскими настойками, медленно сходя с ума в своей квартире. Казалось, всё это происходило где-то в другом мире, с кем-то другим. Я понял, что уже очень давно не вспоминал о матери и об отце. Я вообще не думал ни о ком из тех, кто остался в Радуге, когда мы с Аркадием бежали оттуда. Я не думал и об Аркадии, про незавидную судьбу которого как-то мельком обмолвился Лёха. И Лёха... Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы вспомнить, кто это вообще такой. А был ведь ещё и тот полицейский, и майор из спорткомплекса, и бородатый мужик с его отвлекающей машинкой, и та девчонка, которая была с Аркадием... как там её звали?.. вроде, у неё мать работала в Радуге. И был ещё кто-то, и ещё кто-то.

И были Ирины мать с отцом, которых теперь нет, и о которых я, в отличие от всех прочих, думаю теперь каждый день, потому что Ира думает о них каждый день.

Мимолётная мысль об Ире словно бы была застрявшим в

сливе раковины волосом, потянув за который я вытянул на свет божий склизкий и омерзительный комок дурных предчувствий и переживаний. Склизким комком было всё то, что окружало нас двоих в последние дни: этот нудный и тягучий ореол недосказанности и кромешного, слепого, глухого непонимания. Я не понимал, что с ней происходит. Вернее, понимал, но как будто понимал не всё и упускал из виду то самое важное, в чём сидел корень проблемы. И это самое важное я разглядеть никак не мог, как ни старался. И это жутко бесило меня, отравляло жизнь и мешало насладиться в полной мере долгожданным спокойствием и умиротворением здесь, на этом островке безмятежности в океане хаоса и смерти. Вот и вечером сегодня, вспомнив про всё и сразу, да ещё и под градусом, я пришёл в отчаяние: такое, которое обычно заканчивается истерическим смехом и нелепым поведением. То самое пьяное отчаяние, друг и спутник которому – лихое бесчинство на горячую голову и всяческие спонтанные безумства. В какой-то момент я вдруг вскочил с крыльца и твёрдо решил взять из сарая ещё одну канистрочку бензина из Сергеевых запасов, отправиться к Захару и поменять у него горючее для генератора на горючее для души и тела. Сергей меня, конечно, как следует отчитает за это завтра, но то будет завтра. Сегодня же ум требует продолжения банкета и не хочет думать о каких-то там последствиях и прочей скукоте.

Я взял всё что нужно с собой и так тихо, как только мог,

вышел за калитку. Дорога после лёгкого вечернего дождичка стала размокшей и размякшей, и галоши, в которых я брёл по улице, оставляли в земле глубокие следы, а иногда и вообще вязли в ней, если я по неосторожности наступал в ямы с лужами. В тот момент я не заботился о том, как выгляжу в глазах всех тех, кто видит меня в свете уличных фонарей. Я просто брёл себе, пошатываясь, по деревне и совершенно не думал о будущем. Что если меня увидит патруль и доложит о моём непотребном поведении? Никто не говорил мне о том, что пьянка здесь под запретом, но, может быть, это само собой предполагалось? Или взять хотя бы Захара: Сергей говорил мне, что спиртным он торгует тайно, так может мой визит к нему в столь поздний час – да ещё и такой неприкрытый и экстравагантный – привлечёт к его маленькому бизнесу ненужное внимание, и из-за меня у него будут проблемы? Ну, будут и будут – плевать, чёрт с ним! Главное, что мне это надо, и что я сам знаю, что делаю, а на остальное – чхать я хотел! Пошли они все! Детей мне с ними что ли крестить?

Такая каша из стыда, опасений, немотивированной агрессии и куража бурлила в моей голове всю дорогу. Особенно интенсивно она кипела когда я оказывался в свете фонаря: я ощущал, будто всё моё естество со всеми моими грязными помыслами выхватывал из мрака луч прожектора, за которым стоит сама госпожа Совесть. Но как только я уходил из света и снова оказывался в темноте, мысли затихали, и голова успокаивалась.

Спустя пять или шесть, или, может быть, десять фонарей я оказался у нужной избы и постучал в калитку. Никто не открывал. Я точно знал, что Захар дома: во всех его окнах горел чуть приглушённый свет. Я постучал ещё раз: на этот раз громче. Хозяин всё ещё не реагировал, а вот внимание его соседей на себя я, кажется, обратил. Соседи Захара – какие-то люди, имена которых я не знал, и с которыми раньше даже не встречался – стояли на улице и смотрели наверх так, словно увидели там что-то новое: какие-то новые звёзды, вторую луну или созвездие, доселе остававшееся неизвестным для астрономов. Они ненадолго отвлеклись и посмотрели на меня, когда я стукнул в калитку слишком сильно, а потом – снова принялись смотреть наверх. Невольно я тоже задрал голову, но в упор ничего не увидел.

Потом я снова постучал, и на этот раз Захар отворил.

– Ну? – сказал он с порога, не желая, видимо, чтобы наш разговор длился долго.

– Захар, я это... Здравствуйте! Мы сегодня были с моим соседом у вас. Он подарок себе на День рождения покупал... ну, такой, горячительный.

Сам не знаю зачем, но о бухле я старался говорить эвфемизмами. Видимо, чувствуя греховность и постыдность всего своего предприятия, стремился так от него отстраниться.

– Какой подарок? – раздражённо переспросил Захар, явно не желавший выискивать двойное дно в моих формулировках.

– Ну, спиртное. Джека и Джима. Фанфурики вы нам ещё дали.

– А-а... И чё, ты канистру мне эту принёс? За догоном тебя отправили? Или сам для себя пришёл? Давай короче, времени нет!

– Отправили, – соврал я.

– Удачно зашёл ты. Канистра мне твоя уже не нужна, себе оставь. А бухло – сейчас вынесу. Что вынесу – всё твоё.

– Ого. С чего это так вдруг?

– А тебе что ли разница есть? – спросил Захар, оглянувшись по сторонам и, чуть обречённо вздохнув, добавил: – Ладно, заходи уже. Торчать тут будешь – только лишнее внимание привлекать. Давай шустрее только!

Я послушался и вошёл во двор. Захар закрыл за мной калитку и подпёр её задвижкой. На крыльце его избы горела лампа и чуть подсвечивала часть двора. В центре него стоял тот самый парамотор, который я уже видел когда-то, и с которым я в своё время проехал через весь город, надеясь на нём долететь до Ириного дома. К нему был прикреплён пароплан, и по всему было видно, что аппарат готов к отлёту. Помимо, собственно, аппарата, рядом лежали ещё и несколько сумок, доверху набитых чем-то, и куча хлама, разбросанного тут и там.

Когда мы вошли в дом, то я увидел, как внутри всё поменялось с нашего последнего визита сюда вместе с Сергеем. То было всего несколько часов назад, но комнаты – все, кро-

ме кухни – изменились до неузнаваемости. Во-первых, везде горел свет, и одно только это делало всё вокруг другим. Во-вторых, всё буквально было перевернуто вверх дном: все шкафы были открыты, вещи валялись на кроватях и на полу, всюду, где лежали ковры, они были сбиты и скомканы. В главной комнате ковёр был свёрнут рулоном, а прямо рядом с ним зияла дыра открытого подпола.

– Вы переезжаете что ли? – в шутку спросил я.

– Прибираюсь, – бросил Захар через плечо, не оборачиваясь.

Мы подошли к трюмо, на котором стояла вся Захарова коллекция дорогого алкоголя. Я заметил, что там больше нет тех двух бутылок, про которые он говорил, что хранит их на свой последний день. Захар наугад взял четыре бутылки разного размера и формы и протянул их мне.

– Держи. Ещё сколько-то унесёшь или хватит?

Я ничего не понимал. Было совершенно ясно, что что-то не так, но мой охмелённый мозг отказывался понимать, что именно. Я взял бутылки, прижал их к груди и только и смог сказать, что:

– Спасибо.

– Не за что, – ответил Захар, – Ещё, говорю, брать будешь?

– А вы это... Почему так?

– Что «почему»?

– Ну, товар свой раздаёте.

Захар снова вздохнул. Вздохнул так, словно не хотел отве-

чать на мой вопрос, но в то же время и был рад тому, что я его задал. Словно бы ему хотелось чем-то с кем-то поделиться, но он не знал, с кем, и потому был единственным носителем какой-то терзающей его самого тайны. Должно быть, у него было не особенно много товарищей здесь, в Надеждинском, раз он не успел выложить эту самую тайну никому, кроме меня – случайного вечернего гостя, ненароком забредшего в его обитель в столь поздний час. Наверное, за этим он на самом деле меня и впустил: чтобы поделиться чем-то, чем делиться ему было, возможно, запрещено.

– Короче, слушай, – начал он, – История долгая, от начала и до конца рассказывать не буду. Времени мало: хочу к утру всё успеть. В общем...

Рассказ и впрямь не занял у Захара больше десяти-пятнадцати минут, со всеми моими бесконечными вопросами. В конце концов, он попросту выпроводил меня, вытолкав за калитку, и сказав, что ему нужно собираться, и что мне пора идти домой.

– Серёге там подскази тоже. И вообще всем своим, – крикнул он мне вдогонку.

Домой я шёл с тяжёлым грузом: в одной руке у меня была канистра с горючим, в другой – нечто, похожее на старый и потасканный школьный портфель, набитый гремящими бутылками, а на душе – тревога, которая была тяжелее всего прочего. Дорога под ногами по-прежнему была мягкой и кое-где топкой. Фонари по-прежнему подсвечивали путь и

помогали обнаруживать лужи и обходить их.

«На фонари-то они и смотрели», – подумал я, проходя мимо того дома, возле которого жили те самые соседи Захара, несколько минут назад показавшиеся мне странными. Но теперь-то я всё понимал.

Я всё ещё был пьян и слабо соображал, что происходит. Ещё недавно я сидел на крыльце стайки возле нашего дома и делал первые глотки из своей ещё непечатой бутылки. Потом всё стало каким-то мутным и расплывчатым: точно киноплёнка, из которой вырезали кучу важных кадров, потом склеили и снова вставили в проектор. Вот я иду к нему, вот я что-то наблюдаю перед собой в его логове и даже думаю о чём-то там, и даже пытаюсь что-то говорить. Вот он рассказывает мне свою дикую историю, которую я слушаю через слово, а потом – я снова на дороге, иду обратно. Когда я вернулся на крыльцо стайки, мне показалось, что всё моё путешествие к дому Захара случилось где-то во сне или в моей голове. Потому-то я и не спешил возвращаться в дом, чтобы рассказать обо всём Сергею, Кристине, Ире и Юле, которой об этом знать было ни к чему, но которая всё равно всё услышит. Я не мог до конца поверить в реальность произошедшего. Однако прямо под моими ногами лежало убедительное доказательство того, что всё случилось на самом деле. В доме у нас всё ещё горел свет. Видимо, Сергей с Кристиной и Юлей всё ещё на кухне, всё ещё отмечают Сергеев День рождения. Ира почти наверняка не с ними: лежит се-

бе на кровати и думает свои чёртовы чёрные мысли, выгля-
дя так, словно бы она единственная, кто в хаосе судного дня
потерял близких.

К кому из них я должен пойти первым? К Ире, с кото-
рой, благодаря Захаровой истории, мы снова сможем хоть
о чём-то поговорить? Или, может быть, к Сергею, которого
эта история – как и меня – напрямую касается? Я решил,
что неплохо будет собрать их вместе и разом испортить кайф
всем: Сергею и Кристине – кайф от торжества; Ире же – кайф
от времени в одиночестве и покое. Я встал с крыльца и на-
правился было в дом. Потом вернулся, чтобы взять с собой
портфель, доверху набитый спиртным: всё-таки надо будет
чем-то подсластить пилюлю.

Я вошёл в избу. Сергей встретил меня удивлённым и уже
довольно ословелым взглядом.

– Ну ты долго чё-то там! – сказал он, – О, а чё за портфель?

Не зная, с чего начать, я решил сперва обратить их вни-
мание на то, что было до крайности очевидным, но что сам
я заметил только на обратном пути от Захара.

– Вы видели, что на улице? – спросил я.

– Чё такое? – встрепенулся Сергей, махом протрезвев и
готовясь услышать худшее.

– Фонари горят. И не только у нас: в соседних деревнях
тоже. Генераторы больше не нужны: электричество так ра-
ботает.

– Ты чего такой ошалелый? – спросила меня вышедшая из

комнаты Ира, направлявшаяся, по всей видимости, на кухню за стаканом воды или ещё за чем-то. То был первый раз за очень долгое время, когда она меня о чём-то спросила. Я так обрадовался этому, что следующую свою фразу сказал с дурацкой улыбкой во весь рот, которая совершенно не подходила к смыслу высказывания.

– Завтра тут замес намечается.

И я поведал им всё, что рассказал мне Захар.

С кухни мы все разошлись только к трём ночи. Всё думали, как нам быть и что делать дальше. Где-то в три я и сел писать. Иру я не стал утомлять запланированным на вечер разговором по душам: хотел, чтобы она выспалась как следует. Сам я, по доброй традиции, пренебрёг сном: пожертвовал им ради дневника. Хотел, запечатлеть здесь сегодняшний день, прежде чем, возможно, сделаю новую паузу в записях. Вынужденную паузу.

Историю Захара излагать здесь не стану: уже почти утро, и хочется спать. Да и не знаю толком, на самом деле, с чего начать. Рассказать так, голосом, было проще, хотя и тогда, на кухне, я по первости не знал, с какого конца ко всему подступиться. Посмотрим, как оно завтра будет. Может быть, всё обойдётся.

Запись 15

Шестнадцатое октября. Восьмидесятый день с начала

вымирания.

Вот, похоже, и всё. Хорошо хоть выдался шанс написать что-то в последний раз. Если и сейчас пронесёт – хорошо. Но верится почему-то с трудом: ещё меньше, чем верилось тогда, когда я собирался отправиться к Ире через наводнённый мертвяками город. Не знаю, почему. Может, мне просто страшно. Может, это из-за трупа рядом со мной, который лежит тут и напоминает о том, насколько смерть реальна. И насколько безобразной, бестолковой и внезапной она может быть. Так или иначе, вот ещё один мой автограф с моим очередным «Уж сейчас-то я точно умру» вместо подписи. Если вы убьёте меня, не уничтожайте, пожалуйста, этот дневник – вот всё, о чём прошу. Но смиренно сидеть и ждать вас я тоже не собираюсь: попробую придумать что-нибудь.

Семнадцатое октября. Восемьдесят первый день с начала вымирания.

Что ж, всё получилось. Не так, правда, как я рассчитывал. Но если сравнить моё нынешнее положение с тем, что я представлял себе в момент той очередной потери самообладания, то можно сказать, что всё обошлось. Теперь у меня есть какое-то время, чтобы отрефлексировать произошедшее, подумать обо всём и зафиксировать эти два долгих – бесконечных – дня на бумаге. Сделаю это, и нужно будет решить, что делать дальше. А дальше, полагаю, нуж-

но будет снова собираться в путь. Ладно, к чёрту эту пространность и расплывчатость. Обо всём сначала и по порядку. Начнём со вчерашнего утра.

День 80

Захар не бросил своё увлечение радио после того, как приехал в Надеждинское. Вся необходимая аппаратура для поимки сигналов на разных частотах была при нём: хранилась в его доме, в подполе, вдали от посторонних глаз. В подполе он и проводил долгие вечера и дни, когда не был при деле. Но ловил он не монологи какого-нибудь очередного застрявшего посреди апокалипсиса радиоведущего, чудом уцелевшего и оставшегося на работе в самый разгар смертоубийства на улицах города. Отнюдь. Ловил он переговоры простых патрульных по рациям между собой и с их начальниками. Ловил он и доклады Гросовскому о положении дел в деревне и окрестностях. Но с особым упоением он подслушивал переговоры Михаила Юрьевича Гросовского – некогда всенародно избранного градоначальника и, де-юре, всё ещё представителя центральной власти на месте; и полковника Старкова – полномочного представителя вооружённых сил и, возможно, самого старшего по званию военнослужащего на сотни – а может и тысячи – километров вокруг. Говорили они много. И говорили, в основном, вечерами.

В ту ночь, когда я пришёл к Захару за добавкой спиртного, Захар закончил слушать один из таких вечерних разговоров.

Закончил и тут же стал собирать вещи.

– Я не то что бы вот прямо щас собрался улетать, как Карлсон, – оправдывался он тогда, – Конечно, я всё от меня требующееся сделаю. Мэр уже кинул задачу: кружить над дорогой и деревней где-то с семи-восьми утра, как рассветёт. Обо всех движениях докладывать в прямом эфире. Это я всё сделаю. Но если барагоз начнётся и вообще всё то, о чём я думаю, то тут уж я того... Включаю Карлсона.

Что должно было начаться? Чего Захар опасался настолько, что сгрёб все свои пожитки в две скромные сумки, прикрепил их к парамотору и был готов бросить это райское место, улетев из него искать счастье в закат? Ответ на этот вопрос лежал в его истории, которую он рассказал мне слишком сбивчиво и невнятно для бывшего радиоведущего. Перескажу здесь всё, что запомнил с его слов.

То, что однажды за работой рассказывал мне тот парень по имени Артём, отчасти оказалось правдой. Старков и Гросовский действительно вели переговоры о судьбе некоторых людей, живущих в Надеждинском, совершенно не интересуясь мнением этих людей и ни о чём их не спрашивая. Говорили они о судьбе дезертиров, которые удрали из подразделений Старкова и обосновались в мэрском оплоте безмятежности. С точки зрения Старкова, это вообще были не люди, и спрашивать их, само собой, ни о чём не нужно было. С точки зрения Гросовского это были сильные рабочие руки, которые работали тем усерднее, чем больше были мотивированы

страхом возвращения назад, под начало полковника. А полковник тем временем затевал авантюру и нуждался в людях, обученных владению оружием, вождению и всему прочему, что может быть полезно.

Авантюра полковника заключалась в возвращении контроля над городом. Когда я слушал Захара, то с каждым новым его словом убеждался в том, что история Артёма – одного из дезертиров – была не выдумкой. Во всяком случае, в некоторой её части. Почти во всём он попал в самую точку. Так вот: для возвращения контроля над городом Старкову нужны были люди. Много людей: как на фронте, так и в тылу. Начать всю операцию Старков планировал с первыми серьёзными морозами. На первом этапе операции предполагалось подчистую избавить город от заражённых, которые, по его разумению, с наступлением холодов должны были отморозить себе к чёртовой матери все конечности и потерять возможность передвигаться или, во всяком случае – передвигаться быстро. Всё должно было походить скорее на забой скотины, чем на войну. На втором этапе предполагалось восстановить порядок в городе: заставить уличные банды сложить оружие и заново подчинить горожан законной власти. Гросовский стоял перед выбором: он мог сложить с себя де-юре действующие полномочия и согласиться не претендовать ни на что после того, как – и если – операция завершится успехом. А мог напротив – принять в операции активное или хотя бы посильное участие, и тогда, так

и быть, Старков соглашался отдать мэру его кресло, когда ситуация окончательно стабилизируется и делить с ним это самое кресло до этого самого момента: так сказать, в период безвременья. Сам он – мэр – считал затею Старкова смелой, самонадеянной и взбалмошной. Было в ней, по его мнению, уж очень много белых пятен и условностей. Поэтому, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства и о чём-либо договариваться, мэр хотел увидеть хоть какие-то результаты.

Например, увидеть свет, а вместе с ним и восстановление электроснабжения в городе и прилегающих населённых пунктах. То было чудом, в которое никто, включая Гросовского, не верил. Гросовский, как и многие прочие, верил в разрушение атомной электростанции и в радиоактивное загрязнение над городом и не верил в осуществимость затеи с возобновлением подачи электричества, которую Старков считал возможной. В итоге, они заключили что-то вроде одного из тех пацанских споров, которые в мире мужиков с большой властью и деньгами называют «джентельменскими пари» или облачают в какие-нибудь другие высокопарные формулировки. Гросовский обещал, что на следующий день после того, как Старкову удастся восстановить подачу электроэнергии в Надеждинском, он выдаст ему всех укрывшихся у него дезертиров. Тогда же он будет готов серьёзно говорить о том, чтобы отправить часть своих людей принять участие в зачистке города. Но только говорить. И только тогда, когда Старков с его людьми сделают невозможное.

Станцию полковник, само собой, взял бы и без всяких споров с мэром. Или хотя бы попытался бы взять. Это было необходимым для начала зачистки города: обеспечить его энергией. Если бы станция и впрямь оказалась разрушенной, неизвестно, как бы всё обернулось. Но так или иначе, ночью, когда я слушал Захаров рассказ, в Надеждинском все разом поняли, что со станцией всё было в полном порядке. То, во что люди здесь не просто верили, но что, как им казалось, они знают наверняка – всё это вдруг исчезло, к всеобщему, надо сказать, ликованию. Не ликовал один только Захар.

Он, слушавший разговор мэра с полковником сразу после включения света, знал, что утром следующего дня Старков приедет навестить Надеждинское, чтобы забрать свой выигрыш в том самом «джентельменском пари». Гросовский дал добро на выдачу дезертиров, и теперь их судьба была решена. Неясным оставалось одно: пойдёт ли полковник дальше и решит ли поставить под ружьё кого-то ещё, кроме своих бежавших подчинённых. В разговорах со своим ближайшим кругом Гросовский выражал опасение, что полковнику может взбрести в голову провести завтрашним утром в Надеждинском полномасштабную мобилизацию, без долгих переговоров и обсуждений. Теоретически, ресурс на то, чтобы технично обезоружить весь патруль и всю охрану в деревне, застав всех врасплох, у него был. И Гросовский всерьёз полагал, что, приехав за дезертирами, Старков приедет также и за тем, чтобы расширить условия всех прежних догово-

рённостей. А Гросовскому бесконтрольно терять людей не очень-то хотелось. Потому той же ночью, когда включили свет, мэр, мило договорившись с полковником о завтрашнем утреннем randevу, тут же отдал приказ всем держать ухо востро и очень внимательно следить за людьми полковника, когда они придут.

Захару было поручено наблюдать за всем свысока. Это поручение он намеревался выполнить, однако, увидев, что что-то идёт не так, он планировал направить парамотор куда-нибудь подальше и элегантно скрыться с места оживлённого развития событий.

– Ребята, с которыми мы на Фаренгейте были, – говорил он, – Те, что здесь не остались и к Старкову потом не прибились – они тут лагерем встали неподалёку. План у них был – по реке пойти, как транспорт добудут. Я связь с ними давно держу. Пока ещё не уплыли никуда: всё там стоят. Где стоят – знаю. К ним курс держать буду, если тут кипиш какой начнётся. Мне это всё не надо: «за родину, вперёд, в атаку», и всё прочее. Но это я так: может, обойдётся ещё. Хотя Серёге ты подскажи на всякий, как связаться с ними, если что. Рация только сильная нужна. Сейчас в двух словах объясню примерно.

Захар рассказал мне, как настроиться на волну его друзей – любителей речных сплавов, – и на этом наш разговор подошёл к концу. Потом я принёс эту информацию Сергею, Кристине и Ире. Сергей всё услышанное воспринял в своём

стиле: со скепсисом и недоверием.

– Да ладно, жути нагонять! – говорил он, – Захар тоже краски поди сгущает. Он же про станцию сам и начал телегу разгонять: мол, она бахнула. А оно вон, как оказалось. Короче, к чему бы он там ни готовился, я думаю, что волноваться не стоит: нас это не коснётся. Кому мы нафиг нужны с тобой? Бойцы невидимого фронта, ёлки палки.

– А как насчёт того Артёма? И остальных, кто от Старкова убежал, – спрашивал я, не то что бы сильно, но неподдельно волнуясь об их судьбе.

– Я не знаю, где этот Артём живёт, – пожал плечами Сергей, – Да и про остальных тоже не помню. Да и... Я так скажу: лучше они, чем мы – вот что. Ну пойдём мы сейчас по деревне, будем всем трепать, мол, вот, щас приедет ваш полкан и упакует вас, полундра! Что тогда? Запаникуют, засуетятся, делов натворят, побегут ещё. И что потом? Потом утром Старков за людьми приедет, а людей-то и нет. И тогда он точно начнёт по сусекам скрести... В общем, делаем вид, что ничего не слышали, и что ты никуда ни за каким бухлом не ходил – вот моё предложение. Ты, кстати, больше так не делай: керосин-то всё-таки общий.

В общих чертах, таков был итог нашего разговора ночью семьдесят девятого дня.

До утра я почти не спал. Полночи писал дневник, а остаток времени до рассвета – валялся в постели и тревожился. Не было печали, как говорится. Только-только освоился,

только понял, что здесь к чему – и на тебе! Какая-то непонятная, странная суета вокруг неизвестно чего. Так или иначе, новость о восстановлении подачи электроэнергии была скорее радостной, чем грустной. Но какова будет цена этой радости для нас, привыкших к покою и безмятежности средневекового быта, вдали от наводнённого мертвецами города и всех благ цивилизации, которыми город располагает?

Наш дом находился на краю деревни, и мы не слышали, как и когда точно приехал полковник Старков со своими людьми. За завтраком мы все сидели молча, с тревогой смотрели в окно, выходявшее на улицу, и ждали чего-то – сами не знали, чего. Я ожидал в какой-то момент услышать нечто вроде перестрелки, но этого не произошло. Всё было тихо, и казалось, что жизнь идёт своим чередом, и что никакой полковник в итоге так и не приехал в Надеждинское забирать своих ребят.

Но полковник приехал. Об этом мы узнали уже ближе к полудню, когда к нашей калитке вместо привычного усатого прораба, захаживавшего по утрам, пришли три вооружённых человека в форме: грязной и слегка потасканной. Они постучали, а затем потребовали отворить.

– Кто пойдёт? – спросила Кристина, поочерёдно глядя на всех, кроме своей племянницы.

– Да какая разница? Я выйду, чё уж там, – нехотя сказал Сергей, вмиг побледневший и осунувшийся, – Пойдёшь?

Он посмотрел на меня одновременно требовательным,

просящим и умоляющим взглядом: так, что я не мог отказать. Да и при Ире не хотелось терять лицо.

Мы оделись, вышли к калитке и открыли её. Один из молодых людей в форме представился ефрейтором и назвал свою фамилию, которая, едва влетев в моё ухо, тут же была обречена на забвение.

– Общее собрание на площади у магазинов, через час. Быть всем, кроме больных и неходячих, – объявил ефрейтор.

– А детям? – спросил Сергей, и было слышно, как дрогнул его голос.

– Могут идти, могут не идти, если есть, с кем оставить. Вы не волнуйтесь, там так, послушать просто, – сказал ефрейтор, и отчего-то я ему поверил. Выглядел он неказисто и грубо, но по глазам его было видно, что ничего, кроме добра, он людям вокруг него не желал. Потому после этих его слов покой разлился по моей душе как разливается первый глоток крепкого бурбона по пищеводу после изнурительного рабочего дня, возвращая тебе сладкую веру в то, что жизнь всё-таки может быть прекрасна.

Мы вернулись в дом и рассказали обо всём Ире и Кристине. В голосе Сергея по-прежнему звучала тревога, поэтому я вмешался и попытался всех успокоить. Кристина больше поверила мне, чем Сергею, потому что больше хотела поверить мне, чем Сергею, и даже решила взять на собрание Юлю. Ира лишь легонько пожала плечами: мол, надо – значит надо. Ей, похоже, было всё равно, что там будет на этом собрании. Да

и нельзя сказать, чтобы что-то другое её хоть как-то занимало и трогало: ей на всё было плевать, кроме чего-то, о чём она без конца думала сама себе, не желая делиться этим ни с кем прочим – даже со мной.

Дорога до площади между магазинами не заняла много времени. Идти было от силы минут десять или пятнадцать. Площадь представляла собой большой круглый пяточок, в который с обеих сторон упиралась дорога. По двум другим сторонам стояли два центральных магазина: один – большой продуктовый супермаркет, филиал городской сети, которая по слухам принадлежала кому-то из мэских родственников; а второй – маленький магазинчик всяческих хозяйственных принадлежностей, выглядевший как обыкновенный жилой домик, каких по всему Надеждинскому было полным-полно. Площадь всегда была оживлённым местом: сюда приходили для выдачи пайков и горючего, и здесь постоянно было много людей – как вооружённых, работавших на мэра, так и обычных жителей деревни. Сейчас тут собралась огромная толпа. Ира сказала, что никогда не видела здесь столько людей. Кристина подтвердила, сказав, что это самое большое собрание на её памяти. Мне самому судить было сложно: вне больницы я провёл здесь только пару дней и за это время лишь мельком видел это место.

Помимо людей, здесь было много машин: как простых легковых автомобилей, принадлежавших, должно быть, мэру и его приближённым, так и военной техники: несколько

боевых бронированных машин, названий которых я не знал, и подобные которым раньше видел только в компьютерных играх. Сама толпа стояла фронтом на супермаркет. На крыше супермаркета стояло несколько человек, что-то друг с другом обсуждавших, и несколько людей с автоматами, ничего и ни с кем не обсуждавших и просто наблюдавших за всем происходящим. Всё действие было похоже на какой-то рок-концерт, который вот-вот начнётся. Толпа «фанатов», правда, не очень-то неистовствовала в нетерпении, грозя порвать организаторов на клочки, если фронтмен группы сейчас же не выйдет к ним и не крикнет что-нибудь ободряющее, вроде: «Хой!» Напротив: собравшиеся вели себя тихо, будто бы боясь лишним шумом спровоцировать это самое начало «концерта».

– Это кто там, наверху? Мэр? – спрашивала Кристина, попеременно вставая на цыпочки и пытаясь выглянуть из-за спин впереди стоящих людей, таким образом увидев чуть больше.

– Вроде, – ответил Сергей, делая левой рукой козырёк для глаз и щурясь в попытках чётче увидеть тех, кто стоит на крыше.

– Тебе не холодно? – спросила Ира Юлю, которую Кристина держала за руку, но на которую она сейчас совсем не обращала внимания.

– Нет, – ответила Юля.

Я смотрел на них и не знал, чьё настроение мне ближе,

и чьё настроение я хочу, чтобы было мне ближе сейчас, в моменте. Пока я был в раздумьях, один из людей на крыше – тот, что не был одет в военную форму, – вышел вперёд, поднёс ко рту мегафон и стал говорить.

– Дамы и господа, меня вы все знаете, – голос принадлежал Михаилу Юрьевичу Гросовскому, – О господине Старкове, я думаю, тоже многие наслышаны. Он и его люди боролись за наш город до самого конца, даже когда дни его были уже сочтены.

– Ага, боролись! А потом за реку свинтили и побросали всех! – крикнул кто-то из толпы. Поднялся небольшой ропот, который вскоре стих, и Гросовский продолжил говорить.

– Согласен: было трудно, и всем, кто отвечал за поддержание порядка и стабильности, приходилось принимать тяжёлые решения. Мы с моим аппаратом, как видите, тоже не в рабочих кабинетах сейчас. И из вас, кто бы чем ни занимался в той жизни, никто сейчас не на рабочем месте. Не об этом речь сейчас, дамы и господа: не о прошлых заслугах и неудачах. А о том, что делать дальше, при всех текущих вводных. А вводные на нынешний момент такие: как все могли заметить, у нас теперь есть уличное освещение, и свет в домах теперь тоже работает без генераторов. Это – целиком и полностью заслуга бойцов полковника Старкова, которым вчера удалось запустить электростанцию, которую мы с вами до сих пор считали разрушенной. Больше того: свет теперь

есть во всём городе. А раз есть электроэнергия – есть и возможность восстановить всю остальную инфраструктуру. Всё упирается только в мертвяков, которые ходят по городу прогулочным шагом, и в бандитов, которые, как в старые-недобрые, воюют сейчас друг с другом за кварталы территории, и которые, на мой личный взгляд, ещё хуже мертвецов.

– Поэтому и менты все здесь, да? Чтоб бандитам в городе жизнь мёдом не казалась? – саркастически заметил тот же самый крикун из толпы. На сей раз Гросовский не обратил внимания на ропот и ровным голосом продолжил:

– Победа над заражёнными, над разгулом преступности и анархии будет означать возвращение административного контроля над городом. А это, в свою очередь, будет означать для всех – или многих – из нас возможность снова вернуться в свои дома и в свои квартиры, и жить там почти что прежней жизнью. С поправками, конечно, но всё же. В общем, дорогие друзья! Собрались мы с вами здесь сегодня для того, чтобы выслушать нашего гостя – полковника Юрия Алексеевича Старкова. Сейчас он поделится с вами своими соображениями насчёт разрешения ситуации в городе и расскажет, что может сделать конкретно каждый из вас, чтобы помочь общему делу. На этой ноте – передаю микрофон ему.

Гросовский сделал шаг назад и передал мегафон человеку в военной форме, который всё это время стоял у него за спиной, сложив руки на груди. Лицо его трудно было разглядеть: я видел только, что под носом у него были чёрные усы, и что

стрижка у него была короткая. Сам человек имел довольно худощавую комплекцию в сравнении с тем же Гросовским. Возможно, он просто был старше и жилистее.

– Здравствуйте, товарищи! – начал говорить Старков, и, видимо, начал слишком громко, потому что мегафон вдруг пронзительно пискнул. Отпрянув от него на момент, полковник хлопнул громкоговоритель о ладонь и снова приставил его ко рту. Но только он сделал вдох и собрался вновь что-то сказать, голос из толпы перебил его:

– Тамбовский волк тебе товарищ! Иди откуда пришёл, заяц-побегаец! Это ты нас подыхать в городе бросил!

На этот раз после громогласного и обличительного лозунга гула толпы не последовало, и Старкову удалось спокойно продолжить:

– Товарищи! На текущий момент рота наших бойцов заняла район электростанции в соседнем моногороде, улицы которого тоже находятся под контролем заражённых. На зачистку моногородка мы немедленно направим контингент для обеспечения безопасности наших людей и бесперебойности подачи электроэнергии. Как только что было сказано главой администрации города, следующий этап – это долгосрочная наземная операция по возвращению контроля над нашим городом. После тактического отступления за пределы городской черты военнослужащими нашего батальона были проведены наблюдения за заражёнными с целью выявления слабых мест и уязвимостей противника.

– Невозможно слушать его, – шёпотом причитал Сергей, – Одними существительными говорит. Их там в армии специально так поди учат, чтоб никто, кроме своих, ничего не понимал?

– Было выяснено, – продолжал говорить Старков, – Что под воздействием низких температур физическая активность заражённых существенно снижается, и таким образом они представляют меньшую опасность, становясь более уязвимыми. На основании этого наблюдения нашим штабом было принято решение возобновить наступательные действия в городской черте после стабилизации температуры воздуха на отметке ниже нуля градусов. Для успешного осуществления наступательных действий и подавления живой силы про... Живой силы... Кх-м... Для подавления сил противника нужно задействовать весь имеющийся в батальоне контингент. Прошу заметить: только на линии фронта и только для участия в активных наступательных действиях – весь имеющийся контингент. Это значит без резерва, без тыла, без снабжения – без ничего.

Речь Старкова потихоньку начала превращаться из армейской в человеческую. Ничего хорошего это не сулило: это значило только, что сейчас он скажет что-то, от чего ему самому не по себе.

– Поэтому для ведения успешной кампании, для возвращения прежней жизни на улицы нашего родного города, для спасения всех тех, кто до сих пор остаётся запертым в своей

квартире без малейшей возможности выйти наружу...

Я вдруг вспомнил тот самый день, когда нашёл в кладовке этот дневник и начал вести его, только чтобы не сойти с ума.

– ...Мною принято решение о проведении набора добровольцев в ряды нашего батальона. Все, кто обладают навыками, которые могут быть полезны в ходе операции – а полезны нам будут любые навыки – приглашаются к вступлению в наши ряды. С нами вы станете частью истории: теми, кто освободит наш город от оков эпидемии и разгула преступности. Даже если вы всю кампанию пробудете в тылу – а так, скорее всего, и будет, – ваш вклад в общее дело невозможно будет переоценить.

– Сначала всё прошляпили, а теперь ещё и волонтёров набираете! Попрошайки! Ищи дураков! – снова выкрикнул кто-то из собравшихся.

– Да хорош уже орать, чудило! Базарить – не мешки ворочать! Иди сам хоть чё-то сделай!

– Вот ты и иди! Умный! Я за другими сам бегать и косяки исправлять не собираюсь!

– А чё делать собираешься? Голосовать пойти, чтоб выбрать кого-то, кто за тебя всё решит?

– Поговори тут ещё! Сопляк!

Началось волнение. Люди в толпе, условно разделившиеся на тех, кто собирается пойти добровольцем и тех, кто этого делать не хочет, спешили доказать друг другу свою правоту, но отчего-то не спешили расходиться по своим делам и

воплощать в жизнь то, на что они решились. Каждому нужна была поддержка ближнего – и почему-то именно ближнего с противоположной позицией. Добровольцам одного их намерения пойти к Старкову было достаточно для того, чтобы чувствовать себя героями, и люди в толпе, которые их такими не считали, очень мешали им упиваться чувством гордости за самих себя. Те же, кто боялся вступать в ряды защитников города, хотели, чтобы таких, как они, было больше, и тогда они поделили бы страх меж собой и боялись бы меньше – потому-то они и стремились убедить добровольцев в том, что они совершают глупость: так они стремились умножить свои ряды. Малодушным хотелось спрятаться в толпе малодушных, чтобы не стыдиться своей слабости. Героям хотелось видеть вокруг тех, кто не станет умалять величие их благородных порывов и по достоинству оценит их героизм. Что ни говори, всем нам нужна публика.

Когда напряжение среди собравшихсяросло до опасной точки, раздался выстрел, который всех сразу же привёл в чувство. Юля не на шутку перепугалась и сильно сжала руку Кристины, отчего та вскрикнула. Даже Ира, казалось, вдруг на секунду очнулась от того глубокого, всепоглощающего сна, в котором она пребывала с момента аварии, и на миг снова стала собой. Выстрел был предупредительный: один из бойцов на крыше магазина выстрелил одиночным в воздух, чтобы его командир мог продолжить говорить.

– Помимо набора добровольцев, – продолжил Старков, –

Будет произведено доукомплектование подразделений из числа тех, кто уже обладает достаточными навыками владения оружием и военной техникой. Это часть сотрудников министерства внутренних дел, в настоящий момент находящихся в подчинении у главы администрации города здесь, в Надеждинском. Отбор будет произведён путём жребьёвки. Информация уже доведена до ваших непосредственных начальников, с ними потом отдельно всё это обсудите. Далее: в наши ряды будут возвращены все те военнослужащие, кто самовольно оставил пункт временной дислокации. С ними будет проведена воспитательная работа. Часть из них вернётся в строй на передовую, часть останется на задачах в тылу. Почти все данные военнослужащие в настоящий момент найдены и доставлены во временный пункт приёма личного состава: в здание придорожного кафе. Там же мы до семнадцати ноль-ноль текущего дня ожидаем всех добровольцев. Всем, кто захочет присоединиться к нам позднее, нужно будет самостоятельно добраться до нашего пункта временной дислокации – посёлка Знаменское, в двенадцати километрах в противоположном от города направлении.

– Ну слава богу, хоть всё по-человечески. Чё, пошли, наверное, потихоньку? Вроде, конец уже, – сказал Сергей, приняв паузу, взятую Старковым, за окончание его речи.

– Теперь самый важный момент, – продолжил полковник, – Верю в вашу поддержку и участие, но реалии таковы, что пополнения тыловых подразделений и отдельных взво-

дов снабжения только лишь из числа добровольцев может оказаться недостаточно. В этой связи считаю необходимым провести то, что лично я сам не очень хочу называть «мобилизацией». Назовём это «рекрутским набором» или «призывом». От главы администрации города и по совместительству нынешнего фактического главы села Надеждинское я получил добро на набор одного человека с каждого домового хозяйства. Потому я и назвал это «рекрутским набором»: как в давние-стародавние времена, будем проводить выборочный призыв с каждого участка. Выполнение приказа обсуждению и обжалованию не подлежит. Невыполнение карается по всей строгости закона военного времени. Хочу напомнить, что перед нами всё ещё стоят задачи, поставленные верховным главнокомандующим и генеральным штабом, связанные с поддержанием порядка и законности на вверенных территориях. Всё ещё действуют законы и подзаконные акты, касающиеся порядка набора на военную службу. Все предпринимаемые сегодня действия будут совершенны при согласовании с административным аппаратом города, в строгом соответствии с установленным в первую неделю эпидемии порядком. Решения приняты на официальном уровне. Поэтому просьба соблюдать порядок и оказывать содействие.

Гросовский стоял рядом со Старковым и утвердительно кивал на каждое его слово.

– Итак, в следующие два часа каждому домовому хо-

зьяйству необходимо определить рекрута, который сегодня в числе прочих будет отправлен в пункт временной дислокации для дальнейшей подготовки к службе в тыловых подразделениях. Хочу особо подчеркнуть: набранные в ходе набора рекруты будут проходить службу только в тылу и во взводах снабжения, пройдя, тем не менее, полноценную программу подготовки по типу «курса молодого бойца». Это не «мобилизация всех на убой», как многие тут вас могли страшить. Это призыв на рутинную работу: сложную, тяжёлую работу, но работу, которая должна быть сделана. И никто не сможет сделать её, кроме вас. На вас вся надежда у ребят, которые совсем скоро отправятся на передовую, защищать наш город от заразы и бандитов, превративших некоторые кварталы в чёрт знает что. Не подведите. И не советую заниматься всякой дурью и всякими глупостями: пройдите через это достойно. С кем-то пока прощаюсь, с кем-то ещё увидимся. Передаю слово действующему главе администрации.

Старков отдал мегафон Гросовскому, тот сказал в него что-то ещё, и мы все разошлись по домам. Ног я почти не чувствовал. Всё тело было будто бы накачено воздухом. Мне снова было страшно. Страх медленно перерастал в ужас от одной только мысли о том, что я могу снова увидеть мертвецов, и что нас с Ирой снова могут разлучить – от всего сразу. До самого дома мы шли молча.

Дома мы все вместе расположились на кухне, сели за стол и согрели чай. Молчание и там ещё некоторое время было с

нами, пока Сергей не прервал его и не заговорил.

– Ну? И что делаем? – спросил он.

– Не знаю, – пожалала плечами Кристина и перевела взгляд на меня.

– Я тоже не знаю, – сказал я.

– Я пойду в огород, погуляю? – спросила Юля.

– Одна не ходи, – ответила Кристина.

– Мы вместе пойдём, – вмешалась Ира, – Да, Юля?

– Пойдём!

И Ира с Юлей ушли, оставив нас на кухне втроём. Отчасти я был этому рад, но в какой-то степени был также и раздосадован. Решается, может быть, чья-то судьба, а она вот так просто встала и ушла погулять! Непостижимо! Возможно, пора было уже оставить всякие попытки понять её и просто принять её такой, какой она стала.

– Я так понимаю, между нами двумя выбираем, да? – уточнил Сергей.

Я ничего не ответил.

– Вроде этот армеец про гендерные ограничения не говорил, – неуверенно сказала Кристина, явно не собиравшаяся делать шаг вперёд и становиться рекрутом.

– Он сказал, что работа тяжёлая, – ответил на это Сергей, – Да и ежу понятно, что мужики в приоритете. Вы так: если добровольцами запишитесь – рады будут и дело найдут. А так...

– Ну не знаю... Может, прокатит, если кто-то из нас – Ира

либо я – пойдёт...

– Да как это выглядеть будет?! – встрепенулся Сергей, – Два лба в доме здоровых, а на фронт девчонок отправляют.

– Тебе важно, что о тебе подумают?

– Мне важно, чтобы ты здесь оставалась. Косте, я думаю, тоже хочется, чтобы Ира тут была. Так что да, Костян: ты или я остаёмся.

– И как решим? – спросил я, сперва прокашлявшись и убрав из горла ком, мешавший говорить.

– Не знаю. На камень-ножницы-бумага может?

– Давай, – ответил я.

Мне не хотелось доверять свою судьбу камню, ножницам или бумаге. Мне хотелось, чтобы Сергей сам вызвался пойти вместо меня, потому что он уже стар, а я – молод, и мне ещё жить да жить. Я думал, что все, кому за тридцать и кто крепок духом, должны при любом удобном случае жертвовать собой и прикрывать своими спинами тех, кто помоложе и послабее. Жертвенность с самой начальной школы нам представляли высшей добродетелью. Отдать свою жизнь, здоровье, силы; страдать ради того, чтобы не страдал кто-то другой – вот высшее благо для человека. Так нас учили. Заботиться же о себе, о своей безопасности и думать о том, что кому-то ты нужен живым, а не мёртвым, в час, когда Родина зовёт – это всегда считалось постыдным и низким. Вот и тогда, на кухне, когда Сергей не стал заслонять собою меня и выбрал вместо этого бросить жребий, доверившись слепому

случаю, он как-то сам, автоматически упал в моих глазах. То была не рациональная оценка, но выученная, подсознательная. Не геройствуешь и не стремишься к этому – значит, ты тряпка и не достоин места среди мужчин. И меня совершенно не волновало, что я сам, в общем-то, геройствовать тоже не спешу, и что я тоже скорее доверюсь «цу-е-фа», где у меня будет пятидесятипроцентный шанс остаться дома и не пойти на войну, чем закрою собой Сергея. Ведь я моложе, а значит – сильнее и живучее. Так почему бы и не я, собственно? Об этом я тогда не думал. Я был слишком занят тем, что мысленно разносил Сергея в пух и прах и не замечал, что сам я, в общем-то, сделан из того же самого дряблого и рыхлого теста. Ровно так же и общественная мораль, требующая от каждого человека подвигов для того, чтобы тот был достоин высокого звания человека, не замечает, что некоторые люди просто не созданы для подвигов.

– Камень, ножницы, бумага, раз... Да нет, рано! – сказал Сергей, когда я выкинул свою фигуру сразу после слова «бумага», – На «три» выбрасываем.

– Хорошо.

– Камень, ножницы, бумага, раз, два, три!

Сергей выбросил бумагу.

Я выкинул камень. А ведь хотел выкинуть ножницы! Но то ли поймал тупняк, то ли передумал, то ли всё случилось неосознанно, по воле случая.

Сергей посмотрел на меня наполовину виновато, наполо-

вину – с облегчением. И ничего не сказал. Я тоже ничего не сказал. Всё и так было очевидно и ясно, и слова нам для общения были теперь не нужны.

Я вышел во двор, чтобы рассказать обо всём Ире. Они с Юлей ходили вокруг давным-давно убранных грядок и что-то там рассматривали. Они были так увлечены, что мне вдруг захотелось не подходить к ним и просто уйти, ни с кем вообще не прощаясь. Сергея я теперь ненавидел всей душой за то, что он выбросил эту проклятую бумагу. К Кристине я питал неприязнь хотя бы за то, что она радовалась моей отправке к Старкову, поскольку благодаря моей отправке её муж останется дома. Юля раздражала меня тем, что была не при делах и порхала тут как безмятежная бабочка, словно бы конец света и разгул мертвецов её не касаются. А Ира... Я был в ярости, когда увидел её улыбающуюся рядом с этой маленькой девочкой, собирающей какие-то палки и подмороженные корешки. Я ревновал – неистово и буйно ревновал её за эту улыбку, которую я так хотел увидеть на её лице и которую увидел только сейчас, когда она играла со своей новой девятилетней подружкой в какую-то идиотскую игру. Мало того: она улыбалась тогда, когда у меня земля уходила из-под ног, и я не находил себе места, и иногда забывал, как дышать. Всего через час меня заберут люди с автоматами и увезут в неизвестном направлении, а она тут улыбается чему-то! Разумеется, какая-то часть меня понимала, что всё это чушь. Но, к сожалению, то была не большая часть.

Я рывком развернулся, поднялся на крыльцо и вернулся обратно в дом. Там я наскоро собрал рюкзак, положив в него только дневник, ручку и бутылку воды. Потом я накинул рюкзак на плечи, оделся потеплее и отворил дверь в сени с твёрдым намерением молча уйти из этого дома навсегда.

– Э, ты куда? – встрепенулся Сергей.

– Куда надо, – огрызнулся я.

– Ты если бежать надумал – о нас тоже подумай. Старков сказал: без глупостей.

– Иди ты! Оба вы пошли бы к... Нафиг короче пошли! К полкану я иду, к полкану, не волнуйтесь! На фарш, на мяско, чтоб места от меня мокрого не осталось! Чтоб вам тут не париться ни о чём! И чтоб вас никто не парил! Уроды воюющие! Пшли вы... все! – прорычал я это или что-то вроде этого сквозь стиснутые в гневе зубы, потом вышел в сени и как следует хлопнул дверью.

Только на полпути к площади перед магазином я вдруг понял, что было ещё несколько рабочих способов никуда не идти и заставить пойти вместо себя Сергея. Можно было начать умолять его о втором раунде или о том, чтобы сыграть «до трёх побед» – это самое очевидное. Можно было бы также дожидаться солдат, которые придут забирать и конвоировать рекрутов, а затем – сказать им, что мы тут ещё ничего не решили, а если Сергей будет слишком настойчиво запихивать меня к ним в объятия – можно опять-таки начать умолять, плакать и просить никуда меня не забирать. Может, они ре-

шили бы не связываться со мной и моей истерикой и «упаковали» бы Сергея вместо меня. Или Кристину – всё равно, кого, главное не меня и не Иру. Хоть Юлю эту – по барабану. Можно было хотя бы попытаться упереться рогом и не дать никому в руки. Но отчего-то я не хотел этого делать. Я чётко осознавал, что не хочу унижаться ради спасения своей шкуры, но хоть убейте не понимал, почему. Возможно, всему виной было что-то новое во мне, что родилось совсем недавно, и что формировалось и крепло с каждым новым днём, с каждой новой пережитой трагедией или катастрофой, с каждым новым приобретённым опытом, который мне ещё было рано приобретать, но приобрести который меня заставила эта дурацкая новая жизнь. И это что-то требовало. Пока оно не требовало геройства, самоотверженности или беспримерного мужества – нет. Пока оно требовало всего-то «вести себя достойно», что бы это ни значило. Кто знает, чего оно захочет потом, когда ещё немного нарастит мяса.

Дойдя до пятачка перед магазином и не увидев там никого, я вспомнил, что полковник сказал, что ожидает всех на свидание с собой в придорожном кафе на выезде из деревни. Туда и лежал мой путь. По пути несколько разных вооружённых людей в камуфляже, в обнимку с автоматами патрулировавших центральную улицу Надеждинского, спросили меня, кто я такой и куда иду. Я называл номер дома и говорил, что в моём доме в качестве рекрута выбрали меня. По-

сле этого люди с автоматами показывали мне направление, которое я и сам знал, и я шёл себе дальше.

Когда я добрался до дороги и закуской рядом с ней, оборудованной в пункт приёма личного состава, я усомнился в правильности и разумности того, что я делаю. Больше того: я перестал вообще понимать, что я делаю, и что происходит. Ноги мои снова стали тоненькими спичками, готовыми в момент переломиться пополам от тяжести дум, насевших на мою голову. В довесок ко всему прочему, вокруг одновременно происходило огромное количество событий, ни на одном из которых я не мог толком сфокусироваться. Вот пара солдат стоит и курит в стороне, неподалёку от грузовика. Вот грузовик, в котором сидят понурые, грустные люди. Вот рядом с кафе стоит тот самый полковник, который совсем недавно говорил свою речь в мегафон, стоя на крыше магазина. Рядом с ним стоял мэр Гросовский, а подле них было ещё несколько человек, среди которых я узнал только уса- того прораба, шефствовавшего над строительством деревянной стены вокруг деревни. Эти люди вели разговор, смысл которого я не мог уловить.

– Люди все? – спрашивал Старков у кого-то из подчинённых офицеров.

– Все, та-щ полковник, – офицер, видимо, был очень занятым человеком, и на то, чтобы полностью выговорить слово «товарищ» у него не хватало времени.

– Со списком бьётся?

– С планом бьётся, та-щ полковник.

– А надо, чтоб со списком! Всех ищите! Миша, глянь ещё раз, точно все там?

– Юр, я ж их не мог всех в лицо запомнить. Кто здесь – все, вроде, твои.

– Вы что ли учёт никакой не ведёте тут?

– Ведём, почему. Просто кто откуда пришёл досконально не записываем, прямо до буквы. Да и по-разному бывает: говорят, из города пришли, а сами – твои, только переодетые.

– Значит, искать надо ещё будет. Смирнов!

– Я!

– Когда твои мобиков собирать пойдут – пусть ещё в дома зайдут, посмотрят по подполам, по погребам там, понял? Только без разгрома: так, между делом, деликатно, понял? Может быть такое, что утром рано чухнули нас и попрятались.

– Есть, та-щ полковник!

– Это кто такой? – спросил вдруг Старков, указав на меня шариковой ручкой, которую он всё это время держал в правой руке, в левой держа планшет с какой-то бумагой.

Офицер пожал плечами на вопрос полковника. Гросовский посмотрел на меня и будто бы узнал, но не сказал, кто я, поскольку имени моего он не помнил.

– Кто ты, сынок? – по-киношному спросил Старков, на этот раз обращаясь напрямую ко мне.

– Костя.

– Юрий Алексеевич, очень приятно, – с деланной учтивостью представился он, по-прежнему глядя на меня поверх своих маленьких и нелепых очков для чтения, – Доброволец?

– Рекрут. Из сто сорок шестого дома.

– Рекрут, х-ха-ха... Это ж я так, для красного словца придумал. «Рекрут»... Что, прям-таки сам пришёл?

– Ну да.

– Даже добровольцы ещё не подошли: собираются. Думали, всех мобиков с боем забирать будем, а тут на тебе – сам пришёл. Вещи тёплые взял?

– Взял, – соврал я.

– Трусы, носки, рыльно-мыльное?

– Есть, – опять соврал я, смекнув, что если скажу «нет», то меня отправят обратно домой и дадут целый список недостающих вещей, которые я должен буду там отыскать и положить в свой рюкзак. Возвращаться мне хотелось меньше всего. Во-первых, из-за того, что я уже как следует хлопнул дверь и на прощание послал ко всем чертям Кристину с Сергеем. Во-вторых, из-за того, что, если я вернусь, мне придётся-таки иметь разговор с Ирой, а этого я боялся теперь как огня после решения уйти от неё «по-английски». В-третьих, я знал, что стоит мне сделать хоть один шаг назад, я, скорее всего, передумаю, потеряю кураж и вернусь к тому самому варианту со стоянием на коленях и мольбой о пощаде.

– Точно есть? Рюкзак у тебя лёгкий больно на вид.

– Точно.

– Хм... Смирнов!

– Я!

– Значит, первую партию можно отправлять, я думаю: Урал один фиг полный уже. Этого в команду к перебежчикам пока: сугубо до места доехать чтоб. А там на месте уже разберёмся, кого куда. Всё понял?

– Есть! Разрешите уточнить: кто с первой партией поедет?

– Из своих отправь кого-нибудь. Только не дебила какого-нибудь! И чтоб в оба глаза за ними, понял? А лучше – троих приставь. Кто там у тебя из солдат адекватный самый?

– Астахов, Абидин, Громов!

– Я! – откликнулся солдат, который курил рядом с грузовиком.

– Я! – откликнулся солдат, который курил рядом с солдатом, курившим рядом с грузовиком.

– А где Громов?

– Громов за рулём уже, товарищ капитан.

– Кто ещё в кабине?

– Только он.

– Так, значит, везёте сейчас этих гавриков на базу. Там замполиту их передадите.

– Так замполит ведь здесь, товарищ капитан...

– Значит заму замполита! Главное следите, чтоб не свалили никуда. И по дороге смотрите, чтоб они на ходу у вас не попрыгали из Урала. Фифштейн?

Капитан показался мне слишком заполошным и нелепым для капитана. И дело было не в том, как нелепо он ошибся в произношении расхожего немецкого словца, которое люди постарше – например, учителя в школе – часто использовали для проверки понимания у аудитории или у отдельного слушателя. Дело было во всём его поведении. Я не понимал, о чём они говорят, но совершенно точно понимал, что капитан – это кто-то, кто очень плохо справляется со своей работой, но, тем не менее, очень и очень старается, что делает его ещё более нелепым.

– Так, ты... Как там тебя?.. Давай, полезай в Урал, с ними поедешь, – обратился ко мне заполошный капитан.

Я сделал всё как он сказал: вскарабкался в кузов грузовика, который все зачем-то называли «Уралом» и сел на свободное место на холодной деревянной лавке.

– А ты чё тут? – спросил меня сосед по лавке справа, лицо которого я не сразу разглядел. Потом глаза мои после дневного света привыкли к темноте, и я понял, что сел рядом с Артёмом. Тем самым Артёмом, который предсказал всё происходящее за день до.

– Да вот, – я не нашёл, что ответить, и сказал первое, что пришло в голову.

– Сам пришёл или забрали?

– И то и то. Надо было, чтобы кто-то из дома нашего пошёл. Пошёл я.

– А я говорил! Валить надо было. Я и сам дурак: думал,

обойдётся. Думал, мэру мы тоже нужны, и он за нас впрягётся. А оно видишь, как.

– Хорош базарить! – гаркнул солдат, который только-только залез в кузов. Следом за ним залез ещё один. Оба они сели с краю лавок, возле борта.

– Едем на базу. По дороге не бухтеть, фигни не творить. Как приедем...

Грузовик завёлся и зарычал, оборвав речь солдата. Затем мы тронулись, оставив позади Надеждинское и тот придорожный магазинчик, в котором совсем скоро должно было собратся очень много людей, которых отправят туда же, куда сейчас отправляли меня.

Ехали мы не очень долго. Дорогой нас изрядно трясло, двигатель гудел невыносимо шумно, и говорить друг с другом ни у кого не получалось. Да никому это и не нужно было: большинство собравшихся в кузове Урала были до крайности подавлены тем, что их возвращают туда, откуда они совсем недавно сбежали. Ребята, чьи лица большей частью были в тени, сидели, опустив голову и глядя в пол так, словно в ближайшие несколько часов их ритуальным образом казнят на глазах какой-нибудь беснующейся толпы. Я был уверен, что с ними всё будет в порядке и не понимал их подавленности. Вот у меня – проблемы! Я еду неизвестно куда, и неизвестно, что меня там ждёт. Они же просто возвращаются в неприятную, но привычную для них реальность. Так чего так убиваться-то?

Когда грузовик замедлил ход, приближаясь к месту назначения, на меня снова накатила тоска. Я опять пожалел о том, что сделал. Надо было поговорить с Ирой, надо было как следует попрощаться. Надо было вообще не прощаться! Упереться руками и ногами, но не дать погрузить себя в этот чёртов грузовик! О чём я вообще думал? Нужно было хотя бы сказать, что у меня нет тёплых вещей или ещё какой ерунды и вернуться назад, а там – сбежать из Надеждинского куда подальше, несмотря на то, как замечательно было там, в тепле и безопасности! Найти где-нибудь рацию и связаться с этим Захаром и его корешами – любителями речных сплавов, – чтобы потом отправиться с ними куда глаза глядят вместе с Ирой и, может быть, Сергеем, Кристиной и её племянницей. Сделать что угодно, но не идти на заклание, как послушный баран! Паника и дрожь накрыли меня с головой. Когда пришла пора высаживаться из грузовика, ноги мои подкашивались, и я слишком долго стоял в кузове, готовясь к прыжку.

– Живее давай! – прикрикнул на меня один из конвоировавших нас солдат.

Я повиновался и, собрав всю волю в кулак, спрыгнул на землю.

Мы оказались в посёлке, совсем не похожем на Надеждинское. Во-первых, здесь была асфальтированная дорога. Во-вторых, оглядевшись по сторонам, я увидел то тут, то там двух-трёхэтажные кирпичные дома. Мы, судя по всему, при-

были к зданию администрации: на трёхэтажном здании, возле которого нас высадили, был флагшток, а на флагштоке был поднят флаг нашей страны. Из здания вышел какой-то толстоватый мужчина средних лет. Солдаты, сопровождавшие нас, поприветствовали его, приложив ладони с прямыми пальцами к вискам.

– Товарищ майор, это дезертиры. Куда их?

– Давай в спортзал, там места побольше. Я скоро подойду. Пусть сидят пока там. И глаз да глаз за ними, понял? Командиру принципиально, чтоб они все потом через него прошли. Но если побегут – что делать, знаешь, да?

– Так точно.

– Всё, давай, занимайтесь.

– Товарищ майор, тут ещё один просто так пришёл. Не из наших – просто пацан. Чё с ним?

– А чё, его Старков с этими со всеми отправил?

– Так точно.

– Ну тогда пусть с ними пока и будет. Не напрягайте только его там особо, чтоб не пугался.

– Понял. Разрешите идти?

– Давай, всё.

Солдаты построили своих бывших боевых товарищей и стали отдавать им команды, которые все они хорошо знали, и которые я сам слышал впервые. Потому мне было трудно понять, что делать, и двое сопровождавших нас солдат, к которым через минуту присоединился ещё и третий, смотре-

ли на меня как на биологическую аномалию. Причём смотрели по-разному: один с сочувствием, другой с безразличием, третий – с неприязнью и может даже с ненавистью. Тот последний не ехал с нами в кузове: всё это время он был за рулём грузовика.

– А этот чё такой омульной? Кто это вообще? – спросил он своих товарищей.

– Это не наш. С ним надо полегче: не напрягать особо.

– Они все тут не наши. Черти! Чё, нормально отсиделись? Бесы вонючие! Из-за вас тут...

– Всё, всё, хорош. Давай, в колонну по одному, к стадиону шагом!.. марш!

Мы пошли в сторону гигантского футбольного поля, располагавшегося чуть поодаль от здания администрации. Когда-то, должно быть, этот стадион был местом проведения всевозможных районных соревнований по разным видам спорта. Здесь, наверное, собирались все немногочисленные жители этого села, от мала до велика, чтобы провести тут свой досуг. Сейчас там никого не было. Сейчас туда шли мы, чтобы... Я пока не знал, что именно нас ждёт. Но чем дальше я шёл в неровном строю, где-то в самом хвосте, тем больше проникался чувством отрешённости от происходящего. Осознание того, что твоя судьба и судьба тех, кто шагает в ногу с тобой, в любом случае будет общей, делает тебя безразличным к собственной участи.

Вместе с понурыми и подавленными людьми, одетыми кто

во что, без личных вещей, сумок и рюкзаков, меня привели в большой спортивный зал. Там мы все расположились на лавках и стали ждать дальнейших указаний. Так мы сидели какое-то время, пока, наконец, к нам не вышел тот самый майор, которого мы уже видели возле администрации. Он встал в круг в центре зала и стал говорить, как всё будет дальше.

– Значит, сейчас каждый из вас в индивидуальном порядке пройдёт беседу со мной и нашим врачом. Поговорить нам будет, о чём: расскажете, как докатились, твари, до жизни такой. Чтобы бросить своих, в такой-то момент, когда судьба мира от вас зависит!.. Это у меня в голове не укладывается. Попробуете просветить меня и врача нашего заодно. Он-то посмотрит: может, у кого из вас и правда крыша протекла, и вам оружие больше давать нельзя. Дальше вам выдадут форму одежды и определяют в расположение. Спать, черти, будете отдельно! Чтоб рыльники вам, гадам, никто не разворотил. О вас же забочусь, глядите! Но не беседы со мной вам бояться надо, а завтрашней беседы со Старковым. Его вам нужно будет ещё постараться убедить, что вы вообще нужны. Будете как на собеседовании: называть десять причин, почему вас нужно взять на работу, а не расстрелять как собаку, чтоб остальным неповадно бегать было. Сейчас пока – давайте, сидите-сидите тут, молчите. Крутые все, порядочные арестанты, ты смотри! Завтра ссаться и на коленях ползать будете, лишь бы только вас обратно приняли. Х-ха! Астахов, Абидин, Громов!

– Я!

– Я!

– Я!

– Автоматы с предохранителей. Чуть что – по коленям, нафиг, одиночными!

– Есть! – с наслаждением сказал один. Остальные только молча кивнули.

Майор ушёл, оставив нас всех с тремя солдатами, ходившими взад-вперёд по спортзалу и смотревшими за тем, чтобы на скамейках все сидели смирно. Я старался выглядеть спокойным и собранным, но почти наверняка выглядел до смерти напуганным. Стоит ли говорить, что после речи майора я не просто разубедился в правильности того, что сделал. Теперь я клял себя на чём свет стоит за свою импульсивность: за то, что психанул и поддался эмоциям, дав им завести меня туда, где я сижу сейчас.

– Ты это. Слыш, пацан? Как зовут? – сказал один из солдат, тронув меня за плечо. Я не сразу понял, что он обращается ко мне.

– Меня?

– Кого ж ещё?

– К-к-к... К-константин.

– Меня Андрюха. Это – Макс. Там – Вова. Тебя никто тут не тронет, слыш? Нормально всё, не трясись. Просто тебя с этими вон зарядили зачем-то. Зря, конечно. Видишь, ты раньше всех пришёл просто. Позже надо было: поехал бы с

остальными со своими, кто там с вашей деревни. Короче, это мы только с ними жёстко так: они просто неправильно поступили тут со всеми, поэтому к ним тут так... С холодком немного, понимаешь? К тебе это не относится всё, так что расслабься, понял?

– Понял.

Мне полегчало после слов этого самого Андрюхи, но расслабиться я так и не смог. Тем не менее, всё происходящее я теперь воспринимал по-другому. Видя, как некий Вова попеременно подходит то к одному, то к другому сидящему на лавке и как бы играючи пинает его ногой, приговаривая при этом что-нибудь оскорбительное, я точно знал, что со мной подобного не случится, и от этого испытывал облегчение.

– Я их всех более-менее помню так, прикинь? – говорил Вова, улыбаясь и обнажая кривые зубы, которые, казалось, были настолько кривыми, что мешали ему выговаривать некоторые слова, – Этот вон рюкзак хавки со склада стырил перед тем, как свалить. А этот Урал вообще угнать хотел, прикинь? Потом застрял и бросил по дороге. Чёрт! А этот... О, слыш, это по ходу писарёк тот, который Ремизова грохнул!

– Реально? – переспросил некий Макс, обычно бывший безразличным ко всему, но вдруг заинтересовавшийся этой историей.

– По ходу. Его точно вздёрнут – даже пулю тратить не будут.

Я понял, что речь идёт об Артёме, который всё ещё сидел возле меня, и который буквально вжался в лавку после того, как услышал рассказ о себе. Вова – он же рядовой Громов – тем временем продолжил.

– Причём Ремизов-то тупо поссать вышел. А этот как раз валил. Тот ему, мол: «Боец, куда собрался?» А он ему нож в горло. Как свинью. Чё, собака, совесть не мучает? – спросил Громов, обращаясь к Артёму.

Я чуть отодвинулся от него, боясь, что разборка с Артёмом, которая рано или поздно может начаться, затронет и меня, если я буду сидеть слишком близко. Я не знал, как относиться к тому, что я только что услышал и, если говорить честно, совсем не думал об этом. Куда больше меня волновала сейчас моя собственная судьба.

Люди из спортзала уходили в сопровождении солдат, которых присылали за ними. Потихоньку нас здесь становилось всё меньше, меньше и меньше, пока, наконец, не остались только я, Артём и те три солдата, которые всю дорогу следили, чтобы мы не двигались с места.

– Тебе по ходу тут ещё посидеть придётся, – сказал Андрей – он же младший сержант Астахов – обращаясь ко мне.

– А чё, почему? – спросил Громов.

– Это не наш. Это из деревни пацан, говорю же. Раньше всех пришёл просто, вот его с этими и отправили.

– Х-ха! Подстава! Не обессудь, пацан. С чертями тебя определили получается. Так-то красавчик же, скажи? Сам

пришёл, никто не пригонял.

– Я потому и говорю: полегче с ним надо. Не как с этими.

– Смотри, пёс! – гаркнул Громов так, что я вздрогнул и чуть не свалился с лавки, – Человек сам пришёл! Не то что ты, мразь очкастая!

Громов подошёл к Артёму, который всё так же сидел, опустив голову, и неожиданно для всех в зале отвесил ему хлёсткую пощёчину – такую, что у Артёма вмиг слетели с головы очки. Пощёчина будто бы, наконец, привела Артёма в чувство. Он поднял голову и посмотрел на своего обидчика.

– Чё палишь, бес?! Стрёмно, что лещей тебе отвешивают? А ротного нашего убить не стрёмно было? Зарезать ещё к тому же, как псину! Ну? Базарь чё-нибудь!

Громов отвесил ему вторую пощёчину: на этот раз ещё более хлёсткую – такую, что шлепок от неё эхом отразился от стен спортивного зала.

– Хорош, Вован, ты чё начал? – попытался вмешаться Астахов. Ефрейтор Абидин – он же Макс – безучастно стоял в стороне.

– Чё хорош? Это не человек. Пададь паскудная!

– Мать твоя – пададь паскудная! – сказал вдруг Артём, и мне стало по-настоящему страшно за него. Хотелось обзавестись каким-нибудь приборчиком для перемотки времени, вернуться на минуту назад и убедить его сидеть смирно и безропотно подставлять щёки, как завещали древние гуру и пророки.

– Чё сказал? – опешил Громов.

– Что ты – сын собаки! А отец твой – кусок...

Раздался оглушительный хлопок. Запахло порохом. Секунду спустя в ушах запищало, а голоса людей вокруг превратились в едва различимое бурление где-то там, на поверхности воды, а сам я будто бы лежал где-то на дне наполненной до краёв ванной. Ещё несколько секунд, и я пришёл в себя, начав понимать, что произошло. Я посмотрел налево и увидел кровь – много крови. На полу навзничь лежал Артём и хватался слабеющими руками за грудь, на которой расплылось кровавое пятно.

– Совсем баран?! – сказал кто-то кому-то. Голоса говоривших по-прежнему доносились лишь обрывочными отголосками.

– А чё он?!

– Хорош! Чё делать теперь? Нас Старков порвёт за это тело. Он же говорил: всех живыми к нему.

– Скажем, что убежать хотел.

– А с этим что тогда?

– Которым?

– Тут их много что ли?! Башку включи. С этим деревенским.

– Хм... Надо думать.

– Щас майор опять придёт! Да и Старков приедет уже скоро. Чё делаем? Быстро!

– В каморку давай пока обоих. Шустро! Щас придумаем,

как обставить.

– Вставай! – прикрикнул на меня кто-то сверху. Я так и не понял, кто это был: выстрел подкосил моё восприятие, и я перестал адекватно оценивать происходящее.

В следующие мгновения я уже оказался запертым в тесной комнатке, в которой из мебели был только шкаф – по всей видимости, со спортивным инвентарём, – и старый письменный стол. Возле двери лежал истекавший кровью Артём и медленно испускал дух. Он всё ещё дышал, но было очевидно, что это ненадолго. Мало-помалу придя в себя, я с ужасом осознал, что с высокой долей вероятности я тоже скоро перестану дышать. Они убьют меня – это очевидно! Чтобы не «попадать» и не нести ответственность за убийство бывшего товарища, они обставят всё так, будто бы мы оба задумали бежать, и им не оставалось ничего, кроме как пристрелить нас! Возможно также, что они сочинят какую-нибудь легенду про одного только Артёма и посвятят меня в неё, сделав четвёртым хранителем их маленькой тайны. Но станут ли они доверять мне – незнакомцу, которого они впервые в жизни видят? Вот уж большой вопрос. Тогда, в панике и беспомощности, ко мне приходили самые мрачные мысли. Едва Артём сделал последний вздох, и любая возможность помочь ему выкарабкаться окончательно улетучилась, я взял в руки дневник и в спешке оставил в нём, как я тогда считал, предсмертную записку. На всякий случай.

Ещё и сутки не минули с момента описанных событий, а кажется, будто это было в какой-то другой жизни. Пока писал, рука ужасно устала, да и глаза уже просят об отдыхе. Остаток истории – про побег и про возвращение в Надеждинское – допишу чуть позже. Может быть – завтра утром, перед самым отходом. Остаток сегодняшнего же дня посвящу сборам и отдыху.

Запись 16

Восемнадцатое октября. Восемьдесят второй день с начала вымирания.

Время закончить историю и выдвигаться в путь.

День 80

Сразу после того, как я написал свою очередную предсмертную записку, я убрал дневник обратно в рюкзак и стал ходить туда-сюда по комнате в поисках выхода или хотя бы идеи о том, как мне покинуть это помещение скорейшим образом. Дверь была закрыта. Рядом с дверью лежал мёртвый Артём, и почему-то мне было боязно подходить к нему. Вентиляция в комнате имелась, но отверстие её было слишком маленьким, чтобы, подобно героям голливудских фильмов, просочиться в него и по недрам шахты выбраться наружу. Надежда была только на взлом замка, но, как несложно догадаться, взламывать замки при помощи подручных материалов, вроде скрепок или ножа, я тоже не умел. Всё это уме-

ли только герои пресловутых блокбастеров про крутых ребятах. Потому-то они и были главными героями таких фильмов: потому что умели всё, и любая передрыга была для них волной, которую они седлали и скользили по ней, гарцуя на потеху посетителям кинотеатров. «Вот бы мне стать таким прямо сейчас!» – грешным делом думал я, сев на стол и в отчаянии накрыв голову ладонями. Я был не в силах придумать ничего – ровным счётом ничего. Только пытаться пинком выломать эту треклятую дверь – вот, что мне оставалось. Ну, или ждать, пока придёт кто-то из тех троих и молиться, что это будет не рядовой Громов, несколько минут назад застреливший Артёма. Ефрейтор Абидин тоже какой-то странный тип: аморфный, отрешённый и безучастный ко всему. Ну его. Уж лучше пусть зайдёт тот младший сержант по фамилии Астахов: он один из них всех выглядит вменяемым.

Вдруг тишину комнаты нарушил хрип. В следующую секунду он сменился стоном. Я поднял голову и посмотрел на Артёма. Его пальцы... шевелились. Он оживал!

Меня охватил ужас.

И тут я услышал, как в замок с той стороны двери вставили ключ.

Я не разглядел, кто вошёл, когда дверь отворилась, потому что в следующее же мгновение на вошедшего набросился восставший труп Артёма. Он поднялся резко и так же резко, не успев встать на ноги и всё ещё сидя на полу, кинулся к ноге вошедшего, схватил её и вгрызся в неё зубами. У во-

шедшего ушла секунда, чтобы сообразить, что происходит и среагировать. Секунда – это слишком долго. Руки Артёма успели мёртвой хваткой сжать ногу человека с автоматом, и теперь разжать их можно было, пожалуй, только усилиями трёх-четырёх силачей.

Я не знал, чью ногу жрёт Артём, но в голове моей мелькнула тёмная, нехорошая мысль о том, что было бы здорово, если бы жертвой оказался рядовой Громов. Это, ко всему прочему, было бы справедливо.

– Помоги, чё сидишь! – крикнул человек у двери, тщетно пытавшийся отодрать от своей ноги Артёма. У него был автомат, но, видимо, он боялся задеть самого себя, выстрелив в мертвеца.

– Помоги!!! – уже громче повторил человек.

Это был младший сержант Астахов. Уж теперь-то я разглядел его лицо: одновременно разъярённое и растерянное, полное ужаса от ощущения собственной беспомощности.

Наконец, придя в себя после продолжительного ступора, я подбежал к Астахову, схватил Артёма за горло, сжал его так сильно, как мог, и что было мочи толкнул его. Его челюсти разжались, но руки крепче прежнего вцепились в ногу Астахова. Я всё толкал его и толкал – теперь и от себя тоже, потому что, ухватившись пальцами за ногу Астахова, глазами своими Артём смотрел уже на меня. И это были страшные глаза. Никогда ещё я не видел ожившего мертвеца меньше, чем через час после того, как видел его же живым. Ещё

час назад говоривший, думавший, чувствовавший, мечтавший человек теперь смотрел на меня как на еду: подобно тому, как хищник смотрит на свою жертву. Держа его за горло, я пытался оттолкнуть его как можно дальше от себя, не понимая, что тем самым я сбиваю с ног Астахова, заставляя его терять равновесие.

– Не толкай его! Держи ровно! – сказал он.

Затем раздался щелчок автоматного затвора, а потом – БАХ!

И я будто бы оглох. Звуков не стало совсем – была только мёртвая тишина. Потом появился тонкий, пронзительный писк. Я открыл глаза и посмотрел на голову Артёма с огромной дырой во лбу, с глазом, вывалившимся наружу и с кровью, бурной багряной рекой бежавшей из обеих ноздрей. Кровь стекала на мою руку и заливала рукав кофты. А я был счастлив: счастлив оттого, что мир вокруг меня не замолчал навсегда, и что мёртвая тишина, спеленавшая меня после выстрела, не была знамением моей собственной смерти, как я успел подумать. Странно, но первое, что пришло ко мне в голову одновременно с тем, как пуля пришла в голову к Артёму, была мысль о том, что Астахов промахнулся и попал в меня, и что теперь и я – труп.

– Теперь и я – труп, – сказал Астахов. То было первым, что я услышал сквозь непрерывный писк.

Я взглянул на ногу Астахова. В его камуфляжных штанах была дыра, материал вокруг раны намок от крови, а сама ра-

на была не такой уж и ужасной: всего-то укус, похожий скорее на небольшой укус собаки, чем на глубокую рваную рану, оставленную лапой медведя.

– Ну... – начал я, желая сказать что-то обнадеживающее, но не нашёл слов.

– Так, пофиг, идём по плану, – сказал Астахов, убрав автомат за спину.

– Какому плану? – не понимал я, понимая, тем не менее, что угрозы для меня нет, поскольку автомата в руках у младшего сержанта тоже больше нет.

– Сначала – труп. Его обратно в зал. Чтоб лежал как лежал. Потом – тут прибрать. Чтоб вообще никаких следов. Потом... Там видно будет. Сейчас надо быстро всё делать, понял? Так что не тормози. Как тебя звать, ещё раз?

– Костя.

– Не тормози, Костян, понял? Давай: я за ноги, ты – за руки.

Я тотчас же включился в работу. До сего момента я был в смятении и не знал, что делать. Теперь же, когда младший сержант Астахов – или Андрюха, как он предпочитал, – дал мне яркий образ будущего в виде простого, незатейливого плана дальнейших действий – хотя бы и на следующие несколько минут, – я был готов идти за ним хоть на край света. Пока он говорит мне, что делать и как быть до того, как я сам соображу что-либо – до тех пор он командир, а я – подчинённый, удовлетворённый своей позицией на вторых

ролях. И всё, что он прикажет, я выполню.

Мы перетащили труп Артёма обратно в зал и положили его прямо напротив кровавого пятна на стене, которое осталось там после того, как Громов прострелил бедолаге грудь. Лишь тогда, когда мы справились с усопшим, воскреснувшим и снова усопшим, я набрался смелости спросить:

– Убить меня хотите?

Помню, спросил я так, словно извиняюсь перед младшим сержантом за то, что жизнь моя доставила ему и его товарищам некоторые неудобства. И словно бы теперь я, как бы невзначай, между делом, ни на что особенно не надеясь, хочу справиться у него, каков его план касательно моей дальнейшей участи. Очень сложно, однажды признав в ком-то хозяина своей судьбы – назвав его боссом, начальником или командиром, – вспомнить, что кроме тебя самого никакого босса у тебя нет и на самом деле никогда не было.

– Что ты думаешь, мы звери какие-то? – сказал Астахов и посмотрел на меня, и по его взгляду я понял, что возможность не оставлять меня в живых они совершенно точно рассматривали.

– Нет, да я вообще так... просто...

– Не так всё должно было быть, – с досадой сказал Астахов, – Вообще не так. Какого хрена он ожил вообще?! Его кусал кто-то?

– Не знаю. Нет вроде.

– Вот и я думаю. Когда бы, да? А как он встал-то? Просто

так?

– Да, наверное. Это с самого начала одна из версий была: встают все, кто умер. И без разницы, как именно ты умер. Я как-то и сам в неё не особо верил. Но вот убедился.

– О как... Хм... Ну, вообще это многое объясняет.

– Что объясняет?

– Это я так, о своём. А я-то думал, только от укуса оно всё... Ну, мне-то точно теперь хана.

Мне снова захотелось сказать Астахову что-нибудь обнадеживающее, но так ничего и не вышло. Да и зачем, в конце концов? Всё и так было очевидно. Я лишь удивлялся тому, как легко – или только внешне легко и хладнокровно – воспринимал свою участь младший сержант. Жизнь для него ни на каплю не поменялась. Всё было по-прежнему. Просто теперь он точно знал, когда умрёт.

– Так, отвлеклись, – опомнился Астахов, – Сейчас – прибираем подсобку. Тщательно, но быстро. Потом – валим.

– Валим?

– Да. Давай только на потом все разговоры отложим, ладно? Сначала сделать надо всё.

Мы сделали всё, что могли, в преподавательской подсобке: убрали кровь с пола и поверхностей, поставили вещи на свои места, словом – избавились от всех очевидных напоминаний того, что здесь когда-то лежал труп. Лежал, а потом ожил. Пока мы занимались всем этим, ни Астахов, ни я не проронили ни слова о чём-то, что не касалось бы нашего об-

щего дела.

Когда всё было готово, Астахов сказал, что можно уходить.

– Громов щас у КПП трётся: смотрит, когда Старков придет. Абидин – между штабом и стадионом: следит, чтобы сюда никто лишний не зашёл. Фишкуют пацаны, чтобы никто не увидел, как я тебя в лес отвожу, – пояснил Астахов.

– В лес?

– Ага. Да нет, не за этим! Что мы, изверги что ли? Просто хотели тебя отправить, мол, иди, ты свободен. Замполиту сказали бы, что ты сбежал, а этот – хотел сбежать, да пулю поймал. А если спросил бы, почему, мол, волонтёр сбежал – сказали бы, что так и так: пережестили с дезертирами, вот ты и перепугался, да с этим огрызком наутёк пустился.

– Складная история. Значит, такой план? Ты хоть скажи, куда идти-то мне?

– Я с тобой пойду, не переживай. Видишь, как оно оказалось... Тут меня застрелят, как укус увидят, а так хоть день ещё поживу. Да тебя, глядишь, провожу. Сейчас за мной иди. Пойдём к Абидину: объясним, что к чему, чтобы они с Громовым легенду могли переформатировать как-то по ходу. Мол, что... Не знаю. Что я тебя пошёл искать. А там уж... Там уж объяснят как-нибудь, почему не вернулся.

С таким планом действий мы и покинули спортзал, отправившись искать ефрейтора Абидина. Его мы нашли на той самой тропе, по которой нас всех ещё несколько часов назад

вели внутрь.

– А этот чё с тобой? – встрепенулся он, когда Астахов его окликнул.

– Да тут такое дело...

И Астахов рассказал боевому товарищу про ожившего Артёма, про укус и про то, что сам он теперь тоже не жилец. После он поведал Абидину план вывода меня за территорию посёлка в лес, простиравшийся между Знаменским и Надеждинским, а затем – план того, как он скончается где-нибудь там, вдали от всех, и не причинит никому вреда. Всё это время я не переставал поражаться тому, как холодно и беспристрастно Астахов говорил о собственной смерти. Любая посвящённая ей фраза из его уст звучала так, словно укус ожившего Артёма около часа назад с самого начала был частью его большого плана на свою жизнь. Словно бы ещё до начала конца света он знал, где и как встретит свой собственный конец.

– Как так-то?.. Эх, ёлки палки... А чё офицерам-то насчёт тебя сказать? С этим-то понятно: свалил, и хрен с ним. А про тебя чё? – спросил Абидин, когда Астахов закончил свой рассказ.

– Скажи, мол, искать ушёл, да не вернулся. А там уже пусть сами гадают, почему.

– Эу! – окликнул нас кто-то, направлявшийся со стороны штаба в нашу сторону. Незнакомец громко свистнул и как-то по-особенному махнул рукой: так, словно это был какой-то

кодовый жест, а не обыкновенное приветствие.

– Громов, – быстро расшифровал всю ситуацию младший сержант, – Едут. Всё короче, надо валить.

Сначала мне показалось, что последнее Астахов сказал мне. Но нет: то было для Абидина. Они посмотрели друг на друга так, как смотрят друг на друга близкие родственники перед долгой разлукой.

– Как так-то?.. – повторил Абидин то, что уже говорил раньше.

– Ладно, ничё, бывает. Жизнь такая. Давай, браток, не скучай тут. Помрёшь тоже – увидимся.

Они пожали руки так, что их рукопожатие тут же перетекло в объятие. Похлопав друг друга по спинам, они разошлись, и Астахов жестом увлёк меня за собой.

– погоди! – окликнул его Абидин, – А автомат твой?

– Оставить предлагаешь? – спросил младший сержант, одновременно размышляя над тем, что ему делать со своим оружием.

– Не знаю, – пожал плечами Абидин, – Нам он тут точно в тему будет.

– А как я беглец без автомата ушёл ловить? Да и вдруг там чё в лесу... Короче не, возьму я его. А подсумок на вот, заberi.

Астахов снял с пояса подсумок, в котором, судя по всему, находились сменные магазины к его автомату, и протянул Абидину.

– Ладно, всё, давай, погнали мы. Громову расскажи, чё почём, ага?

– Ага, – ответил Абидин.

Мы развернулись и направились обратно к стадиону. Не задавая лишних вопросов, я слепо следовал за Астаховым, понимая, что он уж точно знает местность лучше меня. Да и что делать дальше он понимает лучше меня. Оставь меня одного на один со всем, что произошло в последние часы, и я, наверное, не нашёл бы ничего лучше, кроме как сесть где-нибудь в укромном уголке, достать свою тетрадь и начать писать. Как и в первые дни этого кошмара, тетрадь снова стала бы моей отдушиной. Она помогала мне упорядочивать происходящее, одновременно отрешаясь от него. Так я успокаивался и возвращался в норму. Хотя кто знает, как оно повернулось бы на самом деле? Может, если бы я был один, и со мной не было более старшего, спокойного, бесстрашного и знающего всё на свете Астахова – может тогда я и сам вмиг повзрослел, успокоился, избавился бы от страха и, в конце концов, понял бы сам, что делать дальше.

Пройдя через стадион, мы вышли наружу с другого конца, протиснувшись через небольшую дыру в заборе, окружавшем спортплощадку со всех сторон. Мы оказались во дворах двухэтажных кирпичных домов. Жил ли там кто-то до сих пор? Мог ли там сейчас быть кто-то, кто доложит о нас здешним командирам. Я не знал. Астахов, наверное, тоже не знал, но шёл он так уверенно, словно видел сквозь стены всех этих

домов и понимал, что внутри нет никого, кто может представлять опасность. Рана на его ноге кровоточила, но будто бы совершенно его не беспокоила. Шёл он осторожно: на полусогнутых ногах, всякий раз тщательно осматривая путь, прежде чем пересекать открытую местность. Иногда он подавал мне команды шёпотом, иногда – жестами, которые я всегда интуитивно понимал или думал, что понимаю. Так, короткими перебежками мы добрались до края посёлка – места, где одна из его маленьких улочек с гравийной дорогой упиралась в поле, за которым был лес. Листья на деревьях в этом лесу почти все опали, но кое-где оставались ещё пёстрые жёлто-красные участки, завораживающе переливавшиеся в лучах солнца, уже клонившегося к горизонту. Мы были почти у цели. Оставалось только одно препятствие, отделявшее нас от этого леса.

– Патруль, – рассказывал Астахов, – По идее тут должен быть наряд, патрулирующий границу. Особенно – эту границу, где лес: кто знает, что оттуда может выбежать. Но по факту, наряд может быть сейчас где угодно. Никто не ходит все сутки и не стережёт границу как фанатик. Обычно наряд шкерится в каком-нибудь доме и отсыпается по очереди. Одного-двоих оставляют ходить, а остальные отдыхают. А вот где отдыхают – это большой вопрос. И отдыхают ли – тоже вопрос. Так что надо...

– Вы чё тут? – окликнул нас кто-то, вышедший из калитки одного из домов, располагавшихся на улочке с гравийной

дорогой. Кто-то был одет в военную форму и вооружён. По тому, как Астахов посмотрел на незнакомца, я понял, что раньше эти двое не встречались. Младший сержант не знал, кто именно стоит сейчас перед ним с автоматом наперевес и задаёт вопросы. Но ему было достаточно одного беглого взгляда, брошенного на погоны, чтобы понять, как следует отвечать на вопросы этого незнакомца.

– Не «вы чё тут», а «разрешите обратиться, товарищ сержант», наверное, да?

Голос Астахова вмиг сделался грозным и повелительным. Мы были в полной заднице. Дела шли хуже некуда, и я уже воображал себе, как придётся нестись на всех парусах к лесу, уворачиваясь от пуль патрульных и молясь, чтобы они, погнавшись за нами, тут же потеряли наш след. Или как придётся угрозами и уговорами пытаться убедить незнакомца пропустить нас и не поднимать по нашему поводу лишний шум. Но у Астахова была своя тактика. Для него, по всей видимости, проблема была не лабиринтом, из которого нужно искать выход, играя по правилам лабиринта, а узлом, который вместо того, чтобы развязывать, он предпочитал разрубить одним махом и напополам, выйдя из ситуации победителем на своих собственных условиях. Он взял всё в свои руки, и вместо того, чтобы мямлить и оправдываться, отвечая на вопросы, как это сделал бы кто-то вроде меня, он предпочитал задавать вопросы встречные, тем самым ставя уже самого вопрошающего в положение ответчика.

– Товарищ сержант, я патруль. Разрешите уточнить цель вашего... – начал говорить незнакомец, но Астахов оборвал его на полуслове.

– Давно тебе автомат дали, чучело?

– Разрешите...

– Что? Вернуться в хату, лицо топить? Какого хрена я прихожу и вижу, как тело, которое должно во все глаза за лесом следить, в избе вообще тусуется? Чё ты там забыл, товарищ солдат?

Я посмотрел на погоны незнакомца и не увидел на них никаких знаков различия. Такие же погоны были и у рядового Громова. Стало быть, незнакомец тоже был рядовым.

– Я...

– Рацию давай сюда! Дежурному шас якать будешь. Давай-давай!

– Так она это... Я там её оста...

– Э-э... Да ты совсем омуль по ходу, да? **ТЫ ПАТРУЛЬ, ДЯТЕЛ!!! РАЦИЯ У ТЕБЯ ВСЕГДА ЗАКРЕПЛЕНА НА КАКОМ МЕСТЕ КИТЕЛЯ?!**

– Слева...

– А **МОЖЕТ, СПРАВА?!** Кто начальник патруля у тебя?

– Старший прапорщик... Старший...

– Давно здесь вообще? – спросил Астахов уже своим, прежним голосом.

– Д-двенадцать дней, товарищ сержант.

– Откуда тебя откопали такого?

– С Луговки, товарищ сержант.

– Мобилизовали или сам пришёл?

– Мобилизовали.

– Ладно. Значит, смотри: этого вон, который со мной, тоже мобилизовали. Щас вместе со мной идёт вон в тот лес. Через час я возвращаюсь той же дорогой. Один. И я хочу видеть, как меня здесь встретит патруль: в полном составе и как полагается. Понял?

– Понял, товарищ сержант.

– Если я незаметно на территорию зайду, пройду через весь посёлок и дойду до дежурного – вечером мы с тобой уже в лес выйдем. Вопросы?

– Никак нет.

– Надо тебе знать, зачем этого в лес веду?

– Никак нет.

– Может, рассказать?

– Никак нет.

– Тогда пошёл, рацию подобрал и до конца наряда чтоб с маршрута не сходил, понял?

– Так точно, товарищ сержант.

– Занимайся. А ты – вперёд!

Происходящее, за которым я следил как замороженный, не сразу отпустило меня, и я не сразу понял, что последнюю команду Астахов отдал уже мне.

– Пошёл! – повторил он и ударил меня ногой в спину, отчего я, не ожидавший такого, едва не упал на землю. Благо,

пинок привёл меня в чувство, и я сразу сообразил, что к чему. Я зашагал в сторону леса и даже постарался, чтобы походка моя выглядела жалко и затравленно. Астахов последовал за мной.

До той самой поры, пока мы не пересекли границу леса, он не говорил ни слова. Лишь позже, когда мы окончательно скрылись в тени деревьев, оставив посёлок Знаменское позади, он сказал:

– Ты извини, надо было как-то по-жёсткому всё обставить. Но ты молодец, подыграл. Короче: дальше нам – тупо прямо, через все эти деревья. Вперёд, вперёд, вперёд, и упрёмся в огороды Надеждинского.

– А вы откуда эту дорогу знаете?

– Давай на «ты», договорились же.

– А ты откуда знаешь, как идти?

– Да-а, долго рассказывать... Знаю просто и всё, и не я один. Тут вон, даже дорожка протоптана, если присмотреться. Идти прилично придётся, так что смотри, ни на что не наступи, чтоб потом не волочиться до ночи. Надо мне ногу, кстати, перевязать... Ладно, пройдем ещё маленько, потом на привал встанем. Сейчас отойти подальше надо.

Мы углублялись всё дальше и дальше в лес, но не было и секунды, когда бы я почувствовал себя растерянно или взволнованно. Я был уверен, что Астахов точно знает, куда идёт сам и точно знает, куда ведёт меня, и что выбранное им направление – самое верное. И почему-то я чувствовал,

что по дороге мы не встретимся ни с какими опасностями, о которых мой обречённый на смерть проводник не будет знать заранее. Было холодно. Сквозь покачивающиеся деревья до нас дотягивался промозглый ветер и заставлял идти чуть быстрее. Мы брели посреди неизвестности, неизвестно куда, и неизвестно было, что меня ждёт в конце этого пути. Но почему-то здесь, сейчас, рядом с умирающим Астаховым мне было комфортно, безопасно и оттого – тепло.

– Так, давай-ка здесь присядем, – сказал Астахов, когда мы дошли до опушки, которая выглядела так, будто бы мы не первые, кто сделает сейчас на ней привал. В середине, между двумя поваленными деревьями, служившими, по всей видимости, сиденьями для случайных бродяг и путников, на земле было кострище. Не похоже было, что костёр здесь жгли когда-то совсем недавно. Но что здесь кто-то проводил время и грелся у костра когда-то этой осенью, было очевидно.

– Это наш такой... Ну, типа клабхаус, – пояснил Астахов.

– Клабхаус?

– Такое место... Типа нычки. Типа, где прибухнуть можно, посидеть, фигнёй всякой пострадать. Так-то у Старкова с этим строго всё: чуть ли не до расстрела. Но если всё время служить как надо, делать всё по правилам и не отдыхать, нарушая их – рехнуться можно. Вот мы тут и тусовались иногда, когда в патруль ходили. Или когда в патруль ходил кто-то знакомый, с кем можно было договориться. Давай присядем тут, я хоть ногу чем-нибудь перевяжу. Да обработаю: тут

где-то водочка должна быть припрятана ещё... Где-то... Во! Вон там.

Астахов подошёл к трухлявому пню, на который секунду назад указал рукой, и достал из его недр полулитровую непочатую бутылку водки. Он сел на одно из поваленных деревьев, отложил автомат в сторону, вытянул ногу и стал рассматривать рану на бедре, чуть выше колена.

– И что у них только в голове... Как животные, честное слово, – чуть слышно приговаривал он.

Затем он вылил часть содержимого бутылки на рану и, к моему удивлению, не издал ни единого звука: только сморщился так, словно съел что-то невыносимо кислое и одновременно горькое. Потом он прильнул к горлышку сам и сделал несколько больших глотков. По всей видимости, изначально делать этого он не хотел.

– Фу-х, блин... – сказал он, доставая из нарукавного кармана нечто в коричнево-зелёной упаковке. Он открыл зубами эту самую упаковку и достал из неё бинт и ватно-марлевые подушки, которые тут же приложил к ране. Затем он довольно неряшливо примотал их к ноге бинтом, зафиксировал его на бедре, сделал ещё один глоток из бутылки и снова сказал на выдохе, на этот раз уже с облегчением:

– Фу-у-ух, блин... Будешь? – спросил он меня, протянув бутылку. Я отказался.

– А страшно всё-таки, да? Немножко, – сказал он, и я как-то сразу, без лишних пояснений, понял, о чём речь.

– Наверное, предположил я.

– У тебя умирал кто-то?

– Да. Много кто. Почти все, кого я знал, умерли. Не при мне, правда – там где-то. В городе. На улицах.

– Та же фигня. Та же фигня...

На мгновение все эмоции вдруг исчезли с лица Астахова. Он будто бы на момент стал пустым и не думал больше ни о чём, а глаза его, глядевшие в какую-то точку впереди, на самом деле не смотрели теперь совершенно никуда. Но то было всего лишь мгновение: уже в следующую секунду Астахов, будто бы очнувшись от векового сна, встрепенулся, посмотрел на бутылку и глотнул ещё немного.

– Сколько людей, сколько людей... – продолжил он. Слова его были бессвязными, но я всё ещё очень хорошо понимал, о чём он, – Это ж надо... Кошмар. Кошмар...

Так мы провели ещё какое-то время. Я не знал, что сказать, и потому молчал. Боялся, что скажу что-то такое, что расстроит Астахова на его пути на тот свет. Мне хотелось спросить его о чём-нибудь: например, как он оказался в армии или был ли он свидетелем первой попытки зачистки города, и, если был – что видел он там, на улицах, в первые дни войны с мертвецами. Хотелось спросить, кем были его родители, и что с ними стало. Хотелось узнать больше о его жизни до всего этого, хотелось узнать больше о его службе под началом Старкова. В конце концов, хотелось спросить его о том, как он планирует провести свои последние часы на

земле. Но я не решался и лишь молча слушал, что Астахов шептал сам себе под нос, и изредка кивал, стремясь показать ему, что он не один здесь, в этот недобрый час.

– Идти надо, – немногим позже сказал он и тут же встал с лежачего дерева. Затем закрыл бутылку, положил её обратно в пень и жестом позвал меня за собой.

Мы стали дальше углубляться в лес, и чем глубже мы заходили, тем ближе мы были к Надеждинскому. Мне хотелось идти быстрее, хоть я и понимал, что это невозможно: некрасиво было бы с моей стороны подгонять Андрея, который, похоже, теперь начал чувствовать рану на бедре и оттого стал немного прихрамывать. Минута за минутой, час за часом, и в конце концов мы дошли до того самого места, в котором Астахов вдруг сказал, дав сначала высказаться хрустнувшей под ногой ветке:

– Прибыли. Ещё метров сто-двести, и начнутся огороды. Там уже найдёшь, как пройти. И патрулю тоже найдёшь, что сказать, думаю.

То было первым, что Астахов проронил за всю нашу дорогу. Пока мы шли, он молчал, а я не решался прервать его молчание, потому что знал, что, когда человек так молчит, лучше оставить его наедине со своими мыслями.

И всё же, жаль, что мы так и не смогли как следует познакомиться.

– Ну, я пойду тогда? – сказал я, одновременно будто бы уточняя, могу ли я сделать то, о чём говорю.

– Давай, давай. Только это... Не знаю, как ты там мимо кордона своего пройдёшь... Короче, держи вот.

Астахов снял с плеча автомат и отдал его мне.

– Это ж ваш... Твой в смысле.

– Зачем он мне? Застрелиться? Ну его! Ради такой ерунды стволу пропадать. У наших их полно. А тебе там может и пригодится.

Я опасливо взял в руки подарок Астахова и стал рассматривать его так, словно это был подарок на Новый год. На сложенном прикладе я заметил надпись, неряшливо нацарапанную каким-то острым предметом. «Мы больше не волки», – гласила она. Что бы это значило?

– Из Высоцкого, – ответил Астахов на мой вопрос прежде, чем я успел его задать, – Это я со скуки, в наряде как-то нацарапал. Музыка давно не слышал – всё как-то в голове прокручиваю что-то. Интересно, да? Такая, вроде, вещь привычная: музыка. Идёшь, бывало, куда-то – наушники воткнул и вышагиваешь под то, под сё...

– Слушай, мне это... Не надо, наверное. Спасибо. Всё равно заберут, – сказал я, возвращая Андрею его автомат.

– Так ты спрячь как следует и не отдавай. Бери-бери!

– Нет, правда. Спасибо. Я даже пользоваться им нормально не умею. Вообще нифига не умею, – ответил я, не заметив, как вдруг дрогнул мой голос.

Астахов принял автомат обратно и сказал, пожав плечами:

– Смотри, как знаешь. Нож хоть возьми, на! Его-то точно

не заберут.

Он снял с пояса штык-нож и отдал его мне. Наконец, я понял, что ему просто хотелось отдать мне хотя бы что-то. Поделиться хоть чем-то с тем последним, кто видит его живым, тем самым оставив о себе память в виде этой самой подаренной вещи. Он до смерти хотел жить и в последние свои часы судорожно стремился отыскать способ задержаться на этом свете чуть подольше. Разные люди по-разному делают это: кто-то пишет толстые дневники, считая их своим наследием и одновременно серией предсмертных записок, а кто-то стремится, чтобы как можно больше людей запомнили его и добивается этого самыми различными способами. Как бы там ни было, я, наконец, понял, что не стоит отказываться от его даров.

– Спасибо, – сказал я, приняв нож.

Астахов улыбнулся, и его уже начавшее бледнеть лицо вдруг просияло счастьем.

– Ладно, давай, я пойду. Хочу ещё что-нибудь успеть этакое перед... Ну, ты понял.

– Спасибо тебе. Что вытащил – спасибо. Ты это... Жаль, что так вышло, в общем, – сказал я.

– Да, забей. Все там будем. Удачи тебе! И в Знаменское, смотри, не возвращайся, а то всю тему нашу разрушишь. Старкову тоже на глаза не попадайся. И в добровольцы больше не записывайся: не надо оно тебе. Ничего там в городе хорошего тебя не ждёт, поверь.

– Хорошо, – ответил я.

Наконец, мы пожали руки и распрощались навсегда. Я развернулся и пошёл в сторону деревни, а куда отправился Астахов – мне неизвестно.

После путешествия сквозь лес мне удалось прошмыгнуть незамеченным мимо Надеждинского патруля. Оказалось, не только люди Старкова грешат тем, что иногда оставляют свои посты, чтобы как следует выспаться. Хотя, быть может, в случае с подчинёнными Гросовского свою роль сыграла общая неразбериха восьмидесятого дня – кто знает. День и впрямь тогда выдался длинный. И я был на сто процентов уверен, что, едва я вернусь в наш с Ирой, Сергеем, Кристиной и Юлей дом, день со всеми его невзгодами и напастями, наконец, подойдёт к концу. Пробираясь в деревню после заката, под покровом ночи, по местным тёмным проулкам, я думал о том, что дома меня ждёт тёплая встреча с людьми, на которых ещё утром того же дня я страшно злился, но которых уже тысячу раз успел простить. Я шёл по улице мимо изб, в каждой из которых теперь горел свет, и думал о том, что Знаменское, Старков, мобилизация и всё, что с этим связано, теперь останется позади.

Но вот я вернулся в дом сто сорок шесть и постучал в калитку. Сергей открыл мне и, конечно же, удивился моему возвращению. Но удивился не так, как я того ожидал.

– А ты чё один? – спросил он.

– В смысле? А с кем я должен быть?

– Ира не с тобой что ли?

Сначала я не понял, что к чему и попросил Сергея объяснить, почему вообще Ира должна быть со мной.

– Она же следом за тобой ушла. Добровольцем записалась. Говорит: «Чё это он пошёл, а я тут буду, как дура?» И ушла. Я думал, вы там встретитесь. Думал – там и останетесь. А тут ты пришёл – и один.

Дальнейшие Сергеевы размышления я слушал уже через слово.

Многое хочется ещё написать: и про вчера, и про позавчера. Но времени больше нет. Я и так слишком долго пробыл здесь, надеясь на чудо и, возможно, как в старые-добрые времена боясь и облачая свой страх в иллюзию желания рассказать обо всём в этой дурацкой тетради. Хватит с меня. Не будет больше этот дневник заменять мне жизнь здесь и сейчас. Пора выдвигаться. А как иначе? Теперь – только назад, и будь что будет. Если к вечеру всё будет хорошо, и я останусь жив – постараюсь уличить минутку и написать сюда что-нибудь. Если нет – то и чёрт с ним.

Запись 17

Восемнадцатое октября. Восемьдесят второй день с начала вымирания.

Что ж, похоже, всё обернулось наилучшим образом из возможных, при имевшихся-то вводных. Значит, так тому

и быть. Думаю, сегодняшняя ночь будет последней ночью, когда я смогу уделить достаточно времени дневнику, чтобы должным образом закончить историю всех последних дней. Поэтому сон на сегодня отменяется. Если повезёт – закончу всё раньше и выкраду для себя часик-другой.

День 80

Остаток дня после возвращения и после того, как Сергей огорошил меня новостью об уходе Иры добровольцем в Знаменское, я провёл в тишине. Я просто сидел и думал, что делать дальше. Сидел я в нашей с Ирой комнате, в темноте, несмотря на возможность теперь включать свет и жечь его сколько угодно. Мне казалось, что темнота помогает собраться с мыслями. Может, так оно и было. Только толку от этого – чуть. Ничего умного мне в голову так и не пришло. Я решил, что лучше всего будет подождать завтрашнего утра: скорее всего, подумал я, Ира, не найдя меня в Знаменском, смекнёт, что что-то пошло не так и, наверное, догадается уйти оттуда каким-нибудь образом. Вот только каким? Это мне было невдомёк. Я мог только надеяться, что у добровольцев-девушек, вроде Иры, есть возможность передумать, доложить о своём решении тамошнему командованию и просто уйти. И хотя я понимал, что такой вариант маловероятен, верить в него мне, всё же, хотелось. С этой безнадёжной верой в чудо я и уснул, завершив, наконец, тот бесконечный день и впервые за двое суток сомкнув глаза дольше, чем на

пару часов.

День 81

Стоит ли говорить, что на следующий день Ира так и не появилась на пороге нашего дома, возвратившись из рядов армии Старкова? А я всё ждал и сходил с ума от ожидания и одновременно – от бездействия. Нужно было чем-то себя занять. Сначала я стал копаться в её вещах и прикидывать, что она взяла с собой, когда ушла. Потом хотел выпытать какие-нибудь подробности у Сергея, но он уже ушёл на работу, строить стену, поэтому я попросил Кристину рассказать подробности её ухода. Говорила она неохотно: видимо, сказала та последняя громкая сцена между нами, когда они с Сергеем чуть ли не хлопали в ладоши, радуясь, что в «Камень-ножницы-бумагу» проиграл именно я. Я решил не обращать на это внимания: пошла она и вся её затаённая обида куда подальше. В конце концов, это я был жертвой в той ситуации.

– Да нечего рассказывать, – говорила Кристина, – Вещи собрала и ушла, как узнала, что тебя нет. И что ты не попрощался даже, а свалил просто, как...

– Она говорила что-то перед уходом? – спросил я, не дав ей закончить фразу какой-нибудь гадостью, как она наверняка планировала.

– Ничего не говорила. Юле и нам только «пока» сказала, да и всё. Мы её отговаривали, правда, как могли. Говорили,

мол, зачем тебе это? Если есть возможность – сиди, не высовывайся. Тут, вроде, нормально пока. Как стену достроят – вообще как в замке будем.

– А она что?

– Не помню. Пробурчала что-то. Вроде: «Зачем теперь это всё?» – или как-то так. Не знаю. Сам-то что думаешь делать?

– Подожду пока, – ответил я, – До завтра. Завтра за ней пойду.

– А чего завтра-то? Что за день изменится?

– Может, и изменится что-то. А если нет – так зачем топиться, правильно?

Мне не хотелось рассказывать Кристине о том, что я тешу себя напрасными надеждами на Ирино возвращение. Да и вообще не хотелось с ней говорить – хотелось только вывести что-нибудь и закончить на этом наш псевдо-дружеский диалог. Так оно и получилось.

Позже я достал из рюкзака свой дневник и сел писать его, чтобы хоть как-нибудь отвлечься от томительного ожидания. Я писал, пока не заболели глаза. Потом бросил это дело, как и все напрасные надежды на несбыточное. Она не вернётся. Это было ясно как день уже сегодняшним утром, и вот, когда на улице смеркалось, это стало совсем уж очевидно. А если так – ни к чему сидеть здесь, на месте, и уповать на чудо. Я решил, что выдвинусь завтра утром, с рассветом, а вечером как следует подготовлюсь, после чего – пораньше лягу спать и хорошенько высплюсь, продумав в кровати пример-

ный план того, как я собираюсь всё это дело повернуть.

День 82

Я проснулся не то поздно, не то рано. Решив, что в три часа ночи патрульные будут не такими сонными, как, скажем, в шесть утра, я стал ждать, а пока ждал – чиркнул пару слов в дневнике. Дописав последнее предложение и в очередной раз мысленно попрощавшись с моим воображаемым, несуществующим читателем, я закрыл тетрадь, положил её вместе с ручкой в рюкзак поверх остальных вещей и направился к выходу.

Сергей с Кристиной ещё крепко спали. Юля, казалось, тоже видела десятый сон. Мой путь к выходу лежал через гостиную, в которой располагалось спальное место всех троих. Стремясь пройти мимо них незамеченным, я шагал на цыпочках. И всё же, случайно скрипнувшая половица разбудила Кристину племянницу.

– Кто это? – испуганно спросила она спросонья, тщетно пытаясь взглянуть в темноту.

– Костя.

Узнав, что я не полтергейст, бродящий по избе в предрассветный час, она успокоилась.

– Ты куда? – спросила Юля.

– За Ирой, – ответил я.

– Она далеко?

– Да.

– Можно с тобой?

– Нет, не надо.

– Почему?

– Да не надо просто. Мы скоро сами оба сюда придём.

Снова будете с ней по огороду ходить, жуков ловить.

– Не будем, – сказала Юля, вздохнув.

– Будете, ещё как.

– Нет. Ира насовсем ушла. Она сама так сказала.

– Так и сказала?

– Ага. Больше не придёт, сказала. Ещё сказала, что, когда все выздоровеют, и мы в город вернёмся – там и встретимся.

Только потом уже. Когда зомби ходить перестанут.

– Ну, так и будет, значит. Ладно, пошёл я. Тоже ложись, а то дядю с тётей разбудишь.

Я вышел за порог, тут же выбросив из головы всё, что сказала Юля.

Впереди меня ждала неизвестность. Я не знал, удастся ли мне вернуться в Знаменское той же дорогой, которой я пришёл оттуда. Мне не хотелось попадаться на глаза никому: будет лучше, если никто, кроме Сергея, Кристины и Юли не узнают о моём возвращении – так я подумал. В первую очередь, таким образом можно было сэкономить время на объяснениях с каждым встречным и рассказах о том, что со мной приключилось позавчера. Потому путь к трассе, являвшейся самым предсказуемым и безопасным маршрутом до Знаменского, мне был заказан. Вход и выход, въезд и выезд

из Надеждинского контролировался, а я не хотел задерживаться на контрольно-пропускном пункте только ради того, чтобы поведать о своих жизненных перипетиях случайному бывшему менту, которому, в общем-то, слушать всё это было совсем неинтересно.

Дело оставалось за малым: обойти патруль, который, как я думал, в столь ранний час окажется особенно сонным и невнимательным. Уж не знаю, вышло ли всё так, как я предполагал, или мне просто повезло не встретить никого за огородами, но до леса я добрался незамеченным, а затем – поспешил углубиться в него, чтобы уж точно стать невидимым для дозорных.

Дальше я шёл по тропе с чётким планом, который брал своё начало в моём видении всего происходящего. Я точно знал, что Ира ушла в Знаменское по ошибке. Что она записалась добровольцем для того – и только для того – чтобы разделить свою участь со мной. Я действительно полагал, что... Не знаю, стоит ли писать об этом здесь или следует прибегнуть всё это до рассказа о последовавших событиях. Но, раз уж начал – скажу полностью. Те несколько часов, в течение которых я шёл по тропе через лес, были последними часами в моей жизни, когда я всё ещё думал, будто бы мир вращается вокруг одного меня.

Я представлял себе встречу с Ирой. Не так жадно грезил о ней, конечно, как в те дни, когда приходилось пробираться к её квартире через заражённый город. Я думал, что, когда мы

снова увидим друг друга, она бросится мне на шею и начнёт всеми фибрами источать радость по поводу нашей встречи, забыв про всё, что гложело её раньше. Я думал, она только и ждёт, что меня, и только и живёт для того теперь, чтобы быть рядом со мной. Пожалуй, я совсем не воспринимал её как самостоятельного, отдельного от меня человека и... И потому, наверное, так злился на неё за ту депрессию, не отпускаящую её после смерти родителей. Меня больше заботила роль, которую, по моему разумению, она должна была играть рядом со мной, чем она сама. Я не... Не любил я её – вот, что. По-настоящему и беззаветно всё это время – вообще всю свою никчёмную жизнь – я был влюблён только в самого себя. Вот, зачем на самом деле был нужен тот вояж через город к дому Иры: чтобы спасти самого себя от сумасшествия и тоски. И, вытаскивая её тогда из машины после аварии, я тащил самого себя от верной гибели, потому что был твёрдо уверен, что без неё жить я больше не смогу. А потом, после выхода из больницы и заселения в дом, я хотел увидеть привычную, милую, счастливую Иру, и был жутко расстроен, увидев её понурой, унылой и отрешённой. Мне всего-то хотелось, чтобы она играла свою роль как следует, и невдомёк мне было, что она – гораздо больше, чем роль; гораздо больше, чем то, какой я хочу её видеть; гораздо больше, чем картинка в моей пустой, бестолковой башке. Она – человек и живёт своей жизнью: своими мечтами, желаниями и чаяниями. Вот так диво! На двадцатом году жизни уйти от

солипсизма, открыв для себя реальность окружающего мира! Оказывается, Вселенная не исчезает, когда я закрываю глаза. Кому расскажи – не поверят.

Обо всём этом я пока ещё не думал, шаг за шагом пробираясь через лес. Думал я только о том, что буду делать, когда выйду из него, и что скажу патрулю, если тот меня остановит на границе Знаменского. В этих мыслях я не заметил, как дошёл до той самой опушки, на которой мы с Астаховым ещё позавчера устраивали привал. Всё те же поваленные деревья, всё то же кострище между ними, всё тот же трухлявый пенёк, в котором, должно быть, всё ещё была спрятана та бутылка водки. Но было тут и кое-что ещё, чего раньше здесь быть просто не могло.

Труп.

Обгоревшее, скрюченное тело лежало недалеко от кострища, которое выглядело теперь так, словно затушили его совсем недавно. Тело было не узнать: кожа была тёмно-коричневой, покрытой очаговыми вздутиями и волдырями, одежды почти не осталось, за исключением редких лоскутов под спиной, лицо было обезображено огнём, который полностью съел нос, глаза и губы несчастного. Руки и ноги его были скрючены: как у кота, лежащего кверху лапками. Я подошёл чуть ближе. От трупа всё ещё пахло горелой плотью.

«Неужели это он?» – подумал я.

И тут труп шевельнулся. Он всего-то едва заметно дёрнул пальцем, но уже этим страшно испугал меня. Я хотел было

броситься бежать, но, отпрянув к одному из деревьев позади и облокотившись на него, готовясь пуститься наутёк, я успел подумать ещё кое о чём.

«Если это он, то...»

«То что?»

Мысль переросла в подобие диалога. Я всё спрашивал себя, стоит ли мне добить несчастного или он и так уже мёртв, и чуть уловимое движение его пальца мне лишь привиделось. Осторожная часть меня говорила уносить ноги и не искушать судьбу, но сентиментальная часть призывала представить себя на месте бедолаги. Он здорово обгорел, и мышцы его как следует прожарились вместе с суставами, сухожилиями и всем прочим. Стало быть, нормально двигаться он не может – и не сможет. Но, если никто не прострелил ему голову перед сожжением – а никакой раны в его черепе я не заметил, – то он, может быть, всё ещё жив. Жив в мертвецком смысле, разумеется. Жив, но не может никак контактировать с этим миром. Он обречён пролежать целую вечность на этой опушке, если, конечно, мозг мертвеца функционирует вечно, и... И ничего! его мозг продолжит работать в том же режиме, в котором работаем мозг заурядного заражённого, а его тело не сможет никак ответить ни на какие его импульсы. Это ли не ад? И, если этот несчастный – тот, о ком я думаю, заслужил ли он ад? Или можно считать такое состояние сродни обыкновенной, заурядной смерти в том виде, в каком мы знали её до вымирания? А если это – то же, что и

смерть, то к чему беспокоиться? Пусть лежит себе да лежит тут – какая разница? Я чувствовал себя зависшим компьютером, который задействовал всю свою оперативную память для решения какой-то простейшей задачи, и близко того не стоившей. Опомившись, я решил без лишних размышлений сделать то, что считаю правильным, хотя и не понимаю пока, почему это кажется мне правильным. Я достал из-за пояса нож и подумал, что, если моё предположение по поводу личности сгоревшего человека верно, то настало время вернуть подарок. В конце концов, всё равно его у меня отобрали бы при первом же досмотре в Знаменском.

Когда нож оказался во лбу у обгоревшего трупа, подобно миниатюрному крестообразному надгробию на могиле, я встал, отряхнулся и отправился дальше. Уходя, я, кажется, слышал, как тело издало звук, похожий на облегчённый выдох.

На выходе из леса Знаменский патруль встретил меня грубым окриком и звуком вздёгнутого автоматного затвора. Двое ребят направили автоматы прямо мне в лицо, отчего мне, разумеется, стало не по себе. Я сказал им, что я не заражённый, и что я – человек. Они услышали и поняли это. Но продолжили целиться в меня, жестом приглашая подойти поближе.

– Руки за головой держи! – рявкнул один из них и добавил, – Медленно подходи, не дёргайся!

В одном из патрульных я сразу узнал того рядового, ко-

того Астахов позавчера отчитал на моих глазах во время нашего отхода из посёлка. Теперь, видимо, парень стал подходить к своему делу ответственнее.

– Оружие есть? – спросил он и принялся ощупывать мою одежду.

– Нет.

– В рюкзаке что?

– Вещи. Тетрадь. Вода.

– Кто такой? Как сюда пришёл? Погоди... Ты что ли опять? А я думал... Так ты это...

– Долго рассказывать. Веди меня сразу... Не знаю, к кому. К кому они там добровольцев ведут? – сказал я.

– Отведёшь? – спросил рядового другой патрульный, всё ещё державший меня на прицеле.

– Ага. Ну пошли давай. Доброволец.

Рядовой жестом указал на тропинку, соединявшуюся с гравийной дорогой, служившей, в свою очередь, началом пути к стадиону в центре посёлка окольными, обходными путями через дворы и проулки. Я не знал, каким путём поведёт меня патрульный, но сомневался, что это будет тот же путь, которым мы пришли сюда позавчера с Астаховым. Так и вышло. Почти всю дорогу мы шли по центральной улице посёлка, пока в конце концов не оказались у здания администрации – того, с флагом. Дорогой рядовой говорил.

– А я подумал, тот сержант тебя того... В расход, – делился своими соображениями он.

– А оно вон, как оказалось.

Рядовой шёл позади. Я – впереди, под прицелом и надзором. Весьма унижительное положение.

– Так он же, помню, говорил, мол, ты тоже мобилизованный, – вспомнил рядовой.

– Говорил?

– Говорил.

– Ну, значит, было дело.

– А чё ты щас тогда говоришь, что доброволец?

– Да какая тебе разница? Твоё дело отвести меня к старшим вашим, и всё. Им всё и расскажу. У них потом спросишь.

– А чё ты разговариваешь так дерзко?

Я и сам не понимал, зачем огрызнулся на патрульного. Наверное, после той сцены с Астаховым я решил, что тоже могу вести себя так с этим парнем. Но зачем мне нужно было так себя вести? Неужто ни с того ни с сего превратился в одного из тех, кто грубит всем, кого заподозрит в слабости духа, тем самым самоутверждаясь и чувствуя себя лучше? Неужели я стал той жалкой, вредной женщиной в автобусе или в какой-нибудь очереди, которая ошибочно принимает способность нагрубить за превосходство? Или, может, я попросту был не в духе?

– Извини. Нервничаю просто.

– Да ладно. Бывает. Ты не нервничай только больше. А то башку прострелю.

– Не надо.

– А вот прострелю – так и знай! Тот, вон, тебе не прострелил, видать, а за мной не заржавеет. Чё у вас там с ним вообще было-то такое? Расскажи хоть, интересно! А то он приходил потом, автомат зачем-то отдал, сказал какому-то Абидину передать. Зажигалку отобрал ещё. И ушёл опять потом главное! Извинялся ещё, хрень какую-то говорил – я так ничё и не понял.

Из монолога патрульного я уяснил несколько вещей. Во-первых, Астахов выполнил обещание и действительно вернулся в посёлок, чтобы проверить бдительность патруля. Во-вторых, Астахов предпочёл вернуть автомат своим товарищам вместо того, чтобы не париться и умереть вместе с ним. В-третьих, младший сержант Астахов – это совершенно точно один из тех людей, на кого я когда-нибудь хочу стать хоть капельку похожим. И, наконец, в-четвёртых, рядовой, конвоировавший меня, был не самым умным на свете человеком.

– Ты не самый умный у нас пацан, да? – спросил рядового напрямую какой-то офицер на проходной в здании администрации.

– Разрешите уточнить?

– Фамилия твоя как?

– Лопатин, та-щ капитан.

– Вот оно и видно, что Лопатин. Недалеко ты от лопаты ушёл. У тебя начальник патруля есть?

– Так точно.

– Где он?

– Несёт службу, та-щ капитан.

– Он про этого... Добровольца, которого ты только что привёл, в курсе?

– Не могу знать, та-щ капитан.

– Х-ха! Вот молодец! А кому ты докладывать должен обо всём происходящем на границе посёлка до того, как сюда припереться?

– Так это...

– КОМУ?!

– Начпату, та-щ капитан. Так он ведь не там был...

– Кто?!

– Начпат.

– А нафиг бы ты ему докладывался, если б он сам там был и всё видел?

– Так...

– Подсказку тебе дам: чего у тебя сейчас нет с собой?

– Разрешите уточнить?

– Ну, чего у тебя нет вот сейчас прям, с собой?

– Не могу знать, та-щ...

– Рация, – вздохнув, сказал офицер, явно уставший от разговора с патрульным, хотя поначалу было видно, как он неприкрыто потешался над ним, – Рация у тебя всегда с собой должна быть. Они у нас под счёт, на деревьях они, видишь ли, не растут. А ты свою где-то прошляпил и, мало то-

го, припёрся ко мне и припёр неизвестно кого сюда, в штаб. Кто тебя надоумил-то хоть? Или сам догадался?

– Та-щ капитан, это он всё! Это он сам сказал его сюда привести! – патрульный заметно оживился, полагая, что сказанное им теперь восстановит его поруганную честь в глазах дежурного офицера.

– Какой-то шкет пересёк границу посёлка, сказал тебе привести его сюда, и ты послушался, и так и сделал? Молодец, боец, как хорошо, что ты на свет родился! Вечером самому Старкову доложу о твоей службе! А теперь иди и на глаза мне не попадайся.

– Есть, та-щ капитан! – ответил на это патрульный, выполнил воинское приветствие, улыбнулся, развернулся и ушёл, совершенно искренне уверенный в том, что офицер таки похвалил его, и что он и впрямь может теперь быть доволен собой.

– Ну а ты? – обратился офицер ко мне.

Я сообразил, что лучше бы мне теперь начать говорить, коротко сформулировав цель своего визита. Иначе я сразу окажусь в глазах офицера на уровне лопаты или Лопатина.

– Я доброволец.

– Откуда?

– Из Надеждинского.

– Опоздал на набор? Или подумать как следует решил? Вообще это правильно. Пошли, отведу к замполиту, он, вроде, у себя.

Дежурный офицер провёл меня сквозь тёмные и мрачные коридоры здания администрации. В конце концов, мы оказались перед дверью на первом этаже. Дверь была приоткрыта. Капитан постучал и вошёл. В комнате было двое мужчин. Один – майор, которого я уже видел во время своего первого визита сюда. Другой – тоже человек в военной форме, имевший на погонах на одну звезду больше, чем майор. Капитан представил меня и оставил в комнате, а сам ушёл.

– Я тебя видел, вроде... – задумчиво проговорил майор, когда мы остались в комнате втроём.

– Присаживайся, – сказал человек с двумя большими звёздами и указал на стул рядом со своим столом. Я сделал, как он велел.

– О, так это тот парниша, который сначала добровольцем записался, а потом убежал! Когда? Позавчера вроде? – вспомнил майор.

Мне стало страшно. Я помнил про легенду, которую мне поведал Астахов, и которой они с его друзьями – свидетелями расправы над Артёмом – договорились придерживаться. Но я боялся того, что со мной может быть, реши я тоже сейчас придерживаться этой легенды. Когда мы виделись в последний раз, Астахов строго-настрого запретил мне возвращаться сюда, потому что так я «подставляю пацанов». Но я уже вернулся. И совершенно не думал ни о каких «пацанах», когда планировал своё возвращение. Возникли новые обстоятельства, и вернуться мне было необходимо – конец исто-

рии. И что же теперь делать? Сейчас, после возвращения? Соврать этим офицерам и постараться держаться легенды, рискуя впасть в немилость с самого начала, а то и – чего доброго – нарваться на какое-нибудь наказание? Или наплевать на всё и сказать правду, тем самым обезопасив себя?

Я выбрал второе. Не потому, что желал зла друзьям Астахова. Я желал добра себе, я желал поскорее найти Иру, и это всё, о чём я мог думать. Я рассказал офицерам всё по порядку, в точности описав, как всё случилось на самом деле. Слушали они внимательно и даже с некоторым наслаждением. Ещё бы: действительно ведь почти киношная история вышла. А если её ещё и правильно преподнести... Словом, я выложил им всё. И про Иру – тоже. Честно сказал им, что вернулся сюда только за ней, и что если бы она не ушла сюда позавчера, то и я бы не вернулся, и всё было бы так, как планировали Астахов, Громов и Абидин. Там, в лесу, найдя тот обгоревший труп и впад в ступор от незнания того, что с ним делать, я, кажется, сформулировал для себя некое подобие жизненного кредо, которому и впредь постараюсь следовать неукоснительно: если не знаешь, что делать – делай то, что считаешь правильным. Не думая, не анализируя – просто делай, положившись на интуицию и на врождённое чувство того, что хорошо, а что плохо. И будь что будет. Так я и поступил.

– Ну дела, – ответил на это офицер с двумя звёздами и покачал головой.

– Н-да, – вторил ему уже знакомый мне майор.

– Так. Так-так-так... Значит, сейчас... Как же поступить-то нам... Хм-м... Ладно. Так: сейчас солдата позову. Он тебя отведёт к женской казарме. Там девчонку твою позовут. Как её звать, говоришь?

– Ира.

– Там разберутся. Увидишься с ней, покажешься, убедитесь, что друг с другом всё нормально. Поговорите там, решите, в какую команду пойдёте, если, конечно, оба захотите в одну. Жить вместе не будете – сразу говорю. По крайней мере пока, первое время. Но, если в одной команде окажется – будете на подготовке видеться. Долго там не стойте, не милуйтесь: не свидание. Как закончите, солдат тебя в казармы для новобранцев отведёт. А там уже в курс дела въедешь по ходу пьесы. Вопросы?

– Нет.

– Нет?! Нет, н-да... Ладно, ты пока гражданский человек у нас. Пусть будет «нет». Одно только тебе скажу. Девчонке твоей это, наверное, уже доводили.

Человек с двумя звёздами пристально посмотрел мне в глаза, чуть придвинувшись, отчего я машинально отпрянул.

– Назад больше дороги нет. Больше номер такой не пройдёт: захотел пришёл, захотел – ушёл. Имей в виду. А о том, что за побег и за самоволку бывает, тебе ещё расскажут. Это понятно?

– Да, сэр.

Не знаю, какого лешего я так сказал. Переволновался, наверное. Да и в фильмах, которые я обычно смотрел, так, вроде бы, было принято говорить с военными.

– «Сэр»?! Х-ха-ха-ха! Нормально, молодец, попытка хорошая! Х-ха! Хоть что-то. Давай, «Сэр», иди, в коридорчике подожди. Солдат сейчас придёт. Всё, свободен!

Я вышел из кабинета, скорее преисполненный положительных чувств, нежели наоборот.

Через некоторое время подошёл человек с автоматом. Он отвёл меня к двухэтажному кирпичному дому, в небольшом отдалении от здания администрации. Я старался запоминать дорогу, но там и запоминать было нечего: женские казармы находились буквально в двух шагах от штаба. Солдат вошёл в дом, побеседовал там с кем-то и попросил позвать Иру. Затем он вышел и сказал мне первую фразу за весь наш путь:

– Жди.

Через несколько минут из подъезда кирпичного дома вышла Ира. Я был без меры счастлив снова видеть её лицо и убедиться, что с ней всё в порядке. Она тоже улыбнулась мне при встрече. То была первая улыбка на её лице за долгое, долгое время.

– Привет!

– Привет! Ты где был?

– Да я... Долго рассказывать.

Но я, всё же, рассказал. Поведал ей всю эту безумную историю восьмидесятого дня и попросил прощения за то, что

ушёл тогда по-английски. Слово за слово, и я уже просил прощения за всё на свете: за её мать, за отца, за то, что меня не было рядом, чтобы поддержать её как следует, за то, что я так и не отважился поговорить с ней по душам, пока мы были в Надеждинском.

– Ничего. Всё нормально, – ответила на это она, стараясь сдержать слёзы, душившие её всякий раз при упоминании родителей.

– Так что, получается, здесь теперь остаёмся? – спросил я.

– Ну да. А что тут уже поделаешь? Теперь назад уже никак. Я ведь знала, что так будет. На это и рассчитывала. Думала, во-первых, вместе тут будем, а во-вторых... Во-вторых, в деревне там всё равно без толку сидеть. Для чего? Зачем? А здесь – действительно дело какое-то, действительно можно как-то помочь.

– Наверное. Ты как тут вообще? Нормально? Я думал, ты в Надеждинское вернёшься, ждал там тебя. Как понял, что ждать бессмысленно – сразу обратно пошёл.

– Я тоже ждала. Спрашивала всех тут про тебя, но никто ничего не знал и сказать толком не мог. Думала, ладно, найдёмся когда-нибудь. Вот и нашлись.

– Тут мне про какую-то команду говорили. Что, мол, надо с тобой обсудить, куда идти, чтобы на построениях всяких видаться или типа того. Вместе нам тут жить не дадут.

– Понятно, что не дадут. А про команду – да, главный их что-то говорил вчера. Мол, подумайте до завтрашнего вече-

ра – до сегодня то есть.

– И что это за команды?

– Это так условно называют сферы задач, как я поняла. То есть, где тебя будут задействовать. Тем, кто без военного опыта – а особенно девушкам, – настоятельно рекомендуют оставаться здесь. Тут всякие тыловые работы будут, вроде как – бытового плана. У кого права есть – тех в водители берут, тут без вариантов. Подвозить там что-то надо будет, отвозить – какая-то такая история. Новоприбывшим по желанию можно записаться и в боевые отряды: те, которые в город пойдут, когда зима уляжется. Там тоже разные задачи будут, вроде как. Но суть одна: запись в них означает возвращение в город.

– И когда нас распределять будут?

– Вечером сегодня. На построении большом, общем. Там наши пожелания спросят и учтут, но по факту распределять эти большие командиры всё равно сами всех будут.

– И куда попросимся? Хотя, можно, наверное, и не спрашивать...

Я был уверен, что Ира, как и я, предпочтёт остаться в тылу и заниматься всяческой приятной бытовухой. Это же очевидно: нужно оставаться там, где безопаснее всего – вот ключ к выживанию. Среди всех этих больших, сильных, вооружённых до зубов мужиков так ли нужно пытаться корчить из себя героя и бросаться на амбразуру вместе с ними, чтобы... чтобы что? Я искренне не понимал, что может

надоумить человека в здравом уме изъявить желание отправиться на передовую. Зато Ира, по всей видимости, поняла в последнее время что-то такое, что мне было невдомёк.

– Да, слушай, я тут подумала вообще-то...

Я не верил своим ушам. Я отказывался слушать. Это была не моя Ира: моя Ира не могла – просто не могла! – сказать всё это. Она не могла хотеть вернуться в этот проклятый город после всего, что с нами там было!

– Зачем?! Ты чё?! Ты серьёзно сейчас?! – спрашивал её я, не веря своим ушам. Я не понимал её. Даже больше – я понял, что совсем её не знаю. Всё это время я воспринимал её как Иру той поры, когда мёртвые ещё не бродили по земле; когда мы вместе гуляли по условным паркам и ели условное мороженое, а когда не хотели никуда идти – сидели дома и переписывались в интернете. Ошибочно, но я всё ещё считал Иру той самой Ирой образца двадцать девятого июля. Или двадцать восьмого. Или любого другого дня до всего этого кошмара. Удивительно: ведь у меня так славно получалось до сей поры отслеживать изменения в самом себе, что я совершенно забыл, что новый мир меняет абсолютно всех и всё вокруг, без исключения. И что изменения эти могут происходить очень быстро.

– Серьёзно, Костя. И только пожалуйста, не переубеждай меня. Попробуй понять. Просто... Не знаю, мы там, в деревне этой, сидели, вроде бы и в тепле, вроде бы и всё у нас получилось, как мы хотели... А там люди гибнут. Там м... ма...

– Ирин голос дрогнул, и она прервалась на секунду, чтобы собраться с духом, – Там мама с папой, в конце концов.

– Ира, они умерли!

– Я знаю! Вот именно! – крикнула она, отчего я малость опешил, – Они там бродят как... Как... Не так они хотели умереть – я точно знаю! И я не хочу, чтобы они ещё кого-то там убили, понимаешь?!

Ира заплакала. Солдат, который проводил меня до казарм, и который всё это время стоял рядом, явно смутился, не зная, как ему реагировать на происходящее. В конце концов, он решил вмешаться:

– Так, давайте там, побыстрее. Не свидание.

Я не обратил на него внимания. Мы оба не обратили. Мне хотелось поспорить с Иррой, хотелось попытаться внушить ей, что затея её – глупая и неоправданно рискованная. Что военным хватит людей и без неё, чтобы разобраться с мертвецами в городе, когда придут холода. Но я вспомнил, что мы не можем провести здесь весь день, выясняя отношения. А затем меня вдруг охватило чувство безразличия. Такого приятного, фаталистического безразличия, когда ты отпускаешь себя, перестаёшь пытаться контролировать всё на свете, плюёшь на всё и говоришь: «Ай-й, будь что будет!» – и следующий вдох вдруг даётся тебе так легко и свободно. Если она хочет этого – так тому и быть. Должно быть, она хотела чего-то такого с самого начала – в этом было всё дело. Отсюда и произрастала её подавленность и нелюдность той

поры, когда мы были в Надеждинском. Никакое Надеждинское ей было даром не нужно. Она, в отличии от меня, имела внутри что-то такое, что заставляет людей идти на большие поступки, не щадя самих себя. Но так уж вышло, что раньше ей не представлялось возможности поддаться ни одному из своих благородных порывов. В старом мире такие возможности разглядеть было сложно. В мире новом же её сначала подавлял отец, не пускавший их за стены их собственной квартиры, а потом – я со своим Надеждинским и постоянно внушаемой мыслью о том, что она должна быть рада тому, что имела там. Как же я не разглядел в ней этого раньше? Наверное, я просто не хотел узнать её как следует. Мне было настолько комфортно со сложившимся в моей голове образом Иры, что я не хотел ничего в нём менять, а значит и не хотел лучше узнавать саму Иру, чтобы ничего в этом самом образе не испортить. Каким же я был идиотом!

Не помню, как мы попрощались. Всё произошло как-то стремительно. Я помню, что обнял её и сказал ей, что всё хорошо, и что я пойду вместе с ней, куда бы она ни решила отправиться. Помню, что она плакала. Потом помню, как солдат всё настойчивее предлагал нам закругляться, и мы, в конце концов, сделали так, как он велел.

Первые минуты в казарме были шоком. Слишком много происходило в один момент, в одной точке пространства. Строго говоря, казарма – это просто слово. Термин, кото-

рым местные военные называют жилые помещения – не большие. На самом же деле, меня поселили в трёхкомнатную квартиру в доме, соседствовавшем с местом, в котором жила Ира. В квартире уже жили два других новобранца. Все они были разного возраста, и я не успел толком с ними познакомиться. Весь оставшийся день я провёл в бесконечных ожиданиях: ждал, пока с меня снимут всевозможные мерки, потом – ждал, пока меня примет местный врач и убедится, что со мной всё в порядке. Потом ждал, пока специально назначенный на это дело прапорщик досконально осмотрит все мои вещи. Эти же самые вещи даже после осмотра специальным прапорщиком перетрясли ещё, наверное, раз двести двести разных других людей. Не уверен, что у всех них были на то полномочия, но мне было всё равно. Кто бы ни прикасался к моим вещам – каждому из них мне приходилось рассказывать про дневник и про то, зачем я его веду. Я сразу понял, что угодил в среду, в которой тайн друг от друга ни у кого нет, поэтому не слишком-то сопротивлялся и ничего особенно не скрывал.

На вечернем построении перед нами – новобранцами – выступил Старков и, как и было обещано, предложил изложить наши пожелания касательно нашей дальнейшей службы. Когда он спросил, желает ли кто-то отправиться на передовую – я вышел из строя вместе с Ирой и несколькими другими безумцами. Как мы и договаривались. Старков сказал нам пару добрых слов и напомнил, что оконча-

тельное решение по нам будет принимать совет командиров. О нём нам объявят завтра, на утреннем построении, после чего всем нам надлежит пройти курс молодого бойца: научиться ходить строем, выполнять команды, обращаться с оружием и элементами обмундирования. На дворе стоял холодный осенний вечер. Дул промозглый северный ветер. С неба падали редкие снежинки, пока ещё не грозившие вырасти в полноценный снегопад и большие походившие на замёрзшие где-то на пути сверху вниз капельки росы. В воздухе пахло свежестью и большими переменами. И я, пожалуй, был скорее им счастлив.

Уже завтра для меня начнётся совсем новая жизнь. Я не знаю, будет ли у меня время писать дневник или придётся снова забросить его на неопределённый срок. Я постараюсь, тем не менее, от случая к случаю выкрадывать минутку-другую на то, чтобы коротко написать про всё, что случилось за день. Надеюсь, у меня получится.

Запись 18

Девятнадцатое октября. Восемьдесят третий день с начала вымирания.

День сегодня не был богат на события, но почему-то тянулся он нестерпимо долго. Наверное, всё от бесконечного ожидания. Сначала мы ждали оглашения списков тех самых «команд», в которые мы вызывались зачислиться вчерашним вечером. Ира и я с удивлением обнаружили, что нас

не отбраковали. Так, на утренней поверке мы узнали, что нам предстоит отправиться в город в третью волну, что бы это ни значило. Перед этим нас ждёт подготовка и так называемые «суточные наряды». О них я где-то слышал и примерно понимал суть: некое дежурство со строго определённой на двадцать четыре часа сферой ответственности. Что ж, посмотрим.

После поверки нас отвели на завтрак. Потом – подбор формы и обмундирования. Я впервые примерил на себя зелёный гардероб и с удивлением заметил, как что-то щёлкнуло во мне, едва я надел на себя китель, штаны и берцы. Я почувствовал себя лучше. Я чувствовал, что полон сил. Чувствовал себя защищённым. Поразительно, но даже будучи в Надеждинском ничего подобного я не испытывал. Будучи под защитой и опекой стен собственной квартиры – тоже. Теперь я ощущал себя частью некоего единого организма: положение, с одной стороны, уничижительное и понижающее, но с другой – до крайности наполняющее сознанием своей важности, нужности и причастности к чему-то значительному, и оттого – возвеличивающее и возвышающее над тем, кем я мнил себя прежде. Ира тоже примерила форму. Я заново влюбился, когда увидел её. Наконец, мы стали единым целым, пусть и случилось это каким-то причудливым, странным образом.

Потом был обед, а после – всеобъемлющее знакомство с пунктом дислокации. Нас провели по всему посёлку и пока-

зали всё, абсолютно всё: что где находится, кто и где несёт службу, и за какими точками нужно будет особенно усердно следить, будучи в патруле. После этого нас отвели на ужин, а затем – обратно в казармы, предоставив время для отдыха и личных дел. Одним из таких личных дел для каждого из нас должно было стать рукоделие: этим вечером мы должны были уделить пару минут тому, чтобы каким-нибудь образом нанести на кителя наши фамилии. Именных шевронов для нас изготавливать никто не собирался – да и не смог бы, даже при желании – поэтому нам надлежало самостоятельно пометить грудь, с левой стороны, фамилиями и инициалами. Как мы это сделаем – то была уже наша забота. Я пока так ничего и не придумал. Весь вечер я провёл с Ирой, возле подъезда её дома-казармы. Она славно ужилась с той деревенской эсенициной сорока лет, с которой её поселили в одну квартиру. Да и от всего происходящего она получала нескрываемое удовольствие. Она словно бы впервые за долгое время подлинно ощутила себя на своём месте, в своей тарелке. Трудно сказать, разделяю ли я её чувства. С одной стороны, чувство сопричастности, о котором я говорил выше, скорее греет меня, чем наоборот. Но с другой стороны – тревога. Беспрестанная тревога, граничащая со страхом грядущего.

Я не смогу писать много, не смогу рассказывать здесь про каждый свой день так, как я делал это прежде. Как бы мне ни хотелось плотно и сыто заполнить эту тетрадь, самым

подробным образом описав всё происходящее, я, всё же, человек, и мне нужно спать. И не похоже, что кроме ночи у меня останется какое-то другое время для того, чтобы заниматься дневником. Потому какое-то время далее здесь будут лишь сухие, лаконичные выжимки из каждого дня. Постараюсь, тем не менее, зафиксировать всё самое важное и ничего не упустить.

День 84

Сегодня ничего особенного не произошло. Половину дня мы сидели в актовом зале местного дома культуры и изучали систему армейских званий. Её в нас вдолбить поручили некоему капитану Смирнову, которого я, кажется, уже где-то видел. Он не был требователен, но был в достаточной степени строг: запрещал нам общаться между собой, пока мы сидели там, в этом зале. Все наши усилия, помыслы и желания, точно планеты, должны были вращаться вокруг этих треклятых звёзд на их погонах: маленьких, больших, очень больших и так далее. Мне не составило труда выучить эту нехитрую градацию. Ира тоже справилась довольно быстро. Кто-то не смог так шустро запомнить предложенную капитаном информацию, и с ними он действовал по-разному: сначала – устными укорами и публичными унижениями, затем – подзатыльниками, если это были молодые парни, а после перешёл к запугиванию.

– Кто последний выучит – тот всю службу в городе пробу-

дет барабанщиком, – говорил он.

– О, ну так я лучше посплю, а вы, пацаны, учите тут! – сказал на это лысеющий мужик среднего возраста, в форме на три размера меньше его габаритов.

– Барабанщик у нас – это тот, кто приманивает мясо на себя. Звуком ли, криком – да хоть песнями! Если охота – в добрый путь. Только такие пузатые барабанщики обычно долго не живут.

Мужик притих и принялся смотреть в листок, на котором он некоторое время назад своей рукой нарисовал все возможные погоны и подписал их.

После этого мы учились ходить строем и выполнять строевые команды. Знание всего этого каждым из нас упрощало для наших будущих командиров задачу по управлению нами как единой массой. Им не пришлось бы иметь дело с боевыми единицами, ковыляющими туда-сюда, из стороны в сторону, словно молекулы инертного газа в пробирке, по пути на обед или куда-нибудь ещё. В нас вшивали кодовые слова, хорошо знакомые командирам, и тем самым упрощали нашу дальнейшую коммуникацию с ними. Словом, во всём происходящем я пытался отыскать смысл и был очень рад, когда находил его.

День 85

Капитан Смирнов, как оказалось, был назначен командиром нашей учебной роты. Рота, взвод, отделение – все эти

единицы измерения единого зелёного вещества – то есть нас, солдат, – откладывались в памяти как-то сами по себе. Я впитывал всё как губка. В основном, потому что не хотел отставать от Иры, вникавшей во всё с хищным азартом. Ей очень нравилась её новая роль. И мне было приятно видеть её счастливой. Только... Только вот что-то всё не давало мне покоя. Чем больше Ира углублялась в эту новую армейскую жизнь, чем больше новых знаний и навыков она получала, и чем больше счастья была на её лице в конце дня, тем больше мне казалось, что я теряю ту Иру, которую знал раньше. Ту Иру, которая, как я думал, нуждалась во мне. Ту Иру, которая, как я когда-то полагал, только и ждала, сидя у себя в квартире, пока я приду и предложу ей и её родителям план того, как сбежать от апокалипсиса. Теперь она становилась тем, кому не нужен никто; не тем, кто ждёт от кого-то помощи, а тем, кто сам приходит на помощь. И от этого мне всё больше и больше тоскливо. Хотя я и понимаю, что тоска эта – не благородная, а постыдная.

День 86

Днём была жара. Не в привычном понимании, нет: скорее – жара по октябрьским меркам. Сколько же ещё нам ждать снега такими темпами? И как они – те, кто принимает решения – поймут, что погода устоялась, и холода наступили надолго? Прогнозов погоды ведь, как несложно догадаться, больше ни по телевизору не показывают, ни в газетах не

печатают. Может, у них там какой-то метеоролог есть? Не хочется, чтобы замёрзшие в бетонных джунглях зомби, которых мы приедем уничтожать, точно каких-то вредителей, вдруг в самый неподходящий момент оттаяли и нанесли по нам ответный удар.

В целом же, задача обещает быть несложной. Достаточно будет всего-то соблюдать осторожность при близком контакте с заражёнными и не расходовать боекомплект почём зря, чтобы после очередного выхода на тебя не наорал твой командир взвода. На урегулировании вопросов с преступными элементами и восстановлении законности в городе нас, свеженьких, как я понимаю, привлекать не собираются. Хотя кто знает. Всю эту информацию я черпаю из досужих разговоров с такими же, как я: моими соседями и сослуживцами по учебной роте. В сущности, всё это не больше, чем сплетни.

День 87

Случилось кое-что ужасное. Сегодня, наконец, всплыла та история с Артёмом, его безвременной кончиной и всем, что последовало после. Утром меня вызвал на беседу сам полковник Старков, решивший, по-видимому, лично разобраться в вопросе, едва уловив отголоски информации о произошедшем. До сего момента, видимо, отсутствие младшего сержанта Астахова в его роте либо скрывалось, либо каким-то образом объяснялось: например, самовольным

оставлением пункта дислокации. Тот замполит – большой подполковник с двумя большими звёздами – вероятнее всего не доложил всё то, что я ему поведал, Старкову с пылу с жару. Только зачем? Почему? Да, в прочем, кто их там разберёт...

Так или иначе, сегодня утром я сидел уже перед самым Старковым и ещё раз пересказывал ему то, что когда-то сказал подполковнику. Я очень нервничал и боялся сказать что-то, что повлечёт серьёзные последствия для кого-либо. За себя я больше не переживал. Рассказ мой вышел сбивчивым, но последовательным и правдивым: ничего выдумывать, добавлять или поправлять, дабы обелить кого-нибудь, я не стал. Что-то подсказывало мне, что самая безопасная тактика поведения с таким человеком, как Старков – это не врать, не юлить и говорить всё как есть.

– Всё ясно, – отрезал полковник, едва я закончил говорить, а затем добавил: – Свободен.

Я вышел так, как это полагалось по форме. Сам не знаю, почему, но я будто бы хотел каким-то образом произвести впечатление на полковника, как-нибудь умаслив его напоследок. Как будто от этого могли зависеть его дальнейшие действия.

Вечерняя поверка, которая обычно проходила отдельно у каждой роты, в этот раз была общей. Всех, за исключением нёсших службу в суточном наряде, собрали на главной площади перед зданием администрации Знаменского, фронтом

на фасад здания. Через некоторое время на балконе второго этажа появился полковник Старков. Позади него стояли две понурые фигуры, сокрытые тенью. Лица их трудно было разглядеть издали, но я отчего-то сразу понял, что это рядовой Громов и ефрейтор Абыдин. И не ошибся.

Старков начал свою речь с рассказа об инциденте.

– Оставшись наедине с пойманным в Надеждинском дзержинском, рядовой Громов воспользовался своим положением, чтобы выместить на бывшем боевом товарище свои старые обиды. Мы все помним, что поступок тех, кто бросил оружие, бросил свои подразделения и бежал из расположения, в конечном итоге не остался безнаказанным. Каждому было – или ещё будет – воздано по тяжести его деяния. Убитого рядовым Громовым солдата, скорее всего, ждало бы самое суровое наказание по итогам разбирательств. И это было бы справедливое наказание. Однако рядовой Громов позволил себе совершить самосуд и самолично, без санкции командира или начальника, определить наказание для своего бывшего товарища. В итоге это, в совокупности с попыткой сокрытия акта самосуда в сговоре с другими солдатами, повлекло за собой потерю ещё одного бойца – младшего сержанта Астахова. Также, сговор бойцов: Астахова, Громова и Абыдина, едва не повлек за собой потерю потенциальной боевой единицы в виде мобилизованного из Надеждинского. Сознательность последнего позволила этой потере избежать. Однако младшего сержанта Астахова, не раз отличив-

шегося во время боевых действий в городе – да и вообще за всё время службы – уже ничто не вернёт. Это – невосполнимый ущерб, нанесённый всему нашему соединению одной лишь вспыльчивостью, мстительностью и нетривиальным эгоизмом рядового Громова. Вина также лежит и на ефрейторе Абидине: за отсутствие попыток воспрепятствовать преступномуговору, повлёкшему за собой людские потери. Ефрейтор Абидин, рядовой Громов!

– Я!

– Я!

– Выйти на два шага вперёд для заслушивания наказания!

– Есть!

– Есть!

Абидин и Громов подошли к самому краю балкона, оставив Старкова позади себя.

– Наказание за умышленное сокрытие преступления – назначение в дисциплинарную роту: туда же, где проходят службу ваши бывшие боевые товарищи, сделавшие неверный выбор в пользу самовольного оставления пункта дислокации. И, само собой, строгий выговор. Ефрейтору Абидину понятно всё сказанное?

– Так точно, – сказал понурый Абидин, испытавший, как мне показалось, некоторое облегчение, несмотря на видимую суровость судьбы, которую ему прочил Старков. Затем он добавил, уже чуть более бойко: – Я – есть строгий выговор!

– Наказание за самосуд, нанесение побоев дезертирам, содержащимся в пункте временного размещения, за убийство одного из них, а также за сокрытие преступления и вовлечение других солдат в преступный сговор – расстрел. Приговор будет приведён в исполнение мною лично, немедленно.

Казалось, Громова убаяюкал тон, которым говорил Старков, и те пресные, канцелярские, казённые формулировки, которые он использовал в своей речи. Будучи недалёким, да и, по правде сказать, глуповатым парнем, бедняга Громов не сразу понял, что вообще только что сказал полковник. Он всё стоял там, на краю балкона, и старался выглядеть виновато: действительно, было заметно, даже издалека, что он скорее делает вид, чем в самом деле чувствует за собой какую-либо вину. И вот, спустя секунду после того, как до него, казалось, дошёл смысл сказанного Старковым; в момент, когда ему в затылок уже смотрело чёрное дуло пистолета полковника, Громов вдруг выпучил глаза, открыл рот и попытался было что-то сказать:

– Ка...

А потом – «Бах!» И для Громова всё закончилось.

И опять всё из-за меня.

Что же я, чёрт побери, наделал?

День 88

Ира не разделяла моих сокрушений по поводу смерти рядового Громова. Более того, она вообще не считала, что я в

ней виноват.

– Он сконструировал свою смерть, – говорила она, – Сам. Надо было соображать, что делает. Ты здесь ни при чём, слышишь? Представь, что ты был бы свидетелем по делу об убийстве, и убийце грозила бы смертная казнь. Неужели ты стал бы его выгораживать и врать про то, что видел своими глазами? Стал бы ты спасать убийцу в прежнем мире?

– Наверное, нет.

– Вот и здесь – то же самое. Этот Громов – жертва цепочки обстоятельств, которую он сам же и запустил. А если ещё он, как ты говоришь, издевался там ходил над всеми над ними, то я считаю, что он получил по заслугам.

Ира стала моим голосом разума. Даже нет, не совсем разума – голосом холодного рассудка. В моменты, когда я по своему обыкновению стремился упасть в водоворот чувств, тревог и треволнений, разговоры с ней успокаивали меня и приводили в равновесие. Её было не узнать. Всего несколько дней, всего-то – смена одежды и пара уроков солдатской выправки, и она, будто глина в руках умелого гончара, приняла совершенно другую форму. Я же, по моим ощущениям, пока остаюсь рыхлой, бесформенной кучей, крутящейся на кругу в надежде вскоре стать хотя бы подобием какого-нибудь горшка или чашки – да хоть чего-нибудь. Нужно придумать себе какую-нибудь цель для нахождения здесь. Пока я здесь только ради неё.

День 89

Сегодня тех из нас, кто хоть какое-то время пробыл в городе во время разгула мертвецов, вызвали на отдельное мероприятие, на время сформировав из нас отдельный взвод. В нём были только новоприбывшие. Солдаты, несшие службу с самого первого дня апокалипсиса, а также те из гражданских, кто последовал за ними во время их отступления, в нашу компанию не попали. Сначала мы гадали, для чего нас собрали вместе по такому странному критерию. Чуть позже всё встало на свои места.

Нас вызвали на беседу в штаб, в самую ставку командования, где планировалась вся будущая городская операция. Полковник Старков вместе со своими заместителями хотел опросить каждого, чтобы получить больше информации об актуальной обстановке в городе. Командирам рот и взводов он это поручать не стал: вероятно, хотел услышать всё из первых уст, чтобы ничего не исказилось, как в игре в «глухой телефон». По одному мы заходили в кабинет и отвечали на вопросы больших начальников. Можно считать, что нам повезло: для остальной части учебной роты в это время продолжались изнурительные тренировки по строевому шагу, подходу к огневому рубежу, рукопашному бою и всякому прочему.

Меня позвали одним из последних. Я вошёл и удивился, увидев внутри кабинета абсолютно киношную картину: несколько больших шишек-генералов в полумраке тускло

светящей настольной лампы, при задёрнутых шторах, склоняются над огромной картой, расстеленной во весь письменный стол, с видом глубочайшей задумчивости. Мне было любопытно, создали ли они такой антураж для себя нарочно или оно само так вышло. Возможно – и то и то. Чтобы лучше что-то делать, весьма продуктивно окружать себя атрибутикой этого процесса. Для писателя, наверное, хорошо сидеть в каком-нибудь мрачном кабинете с чашкой кофе и сигаретой – даже если ни кофе, ни сигареты он на дух не переносит – и ваять что-нибудь, вдохновляясь одним лишь образом самого себя, своей собственной картинкой. Художнику, наверное, приятно окружать себя всякой вырвиглазной чепухой и одеваться как пугалу, лишь бы походить на расхожий образ художника в своей голове. Так и цвет ровнее ложится, и вообще всё идёт как по маслу. Вот и полковнику с его заместителями, наверное, думалось лучше, когда они ощущали себя теми самыми двигателями миниатюрных фигурок по картам из военных фильмов. А может, я просто ничего не соображаю, и меня все эти командиры с их лаем беспрестанных команд так достали, что я при любом удобном случае унижу их в своём воображении.

– Расскажи, что ты видел в городе, – начал Старков, обратившись ко мне после того, как я выполнил все формальности при входе, – С самого начала своего пребывания там и до момента, когда ты оттуда выбрался. Особое внимание удели местоположению. Не стесняйся подходить к карте и показы-

вать всё на ней. Мы с коллегами будем задавать тебе уточняющие вопросы, чтобы помочь всё как можно более подробно нам изложить.

И я рассказал им всё, что рассказывал в этом самом дневнике, с того самого дня, как вообще взялся за него. Правда, чуть более лаконично: по-военному. Свои переживания, пустопорожние размышления и рефлексия я, разумеется, опустил, оставив лишь вереницу событий, локаций и персоналий.

Узнав про Радугу, Старков покачал головой.

История про тех детишек из спорткомплекса покорила всех.

Потом – орды бродячих трупов в центре, редкие выжившие, которых я встречал, и всё такое прочее.

В конце моего рассказа один из замов попросил меня вернуться к тому моменту, где на меня напала толпа мертвяков, прыгавших прямо из окон многоэтажного дома на землю, а потом – встававших и бежавших за мной как ни в чём не бывало.

– Что их тогда заставило выпрыгнуть? – спросил он.

– Шум, думаю, – ответил я, – Сначала я наткнулся на одного. Он лежал, облокотившись на дерево. Потом увидел меня и... Не знаю, как будто бы залаял. Он ещё на четвереньках бежал за мной. Станный, в общем, какой-то.

– Может, у них вожаки есть определённые? – спросил какой-то другой большой офицер.

– Определённые кем?

– Никем. Природой. Как у хищников. И у вожака есть свой клич, который сородичи слышат издали. Даже через закрытое окно.

– Да нет, это, скорее всего, был просто шум, – перебил одного из офицеров Старков.

– Парень сказал, там была авария. Почему шум аварии не выманил тех тварей повыпрыгивать из окон? Или какой-то другой шум? И почему тот, облакачивавшийся на дерево, один из всех на четвереньках был?

– С позвоночником что-то. Да и ты не видел их что ли таких? И на четвереньках, и чёрт знает, как ползут. Ладно, с этим разберёмся. Боец, где, говоришь, все те места, про которые ты говорил? Меня интересует спорткомплекс с детьми и тот торговый центр, где мародёры засели.

Я показал на карте все интересовавшие полковника и подполковников места, после чего мне было разрешено уйти.

День 90

Сегодня суббота. День, когда нас централизованно водили в общественную баню для того, чтобы там мы могли смыть с себя недельный пот и получить свежее нательное бельё. Душ есть и у нас, в наших квартирах-казармах, но баня почему-то всё равно считается здесь делом обязательным, причём для всех, безотносительно срока службы или статуса. Что ж, пусть будет так: мне, в общем-то, всё равно.

На местную пищу тоже грех жаловаться. Всё питательно, всё в сносных количествах, всё по-своему вкусно, но пресно. Худшее в здешней пище – это её беспощадное однообразие, но после трёх месяцев в апокалипсисе оно меня вовсе не смущает. Вспоминаются блюда, которые я готовил себе там, в квартире, когда только начал этот дневник. Здесь оно всё как-то поприятнее.

День 91

Нам анонсировали завтрашние стрельбы. В честь них-то мы сегодня весь день и отработывали подход к огневому рубежу, разборку-сборку автомата и всякие прочие радости. Патронов нам обещали дать совсем мало: меньше десятка на человека. Ни о какой меткости и точности стрельбы речи тоже не было. Капитан Смирнов прямо сказал, что целью завтрашнего мероприятия будет дать нам ощутить вес оружия в руках и почувствовать его в действии. «Понюхать пороху», так сказать. Признаться, меня всё это интригует. Всегда мечтал всласть пострелять. Все эти игры, шутеры, военные симуляторы, за которыми мы любили проводить время, когда были детьми... Всё это будто бы заталкивало в нас это самое азартное желание когда-нибудь выстрелить из чего-нибудь в реальной жизни. Тогда я этого не понимал. Да и сейчас не до конца понимаю, что вообще такое есть успешная компьютерная игра про войну: коммерческий проект, играющий на базовой тяге человека к разрушению, или акт пропаган-

ды, эту самую тягу в человеке культивирующий. Может, какое-то тайное мировое правительство при помощи всей этой цифровой ерунды с раннего детства подготавливало нас к большой войне: к её принятию и осознанию её как данности? Всякая чепуха на ночь глядя в голову лезет, пойду-ка я лучше спать.

Кстати, сегодня похолодало. Днём шёл мокрый снег, который, правда, успел растаять под вечер. Не похоже, что завтра будет значительно теплее. Такими темпами совсем скоро начнётся то, к чему мы здесь каждый день старательно готовимся, и чего мы, если говорить честно, даже немного ждём, пусть и с тревогой.

День 92

Один идиот решил не дожидаться, пока его отправят в город. Дождавшись, тем не менее, пока в руки к нему попадёт заряженный автомат, он подошёл к огневому рубежу вместе со всеми, но после команды «Огонь!» не стал стрелять по установленным вдалеке мишеням. Вместо этого он упёр автомат прикладом в землю, положил голову на дуло и нажал на курок. Переводчик огня был установлен на режим стрельбы очередью, поэтому голова его попросту разорвалась на куски. Все десять пуль, что выдавали каждому из нас, он впустил в свою бестолковую башку. Не знаю, кто он такой был. Вроде какой-то деревенский паренёк лет семнадцати. Невозможно теперь угадать, что на него нашло. Да и не наша это

забота. Замполит, конечно, будет разбираться во всём, поскольку Старков захочет услышать подробный доклад об инциденте. Но меня, по-честному сказать, итоги этого расследования совсем не заботят. Всё, о чём я думаю сейчас – это еда, сон и то, как бы побольше времени провести с Ирой наедине. Жаль только капитана Смирнова. Ему за этого бестолоча точно достанется.

День 93

Меня снова вызывали в штаб. Просили, чтобы я подробно описал спорткомплекс и Радугу. Потом попросили максимально подробно рассказать про контингент, удерживающий торговый центр: кто они, сколько их, чем вооружены, возраст, телосложение и всё такое прочее. Это у меня уже спрашивали и в прошлый раз, но, наверное, тогда информация нужна была для некой общей картины. Теперь же каждое моё слово тщательно фиксировалось и записывалось. Я почувствовал себя важным и нужным.

В остальном – всё по-старому. Всё те же тренировки, с оружием и без, всё та же каждодневная рутина. Что касается стрельбы, то теперь мы тренируемся в точности поражения мишеней с пневматическими ружьями, найденными когда-то в кладовых у местного населения. Если говорить о рукопашном бое, то я могу похвастаться тем, что до автоматизма отработал навык пробития головы манекена штык-ножом. Целиться нужно было точно в нарисованную на меш-

ке-голове точку, символизировавшую глаз. Кажется, теперь я смогу справиться с зомби-одиночкой, если тот посмеет на меня напасть. Невольно вспоминается моё оцепенение перед одним таким мертвяком тогда, во время вылазки из Радуги с полицейским, Лёхой и тем парнем, который убил Юру вместе с его отцом. Тохой его звали, кажется. Сейчас проверю по старым записям... Да, точно, Тоха. Так вот, я совершенно не знал тогда, что делать с тем зомби-толстяком: я просто выставил вперёд себя копьё и надеялся на лучшее. Кошмар. Сейчас, владея этой джедайской техникой вышибания мозгов ножом через глаз, я бы точно справился с ним на раз-два сам, без посторонней помощи. А может, я только так думаю. Не узнаю, пока снова не встречу с кем-нибудь из заражённых. Думаю, что это случится уже совсем скоро.

День 94

Перечитал свои старые записи. Вернее – их часть. Ну и стыд! Первая мысль – всё сжечь, чтобы никто не узнал, каким я был слизняком, пока был жив. Разум возобладал. Я вспомнил, что тот я – это тоже я, и что именно благодаря тому себе я оказался здесь, сейчас: живой и невредимый.

Дни кажутся однообразными. Совершенно нечего рассказать здесь. Но в то же время, тянутся они так долго, что кажется, будто бы за один такой день я проживаю целую маленькую жизнь. Оттого и трижды более нелепо чувствую я себя в конце дня, сидя перед чистым листом и ловя себя

на мысли о том, что я совершенно не знаю, что написать здесь про сегодня. Гораздо более продуктивным кажется отправиться спать, вовсе не притрагиваясь к этому дневнику. Но мучает какое-то чувство обязанности самому себе и этой безликой книжке. Вроде как, я пообещал себе, что буду писать сюда по чуть-чуть, каждый день. Что ж, пусть это и будет моим сегодняшним «чуть-чуть».

День 95

Последний день октября. Сегодня нас привели к присяге. Правда, церемония несколько отличалась от того, какой я её себе представлял. В частности, нам самим не пришлось ничего говорить перед строем в индивидуальном порядке, произносить какую-то пламенную речь и клясться защищать конституционный строй, народ, отечество и всё такое прочее. Вместо этого полковник Старков сам будто бы поклялся за нас: поблагодарил нас за то, что мы достойно прошли через все тяготы обучения и обретения боевой формы. Потом – выразил надежду на то, что мы с тем же достоинством пройдем через горнило войны с живыми мертвецами, когда окажемся в городе. То ли он каким-то образом сгустил краски, то ли просто выразился слишком мрачно, но мне вдруг стало страшно. Прямо там, в строю, на площади перед главным зданием посёлка, у меня случилось что-то, что, кажется, называют панической атакой. Я стал потеть, руки мои затряслись, и захотелось во что бы то ни стало убраться отсю-

да как можно скорее. Какое, к чёртовой матери, «горнило войны»? Мне всего девятнадцать лет! Я должен учиться в университете и распутствовать на студенческих вечеринках в перерывах между бездельем и игрой в комп! Как я, чёрт побери, здесь оказался? Почему я хотя бы не строю забор в Надеждинском? Это ведь гораздо безопаснее! Нужно срочно убедить Иру, что всё это – глупость и, если она не захочет слушать – утащить её обратно в наш домик в деревне!

К счастью, паника вскоре отступила, и я пришёл в норму. И почему-то мне показалось, что то была последняя попытка старого меня, которого я теперь всей душой презирал, выбраться наружу и заявить о себе. Как только полковник Старков закончил речь, и весь наш строй хором прокричал троекратное «Ура!», тот прежний я, наконец, умер. После себя он оставил только телесную оболочку, которая раньше принадлежала ему, и кипу записок со своими переживаниями и тревожностями о том, как страшный мир не давал ему покоя, стремясь сожрать его, бедного-несчастливого, с потрохами. Спасибо ему хотя бы за это.

День 96

Первое ноября войдёт в мою личную историческую хронологию как день, когда мне выдали оружие. Моё собственное, личное оружие! Ещё утром мы выстроились перед комнатой для его хранения, представлявшей из себя помещение бывшего здания суда с решётками на окнах. Было холодно.

Выдача тёплого флисового белья была запланирована на вторую половину дня, что лично мне виделось досадным упущением. Но да и чёрт с ним. Главное – стояние в этой бесконечной очереди, под промозглым ветром и мокрым снегом, я пережил и, в конце концов, получил свой автомат. Было сразу видно, что автомат этот раньше принадлежал кому-то ещё: уж очень потасканный и потрёпанный он был. Но, будем честны, дурак тот, кто на полном серьёзе мог бы ожидать получить здесь новое оружие с конвейера. Да и зачем? Главное, чтобы оно справлялось со своими функциями и в нужный момент не подвело. Прапорщик, ответственный за выдачу оружия, вручил мне мой автомат, точно олимпийскую медаль. Одной рукой я взял его за ремень, который показался мне знакомым. Надев его в положение «на грудь», я принялся осматривать своё новое приобретение прямо там, перед лицом прапорщика.

– Нравится? – спросил он с сарказмом, которого я не услышал.

– Ага, – ответил я, улыбаясь.

– ТАК ПОСТОЙ ЕЩЁ ДО ВЕЧЕРА ТУТ, БОЕЦ, ПОРАЗГЛЯДЫВАЙ, А ОСТАЛЬНЫЕ ТЕБЯ ПОДОЖДУТ!!! – наорал на меня он.

– Виноват, товарищ прапорщик, – ответил я и поспешил покинуть помещение.

Снаружи меня встретила Ира, и мы похвастались друг перед другом обновками, точно закадычные подружки после

рейда по магазинам одежды.

– Мне укороченный достался, – сказала она.

– Он чуть полегче, наверное. Может, такие специально решили вам дать.

– Кому «вам»?

– Ну, девчонкам.

– Он легче-то, может, на пару граммов всего. Да и остальные тоже разные получили. У многих девок такие же, как у тебя.

Я снова принялся рассматривать свой автомат, повернув его к себе. На прикладе я заметил нацарапанную надпись, прочитать которую мне удалось только поднеся оружие поближе к лицу. Надпись гласила: «Мы больше не волки».

– Нет. Таких никому больше не досталось, – сказал я.

– Что там написано?

– Да так. Из Высоцкого, вроде, что-то.

День 97

Вслед за вчерашним тёплым бельём, сегодня нам выдали чистое обычное. Я начал ценить эти маленькие радости. Например, суп с мясом на обед, лишний час отдыха или вот – чистое бельё, всё ещё пахнущее тем, в чём его стирали.

Холода, похоже, наступили всерьёз и надолго. Снег ещё не лежит: вместо него на дорогах грязная, мокрая каша, но ещё чуть-чуть, и всё будет. Конечно, лучше и удобнее всего было бы дожидаться трескучих декабрьских морозов, чтобы навер-

няка. Но люди в городе не смогут так долго ждать. Бог знает, как они сейчас там согреваются, при нынешних-то температурах. Электрические обогреватели теперь, наверное, на вес золота. Что будет, если все они осядут не в тех руках? Хорошо, если у части выживших такие обогреватели окажутся дома. Остальные же, у кого их нет, ринутся в магазины бытовой техники за спасением от холодной зимы. Что если там, вместо спасения, они найдут таких же ушлых пацанов, какие захватили продуктовые магазины и супермаркеты в самом начале? Контроль над базовыми благами цивилизации теперь означает безраздельную власть над людьми, у которых этих благ нет. Как по мне, так лучше уж никакой власти, чем кучка ублюдков, требующих бог знает, чего за доступ к тому, что они силой подмяли под себя. Потому, чем скорее начнётся вся наша операция, тем лучше. Хочется, чтобы мне повезло, и меня отправили куда-нибудь в мой район. Охота повстречаться с теми ребятами из Радуги и познакомиться их с моим новым чёрным другом, со странной надписью на прикладе.

День 98

Сегодня меня поставили в первый в моей жизни наряд. Я заступил в патруль, и сейчас пишу эти строки прямо на улице, в свете закатного солнца. На свой участок я заступил в паре с рядовым Лопатиным – вечным патрульным. Господи, какой же он тупой... Достаточно тупой, чтобы козырять при

любом удобном случае своим сроком службы и напоминать, что он-то пробыл здесь на неделю или на полторы дольше, чем я. И к присяге-то его привели раньше! И в школе-то у него военная подготовка была, и службой в армии-то он всегда интересовался, поэтому его раньше прочих стали ставить в наряды! Иногда рядом с ним становится по-настоящему тяжело. У меня и раньше случались подобия маленьких конфликтов и разногласий с сослуживцами по учебной роте, но то – ерунда. В конце концов, я всегда отдавал себе отчёт, что настоящая причина нашего конфликта с кем бы то ни было – это наша общая напряжённость от всей окружающей обстановки. Поняв, что с любым человеком, застрявшим здесь, у нас есть много общего, я стал легко сводить на нет любые конфликты. Но здесь... С этим уродом у меня нет совсем ничего общего. Он до ужаса тупой, с ним невозможно говорить вообще ни о чём. Иногда хочется ему вдарить. Желание это, правда, отшибает напрочь, едва я вспоминаю про жестокость наказания за любые формы рукоприкладства. Старков выразился предельно ясно, когда обозначил правила на этот счёт:

– Любой солдат, пойманный на рукоприкладстве, сразу же попадает в дисциплинарную роту, выход из которой нужно заслужить, – говорил он на одной из вводных проверок, много дней назад, – Весь командный состав роты, в которой было допущено рукоприкладство, получает выговор. Три выговора для командного состава будет означать зачисление в ряды

дисциплинарной роты на командную должность.

Само собой, по этой причине командиры рот стремились заминать любые случаи членовредительства в своих подразделениях и не докладывать о них вышестоящему командованию. Однако по этой же причине наказание, которому подвергали рукоприкладствующих их непосредственные командиры, было на порядок строже.

Лопатин возвращается с обхода. Дальше – моя очередь прочёсывать наш километр, а значит записи придётся свернуть до завтра. Не хватало ещё, чтобы этот идиот увидел, как я пишу дневник в наряде и доложил кому-нибудь.

День 99

Исторический день, пожалуй. Сегодня полковник Старков на общем построении анонсировал, наконец, начало операции. Дисциплинарная рота и роты первого эшелона, что бы это ни значило, отправятся к границе города завтра. Первой в него войдёт дисциплинарная рота в сопровождении манёвренной боевой техники. Видимо, в виду здесь имеются всяческие бронемашины с пушками. Их задачей будет зачистить основную массу мертвяков в центре. Они, по соображением Старкова, к нынешнему моменту уже должны были стать в достаточной степени малоподвижными. Ночные холода, по его разумению, должны сначала замедлить, а после – вовсе обездвижить ходячих трупов. Если всё так, то, похоже, этой зимой люди по всей стране будут спасены: зима у нас

почти везде, как известно, ужасно холодная. Но что будет с остальным миром? С теми жаркими странами, например, в которых проживает чуть ли не половина населения земного шара – а то и больше? Неужели лето теперь из поры радости и веселья превратится в самое опасное время года, когда мы будем сдерживать натиск голодных зомби из-за южных границ? Или, может быть, их мертвецы тоже когда-нибудь... вымрут? В конце концов, никакая плоть не вечна.

Ладно, рано обо всём этом думать. Да и ни к чему: не моя это забота. Что нужно сделать лично мне – так это как следует подготовиться к предстоящему походу. У Иры, кстати, с этим проблем нет: она уже давно, с самой присяги, сидит и только и ждёт возвращения в город. Из неё вышел настоящий боец.

День 100

Не знаю, думал ли Старков о том, что начинает операцию в юбилейный день апокалипсиса. Или, может, у него какое-то своё времяисчисление? Так или иначе, ранним утром первые колонны отправились в город. Мы все провожали их. Многие выглядели бодро, кто-то – встревожено. В строю дисциплинарной роты я увидел ефрейтора Абидина и узнал многих из тех, с кем сидел тогда в спорткомплексе и ждал, пока с ними разберутся. Абидин выглядел угрюмо и задумчиво, но, в общем и целом, ему, похоже, по-прежнему было на всё наплевать. Трудно сказать наверняка, но похоже, он

тоже не самый умный человек на этом свете.

Полковник отправился вместе с первой партией. Наверное, таким образом он хотел вселить боевой дух во всех остальных. А может, хотел позвать лавры героя-освободителя, выжав из них максимум. А может, хотел лично убедиться в том, что всё пойдёт по плану. А может – всё вместе. Мы остались здесь с несколькими его заместителями. Не похоже, что в отсутствие верховного начальника Знаменское ждёт разброд, хаос и анархия: остальные командиры пуше прежнего теперь держат нас всех в ежовых рукавицах. Оно, полагаю, и правильно.

Как только придёт приказ от Старкова, вторая группа отправится заходить в город. Основу её будут составлять машины с всевозможным имуществом. Когда первая группа справится с зачисткой пути к зданию администрации, займёт его, сделав из него новый штаб, тогда и настанет время выдвигаться. Все машины уже загружены и готовы, кроме тех, которые повезут людей, само собой. За один рейс они всё не отвезут, поэтому, как только придёт приказ на выдвижение второй группы, для нас тоже работы значительно прибавится.

День 101

О занятии здания администрации объявили только вечером, на общей поверке. В это время я уже был в наряде, и новость мне принесла Ира. Она сказала, что утром на посту

нас сменят девушки. Нас же отправят на погрузку имущества, осуществлять которую нужно будет очень быстро. Ох, и представляю я себе, что завтра будет с моими руками, ногами, спиной и всем остальным!

День 102

Рука буквально дрожит. Трудно держать карандаш. Мы всё загружали и загружали эти Уралы, но они всё возвращались и возвращались. Было тяжело, но мы справились. Те, кто получает новости из города, говорят, что мертвяки попадают разные... Ай, к чёрту всё это, потом расскажу, как мышцы отойдут: совсем не могу писать. Больно.

День 103

В общем, некоторые городские мертвяки и впрямь еле живые, как и предсказывал Старков. Мертвяки – еле живые, н-да... Словом, движения их скованы, и по ним заметно, что двигаются они из последних сил. Собственно, подобное я уже видел, когда проезжал через центр: изувеченные, обгоревшие заражённые вели себя спокойнее, нежели их целые и невредимые сородичи. Но тут в дело вмешался ещё и холод, со временем замедляющий даже тех, на ком до превращения не было ни царапины. Это хорошая новость.

Плохая новость заключается в том, что за всё это время абсолютное большинство мертвяков на улицах сбились в огромные стаи. В этих стаях до костей промерзают только

те, кто находится снаружи, во внешнем слое этого гниющего пирога из человеческого мяса. Чем ближе к центру толпы – тем теплее, соответственно и мертвяки там самые живучие, сильные и выносливые. Плюс, есть ещё зомби-одиночки, застрявшие в квартирах и впавшие в подобие анабиоза. Стоит их разбудить, как они с новой – ещё большей, чем прежде – силой набрасываются на того, кому не повезло оказаться рядом. Однако, то лишь обрывочные сведения, доходящие до нас опосредованно: от высоких командиров к командирам пониже, а от них – к нам, сидящим на лавочках у подъездов домов-казарм и жадно обсуждающих каждую новую подробность. Впрочем, всем нам вскоре предстоит лицом к лицу столкнуться с тем, о чём мы пока только говорим.

В рядах первых двух групп уже есть потери. Самые высокие – в дисциплинарной роте. Вроде бы, в какой-то момент бойцов оттуда должны-таки перевести в обычные подразделения. Не знаю, какая у них там система, и сколько героических подвигов каждый провинившийся солдат должен совершить, чтобы заслужить перевод. Так или иначе, меня это не касается и, надеюсь, никогда не коснётся.

День 104

В наших рядах случилась небольшая перестановка. Наши взводы и отделения подверглись небольшому переформированию, но зато теперь состав у нас совершенно точно такой, в котором мы и будем заходить в город, и в котором нас там бу-

дут задействовать на задачах. Мы с Ирой слёзно просили капитана Смирнова, который и после присяги остался нашим командиром, определить нас в одно отделение. На удивление, Смирнов так и сделал. С остальными отделениями он поступил схожим образом: сформировал их на основе личных взаимоотношений. Видимо, он считал, что друзья и подруги будут тщательнее прикрывать друг другу спину. На счёт этого – не знаю. Думаю, что чувство боевого товарищества не зависит от личных привязанностей. Я на дух не переношу Лопатина, которого, ко всему прочему, ещё и подсунули в наше отделение. Но я совершенно точно не брошу его в беде и выручу его, если он попадёт в передрагу, так же как выручил бы любого другого. Конечно, заботиться о его благополучии я буду значительно меньше, чем об Ирином... Хм, странная, всё же, у Смирнова система. Но, может быть, где-то она имеет смысл.

День 105

Штаб на том берегу реки давно обустроен. Первые группы намереваются занять радиостанцию и здание местной телекомпании, чтобы проинформировать горожан о происходящем и призвать их оказать всяческое сотрудничество войскам в борьбе с мертвецами и уличными бандами. Мы могли бы здорово им во всём этом помочь. Потому я и не понимаю, чего мы здесь сидим и ждём? Смирнов разводит руками: мол, приказа не было, значит – сидим и не ропщем.

Впрочем, я особенно и не беспокоюсь. А вот Ира уже вся исстрадалась. Не понимаю, чего она хочет. Говорит одно, но на самом деле... Не знаю. Думаю, что она до сих пор лелеет надежду ещё раз увидеть родителей. Пусть и уже мёртвыми.

День 106

Радиостанция и телецентр под контролем. Завтра они пустят сообщение для населения, которое, как я понял, будет повторяться по кругу. Может, со временем найдут какого-нибудь бывшего новостного диктора и посадят его перед камерой, чтобы он круглосуточно освещал успехи наших войск в деле освобождения города. Эх, где сейчас Захар – тот ди-джей с Фаренгейта, – когда он так нужен? Наверняка уже где-нибудь за полярным кругом: ушёл по реке вместе со своими друзьями. И моим парамотором, кстати! Хитрый жук. Но, в общем-то, винить его не в чем: его жизнь – его решение.

Любопытно ещё, как там дела в Надеждинском. Закончили ли они тот супер-забор вокруг деревни? Как всё складывается у Сергея, Кристины и Юли? Надеюсь, с ними всё хорошо.

День 107

Сообщение уже в эфире: и по радио, и по телевизору. В нём кто-то с неплохим голосом – должно быть, специально отобранный по этому критерию солдат, – говорит о том, что

нужно делать людям, чтобы спасти себя от шальной пули на улице во время будущей зачистки кварталов, а также – что делать, чтобы спасти себя от холодов до тех пор, пока не будет введена в строй хотя бы часть городских теплоэлектростанций. Было там и обращение к тем, кто воспользовался хаосом на улицах и прибрал к рукам то, что им не принадлежит. Мародёрам и прочим бандитским группировкам рекомендовали складывать всё имеющееся у них оружие сразу же, когда солдаты войдут в их квартал, во избежание всевозможных недоразумений. Полный текст приводить здесь не буду: уж больно это долго.

Среди прочих новостей – часть людей в городе была направлена на деблокирование группы, застрявшей на атомной электростанции в соседнем городе. Тот городок, видимо, тоже в последствии ждёт зачистка. Но пока отправка части солдат на задачи из города означает, что вскоре – буквально со дня на день – должен прийти приказ от Старкова о нашей отправке в городскую черту. Наконец-то.

Тринадцатое ноября. Сто восьмой день с начала вымирания.

Ну, вот и всё. Завтра мы отправляемся в путь. Последние приготовления мы закончили сегодня днём: загрузили в машины всё то, что от нас требовал городской штаб и передали посёлок полностью в руки тех, кто останется в тылу. Последнее, строго говоря, касалось только командно-

го состава: мне-то, понятное дело, передавать здесь было нечего и некому. Разве что, нашу квартирку, которая теперь останется пустовать, но в Знаменском хватает и других квартир, в достаточной степени обжитых теми, кому и дальше предстоит в них жить.

Ира готова. Я – тоже. Мне немного страшно. Ей, полагаю, тоже, хотя она всеми силами стремится этого не показывать. Интересно, что бы мы оба сейчас делали, если бы остались в Надеждинском? Наверняка нас ждала бы спокойная, идиллическая жизнь в райском, в сравнении со всеми остальными местами, уголке. Ходил бы я на работу, строил бы этот бесконечный забор, а вечерами – попивал бы с Сергеем чей-нибудь самогон, довольствуясь тем, как распорядилась со мною судьба в эту трудную для всех прочих годину. Если бы не Ира, та жизнь меня прежнего вполне бы устроила. Она, тем не менее, показала мне альтернативу. Жизнь, преисполненную опасности, но в то же время и преисполненную смысла. Кого я спас бы от лап заражённых, сидя себе там, в Надеждинском? Только самого себя. Кого я спасу, отправившись в город на зачистку его от заражённых и от уличных банд? Возможно, никого: даже себя не уберегу. Но я, во всяком случае, попытаюсь сделать то большее, на что, я уверен, я способен; то, зачем и живёт на свете человек.

Надеюсь, что не умру там в первый же день. Надеюсь, что когда-нибудь продолжу вести эти записи и расскажу

обо всём том, что ещё только приключится со мной на другой стороне реки. Надеюсь, что мне снова удастся хотя бы краем глаза увидеть свой дом. Надеюсь, что, когда всё закончится, у нас с Ирой будет всё хорошо. Надеюсь... Не знаю, что ещё добавить. Просто надеюсь на лучшее.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ IV

Запись 19

Славно, что, всё же, появилась возможность сесть, как следует воспроизвести произошедшее в голове и всё подытожить. Мне этого не хватало. Есть время ещё и на то, чтобы взглянуть на старые записи уже новыми глазами. Какой же длинный выдался путь. Как же всё вокруг изменилось за это время. Когда я перечитываю первые заметки в моём уже порядком поистрепанном дневнике, желание поскорее продолжить писать охватывает меня с головой. Страниц чистых, правда, осталось совсем немного. Любопытно: история моя тоже должна совсем скоро подойти к концу. Главное – успеть зафиксировать её здесь, чего у меня вполне может и не получиться, если я, как и раньше, буду растягивать эти бесконечные вступления и преамбулы. Поэтому к чёрту их. Пусть здесь – во всяком случае, в этой заключительной части дневника – останется только то, что на

самом деле имеет смысл. То, что действительно важно.

День 109

Мы прибыли в город рано утром. Было ещё темно. С самого начала мы попали в бесконечный водоворот выгрузки всевозможного барахла из Уралов, приехавших вместе с нами. Я охотно брался за всё, что мне поручали, и каждое новое, даже самое дурацкое поручение воспринимал как миссию. В конце концов, Уралы были опустошены, и дальше хламом занялись уже другие люди.

Позже Смирнов построил нас на центральной площади и ушёл, по всей видимости, докладывать о нашем прибытии Старкову. Мы остались стоять там, в предрассветных сумерках, под лёгким утренним снегопадом. Вокруг нас суетились солдаты, уже пробывшие здесь какое-то время. Кое-кто из нашего строя стремился уличить момент и расспросить этих ребят хоть о чём-нибудь: как здесь вообще дела, что происходит, и как продвигается вся операция. Солдаты в массе своей отмахивались от расспросов и продолжали самозабвенно сновать туда-сюда, занимаясь порученными им такелажными работами, но кое-кого всё-таки удавалось тормознуть на минутку-другую при помощи дармовой сигаретки. Сам я не интересовался ничем, что могли бы поведать здешние бывалые. Я стоял и наслаждался погодой: упивался морозной свежестью, перемежавшейся с целой симфонией других запахов. Выхлопные газы, дым чьих-то сигарет, мокрая

древесина, порох и лёгкий флёр чего-то илисто-травянистого, доносившегося, наверное, с реки. Всеми фибрами души я чувствовал, что стою на нулевой отметке новой главы своей жизни. Я предвкушал путь, который мне предстоит пройти здесь и ощущал холод опасностей, с которыми мне совсем скоро предстоит столкнуться. Я думал о том, как со дня на день меня пошлют куда-то туда, во враждебный мир за пределами безопасных и зачищенных кварталов. Пошлют на охоту за смертью и её голодными, мычащими и хрипящими воплощениями. Всё это больше не пугало меня. Теперь одна мысль о нахождении на грани гибели заставляла меня чувствовать себя живее всех живых.

Пришёл Старков и осмотрел нас. Потом провели переключку, и каждый в нашем строю выкрикнул своё «Я!», услышав собственную фамилию. После нас построили по взводу и по отделениям. Затем полковник что-то долго обсуждал с капитаном Смирновым, стоя в нескольких метрах перед нами. Солнце к тому моменту уже начало восходить, и я смог как следует разглядеть всё вокруг. Мимо этих мест мы проезжали вместе с Ирой и её матерью, когда направлялись на встречу с группой из Фаренгейта. Всего в нескольких километрах отсюда случилась та страшная авария, оставившая Иру сиротой. По лицу Иры было понятно, что только об этом она сейчас и думает. Вот, прямо перед нами – здание администрации, которое мы проезжали тогда и видели на его стенах нелицеприятные отзывы о работе мэра Гросов-

ского на его посту. Надписи эти теперь были замазаны белой краской. Вот чуть позади нас – памятник человеку, монументы во славу которого есть, пожалуй, в каждом городе нашей страны. Статуя вытягивает руку вперёд, указывая на тот маршрут, которым мы ехали в тот роковой день. Только здесь, на площади – суета и шум. Чуть дальше вокруг – относительно тихо. Но теперь – иначе тихо, чем в те дни, когда город был мёртв. Утро ещё не разыгралось, и во многих квартирах – там, где уцелели окна, выходящие на главную улицу города – пока ещё горит свет. Похоже, люди, жившие там всё это время, наконец, дождались спасения.

– К середине дня мне нужно три отделения могильщиков, – сказал Старков Смирнову, и холодный ветер донёс его слова до нас, – Каких-нибудь, которые помоложе, послабее. Пусть привыкнут слегка. Мяса горелого нюхнут. Понял?

– Так точно, та-щ полковник, – ответил Смирнов.

Я сразу понял, что к чему. Сразу стало ясно, что за работа нас будет ждать в первый наш день в городе.

После построения нас отвели в расположение, которое нам необходимо было самостоятельно подготовить к нашему дальнейшему проживанию там. Так, в городе казармой для нашей роты стала гостиница с видом на реку, уборка помещений в которой в последний раз проводилась ещё в июле, ещё – до всего. До обеда нам предстояло приспособить это место для жизни. Само собой, комнаты с выбитыми стёклами никто не занимал. Комнаты, где кто-то умер, тоже рас-

пределяли в последнюю очередь. Нам с Ирой достался не самый плохой, но довольно тесный номер. Плохая новость заключалась в том, что вместе с нами в нём поселили и рядового Лопатина. И зачем его только запихнули к нам, чёрт его побери? Наверняка для того, чтобы не оставлять нас с Ирой одних в номере. «Жирно им будет», – так, наверное, решил наш старшина, распределявший комнаты и койки.

На обед была похлёбка, каша из полевой кухни и, внезапно – стакан вина эксклюзивом для каждого в нашем и двух соседних отделениях. На вопрос о том, чем мы заслужили такую честь, капитан Смирнов ответил туманно и несколько зловеще:

– Ещё не заслужили. Заслужите. Это – аванс.

– Трупы сжигать будем, товарищ капитан? – решил спросить я, наплевав на то, что товарищи мои всё ещё обедают. Ира укоризненно посмотрела на меня исподлобья. Лопатин посмотрел озадаченно.

– Какие трупы? – спросил он, жуя хлебную корочку и помешивая остатки супа в своей тарелке.

– Действительно, какие? Откуда бы им тут взяться, да? – иронизировал Смирнов.

Потом он ушёл, и я решил, что доедим мы молча. Но Лопатин не унимался.

– Чё это ты такое прогнал? Кого там сжигать?

– Лопатин, дай поесть, а? – шикнула на него Ира.

– Так интересно же!

– Щас, после обеда, всё поймёшь, – сказал на это я.

На послеобеденном разводе нашему отделению поставили задачу, которую я ожидал: хоронить мертвецов, умерших дважды. Нас отправили в парк аттракционов. Тот самый парк, в котором когда-то давно, проезжая мимо, я видел орду мертвецов, согнанных внутрь этого некогда тихого, пасторального местечка. Я помню, как мы гуляли там с Ирой, катались на каруселях и ели сладкую вату. Давным-давно, в далёкой-далёкой галактике. Теперь же, здесь и сейчас, нам нужно было прибраться в этом самом парке, собрав в несколько равновеликих куч разорванные на части тела убитых заражённых. Но, прежде чем прикасаться к телу, нам надлежало убедиться в том, что тело мертво и не попытается укусить никого из нас за руку или за ногу, едва мы потащим его к одной из куч.

Вид разбросанных тел, оторванных рук и ног, размазанных по асфальту внутренностей для меня тогда уже не был новинку. Как, впрочем, и для Иры. Тем не менее, после стольких дней и недель сначала в Надеждинском, а потом – в Знаменском, мы слегка отвыкли от этого вездесущего ужаса, и шок, терапию которым для нас намеренно решил устроить Старков, нас, всё-таки, настиг. В особенности он захлестнул Лопатина, который, похоже, ни с чем подобным не сталкивался в своей тихой деревеньке. Он старался не выдавать эмоций, но трясущиеся руки, округлившиеся глаза и одновременно сосредоточенное и отрешённое выраже-

ние лица выдавали его. Славно было то, что тогда он, наконец, замолчал, причём – всерьёз и надолго. Всё то время, что мы провели в парке, таская трупы, он не разговаривал. Мы с Ирой говорили, но говорили сугубо о деле.

– Давай теперь вон того.

– Этого?

– Нет, его: который без лица.

– Он точно мёртвый?

– У него лица нет. Конечно мёртвый. Хочешь – пни, проверь.

– Так и сделаю.

Наши отделения постарались на славу. К вечеру трупы в большей части парка были собраны и рассортированы по кучам. За час до ужина настало время запаха. Запаха, который отбил у нас охотку даже думать о еде. Запаха плавящегося жира со сладковато-металлическим привкусом. Мы, наконец, поняли, зачем, уезжая из Знаменского, нас заставили взять с собой эти казённые армейские противогазы. Они помогали, но ровно настолько, чтобы нас, стоявших рядом с кострами из человеческих останков, не рвало каждую минуту. В огне трещали кости. Что-то свистело и порою вспыхивало искрами. Противогаз гасил запахи, но мы всё равно всё видели и слышали, поэтому какая к чёрту разница? То был настоящий крематорий под открытым небом.

Разделавшись с работой, мы вернулись на площадь, чтобы там построиться, дать сержантам доложить о выполне-

нии задачи, а после – со спокойной душой уйти на ужин. Но большим командирам было пока не до нас. Они принимали партию каких-то жалкого вида оборванцев, привезённых к штабу в одном из Уралов. Оборванцев сопровождали бойцы передовых отрядов, среди которых я разглядел ефрейтора Абидина. Мне стало любопытно, был ли он до сих пор в дисциплинарной роте или теперь бросался на амбразуру, уже будучи восстановленным в своём статусе. Любопытство моё сошло на нет, когда и в числе оборванцев я разглядел несколько знакомых лиц.

Та тощая, полуголая девушка, больше походившая на туго утянутый бледной кожей скелет.

Тот парень, в ужасе озирающийся по сторонам, обхватывающий свою шею двумя дрожащими руками и беспрестанно повторяющий одну и ту же бессмысленную фразу: «Я собака. Я собака. Я собака».

Тот другой парень постарше, держащий руки за спиной и угрюмо глядящий в пол так, словно он стремится запомнить положение каждой плитки на тротуаре.

И, наконец, тот, кто тоже держит руки за спиной, но смотрит на всех и вся так надменно и презрительно, словно он приехал туда, где все вокруг находятся перед ним в неоплатном долгу.

Ангелина, Аркадий, Тоха и человек из Восхода.

Конечно, там были и другие люди. Но они не волновали меня. Совсем. Кого-то выносили на носилках, кто-то шёл

сам; кому-то конвоиры помогали вылезать из кузова Урала, а кого-то наоборот подталкивали, заставляя шагать быстрее. Так или иначе, сцена была удивительная. Удивительная в первую очередь потому, что я никак не мог поверить в её реальность. Словно бы старый, полузабытый сон на моих глазах становился явью, и бесконечно трудно было – с учётом смертельной усталости за весь день – отличить всё происходящее от галлюцинации.

– Всё, короче, занимаемся по распорядку. Сейчас – на приём пищи. Наряды позже будут оглашать, но нас на них, вроде бы, сегодня не задействуют. С завтрашнего дня только начнём ходить, и то не все, – объявил нам вернувшийся из недр штаба сержант, после чего он же повёл нас на ужин.

Ужин проходил под крышей, в здании ресторанчика на набережной, сразу за зданием администрации. Давали... Не помню, что. Какое-то мясо, какой-то гарнир, какой-то напиток. Я почти ничего не ел, как, впрочем, и многие из нас в тот день. Сегодняшняя работа отбила у нас всякий аппетит, даже несмотря на то, что калории тогда нам были жизненно необходимы. Вот ещё одна вещь, отличающая нас от оживших мертвецов: неспособность жрать так, как они – остервенело, без меры, и вне зависимости от обстоятельств или психического состояния. Отсечённая голова мертвеца всё равно будет хотеть жрать и укусит вас, если вы предоставите ей такую возможность – такая уж у них натура. Непостижимые, всё же, создания.

Вечером, когда все отправились в казармы, я решил остаться на улице на перекур. Само по себе курение мне было безразлично – мне хотелось перекинуться парой слов с кем-нибудь, у кого я стрельну сигарету. Праздные шатания по территории были не то что бы запрещены, но определённо не приветствовались: любой старший по званию мог подойти к солдату, заподозренному в безделье, и спросить, какая у него задача. Если солдат не находил, что ответить – задача появлялась буквально из воздуха. Поэтому, чтобы не схлопотать нежелательную работёнку, всегда необходимо было заранее придумывать повод для выхода из казармы, а по улице нужно было передвигаться быстро, с видом глубочайшей сосредоточенности и целеустремлённости. К выходам на перекур, в частности, относились плюс-минус лояльно.

Центр нашего города, как и центры многих других маленьких городов страны, находился на месте слияния двух рек. Как и почти везде, сливались одна большая река и река поменьше. Соответственно, и набережных в центре было по числу рек. Я вышел из гостиницы и направился в сторону набережной малой реки, чтобы где-нибудь там найти кого-нибудь, кто остановился насладиться сигареткой. Искать долго не пришлось: нашлась компания, облепившая одну из беседок на променадной дорожке чуть поодаль от администрации и славно проводившая время этим вечером четверга. Я посмотрел на их погоны и не увидел никого званием выше ефрейтора. Стало быть, разрешения на присутствие в

курилке по форме спрашивать было не у кого.

– Пацаны, сигареты не будет? – спросил я, стараясь звучать естественно: так, словно я стрелок сигарет со стажем.

Один из рядовых угостил меня чем-то из своей красно-белой пачки, и я поблагодарил его, оставшись курить рядом с этой компанией. Первые затяжки дались тяжело: я едва не позеленел, втянув в себя дым, и едва не зашёлся кашлем, который всеми силами старался задавить. Когда я, наконец, пришёл в норму и даже вошёл во вкус, я спросил:

– А чё там, не в курсе, кого сегодня вечером к штабу привезли?

– Бандосов каких-то вроде, – ответил один из курильщиков, – А может и нет – не знаю.

– Да это с окраин опять типы, – добавил другой, – Клоуны-то эти, узурпаторы магазинов. Их щас пачками привозят каждый день. Потом Старков им делает предложение, от которого невозможно отказаться: почему бы вам, говорит, на передержку тут не остаться, мол, работу найдём. Потом, вроде как, есть план самых адекватных по ротам раскидать: сделать из них полноценных бойцов. Это только для тех, кому точно, сто процентов оружие давать не опасно. Остальных так и оставят на рабочках в зоне. Ну, в смысле там, где мертвяков нет – мы это сами между собой «зоной» называем, типа как в Сталкере. Ты сам, кстати, откуда?

Последний вопрос рядовой адресовал уже мне.

– Из Смирновской роты. Только сегодня приехали, – от-

ветил я.

– О-о, ну давай, удачи! Скоро на первую работу, поди, отправят. Сегодня чё делал? Трупы жёг?

– Ага, – сказал я, удивившись тому, как точно этот рядовой всё угадал.

– Все в первый день жгут. И как оно? Привык малёх к мясцу?

– Привык, – машинально ответил я, совсем не размышляя над вопросом. Я всё думал о том, что этот рядовой говорил до этого. Неужели всё так и будет? Неужели этим скотам из Радуги сойдёт с рук двойное убийство, свидетелем которого был я, и всё то, что они натворили после, и свидетелем чего я уже не был?

– Значит, завтра уже на какой-то серьёзный участок отправят. Сам-то вообще откуда? Мобилизованный по ходу? А то раньше я тебя не видел.

– А если эти... Которых привезли, делов натворили? – спросил я, оставив без внимания вопросы рядового.

– В каком плане?

– Ну, если они там жестили у себя на окраине, народ мучали? У них же там целый список преступлений по уголовному кодексу наберётся. Что на них, просто забьют, потому что они теперь полезными могут быть?

– Конечно. А как ты хотел? Время такое сейчас, каждый человек на счету. Да и потом, чё их, в тюрьму что ли сажать? Это тоже надо будет кого-то, кто их охранять будет.

– Он же сам говорил, что, мол, мы в город заходим, чтобы порядок навести! – с раздражением сказал я, докурил сигарету и выбросил окурки в мусорку, которая, по счастью, оказалась рядом.

– Мы и наводим. Лучше что ли, чтоб они и дальше по магазинам сидели и дань свою брали? Да и так-то особо лютых полкан наказывает, причём показательно. Надо только, чтоб факты были какие-то. Ну, или если бандосы попадают несговорчивые: начинают, например, чёрные понты гнуть какие-нибудь, мол, пошёл ты нафиг, командир-начальник, я на тех, кто погоны носит, не батрачу. И всё в таком духе. Таких – либо в расход, либо в заключение. Пока их таких, вроде, в музее местном держат под охраной. Есть тут такой музей: музей следственной тюрьмы, прикинь? Раньше туда школьников водили, показать им, мол, смотрите, ребята, как в страшные времена тоталитаризма людей мучили и репрессировали. Теперь вот, видишь, камеры тамошние по назначению используют. Впервые с тех самых мрачных времён тоталитаризма. Но это временно всё: говорю, Старкову тут свободные руки нужны, а на охрану дураков всяких он не хочет шибко много людей оставлять. Поэтому скоро, как этих зэков побольше наберётся, их в Знаменское этапируют, и там уже тыловики за ними за всеми смотреть будут.

Компания, с которой изначально был рядовой, уже разошлась, и мы остались в беседке вдвоём. Рядовой закурил ещё одну сигарету. Он не спешил уходить вместе со своими: ему

явно было приятно чувствовать себя в моём присутствии
этаким хранителем здешних сплетен, и делиться своими тай-
ными знаниями, отвечая на мои бесконечные вопросы.

– В основном, – продолжал рядовой, – В тюрягу кида-
ют главарей всех этих магазинных шаек с районов. Чтобы
шайку обезглавить, как ты понимаешь, и чтобы другие чле-
ны этой шайки были более податливыми. Психологически
тонкая штука такая, наверное. Чисто менеджерская тема ка-
кая-то. Если главарь какой-то совсем безбашенный был – на-
столько, что даже своих затиранил – то его Старков к рас-
стрелу приговаривает, на потеху и к удовольствию бывших
подчинённых этого лютого типа. Если же главарь в автори-
тете, и если совсем какой-то жести жестокой не натворил за
времена анархии, то его – в тюрьму-музей, а потом – в Зна-
менское. А пастве его уже делается то самое предложение,
от которого невозможно отказаться. Альтернатива работе на
благо нашего доблестного батальона – та же самая тюрьма,
где непокорных обещают ломать через колено. Вот такие де-
ла.

Когда рядовой закончил свой рассказ, я взял у него ещё
одну сигарету. В этот раз затяжки дались мне легко, и каш-
лять почти не хотелось.

– Слушай, удачно, что я тебя встретил. Ты, по ходу, всё
про всех вообще знаешь, – сказал я, отчасти намеренно льстя
своему собеседнику, а отчасти искренне давая оценку его
осведомлённости обо всех делах здесь.

– Да-а... – отмахнулся рядовой, – Не всё и не про всех. Про тебя вот – почти ничего. Кроме того, что ты сейчас первый раз в жизни сигарету куришь, х-ха-ха!

– А знаешь, где тут что-то типа больницы для пострадавших?

– Пострадавших?

– Ну, не знаю, как ещё назвать. Для тех, в общем, кого сюда привезли, и кому помощь медицинская нужна.

– А. Так в медпункте, вроде, все такие. И наши, и просто люди случайные.

– А где он, этот медпункт?

– В онкодиспансере. Был у нас тут такой, прямо в центре. Сейчас, поскольку там оборудования много всякого осталось, его под медпункт переделали. Вам разве экскурсию не проводили, когда вы только прибыли?

– Нет, только в гостиницу отвели.

– В гостиницу?

– Да. Вон, в ту, – я указал пальцем на место, в котором находился наш новый дом.

– Хорошо живёте! А нас вон, в торговый центр закинули, сразу около штаба. Это пока. Я всё надеюсь, что когда-нибудь, как остальным, дадут какую-нибудь постоянную работёнку на участке, и возвращаться сюда уже не придётся. Как тем, с телецентра. Вот уж работа так работа! Сиди себе там, вещай, рассказывай про победы храброго бригадира Старкова. Спать там же разрешают. Пропитание, правда, нужно са-

мому себе добывать. Но то ерунда.

Я докурил сигарету и отправил второй окурок в ту же мусорку, в которую выкинул первый. Потом я ещё раз поблагодарил рядового за информацию, и мы разошлись. Уже на дороге к медпункту я понял, что так и не узнал имени своего собеседника. А впрочем, подумал я, зачем мне оно? Кто знает: может, это была наша первая и последняя встреча.

Следом я отправился в медпункт. Место я нашёл не сразу: пришлось поплутать по закоулкам в поисках нужного дома. Никогда не обращал внимания на онкодиспансер в центре города и очень удивился своей былой невнимательности, когда увидел его. Огромное, красивое здание, выходящее фасадом прямо на главную улицу, которое, пожалуй, трудно было не заметить хотя бы из окна проезжающего автобуса. Видимо, в былую пору места, связанные со смертью, мало привлекали моё внимание.

Внутри на проходной я спросил у девушки сержанта про Ангелину и Аркадия. Соврал, что я их большой друг, случайно увидевший, как их привезли сегодня вечером. Сказал правду о том, что я был вместе с ними в Радуге, и что в последний раз мы виделись много недель назад, и что мне жутко хочется увидеть их снова.

– С ними сейчас замполит беседует, – сказала девушка сержант, которую, по всей видимости, история моя убедила, и она непременно впустила бы меня, если бы не озвученное обстоятельство.

– С обоими? – спросил я.

– Да. Парень только ничего не говорит. Шепчет только под нос себе: «Я собака, я собака». Да и девочка тоже отрывочными фразами какими-то изъясняется. Истощала, бедняга. Что с ними там такое приключилось – ума не приложу. Видно только, что парень умом сильно двинулся: не факт, что когда-нибудь вообще заговорит.

– Может, я смогу помочь как-то? Зачем замполит с ними говорит? Чтобы Старкову же потом доложить, да? Вряд ли он там с ними сеанс психотерапии проводит.

– Наверное. Не знаю: не моё дело в такие подробности вникать. Да и ты тоже чем поможешь?

– Мы с ними в одном месте были, говорю же. Может, вспомнят меня. Эти, которых вместе с ними сегодня привезли – они тоже там были, я их рожи тоже все запомнил. Что бы там ни было – это они с ними сделали, я точно знаю. Нельзя, чтобы им всё это с рук сошло!

– Какие рожи? Ты о чём?

Я рассказал девушке сержанту обо всём, что случилось в Радуге на двадцатый день и о том, что этому предшествовало. Слушала она с интересом.

– Ладно, попробуй зайти к ним, – сказала, наконец, она, – Подожди только, я доложу про тебя как надо.

Я проследовал за ней по коридорам онкодиспансера, к одной из палат на втором этаже. Девушка сержант постучала и отворила уже приоткрытую дверь.

– Разрешите, товарищ полковник?

Одной большой загадкой во всей этой новой для меня армейской реальности было звание подполковника и то, как его озвучивают при обращении к отдельно взятому подполковнику. Почему и зачем они убирают приставку «под»? Чтобы подполковнику было приятнее? То же было и с младшими сержантами. Зачем? Чтобы удобнее и короче было произносить звание, само по себе звучащее как скороговорка? Но почему тогда никто не называл старшего лейтенанта просто лейтенантом? Непостижимая зелёно-камуфляжная логика.

– Что такое? – спросил подполковник.

– Тут парень. Говорит, что с ребятами был знаком. Что они в одном торговом центре отсиживались когда-то.

– А, ну да, помню этого парня. Пусть заходит. Старков его как раз видеть хотел, потом вместе и пойдём. Заходи, Константин!

Я был дважды обескуражен: одновременно тем, что замполит запомнил, как меня зовут, и тем, что он назвал меня по имени, а не по фамилии, как это было принято здесь.

– Разрешите войти, товарищ подполковник?

Вопреки всем негласным армейским правилам, при обращении к вышестоящему начальнику я всегда выговаривал его звание целиком.

– Я же сказал уже, заходи. Вот, ребята, это Константин. Помните его?

Когда я вошёл, на меня посмотрела только Ангелина. Ар-

кадий продолжил глядеть куда-то в пол и едва заметно шевелить губами, словно бы повторяя про себя какую-то молитву или мантру. На них обоих было тяжело смотреть. Ангелина выглядела как истощённый голодом оживший мертвец. Аркадий – немногим лучше, но в глазах у него, в отличие от Ангелины, была теперь зияющая, страшная пустота, подобную которой я видел только во взгляде заражённых.

Ангелина кивнула на вопрос подполковника. Он после этого продолжил:

– Константин сам вступил в наши ряды относительно недавно, вместе со своей девушкой. Чувствует себя здесь бодро, уверенно, безопасно. Да, Константин?

– Так точно, – ответил я.

– Ничто Константину здесь не угрожает, кроме, само собой, мяс... Мертвецов на улицах, которые угрожают всем. И вам тоже здесь нечего бояться. Мы потихоньку подчищаем город и ликвидируем заражённых везде, где можем их найти. Вы сейчас в зоне, свободной от вируса. Здесь точно нет ни одного мертвеца, кроме тех, что уже умерли во второй раз. Бояться нечего. Нам только нужно знать, как нам быть с теми, кого мы привезли вместе с вами из того торгового центра.

При одном упоминании тех людей Ангелина, сидевшая на кушетке с ногами, дёрнулась, отвернулась к стене и крепче обняла колени. Аркадий и ухом не повёл: всё сидел себе там и шептал под нос то же самое, что бормотал до этого.

– Что они там с вами делали? – спросил я, не в силах держать больше этот вопрос в голове.

Ангелина снова посмотрела на меня и даже шевельнула губами, будто бы намереваясь что-то сказать. Но подполковник её опередил:

– Ладно, главное сейчас – это отдохнуть. И не беспокойтесь ни о чём: всё самое страшное уже позади.

Потом он встал со стула, направился к выходу и увлёк меня за собой. Мне хотелось остаться, хотелось расспросить обо всём своих старых знакомых, хотелось узнать доподлинно, что творилось в Радуге после того, как я оттуда ушёл: всё, что я знал об этом, базировалось на пьяных рассказах Лёхи тем днём, когда я встретил его в Гроссбухе. Но у замполита, похоже, были другие планы.

– Сейчас пойдём к Старкову, – говорил он, – Ему расскажешь всю ту хрень, что там творилась, и о которой ты лично знаешь. Ему, понял? Ребят, так и быть, не будем пока этим донимать: им и так, видимо, досталось. Судя по рассказам этих радужных – тех из них, кто заговорил, – там у этих скотов такой послушной список, что для них и в прежние времена мораторий бы сняли, и всех бы нахрен на плаху.

Слова подполковника меня успокоили. Я, наконец, уверовал в неминуемость наказания для тех, кто захватил Радугу, и на душе сделалось чуточку легче. Но не только – и не столько – оттого, что я утолил в себе жажду справедливости. Отнюдь. Я был в ужасе от одной только мысли о том, что с

Тохой, который на моих глазах убил двоих человек и ухом не повёл, мне придётся ходить по одним улицам.

Когда мы прибыли в кабинет Старкова, я обратил внимание на настенные часы. Было уже девять часов, и я поразился тому, как долго тянулся этот день. Впрочем, ничего удивительного: так, пожалуй, всегда и проходит первый день на новом месте, будь то прежний мир или в нынешний. Старков указал жестом на стул перед его столом, таким образом велел мне сесть. Я сел. Подполковник встал рядом со своим начальником, нависавшем над расстеленной на столе картой города. Я снова не мог отделаться от параллелей со всякими карикатурными геостратегами из старых игр или фильмов.

– Завтра – по плану? – спросил подполковник.

– Да. Спорткомплекс на севере. Это приоритетная задача: не нравится мне там плотность этих банд. Расплодились, как кошки по весне. Надо быстрее тракт под контроль брать полностью, по нему рассредоточиваться и заходить уже вглубь, – говорил Старков.

– Про тот район, кстати: парня вот привёл, как ты просил. Который в том торгцентре был и знает, что к чему.

– В каком? Где банду сегодня накрыли?

– Да. Где ещё двоих замученных откопали в подсобках.

– Ну, ну, помню-помню.

Старков перевёл взгляд на меня, и я, сам не отдавая себе в этом отчёта, вытянулся на стуле, сложив руки на коленях, словно ученик перед ответом учителю.

– Ты, вроде, говорил, – начал полковник, – Что присутствовал на какой-то разборке ваших с этими гопниками, которых сегодня привезли. Что они двоих ещё при тебе прибили. Только забыл вот: они гражданских убили или полицейского тоже?

– Гражданских. Одного мужчину сорока лет, одного семнадцатилетнего парня. Убил один из них по приказу главного. Зовут Антоном. Он в Радуге был всё это время и каким-то образом в стговор с ними вступил, или был в стговоре с самого начала. Я всего точно не знаю, товарищ полковник – только то, что видел пересказываю.

– А старший у них кто тогда был?

Я описал Старкову внешность человека из Восхода, который отдал команду Тохе воткнуть нож в шею Юриного отца. Внутри меня вспыхнула надежда, вскоре охватив своим пламенем всё тело. Сидя здесь, в главном кабинете штаба, и давая свои показания, я чувствовал, что мир начинает приходить в норму. И скоро он обязательно в неё придёт: убийцы, грабители и воры непременно будут наказаны за всё, что они натворили, и, когда на улицах не станет больше мертвецов, мы не продолжим ходить по ним согнув спину, с животным страхом внутри остерегаясь опасности, которая будет теперь исходить от живых. Я возрадовался тому, что операция по зачистке города Старковым и его подчинёнными предполагает зачистку обстоятельную и основательную, и что я, будучи сам теперь его подчинённым, тоже стою у истоков но-

вого, лучшего порядка вещей.

– Значит, действительно он, – сказал Старков, когда я закончил описывать человека из Восхода, – Ясно. Всё ясно. Ладно, боец, свободен.

– Что с ними будет? С этими людьми из Радуги? – спросил я. Старковское «свободен» не предполагало дополнительных вопросов или какого-либо продолжения диалога с ним, но я не удержался. Он, в свою очередь, явно остался недоволен моим выпадом, но, выдержав паузу в несколько бесконечных секунд, решил, всё же, мне ответить.

– Совет командиров сегодня решит. Завтра на утреннем разводе объявим, перед распределением задач. Ещё вопросы?

– Никак нет, – ответил я, решив больше не испытывать судьбу.

Дойдя до номера отеля-казармы, я тут же рассказал обо всём Ире. Она удивилась тому, как долго продлился мой перекур, но все её вопросы отпали сами собой, едва она услышала мою историю целиком.

– Сказал бы мне – я бы с тобой пошла.

– Да я подумал, зачем тебе мотаться. И так день тяжёлый, лучше отдохнуть.

– Какой уж тут отдых... Пока форму в порядок приведёшь, обувь высушишь. Хорошо если в десять спать лечь удастся.

– Я как-то не подумал.

– О таких вещах надо думать, – вставил свои пять копеек Лопатин, – А то из-за мокрых ног и ангину схватить можно. Да и салом топлёным от тебя за километр пахнет! Как мы тут спать теперь будем?

– За собой следи, – огрызнулся я.

– Я и слежу.

– Вот и следи!

– Силы некуда тратить? – укоризненно смерив взглядом нас обоих, сказала Ира, – Завтра неизвестно ещё, куда забросят и что делать скажут. Лучше автоматы проверьте как следует.

Лопатин и я повиновались и принялись заниматься каждый своим делом, стараясь больше не контактировать друг с другом. Я постирал вещи, развесил их на балконе и лёг спать, уповая одновременно на то, что форма успеет высохнуть до утра, и на то, что завтра я увижу, как Старков расстреляет всю банду из Радуги к чёртовой матери.

День 110

– Это так не работает, – шепнула мне Ира, когда мы уже стояли в строю после завтрака, и когда я поделился с ней своими чаяниями.

– Должно работать! Око за око. Если в тюрьму их нельзя бросить до конца жизни, так хоть жизнь эту у них отнять за всё, что они натворили.

– А что они натворили? Ты видел, как один из них –

один! – двоих убил. А остальные?

– Лёха рассказывал, как остальные там потом мясорубку устроили. Да и Аркадия с Ангелиной тоже возьми! Неужели они сами себя там до такого состояния довели?

– Не знаю, – пожала плечами Ира, – Вернее, знаю: нет, конечно, не сами. Просто... Просто люди ведь нужны. Хотя бы на подсобных работах каких-то. Я бы так сделала: главаря их расстреляла бы показательно, а остальных – в подчинение и на работу от рассвета до заката. Так и те, кто в тылу, освободятся и нам смогут помочь. Да и нам самим больше трупы жечь не придётся – займёмся, наконец-то, реальными вещами.

– Мы и так займёмся. Без уродов этих. И справимся со всем. Не знаю... Неправильно это, я считаю.

– А я считаю – очень даже правильно и рационально. Но, может, если бы я, как ты, что-то подобное своими глазами увидела, то по-другому бы размышляла. Трудно сказать.

– Хорош в строю бубнить! – резко сказал сержант нашего отделения, стоявший впереди нас, и мы прекратили шептаться.

Некоторое время спустя на площади перед зданием администрации появился Старков. Вслед за ним возникли и бандиты из Радуги со связанными за спиной руками. Лица их трудно было разглядеть, и я не смог различить среди них Тоху. И этим я был ужасно раздосадован: мне хотелось видеть его лицо. Чуть поодаль, в стороне от общих строёв, стоял

замполит. Я ожидал увидеть рядом с ним Аркадия с Ангелиной: мне хотелось, чтобы и они стали свидетелями момента исполнения наказания над их мучителями. Однако они, вероятно, остались тем утром в медпункте.

Старков начал говорить. На улице дул промозглый ноябрьский ветер, и его порывы то и дело уносили целые фразы полковника прочь, не давая нам услышать всё то, о чём он толкует.

– Данные субъекты, – начал он в лучших традициях своего формального, казённого красноречия, – В первые дни эпидемии осуществили силовой захват торгового центра Радуга, располагающегося по улице...

Налетел ветер, обдав нас холодом и свежестью.

– ...послужной список данной организованной преступной группировки: убийства, пытки, изнасилования, разбой, грабёж, мародёрство, порча частной собственности, мошенничество – если это можно так назвать – и много чего ещё, от чего кровь стынет в жилах.

Речь Старкова звучала сурово. Я торжествовал: перечислив все преступления, теперь он не мог оставить их без соразмерного им наказания. А соразмерным тому, что они натворили, мне виделась только смерть.

Снова завыл ветер, и многого из того, что он сказал после, я не услышал. Едва порыв утих, голос полковника снова зазвучал над площадью.

– ...в качестве наказания – заключение под стражу и

принудительные работы до восстановления правопорядка на территории города, до начала функционирования всех ветвей власти, в частности – до возобновления деятельности судов, прокуратуры и службы исполнения наказаний. Часть преступников останется в зоне проведения операции, часть – будет отправлена в Знаменское для замещения личного состава, сосредоточенного в тылу. Нахождение на принудительных работах будет приравнено к несению службы в нашем батальоне. Любые проступки, совершённые уже во время нахождения на службе здесь, будут караться по законам военного времени. Заключённым понятно их новое положение?

Все эти сволочи из Радуги, стоявшие ровным рядком подле Старкова, с завязанными руками и опущенными к полу глазами, промямлили что-то в ответ. Что именно – я не слышал: налетел новый порыв ветра, и я увидел лишь их едва заметно пошевелившиеся губы.

Я пребывал в праведном гневе недолго: всего несколько минут. Сразу после того, как бандитов из Радуги увели прочь, Старков дал слово командирам подразделений, а те, в свою очередь, стали доводить уже до нас задачи, на которых мы будем задействованы сегодня. Нашей роте в тот день выпало отправиться на зачистку улицы Второго сентября – той самой, где раньше был Ирин дом, и где меня едва не растерзала толпа обезображенных трупов.

О том, что дальше произошло в тот день, напишу чуть позже. Нужно поменять повязку и ещё раз как следует продезинфицировать рану: авось поможет. Глупо, всё же, получилось. Глупо вообще всё заканчивается. Бесконечно глупо и бессмысленно. И хотя у неё ещё есть шансы выбраться, мою судьбу уже совершенно точно решил укус. А укус – это смерть, как бы мне ни хотелось надеяться на лучшее.

Симптомы пока незаметны. Чуть бросает в жар: больше от страха, чем от заражения, полагаю. Но совсем скоро организм начнёт давать куда более серьёзные сбои. Нужно подготовиться: приковать себя чем-нибудь к батарее за руку или за ногу, или за всё сразу. И, само собой, нужно успеть обо всём написать. Пожалуй, это единственное, что теперь важно.

Запись 20

Укус по-прежнему болит. Теперь – ещё сильнее: очень уж щедро пролил рану алкоголем, найденным в местных загонах. Немного и сам отхлебнул – каюсь. Сугубо для того, чтобы отпустить все обуревающие меня сейчас, на смертном одре, чёрные думы и чуть повеселеть. Напиваться я, разумеется, не стал и не стану: нужна более-менее ясная голова, чтобы закончить этот дневник. Да к тому же, нужно умудриться успеть это сделать, пока сознание окончательно не поплывёт! Н-да, ну и задачка... Ладно, прорвёмся.

Пока ничего особенного не чувствую, кроме опьянения, ко-

торое, кажется, несколько отличается от того опьянения, которое я испытывал раньше. Теперь по рукам уже не разливается приятное тепло, а голова, хоть и чуть-чуть кружится, но не так, как прежде. Немного онемел язык, но трудно сказать, из-за спирта это или из-за вируса. Да и чёрт с ним. Как начнёт происходить что-то из ряда вон выходящее – непременно сообщу. Пока лучше не отвлекаться от изложения на преждевременный поиск симптомов.

День 110

– Наша с вами задача, – вещал для нас капитан Смирнов, когда мы построились чуть поодаль от главного плаца, вдали от всех прочих командиров, доведивших задачи на день уже до своих подразделений, – Произвести зачистку проспекта Второго сентября после того, как по нему пройдёт техника. Техника уничтожит основную массу заражённых. Проще говоря, чтобы ни у кого тут не было упаднических настроений – девяносто процентов трупов будут уже мертвы или обезврежены техникой. Задача состоит в том, чтобы добить всё то мясо, которое будет валяться там, ни живое, ни мёртвое. Дело простое и одновременно трудное. Всё, что от вас требуется – это прицельно поражать цели, сохранять холодную голову и слушать меня, командиров взводов и отделений. Действовать нужно чётко и спокойно. Шарахаться от каждой дуры, которая на вас шипит и кряхтит – плохая идея. Это самый главный залог потерь. Поэтому общий вам совет: всегда

смотрите вперёд, по направлению движения, и внимательно следите за действиями барабанщиков. Барабанщики пойдут впереди и будут выманивать тела из-за коварных поворотов, дворов, из домов и всего такого прочего. Накосячивших среди вас на данный момент нет, поэтому выбор барабанщиков сегодня случайный. Сейчас я называю фамилии. Чью фамилию назвал – выходите из строя и...

– Товарищ капитан, разрешите? – раздался бархатный девичий голосок где-то по соседству.

Я не сразу понял, что говорит Ира. Удивлённое лицо капитана Смирнова в полной мере отражало степень и моего замешательства тоже.

– Ну? – ответил на это он.

– Товарищ капитан, я могу впереди идти. Быть этим самым... Кто приманивает, – почему-то Ире не захотелось употреблять термин «барабанщик», придуманный, по всей видимости, лично капитаном Смирновым. Наверное, она, как и я, считала, что звучит это слово до крайности глупо.

– Здесь мне парни нужны. Кто бегать умеет, у кого реакция хорошая, и кто... Кто не завопит, упыря увидев.

– Товарищ капитан, я на этой улице жила, я зна...

– Исключено, нет.

– Товарищ...

– Я всё сказал!

Капитан прикрикнул на Иру, но обиды за неё я в тот момент не почувствовал. Наоборот: испытал облегчение и смог

выдохнуть спокойно, поняв, что идти в авангарде нашей горероты освободителей проспекта Второго сентября Ире не грозит.

– Итак, фамилии, – продолжил капитан, – Лопатин!

– Я! – откликнулся рядовой Лопатин, заметно упав духом, и вышел из строя. Первая серьёзная встреча с городскими мертвецами, да ещё и в таком качестве! Тем не менее, следуя смирновской логике, назначение выглядело справедливым: Лопатин был здоровым, рослым и подтянутым, а значит и бегал наверняка неплохо. Скажем прямо, я ни чуточки не сожалел, что моего сожителя подрядили на самую опасную работёнку сегодняшнего дня. Грешным делом, я даже подумал, что, если с ним что-нибудь случится, комната в гостинице-казарме останется в нашем с Ирой полном распоряжении. Само собой, я не оскотинился ещё до такой степени, чтобы всерьёз желать гибели Лопатина или чего-то подобного. Просто промелькнула эта дурацкая мысль тогда, вот и всё.

– Полозов!

– Он умер, – сказал кто-то из строя.

– Чего?!

– Умер. На стрельбах, застрелился. Это Полозов был.

– А чё он у меня в списках?.. Так, ладно. Тогда, тогда, тогда-а... Соколов!

Я не сразу понял, что к чему. Спустя секунду-другую осознав, что не ослышался, и что капитан действительно назвал

только что мою фамилию, я вышел из строя. Смирнов вопросительно посмотрел на меня, словно бы ожидая чего-то ещё, помимо моего выхода на одну линию с Лопатиным. Я повторил его вопросительное выражение лица, тоже чуть приподняв бровь. Несколько мгновений мы так и стояли: глядя друг на друга в тишине, которую нарушал лишь холодный ветер.

– «Я», наверное, надо говорить, когда фамилию услышал, да? – объяснил, наконец, свой немой вопрос Смирнов.

– Я! – спохватился я.

Фамилии двух других выманивателей мертвецов из всяческих тёмных углов я уже не слышал и не запомнил. Когда и они вышли из строя, сказав своё «я», Смирнов продолжил:

– С вами четырьмя будет отдельный инструктаж. Даже не инструктаж – так, кое-какие вводные. Для остальных: сейчас – пять минут перекур, потом загружаемся. Вопросы?

Я всё не мог взять в толк, зачем нужны эти самые «барабанщики»? Если рота будет зачищать проспект по всей его длине, более-менее кучно продвигаясь вперёд, то звуки выстрелов непрерывно будут сотрясать округу, тем самым выманивая мертвецов не только из-за всех близлежащих поворотов, но и, наверное, из квартир на первых этажах. А раз так, то к чему вообще роль того, кто идёт впереди всех и делает, по сути, всё то же самое? Я надеялся, что грядущий инструктаж многое объяснит.

– Там всё дело в акустике, – ответил на мой вопрос какой-то сержант, проводивший пресловутый инструктаж, –

Звуки выстрелов отражаются от зданий. Получается эхо, с которым и живому-то трудно источник шума определить. Поэтому некоторые мертвяки застревают на поворотах, думая, будто бы до источника они уже добрались. То же и с тварями во дворах и в домах: иногда они выскакивают, если выход находят. Но чаще остаются на месте, раздражённые и взбудораженные. А потом – как черти из табакерки выпрыгивают, когда колонна уже поворот прошла, и в тыл заходят. Случаи единичные: во дворах не всегда кто-то тусуется, да и в малоэтажной застройке они, как правило, хорошо определяют, откуда мы идём. Но в районах, где высотки – там нужны барабанщики.

– А почему название такое? – не выдержал я.

– Какое?

– Дурацкое. «Барабанщики»... Это же... Ну, тупо!

– Не я придумал, – пожал плечами сержант, а затем продолжил инструктировать нас, вкратце обрисовывая всё то, с чем нам предстоит столкнуться, и с чем нам следует быть осторожными.

– Барабанщики идут парой. Два по одной стороне улицы, два – по другой. Любой заворот, любой угол, любой проулок или двор – всё это в вашей зоне ответственности. В каждую, грубо говоря, дыру одному из вас нужно будет залезть. Этот самый один либо шумом, либо своим появлением выманивает мясо из этих самых дыр. Выманиваете одиночку – пускаете в расход сами. Видите двоих и больше – до пяти – от-

ходите к напарнику и вместе выносите их. Вытащили откуда-то больше пяти – тянете их назад к колонне. Потом уходите с линии огня и даёте товарищам сделать всё по красоте. После этого работа продолжается: снова идёте вперёд и продолжаете вытаскивать мясо из мест, где они гасятся.

– А если на самом проспекте останутся мертвецы, которые будут на ногах? Они ж увидят нас на тротуаре.

– После того, как по проспекту пройдёт техника, никого ходячего там уже не останется. Если даже кто-то и уцелеет – с ними поступаете так же, как и с теми, кого находите во дворах и переулках. Теперь самый главный момент: если первый барабанщик, идущий впереди и приманивающий тварей на себя, теряет контроль над ситуацией, и заражённый атакует его, лишая возможности вести огонь – напарник берёт штык-нож и вступает с заражённым в контактный бой. Задача – обезвредить мертвяка до того, как тот успеет сделать укус или каким-либо ещё образом передать вирус. Если нападающих двое – напарник действует по своему усмотрению. Хорошей идеей будет попытаться отвлечь одного из атакующих. Плохая идея – открывать огонь или лезть на обоих со штык-ножом. Если же первого барабанщика в ходе столкновения кусают, и напарник видит это, он вправе открыть огонь и ликвидировать как заражённого, так и своего напарника выстрелом в голову. В этом случае напарник обязан запомнить местоположение трупa своего товарища, немедленно вернуться к колонне и доложить о случившемся. На место

выдвигается отделение в сопровождении командира не ниже командира взвода для того, чтобы удостовериться в том, что первый барабанщик действительно был укушен перед тем, как его напарник открыл огонь. Надо объяснять, зачем это нужно?

Никто не решался ответить. Тогда сержант продолжил сам:

– Нужно это для того, чтобы ни у кого не было соблазна с кем-нибудь за что-то поквитаться, по воле случая встав в пару со своим недругом. Сделать этого не получится. Про наказание за дружественный огонь, я думаю, все в курсе.

Я вспомнил расстрел Громова, которого убили за то, что он самовольно расправился с дезертиром. Тут же, я не мог не вспомнить про Тоху, которого прямо сейчас, где-то там, неподалёку от штаба, вводят в курс дела и объясняют здешние порядки. Тоху, который, нужным образом зарекомендовав себя на первых порах, может остаться жить здесь, наравне со всеми! Всё, что ему нужно – это не делать ничего, что нарушало бы старковские правила, и только! В этом случае самое страшное, что будет его ждать – это тюрьма после того, как в городе всё снова придёт в норму. А как скоро это произойдёт – большой вопрос. В любом случае, Тоха сядет в тот же день, когда мы будем демобилизованы, и тогда я был убеждён, то ни того, ни другого не случится никогда.

Мысль моя блуждала. Возможно, виной всему был недосып, а возможно – количество обрушившихся за последние

дни событий. Я ушёл в свои думы о Громе, о Тохе, о человеке из Восхода, об Аркадии и Ангелине – обо всём на свете, и инструктаж сержанта уже не слушал. Впрочем, дальше он был недолгим.

– Ну всё, строиться выходим, фронтом на Урал! – скомандовал капитан Смирнов, и перекур был окончен, а вместе с ним и инструктаж так называемых барабанщиков.

В Урале было тесно. Всю нашу роту стремились уместить в одну машину, чтобы не посылать слишком много техники на одну задачу. Бронемашин, следовавших с нами, правда, было хоть отбавляй. Они должны были пройти по проспекту Второго сентября в две волны: в первой машин было три, во второй – две. Каждая машина представляла собой бронированного монстра на четырёх колёсах, с огромными пушками на крыше. Не знаю, что там был за калибр, и не знаю доподлинно, какая была тактика действий у экипажа: может, вдобавок ко всем имевшимся орудиям они задействовали ещё и гранаты или какую-то другую взрывчатку. Трудно сказать. Помню только, как мы прождали около двух часов, прежде чем машины вернутся с рейда и скажут, что дело их сделано.

Ожидали мы на заправочной станции, неподалёку от перекрёстка, на котором проспект Второго сентября сливался с трактом, соединявшим центральную часть города с моим районом. Смирнов для вида запретил нам трогать что-либо в магазинчике при заправке. Однако все всё понимали, и он – тоже всё понимал. Ну как солдат удержится от то-

го, чтобы не утащить сладкую, манящую шоколадку со стойки возле прилавка? Кормили нас, конечно, исправно, но сахар... О, сахар стал для нас новым видом наркотика. Даже после конца света пища в батальоне Старкова более-менее соответствовала прежним армейским стандартам, которые, по всей видимости, предполагали максимальную – порой даже гротескную – пресность всего, что должен был проглотить отдельно взятый военнослужащий за завтраком, обедом или ужином. Пища была питательной, но совершенно безвкусной. Поэтому приправы – что соль, что перец, что сахар – были и в Знаменском, и тут, в городском пункте дислокации, на вес золота. Потому-то многие солдаты и мечтали получить постоянную работу где-нибудь вдали от штаба. Такое положение предполагало автономный поиск пропитания: то есть, для выездных миссий Старков лично санкционировал некую лёгкую форму мародёрства с вытекающим из неё опустошением полок близлежащих магазинов. А автономный поиск пропитания предполагал автономное определение рациона. И уж тут солдат мог оторваться по полной. Для нас такой санкции Старков не давал, как, впрочем, и не запрещал что-то вроде невинного воровства жвачки или шоколада. Однако Смирнов решил, что лучше переглядеть, чем недоглядеть. Поэтому вкусности из магазинчика мы поедали тайно, выходя на улицу под различными предлогами.

Когда пришёл мой черёд пожить газировкой, я вышел из магазина и спрятался за углом. Газировка громко пшик-

нула, едва я её открыл, чем изрядно напугала меня. На всякий случай я посмотрел по сторонам и ещё раз проверил, не пришёл ли на мой звук капитан Смирнов или ещё хуже – старшина роты. Не обнаружив никого из них, я принялся пить. Наслаждаясь сладкой шипучей амброзией, я смотрел на тракт, который выглядел теперь иначе, чем в ту пору, когда я ехал к Ириному дому. Теперь по нему то и дело проезжала техника: военные автомобили, гражданские бульдозеры и фуры с прицепами – всё то, что участвовало либо в расчистке дороги от разбитых тачек, либо в наведении новых баррикад, преграждавших улицы, сливающиеся с трактом. Похоже, что сам тракт – по крайней мере, на каком-то своём протяжении – уже был зачищен: уж очень уверенно по нему сновали бульдозеры без сопровождения боевых машин. Нам обо всём ходе операции и о положении общей картины, понятное дело, никто не докладывал, а сплетни собирать нам, новичкам, было некогда. Поэтому нить событий я потерял по прибытии сюда, и перестал следить за свежими новостями в деле освобождения города после того, как покинул Знаменское. Теперь я был в курсе лишь того, в чём принимал непосредственное участие, и свидетелем чего становился лично. Может, если бы мы чуть позже закончили с трупами в парке аттракционов, я бы так ничего толком и не узнал о Радуге и о том, что Аркадию с Анжелиной посчастливилось уцелеть в ней.

– Ты там будь поаккуратнее, – напугала меня Ира, появив-

шаяся из ниоткуда со своим напутствием. Я вздрогнул, едва не расплескав газировку, и в спешке проглотил то, что уже набрал в рот. Вышел большой, неприятный глоток, который, казалось, вот-вот разорвёт пищевод на части. Но, едва напиток оказался в желудке, мне полегчало, и ко мне вернулся дар речи.

– Да всё нормально будет, – ответил я.

– Ты чего так скривился?

– А-а, так, ерунда: кола поперёк горла встала.

Ира обняла меня и, кажется, впервые за долгое время я почувствовал её нежность. Мы обнимались и раньше, и целовались – тоже, и даже вступали в другие формы телесного контакта, когда нам это удавалось, и когда располагала обстановка. Но нежности между нами не было уже давно. Кажется, со времён той самой трагедии на дороге. И вот, после стольких дней и недель отчуждённости, она, наконец, будто бы признала меня частью своей семьи: человеком, которым она дорожит и которого не хочет потерять. Эта семейная теплота была смешана со страстью: она обнимала меня одновременно как брата и как своего парня. Возможно, не находясь я сейчас на смертном одре, я бы подумал как следует и описал бы всё, что между нами произошло в тот момент более подробно и точно. Но я слишком тороплюсь, чтобы выбирать формулировки. Разумеется, Ира более чем заслуживает того, чтобы про любовь к ней я написал здесь чуточку больше. Может, так и сделаю где-нибудь в конце. Сейчас же я больше

всего на свете хочу успеть зафиксировать всё: в первую очередь – последовательность произошедших событий. Нежности же оставим для послесловия, если таковое последует.

– Надо было мне всё-таки попроситься, – сказала она, положив голову мне на плечо.

– Да куда там. Смирнов правильно сказал: для этой работы покрепче надо быть.

– Только не говори, что ты с этим сексистом сейчас соглашаешься! Сначала набрали девчонок, а теперь ходят и трясутся над ними. Бегуны им, видите ли, нужны...

– Так пацаны-то правда быстрее, сильнее и ловчее.

– Из нас двоих я бы ещё поспорила, кто круче. Ты на физру вообще когда-нибудь ходил? Ты же сам говорил как-то, что тебя и в армию-то, скорее всего, не возьмут осенью!

Мне вдруг стало обидно. Да, не ходил я на физру класса эдак с девятого. Да, имел кое-какие проблемки, о которых по осени намеревался рассказать военкомату, предварительно раздув их до космических масштабов. Но теперь-то я другой человек! Это там, в мире занудных уроков и страшных армейских рекрутёров я был больным и синюшным задохликом, потому что мне хотелось им быть. Теперь же, в мире ходячих трупов и постоянной борьбы за выживание мне хотелось скорее быть здоровым, чем больным. И – о чудо! – со мной всё вдруг стало в порядке. И плоскостопие меня больше не беспокоит, и проблемы с позвоночником остались где-то там, в чертогах медицинской карты, и жир, который я до-

селе кустарно выращивал, денно и ночью сидя за компьютером, тоже куда-то исчез.

– Ну не обижайся, – сказала Ира, заметив, должно быть, как я нахмурился, – Я не со зла. Просто я тоже всё это могу. А мне не верят. Понимаешь?

– Наверное. У меня не было никогда таких проблем: я только рад был всегда, что меня не берут на первые роли.

– Зря. Если уж идти куда-то, то идти нужно впереди.

– Чтобы первому набить все возможные шишки? Да брось ты. Я бы с тобой поменялся с удовольствием, если бы не хотел, чтоб ты вообще никуда не лезла. Да и вообще, это ж всё слепой случай решил. Просто пальцем этот Смирнов в меня попал и всё.

– Можно так к этому относиться. А можно – как к шансу себя проявить.

– Перед кем? Перед тем же Смирновым, чтоб он мне потом ещё более тяжёлую задачу дал? Зачем оно мне?

– Не знаю, – пожала плечами она, – Не могу объяснить. Просто хочется как будто бы, чтобы тебя запомнили. Сделать что-то такое перед тем, как умрёшь, за что тебя будут помнить и может даже благодарить. А умрём мы когда-нибудь все – это точно. Только вот кем умрём – это большой вопрос. Ветошью какой-нибудь, прости за выражение, которая сидит и ждёт, пока их волшебник в голубом вертолёте спасёт, или...

– Или волшебником в голубом вертолёте?

– Иди ты! – Ира рассмеялась. Я засмеялся вместе с ней. Нам было хорошо.

Через несколько минут с зачистки проспекта вернулись первые три машины. Экипаж доложил Смирнову о выполнении задачи, и тот разрешил им вернуться к штабу, как это, должно быть, и было запланировано с самого начала. Две другие машины, насколько мне известно, должны были остаться здесь, недалеко от заправочной станции на случай, если во время нашего контрольного рейда со стрелковым оружием нам понадобится дополнительная огневая поддержка. Проще говоря, если всё полетит к чертям, бронемашины прикроют нас и помогут нам отойти. По прибытии этих двух последних машин мы построились перед заправкой.

– Так, всё, сейчас выдвигаемся повзводно, потом – рассредоточиваемся по отделениям. Идём линиями, очередность командирам известна. Основная масса мяса – дальше по дороге, через два квартала. Как доходим дотуда, начинаем работу. Барабанщики идут на квартал впереди. И тоже работают. У нас тут двое опытных и двое новичков. Разобьём вас в пары «новичок-бывалый». Бывалые по дороге расскажут новичкам, что бывает с барабанщиками, которые выполнили свою работу некачественно и подставили подразделение своей безалаберностью. Вопросы?

– Никак нет! – гаркнул разноголосый строй.

– Тогда – с богом.

Напарником моим стал ефрейтор, возрастом, казалось, ещё младше меня. У него почти совсем не росла щетина, и кожа была гладкой, как у девчонки. Но вот глаза... Взгляд его бегающих голубых глаз был таким тяжёлым и таким мрачным, что казалось, будто живёт он на свете по меньшей мере несколько долгих столетий. С Лопатиным в паре встал какой-то парень, похожий на того актёра из «Бойцовского клуба». Чёрт возьми, какое будущее могло ждать обоих там, в мире без мертвецов! Оба бы совершенно точно пользовались головокружительным успехом у девушек, и успех их был бы безусловным. Им не нужно было бы уметь выживать, давать отпор заражённым или потерявшим человеческий облик живым – им достаточно было бы просто быть. А сейчас что? Сейчас весь этот потенциал может быть обнулён одним только неверным движением, одной только секундой замешательства.

– Первым ты будешь везде заходить, – безапелляционно сказал гладкокожий ефрейтор, едва мы стали удаляться от отделений, занимавших свои позиции, – Затупишь – сдохнешь. Дашь цапнуть себя – сдохнешь быстрее, чем кролики е...

Снизу на нас зашипел разорванный на куски мертвец и не дал ефрейтору договорить. От тела у трупа осталась только одна рука, часть груди и голова, и единственной своей рукой он тянулся к нам, издавая омерзительный хрипяще-шипящий звук. Гладкокожий пристрелил его и ухом не повёл.

– Во, стоп. Двор. Давай, заходи, – скомандовал он.

Меня раздражал тон ефрейтора, бесило, что мною командует какой-то восемнадцатилетний сопляк, в то время как мне-то самому уже девятнадцать! Но сделать я ничего не мог и не хотел: всё-таки он был старше в звании и опытнее, и я должен был доверять ему и подчиняться. Во всяком случае – на первых порах.

– А как мне шум-то создавать? – спросил я, готовый к тому, чтобы заглянуть в первый двор-колодец и столкнуться там, в принципе, с чем угодно.

– Как хочешь. Хочешь – пой. Хочешь – матерись, дразни их там как-нибудь. Мне пофиг, честно. Если не тупой – догадаешься вперёд себя бутылку или банку кинуть. Давай, пошёл уже! Не стой!

Я подобрал с земли первый попавшийся под руку предмет. Им оказалась гильза крупного калибра: крупнее, чем те, что вылетали из наших автоматов при стрельбе. Я вошёл в тёмную, пропахшую сыростью и гниющей плотью арку и швырнул гильзу о стену. Ответом было звенящее эхо, а после – тишина.

– Э-э-э-у! – крикнул я, вспотевшими ладонями сжимая автомат и держа дрожащий палец на спусковом крючке.

Опять – тишина. Крадучись, я заходил всё глубже и глубже, пока ефрейтор не крикнул мне сзади, напугав до полусмерти:

– Шевели булками! Мы так весь день тут пробудем.

– Да пошёл ты, – прошептал себе под нос я. И зашагал быстрее.

Я боялся гладкокожего ефрейтора: мне казалось, будто бы он прослужил здесь так много и так долго, что знает, как пристрелить меня таким образом, чтобы избежать последующего наказания. Этот смазливый вчерашний школьник всего-то своим напором и дерзостью сумел заставить меня поверить в своё превосходство надо мной. Раз он так смог, решил я, то и мне это под силу. Только не сейчас. Как-нибудь в другой раз, с кем-нибудь другим – обязательно. Но не сейчас, не с этим ефрейтором, от одного взгляда которого кровь стынет в жилах.

Во дворе было пусто. На всякий случай я ещё раз крикнул, пустив эхо своего голоса гулять между выстроившимися квадратом домами. Ничего.

– Чисто! – сказал я ефрейтору, стоявшему на другой стороне арки и кутившему сигарету.

– Чеши назад тогда, чё встал?

Я повиновался.

Ещё несколько кварталов мы прошли без приключений. Все трупы в округе валялись только на дороге и были неопасны для нас, двигавшихся по тротуарам. Все они были добычей роты, следовавшей за нами, на расстоянии пары сотен метров. Сзади то и дело раздавались хлопки. С каждым хлопком заканчивались страдания одного изувеченного и обезображенного трупа. Старков был прав насчёт них:

все они слегка подмёрзли и теперь были гораздо менее проворными, чем тогда, в момент начала вымирания. Так или иначе, они были замедленны, но не обездвижены. Что будет с ними со всеми, когда ударят традиционные для нашей зимы тридцатиградусные морозы? Может, они впадут в спячку, как какие-нибудь медведи, и нам удастся окончательно их перебить? Но как быть с теми мертвецами, которые останутся в квартирах? После того, как заработают теплоэлектростанции, и будет восстановлено центральное отопление, в квартирах мёртвых тоже станет тепло.

От всех этих мыслей меня отвлёк многоэтажный дом. Тот самый дом, в котором я нашёл недолгий приют после того, как чуть не помер у его подъезда. Дом, где раньше жили Сергей и Кристина. Значит, до Ириного жилища остаётся всего-то пара автобусных остановок. Интересно, что ждёт сама Ира от встречи со знакомыми местами? Я бы трепетал и изнывал от предвкушения, если бы оказался где-нибудь неподалёку от своей старой квартиры. Тогда мне было всё равно, но сейчас я мечтаю напоследок взглянуть на родные стены: на свою комнату, на комнату матери с отцом, на место, где я вырос. Чем ближе конец, тем сильнее нас тянет домой.

– Ну и куда ты попёрся? – окликнул меня мой напарник. Я обернулся и вопросительно посмотрел на него, пытаясь понять, что не так. Гладкокожий ефрейтор взглядом показал на широкий заезд, ведущий во двор одного из высотных домов по левую сторону от дороги. По правую сторону же воз-

вышался тот дом, в котором я как-то коротал то ли ночь, то ли две.

– Куда уставился? Во двор давай, бегом! – сказал ефрейтор, ещё раз кивнув в сторону заезда, находившегося между нами.

Гладкокожий прервал цикл моих ностальгических воздыханий по дому Сергея и Кристины, и я послушно пошёл во двор, скрежеща зубами и страшно злясь.

– Цып-цып-цы-ып! Козля-ятушки, ребя-ятушки! Отопри-итесь! Отвори-итесь! – распевал я, теряя, кажется, остатки рассудка и заходя в очередную арку, разделявшую проезжую часть и двор огромного многоэтажного дома.

Бессильная ярость, в которой я пребывал, застлала мне взор, и я не видел дальше собственного носа. Вероятно, и не слышал ничего, кроме своих чёрных мыслей, посвящённых ефрейтору. В них я расправлялся с ним, расстреливая к чёртовой матери из пушки бронемашину, оставляя от него только кровь, разорванные органы и содержимое кишок, размазанное по асфальту. В реальности же прямо из-за поворота в конце арки ко мне брёл окоченевший труп, едва волоча ноги. Когда я заметил его, было слишком поздно: он уже был от меня в нескольких сантиметрах. Впрочем, я успел защитить своё лицо, выставив вперёд руку. Гнилыми, окровавленными зубами мертвец впился в моё предплечье. На мне было тёплое нательное бельё, китель и бушлат, поэтому я был уверен, что заражённый не мог прокусить одежду. И всё же,

боль была сильной и в некоторой степени отрезвляющей. Я бы сравнил это с крепким щипком, которыми мы часто ода-ряли друг друга в детстве, во время наших бестолковых игр с бестолковыми правилами. Кто кого противнее ущипнёт, кто кого хлеще пнёт, кто кому больнее наступит на ногу, и вся-кая прочая ерунда.

Я отпустил автомат и выхватил нож. Шаги, приближавши-еся ко мне с другой стороны арки, стихли. А потом мертвец вдруг дрогнул и обмяк в один миг, мешком упав на землю. Гладкокожий ефрейтор загнал лезвие ему в череп быстрее, чем я смог вообще что-либо сделать. Быстрее, чем я успел сказать ему «спасибо», он взялся за автомат.

– Нет, нет, нет, стой! Он куртку не прокусил! Куртку не прокусил! Смотри! – я выставил руки вперёд, будто бы на-деясь закрыться от пули, которую, как мне тогда казалось, ефрейтор уже вознамерился пустить мне промеж глаз.

– Рукав закатай! – сказал он, держа меня на прицеле.

Я взялся за рукав и глубоко вдохнул, прежде чем его засу-чить. Засучив его, я зажмурился и приготовился к худшему.

«Действительно, лучше так, чем с долгими прощениями и по-идиотски бесконечным ожиданием конца», – успел по-думать я до того, как что-то хлётко ударило меня по голове.

То был подзатыльник, отвешенный мне ефрейтором, дав-но опустившим автомат и укоризненно смотревшим теперь на меня. Его голубые глаза глядели мне прямо в душу.

– Дебил ты безголовый! Соберись! Ещё раз такое выки-

нешь – в расход пушу, не думая! Трудно, думаешь, тебе потом ухо откусить и сказать, что это мертвяк сделал?

Я почувствовал себя беззащитным, но одновременно я был живее всех живых. Судьба в очередной раз доказала, что любит меня, дав второй шанс там, где для него, казалось, уже не осталось места. Я решил, что извлеку из всего произошедшего уроки чуть позже. Сейчас нужно кивнуть ефрейтору для вида и продолжать движение, держа теперь ухо остро и не отвлекаясь ни на что постороннее.

Мы прошли ещё пару сотен метров и оказались на перекрёстке с трамвайными путями, где я тоже уже бывал много-много дней назад. Я помнил, что где-то там, чуть поодаль, во дворах пятиэтажек я натолкнулся на пару мертвецов, пока шёл к Ире. Если эти мертвецы остались там, рассуждал я, то они, скорее всего, не представляют для нас большой опасности. Поворот в те дворы далеко, и мёртвые там, даже если и услышат шум выстрелов, всё равно не поймут, откуда доносится звук и не выйдут на проспект, чтобы неожиданно напасть на роту. Но я также помнил и суровое напутствие капитана Смирнова перед выходом, касавшееся прощтрафившихся барабанщиков. Ефрейтор так и не рассказал мне, что делают с барабанщиками, подставившими подразделение своей некачественной работой. Но по всему было ясно, что ничего хорошего. Та сторона проспекта находилась не в нашей с ефрейтором сфере ответственности, а в ведении Лопатина с тем парнем, похожим на актёра из «Бойцовского

клуба». Однако я подозревал, что так называемые барабанщики, как и все в этой армейской реальности, отвечают за свои провинности коллективно. Поэтому, если проштрафится Лопатин с его напарником, нам тоже придётся отвечать.

Прежде чем кричать другой группе барабанщиков через весь проспект, я решил изложить свои соображения ефрейтору.

– Там это... Чуть дальше заворот во дворы пятиэтажек. Я там был и мертвяков видел. Давно, правда, но всё равно. Чё делать? Сказать им, чтоб сходили?

– Далеко заворот?

– Метров пятьдесят. Вон, его видно.

– Пусть сходят тогда. Эу! – ефрейтор свистнул нашим коллегам с другой стороны дороги и сказал им, куда им нужно направиться. Они не поняли. Их силуэты, терявшиеся в дымке прошедшей здесь около получаса назад войны мотали головами из стороны в сторону и разводили руками с видом глубочайшего замешательства.

– Трудно им будет так, издалека объяснить, – заключил я.

– Да ну их лесом. Что один, что второй – балбесы деревянные. Сами пойдём. Эу! Слыш! Меняемся!

– А? – переспросил с той стороны дороги парень, похожий на того актёра из «Бойцовского клуба».

– Бэ! Меняемся говорю! Мы на вашу сторону! Пацан говорит, там во дворах мясо может быть, надо проверить.

– Так ты скажи, где – мы сами сходим!

– Вот баран, ей богу, – вполголоса выругался ефрейтор, – Так я объясняю, а ты не втыкаешь! Сами пойдём! Пацан, говорит, был уже там.

– Ну ладно!

Мы одновременно стали пересекать проспект и встретились примерно в его середине. Я мельком взглянул на Лопатина. Выглядел он неважно: видимо, их паре тоже пришлось попасть в передрагу, первым в которой на правах младшего по сроку службы оказался Лопатин. Затем ефрейтор и я направились по трамвайным путям в сторону дворов пятиэтажек.

Во дворах пятиэтажек оказалось пусто. Ни бутылка, брошенная в стену одного из домов, ни моё троекратное «Эге-гей!» не выманили ни одного заражённого ни из одного укромного места, которых, впрочем, при беглом осмотре здесь и не наблюдалось.

Назад мы вернулись ни с чем и обнаружили, что Лопатин с его напарниками уже на добрую сотню метров обогнали нас дальше по дороге.

– Ладно, пойдём за ними. Как нагоним – поменяемся обратно, – сказал ефрейтор. Я не стал спрашивать, зачем нам вообще меняться обратно: гораздо проще теперь будет идти так, как идём, без лишних премудростей.

Мы шли вперёд и миновали ещё один перекрёсток. На следующем повороте после него я увидел большую аптеку. Ту самую аптеку, возле которой решилась судьба Ириного

отца. Я рассказал напарнику про ещё одни дворы, через которые я пробирался к дому Иры, и в которых встретил в своё время нескольких трупов, через которых я тогда еле пробились.

– Слыш, как давно это было? – спросил ефрейтор.

– Не знаю. Пару месяцев назад, может чуть больше.

– И ты думаешь, за пару месяцев они там не рассосались?

– Не знаю, – пожал плечами я.

– Я знаю: рассосались. Пошли давай, некогда уже, и так шагов на пятьдесят отстаём.

Избирательный пофигизм ефрейтора ещё больше разозлил меня. То ему не лень поменяться местами с другой группой и зайти чёрт знает, куда, чисто на всякий случай. То он махает рукой на целый двор, лишь бы побыстрее догнать Лопатина с тем парнем. Непостижимо, чёрт побери. Однако мне оставалось только молча согласиться с таким положением вещей и идти дальше.

Трупов на дороге стало заметно больше. Видимо, здесь бронемашинам пришлось ликвидировать самую большую орду на всём протяжении проспекта. Все мертвецы, ранее составлявшие её, лежали теперь кто навзничь, кто лицом в асфальт и жалобно стонали, словно бы моля о пощаде. Или о пуле, которая завершит их страдания и затянувшийся земной путь. Поверженные, разорванные на части и не представляющие теперь никакой опасности, ныне они скорее вызывали жалость, чем внушали страх. Помню, как боялся эту

безликую, огромную толпу, маячившую на горизонте, когда проходил здесь ещё в сентябре. Теперь вся эта толпа лежит прямо здесь, у моих ног и просит меня оказать ей последнюю милость. Я смотрел на всех них и мысленно извинялся за то, что мне нужно беречь патроны.

Мы прошли ещё несколько десятков метров, и по правую руку от себя я, наконец, увидел Ирин дом. Увидел его с той стороны, с которой мне не суждено было увидеть его в прошлый раз. На меня снова нахлынули воспоминания из прошлой жизни. Как мы гуляли с Ирой где-нибудь до глубокого вечера, а после я провожал её сюда – вот прямо сюда! – и мы ещё очень долго стояли под её окнами, не желая друг друга отпускать. То были времена наших первых свиданий, первых робких объятий, первых признаний и первой подростковой влюблённости. Родина этих сладких воспоминаний теперь была навсегда осквернена тем, что происходило здесь последние сто с лишним дней, и тем, что должно было произойти неподалёку отсюда с минуты на минуту.

Отделения, шедшие следом, должно быть, добрались до места у последнего перекрёстка, где изувеченных трупов на земле стало значительно больше. Выстрелы стали звучать чаще, в конце концов начав сливаться в подобие очереди.

– Пошла жара, – дал свой комментарий ефрейтор, закуривая новую сигарету.

Я оглянулся и всмотрелся вдаль. И увидел, что жара и впрямь пошла, если жарой считать толпу хромоногих, но

стремительных мертвяков, надвигавшихся на роту где-то там, далеко позади. Солдаты отстреливали бредущих на них трупов, но на подмогу тем прибывали всё новые и новые заражённые, выходившие и выходившие из каких-то раскрытых настежь – и, похоже, сломанных – ворот, напоминавших ворота зернохранилища или большого ангара. На меня напал приступ амнезии и одновременно – до боли острого желания немедленно, сию же секунду восстановить образовавшийся провал в памяти. Я хотел, но никак не мог вспомнить, что же находилось там, за этими воротами, прежде? Что же там... Рынок! Рынок, чёрт возьми! Точно! Вспомнив место, откуда волнами напирала на солдат всё новые и новые мертвяки, я на секунду возликовал. И лишь озадаченный взгляд голубых глаз ефрейтора вернул меня в реальность.

– Ты чё встал? Чё вылупился? – спросил он и тут же, развернувшись, увидел всё своими глазами.

Заражённые, вываливающие из главного входа в центральный рынок, были последним, что увидел ефрейтор. Не успев и пару раз затянуться своей новой сигаретой, гладкокожий паренёк, которого в старом мире ждала бы совсем другая судьба, рухнул на землю без чувств. Через секунду, услышав свист над правым ухом, я понял, что с ним стряслось. Пуля. Дурацкая шальная пуля поставила точку в его истории. Глубокие голубые глаза, казалось, видевшие саму вечность, вылетели из орбит, когда пуля пробила ему голову. Шансов у него никаких не было. Я вдруг понял, что моя

песенка тоже вот-вот будет спета, если я сейчас же не найду укрытие.

Спрятавшись за стеной Ириного дома, я стал звать Лопатина с его напарником, но они были уже слишком далеко и не слышали меня. Нужно было во что бы то ни стало обратить на себя их внимание, иначе никто из них так и не догадается оглянуться и уйти с линии огня. Я прикинул, что, пройдя через дворы домов, соседствующих с Ириным, я смогу добраться до других барабанщиков в обход и нагнать их, не попав под обстрел. А там мы вместе уже решим, что делать дальше.

Во дворе меня встретил мертвец. Он был вполовину ниже меня. Либо это был взрослый, в детстве не допивший молока и недополучивший кальция для роста и развития костей, либо это был ребёнок лет десяти-двенадцати, одиноко стоявший возле перекладины, на которой раньше, кажется, хозяйки выбивали пыль из ковров. Он был тощ, одет отнюдь не по ноябрьской погоде и двигался медленно, чуть прихрамывая. Выглядел он вполне здоровым и нормальным, если не считать пустых и безжизненных глаз. Будто он всего-то подвернул ногу на игре в догонялки со своими друзьями и теперь идёт ко мне – случайному прохожему, – чтобы попросить о помощи. Я подошёл чуть ближе, как следует прицелился и выстрелил ему в голову. Я мог убить его и ножом, но испугался, что жалкий вид паренька в самый неподходящий момент заставит мою руку дрогнуть, и я промахнусь или

ударю куда-нибудь не туда. А пуля – это наверняка. Не попадёт первая – попадёт следующая. От головы парня отлетела часть черепной кости, и он рухнул на землю. По дворам эхом прошёлся хлопок, и первому мертвецу, которого я поразил из стрелкового оружия, пришёл конец.

Я направился дальше. На выходе к дороге, пересекавшей-ся с проспектом Второго сентября, путь мне преградили ещё двое. Толстая, уродливая старуха, передвигавшаяся теперь, кажется, даже быстрее, чем делала это при жизни, и тощий мужик в костюме. Пиджак у него был разорван в нескольких местах, а на выправленной из брюк рубашке красовались чёрные пятна давным-давно высохшей крови. Я снова прицелился и снова открыл огонь. Мужик умер первым. Старуху я поразил не сразу: первая пуля попала ей в грудь и потревожила её не больше, чем потревожил бы укус комара. Вторая пуля зашла точно в центр лица: куда-то в район носа. Старуха покачнулась, а потом упала прямо там, рядом с мужчиной в костюме. Путь был свободен.

Я настиг Лопатина и того другого парня на перекрёстке, но, едва увидев их, понял, что опоздал. Лопатин склонялся над корчившимся от боли напарником, судорожно зажимавшим рану на обратной стороне бедра. Напарник матерился и стонал. Лопатин был обескуражен и не знал, как ему помочь. Оба находились под крышей автобусной остановки. Тоже мне – нашли укрытие!

– Что случилось? – подойдя к ним, спросил я.

– Попали... Попали! – ответил парень, похожий на актёра из «Бойцовского клуба».

– Жгут надо. Слышишь?! Жгут доставай! – сказал я Лопатину.

Я был далёк от того, чтобы взять инициативу по спасению раненного в свои руки. Я всего-то знал, что нужно сделать, но делать это сам не спешил, решив перепоручить это Лопатину. Лопатин же, похоже, был не в себе: к такому повороту событий он не был готов и никогда не прокручивал в воображении сценарий пулевого ранения напарника и необходимости оказания ему первой помощи. Укус, нападение мертвяка, преследующая по пятам толпа – вот, к чему мы готовились, отправляясь на задачу на проспекте. Мы и не подозревали, что по нам – пусть и по ошибке – станут стрелять свои.

Лопатин наскоро пережал напарнику ногу и перевязал рану тем, что было в перевязочном пакете. Я решил не спрашивать ни у него, ни у раненного, что нам делать дальше: никто из них не был в состоянии дать ответ. Пришлось импровизировать самому.

– Берём его под руки сейчас и по дворам идём к нашим.

– А где наши?!

– Воюют там, с толпой. А ты думал, почему в тебя пуля прилетела?!

– Да знаю я, что воюют! Куда они отошли?

Выстрелы всё ещё были слышны вдалеке. Значит, бой ещё не окончен, и орда, вывалившаяся с рынка, ещё не обезвреже-

на.

– По любому недалеко: стреляют рядом где-то. Надо тебя быстрее вытащить, а то кровью истечёшь.

Напарник Лопатина заметно побледнел. Я обратил внимание на лужу крови под ним: она была огромной. Решив, что продолжать диалог сейчас бессмысленно, я кивнул Лопатину, и мы подняли раненого, взяв его под руки, и пошли назад, в сторону дворов, которыми я только что пришёл к ним. Затем мы оказались во дворе Ириного дома, и от него я совершенно точно знал дорогу до перекрёстка с аптекой. Оттуда мы должны были без труда найти путь к своим. Осталось только миновать эту несчастную пару сотен метров.

Дворы, которыми мы шли, и которыми я уже проходил когда-то давным-давно, ничуть не изменились. Всё те же неуклюжие металлические гаражи, похожие скорее на неумело сваренные грузовые контейнеры. Всё та же убогая детская площадка с заржавевшими качелями. Всё те же одинокие мертвецы на ней, месящие ногами грязь и мокрый песок, перемежавшийся с подтаявшим снегом. На этот раз их было двое: женщина в испачканной ночнушке и старик, стоявший на месте как вкопанный, на значительном расстоянии от неё.

– Держи его, – сказал я Лопатину, имея в виду его напарника, который порядком ослаб и теперь даже не пытался самостоятельно держаться на ногах.

Старика я застрелил почти в упор. Женщина отреагировала на выстрел и пошла на меня, но поскользнулась на ка-

ком-то скользком бугорке земли и упала в грязь. Не дожидаясь, пока она поднимется, я подошёл к ней и добил её, когда она ползла ко мне в отчаянной попытке добраться до моей голени. Затем я вернулся к Лопатину, подхватил его потерявшего сознание напарника, и мы продолжили путь.

Когда мы вышли из дворов, то я заметил, что выстрелы стихли. Немного погодя мы дошли до перекрёстка и вернулись на проспект Второго сентября, не опасаясь более ни попасть под обстрел, ни попасть в лапы толпы с центрального рынка. Найдя наше подразделение, мы увидели, как они, держа оружие наготове, обходят место недавнего столкновения и, по всей видимости, подводят итоги стычки с трупами.

– Чисто! Глухо! Тут – все обнулённые! – рапортовал кто-то из командиров отделений.

– У нас тоже! – отвечал на это кто-то другой.

– А это кто?

– Стоять!

Последнее было уже обращением к нам. Мы повиновались и замерли на месте.

– Свои! – крикнул Лопатин, вдруг взявший себя в руки и снова обрётший способность говорить и, ко всему прочему, говорить первым.

– Кто «свои»?

– Барабанщики! – вновь первым ответил Лопатин, не дав мне даже возможности открыть рот. Ко всему прочему, вес тела своего напарника он как-то всё больше переваливал на

меня, будто бы стремясь стряхнуть его руку со своего плеча, чтобы поскорее побежать к ребятам из роты.

Командиры и рядовые бойцы отделений, которые первыми заметили нас, подошли к нам вплотную, но не спешили снимать нас с мушки. Лишь когда подоспел капитан Смирнов, которого кто-то оперативно позвал, и махнул бойцам рукой, в нас перестали целиться наши же сослуживцы. Капитан смотрел на Лопатина и на меня строго и пристально. Я сразу понял, что нас ждёт неприятный разговор – скорее даже не разговор, а допрос. Лопатин этого не понимал. А может, понимал и потому стремился первым ответить на вопросы капитана, чтобы таким образом несколько смягчить его по отношению к себе.

– Что с ним? – спросил Смирнов.

– Ранен, та-щ капитан! – ответил Лопатин, глядя на командира виновато и заискивающе: чуть исподлобья.

– Где ещё один барабанщик?

– Не могу знать, та-щ капитан!

«Не можешь знать, так зачем рот открываешь?» – со злобой подумал я, всё больше и больше принимая на себя вес раненого.

Капитан прищурился, подошёл чуть ближе, а затем тихо, чуть ли не шёпотом и, кажется, на порядок более свирепо спросил, отчеканив каждое слово.

– Кто. Шёл. По левой. Стороне?

В один миг, я, наконец, понял, почему ефрейтору было

так важно поменяться сторонами обратно. Если они, временно взявшие на себя нашу сторону улицы, сделают что-то не так, то в конце концов все их недосмотры и ошибки спишут на нас!

На этот раз нельзя было дать Лопатину заговорить первым. Это было ясно как день: пора было вернуть инициативу в свои руки. Но прежде, чем эта мысль прошла через мою голову и заставила придумать, что сказать капитану, Лопатин с его блаженной непосредственностью уже нашёл, что ответить. Едва его голос зазвучал в моём правом ухе, я понял, что сказанное им похоронит меня. Возможно – прямо здесь, на месте. Ведь ежу понятно: капитан по горячим следам ищет виноватых в атаке мертвецов с рынка. Тех, кто шёл впереди и не обнаружил этих заражённых раньше, чем рота, идущая следом, поравняется с ними. И того, кто шёл по левой стороне и проморгал орду на рынке, ждёт как минимум дисциплинарная рота. А как максимум – расстрел. Возможно – прямо здесь, на месте. Я почувствовал слабость в ногах. Частью от страха, а частью – от веса раненого на моём плече. Я хотел перебить Лопатина и вставить свои пять копеек, но не успел.

– Та-щ капитан, это...

Вдруг ноги мои стали пружинами, которую доселе крепко сжимали, а теперь – отпустили. Слабость ушла, и тот паренёк с простреленным бедром вдруг перестал висеть на мне всем своим телом.

Неужели Лопатин сподобился, наконец, как следует под-

хватить своего товарища?

Нет. Это товарищ перенёс теперь весь свой вес на Лопатина и вгрызся зубами в его лицо.

Судя по всему, для разных людей возвращение проходит по-разному. Кому-то нужно около часа после первой смерти, чтобы вернуться в этот мир в облици ожившего плотоядного трупа. Так, например, было с убитым в спортивном комплексе Знаменского дезертиром по имени Артём. Кому-то нужно чуть меньше: напарник Лопатина тогда вернулся в считанные минуты. Стало быть, и обращение после укуса тоже протекает по-разному. Леонид Николаевич – Ирин отец – мучился относительно недолго, и поплохело ему почти сразу. Младший сержант Астахов же успел проводить меня до Надеждинского, пройдя несколько километров через лес, и на тот момент, как мы с ним распрощались, ещё даже не начал угасать. С момента, как меня цапнули, прошло довольно много времени. И только сейчас я начал чувствовать холод смерти. Чувство такое, будто до этого вирус лишь адаптировался к моему организму, и только сейчас кто-то словно бы перевернул песочные часы и начал обратный отсчёт моих последних мгновений на этом свете. Ощущаю себя воздушным шаром, в котором образовалась небольшая дырочка, через которую теперь медленно выходит воздух. Не знаю, стоит ли принять что-нибудь, чтобы замедлить развитие симптомов. Наверное, всё-таки,

приму. А после – вернусь к записям.

Запись 21

Парацетамол немного сбил начавшую подниматься температуру. Правда, после него почему-то немного затошнило. Не знаю, что делать с этим. Не помешал бы крепкий чёрный чай, но это сейчас, к сожалению, невозможно. Даром что хоть аптечка оказалась под рукой. Есть ощущение лёгкого головокружения, усталости и ломоты в костях. Видимо, времени осталось немного.

День 110

Капитан Смирнов успел выхватить пистолет быстрее, чем Лопатин вообще что-либо сообразил. Меж тем его недавний напарник уже вовсю грыз его щёку и, кажется, сомкнул руки у него на горле в попытке задушить жертву. Выстрел поставил точку в этой вакханалии: напарник Лопатина повис на нём, и сам Лопатин, по-прежнему не вполне осознавший происходящее, инстинктивно подхватил труп с простреленной головой, не дав ему упасть. Дуло пистолета капитана Смирнова теперь смотрело на Лопатина, так и стоявшего справа от меня с видом глубочайшего замешательства. Левая сторона его лица была перепачкана кровью. Глаза его были широко раскрыты и непонимающе смотрели на командира роты в момент, когда тот нажал на курок ещё раз. Лопатин качнулся и упал на спину, а следом прямо на него рухнул и

его напарник.

А потом капитан посмотрел на меня. Пистолет всё ещё был у него в руке. Он бросил взгляд на разодранный рукав моего бушлата, и, прежде чем он успел сделать какие-либо выводы, я оголил предплечье и показал ему, что я не укушен, и что со мной всё в порядке. Капитан, уже было собиравшийся направить на меня пистолет, опустил руку с оружием.

– Кто шёл по левой стороне проспекта? – повторил он свой вопрос.

Я ответил не сразу, тщательно выбирая фразу, с которой следует начать всё объяснять.

– Мы поменялись здесь, на этом перекрёстке. Отсюда по левой стороне шли они, – сказал я, указав рукой на два трупа на асфальте.

– Где второй, который был с тобой? – спросил он.

– Погиб. Поймал шальную пулю. Мы шли впереди, когда вы начали стрелять по толпе. Только оглянулись, и он упал.

Капитан нахмурил брови и сказал:

– Показывай труп.

Немного погодя мы нашли тело ефрейтора, шедшего вместе со мной впереди колонны. Смирнов внимательно осмотрел его и убедился, что пуля действительно угодила ему в лицо в тот момент, когда он смотрел в сторону отбивающейся от толпы роты. Да и глупо было всерьёз предположить, будто бы это я застрелил своего напарника, с которым был едва знаком. Да ещё и в такой момент! Ефрейтор раздражал

меня, но не настолько. Однако, капитану нужно было удостовериться, что всё в порядке.

– Докладываться пойдёшь вместе со мной, рядовой, – сказал капитан, когда мы закончили с трупом, – Расскажешь всё как было. Что поменялись вы посреди дороги – косяк. Так что готовься, что командир недоволен будет.

Я выслушал его молча, и после того, как он договорил, мне оставалось только согласиться со всем и идти дальше.

Мы оба вернулись к подразделению. Капитан снял меня с должности, на которую сам этим же утром и назначил, и всю оставшуюся часть проспекта я зачищал вместе со всеми прочими, двигаясь где-то в хвосте колонны вместе с Ирой и нашим теперь поредевшим отделением.

– Лопатин – всё? – спросила Ира, когда я вернулся в строй.

– Ага, – безучастно ответил я.

– Ты как?

– Не знаю. Никак.

– Если что – не держи в себе, говори со мной, слышишь?

– Слышу. Да нечего держать. Как-то... Как-то всё равно мне.

Теперь впереди шли уже другие барабанщики, приманивавшие мертвецов из укромных углов. Со своей работой они, вроде бы, справлялись, как, впрочем, и мы со своей. Путь до конца проспекта слился в моих воспоминаниях в одну короткую и ровную нить событий, о которых и вспомнить-то особенно нечего. Всё шли вперёд, всё стреляли изувеченных,

мучающихся и стонающих бедолаг, отправляя их, неуспокоенных, на тот свет. К вечеру мы дошли до перекрёстка, на котором проспект Второго сентября заканчивался, соединялся с другой длинной и большой улицей, которая, в свою очередь, объездным путём вела сначала к мосту, а потом – к центру. От центрального моста до точки чуть поодаль перекрёстка всё было зачищено, и в заранее условленном месте нас уже ждал Урал, который вскоре и отвёз нас обратно в пункт дислокации.

Ко времени, когда мы вернулись, на улице уже стемнело. Наша рота, по изначальному плану, должна была управиться засветло, а если не получится – во что бы то ни стало вернуться до темноты. Капитан Смирнов, однако, решил выполнить задачу до конца ценой позднего возвращения, за что и должен был поплатиться позже, на докладе Старкову. Прежде этого, однако, нам всем – в том числе и самому капитану – предстоял осмотр в медпункте.

Основной целью этого мероприятия была проверка на предмет укусов, царапин или иных следов, оставленных заражёнными. По возвращении с боевой задачи через него проходили все без исключения: даже те, кто совершенно точно не контактировал с мертвецами, и кто имел с десяток свидетелей, готовых подтвердить это. Контроль был доскональным и всеобъемлющим: осматривалось всё тело, с обязательным предварительным приёмом формы номер «ноль». Форма номер «ноль» в армейской терминологии означала пол-

ное отсутствие каких-либо предметов одежды – даже нижнего белья. Процедура унижительная и неприятная, но необходимая для безопасности, а потому – принимавшаяся всеми как данность. Осмотр проводили немногочисленные медработники в том самом онкодиспансере, в котором я уже бывал совсем недавно, когда решил проведать Аркадия с Ангелиной. Мы пришли туда строем, по команде зашли всей ротой внутрь и стали ждать, пока нас по очереди примут в одном из кабинетов.

Меня осмотрели одним из первых, как подозреваемого в укусе из-за разорванного рукава бушлата. Из всех частей тела медсестра в кабинете разглядывала мою руку особенно пристально.

– Точно не царапали? – кажется, в сотый раз переспросила она.

– Да.

– Слюна, кровь, другие жидкости тела заражённого попали в глаза, рот, нос, уши?

«Да, мне так хотелось лизнуть глаз того мертвяка, который на меня напал, что я не удержался, а потом дал ему пососать моё ухо и пообещал обязательно пригласить когда-нибудь на второе свидание», – хотелось ответить мне, но я знал, что с этой темой лучше не шутить. Да ещё и с медсёстрами, которые тут все какие-то нервные и заполошные.

– Нет, – сухо ответил я.

Наконец, когда осмотр был окончен, я вышел и пристро-

ился на подоконнике в конце коридора рядом с Ирой. Она тоже была не в восторге от осмотра, но так же как и я осознала его необходимость. Мы немного поговорили об этом, а потом – о чём-то ещё, как вдруг я заметил что-то знакомое в окружающей нас обстановке.

– Слушай, – сказал я, наконец, поняв, в чём дело, – Я тут был вчера! Прямо тут!

– Когда к тем друзьям своим ходил? – спросила Ира.

– Ага. Вон они, в той палате были. Может, и сейчас там?

– Пошли, посмотрим.

– Да какой там! Вдруг влетит? Да и закрыто там, наверное.

– А вдруг открыто? Ну влетит – и влетит. Что тебя, в угол что ли поставят? Наорут, да и всё.

Ира заразила меня своим задором, и я решился на предложенную ею авантюру. Мы дошли до нужной двери, стараясь не привлекать к себе внимание старших по званию, затем я взялся за ручку и повернул её. Дверь открылась.

– Не заперто!

– Вот видишь! Давай, заходи!

– А ты?

– Я на шухере постою. Как меня на осмотр позовут – я в дверь стукну.

Я вошёл внутрь. В палате было темно. У стен в двух противоположных сторонах комнаты стояли койки. На одной кто-то спал, укрывшись одеялом с головой. На другой сидел Аркадий, до смерти перепугавшийся, когда я вошёл. Кажет-

ся, он хотел закричать, но, узнав меня, передумал.

– Ты как тут? – спросил я, махнув ему рукой в знак приветствия и добрых намерений.

Он посмотрел на меня, словно бы взвешивая все возможные варианты ответа и думая, какой из них будет лучше и безопаснее озвучить. В конце концов, он не нашёл ничего лучше, чем шёпотом, едва слышно сказать:

– Я собака.

– Ты чего, дружище? Всё одно и то же, смотрю, повторяешь. Что с тобой?

– Я собака, – ответил Аркадий уже чуть более уверенно, словно бы даже гордясь тем, что говорит, как гордится собою школьник, сходу выдавший правильный ответ на каверзный вопрос учителя.

– Да не собака ты! Откуда ты это взял? Что они там с тобой такое делали?

Аркадий открыл было рот, чтобы снова повторить то, что он озвучивал ранее, но вдруг подбородок его дрогнул. Глаза покраснели, из них полились слёзы. Он опустил взгляд, посмотрев на лежавшее на его коленях больничное одеяло и аккуратно погладив его, точно спящую кошку. Потом он вскинул голову и обратил на меня взор, вопиющий и одновременно преисполненный надежды.

– А ты можешь меня грохнуть? Её тоже: она тоже хочет.

– Ты чего? – только и смог ответить на это я.

– Я собака! – сказал Аркадий, улыбнувшись, будто бы я

был круглым идиотом, не понимавшим очевидного.

– Перестань! Что там случилось? Ты от меня ушёл с деньгами тогда, чтобы её с матерью отпустили, – я кивком головы указал на Ангелину, – Что потом было? Что там эти черти с тобой такого сотворили?

Аркадий рассмеялся. В дверь с другой стороны чуть слышно стукнули. Я поспешил уйти, прощаясь с Аркадием взглядом, полным жалости и откуда-то взявшегося чувства вины. Он смотрел на меня с задором, не переставая смеяться и одновременно ронять на одеяло слёзы. Больше мы с ним не виделись.

Я вернулся в коридор и стал ждать, пока Ира выйдет от медсестры.

– Ну как? – спросила она, подсев ко мне чуть позже на том же самом подоконнике.

– Да не знаю. Там они оба были. Она спала, он – нет. Со всем плохой какой-то. Крыша у него, похоже, всё... Съехала совсем.

– Ну, судя по твоим рассказам, ничего хорошего там с ними не происходило, – подытожила Ира, – Так что неудивительно.

– Да понятное дело. Просто жалко как-то. Не знаю. Тяжёлый осадок какой-то.

Ира хотела было сказать что-то ещё, но тут из дальнего конца коридора меня окликнул капитан Смирнов.

– Соколов!

– Я! – отозвался я и подошёл к нему.

– Осмотр прошёл?

– Так точно.

– В штаб идёшь сейчас со мной, докладываться. Говорить я буду. Если не спросит ничего – молчи, понял?

– Так точно.

– Тогда вперёд.

В кабинет к полковнику мы вошли вместе. Я чувствовал лёгкий трепет, как перед важным экзаменом или визитом к завучу, но бесконечных опустошающих переживаний, которые раньше сопровождали бы меня всю дорогу, больше не было. Под конец дня я был выжатым лимоном, да и в целом потерял способность и необходимость из-за чего-либо волноваться и переживать. Будь что будет – так я думал.

– Значит, троих бойцов потеряли? – переспросил Старков, заслушав доклад капитана.

– Так точно.

Полковник перевёл взгляд на меня, затем – снова на капитана.

– Ладно, это потом обсудим. Этого зачем привёл?

– Потери были среди тех, кто впереди колонны шёл, та-ш полковник. Этот рядовой был одним из них.

– Один живой остался, значит?

– Так точно.

– В рубашке родился малой. А привёл-то его зачем?

– Чтобы он доложил обо всех обстоятельствах гибели лич-

ного состава. Он был свидетелем.

– Да-а... – махнул рукой полковник и откинулся на спинку кресла, которое раньше, кажется, принадлежало мэру города, – Перескажешь потом с его слов. Тут с группой вон связь потеряли – вот проблема. Да и люди там такие были... Сложные. Погоди-ка... Этот пацан – это тот, который из Знаменского тогда то уходил, то возвращался?

– Так точно.

– Который на Радугу наводку дал?

– Этого не могу знать, та-щ полковник.

– Он, он. Хм-м... Ясно. Так, рядовой – свободен. С тобой, капитан, ещё потолкуем.

Я вышел из кабинета и дальнейший разговор полковника с капитаном слушал уже из-за закрытой двери. К несчастью, до меня доходили лишь приглушённые обрывки сказанного:

– ...троих человек угробил... ещё и затемно... хоть связь поддерживал – и то ладно... задача завтра... детали – потом, после развода... малой идёт – это точно... по усмотрению... сколько надо... если не объявятся, конечно...

– ...та-щ полковник, я... остальных тоже не на кого...

– ...замком или прапор на худой конец... с тебя я как со старшего спрашиваю... остальных – сам решай... кто инструктировал их, кто задачу объяснял – кого сам решишь...

– ...есть, та-щ пол...

Вскоре капитан Смирнов вышел из кабинета с угрюмым видом и велел мне идти за ним. Я слышал про негласное

правило армии, предписывавшее не отчитывать начальников при их подчинённых. Да даже если бы мы были не с капитаном, а с каким-нибудь сержантом из другой роты, с которым мы виделись бы впервые в жизни – всё равно. На старшего по званию нельзя было орать в присутствии младшего по званию, за исключением случаев, когда от посторонних ушей избавиться было никак нельзя. Поэтому-то полковник и выдворил меня, прежде чем сказать Смирнову всё, что он думает о нём и о качестве выполнения задачи, поставленной его подразделению. Хотя в чём проблема? Задача ведь выполнена, так или иначе. В любом случае, я не мог надеяться на то, что Смирнов, выйдя из кабинета, начнёт откровенничать и раскроет мне детали своего разговора со Старковым. Даже в мире оживших трупов такое относилось к разряду фантастики. Поэтому до выхода из штаба мы дошли молча. После Смирнов отправил меня в гостиницу, велел хорошенько выспаться. Вид у него был печальный.

Я вернулся в номер, который теперь был только наш с Ирой. Встретив меня на входе, она тут же принялась расспрашивать обо всём. Я рассказал ей только то, что знал, и то, что доподлинно слышал. Все свои умозаключения и предположения я решил оставить при себе. Потом она захотела услышать подробности дневного происшествия: как так вышло с Лопатиным и со всеми другими, и всё такое прочее. Я и рассказал. Она поведала мне о том, как они отбивались от толпы, возникшей перед ними откуда ни возьмись.

– Мне кажется, троих я как минимум шлёпнула тогда, – не без гордости доложила она.

Я шутливо погладил её по голове, мол, молодец, дорогая. Потом рассказал про тех, кого пришлось убить мне.

– Тебе как вообще, нормально в них стрелять? – спросил я, надеясь, что Ира скажет что-то отличающееся от того, что думаю по этому поводу я. Мне хотелось, чтобы у неё затряслись руки, чтобы она начала говорить о том, как это всё неправильно, и как она чувствует себя виноватой за каждую пулю, пущенную в голову заражённого. Мне хотелось, чтобы она напомнила мне, что мы стреляем по людям – хоть больным и безобразным, но людям, – что ей тяжело думать о том, что все эти мертвецы когда-то жили, грустили и радовались, как и мы, и что она не может отделаться от мысли, что всех этих заражённых, скорее всего, постигла та же участь, что и её родителей. И что все эти трупы на улицах тоже когда-то были чьими-то родными и близкими. И что их тоже кто-то когда-то любил.

Но ничего подобного она не сказала.

– Конечно. А как ещё? Либо мы их, либо они нас. Чем скорее всех победим – тем быстрее снова нормально жить начнём, – ответила Ира.

– Вот и я так думаю, – подытожил я.

Только выйдя из душа, я вспомнил про Лопатина. Про то, что был на свете такой человек и про то, что ещё сегодня утром он тоже дышал, думал и чувствовал. На мысли эти

меня натолкнул всяческий личный скарб, разбросанный на его кровати. Там были какие-то ничтожные бытовые принадлежности: бритвенный станок, мыльница, туалетная бумага – всё то, что утром он не стал убирать к себе в тумбу, решив, что займётся этим по возвращении с развода или, на худой конец – с задачи. Но вышло так, что больше ни этим станком, ни мыльницей, ни туалетной бумагой никто не воспользуется. Человек ушёл, а вещи остались. Человек уходит, а вещи – остаются. Я вспомнил его лицо в момент, когда Смирнов направил на него пистолет. То было поистине лицо человека, оставившего после себя одну только туалетную бумагу. Мне хотелось вдоволь посмеяться над этой чёрной иронией судьбы. Но вместо этого я вдруг заплакал. Ира была в ванной, и я был счастлив, что она меня не видит. Я рыдал и одновременно торжествовал. Слезы водопадом лились из глаз и скатывались по щекам ко рту, растянувшись в улыбке. Мне было горько, и я оказался настолько рад, что у меня вышло, наконец, выпустить эту горечь, что я не мог сдержать восторг, смехом лившийся наружу. Я не понимал, что со мной происходит, но чувствовал, что должен насладиться моментом. И мне хотелось навсегда остаться в этой минуте помешательства. Что-то подобное уже было со мной давным-давно, когда мертвецы едва не сожрали меня заживо в машине, за несколько сотен метров до Ириного дома. Только теперь я был не при смерти, но напротив – чувствовал себя живее всех живых.

Вскоре всё прошло. Я взял себя в руки, утёр слёзы и привёл себя в порядок. Затем – сгрёб в кучу всё, что осталось после Лопатина, и выбросил в мусорное ведро в общем коридоре. Когда я вернулся, Ира только-только вышла из ванной с мокрой головой, обернутая в одно лишь большое белое полотенце. И я вдруг вспомнил, что кроме нас в этой комнате больше никого нет. И вспомнил я об этом с упоением.

День 111

Мы не выспались, но, несмотря на это, утром чувствовали себя хорошо. Мы вовремя подоспели на завтрак. Я был готов начать уплетать пельмени, щедро посыпанные чёрным перцем, но подошёл капитан Смирнов и забрал меня с, пожалуй, единственного утреннего мероприятия, ради которого всё ещё хотелось просыпаться.

– Соколов! – гаркнул он, подняв на уши всё помещение, в котором завтракала вся наша рота в полном составе и ещё несколько человек из других подразделений, находившихся, по всей видимости, в суточном наряде.

– Я! – откликнулся я.

Увидев, как я встал, он подошёл чуть ближе, чтобы не орать через весь зал.

– Заканчивай приём пищи. Старков вызывает.

– Товарищ капитан, я ведь ещё не начал даже...

– Вот и хорошо! Значит, и заканчивать нечего. Оружие в руки, и вперёд, за мной!

Я в спешке попрощался с Ирой, взял автомат и проследовал за капитаном, к радости кого-то из наших соседей по столу оставив на нём нетронутую тарелку с едой.

Мы шли по улице, мимо людей, направлявшихся по своим делам. Половина из них были в форме, половина – в гражданской одежде. В центр, к зоне, контролируемой бойцами Старкова, стягивались люди со всех окраин. Кто-то откликнулся на призыв, который днём и ночью крутили по радио и на местном телевидении, и записывался добровольцем, чтобы хоть как-то помочь в деле освобождения города от банд и мертвецов. Кто-то спасался от пресловутых мертвецов и мародёров, державших в страхе их район. Они, разумеется, могли и подождать, пока военные доберутся до их захолустьий и зачистят их по примеру всех прочих мест, по которым ежедневно ураганом проносились вереницы боевых машин, отстреливая заражённых, и группы, разбиравшиеся с бандитами, засевшими в бывших торговых центрах. Но, вероятнее всего, люди эти в какой-то момент решали для себя, что они и так ждут уже слишком долго, отчаивались и устремлялись в путь, лелея надежду когда-нибудь вернуться в свои дома.

Одним из таких людей был тот человек с густой бородой, которого я повстречал во время своего путешествия к Ире. Я увидел его этим утром, среди прочих мужчин в гражданском, получавших какие-то инструкции от офицера возле склада неподалёку от штаба. Увидел я его мельком, и заговорить с ним у меня не было шансов, но я был абсолютно точно

уверен, что это он. Такую бородищу ни с чем не спутаешь! И хотя знакомы мы с ним до этого были лишь мельком, и я даже не знал его имени, я был рад, что с ним всё в порядке. В конце концов, если бы не он, неизвестно, как бы вообще всё обернулось.

Пока мы проходили мимо той группы людей в гражданском, я всё смотрел на старого знакомого, и капитан, должно быть, это заметил.

– Кого там увидел? Привидение? – спросил он.

– Нет, товарищ капитан. Так, из прошлой жизни один чувак.

– «Чувак»... Значит, слушай внимательно. Пока не пришли, вкратце тебе обрисую, что к чему. Вчера днём связь пропала с дизелем. С дисциплинарной ротой в смысле, вернее – с её частью. Конкретно – с теми, кого отправили малышей забирать из спорткомплекса, про которых ты же, кстати, и говорил тогда Старкову с другими полканами. Подробностей не знаю. Вчера командир сказал только, что пойдём мы с тобой и ещё несколько ребят, кого возьму. За каким хреном ему я понадобился – не знаю. Это ж надо: офицера к солдату приставить! В общем, ты по любому идёшь как проводник, а я, видать, под горячую руку попал с теми троими, которые вчера полегли. Говорил сначала, что после развода сегодня соберёт, но решил, видимо, не ждать – сейчас вызвал. Ты там если перекусить захочешь – посмотрим: может, время останется – найдём тебе пайку.

– А что именно сделать-то нужно будет, товарищ капитан?

– Щас он всё и расскажет сам. Найти пропавших, наверное. Или выяснить, что с ними стряслось. Шутка ли: десяток с лишним человек и техники несколько единиц. Если полегли – надо будет узнать, где, чтобы имущество хотя бы вернуть. Но, сдаётся мне, дело тут не в этом.

– А в чём?

– Свалили бойцы – вот, в чём. До этого дожидались, пока их на работу с поддержкой не отправят, а как поймали момент – улизнули куда подальше. Этого и следует ожидать, когда роту целиком из штрафников комплектуешь. Но куда же: думает ведь, что он... Ай, ладно, – махнул рукой капитан, – Это уже не для твоих ушей.

Я не стал любопытствовать и выпытывать у капитана подробности. По правде говоря, мне было всё равно. Всё, что я делаю здесь – работа, от которой у меня нет варианта ни отказать, ни улизнуть. К тому же, кто я тут? Простой рядовой, дело которого маленькое: иди туда, куда скажут, и делай то, что велят. К чему, в таком случае, беспокоиться об опасности или сложности порученной задачи? Гораздо проще закрыть на всё это глаза и слепо довериться своему командиру, став немым воплощением его воли. Смирнову я доверял сверх меры: мне казалось, что уж он-то точно знает, что делает. Старков, в прочем, у меня тоже не вызывал вопросов, если не считать ту историю с помилованием бандитов из Радуги.

Мы вошли в штаб, поднялись по лестнице и встали у двери в бывший кабинет мэра, а ныне – в ставку полковника. Смирнов постучал и попросил разрешения войти за нас обоих.

– Заходите, заходите, – сказал полковник, сидевший за столом в кресле мэра.

Я вошёл последним, не зная, следует ли мне закрыть дверь или оставить её распахнутой. Доводчик на ней решил всё за меня, медленно и с лёгким скрипом вернув её в изначальное положение.

– Значит, смотри, капитан, какой расклад, – сходу начал Старков, – Группа, как я уже вчера говорил, двигалась по направлению к спорткомплексу, в котором, как доложил твой боец, содержатся дети в количестве двадцати четырёх человек. Численность группы – пятнадцать человек, плюс четыре боевые бронированные машины с экипажем. Итого пятнадцать штрафников и экипаж из водителей и стрелков из отдельного взвода обеспечения. Отправлены они были на территорию, контролируемую заражёнными: если верить данным – в том числе от твоего бойца, – то шоссе вплоть до выезда кишмя кишит бродячим мясом. Есть, правда, вероятность, что мясо там рассредоточенное и не сбитое в стаи, а значит, скорее всего, трупы там все уже перемерзшие и маломобильные. Не суть. Суть в том, что группа была отправлена на рискованную задачу, прежде всего – по моей личной инициативе: если верить твоему бойцу, то детишки там уже

который месяц маются, и их ещё, условно говоря, вчера надо было вытаскивать. Но, видишь, первое время не до этого было: нужно было расчистить путь хотя бы до Северной и до выхода на шоссе. Потому-то штрафников и отправил: опасно. Отправил, надо сказать, лучших, пообещав им возвращение в их подразделения сразу после выполнения задачи. Даже поддержку из обеспеченцев послал... В итоге, либо группа с задачей не справилась и в полном составе – включая экипаж боевых машин – погибла от рук мертвецов, либо была уничтожена некой организованной группировкой с превосходящей боевой мощью, либо, что самое нежелательное, но что самое вероятное, дезертировала. Опять же – в полном составе, включая экипаж машин, если, конечно, их не обнулили штрафники, чтобы завладеть техникой. Ваша задача – отправиться по следам группы и установить её статус, подтвердив одну из версий или, может быть, узнав нечто новое. В случае, если станет очевидно, что группу задавили мертвяки, вам необходимо точно установить место происхождения и местонахождение техники. Последнее – самое важное. Если же мертвяков не обнаружите, а найдёте штрафников с пулевыми ранениями, раздетыми и разутыми где-нибудь в кювете – также обозначьте на карте место и вернитесь с докладом немедленно. Если же выяснится, что группа дезертировала – поиски прекратить, вернуться в пункт дислокации, обо всём доложить мне лично. Там уже будем думать, что делать. Уточнения на этом этапе?

– Как я пойму, что группа дезертировала? – спросил Смирнов.

– Правильный вопрос, капитан. Значит, смотри: связь с ними была потеряна почти сразу после прохождения последнего блокпоста на тракте. Дальше – тишина. Нужно выяснить, на каком этапе выполнения задачи группа отклонилась от плана. Траекторию движения при нормальном раскладе они менять были не должны: дальше по тракту, а потом – на шоссе и к спорткомплексу. Ваша задача – пройти весь маршрут, вплоть до конечной точки. Там – выяснить статус тех людей, которые засели в Северном. Малой твой там всех знать должен, если они ещё там, так что контакт установите сразу. Потом, если дети ещё там – докладываете об обстановке на дороге, и если всё более-менее чисто, то я отправляю Урал с бойцами. Если обстановка жаркая, но пробиться к спорткомплексу вам удастся – докладываете, ждёте, я отправляю уже серьёзную подмогу из числа тех, кто освободится с задач по зачистке. Если пройти к спорткомплексу не представляется возможным – тоже доклад, и там уже действуем по обстоятельствам. Если статус группы установите до того, как дойдёте до комплекса – докладываете. Если достигните конечной точки, не обнаружив группу – значит исходим из того, что группа дезертировала, не выполнив задачу. А там уж найдём собак: город-то маленький. Если они, конечно, на лыжи не встали и в путь-дорогу в далёкие края не отправились. Нынешними темпами к Новому году город

целиком будет зачищен, и каждая спрятавшаяся тварь будет найдена. А коли так – повешу этих скотов на новогодней ёлке на площади вместо игрушек. Но это так, лирика. Задача ясна, капитан?

– Так точно. Разрешите уточнить состав группы?

– Ты и пацан, – ответил Старков, кивком головы указав на меня, – Больше у меня свободных людей нет. Да и толпа тут тебе ни к чему.

– Та-щ полковник, но вчера вы же говорили...

– Что я говорил? – повысил голос полковник, вознамерившись как следует разнести капитана, но осёкся, вспомнив о присутствии нижестоящего по званию в кабинете, и продолжил уже ровным тоном, – Помню я. Говорил, что на твоё усмотрение будет. Говорил, что возьмёшь, сколько надо. То было вчера. На текущий момент обстановка другая. Люди нужны, понимаешь? Действовать быстро надо на всех направлениях, иначе банды успеют опомниться, сбиться в кучу, и тогда у нас уже будут проблемы посерьёзнее, чем бестолковые мертвяки. Если, конечно, этих проблем уже нет, а мы просто пока о них не знаем. Возвращайся к подразделению, назначь до развода себе заместителя, и в путь. Машину вам с малым к тому времени найдут, я уже солдатика отправил. Вопросы?

– Никак нет. Вопросов нет, – ответил капитан, и я совершенно точно знал, что он врёт. Как минимум один вопрос, разумеется, был у него в голове и не давал ему покоя,

приводя Смирнова в бессильную ярость и возбуждая в нём чувство вселенской несправедливости. Капитану до ужаса, до красных пятен злости на шее и на лбу хотелось задать Старкову вопрос: «Почему вы посылаете именно меня?» Почему не просто офицер, а командир подразделения должен идти с рядовым в разведку, да ещё и вдвоём? Почему вместо него нельзя отправить какого-нибудь толкового сержанта или максимум – прапорщика, как это делалось обычно, где-нибудь, скажем, в патруле? Капитана волновало это настолько, что мучившие его мысли, видимо, каким-то неведомым образом просачивались наружу. Иначе не объяснить слова полковника, которыми он попытался подбодрить капитана перед его уходом:

– Капитан, я тебя отправляю не в наказание за то, что ты троих вчера потерял, а потому что таким, как ты, доверять могу. Знаю, что ты сам мог бы и нормального сержанта к солдату приставить, который задачу бы выполнил. Но мне ты нужен. А то время такое: живые иногда хуже мёртвых могут оказаться. Понимаешь?

Смирнов только кивнул и ничего не сказал на это. Ответа и не требовалось. Я понятия не имел, что имеет в виду полковник, но капитан, кажется, находился с ним на одной волне и понял явный и скрытый смысл каждого слова.

– Да, кстати, – продолжил Старков, – Пойдёте оба в гражданке. В магазин тут зайдите в какой-нибудь, где шмотки, отоварьтесь. Если проблемы будут с патрульными или нерав-

нодушными – скажите, что я приказал, и чтобы со мной на связь вышли. Всё-таки вдвоём пойдёте, форму лучше не светить. А то мало ли.

– Есть, та-щ полковник, – ответил капитан, – Разрешите идти?

– Идите.

И мы ушли из кабинета, оставив полковника одного.

Я всё ходил хвостом за капитаном, пока он назначал заместителя на время своего отсутствия и пока отдавал ему и командирам взводов указания перед уходом, которые, в общем и целом, сводились к набору дежурных фраз и по существу своему являлись долгим, затянутым и витиеватым прощанием начальника с подчинёнными. Мне тоже хотелось попрощаться, и, выбрав подходящий момент, я отпросился у Смирнова на последнее свидание с Ирой.

– Пять минут тебе, – строго сказал капитан. Я, разумеется, не посмел возражать или хотя бы попытаться уговорить его на дополнительное время.

Ира была на набережной, возле ресторана, в котором мы завтракали, и готовилась к построению вместе с другими. Готовились все по-разному: кто-то стремился вдоволь накуриться перед долгим утренним разводом, кто-то пересчитывал патроны в магазинах, доселе покоившихся в подсумках, чтобы понять, нужно ли ему зайти на пункт боепитания, а кто-то прямо тут, на асфальте, судорожно чистил автомат, не успев, по всей видимости, сделать этого прошлым вечером.

Ира стояла в стороне. У неё всё точно было готово, и она могла потратить свободную минутку на болтовню с какой-то тёткой, с которой они были знакомы ещё со Знаменского. Я подошёл к ним и прервал их беседу.

– Слушай, тут такое дело, – начал я, – Нас со Смирновым Старков на район отправляет.

– На какой район? – с недоумением спросила Ира.

– На мой. Где дом мой. Потом – дальше, к Северному. Что-то типа разведки: надо группу пропавшую найти.

– А почему тебя?

– Я думал, спросишь, почему Смирнова. Как проводника. Я ж оттуда сам. И в спорткомплексе был.

– А при чём тут спорткомплекс?

– Там долго рассказывать, Ир, мне капитан пять минут только дал. В общем, ты будь аккуратнее тут, ладно? Не суйся никуда без надобности. Если что...

– Да знаю я всё, не маленькая. Ты-то как вообще? Надолго? Хоть вкратце расскажи, что за группа-то, и почему в спорткомплекс.

Я пересказал ей весь старковский брифинг так быстро, как только смог. Тётка, с которой до этого беседовала Ира, намеревалась было отойти в сторону, чтобы не быть третьей-лишней, но мой рассказ заставил её попруть всяческие приличия, остаться с нами и дослушать всё до конца.

– Жалко деток, – покачала головой она, – Дай бог, чтоб всё нормально было.

– Да, – машинально бросил я, не обращая на тётку никакого внимания, – Вот такие дела, в общем. Так что не знаю, как там всё пойдёт. Может, до вечера вернёмся. Может и нет – кто его знает.

– Ты там береги себя, – с нежностью сказала Ира.

– Ты тоже. Ты – особенно, слышишь?

– Не бойсь, пригляжу за ней, – вновь вмешалась в разговор тётка. Я был скорее рад услышать это, чем был раздражён присутствием посторонней дамы при нас двоих в такой деликатный момент.

– Соколов! – окликнул меня капитан, закончивший разглагольствовать перед сержантами, прапорщиками и старшим лейтенантом, которого он оставил вместо себя.

– Я! – нехотя ответил я, не глядя на него.

– Голов... Ай, ладно. Давай, всё, заканчиваем свидание. За мной!

Я крепко обнял Иру и поцеловал её так, будто нас обоих вот-вот должен был расплющить упавший с неба метеорит. Я знал, что у меня есть ровно несколько секунд, прежде чем капитан придёт в ярость и устроит мне прилюдную взбучку за то, что я его ослушался. Но я готов был это перетерпеть, лишь бы сейчас поймать момент и попрощаться с моей любимой как следует.

Словно бы уже тогда я знал, что вижу её в последний раз.

Голова снова поплыла. Возможно, оттого, что я уже

слишком долго не спал, а возможно, из-за того, что долго и безотрывно писал всё это. Хотя какое там долго? Еле-еле настрочил пару страниц, даже не приблизившись к финалу. Впрочем, грех жаловаться. Хорошо хоть, что вообще взял тем утром с собой дневник, иначе он так и остался бы где-нибудь там, на тумбе в гостинице. Ручку, правда, я изначально не захватил, но то было делом наживным. Главное – это сама тетрадь. И то, что она всё-таки осталась со мной.

Я положил его во внутренний карман формы утром: перед тем, как мы пошли на завтрак. Не знаю, что заставило меня это сделать: на зачистку проспекта Второго сентября я её с собой не брал, хотя следовало бы. Видимо, тогда я откуда-то знал, что всё обойдётся. А перед тем походом со Смирновым к чёрту на рога подспудно почувствовал какой-то холодок опасности. Может, это был разговор между Смирновым и Старковым, который я подслушал через дверь, и из которого сразу понял, что мне вместе с капитаном предстоит сделать нечто трудное и опасное. А может, это всё та ночь, которую Ира и я провели друг с другом, и после которой я, находясь на пике счастья, поймал себя на мысли, что теперь мне будет не страшно и не жаль умереть, если судьба так распорядится. Понятия не имею. Главное, что я взял эти записи с собой и благодарен случаю за это.

Никто по-прежнему не приходит. Мы – по-прежнему на

старом месте. Она спит, свернувшись клубочком в дальнем углу, а я – сижусь у окна, привязанный к батарее за искусанную руку. Решил сделать это на всякий случай: не хочу навредить ей, когда всё случится. Не хочу вообще никому навредить. Надеюсь, кто-нибудь придёт до того, как произойдёт неизбежное, и что до этого момента мертвяки не исхитрятся прорваться к нам. Вроде, сейчас они затихли: видимо, на что-то отвлеклись. Возможно, остался в живых кто-то из наших, и этот кто-то ещё задаст тут всем жару. Хотя вряд ли. Вся надежда на них – растреклятых волшебников в голубых вертолётах. Чёрт побери, что я несу? Видимо, начинаю бредить. Нет, это вряд ли – просто устал, вот и всё.

Следующий шаг – выпить что-нибудь от головы и, может быть, профилактически напицкать себя какими-нибудь антибиотиками, как это делал Ирин отец перед тем, как отдать концы. Возможно, именно благодаря таблеткам и уколам он протянул тогда так долго: если учесть то, куда его укусили, то он должен был умереть гораздо раньше. Он же умудрился ещё и смыться из квартиры под покровом ночи, незаметно прошмыгнув мимо всех. Я помню наш последний разговор. В своей предсмертной записке он благодарил меня за нужные слова, хотя я всего-то прокрался к нему поздним вечером и убедил признать очевидное: что он умирает, и что если он умрёт здесь, то точно в таких же муках вскоре будет умирать его жена и его дочь. Немного подумав,

он разоткровенничался и сказал мне, будто бы он далеко не всегда жил так, как следовало жить при них, чтобы и им – его самым дорогим и близким людям – рядом с ним не всегда было хорошо. А потом он сказал, что для прожившего противоречивую жизнь достойная смерть – лучшая заслуга. Бог знает, что он имел в виду. Наверное – тоже бредил. Так или иначе, после этого разговора он написал то письмо и решил выйти наружу, отвлечь заражённых от выхода во двор дома и умереть где-то там, среди них: вечно голодных и стенающих мертвецов. Пожалуй, это не самый плохой вариант. Если под конец всё будет так же плохо, как сейчас – я тоже попробую сделать что-то подобное. Но сначала... Сначала, как и ему, мне нужно оставить в этом мире свою предсмертную записку. Моя, правда, будет слегка длиннее, чем его: раз эдак в сто. Строго говоря, это даже не записка, а трёхзначное число записок, сквозь которые нашедшему их предстоит продраться, если он захочет узнать мою историю. А уж это ему лучше сделать, если он – или она – хочет остановить вымирание и спасти наш город. Хотя бы наш родной, любимый город. А там, быть может, и весь остальной вымирающий мир, которому, судя по всему, ещё только предстоит настоящая борьба за выживание.

Запись 22

День 111

Мы проходили мимо онкодиспансера, когда раздался

взрыв, и одно из окон нынешнего медпункта вылетело осколками на проезжую часть. Капитан Смирнов и я как раз направлялись в небольшой торговый центр через пару кварталов, чтобы разжиться гражданской одеждой. Это внезапное происшествие на какое-то время задержало нас.

Погиб один солдат, по просьбе медсестры принёсший в одну из палат столовский завтрак. У этого самого солдата Аркадий и выхватил гранату, а затем в ту же секунду выдернул чеку и отправил на тот свет Ангелину, себя и ещё одного двадцатилетнего паренька, только-только начинавшего жить.

Взрыв переполошил всех: куча людей сбежалось, чтобы поглазеть на произошедшее. Благо, тушить было нечего: палата не загорелась. Мы с капитаном подоспели одними из первых, и в конце концов именно нам выпало вытаскивать трупы наружу. Солдата убил осколок, и среди прочих мертвецов в комнате выглядел он краше всех. Аркадию с Ангелиной разорвало животы. Её труп лежал на кушетке, а его – на полу навзничь. По всей видимости, Аркадий зажал гранату между ними, лёг на Ангелину и обнял её в последний раз. То, что один из осколков при таком положении гранаты смог зацепить солдата, капитан назвал большим невезением. Он хотел было сразу схватить ближайшее к выходу тело за руки и велеть мне тащить противоположную часть, но было кое-что ещё, что нужно было сделать перед этим.

– Товарищ капитан, подождите, – сказал я, – Надо их в

голову ещё по разу. Добить.

– Хм... Точно.

Капитан достал пистолет, и раздалось ещё три громких хлопка. Затем мы, наконец, вытащили тела на улицу, и там ими занялись уже другие люди. Мы же направились туда, куда шли изначально: к торговому центру. Уже на повороте к нему мимо нас пронёсся Урал. Тент сзади на нём был откинут, и можно было разглядеть всех, кто находился внутри. У самого края, со связанными руками и со взором, потупленным в пол, сидел Тоха. Рядом с ним были и другие люди, выглядевшие точно так же.

– Товарищ капитан, куда их везут? – спросил я, не ожидая, что капитан сам хоть что-то знает и хоть что-то расскажет мне.

– Кого?

– Вон, тех, в Урале.

– Да бог его знает, – пожал плечами он, – На задачу, наверное, едут, бойцы чьи-то, которых уже развели. Наши-то только-только из столовой вышли – значит, точно не они.

– Там пленные мародёры, которых привезли несколько дней назад. У них руки связаны.

– А, ну значит в Знаменское их этапируют. На передержку. Оттуда подкрепление пришлют скоро. Может, кого-то, кто давно на передовой, за ними приглядывать отправят, но это будут так, единицы. А тебе до них какая печаль?

– Да так, любопытно просто, – ответил я, думая, что бу-

дет здорово, если этот самый Урал по дороге перевернётся и сторит к чертям собачьим. Даже если это будет стоить жизни водителя ни в чём не повинных конвоиров – пускай. Лишь бы все в кузове сдохли, и сдохли в муках. Жаль, что теперь я уже никогда не узнаю, что произошло с ними в конечном итоге. И жаль, что они проживут дольше, чем я. Хотя, кто знает.

В магазине мы отоварились быстро. Капитан в считанные минуты выбрал себе одежду и велел мне тоже не задерживаться и не модничать. А жаль: после стольких дней в форме было наслаждением снова поразглядывать обычные шмотки. В итоге командир облачил себя в широкие штаны с карманами цвета хаки и зелёный пуховик с меховым воротником. Непонятно было, в чём состоял великий смысл смены гардероба с формы на гражданку, если капитан всё равно выбрал для себя защитную цветовую гамму. Я же постарался одеться пёстро и дорого: на тёплый шерстяной свитер накинул умопомрачительной стоимости кожаную куртку, обмотал шею кашемировым шарфом, а ноги защитил от холода джинсами с начёсом. Проблемой стало рассовать магазины к автомату по тесным карманам этой самой куртки, да к тому же ещё и втиснуть как-нибудь за пазуху свой толстенный дневник, зачем-то взятый поутру с прикроватной тумбы. Но я со всем справился, а вместительная поясная сумка, найденная в том же самом дорогом отделе, помогла мне решить проблему дневника, никуда более не помещавшегося.

Закончив примерку, я предстал перед командиром, найдя его в крохотном, непритязательном отдельчике на первом этаже.

– Губа не дура, – сказал капитан, осклабившись.

– Беру от жизни всё, – пожал плечами я.

– Шапку не забудь, а то менингит тоже от жизни возьмёшь.

Капитан бросил мне первую попавшуюся под руку тёплую, но неказистую шапку и объявил, что шопинг наш завершён, и мы выдвигаемся немедленно. Я вздохнул, надел на себя нелепый головной убор, портивший всё, и последовал за командиром.

Следующим пунктом плана была машина. Её прямо ко входу в торговый центр подогнал один из патрульных, которого, судя по всему, на эту работу подрядил Старков. Машина была новая, почти не тронутая войной с трупам. Ближущий на солнце чёрный седан, казалось, только-только выехал из мойки. Когда я сел в него на переднее сиденье, то почувствовал себя пассажиром такси класса «комфорт», а отнюдь не скаутом, отправленным в мертвецкий край с поисковой миссией. Капитан, хоть и старался этого не показывать, тоже испытывал удовольствие, омрачённое только думами о недавнем происшествии в медпункте, невольными свидетелями которого стали мы оба.

Чем больше я думал о судьбе Аркадия и Ангелины, тем сильнее хотелось мне вернуться к Ире и не отходить от неё

ни на шаг. Я стал тревожиться за неё, едва мы выехали на тракт и стали удаляться от центральной части города. В конце концов я решил, что последнее, что я мог бы сделать сейчас – это выхватить у капитана руль, вытолкнуть его из тачки и отправиться обратно на базу, а там – взять в охапку Иру и умотать в закат, подальше от пламени войны за выживание города. Я всё равно отправлюсь дальше, и всё равно буду делать то, что должен, как, впрочем, и Ира. А раз так, то к чему тревожиться? Мы сами выбрали свою судьбу и то, как хотим провести остаток своих дней на этом свете. Я сам выбрал не оставаться в Надеждинском и не склоняться к этому Иру, пытаюсь переубедить её бросаться на амбразуру и записываться в ряды освободителей города от зомби. И потому теперь есть только я, и есть приказ, который я должен выполнить. И ещё есть тревога, сантименты и душная грусть по погибшим друзьям, которые, в каком-то смысле, умерли уже давно: там, в Радуге, в плену у больных на голову бандитов, которых Старков решил оставить в живых. И от последнего обстоятельства ко всем горьким чувствам примешивается ещё и ярость, и гнев на несправедливость произошедшего, и досада от неспособности ровным счётом ни на что повлиять. Всё это – тревога, страх, тоска и гнев, – лишь мешают мне делать то, что я всё равно должен буду сделать. А потому лучше по крайней мере постараться задушить эти чувства в зародыше. Так и в моменте самочувствие улучшится, и потом, когда я вновь сяду за дневник, не придётся тратить его

драгоценные страницы на пережёвывание всего этого семидневия треволнений, терзавших в момент описываемых событий моё нутро. Вспомнив про дневник и про то, как я изливал душу на его страницах когда-то давно, ещё сидя в стенах собственной квартиры, я невольно хихикнул.

– Настроение приподнятое, боец? – заметив мой внезапный смешок, спросил капитан.

Я решил, что разговор с ним – хороший способ отвлечься от посторонних мыслей.

– Да не то что бы, товарищ капитан. Так, вспомнил кое-что.

– Так ты этих, в госпитале, знал, получается? – спросил вдруг он. По всей видимости, отвлекать меня от унылых дум в его планы не входило.

– Да. С парнем в школе вместе учились. Потом, после всего, вместе в Радуге сидели: дожидались, пока всё рассосётся.

– А потом что?

– Потом в Радугу пришли те уроды, которых сегодня в Урале в Знаменское везли. Убили одного паренька – тоже из школы из нашей – и его отца. Я тогда убежал. Позже встретил как-то человека, который в Радуге тогда остался. Он рассказал мне, что эти скоты там потом творили: кого ещё убили и замучили. Эти ребята, которых мы сегодня вытаскивали, там пробыли все три месяца с небольшим. И я уж не знаю, как там над ними издевались, что они оба такими стали.

– Какими?

– Парень говорить перестал. Словарный запас скукожился до двух слов: «Я собака». А девушка – вы сами видели. Ходячий скелет. Всё лежала там и плакала, и тоже ничего не говорила. А те, кто это с ними сделал, как ни в чём не бывало на свободе разгуливают.

– Ну, во-первых, не так уж и на свободе. Во-вторых, сам знаешь: руки нужны сейчас. Лучше пусть работают и пользу приносят, чем просто в застенках сидят на дармовых харчах. А в-третьих... В-третьих, это не самое спорное решение командира. Если сравнить это с тем, что он в первые дни войны творил... То сейчас он, считай, ласковый.

– А что там такого было, в первые дни, товарищ капитан?

– Да много чего. За нарушение дисциплины – расстрел, за то, что уснул в наряде – расстрел, за пьянку, мародёрство и всякое такое бесчинство – расстрел командира. За одного дезертира – каждого седьмого в подразделении в расход. Это всё поначалу, когда людей море было, вместе с охранниками из его же конторы и вместе с ментами, которые не разбежались и не попрятались. Жёсткая дисциплина нужна была тогда, но Старков палку перегибал. Потому и побежал народ после того, как из города отступили. Сначала в никуда бежали, а потом, как слухок прошёл, что мэр Гросовский в деревне на своей даче закрепился, так стали целенаправленно к нему уходить. После этого всего командир тактику поменял: роту штрафников сделал, и в целом как-то хватку ослабил. Но, как видишь, и это тоже не сработало. Иначе бы

мы с тобой сейчас к чёрту на рога не ехали.

– Я там вырос, в том районе, товарищ капитан.

– На чёртовы рога обиделся? Не обижайся. Это ж факты, а я так, озвучиваю просто.

– Вы сами-то откуда? – усмехнувшись, сказал я. Мне нравилась тональность нашего разговора: вместе с формой мы сняли и наши знаки различия, став теперь просто двумя обычными гражданскими людьми, едущими на роскошной тачке по разорённому эпидемией городу. Просто один из нас был чуть постарше, а другой – моложе.

– Жил там же, где и служил: в городке-спутнике на юге. А родом вообще из деревеньки небольшой: километров пятьдесят по трассе после Юго-западного моста.

– Это тот же мост, после которого трасса на Надеждинское и Знаменское?

– Нет, это восточный. Юго-западный – дальше, по пути к городу с АЭС.

– Никогда там не бывал, – пожал плечами я, так и не поняв, о чём идёт речь.

– Может, и побываешь ещё. Вся жизнь впереди. Даст бог, на следующий год всё более-менее на ноги встанет. Мертвяков вычистим, бандам руки заломим. Будешь ещё с девчонкой своей на такой же тачке рассекать по улицам и не бояться, что кто-то на тебя выпрыгнет. Демобилизуешься, правда, ещё не скоро: в городе надо будет и порядок поддерживать, и за периметром следить – люди нужны будут. Но хоть не

как гражданский человек, а как военнотружущий – всё равно поездишь. Может, и в звании к тому времени подрастёшь.

Рассказ капитана звучал как сказка, которой не суждено было претвориться в жизнь. И всё же, думать о том, что когда-нибудь война с мертвецами и впрямь может остаться позади, было приятно.

Вскоре мы проехали последний блокпост. Он состоял из двух фур, заграждавших все полосы тракта, и двух солдат, несших службу в здешнем патруле. Опасная работёнка. Но солдаты, по всей видимости, не жаловались: автономное существование вдаль от центра принятия решений их ничуть не тяготило. Прежде чем патрульные связались со своим начальником, капитан Смирнов связался напрямую со Старковым, и тот потребовал нас пропустить. Солдаты отогнали одну из фур, и мы выехали с контролируемой военными части города. Отсюда до Радуги оставалось совсем недалеко.

– Почему эти штрафники раньше не сбежали? Их же уже посылали сюда на задачи, – спросил я, больше размышляя вслух, чем надеясь услышать ответ.

– Они без поддержки ходили, наверное. А тут им машины дали. Выжидали момент, видимо. Хотя, может, мы ещё зря о них плохо думаем.

Дальше блокпоста тракт наполнился искорёженными автомобилями и кусками тел, которые ночами заметал уже начавший ложиться на землю снег. Опасности эти тела не представляли: все они совершенно точно были мертвы. Един-

ственное, из-за чего стоило переживать – это из-за скользкой дороги и отсутствия у нас зимней резины. Капитан сбавил скорость, чтобы мы ненароком не угодили в аварию.

Через время я начал узнавать места, которыми мы с Лёхой пробирались к спорткомплексу. Пробка, образовавшаяся на шоссе, была по-прежнему на месте. Всё те же машины: где-то открытые, где-то – с выбитыми стёклами. Всё те же трупы, застывшие теперь на месте и если и реагировавшие на нас, то очень запоздало. Я посоветовал капитану двигаться по левой стороне. Он так и поступил. Мы проехали заворот на улице Северную, затем проехали автосалон, в который когда-то планировали с Лёхой заглянуть, если не найдём машину на шоссе, и в конце концов мы остановились возле поворота на спорткомплекс. Никаких следов пропавшей группы мы к тому моменту не обнаружили.

– Ну, проводник, веди, – сказал капитан, когда мы вышли из машины. С ним был его пистолет. Со мной – автомат и несколько запасных магазинов в куртке. Судя по всему, стрелять в случае чего пришлось бы мне, поэтому я изрядно волновался, боясь при случае всё запороть и не оправдать надежд, возложенных на мою меткость и скорость реакции. Впрочем, выбора у меня не было: я должен был держать себя в руках и должен был поражать цели безупречно, если возникнет такая необходимость.

Мы вышли на тропу, ведущую к спорткомплексу, прошли немного и миновали будку, в которой раньше сидел карауль-

ный с разряженным автоматом.

– Мы на месте, та-щ полковник. Пока – никаких признаков жизни, – доложился капитан.

– Понял. Держи в курсе.

Мы достигли здания спорткомплекса Северный, и там тоже всё было тихо. Не похоже было, что внутри кто-то есть. Но зайти нам всё равно было необходимо.

– Ухо остро, малой, – давал последние наставления капитан перед тем, как открыть главную дверь, – Не забывай сначала выманивать их из-за углов шумом и только потом уже заходить или в поворот коридора вписываться. Разделяться не будем: опасно. Вместе обходим все этажи и все помещения.

– Понял.

Внутри было холодно, темно и тихо. Мы прошли первыми коридорами и направились напрямиком в спортивный зал, где раньше располагались спальные места детей. Зал был пуст. Койки по-прежнему стояли на своих местах, аккуратно расправленные и выровненные друг относительно друга. Но людей не было.

– Следов беспорядка нет, – снова доложился капитан, – Те, кто тут находился, скорее всего, снялись и ушли. Ничего необычного не наблюдаем.

– Проверьте все этажи, – распорядился полковник.

– Сделаем.

На неспешный осмотр каждого закоулка огромного зда-

ния у нас ушло не меньше полчаса. Я снова побывал в кабинете с параматорами и там рассказал капитану о том, какая это славная находка для нынешнего времени: времени, когда улицы городов наводняют трупы.

– А ведь и правда – вещь, – сказал на это он, – Можно ввести воздушный патруль и экономить людей, не расставляя их в каждом квартале. Только вот зима настанет, и всё это без толку. Если только патрульного не одевать как на Северный полюс. Хотя, можно и на такое пойти.

Мне понравилась идея того, чтобы стать одним из таких патрульных и заниматься отныне одними лишь полётами над городской застройкой, без необходимости ежедневно бегать по улицам и стрелять в еле шевелящихся заражённых. Я надеялся, что капитан не забудет доложить о находке по возвращении в штаб.

Когда здание было осмотрено вдоль и поперёк, капитан сделал финальный доклад.

– Ясно. Хм... По дороге тоже не было никаких следов? – спросил шипящий голос полковника, перемежавшийся с по-мехами.

– Никак нет. Мертвецов активных тоже не было: все как будто бы в анабиозе. Думаю, что задрать бойцов – тем более на бронемашинах – они не могли. Никаких следов перестрелок на всём протяжении тракта мы тоже не обнаружили.

– Значит, либо они отклонились от маршрута, и что-то случилось там, либо они отклонились от него совсем и от-

правились в своё маленькое путешествие. Тем хуже для них, если остались в городе. В общем, сворачивайтесь, возвращайтесь на базу.

– Товарищ капитан, – сказал я, начав говорить ещё перед тем, как полковник дал своё указание, освобождавшее нас от дальнейших забот. О, как бы всё могло повернуться, если бы я только этого не говорил!

– Ну? – спросил капитан.

– Да нет, ничего, так...

– Говори давай, не томи!

– Я вспомнил ещё про два места, которые можно проверить. Первое – тут недалеко. Второе – дом на улице Северной. Маловероятно, но там мог остаться человек, который знает, куда все отсюда подевались.

– Это точно?

– Не знаю, – пожал плечами я, – Просто как вариант.

Капитан несколько секунд колебался, думая, стоит ли сообщать обо всём полковнику. Ему, разумеется, тоже хотелось, чтобы вылазка наша поскорее закончилась, и он вернулся к своим командным обязанностям. В конце концов, он решил передать информацию Старкову, и тот приказал нам проверить те два места, о которых я говорил.

Первым местом была яма в лесу, предназначенная для поимки живых мертвецов и их концентрации в ней. Личный проект майора специального отряда полиции, приглядывавшего за детишками здесь. Посмотреть на неё мне хотелось в

первую очередь из праздного любопытства: хотелось узнать, чем всё-таки закончилась эта авантюра, и поймал ли майор в свою ловушку хоть одного мертвеца, как планировал. В том числе мне, само собой, хотелось убедиться, что в этой яме нет никого из бывших постояльцев спорткомплекса. Капитану я обо всём этом не сказал: узнай он, он решил бы, что идти в лес ради такого не имеет ни малейшего смысла.

Яма была закончена. Когда мы добрались, то увидели огромное углубление в мёрзлой земле, на дне которого, замерев и не шевелясь, стояли мертвяки и смотрели прямо перед собой невидящими глазами. На них не таял снег, и многие имели на головах эдакие белые пуховые шапочки. На нас они реагировали очень сдержанно: даже когда мы издавали какой-нибудь звук, они только поворачивали лица в нашу сторону, но рук к нам не простирали и не стремились теперь даже попытаться дотянуться до нас оттуда, из глубины ямы. Один из трупов ближе к середине показался мне знакомым. Кажется, это был тот самый майор, чьим детищем и была эта странного вида ловушка. Если так, то по иронии судьбы он угодил в неё сам. Бедолага.

– И что мы здесь делаем, всё-таки? – спросил капитан.

– Ничего. Думал, вдруг кто-то из тех, кто внутри, умер. Тогда их трупы были бы здесь.

– С чего бы это?

– Не знаю, – честно признался я, – Мне так показалось. В любом случае, их, наверное, надо перестрелять.

– Они отсюда никуда не выберутся, – сказал было капитан, явно не горевший желанием расходовать патроны понапрасну, но немного погодя добавил, – А впрочем – да. Мы ж, вроде, этим и занимаемся: ликвидируем заразу. Значит, и этих надо обнулить. Давай, доставай автомат. Только одиночными и сразу в голову! За каждый промах спрошу с тебя, понял?

Я молча прицелился и открыл огонь. Пять минут спустя яма стала братской могилой для всех, кому не посчастливилось там оказаться. Мы с капитаном продолжили путь.

– А на Северной на этой что? Опять какое-то твоё «кажется»? Или туда мы уже за делом идём? – спрашивал Смирнов, пока мы шли обратно.

– Там дом один есть. Северная двенадцать, квартира тридцать два. Это адрес одного паренька, которого мы с одним знакомым нашли в подсобке пивнухи, мёртвым. Потом выяснили, что паренёк этот был братом одного из тех взрослых, что сидели тут с малышами. Вот я и думаю, что, если малышей куда-то перебазировали – а они точно куда-то отсюда ушли или кто-то их увёл, – то тот самый взрослый, когда с его плеч ответственность сняли, мог вернуться к себе домой. И он, может быть, знает, в чём дело.

– Штрафников нам это найти не поможет.

– Зато детей найдём. Изначально полковник ведь за ними группу отправил, так? Вот и установим их местонахождение, и выполним хотя бы какую-то задачу, а не совсем вернёмся

ни с чем.

– Многовато думаешь для солдата, – заметил капитан, – И решений много на себя берёшь. То, что полковник про твои места услышал и сказал проверить – ты по этому поводу не обольщайся. Проверим и, если ничего не найдём – на базу. Не весь день же тут шастать.

– Я тоже хочу вернуться, товарищ капитан. Просто... Не знаю, предчувствие какое-то есть.

Дойдя до дороги, мы сели в машину, развернулись и выдвинулись теперь в сторону улицы Северной. Ничто не преградило нам путь. Я вспомнил, как ехал по этой же дороге два с лишним месяца назад, когда направлялся к Ире. Мертвецы встречались мне через каждые несколько метров, и иногда их было по нескольку на отдельно взятой точке пространства. Сейчас же мы не наблюдали никого, кроме тех мертвецов, которые уже умерли во второй раз. Это наводило на мысли о том, что по шоссе уже проезжал кто-то, кто зачистил его от замороженных, пребывающих в стазисе зомби. Соображениями своими я делиться с капитаном не стал: решил, что они преждевременны.

Свернув на Северную, мы проехали несколько кварталов, прежде чем оказались возле дома двенадцать. Там нам оставалось найти нужный подъезд, отпереть дверь и подняться в нужную квартиру. Вход в подъезд находился во дворе. Там же нас поджидали два тела, вставших столбами посреди детской площадки. С неба валил снег. Мертвецы смотрели на

падавшие сверху хлопья с раскрытыми ртами, будто бы пытаясь поймать снежинки ртом. Я вскинул было автомат, чтобы расправиться с ними, но капитан остановил меня.

– погоди. Давай я. Хочу ближе подойти, понаблюдать.

За чем хотел понаблюдать капитан, мне было невдомёк. Кажется, он следил за их поведением и пытался понять, насколько они окоченели и обездвижены. Он подкрался к ним, а затем – резко и громко кашлянул, стремясь обратить на себя внимание заражённых. Те повернули головы на звук и во все глаза уставились на Смирнова. Потом тот, кто находился ближе к нему, шевельнул всем телом, чуть приподнял явно ослабевшую руку и, волоча ногу, поплёлся в сторону капитана, оставляя на свежем снегу неровные следы. Второй тоже откликнулся на зов и стал приближаться. Смирнов пошёл им навстречу. поравнявшись с ними, он дважды выстрелил, и мертвецы с глухим звуком рухнули на холодную землю.

Выстрелы нарушили покой в округе. Эхо их несколько раз отразилось от близлежащих многоэтажек, после чего унеслось куда-то ввысь. Мы вычислили нужный подъезд, дёрнули ручку и поняли вдруг, что дверь не поддаётся. Магнитные замки на дверях многоквартирных домов снова заработали – весьма неприятное следствие восстановления подачи электричества.

– И чё теперь? – спросил Смирнов.

Я набрал на домофоне номер квартиры, в которую мы собирались наведаться.

– По старинке, товарищ капитан, по старинке.

– Ёрничаешь, боец? Это хорошо. Значит дух боевой. Буду иметь в виду, когда надо будет барабанщиков назначать. Хотя это у тебя, пожалуй, плохо получается.

– Я один из всех них живой тогда остался. Стало быть – очень даже хорошо получается.

Домофон прогудел во второй, третий и четырёхтый раз, и когда раздался пятый гудок, я уже перестал надеяться, что кто-то на той стороне снимет трубку. Но вот, сразу после того, как я вознамерился развернуться и пойти прочь, хриплый голос в динамике ответил:

– Кто это?

– Стоять! – раздался сзади чей-то резкий голос, сопровождаемый щелчком автоматного затвора.

– Оружие на землю! Быстро!

– Оружие на землю!

– Автомат брось!

– Руки за голову!

Несколько человек наперебой выкрикивали нам с капитаном разные, порой противоречившие друг другу требования. Слышен был топот нескольких пар тяжёлых ботинок, подобных берцам, которые мы носили вместе с формой там, в центре.

– Зараза! – выругался капитан, которого явно застали врасплох, и который точно не ожидал такого поворота событий.

– Оружие на землю! – повторил приказ один из голосов.

Мы оба стояли лицом к двери и всё ещё не видели тех, кто взялся командовать нами. Человек, который несколько секунд назад ответил нам из квартиры тридцать два, пропал. Щелчок динамика красноречиво дал понять, что собеседник наш решил повесить трубку. Видимо, не очень-то он стремился обнаружить своё присутствие перед теми, кто был у нас за спиной.

– Чё, оглохли? Стволы бросили! – сказал кто-то, кто, кажется, подходил к нам всё ближе и ближе.

– Что делать? – шёпотом спросил я капитана. Сказать, что я перепугался – ничего не сказать. Но даже если бы мне и удалось сохранить ледяное спокойствие после этого налёта, по всем правилам и нормам уставного приличия я всё равно должен был бы дожидаться команды капитана, прежде чем что-либо предпринимать.

– Что тут сделаешь? Опускай автомат. Медленно, – ответил Смирнов.

Я сделал так, как велел капитан: снял автомат с плеча и медленно опустил его на землю. Капитан сделал то же со своим пистолетом.

– Два шага назад!

– Сюда подошли!

– Два шага назад говорю! – снова заголосили налётчики.

Мы послушно выполнили их инструкции.

– Руки за голову теперь!

– И повернулись! Аккуратно!

– Медленно!

Капитан и я повернулись к тем, кто держал нас на мушке, и увидели, наконец, как они выглядят. Они, в основном, были одеты в ту же форму, которую мы сняли сегодня рано утром в торговом центре, когда переодевались в гражданскую одежду. В руках у них были такие же автоматы, какие выдавали нам, и даже выглядел кое-кто из них знакомо.

– Оп-па-а-а... – проговорил капитан.

Увидев среди целящихся в нас военных ефрейтора Абидина – завсегдатая дисциплинарной роты, – я тоже всё понял.

– Вот тебе и «оп-па-а-а...» – ответил на это один из вооружённых людей, а затем велел остальным: – Оружие опустить!

Люди так и сделали. К тому, кто велел всем опустить оружие, подошёл ефрейтор Абидин и что-то шепнул ему на ухо. Велевший опустить оружие спросил:

– Искать их, значит, пришли?

– Искать, – подтвердил капитан и кивнул.

– Нашли, получается.

– Получается, нашли.

– Чё делать с вами будем?

Капитан промолчал, картинно пожав плечами. Было видно, что нервы его натянуты до предела, и ожидает он самого худшего.

– В расход, чё. Если вернутся – спалят контору, – буднич-

но предложил кто-то из собравшихся по наши души.

Я старался пропускать их слова мимо ушей, чтобы не пугаться ещё больше, чем я уже был напуган. Помимо прочего, я отвлекал себя досужими размышлениями. Например, пока люди с автоматами решали, стоит ли застрелить нас на месте или нет, я старался взять в толк, как они могли нас найти? Известно как: были тут неподалёку, услышали выстрел и прибежали на звук. Как ходячие трупы. Только хуже: намного хуже. Раз они услышали, как капитан убил тех мертвецов во дворе, то находились они в этот момент где-то неподалёку. Что они могли здесь делать в такой ранний час? Либо празднично шатались по городской окраине, либо базировались где-то неподалёку. Славно: если выживем, будет, о чём доложить полковнику. Здорово было бы каким-нибудь образом сделать это прямо сейчас, чтобы подкрепление приехало поскорее и накрыло их всех тёпленькими.

– Звание? – спросил один из людей с автоматами, выглядевший иначе, чем прочие: форма на нём была другая, похожая скорее на форму полицейского или охранника, но уж точно не на военную.

– Капитан, – ответил капитан.

– Кто на проводе?

Капитан сделал вид, что не понимает вопроса.

– На каком проводе?

– Будешь в тупого играть – реально обоих решим. Кто на проводе?

– Главный.

– Рацию сюда давай, – сказал человек в чёрном, протянув руку.

Капитан вздохнул, вытащил из кармана рацию, по которой связывался со Старковым, подошёл к человеку в чёрном и отдал её ему. Человек в чёрном прицепил рацию к поясу за крепление на обратной стороне.

– Пошли покурим где-нибудь. Абидин!

– Я!

– Стволы заberi и на базу. Остальные – тоже. Со мной – двое кто-то останьтесь, рядом будьте. Остальные – домой.

Вооружённые люди, среди которых уже теперь я заметил ещё несколько тех, чья форма отличалась от нашей, кивнули в знак согласия с распоряжениями вожака. Часть из них разошлась, и с нами, как и хотел атаман этой банды, остались только два человека. Оба – в чёрном, как и их главарь. Главарь в свою очередь увлёк капитана к детской площадке, на которой было несколько занесённых снегом скамеек, стоявших полукругом и представлявших из себя нечто вроде беседки для скучающих родителей.

– Малой, не стой, замёрзнешь. Пойдём давай тоже, – позвал меня человек в чёрном. Я послушно проследовал за ним.

Мы расположились в беседке, и человек в чёрном закурил. Затем протянул раскрытую пачку нам по очереди: сначала капитану, потом мне. Капитан отказался. Я повторил за

ним, хотя закурить мне смерть как хотелось. Человек в чёрном пожал плечами, достал зажигалку и поджёг свою сигарету. Он глубоко затянулся и на выдохе начал говорить:

– Ты не думай, мы не звери тут. Тип там ляпнул больше так, для острастки. Да и я – тоже. Про «в расход» и всё такое прочее. Их понять можно: только-только пришли, можно сказать.

Человек в чёрном взял паузу для новой затяжки.

– Да к тому же, – продолжил он, усмехнувшись, – У них там половина же – дезертиры-неудачники. Уже попадались на этом. Ещё раз не хотят: знают, что будет. Да и ты, капитан, знаешь.

Человек в чёрном замолчал и пристально посмотрел на Смирнова. Тот так же пристально смотрел на человека в чёрном, силясь не моргать и не отводить глаз. По его взгляду было видно, что он понимает, о чём толкует главарь вооружённых людей. Двое других парней в чёрном, расположившихся на соседней скамейке, тоже понимали, о чём идёт речь. Вне контекста среди всех них был только я.

– Сам-то поди тоже думал, грешным делом, свалить? Особенно поначалу. Было же? – задал вопрос человек в чёрном.

– Было, – признался капитан, – Думать – думал. Только делать – не делал.

– Это правильно. Долг, всё-таки. Я тоже до конца стоял. И пацаны мои. Пока он кинуть нас не решил тогда. Тоже тебе рассказывать не надо, наверное: помнишь ведь, как за реку

отступали.

– Помню.

– Вот он тогда и показал, кто ему больше свой: мы или вы. Хотя я сам различий таких не проводил никогда: вроде, все вместе, в одном окопе.

– Там просто всё совпало так, – сказал капитан, будто бы начав оправдываться за что-то, о чём я по-прежнему не имел ни малейшего понятия, – Просто вы на задаче остались во время прорыва – вот и всё. Рота какая-нибудь осталась бы – без неё бы отступали.

Человек в чёрном докурил сигарету и щелчком выбросил окурочок в сторону.

– Не буду спорить, – сказал он, – Да и не об этом речь. Тут уже никому не надо объяснять, кто такой Старков, что он делал, и сколько людей положил самолично: даже не об мертвяков.

– То в первые дни. Сам помнишь, как бежали все, если б расстрелами тогда страху не навели...

– Говорю же: спорить не буду. Ты и сам всё знаешь, капитан. И всё понимаешь. Иначе б не пытался оправдывать того, кто и тебя бы, если б накосячил, к стенке поставил бы. Не все же расстрелянные дезертирами были, правильно? Кто-то просто с работой не справился – и голову с плеч.

– Сейчас не так всё.

– Сейчас, может, и не так. Но тогда так было. И пацаны помнят. Но это не суть, мы от дела отклонились. Суть в том,

что тут зла никто никому не хочет. Парни просто жить хотят, и я их понимаю. Ты тоже, я думаю. Просто, в силу определённой истории взаимоотношений с главным, им – и нам – к вам больше не вариант. Поэтому вот тебе моё предложение: возвращайся к командиру и доложи, мол, так и так, беглецов не нашёл. Можешь вбросить ещё, что, мол, скорее всего, ушли они из города в северо-западном направлении, по трассе. И всё, и служи дальше с миром, живи как жил. И мы тут по-своему будем быт выстраивать, и никто никого трогать не будет.

– А когда мы сюда с зачисткой придём – что тогда? Будете от района к району бегать от полковника?

– За это ты не переживай, это у нас голова должна болеть, а не у тебя.

– А техника? Беглых бойцов на задачу отправляли с техникой. Что с ней?

– Скажешь, что, мол, с техникой ушли.

– Допустим, скажу. Вам она зачем в итоге? С кем воевать собираетесь?

– С теми же, с кем и вы: с мертвяками. Сам понимаешь: то ли автоматы, то ли ствол на машине.

– Что с водителями и стрелками сделали? Они не из штрафников были.

– Этого я не знаю, – покачал головой человек в чёрном, – Не ко мне вопрос. К нам они подъехали уже на машинах.

– Задача, на которую их отправили. Что с ней в итоге? Их

послали детей из спорткомплекса вытащить. Где они?

– Этого я тоже не знаю. Опять же – не ко мне вопрос. Я только знаю, что к нам подъехали парни при полном параде и, говоря старым языком, попросились на работу в СТАР-К.

– И как это они про вас узнали? – чуть прищурившись, спросил капитан, явно намекая на что-то.

Человек в чёрном взял непродолжительную паузу.

– Рекламу по телику увидели, наверное, – пожав плечами, с видом деланой растерянности ответил человек в чёрном.

Затем он снова достал из кармана пачку сигарет, вынул одну и закурил. После он продолжил:

– Капитан, не об этом думать тебе надо – говорю же. А о вариантах выхода из ситуации. А варианта у тебя всего два: умереть за полковника прямо тут или вернуться в штаб и сделать так, чтобы беглых бойцов и технику больше никто не искал. А дальше – живи себе, да неси службу. Что выбираешь?

Смирнов задумался. Потом он посмотрел на пачку сигарет в руке у человека в чёрном, взглядом прося его поделиться с ним. Человек в чёрном понял бессловесную просьбу Смирнова и угостил его. Капитан затянулся и на выдохе дал ответ:

– Пацан со мной вернётся.

– Ты же знаешь, что нет. Он – гарантия, что ты по пути ничего в рацию не наговоришь, и что, когда приедешь, всё как надо сделаешь. Частоту мы вашу слушаем – за это не волнуй-

ся. Как только скажешь что-то не то – пацан пулю схлопочет. Можешь, конечно, и по прибытии что-нибудь ляпнуть. Тут тоже не переживай: пацан так тоже своё получит. У нас есть люди с вашей стороны, которые о любой суете нам сразу доложат. Тогда пацану – пуля, а мы просто снимаемся, пережидаем, а потом возвращаемся сюда же. Да даже если и в новом месте встаём – по барабану. Главное, что жизнь пацана на твоей совести будет, и помрёт он ни за что ни про что. Короче, подробностями заморачивать не буду. Просто исходи из того, что самое лучшее для тебя и для пацана – это сделать всё как я тебя прошу.

Капитан взглянул на меня и сделал глубокую затяжку. Затем снова посмотрел на человека в чёрном.

– И что мне про него доложить, когда я без него приеду?

– Тут уж сам придумай. Для него лучше будет, если скажешь, что, мол, на трупов налетели, в замес попали, он побегал и потерялся. Так он потом вернуться сможет. Скажешь, что погиб – придётся ему либо с нами остаться, либо куда-то дальше одному двигаться. Ну, а если скажешь, что он к нам в плен попал – ты уже знаешь, что будет. Тачка там, на дороге, ваша стоит?

– Наша, – ответил капитан.

– Сейчас ствол тебе вернём. Дружище, сбегай, позови Абидина, пусть пистолет капитану принесёт, – обратился человек в чёрном к одному из сидевших на соседней скамейке. Тот встал и удалился куда-то в сторону арки, ведущей из

двора дома к проезжей части.

– Как я узнаю, что с пацаном нормально всё? – спросил Смирнов.

– Никак. Но и выбора у тебя нет.

Вдруг рация на поясе человека в чёрном зашипела: та самая рация, которую он изъял у капитана несколько минут назад. В её динамике прохрипел голос полковника Старкова:

– Смирнов, приём! Доложить обстановку.

Человек в чёрном снял с пояса рацию и протянул её капитану, с какой-то зловещей, мрачной торжественностью возвестив:

– Момент истины.

Смирнов взял рацию в руку, но отвечать на вызов не спешил. По его лицу было видно, как работает сейчас его мозг в попытках то ли судорожно придумать какую-нибудь складную байку, то ли взвесить напоследок все вводные, чтобы принять окончательное решение по выходу из той патовой ситуации, в которой не повезло оказаться и ему, и мне.

У меня самого мыслей не было никаких. Я только сидел там, мёрз и надеялся дожить до вечера.

– Товарищ полковник, столкновение с заражёнными, не могу говорить сейчас, доклад через десять-пятнадцать минут, конец связи, – на одном дыхании проговорил капитан, а затем выключил звук у рации.

Человек в чёрном испытующе посмотрел на него.

– Потом придумаю что-нибудь, – прокомментировал

Смирнов.

– Пистолет его, – сказал мужчина, которого человек в чёрном, казалось, лишь минуту назад отправил за оружием капитана.

– Проводи капитана к машине. Как проводишь – отдай пистолет, и пусть едет с богом. Думаю, мы друг друга поняли и обо всём договорились.

Человек в чёрном снова взглянул на капитана, словно бы ожидая от него подтверждения своих догадок. Капитан молча кивнул, так и ничего не сказав, встал со скамейки и бросил в снег недокуренную сигарету. Потом он обошёл скамью и встал где-то за моей спиной.

– Спасибо за службу, пацан, – сказал он, хлопнув меня по плечу, – Давай тут, в обиду себя не давай. Всё нормально будет, не бойся.

Я не знал, что я могу на это сказать, и о чём могу спросить капитана напоследок. И потому я промолчал. Мысли и чувства в моменте были противоречивые. С одной стороны, месяц армейской муштры, проведённый под началом Смирнова, убедил меня в моей неотделимости от своих командиров и начальников. Они, вроде как, заместили нам погибших или пропавших без вести родителей, а теперь выходило так, что этот новый родитель оставлял меня на произвол судьбы. С другой стороны, я отчётливо осознавал, что никакого другого выхода из сложившейся ситуации попросту нет, и что либо так, либо – вместе на тот свет. Единственное, по по-

воду чего мысли и чувства мои были однозначными – это Ира. Я знал, что не могу потерять её, и тревожился о том, что разлука наша теперь может продлиться чуть дольше, чем мы планировали сегодня утром. Но я верил, что в итоге всё сложится хорошо. До последнего верил. И даже сейчас, хоть это и глупо, верю, что нам всё-таки удастся встретиться в последний раз.

И хотя болезнь уже изрядно подкосила меня, мне всё равно трудно усидеть на месте. Дневник хоть как-то отвлекает меня от томительного ожидания. Я всё сижу здесь, сижу и сижу, и жду, пока... Пока что? Пока случится чудо? Может и так. Только какой у меня есть выбор? Выйти и самому распугать всех мертвяков, которые, кажется, только-только вернулись самолётом с какого-то тёплого морского курорта: такие они свежие, отдохнувшие и даже в половину не такие вялые, как те, что были в городе. Как такое возможно? Ума не приложу. Да и какая разница? Наше дело малое: сиди тут и смиренно мочи всё, что представляет угрозу, не думая, откуда эта угроза вообще берётся, и откуда она взялась изначально. Н-да уж... Если и есть какая-то тайна человечества, которую я хотел бы узнать перед смертью – это тайна причины вымирания. Как так получилось? Неужели сама природа решила нас уничтожить? Или, может, это чей-то тайный замысел, или божественное вмешательство? Одно знаю на-

верняка: знать тайну гибели нашей цивилизации сейчас, на смертном одре, мне хочется больше, чем когда-то хотелось постигнуть загадку зарождения и происхождения человечества. В самом деле, кому теперь какая разница, как мы появились на свет? Неужели сейчас, в мире, где люди восстают из мёртвых и стремятся истребить живых, это всё ещё кого-то волнует?

Короткая сводка о самочувствии: тошнит, болит голова, снова поднимается температура. Укус, вроде бы, перестал болеть, но начал чесаться. В какой-то степени это ощущение кажется даже приятным, но повязку снимать мне теперь страшиновато. Пожалуй, так и оставлю её до самого конца: нет толку бесконечно менять её в тщетных надеждах обеззаразить рану больше, чем я уже это сделал. После укуса прошло, кажется, около восьми часов: точно вычислить трудно, поскольку за временем я с самого утра не следил, а после того, как меня укусили, счёт ему я окончательно потерял. Когда укусили, было ещё светло, а сейчас – темно, и это всё, что я доподлинно знаю. Если прошло и впрямь столько времени, то в запасе у меня есть ещё несколько часов – а то и десяток часов, если повезёт. В общем, до рассвета надеюсь дотянуть – это точно. А там поглядим.

Пойду немного расслаблюсь, прежде чем начинать выводить мой рассказ на финишную прямую. Скоро всё закончится: как для меня, так и для этого потрепанного дневни-

ка. Не знаю, свершится ли чудо, и смогу ли я в итоге сам отдать эти записи человеку, в чьих руках от них будет больше пользы, чем в моих после моей скоропостижной кончины. Возможно, всё получится, а может быть придётся доверить их судьбу ей и умереть, уповая на то, что уж она-то выберется отсюда живой и отдаст мой дневник кому следует. План ни к чёрту, но это лучше, чем никакого плана вообще. И умереть даже с маленькой, ничтожной надеждой на благоприятный исход лучше, чем покинуть этот мир, потеряв всякую веру в лучшее.

Запись 23

День 111

Когда капитан ушёл, человек в чёрном ещё некоторое время сидел на скамейке и молчал. Было видно, что он напряжённо думает о чём-то. Ситуация отдавала неловкостью: я находился там и словно бы ждал момента, когда моё новое положение вступит в законную силу, и мне станет надобно изображать из себя пленного. Пока же всё будто бы замерло в положении «до», представлявшем собой пасторальную сцену перекура на детской площадке и разговора по душам.

Докурив сигарету, человек в чёрном, наконец, стал что-то делать. Он снял с пояса другую – уже свою – рацию и вышел на связь с кем-то, кого он называл «Вторым».

– Второй, это Вохр, приём.

После нескольких попыток установить контакт этот самый

«Второй», наконец, ответил. Человек в чёрном, которого теперь в своей голове я мог идентифицировать не только по цвету костюма, но и по позывному, сказал Второму:

– Пора начинать.

– Сейчас? – удивлённо переспросил Второй.

– Да, – ответил Вохр.

– Рано. Или что, причина какая-то есть?

– Есть, товарищ...

Вохр посмотрел на меня и передумал называть своего собеседника по званию. Затем он пересказал ему всё, что произошло за последние полчаса, со своей точки зрения. Рассказал про нас с капитаном и про неудобное положение, в котором все мы тут оказались.

– Поэтому лучше сейчас, – подытожил Вохр, закончив свой рассказ, – Пока капитан не вернулся. На всякий случай.

– Понятно. Н-да... Парня не трогай, слышишь? С собой тоже не бери, от греха. Оставь где-нибудь, пусть пересидит. Как закончим – заберём его.

– Да я и не собирался, товарищ... Товарищ. Есть идея к мэру его отправить пока, вместе с малыми и их провожатым. Ну, с парламентёром, само собой.

– Парламентёром... Тоже мне, слово нашёл. Ладно, делай как знаешь. Я тебя услышал. Не вовремя это всё, конечно... Но, с другой стороны, люди на задачах сейчас, в чём-то даже проще будет. Поэтому давай, отправляй к мэру человека через юго-западный. Там ребятам на посту подскажу. На чём

поедут-то хоть?

– Автобус есть. На нём из Северного малых вывозили – на нём все вместе и поедут.

– Да, с ними, конечно, удачно получилось: вопросов меньше, и смотреться естественнее будет. В общем, давай, действуй. Как отправишь автобус – мне доклад. Связь с ними держать не забывай: пусть докладываются по пути и как приедут, и по ходу разговора с Гросовским – тоже. А лучше – пусть твой парень на меня его сразу выведет, чтобы наверняка. И там уже поглядим, как пойдёт. В зону до моей команды не заходить: не хватало ещё перестрелки с патрулём.

– Понял, тов... Понял.

Когда сеанс связи был окончен, человек в чёрном – он же Вохр – пристально посмотрел на меня.

– Нехорошо чужие разговоры подслушивать, – сказал он.

– Я и не слушал, – ответил я первое, что пришло в голову. Когда я сказал это, то не узнал собственный голос: он был неестественно хриплым и одновременно имел чуть завышенную тональность, как бывает, когда в горле и в горле от волнения скапливается слишком много слюны и слизи.

Вохр озадаченно посмотрел на меня, а затем, решив не придавать большого значения сказанному, продолжил:

– Всё нормально будет, никто тебя тут мочить не собирается, даже если капитан накосячит. Смысл какой? Это так, на самом деле, чтоб припугнуть его. Единственное только: тебе подыграть надо будет, если реально капитан что-то не

то натворит, а в остальном – расслабься. Сейчас твоя задача следующая: с моими парнями поедешь в Надеждинское, на разговор с мэром. Знаешь, где это?

– Знаю.

– Делать тебе ничего не надо: просто сидеть и не отвечивать. С вами поедет ещё орава школьников и паренёк, который с ними: кто-то вроде воспитателя. С ним познакомься и смотри за детьми. Больше – ничего. Если всё как надо – завтра-послезавтра уже вернёшься в город.

– Там что-то плохое должно произойти? Я имею в виду, в городе.

– А тебе какая печаль?

– У меня девушка там. Мы в одной роте были, а капитан тот – наш командир. Нас просто вместе сегодня отправили беглецов искать.

– А-а. Не переживай: и с девушкой твоей, и вообще со всеми всё нормально будет. Просто будет быстрая, безболезненная для всех смена высшего руководства – вот и всё. Безболезненная для всех, кроме одного человека – ровно одного. Девушку как зовут?

– Ира.

– Красивая?

– Очень.

– Вот и будете ещё с ней. Главное сейчас делай всё как ребята говорят и поспособствуешь тому, что всё пройдёт гладко и быстро, и всё вернётся на круги своя. Понял? Даже луч-

ше, чем было, будет: для многих. Для тебя с девушкой твоей, может, тоже.

У меня было столько вопросов к человеку в чёрном, и я хотел тотчас же их задать, даже если придётся потом провести на этой скамейке целый день, слушая его рассказы. Но отчего-то я решил, что время для вопросов сейчас не самое лучшее. Человек в чёрном подтвердил мою догадку, вскочив со скамьи и сказав:

– Так, всё, покурили и хватит. Абидин!

– Я!

– Парня проводи к дому, где малые сидят. Их самих вместе с провожатым выводи и сажай в автобус, в котором их привезли вчера.

– Понял, – ответил Абидин.

– Давай за ним, – сказал Вохр уже мне и неожиданно протянул руку для рукопожатия, – Приятно было познакомиться.

– Взаимно, – сказал я, не чувствуя, тем не менее, никакой взаимности. Рукопожатие я тоже не отверг и ответил на него, после чего человек в чёрном ушёл, навсегда исчезнув из моей жизни, а я остался в компании ефрейтора Абидина. Его, как и человека в чёрном, я тоже едва знал. И, как и с ним, рядом с ефрейтором я чувствовал себя до крайности неудобно и напряжённо.

– Пошли, – сурово сказал он и увлёк меня за собой.

Мы вышли из двора дома номер двенадцать и последова-

ли дальше по улице Северной. За всё дорогу никто из нас не проронил ни слова. Я всё ждал, когда Абидин нападёт на меня с обвинительной речью за то, что я заложил их вместе с рядовым Грозовым, рассказав про убийство дезертира Артёма и попытку его сокрытия когда-то давным-давно. Грозову за это пришлось поплатиться жизнью, и, если с Абидиным они были друзьями, то последний наверняка питает теперь ко мне не самые добрые чувства. Впрочем, кому какое дело? Если бы не автомат в руках Абидина и не отсутствие у меня самого какого-либо оружия, то я бы вообще ни о чём не беспокоился. Однако, при нынешних обстоятельствах я, всё же, немного нервничал и пронёс это неприятное чувство через весь наш путь.

В конце концов, мы добрались до здания, представлявшего собой точно такой же пятиэтажный дом, какие стояли почти на всём протяжении улицы. Чем дальше от центра, тем меньшим разнообразием отличался местный архитектурный ансамбль. Вот и на Северной одна к одной стояли бесконечные реплики одного и того же проекта пятиэтажного панельного дома из прошлого века. Остановились мы возле подъезда, выходявшего на сей раз на проезжую часть. На дороге рядом с подъездом стоял один из тех небольших автобусов, которые раньше курсировали по городу под номерами и представляли собой примерно семьдесят процентов всего парка общественного транспорта в наших краях. Чуть поодаль я заметил скопление людей, несколько единиц военной

техники и некоторое количество обычных гражданских автомобилей. Обстановка была ровно такая же, какая бывала у нас там, в центре, перед выходом подразделений на работу. В воздухе витало предвкушение скорого столкновения с противником, испытываемое всеми вокруг. Тогда я мог лишь догадываться, к чему готовятся все эти люди.

– Пошли внутрь, – сказал Абидин, приглашая меня войти в один из подъездов пятиэтажки первым. Я сделал как он велел. Мы поднялись на второй этаж, и там Абидин постучал кулаком во все три двери, выходящие на площадку. Вскоре одна из них открылась, и я опять увидел того, кого не ожидал больше когда-либо встретить.

– Утро доброе. Командир сказал тебе ребят собирать. Через полчаса чтоб все были готовы. Как соберётесь – выходите на улицу, к автобусу. Там вас уже другие люди примут, – сказал Абидин.

– А что такое? Едем опять куда-то? – спросил Лёха.

Выглядел он уставшим и заспанным. Да и вообще вид у него был неважный: лицо бледное, под глазами синяки, и нос, натёртый докрасна. Неудивительно, что он не сразу узнал меня и вообще не сразу заметил моё присутствие.

– Знакомься, это... – начал было Абидин, но запнулся, не зная, как меня представить, – В общем, новенький. Он тебе помогать будет с детишками, можешь его обо всём, что надо, просить. Зовут... Как звать-то тебя?

– Костя, – ответил я, тут же добавив, – Мы уже знакомы.

Лёха посмотрел на меня и только теперь улыбнулся, как и я обрадовавшись этой встрече. Абидин безразлично посмотрел поочерёдно на нас обоих, пожал плечами и сказал:

– Ну, удачи.

И он ушёл, оставив нас с Лёхой.

Пообщаться нам с ним было некогда: ему нужно было как можно скорее собрать всех оставшихся под его, по всей видимости, единоличной опекой детей в дорогу и вывести их на улицу. В это время я мог только ходить рядом и растерянно наблюдать за происходящим, не зная, чем и как я могу тут помочь.

– Ты как тут оказался? – спросил между делом Лёха.

– Да-а, долгая история. А ты как тут?

– Вояки вон эти привезли. Забыл уж, когда... Позавчера, вроде. Или вчера. Не знаю: всё смешалось как-то.

– Выглядишь плохо. Болееешь?

– Да так, кашель какой-то. И температура. Грипп, наверное.

– А где тот майор и чел, который с ним был.

– Майор умер. Давно ещё. А Рома-то... Домой пошёл с брательником своим. Чё ему тут с нами делать, раз нас вояки под крыло взяли.

– Действительно.

– Ладно, давай в автобус сядем да там уже перетрём за всё.

Кстати, не в курсах, чё за экспедиция намечается?

– В Надеждинское. Деревня, где дача мэрская.

– О. А почему туда?

– Там дела какие-то у ребят этих, в чёрном. С мэром что-то обсудить хотят. Вас – заодно, наверное, везут, чтобы там оставить. Я там был. Там и правда как-то поспокойнее.

– Ну, тогда новости хорошие, – бесцветно заключил Лёха и отвлёкся, чтобы прикрикнуть на кого-то из мальчуганов, баловавшегося вместо того, чтобы паковать свой рюкзак.

Как и было велено, примерно через полчаса мы все стояли на улице. Лёха лёгкими и непринуждёнными командами построил детвору по парам, фронтом на него, и повёл их к автобусу строем. Мне оставалось только следовать за этой ватагой по пятам и недоумевать, как я вообще могу быть тут хоть чем-то полезен. Лёха справлялся на ура. Казалось, время, проведённое в спорткомплексе, сделало из него гуру воспитания и наставничества. Может, это и не так, но со стороны было видно, что дети слушаются его беспрекословно. В их глазах он был огромным и непререкаемым авторитетом, и в этой связи я невольно вспоминал, каким он пришёл к ним после своего запоя в районной пивнухе под названием Гроссбух. Воистину, человек, едва только занявшийся своим делом в этой жизни, может в считанные мгновения преобразиться до неузнаваемости. Если бы не болезненный вид, на Лёху было бы совсем отрадно смотреть. Но даже несмотря на его бледноту и усталую поступь, я был счастлив за него.

В автобус мы уселись вместе с двумя незнакомыми людьми во всё тех же чёрных костюмах. На водительское же

сиденье сел человек в зелёной форме. Он оказался в автобусе последним и, захлопнув свою дверь, повернулся к нам и спросил:

– Ну как? Всё, выдвигаемся?

– Да! – хором ответили дети, хотя вопрос предназначался отнюдь не им.

Дождавшись, пока восторг ребятишек схлынет, один из людей в чёрном скомандовал водителю:

– Двигай.

Затворились передняя и задняя пассажирские двери, автобус завёлся и тронулся.

– Вохр, это Броневик. Выехали, приём, – тут же связался с Вохром по рации один из людей. Судя по всему, этот самый Вохр и был у них там самым главным.

Пока мы ехали, я поражался тому, в какой гуще событий я оказался, совершенно того не желая. Ещё нынешним утром я строил совершенно иные планы на весь сегодняшний день. Думал, что на площади перед зданием администрации как обычно пройдёт развод, и нашей роте дадут новый участок города для зачистки или какую-нибудь другую новую задачу. Думал, что по возвращении с работы мы снова останемся с Ирой одни в нашей комнате в гостинице-казарме, и нас ждёт ещё одна хорошая ночь вместе. Но нет. За одно только утро я успел: похоронить двух старых знакомых, сменить военную форму на гражданскую одежду, о которой раньше только грезил, лишиться командира и обрести неясный ста-

тус в группе незнакомых вооружённых людей. И ведь день ещё только начинался! Я боялся даже думать, какие ещё сюрпризы он припас для меня дальше.

– Так чё там, как ты оказался-то тут? – спросил Лёха, чуть повысив голос, чтобы перекричать шум мотора. Было видно, что говорить ему тяжело, поэтому я сам старался его ни о чём не спрашивать. На вопросы же его я охотно отвечал. За всё то время, пока мы ехали по пустынным улицам к Юго-западному мосту, я успел вкратце пересказать ему весь свой путь, начиная от момента, когда мы распрощались, и заканчивая сегодняшним днём. Он был рад, что мне удалось найти Иру. Рад был, что у нас всё получилось с затеей выбраться из города, отправившись на зов ди-джея с Фаренгейта, и ему горько было слышать обо всех тех смертях, о которых мне попутно пришлось рассказать. Он слушал так внимательно и участливо, что у меня как-то даже приподнялось настроение. Я ощущал себя беседующим со старым закадычным другом, хотя с Лёхой нас вряд ли можно было бы справедливо назвать большими друзьями. Тем не менее, он был человеком из прошлого. А люди из прошлого всегда особенно дороги нам, поскольку одним лишь своим видом напоминают о милых сердцу, далёких и притягательных старых-добрых временах.

На подъезде к Юго-западному мосту нам встретился первый блокпост. Там мы довольно долго стояли и ждали, пока караульные получат команду нас пропустить. После несколь-

ких минут томительного ожидания люди в чёрном заметно занервничали. Один даже снял с пояса рацию и вызвал главного:

– Вохр, ну чё там, нас пропускать сегодня будут или нет, приём?

– Вы у Юго-западного? – спросили с другого конца.

– Там, где ж ещё.

– Всё нормально, Второй в курсе, сказал, что всё устроит.

Расслабьтесь там, не кипишуйте лишний раз.

– Понял.

Из окна автобуса я увидел здание, позади которого стояла высоченная радиовышка. На самом здании красовался логотип маленькой, некогда неизвестной никому из горожан, кроме любителей околополитической болтовни, местечковой радиостанции. Логотип представлял собой четыре незатейливые цифры «104.3», а рядом с тройкой стояла большая латинская буква «F», справа и сверху от которой был маленький кружок, олицетворявший собой обозначение градуса. Внутри кружка была вмонтирована красная лампа, которая должна была символизировать то ли пламя, то ли небольшой проблесковый маячок, вроде тех, что обычно расположены на высоких зданиях в черте города для подачи сигнала пролетающим на небольшой высоте самолётам.

Я всё смотрел на эту вывеску, на это здание и на эту радиовышку, пока один из дозорных, наконец, не подошёл к автобусу и не велел водителю проезжать. Водитель так и сде-

лал: нажал на газ и повёл автобус в сторону моста. Мы покидали городскую черту, и я пока ещё не знал, что покидаю её навсегда, и что в город я больше так и не сумею вернуться.

– А что там, в этом Надеждинском-то всё-таки? Помимо мэрской дачи, – спросил Лёха, когда мы заехали на Юго-западный мост.

Я в красках поведал ему о том, как устроен быт в вотчине бывшего мэра города, и о том, каким было время, проведённое мною там. Словом – выложил ему все те подробности, которые упустил в своём прошлом рассказе. Лёхе понравилось, как всё это прозвучало. По всему было видно, что он начинал строить на Надеждинское свои планы. Вот только мне казалось это преждевременным: почему-то я ощущал, что то, зачем едут туда эти ребята в чёрном, каким-то образом пойдёт вразрез с идеей пасторальной жизни за глухим забором вокруг мэрской деревеньки. Однако я был уверен тогда и продолжаю быть уверенным сейчас, что выбор у Лёхи в той ситуации был невелик. А у меня – и подавно. Ну, а что делать? Броситься за руль автобуса и развернуть его в сторону центра? Выхватить из рук одного из людей в чёрном рацию, настроиться на частоту Старкова и доложить ему обо всём? Или, может, уповать на то, что это сделал капитан, раскусив блеф человека с позывным Вохр? Нет. Как только мы пересекли мост, стало ясно, что капитан решил хранить молчание и молча ехал себе в штаб, на доклад к полковнику, чтобы там соврать ему про меня и про весь ход нашей зада-

чи по поиску беглецов. Оставалось только сидеть и ждать, и надеяться, что всё обойдётся.

Всё, о чём беспокоился Лёха – это благополучие ребят, за это время, должно быть, ставших для него почти родными братьями и сестричками. Он совершенно не утруждал себя размышлениями о том, с какой целью едут люди в чёрном в Надеждинское, что за разговор им предстоит с бывшим мэром, и что за авантюру они вообще замыслили. Я же из всего услышанного и увиденного сделал некоторые умозаключения касательно происходящего. Я подозревал нечто вроде заговора. Мне виделось, что люди в чёрном – опальные бойцы отряда вооружённой охраны СТАР-К – стремятся принять участие в зачистке города. Делают они это не только и не столько из альтруистических побуждений: тот, кто освободит город от мертвецов, получит власть над ним. Группа людей, которая прогонит замёрзшую, окоченевшую и бездвиженную смерть с улиц, и хотя бы частично приведёт в порядок привычную инфраструктуру, станет самой влиятельной силой на многие километры вокруг. В свою очередь, те, кто будет руководить этой группой, станут полновесными хозяевами города и, может быть, кем-то вроде правителей своего собственного мини-государства на обломках некогда великой и могучей страны, которой, как и всем прочим державам, положил конец апокалипсис. Группа может состоять из кого угодно: из бывших военных, полицейских, охранников и даже из простых горожан, сумевших самоорганизо-

ваться, вооружиться и дать отпор ходячим трупам. Это могут быть и бандиты, мародёры, бывшие преступники и уголовники, которых неожиданно даже для них самих амнистировала неразбериха судного дня. Кто угодно. Главное, что должна сделать группа – это взять местность под свой полный контроль.

И вот, на сцене появляются опальные бойцы отряда СТАР-К вместе со старковскими дезертирами, которые могли бы выехать на дорогу и отправиться в дальнейшее путешествие в надежде попытать счастья где-то там, за горизонтом. Пути назад, под начало Старкова, у них точно не было. Даже если бы после возвращения и покаяния Старков оставил бы их в живых, как оставил в живых бандитов из Радуги, положение бы их совершенно точно стало незавидным на долгое, долгое время. Быть может – навсегда. В этой связи, уехать прочь из города и начать всё с нуля где-нибудь там, далеко, в других городах и поселениях, виделось мне самым верным и самым мудрым решением. Но то с моей колокольни: с колокольни хронического беглеца и труса, в любой щекотливой ситуации предпочитающего не стоять за своё, а бежать туда, где стоять вообще ни за что не придётся. К молочным рекам и кисельным берегам, где нет ничего и никого, кто претендовал бы на что-то, что ты имел дерзость считать безоговорочно своим. Лихим ребятам в чёрном же не хотелось покидать свой город – свой дом – только из-за несогласий со Старковым и из-за страха перед его карающей дланью. Дезертиры из

числа штрафников, вероятно, придерживались схожего мнения. Всё, что им нужно было, чтобы вернуться в строй и при этом оказаться в равном положении с остальными солдатами – это чтобы полковник Старков... Ну, куда-нибудь исчез. Чтобы его просто: «пуф-ф!» – и не стало.

По-идиотски взять и убить его, ворвавшись в штаб – плохая идея. Сделавший это породил бы обезглавленную, дезорганизованную военизированную группировку, взять которую под контроль смог бы только некто, обладающий соразмерным со Старковым авторитетом и, выражаясь терминами старого мира, соизмеримой «легитимностью». И потому группе СТАР-К, как и беглецам, нужен был, во-первых, кто-то из заместителей командира, готовый, в случае безвременной кончины Старкова, возглавить часть. Во-вторых, неплохо было бы, чтобы кто-то из старой реальности, бывший большим полновластным руководителем в старом мире, вышел на сцену и, так сказать, завизировал бы законность и правомочность всего происходящего своей высочайшей подписью, или хотя бы молчаливым кивком головы. Возможно, этот руководитель из старой реальности мог бы вновь занять свой руководящий пост – хотя бы формально – дабы в дальнейшем подкрепить, подпитать у всех прочих иллюзию возвращения к прежнему порядку вещей. Насколько я могу судить, призвать мэра на княжение из его дачного подземелья планировал и Старков по окончании операции. Однако сам Старков был лишней переменной в уравнении для СТАР-К,

опальных дезертиров и, возможно, ещё для многих и многих других людей, служивших непосредственно под его началом и каждый день ходивших к нему на доклад. И потому, по плану этих самых людей в чёрном, с которыми нас с капитаном сегодня столкнула судьба, Старков должен был либо умереть, либо быть изгнанным, и вероятность претворения в жизнь второго варианта в сравнении с первым стремилась к нулю.

Стало быть, мы едем в Надеждинское для того, чтобы люди в чёрном могли убедить мэра Гросовского вернуться в город вместе с оставшимися под его началом полицейскими и всяческими многозвёздными шишками из числа местных силовиков. Что станет в этой связи с другими, обычными людьми, поселившимися и обжившимися в Надеждинском? Наверное, по плану предполагалось всех их переправить в город: либо по окончании операции по зачистке, либо прямо так, сразу. Этим – и только этим – соображением я и поделился с Лёхой, когда он единственный раз за всю дорогу спросил, что вообще происходит, и какие у вооружённых парней в чёрном планы на его подопечных и на него самого. Лёха воспринял это как не самую плохую новость.

– Главное – одному с ними больше не остаться, – сказал на это он, – Одному...

Тут он зашёлся кашлем, скрючился и готов был закончить фразу лишь через минуту с небольшим, но – вот досада – пока кашлял, он забыл, с чего начинал.

– Ты где так простыть умудрился? – спросил я его снова.

– Да говорю – продуло, видимо, как-то. Ночью в дозоре был. Когда ещё в Северном с Ромычем были. Как майор откинулся, мы, считай, вдвоём только остались. Делили сутки, и так и стояли в карауле: днём да ночью. Мне несколько раз подряд ночью выпадало вставать. А похолодало же, ночи холодные. В будке – тоже холод собачий. И вещей-то почти нет таких, нормальных, чтобы утеплиться как следует. Короче, одно за другое – и вот. Проснулся как-то, сначала с соплями и горлом, потом кашель начался, потом – температура начала донимать. Хорошо, вон, типы эти появились. Так бы загнулся там.

– Тебе бы, может, в медпункт? Антибиотиков каких попить или проставить?

– Где его найти, медпункт этот? В поликлинике нашей на районе, как ты знаешь, только эти вон, гнилопузые принимают. Один укол зубами, и тебя больше вообще ничего не парит.

– В Надеждинском есть больница. Я там лежал даже, когда приехал. Там медсёстры есть. Как приедем – туда обратись сразу.

– Обращусь. Ребята, вон, тоже: половина с соплями, половина чихает и кашляет. Одному температуру третий день сбиваем уже. Эх, ладно! Приедем скоро, а там поди...

Лёха снова зашёлся кашлем и так и не закончил фразу. Я решил, что для его же блага лучше ему не разговаривать,

поэтому остаток пути мы ехали молча.

Автобус остановился на развилке, на которой был большой указатель с двумя стрелками: вправо и влево. Стрелка вправо указывала на населённый пункт Юг-22 – закрытый городок, жизнь в котором даже в прежнее, спокойное время была овеяна тайной. О нём слагали легенды, передававшиеся из уст в уста и, кажется, бравшие своё начало из рассказов людей, в действительности побывавших там. Попасть в Юг-22 можно было только по пропуску, получить который было непросто даже близким родственникам тех, кто постоянно проживал там. Жили там в основном работники атомной электростанции и те, кто так или иначе поддерживал функционирование городской инфраструктуры. Закрытое, отгороженное от внешнего мира пространство со временем неизбежно обрастает мифами. На городских форумах в интернете, в живых разговорах случайных людей на улицах и даже порой в сюжетах на местном телеканале иногда всплывали сказки разной степени безумия, вписанные в локус этого самого городка. То это были байки про подземные лаборатории, то слухи и толки о выбросах с электростанции, то банальные досужие разговоры о том, как славно устроена там городская среда, и как комфортно живётся там даже самым обыкновенным работягам. Не знаю, в каких дубаях, мальдивах и сейшелах мечтали раньше побывать столичные детишки из элитных школ и успешных семей, но дети нашего города – будь то дочка мэра или сын сварщика – в какой-то

момент своей жизни непременно загорались желанием когда-нибудь попасть в Юг-22, побывать за его железным занавесом, чтобы самим потом рассказывать всем вокруг свои собственные истории, приправленные, быть может, некоторой долей вымысла. Совсем чуть-чуть.

Вряд ли теперь городок этот так же будоражит людские умы. Его последняя минута славы была месяца два или три назад, ещё в самом начале вымирания. Ровно тогда Юг-22 в последний раз стал героем мифа, разлетевшегося по интернету до того, как его не стало. Мифа о станции, её остановке и непременном взрыве, который должен был последовать за ней. Люди полагали, что если на станции – как это случилось на многих других предприятиях – вдруг не останется персонала, то вскоре всех нас ждёт жизнь в зоне радиоактивного заражения, и неизвестно, что убьёт нас быстрее: оно или ожившие мертвецы. Я и сам в это верил. И Ира – тоже. Как, впрочем, и Захар – ди-джей с Фаренгейта – и много кто ещё. Да все верили – вот, в чём было бы неплохо признаться самим себе. Все, кроме полковника Старкова, в конце концов спасшего нас не только от мрачной и холодной жизни без электричества, но и от тёмных и тлетворных заблуждений, которые в конечном итоге могли бы привести нас неизвестно, к чему. Если бы не он, и если бы не его воля к победе над заразой, опутавшей своей липкой паутиной весь город, неизвестно, что было бы сейчас со всеми теми, кто задумал теперь с ним расправиться.

Я мало знал о полковнике и о том, каким он был командиром до того, как мы с Ирой присоединились к его доблестному отряду спасителей улиц от трупов. Я знал только, что он оставил без высшей меры наказания бандитов из Радуги, увезя их в Знаменское на тыловые работы. Этот его шаг меня к нему самому не располагал, но то было делом личным. Если посмотреть на всё глазами Старкова, то действия его виделись вполне логичными: больше людей – больше шансов на успех. Мы здесь город спасаем, а не расправы устраиваем, в конце концов. Но это никак не вязалось с его политикой в отношении своих подчинённых до отступления военных за реку. Может, рассказы человека с позывным Вохр были сильно преувеличены? Но тогда почему капитан Смирнов не смеялся над ними, а наоборот – стремился оправдать и обелить Старкова перед опальным командиром отряда вооружённой охраны? Ох уж эти слухи, мифы и легенды! Как шум их подчас мешает собраться с мыслями и сформировать о чём-либо хоть сколько-нибудь однозначное суждение. И всё же, несмотря на противоречивость фигуры полковника в моих глазах, мне виделось неправильным всё то, что задумали люди в чёрном в сговоре с дезертирами и бог его знает, с кем ещё.

Возле указателя мы остановились неспроста: здесь стоял ещё один патруль. Двое парней на легковом гражданском автомобиле хорошо проводили время здесь, стоя в наряде на абсолютно безлюдном пустыре, на котором, кажется, впер-

вые оказался кто-то, кроме самих патрульных. Не знаю, в чём состояла их задача, и в чём был высший смысл их нахождения здесь. Скорее всего, они караулили дорогу, ведущую к городку с АЭС. Зачем они это делали? Трудно сказать, но наверняка у Старкова была веская причина на то, чтобы поставить их тут. Возможно, он опасался попадания посторонних на территорию города Юг-22. Судя по тому, что в домах в городе всё ещё было электричество, станция по-прежнему контролировалась людьми Старкова. Было бы досадно, если бы под свой контроль её вдруг взял кто-то другой. Словом, парни на легковой машине были здесь и обеспечивали полковнику здоровый сон, а горожанам – свет, работу качающих воду насосов и тепло от беспрестанно включённых кондиционеров. Сейчас их долг предписывал им проверить наш автобус и справиться у наших попутчиков о том, по какому маршруту мы направляемся. С вопросами этими они подошли к водителю. Тот опустил стекло и вступил в диалог. Я сидел на одном из передних сидений и потому слышал весь разговор, который, впрочем, был недолгим.

– Здравия желаю! Патруль. Куда направляетесь, товарищ прапорщик?

Но прапорщик почему-то отвечать не спешил.

– О, товарищ прапорщик! Не узнал сразу! А вы тут как? Вы же...

– Командир с тобой не связывался насчёт автобуса? – перебил солдата прапорщик. Голос его отчего-то звучал угрю-

мо.

– Никак нет, товарищ прапорщик. Так вы же это... Вы же умерли!

– Умер, да воскрес. Слушай, у меня тут малых полный автобус, приказ командира – их в Надеждинское доставить. Давай я дело сделаю, а потом приеду, и мы с тобой перетрём.

– А что за малые?

– Дети, блин! Чё ты докопался? Тебя предупредить должны были про автобус. Ты, поди, забыл? У кента, вон, спроси своего: может, он в курсе.

– У нас связь только с полковником, нам только он доложить может. Он не докладывал.

Я заметил, как водитель, свешивавший левую руку из открытого окна, полез правой куда-то то ли за пояс, то ли под сиденье.

– Слушай, давай... – начал было прапорщик.

– Щас я, щас, Старкову доложу и проедете. Порядок такой.

Патрульный, который явно был хорошо знаком с прапорщиком за рулём нашего автобуса, так же явно и без задних мыслей стремился ускорить для старого знакомого прохождение всех необходимых процедурных проволочек. Он хотел – это было видно: всем сердцем хотел – пропустить нас, не спрашивая вообще ни о чём. Но правила есть правила.

Я понятия не имел, какие там были договорённости между Вохром и его человеком в штабе Старкова. Предыдущий

патруль пропустил нас без особых проблем и вообще без каких-либо вопросов. Почему эти двое вдруг заартачились? Возможно, дело было в том, что этот патруль на разъезде был подчинён Старкову напрямую, в отличие от того предыдущего, который нам удалось миновать беспрепятственно. Те, возможно, докладывались полковнику опосредованно: через командиров пониже, на которых, в свою очередь, мог при необходимости повлиять предатель в стане Старкова. А может, смутьяны из СТАР-К вместе с опальными дезертирами, вместе со всеми теми, кто был готов ударить Старкова в спину и уже занёс для этого заточённый клинок – все эти люди попросту не знали про патруль на развилке. Просто не учли эту переменную, совершив тем самым роковую оплошность.

Патрульный взял в руку рацию и поднёс её ко рту.

– Товарищ полковник, это патруль, разъезд. Тут автобус один...

Солдат не успел договорить. Прапорщик, правой рукой выхвативший то ли из-за пояса, то ли из-под сиденья свой пистолет, выстрелил в беделу. И промахнулся. Патрульный бросил рацию, пригнулся и спешно стал доставать из-за спины автомат. Прапорщик выстрелил ещё раз и на этот раз попал в солдата, ранив его.

– На пол все! – скомандовал один из людей в чёрном, приведя своё оружие в боевую готовность.

Но было поздно. Второй патрульный, который наверняка был попросту ошарашен тем, как всё повернулось, и не же-

лал зла никому из тех, кто сидел в салоне позади водителя, дал длинную очередь по лобовому стеклу и корпусу автобуса. Вместе с оглушительным треском автомата послышались звуки трескающегося стекла и пробиваемого пулями металла. Водитель сначала вскрикнул от боли, а потом – всего через секунду – замолчал навсегда. Люди в чёрном матерились и силой пытались стащить на пол тех из перепуганных детей, кто остался, как ни в чём не бывало, сидеть на сиденьях. Они пронзительно визжали и кричали. Кто-то, кажется, кричал от боли. Когда очередь стихла, один из людей в чёрном встал и начал пытаться ногой выбить одно из больших боковых стёкол в салоне. Стекло поддалось только с третьего или четвёртого пинка – и то только после того, как он выпустил в него пару пуль. Затем он выпрыгнул наружу и трёхэтажным матом окликнул своего товарища, требуя, чтобы он поторопился. Тот, капая кровью на пол салона, тоже выскочил в окно. Перестрелка продолжилась. Дети снова заверещали. Лёха как мог пытался закрыть хоть кого-то из них своим телом. Я лежал на полу, прикрывая голову, и находился в полнейшем ступоре. Я не понимал, что нужно делать ровно до того момента, пока не увидел, как мальчишка, сидевший возле самого выхода, открыл рот и выпустил из него сгусток крови. Он ошарашенно глядел то по сторонам, то на свой живот, с которым, на первый взгляд, всё было в порядке. Мальчик не мог взять в толк, что с ним происходит, и почему по его подбородку бежит что-то тёплое и маслянистое. Он пытался

задерживать кровь внутри: плотно закрывал рот и пытался сглотнуть, но она всё равно просачивалась наружу. Я знал, что должен помочь ему, но совершенно не понимал, что я могу сделать. Тем не менее, я подросел к нему, сел рядом и стал осматривать его, пытаюсь найти рану. На правом боку его курточки я обнаружил небольшое отверстие, которое, по всей видимости, и оставила пуля. Крови не было нигде, кроме его лица, которое, по мере того как он к нему прикасался, становилось всё алее.

– Тихо, тихо, тихо, – только и мог повторять я, – Ляг, давай. На спину. Вот так.

Я уложил его на сиденье, решив почему-то, что это должно как-то помочь. Наконец, я додумался позвать Лёху, решив, что уж вдвоём-то мы точно что-нибудь сообразим.

– Лёха! Одного ранило!

– Где?! – всполошился он.

Я показал ему раненого мальчугана. Лицо Лёхиного перекошил ужас. Он подскочил к парню – на вид второкласснику – и так же, как я несколько секунд назад стал пытаться выяснить, куда попала пуля.

– Вот тут, сбоку, – сказал ему я, показав на рану.

– Надо куртку снять, – вслух комментировал он всё то, что планировал сделать для спасения мальчика.

Звуки выстрелов снаружи стихли, но нам здесь, внутри, это было теперь совершенно безразлично. Остальные дети были вне себя. Реальность вокруг них, которая и до этого

не была особенно приветливой, в одночасье превратилась в кошмар наяву. Они рыдали, кричали и звали на помощь. Кто-то звал мам, а кто-то просто в исступлении повторял: «Помогите! Помогите! Помогите!»

Происходившее тогда видится мне теперь до крайности сюрреалистичным. Только представьте: человечество на краю гибели, мёртвые уничтожают живых, планету охватила эпидемия, поставившая цивилизацию на грань вымирания. И вот – мы посреди всего этого: всё так же стреляем друг в друга из-за... из-за чего? Что это было? За что погибли все эти люди там, на разъезде? Нелепая чушь, унёсшая разом несколько жизней – вот, что это было! Какие-то междоусобицы, интриги и заговоры на несущемся в чёрную, неродящую пропасть каменном шаре, с которого такими темпами совсем скоро исчезнет последний человек. Всё это не имеет смысла. Всё это бред, чушь и нелепица. Я не знаю, что мне сделать для того, чтобы та сцена в автобусе не стояла перед моими глазами в заключительные часы моей жизни, стремительно движущейся к завершению. Не хочется умирать вот так: пустым, без всякой надежды и веры в лучшее. Впрочем – пусть. К этому разговору мы ещё вернёмся позже, когда настанет время оставлять здесь мою последнюю запись. Сейчас лучше сосредоточиться на том, что было дальше.

Дверь со стороны водителя отворилась. Кто-то, кто её открыл, вывалил наружу изрешечённый пулями труп прапорщика и сам сел за руль. В прямоугольнике зеркала заднего

вида, чудом уцелевшем во время перестрелки, я увидел лицо одного из людей в чёрном. Оно было бледным, а под глазами у мужчины были чёрные синяки. Звякнули ключи, всё это время торчавшие в замке зажигания. Затем с хрипом, нехотя, завёлся мотор. Наш новый водитель включил передачу, и мы тронулись, оставив позади ещё одно место преступления.

– Дыши, дыши. Вот так! Потихоньку, – приговаривал Лёха, нависая над раненым мальчуганом.

– Ему плохо? – спросила у него девочка девяти лет, первая среди всех прочих отошедшая от шока после перестрелки.

– Плохо, – подтвердил Лёха.

– В него попали?

– Попали, – снова ответил он.

– Зачем по нам стреляли? – спросила она.

– Н-н... К-к-ха!.. – Лёха снова зашёлся кашлем и не смог ничего вразумительного ответить на вопрос девочки. Впрочем, кашель тут был ни при чём: едва ли он выдавил бы из себя хоть что-нибудь в ответ на это, даже если бы был здоров.

Автобус разгонялся до всё более и более экстремальных скоростей.

– Все живые? – впервые за всё время после того, как мы уехали с развилки, спросил наш новый водитель.

Я сел на сиденье прямо за ним и вполголоса сказал ему:

– Мальчика ранило.

– Сильно?

– Сильно.

– Куда?

– В бок.

– Левый, правый?

– Правый.

– Кровь изо рта идёт?

– Идёт.

– Плохо. Плохо... Твою мать! Успокой там их как-то. Скоро на месте уже должны быть. И это... На вот, – водитель в чёрном снял с пояса рацию и зачем-то отдал её мне, – Кнопку нажми.

Я взял рацию. Она была липкой и покрасила мою руку в красный, едва я коснулся её.

– Какую кнопку?

– Сбоку.

Я нажал на кнопку, и рация издала короткий звук, после которого водитель заговорил:

– Вохр, Вохр, это Броневик, приём.

Ответом водителю была тишина. Я отпустил кнопку, и рация снова пискнула.

– Ещё раз нажми, – заметно раздражаясь, велел водитель.

Я сделал как он сказал.

– Вохр, Вохр, это Броневик, приём!

– ...это Вохр, – запоздало откликнулись с другой стороны, едва я снова отпустил кнопку, – Что там, приём?

– В замес попали, – ответил водитель, – Двое – минус. Остался я, парень из Северного и тот старковский пацанё-

нок. Ранен в живот, смертельно, час-два протяну. Малого одного зацепило. Тоже нежилец.

– Рот закрой там, урод! – в ярости крикнул Лёха, готовый, казалось, вскочить и выхватить руль из рук водителя, выбросив его самого прямо на дорогу.

– До Надеждинского где-то километров пятнадцать-двадцать, – как ни в чём не бывало продолжил водитель, – Как действовать дальше, приём?

– Газ в пол и в Надеждинское. За пацаном следите, чтоб не умер. Если умрёт – добейте, иначе сожрёт вас там. Что за замес? Как так получилось, приём?

– Патруль. Сказал, что про автобус не в курсе. Что со Старковым на прямой линии. Личный его наряд, видать. Водила выстрелил, когда патрульный полкану звонить начал. Потом – перестрелка. Наряд убит. Водила – прапор – убит. Молодой, который со мной был, убит. Про остальных сказал уже, приём.

– Н-да, засада... Ладно, пока по плану. Главное рацию Гросовскому доведи. Как доведёшь – сам в больничку иди или в медпункт, или что там у них. Приём.

– Понял, принял, конец связи.

Я отпустил кнопку и вопросительно посмотрел на водителя в чёрном, желая узнать, что мне дальше делать с рацией.

– Положи на приборку пока, – сказал он мне, посмотрев на меня через зеркало заднего вида, – Иди там, детвору успокой. Скажи, мол, скоро на месте будем. И это, слыш...

Водитель понизил голос до шёпота и чуть придвинувшись ко мне продолжил:

– Когда пацанёнок раненый умрёт... Знаешь же, что будет?

– Знаю, – ответил я.

– Когда умрёт – сразу мне говори. Там разберёмся.

– Понял.

Он не сказал «если умрёт», но сказал «когда умрёт» – дважды, – и меня это ничуть не смутило. Не нужно было быть медиком, чтобы понимать: парнишка обречён. От нас ему точно не получить квалифицированной первой помощи. А если это помножить ещё и на тряску в несущемся на полной скорости автобусе, то тут даже Лёха, полагаю, мог бы смириться и признать очевидное. Но он ни за что не смирился бы и не признал, потому что любил этого несчастного мальчишку, как любил всех этих ребятишек, бок о бок с которыми он провёл три с лишним месяца. Они были смыслом его жизни: причиной, по которой он до сих пор дышал. И теперь причин дышать для него постепенно становилось на одну меньше.

Я вышел к ребятам и поймал на себе их взгляды, полные слёз, ужаса, отчаяния и полнейшего непонимания происходящего. Ребята, должно быть, за последние три месяца с небольшим худо-бедно смирились с существованием живых мертвецов, охотящихся за их плотью. Но взять в толк, откуда вдруг взялся град шальных пуль, под которым они оказа-

лись только что, им было не под силу. Зачем это случилось с ними? Почему эти взрослые, отличавшиеся друг от друга разве что цветом одежд, начали друг в друга стрелять? За что один из них начал стрелять прямо по ним: по автобусу? Что они такого сделали и кому, раз с ними решили вдруг так жестоко расправиться? Сейчас им никак нельзя втолковать, что всё это было одной большой случайностью. Сейчас им всем кажется, что мир отчего-то захотел их крови, и они, задыхаясь от страха, судорожно пытаются осознать теперь, почему вдруг так произошло.

И вот он – я. Стою перед ними, и вопиющие взгляды их обращены ко мне. Что я могу сказать им? Как могу их успокоить? Могу ли я вообще это сделать? Я ощутил глубочайшую беспомощность, и в то же время – способность прямо сейчас сделать хоть что-то важное, сделав прежде прочего усилие над самим собой. И я сделал ничтожно мало, но был горд, потому что я совершенно точно сделал всё, что мог.

– Ребята, всё закончилось. Больше никто ни в кого стрелять не будет. Никто не хотел вам навредить – большие дяди стрелялись между собой, и вы тут ни при чём. Вашего друга задело, но зато он теперь как настоящий Рембо! Первая кровь!

«Господи, что за чушь я несу!» – подумал я и продолжил.

– В деревне, куда мы едем, хороший врач. Он вашего друга вылечит. Если кто-то болеет – вас тоже вылечит. Я, когда сам туда приехал, вообще ходить не мог и на ногах стоять.

Месяц в больнице лежал там! Но вот – живой, здоровый. Всё будет хорошо, ребята! Всё будет хорошо.

В конце концов, я начал просто повторять одну и ту же фразу: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо». Удивительно, но именно она сработала лучше всего. «Всё будет хорошо» – вот то единственное, что им нужно было услышать. Нужно было, чтобы кто-то большой и взрослый сказал им это, пообещал им это. И нужно было также, чтобы этот взрослый сам верил в это.

И я верил.

Верил, не зная ещё, что никто из них не доживёт до завтра.

Вот и всё: температура перестала сбиваться и стабильно держится теперь на отметке «тридцать восемь». В общем-то, я уже привык, и меня больше не трясёт так, как это было поначалу. Привык я ещё и к тошноте, головокружению и слабости. Привык даже к мысли о том, что доживаю последние часы. Как ни странно, именно привыкнув к неизбежности смерти, я обрёл страстное желание прожить эти последние мгновения таким образом, чтобы выжать из них максимум возможного. Первое, что я сделаю – это, само собой, закончу писать. Заполню оставшиеся несколько страниц дневника, закончив историю днём сегодняшним. Потом сделаю хоть что-нибудь, чтобы помочь ей выбраться отсюда: просто умереть здесь, привязанным к батарее за руку, было бы эгоистично. Скорее всего, я выйду

и сразу же умру, так и не добившись желаемого, но ничего не добиться, предприняв попытку, не так страшно, как не добиться ничего, бездействуя. Так что попробую что-нибудь придумать. Хочется, конечно, ещё встретить рассвет и в последний раз увидеть солнце. Хочется сделать глоток свежего воздуха и, может быть, глоток чего-нибудь покрепче, а потом, когда всё будет сделано – просто сидеть в каком-нибудь живописном местечке и наслаждаться природой. В идеале – рядом с Ирой, разделив с ней свои последние минуты. Жаль, что она далеко, и вряд ли мы теперь увидимся. Хотя, можно и помечтать.

Следующая запись станет последней. Не потому, что закончится дневник и не потому, что я подошёл вплотную к развязке моей истории – отнюдь. Есть много чего ещё, что я могу и, наверное, даже должен рассказать, и я, само собой, постараюсь это сделать. Просто времени у меня осталось очень-очень мало. Я чувствую, что скоро начну терять рассудок и способность связно мыслить, но прежде этого я потеряю способность держать в руке карандаш. Так что надо торопиться. Последний перерыв, последняя пригоршня таблеток, чтобы хоть как-то попытаться продлить своё существование, и я перейду к тому, как нашёл свою смерть. К тому, как все мы её нашли.

Запись 24

Восемнадцатое ноября. Сто тринадцатый день с начала

вымирания.

Светаёт. А значит – наступает новый день, до которого я всё-таки дождался. Он же станет и последним. Кажется, сегодня понедельник. Забавно: сто тринадцать дней назад тоже был понедельник. В тот понедельник мир погрузился в один сплошной ночной кошмар, а в этот понедельник он закончился, правда – для меня одного. Что ж, счастливо оставаться! Сил и времени осталось ровно на то, чтобы изложить здесь всё запланированное и на ещё кое-что, чем я займусь сразу после. Нет нужды больше писать тут про моё самочувствие: всё и так ясно и очевидно. Раньше я уделил бы этому добрую пару-тройку страниц: пережёвывал бы всё, что меня волнует и беспокоит, все чувства и страхи, беспрестанно обуревающие меня в минуты слабости перед лицом смерти. С этого, собственно говоря, и начиналась моя история. В последние несколько часов я частенько открывал первые страницы и вспоминал те прежние времена и прежнего себя. И всякий раз мне отчего-то хотелось отмотать время вспять и прожить весь этот ужас заново хотя бы для того, чтобы в итоге сделать свой рассказ о нём чуть более сносным. Убрать всё лишнее, подрезать пространные размышления и отступления, выбросить к чертям собачьим все эти слезливые, полные бесконечной самовлюблённости страницы, на которых я пишу о самом себе так, словно один только я на всём белом свете прошёл через нечто страшное. Оглядываясь назад, я жалею только

о том, что не был тогда собой теперешним и не смотрел на всё своими нынешними глазами. Если подумать, так было всегда: кто из нас не вспоминал себя самого в недалёком прошлом и не сгорал со стыда? Бестолковое, бессмысленное чувство, если задуматься: стыдиться того, что был самим собой. Один большой оксюморон. Одна большая жрущая сама себя змея, не ведающая, что за глупость она творит.

Так, хватит. Нельзя давать себе волю. Иначе блуждающая мысль запачкает все последние страницы дневника чем попало. Нужно сконцентрироваться, сфокусироваться и продолжить с того момента в автобусе.

День 111

Мальчик, раненный шальной пулей, дожил до Надеждинского. Как, впрочем, и наш водитель, цвет лица которого по прибытии был полностью противоположен цвету его униформы. Ниже пояса мужчина был весь мокрый от собственной крови. Тем не менее, из автобуса он вышел на своих ногах, в отличие от мальчика, потерявшего сознание ещё несколько километров назад.

В деревню мы въехали стремительно. Никто не остановил нас на перекрёстке, чтобы спросить, кто мы такие и куда направляемся. Более того, нас вообще никто не встретил на въезде в Надеждинское: ни дозорных, ни патрулирующих главную улицу вооружённых полицейских, как это было раньше – никого. Мы просто пронеслись по грязной, скольз-

кой от подтаявшего снега дороге мимо всех этих домиков разной степени роскошности и оказались прямо перед домом мэра, возле которого, впрочем, нас тоже никто не ждал. На первый, беглый взгляд казалось, будто бы Надеждинское и вовсе вымерло.

Тем не менее, мои мимолётные догадки не оправдались. Вскоре после того, как автобус затормозил у ворот мэрской дачи, из её двора к нам вышел господин Гросовский собственной персоной. Не дожидаясь, пока он начнёт задавать вопросы и вообще что-либо говорить, раненый мужчина в чёрном подошёл к нему и буквально всучил ему липкую от крови рацию.

– Михаил Юрьевич, – начал мужчина в чёрном, – Там на другом конце... Короче, надо с ним погово...

– Где тут доктор, вашу мать?! Ребёнок умирает!!! – перебил Лёха водителя, которого, казалось, прежде всего прочего заботила его задача, а уже потом чья-либо – и даже его собственная – жизнь.

Лёха тоже был грязен, чумаз и бледен. В отличие от мужчины в чёрном, он был ещё и до смерти напуган. На руках он нёс мальчугана, которого до последнего старался продерживать в сознании. Но уже на подъезде к Надеждинскому тот отключился, и я, наблюдая за всем со стороны, перестал понимать, жив он или мёртв.

– Вы кто все? Откуда? Что случилось? – стал сыпать вопросами мэр, обескураженный нашим внезапным визитом.

– ГДЕ ДОКТОР?!! – повторил Лёха свой вопрос, сорвавшись на истошный крик.

Гросовский увидел ребёнка на его руках и наконец опомнился. Славно, потому что мне казалось, что если он и сейчас не покажет, где тут медпункт, то следующее, что сделает Лёха – это положит мальчугана на землю и вышибет из мэра весь дух.

– Недалеко. Через дорогу и чуть вдоль улицы.

– Показывай! – скомандовал Лёха, совсем не пытаясь унижить бывшего градоначальника, отдавая ему, большому боссу из прежнего мира, приказы. Лёха лишь хотел достичь своей цели – только и всего. И ему некогда было размениваться на любезности и деланую учтивость.

Было видно, как самого мэра это несколько покорило. Ещё бы: секунду назад угрожающего вида раненный мужик в чёрных одеждах назвал его по имени-отчеству и даже как будто бы оробел в его присутствии, как раньше это случалось с его бесконечными заместителями, заходившими в его кабинет за подписью на очередной бумаге. А тут – на тебе! Какой-то пацан орёт на него и чуть ли не матом указывает, что делать. Уверен, в прежней жизни мэр не стерпел бы такого даже от человека с раненым ребёнком на руках и непременно бы расквитался с ним за прилюдную потерю лица после того, как подопечному смутьяна и наглеца будет оказана вся необходимая помощь. Теперь же лицо мэра лишь на секунду исказилось, отразив на себе причудливую смесь замешатель-

ства, смущения и ярости, но как только они вместе с Лёхой вышли на дорогу, он, я уверен, тут же обо всём забыл.

– Слыш, пацан, помоги-ка мне тоже, – сказал мужчина в чёрном, обращаясь уже ко мне, – Я быстро, как они, не могу. Да и дойти сам тоже не смогу. Пособи.

Я велел детям оставаться в автобусе и ничего в нём не трогать, а сам закинул руку раненого себе на плечи и повёл его следом за Лёхой и Гросовским в сторону медпункта, дорогу к которому я уже успел позабыть, несмотря на то что когда-то сам провёл там около месяца.

Когда мы, наконец, передали мальчика медсестре, Лёха первое время не хотел отходить от него и всеми силами стремился помочь в оказании помощи. Хотя какое там «оказание помощи»: то была тщетная попытка реанимации, исход которой был изначально предreshён.

Я, мэр и мужчина в чёрном сидели в коридоре. И Гросовский, и я понимали, что уж мы-то точно будем лишними в реанимационной. Мужчина же смиренно ждал, пока персонал этой ничтожно маленькой, жалкой деревенской больницы освободится, чтобы и ему попытаться хоть чем-нибудь помочь. Это время мужчина в чёрном решил провести с пользой для дела. Не так сильно его волновала его собственная участь, как участь доверенного ему дела, которое он твёрдо был намерен довести до конца.

– Так вот, Михаил Юрьевич, рация, – снова вернулся он к теме прерванного ранее разговора.

– Там это... Ребята одни остались. К ним бы кому-нибудь пойти, – сказал я, решив снова перебить мужчину. Не сделать этого я не мог: я, вроде как, был кем-то вроде пленника, и моё положение, вроде как, обязывало меня отпроситься, прежде чем куда-то уходить. Даже по объективно важному делу.

– Так походи, – раздражённо сказал мужчина в чёрном.

И так я и сделал.

По пути обратно к мэрскому дому я, наконец, увидел в Надеждинском хоть какую-то жизнь – пусть и не снаружи, не на придомовых участках, но хотя бы внутри жилищ. Люди чуть ли не в каждом доме стояли у окон и любопытными глазами смотрели на меня: так, словно я либо был пришельцем с другой планеты, либо делал что-то, что они сами для себя считали невозможным или недопустимым. «Может, иду как-то не так?» – подумал я, – «Или тоже кровью перепачкался?» Я оглядел себя с ног до пояса и увидел, что, действительно, на новенькой одежде, которую я сегодня – подумать только, сегодня утром! – взял из бутика в самом дорогом торговом центре города, то здесь то там алеют кровавые пятна. Прощайте, джинсы, и прощай, куртка! Хотя куртку ещё, может быть, удастся отмыть. Мысли об одежде и о том, как я выгляжу, были совершенно не к месту, но они помогали мне отвлечься и прийти в себя после произошедшего на дороге. Тот страшный миг остался позади, но думами о всякой чепухе я будто бы стремился задвинуть его ещё дальше назад,

в долгий ящик забвения. И, в общем-то, у меня получалось.

Ребята, оставшиеся в автобусе, будто бы и не заметили ничьего отсутствия. Они всё так же сидели в салоне, забившись по углам, и обсуждали что-то друг с другом вполголоса. Никто из них больше не плакал и не рыдал. Казалось, что про перестрелку они забыли ещё быстрее, чем я, направив на это всю мощь блокирующих механизмов своей пока ещё молодой и гибкой психики. Скоро, думал я, этот эпизод останется только где-то там, в мрачных глубинах их подсознания, и неизвестно ещё, будут ли эти образы из прошлого страшнее всего того, что им придётся пережить в последствии. Несмотря на все безрадужные предпосылки, обусловленные постапокалиптической реальностью, у меня почему-то не было никаких сомнений в том, что дети эти когда-нибудь вырастут и доживут до возраста, когда будут грешным делом пытаться отрефлексировать свои детские травмы. Несмотря на то, что мир вокруг изменился до неузнаваемости, и в нём были теперь совершенно иные, отличные от прежних, правила, я, утратив за эти сто одиннадцать дней множество других иллюзий и надежд, всё ещё сохранил внутри себя наивную веру в то, что смерть и детство – это понятия из двух параллельных, никак не соприкасающихся друг с другом вселенных. Даже тот паренёк, схвативший шальную пулю, не мешал мне верить в это. И надеяться, что даже для него с его жутким ранением всё закончится хорошо.

Я вывел ребят на улицу, чтобы там они немного подышали, размяли ноги и отвлеклись на снег, внезапно повалившийся с неба маленькими невесомыми хлопьями.

– А мы где? – спрашивал кто-то из них, перебивая кого-то другого, пытавшегося спросить ровно то же самое.

– В Надеждинском. Деревня такая, – отвечал я.

– Это тут нас спасать будут?

– Не знаю. Здесь просто безопаснее – вот и всё.

– А Лёша говорил, что нас тут спасут, и у нас тут свой дом будет.

– Может, так и будет.

– А тут зомби есть?

– Нет. Я их тут не видел.

– А это... А вот... А бассейн? – спросила девочка, явно хотевшая просто спросить хоть что-нибудь, хотя бы какую-нибудь бессмыслицу, а не в самом деле поинтересоваться о том, есть ли тут бассейн.

– Не знаю. В этом доме, может, и есть, – сказал я, кивнув в сторону мэрской дачи, буквально светившейся роскошью.

– А нам поплавать там дадут?

– Может, и дадут. Если хорошо попросите.

– Мы хорошо попросим!

– Да! У кого надо просить?

– А вон, у того дяди, – сказал я, указав на мэра, только-только показавшегося из дверей медпункта и теперь двигавшегося в сторону дороги.

Через минуту-другую мэр уже подошёл к воротам своего замка. Едва это случилось, детвора облепила его и точно толпа отчаявшихся сирот из какой-нибудь далёкой и не самой благополучной страны стала требовать у него, большого и хорошо одетого человека, подаваний. Гросовский сначала не понял, что происходит. Он весь был где-то там, в своих мыслях, и на ребят смотрел с недоумением: как на кучку неопознанных субъектов, стремящихся достать его из пелены похмельного бреда.

– А можно к вам домой туда?

– Да, можно?

– А то я замёрз. Я давно уже замёрз! И есть хочу!

Мэр вопросительно посмотрел на меня, будто бы ожидая, что я каким-то образом найду для него выход из сложившегося положения. Я лишь пожал плечами в знак того, что я тут ни при чём, и что маленький народец простирает маленькие ручки не ко мне, а к нему, и, стало быть, ему и надлежит ответить на их воззвания.

– Ну, пошли... Да, правда, давайте-ка внутрь – что это я! Места там много – у меня и останетесь пока все. А там – поглядим, – сказал своё слово мэр.

Дети пришли в восторг и проследовали вслед за Гросовским, который вставил ключ в замок и, провернув его несколько раз, отворил металлическую калитку.

– Ты тут остаёшься или как? – спросил мэр уже у меня. Я расценил это как приглашение и тоже вошёл во двор.

Убранство мэрской дачи поражало воображение. Простор, высокие потолки, огромные люстры под ними и ремонт, достойный вилл правителей и больших денежных воротил. Мебель выглядела так утончённо и так дорого, что казалось, будто раньше она стояла в каком-нибудь музее. Техники было много – до жути много, – а размеры телевизора в гостиной заставляли хотеть остаться жить тут не только ребят, которым мэр тут же включил на этом монструозном экране давно забытые мультфильмы, но и, скажем, заурядного подростка с окраины, выросшего в типовой квартирке в обычной, безликой девятиэтажке. Я всегда знал, что существует разница между простыми людьми и всякими богатыми, включая в их категорию ещё и власть имущих. Но чтобы такая разница! Впрочем, не уравнила ли нас давным-давно общая беда, приключившаяся со всеми: и с богатыми, и с бедными? Богатым, конечно, приходилось попроще первое время, но насколько ещё хватит их былых возможностей, обеспеченных капиталом или властными полномочиями? Кто такой Гросовский без всех тех, кто по инерции сохраняет преданность ему, а значит и прежним порядкам, и иерархиям? Сила, воля, решимость, и подкрепляющие их технические возможности вкупе с дисциплиной совсем скоро станут новым золотом. А золото... Так и останется блёкнуть и чернеть в увядающем краю небоскрёбов и роскошных вилл. В этой связи, кто кому нужнее: условный Гросовский условному Старкову или наоборот?

Оставив исстрадавшихся детей перед многояймовым окном в мир цветного счастья, Гросовский ушёл в обеденный зал, совмещённый с кухней, и пригласил меня последовать за ним. Зал соседствовал с гостиной, и даже зайдя в него и прикрыв за собой дверь мы всё равно слышали полный радости, упоения и щенячьего восторга смех ребятишек, вмиг забывших обо всём, что приключилось на дороге.

– Хороший звук, – сказал Гросовский, отвернувшись к какому-то шкафу на стене и доставая из него что-то, – Смех. Детский смех. Редко теперь такое услышишь.

Оказалось, мэр доставал из шкафа начатую бутылку спиртного и три больших стакана. Сначала я не понял, что это было: виски, коньяк, бренди или что-то ещё. На цвет что первое, что второе, что третье выглядело для меня одинаковым. «Так или иначе, это должно быть что-то стоящее», – решил я, вспомнив о том, в чьём доме нахожусь. Гросовский наполнил два стакана почти до краёв, а в третий плеснул совсем чуть-чуть. Один полный стакан остался стоять на столе, другой мэр протянул мне, а третий – тот, в котором напитка было меньше всего – взял сам.

– Не спрашиваю, будешь или не будешь, хочешь или не хочешь. Надо. Держи.

Рука моя затряслась, когда я принял стакан, и мне пришлось взять его двумя руками, чтобы не уронить.

– Погоди... А я тебя помню! Ты же тут, с нами был, да? Парнишка, который почти месяц в больнице пролежал, а по-

том со Старковым в первую волну ушёл. Ты же?

– Я, – подтвердил я.

– Как зовут, напомни?

– Костя.

– Видишь, как мир тесен. Давай, Костя. Будем!

Мэр взмахнул стаканом и мигом осушил его. У меня так ловко не вышло бы при всём желании: поила было уж слишком много. Едва сделав один небольшой глоток, я понял, что уже давно не пил ничего подобного. Алкоголь был хорош – это точно. Но я всё равно так и не разобрался, что это. Впрочем, какая разница?

Тепло разлилось по телу, и на душе стало чуточку лучше. Вмиг все прошлые тревоги ушли, уступив место бодрому оптимистическому подъёму, находясь в котором я ощущал, что всё мне по силам, и что все невзгоды – это нечто временное и переходящее. Что совсем скоро я вернусь в город и снова буду рядом с Ирой, и что из-за всех происходящих сейчас недоразумений переживать не стоит. Всего один глоток спиртного, а какие разительные перемены в мироощущении!

Гросовский подлил себе ещё. И вдруг заговорил о том, о чём, по всей видимости, ему не с кем было больше поговорить, и о чём он решил рассказать мне только потому, что я совершенно случайно оказался рядом.

– Старкова, значит, захотели скинуть? – спросил он так, будто я лично руководил заговором бывших подчинённых полковника против него.

– Не могу знать, – по привычке ответил я первое, что пришло в голову. Как же нелепо это, должно быть, прозвучало!

– Да понятно, – сказал на это Гросовский, – Понятно, что не можешь. Не твоего это ума дело. И правильно. Знаешь, кто такой этот Вохр?

– Нет.

– Мне этот ваш спутник в чёрном сказал с ним на связь выйти, – пояснил мэр, – Вот по этой рации. Я так понимаю, как только я на связь выйду, Старкову, считай, билет в один конец выпишут.

– Не знаю.

– Н-да... Н-да-а-а. Тяжёлая история.

Мэр снова выпил всё, что было в его стакане, немного подержал напиток во рту, а потом проглотил, продолжив плясаться в какую-то одному ему видную точку в стене.

Обстановку разрядила открывшаяся и тут же захлопнувшаяся парадная дверь. Я не знал, кто вдруг решил нагряться в гости к мэру и не имел к этому ни малейших догадок.

– Друг твой, – прокомментировал Гросовский, тут же поправившись, – Или не друг, а так... Не знаю, кто у вас там кому и кем приходится. Знаю только, что в переплёт вы угодили какой-то жуткий, судя по всему. Потом как-нибудь расскажете, как захотите. Тот парень раненый мне всё вкратце обрисовал. Ладно, неважно. Главное – выпейте сейчас, пацаны. Разгрузитесь чуть-чуть, мозги расслабьте.

В дверях возник Лёха, всё ещё выглядевший неважно.

Гросовский жестом пригласил его присоединиться к нашему скромному спонтанному застолью. Лёха неспешно подошёл к столешнице, на которой его дожидался наполненный до краёв стакан. Он понюхал поило и сказал:

– Я не пью. Есть, может, чай какой или кофе? Вода – тоже нормально.

– Выпей, выпей, – настаивал мэр, – Полегчает.

– Не буду. Не полегчает, – ответил Лёха, в очередной раз прервавшись на то, чтобы прокашляться, – Если ни чая, ни кофе нет – ничего. Спасибо, что вообще под крышу пустили.

– Брось! Что там, кстати? Что-то новое говорят? – спросил Гросовский, по всей видимости, имея в виду состояние Лёхиного подопечного.

– Плохо всё, говорят. Сказали, сделают, что смогут. И на том спасибо. Мне, вон, аптечку целую вручили, хотя я просто от кашля что-нибудь просил. Тоже лечиться буду понемногу.

– Н-да... Вы как вообще? Какие планы у вас? – спросил мэр, глядя поочерёдно на нас обоих. Я приложился к стакану, чтобы ничего не отвечать, и оставил Лёхе бремя разговора с бывшим градоначальником.

– Какие там планы? – сказал он, – Нас перед фактом просто поставили: сказали, мол, сюда едем. А там – чёрт его знает, что. Костян, вон, мне дорогой хоть что-то рассказал. А эти – вообще ничего не говорили. Просто, говорят, едете в Надеждинское, и всё.

– Вы, значит, не в курсе, как у нас тут дела? – спросил мэр.

Вопрос его насторожил меня. Гросовский, в свою очередь, взял паузу, чтобы снова плеснуть себе горячего. Выпив, он чуть задержал пойло во рту, а после снова стал говорить:

– Мне тот подранок ваш, – начал он, – Который рацию мне втюхал, сказал, что вы тут, вроде как, остаться должны были. По вашему плану. Препятствий в этом отношении вам никаких: хотите – оставайтесь. Только имейте в виду: времена сейчас не лучшие. Самое безопасное теперь – в городе. Там солдаты, там – какая-никакая определённости и понимание обстановки. В конце концов, ландшафт привычный. У нас же тут... В городе как вообще, не было никакого кипиша по части самолётов?

Вопрос мэра прозвучал для меня бессмысленно. Ещё бессмысленнее он прозвучал, должно быть, для Лёхи. Какие самолёты? Какой кипиш? Мэр тем временем продолжил, подливая себе ещё.

– Ну да... Короче, парни мои сейчас все в поле: ищут эти контейнеры, которые те самолёты сбросили. Сначала думали, мол, гуманитарка какая-то из центра. Потом отыскали один, открыли, а там – подарок. Гора трупов, такой, прямо скажем, непривычной наружности. Быстрые, сильные, как будто только витаминов поели. В общем – такой вот сюрприз. Что за подгон такой, и какой в этом смысл – никто до сих пор и не понял, только предполагать можем. Но факт в том, что контейнеров сбросили – дай боже! Какие-то так и

остались закрытыми, но то – единицы. Из большинства группы повылезали, и теперь бродят по окрестностям и только и ждут, чтобы прийти на какой-нибудь зов или писк. Благо, благодетель есть, который с высоты за всем этим наблюдает и как-то отслеживать может. Без него парни и не знали бы, что – и кого – искать. Только вот парней – всего ничего, а тварей этих, по последним сводкам, выше крыши. Худо-бедно истребляем их, но... Но новостей давно не было от всех трёх групп: последний раз докладывались вчера. В общем, я вам это всё затем рассказываю, чтоб вы подумали, стоит ли тут оставаться. У нас у самих – вернее, у тех, кто тут остался и никуда не убежал, – сейчас мысль об эвакуации – самая первая. Тут вариантов два: на дорогу выйти или в город податься, к Старкову. О том, как в городе дела обстоят, у нас только отрывочные сведения от вашего командира были. Теперь вот – ещё сведений добавилось: что у вас, вроде как, голосование единогласное планируется за нового командира, с последующей казнью старого. Уверенности в завтрашнем дне это не добавляет, но даже это лучше, чем дорога и полная неизвестность. Так что вот такие дела. Вот в такое Надеждинское вы приехали.

– Товарищ... Как вас там? В общем, господин-мэр, – начал Лёха, так и не дождавшись от Гросовского ни чая, ни кофе, ни даже воды, – Лично мне с ребятами надо туда, где есть какая-то гарантия того, что завтра из леса на нас не пойдёт толпа этих тварей и не начнёт ломиться к нам в двери. Ещё

нам надо быть там, где можно, в случае необходимости, раздобыть лекарства для всяких там разных болезней, которые никуда не делись. И ещё... Ещё нужно место, где по нам не будут стрелять – вот, что. У вас тут – такое место?

Мэр промолчал. Он плеснул себе новую порцию выпивки и, мгновенно расправившись с ней, ответил:

– Не знаю. Раньше – такое место и было. Сейчас ничего нельзя определённо сказать. Что могу вам точно пообещать – это что здесь, в этом доме, до вас никто не доберётся, и никто вас не тронет. Здесь я и предлагаю вам остаться – хотя бы на первое время. Дальше – поглядим. Дома пустующие у нас есть, если что.

– А что другие люди? – вмешался в разговор я, – Ну, те, кто раньше здесь жили.

– Живут так же, – ответил мэр, – Никто никуда не уезжал, если ты об этом. Куда ехать-то? В город если только. Да и то, те, кто тут остался и сразу в солдаты удачи не записался, хотели жить в покое и безопасности, а не в строю шагать и ждать, пока тебя не отправят куда-то, где ты свою голову сложишь. Поэтому к Старкову после того, как он в город перебрался, никто не спешил и не спешит. Так что все на месте. На ликвидацию этих... бандеролей с трупами от доброжелателей я своих ребят отправил. Потому пусто так на деревне стало: у нас тут что-то вроде комендантского часа перманентного. За его соблюдением никто так уж строго не следит: все сами предпочитают по домам сидеть от греха

подальше. Ну, а если уж из лесов трупы пойдут – Захар предупредит.

– Захар? Это который ди-джеем был и на парашуте летал?

– Он самый. Он и сейчас летает. Если б не его аппарат, мы бы о контейнерах никогда не узнали, да и вообще были бы как без глаз. Про обстановку в периметре и в ближайшем радиусе только благодаря ему мы в курсе. Ребят в поле тоже он координирует. Молодец он. Я сначала думал, что побежал, гад, как про Старкова узнал с его этой вербовкой. Он, в общем, и правда убежал: улетел и не обещал вернуться. Уж не знаю, где и как они там всё это время кантовались, с его этими командос, которые оружие изначально сдать не захотели и отчалили. Но когда контейнеры эти посыпались с самолётов, он-то мне про них и рассказал. Предостерег. Они, вроде, там тоже потихоньку подчищают всё, что ближе к реке. Там – у реки – где-то они лагерем и стоят. Говорят, хотели сплавиться изначально, да потом решили подождать, чем старковская эпопея в городе закончится: может, мол, выгорит всё у полковника на первых порах, а там ему и помощь не помешает. Короче, у них тоже идея к городу двигаться. И у нас – тоже, в общем и целом. Остаётся только вопрос: в каком качестве? Как беженцам туда приехать или... Ещё эта история с этим вашим Вохром... Ох-х, сложно всё, сложно.

Гросовский покачал головой. Было видно, что напиток уже как следует всосался в его кровь, и он порядком захме-

лел. Я чувствовал себя так же. Лёха смотрел на всё трезвыми глазами и потому, наверное, ему и было тяжело уловить нить мэрского рассказа.

– Я, если честно, ничего не понял, – сказал Лёха, прервавшись на кашель, – Да и, сказать по правде, меня не так уж это волнует сейчас. Скажите лучше, где нам можно расположиться пока?

– Пока – оставайтесь в гостиной. А там посмотрим.

– Я пойду тогда к ребятам, – сказал Лёха.

– Конечно. Если что-то нужно – скажите там мне или дочери. Она в своей комнате наверху, но наружу вряд ли покажется. Так что остаюсь только я. Еда – тут, в холодильнике и в ящиках. Плита, чайник, микроволновка – всё есть, всем пользуйтесь. Чувствуйте себя как дома, в общем. Если что-то непонятно – спрашивайте.

– Хорошо, – ответил Лёха и, кашляя, ушёл в комнату к детям.

Мэр и я снова остались вдвоём. Мой стакан всё ещё был наполовину полон, и я не планировал уходить до тех пор, пока не справлюсь с ним. Гросовский подлил себе ещё одну порцию и убрал бутылку обратно в шкаф, решив, видимо, что для пары часов после полудня выпил он достаточно, и продолжить лучше уже вечером, когда начнёт садиться солнце. Пригубив свою порцию напитка, он посмотрел на лежащую на столешнице окровавленную рацию. Затем вдруг спросил:

– Ты как сам вообще считаешь: Старков нормальный командир? Как вообще вашему брату при нём служится?

– Нормально, – пожал плечами я и выпил ещё, – Жалоб особых нет, да и похвалить особо тоже не за что. А что?

– Что? Да так, интересуюсь. Раз уж предлагают мне тут судьбу его решить. Мужик-то он, вроде, нормальный. Со своими тараканами, но нормальный. Да, жестил с ребятами своими, пока за реку в первый раз не ушли, но то в начале было, и то – примета времени. Я тоже во многом маху дал, да и все дали. Все делали что-то, чего от самих себя раньше ожидать не могли. Н-да... А зачистка-то как вообще продвигается? А то мы связывались последний раз чёрт знает, когда, и я, можно сказать, совсем не в курсе. Сколько процентов территории уже освободили?

– Этого я не знаю, – признался я, – Лично я был на проспекте Второго сентября. Там теперь чисто. От него по тракту последний блокпост – чуть дальше Радуги. Слышали, может: торговый центр у нас там, на отшибе.

– Слышал, слышал. Прилично, стало быть. Да и по телику его ребята шарманку свою постоянно крутят, и по радио – тоже. Значит, идёт работа.

– Идёт, – согласился я и снова выпил.

– Это Вохр, приём, – прошипела вдруг рация, отчего и я, и Гросовский едва не подпрыгнули.

Мэр молча посмотрел на рацию. В правой руке у него по-прежнему был стакан. Левая ладонью упиралась в столеш-

ницу. Рация была прямо перед ним.

– Вохр говорит, приём. Живой кто есть, приём?

– Ты, парень, это... Здесь остаёшься? – спросил меня мэр, по-прежнему пристально глядя на окровавленную рацию.

– Здесь – в смысле, дома у вас?

– Ага.

– Да нет, наверное. Пойду я. Там, в конце улицы, дом, в котором я раньше жил. Знакомые старые там остались. Схожу их навещу.

– Навести, навести. А я тут... Поговорю в общем. В зале или на кухне тебе надо ещё что-то?

– Нет, – ответил я, покосившись на свой стакан.

– Тогда прикрой там дверь с той стороны. И телик можешь погромче ребятам сделать: не слышат поди ничего.

Несмотря на то, что я был изрядно пьян, намёк Гросовского был мне понятен. Я оставил стакан с недопитым напитком и вышел из комнаты. Последнее, что я увидел, закрывая за собой дверь – это как мэр одним махом осушил свой стакан и с силой хлопнул его дном о столешницу.

В гостиной царил идилия. Лёха устроился рядом с ребятами, позабывшими о горестях и невзгодах, и тоже пытался стеклянными глазами смотреть на экран и вникать в происходящее там. Было заметно, что думает он, тем не менее, о чём-то своём, а не о цветных картинках и о всяческой яркой чепухе в телевизоре. Даже самая яркая палитра не могла бы раскрасить сейчас его мрачные, чёрные думы. Я посмот-

рел на него несколько долгих секунд пьяными, сбившимися в кучу глазами и хотел было что-то сказать. Наверное, хотел как-то подбодрить его или сказать ему, чтобы принял что-нибудь из того, что ему дали в медпункте, и что теперь лежало у него на коленях, упакованное в чёрную кожаную коробку с красным крестом на ней. Но вдруг это что-то, чем я намеревался потревожить Лёху, как-то улетучилось, и я решил его не беспокоить. Присоединяться к их просмотру мультфильмов мне тоже не хотелось. Хотелось покоя и тишины. Хотелось отдохнуть и, может быть, поспать. Я надеялся, что Сергей с Кристиной не держат на меня зла, и что, когда я приду к ним, у них найдётся для меня комнатка. Та самая, в которой мы раньше жили с Ирой. Тихая, маленькая, уютная комнатка, в которой я славно отосплюсь как минимум до вечера, а как максимум – до завтра, а уже завтра, свежий и отдохнувший, попытаюсь каким-нибудь образом вернуться обратно в город. Так и не попрощавшись с Лёхой, я вышел из мэрского дома на улицу.

Проходя мимо изрешечённого пулями автобуса, я ещё не знал, что совершаю сейчас свою самую роковую ошибку. Нужно было тогда – именно тогда – прыгнуть в этот автобус на водительское кресло, включить передачу и гнать прочь из Надеждинского. На всех парах, на последних издыханиях двигателя – назад, в штаб, чтобы там предупредить Старкова обо всём, что задумали против него эти люди в чёрном, а потом – к ней, к моей ненаглядной. Снова увидеть её и не

расставаться уже никогда. Вот, что надо было сделать, вот что! А я... Болван! Эх, если бы отмотать время назад... Но, с другой стороны, сделанного не воротишь. К тому же, кто знает, что в итоге приключилось бы с ней – той, кто всё ещё спит там, в углу, пока я пишу здесь свои последние строки.

Пока же смерть была ещё далеко – за горизонтом ночи. Пока я всё ещё шёл по деревне и действительно радовался тому, что мне выпала возможность вновь здесь побывать. То и дело я ловил себя на ностальгических чувствах, глядя на знакомые домики и проулки. Вот – магазин, с крыши которого когда-то давно вещал Старков и провозглашал свою мобилизацию. Вот – место, через которое мы с Сергеем проходили каждый раз, когда шли на работу и с неё. Вот дом Захара, у которого Сергей обменивал керосин на алкоголь. А вот, собственно, и дом Сергея. Я свернул к нему и постучал в деревянную калитку. Прошло несколько минут, прежде чем хозяин отворил её.

Сначала Сергей непонимающе посмотрел на меня. Мол, кто ты такой? Откуда нарисовался? Лишь через несколько секунд он пригляделся и, наконец, вспомнил меня.

– Костя? А ты как здесь? – спросил он.

Через левое плечо его был перекинут ремень. На ремне висел убранный за спину охотничий карабин.

– Долгая история. Можно зайти?

– Заходи, конечно. Давай, иди пока внутрь, я тут сам всё закрою.

Сергей затворил калитку на большой засов, переброшенный сразу через неё и через деревянные автомобильные ворота во двор. Я прошёл по расстеленным на земле доскам, чуть припорошённым снегом, ступил на скользкое крыльцо и поднялся в сени.

Дома была Кристина, встретившая меня в прихожей. Она, как и Сергей, тоже не ждала гостей. Их племянница Юля увлечённо смотрела маленький, старый телевизор и не обращала на меня никакого внимания. Кристина задала тот же вопрос, что и Сергей, увидев меня. Я, в свою очередь, ответил ей тем же, чем и Сергею. Она пригласила меня на кухню. Там к нам двоим вскоре присоединился Сергей и рассказал, наконец, откуда у него оружие.

– Главный вооружил всех, – пояснил он, – Ну, как всех: по ружью на дом. А там уж кому как повезло. У нас, вроде, нормальный аппарат. Кому-то двустволка старая досталась, которая ещё неизвестно, стреляет ли вообще. Стволы по сусякам наскребли: всё, что было в закромах, и что когда-то изъяли у новоприбывших

– А зачем он это сделал?

– Для самообороны. Все его менты и прочая братва в поля ушли, упырей гонять. Я, честно говоря, сам не понял толком, что там за история: мэр как-то нескладно и второпях всё объяснил. Как будто какими-то контейнерами их кто-то сбросил с самолётов. А кто сбросил, зачем – даже он не знает. И никто вообще толком не знает. Хотя самолёты и впрямь

пролетали: эскадрилья целая, да ещё здоровые такие.

– А люди что по этому поводу говорят?

– Да что они говорить могут? – отмахнулся Сергей, – Так, языками чешут. У всех версии какие-то – чепуха одна. Главное, что они где-то неподалёку тут приземлились и, вроде как, некоторые даже уцелели при падении и бродят где-то в окрестностях. Вот, чтобы не дожидаться, пока они на деревню набредут, Гросовский и отправил народ отстрелять их на подступах. Так-то я не переживаю, если честно. Мы, вон, забор наполовину достроили: точнее, базу закончили, костяк, по всему периметру. Мертвечина – она же, вроде, тупая, бес-толковая. Кто-то говорил, что они даже через простые препятствия перелезть не могут: тормозятся возле них и носом утыкаются, не понимая, что к чему. Так что даже ружья, по сути, не нужны: забор один со всеми справится, если что вдруг. Ну а это – это всё больше для подстраховки.

Сергей ещё раз показал мне свой карабин, давая понять, что он имел в виду под словом «это».

– Ты лучше расскажи, – включилась в разговор Кристина, – Как ты-то тут оказался? Мы думали, и ты, и Ира с концами ушли. Кстати, где она?

Я поведал им всю историю своих злоключений, начиная с того дня, как я ушёл от них в последний раз. Мне было радостно, что ни Сергей, ни Кристина не держат больше на меня зла за ту былую выходку, когда Старков приехал в Надеждинское набирать людей в первый раз. Мы снова сидели

на кухне за чаем, как старые друзья, встретившиеся друг с другом после долгой разлуки.

В середине моего рассказа на кухню пришла Юля. Увидев меня, она растерялась, не зная, как отреагировать на моё появление. Потом из её уст в очередной раз прозвучал вопрос, уже озвученный её дядей и тётей.

– А как ты сюда пришёл?

И я начал рассказывать историю заново.

Мы славно поболтали, и уже на закате разошлись. Я вышел на крыльцо, чтобы сходить в уличный туалет, а после – как следует надышаться свежим воздухом прежде, чем лечь спать. Сергей и Кристина выделили мне койку в комнате, в которой раньше ночевали мы с Ирой. После такого долгого дня я, впрочем, был бы рад устроиться и на холодном полу. Перед тем, как снова зайти в дом, я долго смотрел на заходящее солнце. Оно медленно тонуло в унылом, серо-коричневом море облетевших деревьев где-то там, далеко за огородами. Небо озарялось багрянцем его лучей, сделавшихся напоследок особенно яркими.

А дальше, вслед за сумерками, на Надеждинское опустилась ночь.

День 112

В предрассветном полумраке меня разбудил Сергей. Спал я крепко, и проснулся не сразу. Он же настойчиво тормозил меня за плечо, требуя, чтобы я немедленно встал с постели.

Когда я открыл глаза и увидел его, нависающего надо мной в домашних штанах, в майке и с карабином на перевес, я решил, что всё ещё сплю: настолько вид Сергея был абсурдным. Но едва он сказал мне, что послужило поводом к такому раннему подъёму, я миг вернулся в реальность.

– Тихо! Вставай, Костя, одевайся! – проговорил он шёпотом, – Не шуми только: обложили нас.

– Кто обложил? – спросил я, вопреки его наставлениям – во весь голос.

– Ш-ш-ш! Тихо, говорю! Уроды эти бестолковые – кто ещё? Везде вон: и по двору, и по улице ходят.

– Откуда они взялись?

– А я знаю? Одевайся. Надо как-то подготовиться, если вдруг внутрь ломиться начнут.

Позднее я узнаю, откуда нагрянули мертвецы. Но сейчас и впрямь было не до рассуждений на эту тему. Нужно было действовать, и действовать быстро. Я наскоро оделся, пристегнул свою поясную сумку с дневником и присоединился к перепуганным Сергею и Кристине в гостиной. Они всё ходили вокруг и смотрели в окна то там, то здесь. Юлю к окнам они не подпускали, желая, по всей видимости, оградить её от всецелого погружения в контекст сложившихся неприятных обстоятельств. Она, тем не менее, всё чувствовала. Дети всегда всё чувствуют и видят, когда идиоты-взрослые хотят от них что-либо скрыть, тем самым делая только хуже. Когда ребёнок понимает, что происходит что-то страшное, но все

взрослые вокруг старательно об этом молчат, как будто бы пытаясь защитить чадо от этой информации, ребёнок отчётливо понимает, что всё – хуже некуда, и наполняет созданный самими же взрослыми вакуум мрачными подробностями, на ходу сотворёнными буйствующим воображением. Вот и Юля, послушно сидевшая тогда в дальнем углу комнаты, возле печи, рисовала себе самые жуткие картины грядущего. Тщетны были её попытки выведать у дяди с тётёй, что там, в конце концов, происходит. «Ничего, Юленька, посиди пока, всё нормально», – отвечали они, держа её за полную дуру.

У Сергея в руках был карабин. Кристина ходила по дому с ножом. Я решил, что и мне неплохо было бы вооружиться хоть чем-нибудь. Я сходил на кухню и взял оттуда то, что доселе никогда не расценивал как оружие против мертвецов: ножницы. Большие кухонные ножницы с треугольными, но затуплёнными концами. Череп ими не пробьёшь, как, впрочем, и гнушимся, плохоньким кухонным ножом. Зато в глаз мертвяку зарядить ими ещё как можно. К тому же, в сравнении с ножом, ножницами прицелиться будет в чём-то даже проще. И в руке они сидят крепче. И как я раньше до такого не додумался? Штык-ножу они, конечно, проигрывают, но в сравнении с этими огрызками, годящимися только для чистки грибов и нарезки хлеба – небо и земля. И металл плотнее и надёжнее, и, опять же, рукоять... В общем, если случится чудо, и укус не убьёт меня через несколько часов, то я стану коммивояжёром: буду ездить от по всей стране, от города к

городу, и продавать ножницы.

– Какой план? – спросил я Сергея с Кристиной, вернувшись в комнату.

– Сидеть и ждать – такой план, – ответил Сергей.

– Чего ждать?

– Не знаю, – честно признался он, – Пока они уйдут куда-нибудь. Или пока их тут не перестреляют.

– Кто перестреляет?

– Да что ты привязался?! Не знаю я! Знаю только, что стены нас тут от них защищают пока – вот и всё.

– А дальше-то что? Ну, защитят они тебя день, два, три. Ну, просидишь ты тут, запасы экономя, какое-то время. В туалет, кстати, тоже как-то здесь ходить придётся...

– Короче, ты что предлагаешь, умник?

– Машина есть у вас?

– Была. Та, белая, на которой мы приехали. Которую ты нам ещё отдал, когда мы только-только познакомились.

– И где она сейчас?

– У соседей на участке. Из окна твоей комнаты её можно увидеть, через щели в заборе. Вон.

Сергей подвёл меня к окну, и я увидел лишь небольшой, тоненький намёк на что-то белое и похожее на корпус автомобиля между прикрученными почти вплотную друг к другу доски забора.

– Зачем вы её туда поставили?

– А я откуда знал, что она нам когда-то понадобится? У

нас во дворе места мало, мешалась она. Попросил соседа, чтоб во дворе у себя её подержал. У него места побольше. И чё ты предлагаешь-то в итоге? Тачку взять, а дальше что?

– Дальше – ехать отсюда. Или вас тут что-то держит?

– Ещё как держит! Мы тут только кое-как освоились. Да погоди ещё, чё горячку пороть? Щас менты мэрские подтянутся, перещёлкают всех. Может, в центре там, где мэрский особняк, их вообще нет.

– Ментов самих уже могли перещёлкать. Иначе как они этих тварей в деревню пустили? – вмешалась Кристина.

– И ты туда же! Ну давайте теперь через толпу к тачке ломиться!

– Зачем через толпу? Вот же она, за забором!

– А ты откуда знаешь, что у них там во дворе их не столько же, сколько у нас?

– А у нас их сколько?

– А у нас их много. На вон, иди, погляди. Можешь сам посчитать.

Я вышел в прихожую и посмотрел в окно, выходящее во внутренний двор. Там, на промежутке между крыльцом и калиткой, стояло всего двое заражённых. Выглядели они хорошо – даже очень хорошо. Сравнить их с полудохлыми, полузамёрзшими городскими мертвецами язык не поворачивался. Ко всему прочему, наружность у них была совершенно иная. Проще говоря, это были люди другой расы: чёрные волосы, узкий разрез глаз и большие плотные скулы. Они

яростно глядели вокруг своими пустыми, бесцветными глазами и будто бы всеми органами чувств одновременно пытались уловить хоть какое-то присутствие человека. Ходили они чуть пригнувшись, подобно собаке, идущей по следу, и то и дело дёргали головами вверх-вниз, словно бы это помогало им лучше ориентироваться в пространстве. У одного из рыскавших по двору была жутким образом сломана рука: кость в районе локтя, по всей видимости, была раздроблена в песок, а сама рука, вывернутая в обратную сторону, висела на одной только коже и мускулах. И тем не менее, этой же самой рукой ему удавалось каким-то образом шевелить! Пальцы на его кисти двигались, подёргиваясь один к одному, будто бы перебирая струны на грифе гитары. Как же давно я не видел мертвецов такими: бодрыми и полными сил. За всё это время я успел позабыть тот ужас и беспомощность, которые испытываешь, глядя на них.

Едва я поймал себя на мысли о том, что неплохо было бы увидеть, насколько они быстры, где-то вдалеке раздался хлопок. Потом – ещё один. Хлопки были громкими и звучными: стреляли, скорее всего, из двухзарядного старенького ружья. На хлопки отреагировали все зомби вокруг. Наши, притаившиеся во дворе, тоже вскинули головы. Точно проследив невидимый путь от эха до источника звука, они кинулись в сторону ворот, отделявших наш двор от улицы. Я не поверил своим глазам, когда увидел, как эти мертвяки играючи перемахнули через ворота высотой в человеческий рост. Они

прыгнули, вцепились в ограду сверху, а потом ловким, летящим движением перевалились через неё. Эти вышедшие из ниоткуда заражённые совершенно точно представляли собой угрозу какого-то совершенно иного уровня. Кто это такие, и почему они так шустры и сильны, мне тоже предстояло узнать в совсем скором времени. Пока же я мог только наблюдать и изо всех сил сопротивляться соблазну впасть в панику и, подобно Сергею, забиться в угол и отказаться вообще что-либо делать, кроме того, чтобы тупо сидеть и ждать.

Я знал, что нужно действовать. Что времени на размышление нет. Оттуда же, откуда несколько секунд назад раздался выстрел, теперь донёсся истошный крик, через мгновение сменившийся страшным, неестественно громким булькающим звуком.

– Надо к мэру идти, – сказал я, возвратившись в гостиную.

– Чего? Зачем? – изумился Сергей.

– Он точно знает, что к чему. Плюс, у него забор трёхметровый, ни одна тварь не зайдёт ни с улицы, ни из леса.

– Чем тебя здесь-то не устраивает пересидеть?!

– Он прав, – встала на мою сторону Кристина, – Мы тут как мясо на витрине. Чуть звук – и все сюда сбегутся, а там...

Кристина глянула на Юлю и понизила голос до шёпота.

– А там и в окна заползут, и в дверь начнут ломиться.

– Да как они тебе в окна заползут!

– Ты видел их? Они точно не такие, как там были, в городе. Эти и бегут как угорелые, и прыгают выше головы. Ты их

только помани, и они весь дом к чёртовой матери снесут!

– Твою налево... Да придите вы в себя! Вы жизнью рискнуть предлагаете, чтобы до более высоких стен добраться! Не лучше ли просто тут сидеть и никуда не ходить, с такими стенами, какие есть?

– Не лучше, – решительно ответил я. Кажется, в моём желании выйти наружу было и кое-что ещё, помимо необходимости добраться до дома Гросовского, чтобы попросту выжить.

– Тем более, сейчас шанс есть: пока они все на выстрел отвлеклись. Тут всего-то: через забор махнуть, и вот уже машина! Сели, да поехали.

– Ага. А ворота как? Таранить будем?

– Зачем? Откроем просто, да и всё. Потом – аккуратно по улочке, объезжая их. Может, вообще сразу получится до конца, до большой дороги доехать. А там – прямиком в город.

– В город?!

– В город, конечно. А куда ещё? Что здесь-то ловить?

– Вы уже определитесь оба, – раздражённо сказал Сергей, незаметно для себя самого перейдя с шёпота на бас, – Или в город, или к мэру.

– Я к мэру сначала, – сказал я, – Вы – как хотите.

– И что мы, ради тебя у особняка мэрского будем останавливаться? – возмутилась Кристина, – Зачем тебе вообще туда?

– Могу и на ходу спрыгнуть, – пожал плечами я, – А зачем... Надо – вот зачем. У меня друг там. А с ним – двадцать с лишним таких же ребят, как Юля. Ну, я вчера рассказывал.

– А, ты про Алексея? Н-да... Ладно, придумаем что-нибудь. Главное сейчас момент поймать, иначе потом опять застрянем. Юля, солнце, давай, вставай! Надо идти.

– Куда идти?! – в ярости воскликнул Сергей, явно потеряв контроль сначала над ситуацией, а затем – над самим собой, – Да вы с дуба рухнули? Нас сожрут там!

– Ты идёшь или нет?! – криком же ответила на это Кристина, – Если нет – отдай ружьё!

– Вы сейчас доорётесь до того, что уже и идти никуда не надо будет, – попытался разрядить их спор я, – Ключи, кстати, где? В машине?

– В машине, – сбавив тональность голоса, подтвердил Сергей, – Сама тачка открыта.

– Как на улицу выбираться будем? – спросила Кристина.

– Предлагаю через окно, – сказал я, – Сначала в палисадник, а там – сразу через забор.

– Вы уверены хоть, что в том дворе мертвяков нет? – спросил Сергей, сделав последнюю попытку вразумить нас.

– Увидим, – ответил я, – Я первый пойду. Заберусь на забор и гляну. Если есть кто – скажу, залезем обратно в дом.

– Ладно, чёрт с вами. Иди тогда сначала ты посмотри, а потом мы подойдём, если всё нормально.

Я кивнул, вышел в нашу с Ирой комнату и открыл в ней

окно, которое вело в граничивший с соседним участком палисадник. Его и участок разделял забор в человеческий рост, на который, в принципе, нетрудно было взобраться, встав перед этим на какое-нибудь возвышение. Я взял первый попавшийся стул и выбросил его наружу. Затем вылез и сам через открытое окно.

Лишь оказавшись в палисаднике я понял, что мертвецы могли быть и здесь: притаиться где-нибудь за углом дома. На мгновение меня охватил ужас, но я быстро взял себя в руки. К тому же, оглядевшись по сторонам, я убедился, что горизонт чист и перестал беспокоиться. Подставив стул к забору, я встал на него и теперь мог видеть весь соседский участок, вплоть до огорода. На нём не было ни души. В доме соседнем, по всей видимости, тоже кто-то был. Несколько пар испуганных глаз, принадлежавших взрослым людям, смотрели на меня из окон тамошнего дома. Я махнул им рукой и указал пальцем на машину. Таким образом я хотел сказать им, чтобы они присоединялись к нам в нашей авантюре. Но люди в доме лишь покачали головами, то ли говоря, что затея моя им не по душе, то ли отговаривая меня самого от этой затеи. И ведь действительно: чтобы выгнать машину на улицу, придётся отодвинуть задвижку и открыть ворота этого самого соседнего участка. А, оставив эти ворота открытыми, мы подложим нашим соседям большую и неприятную свинью. Что ж, нужно будет об этом как-то позаботиться – только и всего.

Я оглянулся назад и шёпотом сказал Сергею с Кристиной, что у соседей всё чисто. Услышав это, они стали вылезать из открытого окна. Пока они суетились там, я глядел на дорогу. В отличие от соседнего участка, огороженного глухим забором, улица от палисадника была отделена лишь невысокой изгородью. Через изгородь эту хорошо просматривалась улица, на которой я заметил несколько стоящих на грязной дороге мертвяков, переминающихся с ноги на ногу. Они будто бы отстали от своих сородичей, устремившихся на звук выстрела и на последовавший за ним чей-то истошный крик неподалёку, и теперь не знали, что им делать дальше. И потому они могли только ждать какого-то нового стимула, который погонит их к уже новой цели.

– Всё, я прыгаю. Вы – давайте тоже. Если надо, я там вас подхватю, – сказал я и перелез через забор, оказавшись на участке соседей.

Происходившее в нашем палисаднике дальше дошло до меня одними лишь звуками. Вот кто-то на той стороне встаёт на подставленный мною стул. Вот этот кто-то показывается из-за забора, и я узнаю, что кто-то – это Кристина. Она преодолевает препятствие и оказывается вместе со мной, рядом с машиной. Затем на стул встаёт кто-то ещё. Из-за забора показываются маленькие ручки, и я понимаю, что это Юля. Сергей встаёт на стул вслед за ней и подсаживает её, чтобы она могла перелезть через преграду. Она переваливается через забор, теряет равновесие и падает, громко взвиз-

живая от испуга. Кристина успевает её подхватить, и ребёнку удаётся избежать травмы. Затем я слышу яростный рык кого-то, кто до сих пор был на дороге и только и ждал повода кинуться на кого-нибудь, кто обнаружит своё присутствие, скажем, непреднамеренным, случайным вскриком. Потом я слышу уже несколько пар ног, приминающих ногами хрустящий мокрый снег и бегущих как будто бы прямо сюда. Затем – треск: ломается изгородь палисадника. Разъярённые мертвецы сшибают её своим стремительным напором, не видя необходимости в том, чтобы её перепрыгивать. Возможно, для них и для их полудохлого мозга преодоление препятствия – это какая-то более сложная операция, которая под силу только продвинутым, тренированным зомби. Чем обходить преграду или перелезть через неё, куда как проще ломануться напролом – тем более, если преграда ветхая и в некоторой степени условная. Под треск разломившихся полусгнивших досок Сергей вспрыгивает на забор и успевает свалиться сюда, к нам, прежде чем его преследователи оказываются в палисаднике. Теперь назад дороги точно нет.

– Ты как? – спросила его Кристина, зачем-то взявшись отряхивать его куртку от снега.

– В машину, быстро! – сказал он. Его округлившиеся глаза были полны первобытного ужаса.

– Садитесь и заводите. Я ворота открою, – сказал я и бросился выполнять обещанное.

«А что, если двигатель промёрз и не заведётся?» – поду-

мал я, откидывая от ворот здоровенную балку. Как говорится, хороша ложка к обеду. И как я раньше об этом не подумал? Дурак! Надо было сразу предугадать все возможные сценарии и предусмотреть варианты действий на случай всех возможных неудач! Хотя, кто знает, как скоро мы бы вообще взялись за дело с таким подходом. И взялись ли бы за него вообще.

К счастью, мотор завёлся. Ворота я как раз отворил, и Сергей, сидевший за рулём, уже стал разворачиваться для того, чтобы выехать через них на дорогу. На дороге, в свою очередь, было более-менее чисто. Мертвецы, разгуливавшие там возле нашего дома, теперь толпились в нашем палисаднике и пытались перелезть через забор. В этот раз у них получалось хуже, чем у тех двоих, которые перемахнули через ворота, направившись с нашего двора на выстрел ружья где-то вдалеке. Возможно, разгон был не тот или, может быть, мертвецы начали терять ориентир, и потому двигались к нему теперь не так стремительно. Так или иначе, у Сергея было несколько секунд – а то и минута – на то, чтобы развернуться и вырुлить со двора. Я воспользовался этой минутой для того, чтобы сообщить жильцам соседнего дома о необходимости вернуть балку на прежнее место после того, как я закрою ворота. Один из них кивнул мне через окно и пропал в глубине дома, устремившись, по всей видимости, к выходу. Я с ним, правда, так и не встретился: Сергей выехал с участка, и мне нужно было торопиться, если я хотел успеть

запрыгнуть в машину.

Выйдя на улицу, я поспешил закрыть ворота. Створки были тяжёлыми, и потребовалось время, чтобы вернуть их в исходное положение.

– Чё ты там встал?! Давай быстрее! – подгонял меня Сергей.

– Щас! – ответил ему я, таща на себя вторую створу.

И тут, едва я затворил ворота соседнего участка, кто-то налетел на меня и одним махом сшиб с ног. Я упал в снег в полнейшей растерянности. Наверняка мне как следует трянуло голову, потому что следующее, что я помню – это нависающего надо мной амбала с разинутым ртом, из которого на лицо мне капала тягучая слюна. Глаза у амбала были налиты кровью и были такими же одновременно пустыми и яростно алчущими, как и у всех прочих заражённых. Он хотел сожрать меня. Он хотел уничтожить меня, он хотел, чтобы меня не стало. Он хотел моей смерти, и ничто в этом мире не заботило его больше, чем я и моя жизнь, которую он должен был отнять.

Наконец, тогда, заглянув в глаза тому зомби, я понял о них всё, что должен был понять ещё раньше. Они – такие же люди, как и мы. Есть в каждом из нас что-то такое, что делает нас если и не одинаковыми, то по крайней мере похожими. Это – тяга к разрушению, к уничтожению, к умерщвлению. Это – жажда увидеть смерть всего живого, сломать что-то красивое, убить, завладеть и затем растоптать, сде-

лав себя единственным и последним хозяином чего-либо: будь это предмет или человек. Уничтожить не во имя собственного блага, не для выгоды или награды, но из чистого зла: из яростного желания заставить весь мир погибнуть раньше, чем наше собственное смертное тело испустит дух. Чёрт возьми, так вот зачем нашей цивилизации всю дорогу нужна была сказка про вечную жизнь в раю или в аду! Или про вечную жизнь в наших мирских деяниях: будь то искусство, наука или размножение и воспитание себе подобных. Без этих сказок нас ждёт лишь отчаянье, пустота и недолгая борьба с обидой на всё живое вокруг за то, что оно будет здесь после того, как нас самих поглотит небытие. С обидой, перерастающей в ярость и жажду сначала вдарить кулаком по чему-нибудь мягкому и податливому как следует, а после – придумать что-нибудь ещё, чтобы унять свою боль. Надо мной нависло не неведомое существо с раскрытой пастью, не какой-то там заражённый, не зомби и не ходячий мертвец. Надо мной навис точно такой же человек, которому волею судьбы, эволюции, Бога – кого угодно – отняли всё, кроме этой самой ярости, берущей своё глубинное начало в осознании собственной обречённости и беспомощности перед лицом неизбежной смерти. Этот амбал уже умер. И, возможно, где-то в недрах его холодного мозга имелось понимание того, что и текущее его положение тоже не вечно. Что мороз и естественные процессы разложения вскоре возьмут своё, если раньше этого не сделает пуля, пущенная в голову. И пото-

му он с такой жадной, с таким остервенением хотел сейчас, чтобы я последовал в это чёрное ничто вместе с ним.

Секунду-другую я просто лежал и держал амбала на расстоянии вытянутых, но постепенно сгибавшихся в локтях рук. Я ждал, что Сергей вот-вот выйдет и прострелит ему голову, и лишь надеялся, что пуля не зацепит меня за компанию. Но этого не произошло. Я слышал шум двигателя: как он сначала взревел, а потом стал удаляться всё дальше, дальше и дальше. И тогда мною овладело исступление. Больше, чем я сам хотел остаться в живых, я хотел, чтобы сбивший меня с ног амбал сдох, не получив желаемого. Силы были неравны. Он – здоровый стокилограммовый крепыш, а я кто? Тщедушный паренёк, полгода назад и не помышлявший о том, чтобы взять в руку что-то тяжелее компьютерной мыши. Но сейчас я должен был победить. Даже если после этого меня разорвут на куски сородичи амбала, подоспевшие ему на помощь – я должен вырвать свою жизнь из его лап, и должен сделать это сам. Пусть это будет стоить мне чего угодно, но сейчас я должен одержать верх.

Я изо всех сил толкнул амбала от себя и выскользнул из-под него чуть вбок. Потом я отпустил его и принялся ползти прочь. Мне нужна была секунда – всего секунда для того, чтобы только успеть выхватить из-за пояса ножницы и покрепче сжать их в руке. Это я и сделал. Когда я развернулся, амбал уже снова летел на меня, простирая вперёд руки. Движением, натренированным ещё в Знаменском, ещё во время

подготовки к возвращению в город, я подлез чуть под него, вцепился ему в горло и нанёс удар точно в левый глаз. Он дрогнул, ослаб, но не обмяк окончательно. Тогда я как следует провернул ножницы, вошедшие в его череп по самую рукоять, а после – вытащил их и ударил уже в другой глаз. Амбал плашмя рухнул на снег. Я взгромоздился на него и стал теперь уже беспорядочно бить его здоровенными кухонными ножницами по голове. Само собой, кости черепа они пробить не могли и только царапали лицо несчастному. Но я и не хотел теперь его убивать: он уже был мёртв. Я просто бил его, бил, бил, бил, чтобы... Не знаю, зачем. Наверное, затем же, зачем он минуту назад хотел вгрызться зубами мне в глотку. Просто так. Без всякой на то причины.

Я опомнился и оставил бедолагу только тогда, когда увидел следующего мертвеца, надвигавшегося на меня с той стороны улицы, которая через всего через несколько сотен метров упиралась в край деревни и в луга, простиравшиеся за нею. Тот другой мертвец шёл медленно, чуть пошатываясь. Что-то не то у него было с ногой. Он то волочил её, то опирался на неё и тут же почти падал, но в последний момент ловил равновесие и снова шёл вперёд, таща непослушную ногу за собой. Он видел меня. И шёл сюда, чтобы со мной расправиться. С ним в бой я вступать не стал и поспешил пойти по дороге в противоположную от хромающего преследователя сторону. Оставив за спиной амбала, лежавшего на окровавленном снегу, я направился к дому Гросовского.

Передвигался я трусцой, готовясь в любой момент победить быстрее, если вдруг за мной увяжутся мертвяки. К счастью, на ближайшие несколько сотен метров вперёд улица была пуста. Лишь возле одной из последних деревянных изб, следом за которой начинались уже богатые кирпичные коттеджи, я заметил сорище из семи или, может, десяти заражённых, окруживших съехавшую в кювет и завалившуюся набок белую машину. Следы на запорошённой дороге сначала тянулись двумя прямыми линиями вдоль дороги, потом в один момент резко искривлялись и шли сначала влево, потом вправо, а потом – вкривь и вкось, в конце концов заканчиваясь возле придорожной канавы, преодолеть которую на полном ходу и при этом не перевернуться мог, разве что, тяжёлый деревенский трактор. Судя по всему, до того, как Сергей поравнялся с этой самой толпой, она была занята чем-то – или кем-то – другим на противоположной от места аварии стороне дороги. Но то ли кого-то из мертвецов привлёк шум двигателя, то ли Сергей как-то неосторожно и слишком резко вывернул руль вправо, пытаясь объехать толпу, но, в конце концов, автомобиль вылетел с дороги, и часть мертвецов тут же устремилась к нему. На снегу остались их беспорядочные следы, за которыми тянулись тоненькие дорожки свежей крови. Должно быть, эти трупы успели прикончить кого-то, прежде чем взяться за Сергея и его семью: рты многих из них были перепачканы от подбородка и до самых глаз. Увидев аварию, я поспешил на помощь, совершенно не зная,

что именно я буду делать, чтобы выручить их. Знал я только одно: я должен сделать хоть что-то. Хотя бы попытаться.

На полпути я сообразил, что лучше всего будет отвлечь мертвяков от машины, переключив их внимание на себя. Для этого достаточно тупо начать кричать, хлопать в ладоши – да что угодно, лишь бы создать шум. Но едва я сложил рупором окровавленные руки и поднёс их ко рту, передняя дверь машины отворилась, и из неё показался ствол карабина. В следующее мгновение раздался первый выстрел. Затем – второй, третий, четвёртый, пятый и так далее. Сергей палил беспорядочно и большей частью наобум. Лишь дважды он попал в цель, поразив двоих мертвяков прямо в голову. Остальные же попадания только злили заражённых, заставляя их молотить по стёклам тачки всё сильнее и сильнее. В конце концов, мертвяки сосредоточились возле левой стороны автомобиля, находившейся на возвышении, а правую часть, двери и боковые стёкла которой почти упирались в землю, оставили, решив, видимо, что сверху они проникнут в машину куда как вернее. Сергей продолжал палить. Мертвецы продолжали тянуться к нему. Тем временем, из окна задней двери на противоположной стороне показались чьи-то руки. Потом – голова. Я увидел Юлю, пытавшуюся вылезти наружу, и поспешил к ней на помощь, стараясь обойти место аварии как можно дальше. Перетягивать внимание заражённых на себя было теперь бессмысленно. Они вплотную занялись Сергеем и уже от него не отстанут. Нужно хотя бы попытаться выта-

щить тех, кто сидит сзади. И я до последнего надеялся, что Юля и Кристина вместе успеют выползти из этой проклятой машины.

Подоспев к тачке, я взял Юлю за руки и потянул на себя. Протиснуться ей было невероятно тяжело: зазор между окном и землёй был очень узкий, да к тому же и мертвецы с другой стороны всё сильнее и сильнее толкали машину, делая этот самый зазор ещё уже, фактически переворачивая машину полностью на правый бок. Прогремело ещё несколько выстрелов. Затем раздался душераздирающий крик Сергея. Всё, конец: до него добрались, ему уже ничем не поможешь. Вслед за ним закричала и Кристина: скорее всего, от ужаса, а не от боли. Пока не от боли. Мертвецы начали проникать в салон автомобиля.

Юле удалось выбраться, и вслед за ней наружу просунула руки и Кристина. Следом она высунула голову. Стало ясно, что с ней всё будет не так просто, как с Юлей: она была значительно крупнее, и протиснуться через щель между окном и землёй ей будет куда как тяжелее. Машина, в салоне которой стонал съедаемый заживо Сергей, тем временем начала заваливаться на бок. На нас с Юлей мертвяки не обращали никакого внимания: они были сосредоточены на другой добыче. На мучающейся, кричащей и отбивающейся добыче, борьбу с которой они воспринимали теперь как игру.

– А-а-а-а-а!!! – вскрикнула вдруг Кристина, успевшая высунуться из автомобиля наполовину.

Я понял, что тачка качнулась и доброй частью своей массы стала прижимать Кристину к земле.

– Тащи её! – сказал я Юле, а сам стал пытаться толкнуть корпус машины в обратную сторону. Машина поддалась, и Кристина освободилась из почти захлопнувшегося на ней капкана, отделавшись лишь парой сломанных рёбер.

Вот только теперь, когда машина снова встала на левые колёса, Кристина всё равно продолжила кричать. И кричала она теперь, судя по всему, от другой боли.

– А-а-а-а-а!!! Отцепись! – в иступлении верещала она, извиваясь всем телом и тщетно пытаясь вытащить оставшуюся часть туловища наружу. Но у мертвецов в салоне, успешших-таки добраться до неё, были на её туловище другие планы.

Я отпустил машину и снова бросился вытаскивать Кристину. Но теперь нам с Юлей противостояли мертвяки, затягивавшие её внутрь.

– Тяни! – кричал я Юле и сам тащил её изо всех сил. Однако мертвецы оказались сильнее.

Когда Кристина перестала кричать, и изо рта у неё полилась чёрная кровь, я отпустил её руку. Юля же продолжала со слезами на глазах пытаться вытащить тётю из начавшей вновь накреняться машины. В конце концов, автомобиль снова упал набок, придавив Кристине шею и руки, которые всё ещё мёртвой хваткой держали Юлю и меня, будто бы до последнего таким образом цепляясь за саму жизнь.

– Всё, пусти, – сказал я Юле.

– Нет!

– Пусти!

Я насильно оттащил Юлю от тёти, а затем ещё какое-то время вёл её, брыкающуюся и пытающуюся вырваться, дальше по дороге. До дома мэра оставалось совсем чуть-чуть.

Мы миновали пяточок с магазинами в самом центре деревни, и я увидел, как люди внутри одного из магазинов баррикадируют окна и двери.

Мы миновали заворот на здравпункт, и я услышал крики, доносившиеся изнутри него.

Наконец, мы оказались возле особняка Гросовского, по-прежнему сверкавшего великолепием, несмотря на творившееся вокруг безумие. Ворота, ведущие во двор, были закрыты. У самого дома имелась небольшая пристройка – гараж, выходящий прямо на улицу. Ворота в гараж были открыты настежь. Автобус, на котором мы приехали сюда вчера, тоже куда-то пропал.

– Куда мы идём? – всхлипывая, спросила Юля, отчего-то решившая, что у меня есть ответ на этот вопрос.

– Теперь – не знаю, – ответил я.

Я понял, что мэр, по всей видимости, предпочёл не оставаться в осаждённом замке, а решил покинуть его, прихватив с собой остатки своей свиты, проживавшей в домах по соседству вместе со своими семьями. Можно было только гадать, куда он отправился: в город или куда-нибудь ещё. И

можно было только гадать, забрал ли он с собой Лёху и ребят, оставшихся на его попечении.

Вдруг, за спиной я услышал хруст снега. То были шаги: частые и приближавшиеся. Я обернулся и увидел, что за нами по пятам всю дорогу бежали два покалеченных трупа. Были ли это те же трупы, что расправились с Сергеем и Кристиной несколько минут назад или это был кто-то, кто увязался за нами позже – я не знал. Знал только, что они приближаются, и нам срочно надо куда-то скрыться. Бежать дальше по улице было бессмысленно: чуть поодаль в ту сторону можно было видеть маячивших то здесь, то там заражённых вперемешку с живыми, то ли сражавшихся с ними, то ли спасавшихся от них бегством.

– Пошли внутрь, – сказал я Юле, взял её за руку и, не дожидаясь, пока она среагирует на мои слова, потащил её за собой в открытый настежь гараж. Оттуда, решил я, наверняка можно напрямую попасть в дом. Мы поспешили в гараж, и я несколько замешкался на входе, попытавшись было найти какой-нибудь рычаг или кнопку, закрывающую большие ворота. Не найдя ничего и увидев, что мертвецы почти настигли нас, я плюнул на всё и вместе с Юлей вошёл в дом Гросовского. Закрывая за собой дверь, отделявшую гараж от основной части дома, я не знал ещё, что захлопываю над самим собой крышку своего собственного гроба.

Дверь из гаража вела в прихожую, бесконечным коридором тянувшуюся через весь дом и соединявшую воеди-

но кухню, обеденный зал, гостиную и лестницу на второй этаж. В доме чиновника было тихо, и я был уверен, что дом пуст. Сзади в дверь уже ломались заражённые. Ничего. Дверь выглядела массивной и надёжной, двое мертвецов вряд ли смогли бы её выломать. Коридор вывел нас в гостиную. Мы вошли в неё и увидели кровь. Реки крови. Вчера на этом самом диване, перед этим самым телевизором, сидели Лёха и его ребята и мирно смотрели мультфильм. Теперь огромная, нечеловеческих размеров плазма была разбита и лежала на полу. На диване, на котором лежали ещё и скомканные простыни с пододеяльниками, всюду были багряные пятна, и кое-где – даже куски кожи. Я взял Юлю за руку и отвёл её чуть за спину. В правой руке я держал испачканные и чуть погнутые ножницы.

В сторону обеденного зала мы шли уже осторожно: крадучись. Что здесь произошло? Неужели мертвецы под покровом ночи проникли в неприступную мэрскую крепость? Казалось, это было невозможно. В обеденном зале тоже всё было вверх дном: стулья на боку, перевёрнутый стол, всюду – какой-то хлам, которым кто-то, казалось, беспорядочно разбрасывался, чтобы... Чтобы что?

Чтобы защититься от кого-то – вот, что. Всё было очевидно. Мертвецы не проникали в дом снаружи – кто-то внутри умер и воскрес, пока все спали. Но кто?

Миновав обеденный зал, мы вошли в кухню. Убедившись, что там нет никого, кто представлял бы угрозу, я принял-

ся судорожно рыскать по ящикам, пытаюсь найти что-нибудь покрепче погнутых ножниц. Кто-то уже сделал это до меня: обшарил все ящики и вывалил часть их содержимого на пол. Не знаю, на чём в итоге остановил свой выбор мой предшественник. Я взял старый-добрый нож: длинный, толстый, острый. Юле я дал такой же.

– Если кто-то нападёт – бей точно в глаз. У тебя будет только одна попытка, так что целься хорошо, – напутствовал я вчерашней школьнице, которая, по-хорошему, должна была бы сейчас получать отнюдь не такие мрачные наставления. Юля кивнула и крепко сжала нож в руках.

Вдруг, в мёртвой тишине дома я услышал звук. Нечто, похожее на шорох или шипение радиопомех. Мы замерли. Это могло быть что угодно. Возможно, мертвец, засевший где-то в доме, каким-то образом почуял нас. Может, мы слишком сильно гремели кухонными приборами в ящиках, пока искали что-нибудь для самозащиты, а может, мы слишком сильно пахли, и чуткий нос притаившегося в недрах особняка заражённого услышал наш запах. А может, это и вовсе был не мертвец?

Звук повторился. Снова шипение, за которым последовало что-то, похожее на пение тронутой гитарной струны. Я прислушался. Нет, это была не гитара. Это был чей-то голос! Голос, доносившийся, по всей видимости, из какого-то динамика. Следуя за ним, мы вернулись из кухни в гостиную, и я понял, что звук идёт со второго этажа. Когда мы встали

рядом с лестницей, мне даже удалось различить отдельные слова:

– Н...жда, э... К...сон, приём...

– Костя, тут страшно! Пойдём куда-нибудь, – дрожащим от слёз и от страха голосом проговорила Юля.

Ах, если бы я тогда нашёл мудрость послушать её.

– Встань на середине лестницы и жди, – сказал я, – Они плохо ходят по ступеням. Если увидишь кого-то внизу – беги ко мне наверх. Если услышишь что-то наверху – стой на месте и жди меня. Если я крикну: «Беги!» – беги. Открой первое попавшееся окно, выпрыгивай наружу и беги. Знаешь, где дорога, которая в город ведёт?

– Нет.

– Смотри: если стоять спиной ко входу в дом, дорога будет в правой стороне. Помнишь же, как мы сюда пришли?

– Помню.

– Вот тем же путём – и до самого края деревни, пока трассу не увидишь. Там – налево. Так до города и дойдёшь. Идти далеко. Но это единственный вариант: больше идти некуда. Всё поняла?

– Ага.

– Всё запомнила?

– Да.

– Хорошо. Ладно, пошли.

Звук снова повторился: шипение и приглушённый голос. На этот раз голос звучал более отчётливо.

– Надежда, это Карлсон, приём!

Карлсон? Серьёзно? На догадки о том, кто бы это мог быть, не ушло много времени. Я знал, с кем я буду говорить, если мне удастся добраться до источника звука.

– Жди здесь, – сказал я Юле, когда мы тихонько, ступенька за ступенькой, преодолели половину лестницы. Она кивнула и встала у перил, по-прежнему крепко сжимая нож в маленьких, вспотевших ладонях.

Я поднялся на второй этаж и стал прислушиваться. Звук работающей радиостанции доносился из комнаты, дверь в которую была приоткрыта. Остальные комнаты на этаже были закрыты. Я чуть крепче взялся за нож, готовясь в любой момент пустить его в дело.

Надо было уйти. Надо было открыть какое-нибудь окно, ведущее либо во двор, либо на улицу и уйти оттуда прочь, потом – каким-то образом добраться до трассы, миновав всех заповолонивших Надеждинское мертвецов, а потом – пешком дойти до города. Конечно, и при таком раскладе был шанс погибнуть где-нибудь в пути, но... Но за каким чёртом надо было оставаться в этом проклятом доме?

Я тронул приоткрытую дверь и медленно её отворил. Передо мной предстал кабинет мэра: компактное, уютное пространство в тёмных тонах, с рабочим столом посередине и маленьким диванчиком у стены. Чудная комнатка. Как и все прочие комнаты особняка, она светилась роскошью: стол и стул рядом с ним были выполнены из дорогого дерева, назва-

ния которого я не знал, а маленький диванчик в зоне отдыха был утянут каким-то дорогим материалом, на который даже смотреть было приятно – не то что прикасаться к нему. На деревянном полу лежал небольшой ковёр, который был чуть скомкан, сбит и находился не в центре комнаты, как должен был, а возле того самого диванчика. По левую сторону от рабочего стола, была закрытая дверь, которая вела неизвестно, куда. На самом столе стояла большая радиостанция, которая и была источником звуков.

– Надежда, Надежда, это Карлсон, приём! – повторил вызов человек с престранным позывным.

– М-м-м-а-а-а, – ответил кто-то.

Я посмотрел налево и увидел ноги, торчащие из-за двери. Держа нож наготове, я резко зашёл за дверь, снова прикрыв её, и увидел Лёху, лежавшего в луже собственной крови. Действия мои были инстинктивными. Что сделали бы вы, увидев друга или просто хорошего знакомого стонущим и лежащим без чувств на боку? Первое, что приходит в голову – прийти ему на помощь. Наклониться к нему, потряхнуть за плечо и спросить:

– Эй, ты живой?

Так я и сделал.

– М-м-м-а-а, – ответил Лёха.

Его челюсть была свёрнута набок, нос был расплющен, а на один глаз, кажется, пришёлся удар такой силы, что он просто лопнул и вытек из глазницы. Его волосы были насквозь

пропитаны кровью и выглядели теперь так, будто были вылеплены из глины или пластилина. Он был мёртв. Но не до конца.

Едва я тронул его за плечо, он перевернулся на спину. Затем он широко раскрыл своей единственный уцелевший глаз и посмотрел им на меня. Я резко вскинул руку с ножом и приготовился нанести удар, который прекратил бы его мучения. Но Лёха – бедный Лёха, которого, должно быть, сегодняшней ночью окончательно доконала болезнь – оказался проворнее. Он кинулся на меня, и я промахнулся, ударив его ножом в щёку и распоров её. Мой кулак затем угодил ему прямо в зубы. Я поспешил отнять руку, чтобы он не успел сжать переломанную челюсть и укусить меня. Убрав руку, я отпрянул от него, чтобы увеличить расстояние между нами и занять более выгодную позицию для предстоящего боя. Лёха встал. Не выпрямляя спины, он побежал на меня и схватил меня так, как хватают своего соперника борцы, готовясь к броску. Такого я не ожидал. Он ухватил меня за пояс, продолжая толкать, и я потерял равновесие. Упав, я выронил нож и стал судорожно пытаться взять Лёху за голову, чтобы не дать ему вцепиться в меня зубами. Он шипел и тянулся ко мне. Мне удалось-таки взять его за шею. Лево́й рукой я держал его, а право́й пытался нащупать нож. Я рыскал по полу, но никак не мог его найти. Долго так продолжаться не могло: нужно было сделать что-то, иначе силы начнут покидать меня, и он сможет до меня дотянуться. Я ударил его ку-

лаком в висок, который, по всей видимости, кто-то уже повредил, пытаясь проломить Лёхе череп чем-то тяжёлым. Я ударил ещё раз, и он ослабил свой напор. Я снова попытался найти нож наощупь. Ничего: как сквозь землю провалился.

– Юля, сюда! – крикнул я в отчаянии. У неё тоже был нож, и я решил, что могу воспользоваться им.

Юля не растерялась и прибежала в считанные секунды. Услышав её шаги на входе в комнату, я сказал:

– Дай сюда нож!

Не сказав ни слова, она подбежала ко мне. Я протянул ей руку. Она вложила в неё свой нож, и я тут же ударил им Лёху в висок: в место, где черепная кость его уже треснула, и где имелась большая вмятина от удара тупым и тяжёлым предметом. Лезвие вошло в голову по самую рукоять. Лёха был мёртв. Юля оторопевшим взглядом смотрела, как я спихиваю его тело с себя и вытаскиваю нож из раны.

– Всё нормально? – спросил я её.

– Угу, – ответила она.

– Внизу никого не видела?

– Нет.

– Ладно.

– Надежда, Надежда, это Карлсон, приём! – повторил голос в динамике радиостанции.

– Кто это? – спросила Юля.

– Сейчас узнаем, – ответил я.

Мне понадобилось несколько минут для того, чтобы разо-

браться, как пользоваться этой штукой. В конце концов, я нашёл, куда нужно нажать, чтобы в кои-то веки выйти на связь с этим таинственным Карлсоном.

– Захар, это ты? – спросил я.

– Кто это? – спросил Карлсон.

– Это... Костя меня зовут. Ты меня не помнишь, наверное. Не суть. Ты где сейчас?

– Я? Где обычно: в лагере. Откуда знаешь, как звать меня? Где Гросовский? Вы как там, живые все вообще?

– Мы с тобой встречались как-то, когда ты тут ещё жил и на моторе на моём в патруль летал. Не суть. А мэр... Не знаю, где. Уехал, по ходу. Живые – есть. Но есть и мёртвые. Много мёртвых.

– Про это я в курсе. С воздуха ещё час назад всё плохо выглядело. Мы бы подмогу прислали, но... Но вся наша подмога с полей не вернулась, как, впрочем, и мэрские ребята. Обложили их. На связь не выходят. Похоже... Короче, не знаю. Думаю, если б они ещё живы были, у вас бы там по деревне мертвяки не бегали.

– Кто это такие? Откуда они, эти заражённые? Они какие-то... Другие.

– Да не другие – просто, скажем так, иной наружности. Такие же мёртвые, такие же тупые, просто свежие и полные сил. Это – подарок нам от международных партнёров наших, по всей видимости. Не знаю. Но сам видишь, что у них и цвет кожи другой, и волосы, и разрез глаз – всё.

– В каком смысле «подарок»? Я не понимаю.

– Я тоже нифига не понимаю. Несколько дней назад повадились летать самолёты. Летали целыми косяками, как птицы перелётные, и сбрасывали какую-то муть. Сначала думали, что гуманитарка какая-то или ещё что. Но оказалось, эти птицы перелётные на нас мертвечиной гадят. Причём серийно: пачками кидают. Про цель этого мероприятия можно только гадать. Я подозреваю здесь какие-то гибридно-военные игрища.

– В смысле?

– Ну, кто у нас там на юге соседи по планете? Густонаселённые страны с тёплым климатом, в которых мертвечины – пруд пруди. Правда, и выживших там тоже больше: чисто статистически. По слухам, в некоторых странах даже какие-то органы власти остались, где-то даже армия ещё функционирует. Они-то и принимают там волевые решения а-ля «загрузить сотню контейнеров трупами и сбросить вблизи населённых пунктов северного соседа».

– Но зачем?

– Эх, Костя, Костя... А зачем люди раньше гробили друг друга в мировых войнах и локальных конфликтах? Зараза заразой, а мир-то никуда не делся: остался таким же, каким и был всё это время. Это мы тут все думаем, что всё, конец, судный день, апокалипсис, человечеству крышка, прощай, жестокий мир. А мир тем временем живёт и здравствует, и стоит на тех же гнилых столпах, на которых стоял рань-

ше. Просто кто-то лапы вверх задрал, а кто-то свою выгоду извлекает. А выгода в данном случае простая: избавившись от своих мертвецов, избавиться и от живых в далёких северных странах, расчистив для себя жизненное пространство. Сейчас эти резвые твари, заброшенные сюда самолётами, по задумке должны тут всех перебить, а после – зима, морозы, и эти твари тут сами окоченеют, потеряв былую прыть. Затем – военная интервенция под благородным предлогом зачистки земель братского народа от замороженных трупов, и всё. Было ваше – стало наше. Короче, там долгая история, на самом деле, да и версий даже тут, у наших пацанов, несколько. Если встретимся ещё с тобой – обязательно об этом потолкуем. Сейчас о другом речь: как вытаскивать вас будем? В смысле, тебя и всех, кто в Надеждинском по домам сидит, прячется. Люди свободные у нас есть, и мы готовы хоть сейчас выдвинуться, только... Только, боюсь, нас там может оказаться мало. Судя по тому, что видно с воздуха, дела плохие. Надо большим отрядом заходить, а не силами пяти-шести человек воевать. И координировать всё надо с воздуха. Короче, нужно подключать Старкова и его людей. А это – тоже время. Понимаешь?

– Понимаю.

– Я к тому, что вам там придётся задержаться. Самое верное – просто сидеть и ждать, никуда не дёргаясь. Не думаю, что Старков откажется людей прислать: всё-таки, дело серьёзное. Если только у них самих там не творится какая-ни-

будь ерунда. И не окажется так, что им сейчас будет не до этого. Как-то так. Не обессудь, но придётся тебе какое-то время посидеть там взаперти. Кстати, ты там один? Как обстановка в доме вообще?

– Со мной ещё человек. Ребёнок. Обстановка – не знаю. Тут как будто бы что-то произошло перед тем, как мэр уехал. Какая-то...

– Костя!!! – взвизгнула Юля и дёрнула меня за ногу.

Я посмотрел на неё.

– Что такое?

Она не отвечала. Лицо её было бледным, глаза – круглыми от ужаса. Она смотрела в сторону входа в кабинет. Я перевёл взгляд туда же и увидел мальчишку ростом примерно с мою юную спутницу. У мальчика было перегрызено горло. С лестницы в холе второго этажа слышались шаги. Несколько пар ног топали, взбираясь наверх и, по всей видимости, то и дело запинаясь о ступеньки. Секунду спустя к мальчику с укусом на шее присоединилась девчонка лет восьми с оторванным ухом и огромной ссадиной на лбу. Вот-вот их должно было стать ещё больше. И ещё, и ещё, и ещё. Ни мальчик, ни девочка не двигались с места. Они просто стояли там и смотрели на нас своими безжизненными глазами. Почему они не атакуют? Наверное, ждут, пока подспеют остальные. Чтобы добыча была общей. А может, они ждут, пока мы первыми предпримем что-либо. Хотят напасть тогда, когда мы бросимся бежать, и радость от охоты подластится азартом

погони за дичью.

Голос Захара продолжал звучать в динамике. Он всё ещё что-то там говорил и рассказывал, но я его больше не слушал. Я посмотрел на закрытую дверь рядом со столом и решил, что это – наш единственный шанс. Если она окажется заперта, то... То остаётся только окно, в которое я вытолкну Юлю, отдав самого себя на съедение этим голодным волчатам. На то, чтобы выпрыгнуть нам вдвоём, у нас попросту не хватит времени. Господи, пусть эта треклятая дверь окажется открытой!

– Юля, давай за мной сейчас, быстро. На счёт «раз», поняла? – шёпотом сказал я.

Она никак не отреагировала.

– Пошли! – сказал я и схватил её за капюшон толстовки.

Мальчишка с перегрызенным горлом бросился к нам. Его примеру последовала безухая девочка и другие мертвечата, уже подоспевшие ко входу в кабинет. Я схватился за ручку двери и повернул её. Ручка поддалась, я толкнул дверь, и мы вместе с Юлей влетели в ту самую тайную комнату, скрывавшуюся за ней.

Тайной комнатой оказалась ванная. Огромная, просторная ванная с джакузи и белым кафелем. Едва я захлопнул за нами дверь, Юля взвизгнула: к ней, простирая вперёд окровавленные руки, бежал высокий, атлетического телосложения мужчина с аккуратной короткой стрижкой и с бешеными, полными звериной ярости глазами. Я не сразу узнал в

нём Гросовского. Я вообще в нём никого не узнал: в ту секунду это была лишь огромная, стокилограммовая угроза, надвигавшаяся на девочку, которую некому больше было защитить, кроме меня. Гросовский почти добрался до Юли, но я успел оттолкнуть его и прижать к стене. Всё происходило быстро. У меня не было времени, чтобы правильно схватить его, не подвергая самого себя опасности. И я сам – фактически сам – подставил своё запястье под его зубы.

Вдруг – боль. Жгучая и одновременно сдавливающая руку боль, от которой из глаз полетели искры, в полёте превращавшиеся в маленькие белые точки, хаотично перемешивавшиеся между собой и застилавшие взор ярким светом. Ужас охватил меня с головой, едва я увидел, как труп Гросовского прокусывает мою руку, и как из-под его зубов сочится моя собственная кровь. Следом меня охватило отчаяние. Потом – ярость. Я вскинул нож и принялся бить им бывшего мэра в лицо. Я не целился – просто бил. В глаз, в лоб, по переносице – везде, куда могло попасть остриё. Я бил его и истошно кричал, позабыв про всякую осторожность и про то, что криком своим я лишний раз дразню тех, кто стучится сейчас в дверь ванной со стороны кабинета. Потом, когда Гросовский ослаб и, кажется, умер, я повалил его на кафель. Я взял его за шею и стал бить затылком о пол. Потом я бил его голыми руками, пока его голова не превратилась в одну большую отбивную. Но этого мне, всё же, было мало: после отбивной я хотел увидеть фарш, а потом – пюре, пусть даже и с комоч-

ками. В исступлении, я уничтожил голову городского главы – некогда важной шишки, торговавшей своим лицом со всех телевизионных экранов города. Когда от верхней части его лица почти ничего не осталось, я заметил на его шее след от укуса. И вдруг силы покинули меня. Я заплакал, а потом – залился смехом, окончательно впав в истерику. Юлия тоже рыдала. Снаружи по двери колотили несколько маленьких кулачков, петли ходили ходуном, и от того, чтобы быть растерзанными в клочья, нас отделял лишь ничтожный дверной замок и ручка, которую, казалось, кто-нибудь вот-вот возьмёт и повернёт в нужную сторону. И тогда всё закончится.

Когда я пришёл в себя, я нажал на маленькую кнопочку в дверной ручке, которая сделала её неподвижной. Хоть что-то. Мёртвые дети какое-то время продолжали ломиться к нам, но вскоре бой их кулачков стих, и мы, наконец, вздохнули с облегчением. Позже я убрал труп Гросовского в джакузи и накрыл его найденными в здешних шкафах халатами и полотенцами, спрятав его изуродованное тело от Юлиных глаз. Да и от своих – тоже.

В ванной нашлась аптечка. Её содержимого хватило, чтобы обработать и перевязать рану. Там же я нашёл и всевозможные таблетки, которые начал есть горстями, едва почувствовав первые симптомы заражения. После укуса прошли ровно сутки, а я всё ещё жив. Только толку от этого – чуть. Скоро я умру, и, если мы останемся в этой

комнате, я убью Юлю. Само собой, я крепко привязал себя к батарее жгутом и тряпками, но надолго ли этого хватит? И сможет ли всё это сдержать того, кем я стану всего через несколько часов?

Юля всё ещё спит там, в углу, возле раковины. Я постелил для неё полотенца, чтобы она не замёрзла на холодном полу. Тут чертовски холодно. Небольшое оконце под потолком мы держим открытым, чтобы впускать свежий воздух. Ах, если бы оно было чуть побольше, и Юля могла бы пролезть в него! Да, может, она здорово ушиблась бы, падая со второго этажа, но зато ей не пришлось бы оставаться тут, с тем, во что я вскоре превращусь. Увы, окошко настолько мало, что в него пролазит только её голова.

После того, как мы отчаялись найти выход, я посвятил всего себя тому, чтобы её успокоить. Ничего, говорю, не переживай, ребёнок, всё обойдётся. Скоро приедут добрые дяди военные и спасут тебя.

– А тебя спасут? – спрашивала она.

– И меня спасут, – врал я.

Никто за нами не придёт. Никто нас не спасёт. Те выстрелы, что я слышал снаружи – это, скорее всего, местные, отстреливавшиеся от трупов. Они даже не знают, что мы здесь. Мы пробовали кричать – бесполезно. Если кто-то и слышал нас, то не пришёл на помощь. Их можно понять: у них и самих проблем по горло.

Только Захар знает о том, что мы застряли в доме Гро-

совского. И я всё ещё надеюсь, что он приведёт сюда хотя бы тех самых пятерых человек, о которых он говорил по радио. Не надо бронемашин, не надо пулемётов, не надо автоматных очередей и тотальной зачистки – только вытащите её отсюда и не дайте мне убить её после того, как я превращусь в тварь, не желающую ничего, кроме смерти всему живому.

Само собой, я не собираюсь и дальше оставаться здесь. Это было бы нечестно по отношению к ней. Как только я закончу писать, я намерен выйти наружу и попробовать расправиться с теми бедняжками, с которыми кто-то расправился задолго до того, как мы сюда пришли. Перебить их вряд ли получится, поэтому попробую их хотя бы отсюда увести. Может, выведу их на улицу, а может – запру вместе с собой в какой-нибудь комнате этого дома. Да, так, пожалуй, будет лучше всего: нечего им разгуливать там и доставлять неприятности соседям. Не думал, что умру вот так: что меня буквально, без всяких метафор сожрёт поедом орава голодных спиногрызов. Но что тут поделаешь.

Дневник свой я оставляю тебе, Юля. Ты же, вроде, должна уже уметь читать, так? Все мои записи тебе просматривать не обязательно – только этот отрывок, который я сейчас вывожу иссякающей ручкой на предпоследней странице, и который я оставляю открытым, когда уйду. Возьми эту книгу с собой и попытайся её сохранить. Для меня это очень важно, и я буду очень благодарен, если ты это сде-

лаешь. Взамен я сделаю всё возможное, чтобы ты выбралась отсюда живой. Если доберёшься до города – найди Иру и отдай ей эту тетрадь. Мы с ней так и не попрощались, так что передавай ей привет. А впрочем, лучше покажи ей следующий абзац.

Ира, мне не хочется писать тут никаких прощальных писем, потому что письма с долгими и слёзными прощаниями – самое скверное чтиво. Не хочу, чтоб ты грустила. Надеюсь, ты и не будешь. Ну, разве что только чуть-чуть. Я люблю тебя. Знаешь, трудно сказать, любил ли я тебя по-настоящему раньше. Даже когда я пробирался к тебе через орды мертвецов в центре, сомневаюсь, что делал я это не только лишь из любви к себе и из желания оказаться рядом с кем-то, кто до всего этого безумия был мне близок. Но за всё время, что мы провели с тобою вместе в этом новом мире, мне кажется, я узнал тебя по-настоящему. И по-настоящему полюбил. Ты сильная, смелая и дерзкая. Оставайся, пожалуйста, такой. Выживи всем назло и покажи этому паршивому миру, чего ты стоишь. Прости, что всё так вышло. Если бы я знал, что тогда, после завтрака, мы с тобой прощаемся навсегда... Ладно, не будем об этом. Может быть, ещё увидимся: я всё ещё лелею призрачную надежду на это. Да, и на случай, если этот дневник и впрямь попадёт к тебе – береги себя. Мир безумен, но похоже, что вскоре он грозит стать ещё более сумасшедшим. Все эти междоусобицы посреди ада на земле, борьба за власть и контроль над

клочками территории и остатками прежней инфраструктуры. Всё то же самое, только масштабированное до планетарной плоскости: войны между былыми могучими державами за передел мира и за то, каким он будет после того, как сгинут последние мертвецы. В общем, ты пережила страшное, но впереди, кажется, будет ещё много всякой жути. Так что будь начеку. И постарайся сделать всё от тебя зависящее, чтобы, когда придёт время, начать строить такое будущее, до которого будет хотеться дожить. Кстати, можешь попробовать как-то вразумить всех этих большезвёздных полковников, которые вот-вот утонут сами и утопят всех вокруг в водовороте бестолковой грызни между собой. Я знаю, ты это можешь.

План у меня примерно следующий: нужно собраться с силами, встать и для начала попытаться не упасть в обморок. Самочувствие серьёзно ухудшилась: температура переросла в жар и скоро, наверное, я начну терять сознание, а затем – стану совсем беспомощным. Ноги и руки, ослабевшие донельзя уже сейчас, совсем станут ватными. Нужно подняться и выйти наружу, обязательно затворив дверь. Там – каким-то образом увлечь за собой этих мелких мёртвых сорванцов, жаждущих крови, и отвести их куда-нибудь, где их можно было бы запереть, не дав вольготно разгуливать по дому. Так ты, Юля, сможешь выйти наружу, прежде прочего обыскав особняк как следует и найдя себе что-нибудь, при помощи чего ты сможешь защитить себя

на дороге. Я пока не знаю, где я их всех запру, поэтому договоримся так: видишь закрытую дверь – не открывай её. Вот и всё. Как только найдёшь себе оружие для подстраховки – выходи на улицу и беги что есть сил к трассе, как я тебе уже говорил. Старайся не попадаться мёртвым на глаза и не шуметь. Видишь заражённого – обходи за километр. Да, и перед выходом подкрепись чем-нибудь: в холодильнике или в кухонных шкафах ты наверняка найдёшь что-нибудь питательное. Путь до города не близкий, и силы тебе понадобятся. Ну а я...

Как запру детишек, и, если не придётся для этого дать себя сожрать, пойду на улицу и постараюсь переманить на себя как можно больше тварей с улицы. Доведу их до трассы, а там – заманю в ближайшую лесопосадку и как-нибудь от них оторвусь. Звучит как фантастика, но почему бы не помечтать? Дальше, если всё получится, попробую найти на трассе машину. Если найду – вернусь за тобой, и мы вместе поедem в город. Там я отдам тебя военным и попрошу не убивать меня и дать в последний раз увидеться с Ирой. Думаю, свидание наше будет недолгим даже при самых лучших раскладах. Ну а потом – снова сяду за руль и, может быть, поеду в сторону дома, где я раньше жил, и где раньше жили мои родители. Я там давно не был.

Двадцать девятое июля. Одиннадцать лет с начала вымирания.

Позволю себе смелость оставить здесь эту запись в качестве эпилога.

В позапрошлом году мне исполнилось столько же, сколько было Константину, когда он погиб. Ровно тогда я и дала себе зарок вдохнуть в его записи новую жизнь, превратив их во что-то стоящее. Не знаю, получилось у меня или нет, но во всяком случае, теперь они существуют не только на бумажном носителе и не только в виде истрёпанных временем и приключениями старых тетрадок. От первоначального текста тут мало что осталось: сами записи были обрывочными, а подчас – трудночитаемыми из-за того, что паста или карандаш стёрлись под воздействием влаги или других естественных факторов. Так или иначе, общая фабула осталась нетронутой. Всё, через что прошёл Константин с самых первых дней и до своего последнего дня, было в неизменном виде перенесено сюда, в эту книгу. Разумеется, кое-где мне пришлось что-то додумать за него, где-то – чуть приврать, но в основе своей история осталась подлинной. За это я могу ручаться лично: многое из описанного им – а затем переписанного мной – я видела своими глазами.

Я многим обязана Константину: если бы не он, неизвестно, дожила бы я до сегодняшнего дня или нет. Во многом благодаря его последним усилиям я и смогла выбраться из той западни, в которую мы тогда угодили вместе. Любопытно было позже прочесть его дневник и взглянуть на всё происходившее его глазами. И я рада, что теперь мир пер-

вых дней вымирания сможете увидеть его глазами и вы, дорогие читатели и постоянные гости нашей скромной Кронштадской библиотеки. У каждого из нас с вами есть истории родных, близких и друзей, не доживших до сегодняшнего дня, но также, как и мы, переживших весь тот ужас, который был неразлучным спутником наступления нового порядка вещей. Многие – большинство – этих историй обречены так и остаться всего-то в нашей памяти и в лучшем случае передаваться из уст в уста, из поколения в поколения в виде сжатых, обрывочных фрагментов и зарисовок из жизни, которая совсем скоро – уже для наших детей – будет казаться дикой, непонятной и чуждой. Это замечательно, что им не суждено будет никогда столкнуться лицом к лицу с безжизненным телом, движимым одним только желанием высосать из тебя саму жизнь. Им не суждено будет увидеть улицы, наводнённые ходячими трупами, и не суждено познать тот животный страх, который раньше не выпускал нас за стены собственных квартир. И это – славно. Однако же, на мой взгляд, нелишним для них было бы узнать – хотя бы понаслышке – о том, какая беда обрушилась в своё время на нас – людей прошлого.

Если история Константина вдохновит хотя бы одного из нас – переживших войну с мертвецами – внимательно изучить истории своих погибших близких или, скажем, когда-нибудь сесть уже за собственные мемуары, значит, мою миссию и миссию этой книги можно будет считать

выполненной. Лично я свою историю – от первых дней и до дня сегодняшнего – непременно как-нибудь расскажу. Но для начала нужно разделаться с этой повестью: оформить всё, сверстать, переплести – словом, много ещё работы. Перво-наперво надо найти, наконец, в недрах библиотеки постоянное пристанище для этой тетради. Прежде этого, думаю, нужно заново сшить листы и сменить обложку. Очень уж она вся потрёпана.

КОНЕЦ